

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПИЧЕТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025: ПОДВИГ НАРОДА БЕССМЕРТЕН

**Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне**

Минск, 24 октября 2025 г.

Минск
БГУ
2025

УДК 93/94(06)
ББК 63я431
ПЗ6

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *А. Г. Кохановский* (гл. ред.);
доктор исторических наук, профессор *Л. С. Белоусов*;
доктор исторических наук, профессор *В. С. Кошелев*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Темушев*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Ходин*;
кандидат исторических наук, доцент *А. Е. Веремейчик*;
кандидат исторических наук, доцент *Т. Д. Гернович*;
кандидат исторических наук, доцент *Н. В. Кошелева*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Л. Лакиза*;
кандидат исторических наук, доцент *А. И. Маскевич*;
кандидат исторических наук, доцент *В. В. Репин*;
кандидат исторических наук, доцент *О. В. Солопова*;
кандидат исторических наук, доцент *М. Ф. Шумейко*;
кандидат исторических наук, профессор *О. А. Яновский*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Д. С. Лавринович*;
доктор исторических наук, профессор *С. П. Стренковский*

Пичетовские чтения – 2025: подвиг народа бессмертен : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечеств. войне, Минск, 24 окт. 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 623 с.

ISBN 978-985-881-883-8.

Представлены материалы белорусских и зарубежных историков, посвященные вопросам истории Великой Отечественной войны, сохранения исторической правды о вкладе белорусского народа в победу над нацизмом. Рассмотрены актуальные проблемы белорусской и всемирной истории, университетоведения, документалистики, археологии и этнографии в свете источников, научной традиции и исследовательских новаций.

**УДК 93/94(06)
ББК 63я431**

ISBN 978-985-881-883-8

© БГУ, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году, традиционный научный форум, проводимый в канун дня рождения университета и факультета, был посвящен ключевой мемориальной дате — 80-летней годовщине Победы Советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах, принесшей народам Европы и мира свободу от фашизма. Память об этом событии, а также вкладе нашего народа в борьбу с нацизмом обусловило выбранную тематическую направленность «Пичетовских чтений» в 2025 г. В ознаменование 80-й годовщины Победы в рамках секционного заседания «Великая Отечественная война в научном осмыслении, педагогической практике и традициях увековечения исторической памяти о народе-победителе» участники конференции обратились к научному анализу широкого круга проблем истории Великой Отечественной войны как на территории Беларуси, так и в широком международно-политическом измерении событий Второй мировой войны.

Проблемное поле конференции охватило и другие широкие сегменты научной проблематики, объединённые в тематические секции: «Развитие Белорусского государственного университета в контексте мировых университетских традиций»; «Белорусская история в источниках, научной традиции и исследовательских инновациях»; «Актуальные проблемы современной исторической науки и образования»; «Архив и документ в культуре, науке, образовании и государственном управлении» и «Этнокультурное и археологическое наследие Беларуси».

Стартовала работа конференции с пленарного заседания, проведенного в актовом зале исторического факультета БГУ. С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратились проректор по научной работе БГУ А. В. Блохин и декан исторического факультета А. Г. Кохановский. В списке почетных гостей выступили директор Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Беларуси О. Л. Воинов, директор Института истории Национальной академии наук Беларуси В. Л. Лакиза и заместитель декана исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова О. В. Солопова.

В пленарном докладе декан исторического факультета А. Г. Кохановский обозначил актуальные вызовы для белорусской исторической науки и задачи, которые стоят перед историками БГУ. Другие выступления на пленарном заседании затрагивали вопросы вклада первого ректора БГУ В. И. Пичеты в научную и просветительскую деятельность в годы Великой Отечественной войны, современных методических тенденций в использовании визуального исторического материала о войне на уроках истории,

актуальных региональных ориентиров для внешней политике Республики Беларусь, эволюции и перспектив использования искусственного интеллекта с учетом законодательных тенденций на постсоветском пространстве.

В конференции приняло участие более 150 участников, представивших образовательные и научные центры Республики Беларусь, Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Совместная работа на секциях объединила историков столичных и региональных университетов Беларуси (Белорусский государственный университет, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ГУО «Академия образования», Белорусский национальный технический университет, УО «Белорусский государственный экономический университет», ГУО «Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», УО «Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины», УО «Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова» и др.). Участники конференции представили научные центры Республики Беларусь ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», ГУ «Национальный архив Республики Беларусь», ГУ «Национальный исторический архив Беларуси», «Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства», «Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела». В конференции приняли участие международные партнеры Белорусского государственного университета: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский городской педагогический университет, Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова и другие.

Большой интерес к конференции был проявлен со стороны студентов и магистрантов исторического факультета БГУ и других вузов Республики Беларусь. Отметим, что с докладами выступили обучающиеся на историческом факультете магистранты и аспиранты из Китайской Народной республики.

Уверенно можно сказать, что «Пичетовские чтения — 2025» в очередной раз продемонстрировали разнообразность научных приоритетов исследователей Беларуси и России, их направленность на разработку актуальных проблем современной исторической науки. На конференции состоялись научные дискуссии, обмен опытом исследовательской и педагогической деятельности. Все участники были проникнуты благодарной памятью к советским воинам-победителям, их бессмертным подвигам. И 80-летие Великой Победы позволило исследователям актуализировать свои научные интересы, обратившись к малоизученным страницам истории важнейшего события национальной и мировой истории — Великой Победы.

Редколлегия

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРОРЕКТОРА ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ БГУ ПРОФЕССОРА А. В. БЛОХИНА

Уважаемые участники конференции, коллеги!

Сердечно рад приветствовать Вас на Международной научно-практической конференции «Пичетовские чтения — 2025: подвиг народа бессмертен (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне)».

Приятно отметить, что с 1978 г. «Пичетовские чтения» стали для Белорусского государственного университета доброй традицией, которая позволяет нам отдать должное памяти первого ректора университета В. И. Пичете. Символично, что в этом году конференция вновь проводится в месте, где начал свою работу наш университет, где размещался «Дом № 1 БГУ», на месте которого сейчас располагается модернизированное здание исторического факультета. На стендовых экспозициях, размещенных в коридорах корпуса, представлена история белорусского образования и университетской традиции, прежде всего — через имена и фотографии выдающихся ученых БГУ, стоящих у истоков белорусской науки. «Пичетовские чтения» способствуют не только сохранению памяти об истории университета, но и отражают преемственность научных школ, исследовательских традиций, связывают поколения интеллектуальной элиты Беларуси.

Проведение нынешних «Пичетовских чтений — 2025» в этом году посвящено знаковой для всей Беларуси юбилейной дате — 80-летней годовщине Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это заставляет нас еще раз осмыслить вклад преподавателей, сотрудников и студентов БГУ в послевоенное восстановление и современное развитие белорусской исторической науки и образования, миссию нашего Университета в белорусском государстве и мировом сообществе в целом. Я надеюсь, что представленные сегодня доклады будут способствовать укреплению исторической памяти об основоположниках белорусского образования и науки, заложивших фундаментальные основы для развития нации и страны, определивших вектор и источник единства нашего общества. Весьма важно, что академическое сообщество Белорусского государственного университета активно задействовано в реализации гражданско-патриотической миссии сбережения памяти о Великой Победе для потомков, недопущении фальсификации истории.

Надеюсь, что полученные в ходе научно-практической конференции результаты будут полезны всем участникам и, в первую очередь, молодым специалистам, а предложенные рекомендации действительно найдут своё применение в практической деятельности.

Желаю всем участникам и организаторам конференции плодотворной работы, конструктивного диалога и эффективного взаимодействия!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ДЕКАНА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ ПРОФЕССОРА А. Г. КОХАНОВСКОГО

Уважаемые коллеги, участники конференции, гости! Очень рад видеть Вас в стенах исторического факультета на нашей, ставшей уже традиционной, конференции «Пичетовские чтения». 2025 г. является годом 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, и сегодняшнюю конференцию можно безусловно отметить как одно из ключевых событий цикла памятных мероприятий, проведённых на историческом факультете.

Наш научный форум своим названием «Пичетовские чтения — 2025: подвиг народа бессмертен (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне)» подчеркивает особую миссию сохранения и защиты исторической правды, которую исторический факультет осуществляет с момента своего основания на благо белорусского государства и народа.

Победа в Великой Отечественной войне выражает огромную силу белорусского народа, который никто в истории не смог завоевать и поработить. На стратегическом фундаменте Победы белорусы создали свое независимое и суверенное государство — Республику Беларусь. Белорусский народ является Народом-Победителем, а Республика Беларусь — Страной-Победителем в Великой Отечественной войне. Осознание Победы и самосознание Победителя — важнейший фактор единения и консолидации народа нашей страны, укрепления социальной сплоченности общества, формирования гражданской идентичности и патриотизма, усиления национальной безопасности и государственности. В сознании белоруса закрепились особая значимость Победы, особая ценность мира и мирного развития.

Научная деятельность исторического факультета вносит свой вклад в реализацию государственной исторической политики, способствует выработке актуальных подходов к историческому образованию в высшей и средней школе, занимается укреплением государственных исторических концептов освещения «белых пятен» отечественной истории. Приоритетные направления исследований по гуманитарным наукам отражены в научных публикациях сотрудников, тематике дипломных и диссертационных работ наших нынешних студентов, магистрантов и аспирантов. Коллектив историков БГУ стал автором современных учебных пособий «История белорусской государственности» для учреждений высшего и среднего специального образования и «История Беларуси в контексте всемирной истории» для учащихся 10 и 11 классов общеобразовательных школ нашей страны. Многочисленные патриотические, просветительские и научно-образовательные проекты исторического факультета актуализируют сохранение

исторической памяти и историко-культурного наследия белорусского народа. Особое место в тематической направленности наших проектов занимают вопросы, связанные с историей белорусской государственности и подвигом белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

В этом контексте бережное отношение к истории нашего университета неотделимо от глубокого изучения и научного осмысления героического пути, пройденного белорусским народом в XX в. Празднование юбилея Великой Победы служит тщательному изучению накопленного в республике опыта в развитии исторического образования и исторической науки, дальнейшей разработке теории и практики сохранения исторической памяти.

Историческое образование всегда играло и продолжает играть важную роль в белорусском обществе и государстве, особенно в контексте укрепления национальной идентичности, понимания значимости изучения исторического наследия и воспитания чувства патриотизма у молодежи. Первый ректор БГУ академик В. И. Пичета придавал большое значение не только научной, но научно-организаторской, просветительской и патриотической деятельности, что нашло отражение в его деятельности в годы Великой Отечественной войны.

Современное историческое образование в Беларуси продолжает развиваться с учетом динамики общественных и политических условий, сохраняя при этом заложенные В. И. Пичетой и многими другими белорусскими историками высокие стандарты академической глубины и объективности. Оно помогает молодому поколению лучше понимать как отечественную, так и мировую историю, создавая, таким образом, основу для формирования активной гражданской позиции.

Мы рады приветствовать всех участников конференции. Уверен, что «Пичетовские чтения — 2025» внесут заметную лепту в развитие национальной историографии. Желаю участникам плодотворной, творческой и успешной работы!

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БГУ: СТОЛЕТИЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

А. Г. Кохановский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, kohanovsky@bsu.by*

В статье дана характеристика становления научных школ исторического факультета Белорусского государственного университета, формирование его как ведущего центра исторической науки и образования Беларуси. Сквозь призму столетних традиций дан анализ современного состояния исторического факультета и приоритетов его дальнейшего развития в условиях тех вызовов, которые стоят перед Республикой Беларусь и системой университетского образования нашей страны.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; исторический факультет; научные школы; историческая наука.

THE FACULTY OF HISTORY OF THE BSU: CENTENARY TRADITIONS IN THE CONDITIONS OF MODERN CHALLENGES

A. G. Kakhanouski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kohanovsky@bsu.by*

The article describes the formation of scientific schools of the Faculty of History of the Belarusian State University and the development of the Faculty of History as a leading center of historical science and education in Belarus. Through the lens of centenary traditions the analysis of the current state of the Faculty of History and the priorities for its further development in the conditions of challenges facing the Republic of Belarus and our country's university education system is provided.

Keywords: the Belarusian State University; the Faculty of History; scientific schools; historical science.

В начале XXI в. многие страны Центральной и Восточной Европы получили собственный опыт политического использования истории. Активизировалась здесь разработка исторической политики, в первую

очередь ее патриотических основ, и происходило это в интересах определенных политических сил. Роль истории, исторического образования в современном обществе возрастает. В геополитических реалиях сегодняшнего дня одной из важнейших задач обеспечения государственного суверенитета Республики Беларусь, информационной безопасности нашей страны закономерно стало укрепление исторической памяти белорусского общества. На совещании по вопросам реализации исторической политики 6 января 2022 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Мы должны признать, что страницы отечественной истории превратились в информационное поле боя. И случилось это не сейчас. Сегодня историческая политика является для нас стратегией самосохранения в условиях глобального передела сфер влияния в мире. Это фактор национальной безопасности» [1]. Глава государства особо подчеркнул, что в Беларуси пресекали любые проявления, идеи, дискриминирующие историю, культуру и другие народы. В стране также не вели войны памяти в целях укрепления своей государственности, старались не задеть национальные чувства тех, с кем когда-то жили в единых государствах.

В этой связи одной из важнейших задач является сохранение основных смысловых ориентиров собственной исторической памяти как важнейшего фактора стабильности белорусского общества, обеспечения информационной безопасности нашей страны. В этом заключается одна из важнейших задач историков, в том числе университетских.

Исторический факультет Белорусского государственного университета имеет более чем столетнюю традицию. История стала предметом обучения и изучения с первых дней работы университета. Первая лекция 30 октября 1921 г. была прочитана здесь именно по истории. Многие из первых профессоров-историков были уникальными по широте своих научных интересов, обладали фактически энциклопедическими познаниями. Уже на начальном этапе определились важнейшие научные направления изучения: история Беларуси, изучение археологического наследия и материальной культуры Беларуси, история античности, история международных отношений и др.

В 20-е гг. XX в. научная квалификация и сфера интересов преподавателей-историков во многом определили структуру организации учебного процесса. Преподавание различных исторических дисциплин было достаточно мозаичным, однако в сумме своей они охватывали важнейшие разделы истории. Новый импульс развития историческая наука и образование получили после создания в 1934 г. исторического факультета.

В советский период исторический факультет формировался прежде всего как центр изучения гражданской истории — истории СССР и БССР,

всеобщей истории, специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Формирование научных школ на историческом факультете с самого начала было связано с потребностями организации учебного процесса, подготовки квалифицированных кадров-историков. В то время исторический факультет был сравнительно небольшим. В 80-е гг. XX в. в структуре факультета было 6 кафедр, на которых работало около 55 преподавателей. Однако каждый из них по сфере своих научных интересов был уникален и закрывал определенное научное направление.

Современный исторический факультет БГУ объединяет 9 кафедр, «которые по своему профилю охватывают практически весь спектр исторического знания, в том числе такие уникальные для нашей страны отрасли как история стран арабского Востока, Латинской Америки и др. На факультете сформированы научные школы по истории белорусской государственности, социальной истории Беларуси, истории России, германистике, истории стран Ближнего Востока и Северной Африки, историографии и источниковедению и др.» [2, с. 92]. На факультете сегодня работают около 100 преподавателей, в том числе 12 докторов наук и свыше 60 кандидатов наук.

С первых дней работы факультета сформировались научные направления, отдельные из которых со временем выросли в научные школы, которые формировались годами, десятилетиями. Это плод совместных усилий десятков ученых. Сегодня их важно поддерживать и сохранить. В противном случае возрождение и создание заново потребует гораздо больших усилий.

Научная школа — это преемственность традиций, научных знаний, опыта их приобретения и расширения, это коллектив, нацеленный на результат, обращенный в будущее. Непременным атрибутом ее является взаимное уважение и, прежде всего, к Учителю. Для научной школы мало научиться приобретать новое научное знание, важно иметь моральный стержень, традиции. Научную школу сложно атрибутировать по формальным признакам, ее можно разглядеть в неуловимой на первый взгляд высокой духовно-профессиональной связи Учитель — Ученик. Сохранение преемственности традиций поколений историков, научных школ — одна из важнейших задач сегодняшнего исторического факультета.

Учитывая внимание соседних стран по расширению и популяризации исторического знания, формированию и отстаиванию собственной политики памяти, артикуляции ее во вне, историческому научно-педагогическому сообществу Беларуси, в том числе исторического факультета БГУ, необходимо расширить деятельность по формированию устойчивых, узнаваемых образов национальной истории, памяти среди широких слоев населения страны, усилить работу по представлению целостного и

полноценного видения исторического прошлого Беларуси во вне и, в первую очередь, в соседних государствах. Необходимо противодействовать давним и современным попыткам со стороны отдельных историков стран-соседей приватизировать некоторые сюжеты белорусской истории. «В руках политтехнологов прошлое стало современным инструментом мягкой силы, с помощью которого обосновывается и осуществляется формирование новой политической реальности, создавая реальные и потенциальные угрозы национальной безопасности Республики Беларусь» [3, с. 122].

Для Беларуси является крайне актуальным продвижение на национальном и международном уровнях собственного образа прошлого, что представляется необходимым условием конструирования и обоснования своего места и роли в современном политическом пространстве. Причем утверждение в сознании, памяти жителей Беларуси, в современном академическом, информационном пространстве страны собственной, объединяющей все слои населения, национально-государственной парадигмы истории является необходимой предпосылкой ее проецирования во вне, признания ее суверенности в соседних и иных государствах.

Укрепление исторической памяти в белорусском обществе не исключает, а даже предполагает противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, формирование у граждан Беларуси позитивного исторического сознания, в том числе в контексте устойчивости навязываемым извне «войнам памяти».

Для многих государств Центральной и Восточной Европы характерно активное участие политических элит в формировании нужных для них исторических мифов и нарративов, которые рассматриваются как мощный инструмент строительства государства, обеспечивающий его внутреннюю и внешнюю легитимность, консолидацию общества. В этой связи важным направлением на сегодняшний день деятельности исторического факультета представляется деятельное участие в расширении белорусскими исследователями представления о концепции отечественной истории в учебной и научной литературе, разработка малоизученных и дискуссионных вопросов, популяризация через СМИ исторического знания и смысловых акцентов, соответствующих выработанной национально-государственной парадигме видения исторического прошлого Беларуси. Научно-просветительская деятельность, широкое распространение достоверных знаний об историческом прошлом белорусского народа по-прежнему остаются актуальной задачей для историков. В рамках данной задачи не менее значимым является трансляция собственного исторического нарратива на внешнем контуре Беларуси, в том числе для белорусской диаспоры.

На сегодняшний день для белорусских историков актуальной задачей является выработка исторической терминологии, которая особенно значима для концептуального осмысления исторического прошлого Беларуси. Используемый терминологический аппарат всегда имеет определенную концептуальную, оценочную ценность и часто даже общественно-значимую, этнополитическую окраску. Несмотря на поиски и применение в осмыслении национальной истории различных парадигм, белорусские историки нередко не задумываются над теоретическими вопросами истории и применяемым понятийным аппаратом. Нередки случаи неправильного его использования и соответственно выстраивания оценок исторических процессов, фактов, личностей вследствие осовременивания истории, вне рамок понимания изучаемой исторической эпохи, ее особенностей, что в свою очередь становится предметом различных спекуляций. Разработка и правильное использование исторической терминологии крайне важны для сохранения и укрепления исторической памяти.

Формирование пантеона национальных героев, внесших наибольший вклад в развитие белорусской государственности, также важно для сохранения и укрепления исторической памяти, формирования консолидирующих морально-ценностных ориентиров в белорусском обществе. От того, кто эти герои, какова их роль в истории Беларуси зависит во многом оценка исторических процессов, нашего прошлого.

В укреплении исторической памяти важную роль играет реализация мероприятий и проектов гражданско-патриотической направленности, организация экскурсий в музеи и места памяти о героическом прошлом белорусского народа. Реализация воспитательной функции, формирование патриотических чувств среди студенческой молодежи относится к числу актуальных и важнейших задач преподавателей и сотрудников исторического факультета, наряду с образовательной, исследовательской и экспертно-аналитической деятельностью. Опыт показывает, что достичь хороших и устойчивых результатов в распространении исторического знания, укреплении исторической памяти, в особенности в молодежной среде, можно через вовлечение ее в поисковую, научно-исследовательскую деятельность, участие в мероприятиях гражданско-патриотической направленности с целью формирования активной гражданской позиции [4].

В заключение, помимо выше сказанного, важно также подчеркнуть, что «сегодня в нашей стране остро ощущается дефицит специалистов по истории и культуре стран и народов Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии. В данной направлении работают единичные эксперты (на историческом факультете БГУ и в некоторых других учебных заведениях страны). Существует потребность проведения исследований в

данных областях. Перспективным решением видится разработка образовательных программ совместно с российскими (прежде всего с МГУ имени М. В. Ломоносова) и китайскими университетами. Опыт коллектива исторического факультета БГУ в данном случае может быть очень востребован» [5, с. 11]. Особую значимость в этой связи приобретает проведение историками факультета не только фундаментальных исследований, но и использование их результатов в экспертно-аналитической деятельности.

Библиографические ссылки

1. Совещание по вопросам реализации исторической политики 6 января 2022 г. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-realizacii-istoricheskoy-politiki> (дата обращения: 01.06.2025).

2. *Кохановский А. Г.* Исторический факультет БГУ как научный и образовательный центр: традиции, новации, перспективы // Роль университетского образования и науки в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. Д. Король (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 92–96.

3. *Краско Г. Г., Богомаз О. В.* Историческая память: прошлое для настоящего и будущего: монография. Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2022.

4. *Кохановский А. Г.* Реализация молодежных проектов как фактор гражданско-патриотического воспитания, формирования уважения к исторической памяти среди студентов (на примере исторического факультета БГУ) // Государственная политика в сфере истории: проблемы и перспективы сохранения исторической правды и памяти: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 сент. 2023 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: И. П. Сергеенко, В. Г. Гусаков [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2024. С. 212–217.

5. *Кохановский А. Г.* Научно-инновационный потенциал исторического факультета Белорусского государственного университета: традиции и современность // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 4. С. 8–13.

АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧАЙ ДЗЕЙНАСЦІ У.І. ПІЧЭТЫ НАПЯРЭДАДНІ І Ё ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

С. М. Цемушаў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, stepnikbsu@gmail.com*

Напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Уладзімір Іванавіч Пічэта значна актывізаваў сваю дзейнасць у напрамку вывучэння праблем этнагенезу славян у цэлым і беларусаў у прыватнасці, вытокаў славяна-германскага супрацьстаяння і прыкладаў ратных подзвігаў усходнеславянскіх палкаводцаў Сярэднявечча і Новага часу. У гады вайны У.І. Пічэта шырока трансляваў свае навуковыя пошукі, у сваіх шматлікіх публікацыях і выступленнях перад чырвонаармейцамі і работнікамі тылу пераконваючы ў непазбежнасці перамогі над германскай агрэсіяй, якая разглядалася як чарговы этап у шматвяковым славяна-германскім проціборстве.

Ключавыя словы: У.І. Пічэта; навукова-даследчая дзейнасць; ідэалагічны фронт; Вялікая Айчынная вайна; славяна-германскае супрацьстаянне; этнагенез славян; этнагенез беларусаў.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ПИЧЕТЫ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. Н. Темушев

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, stepnikbsu@gmail.com*

Накануне и в годы Великой Отечественной войны Владимир Иванович Пичета значительно активизировал свою деятельность в направлении изучения проблем этногенеза славян в целом и белорусов в частности, истоков славяно-германского противостояния и примеров ратных подвигов восточнославянских полководцев Средневековья и Нового времени. В годы войны В. И. Пичета широко транслировал свои научные изыскания, в своих многочисленных публикациях и выступлениях перед красноармейцами и работниками тыла убеждая в неизбежности победы над германской агрессией, которая рассматривалась как очередной этап в многовековом славяно-германском противоборстве.

Ключевые слова: В. И. Пичета; научно-исследовательская деятельность; идеологический фронт; Великая Отечественная война; славяно-германское противостояние; этногенез славян; этногенез белорусов.

THE MAIN DIRECTIONS OF RESEARCH ACTIVITIES OF V. I. PICHETA ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. N. Tsemushau

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, stepnikbsu@gmail.com*

On the eve of and during the Great Patriotic War, Vladimir Ivanovich Picheta significantly intensified his activities in the direction of studying the problems of the ethnogenesis of the Slavs in general and the Belarusians in particular, the origins of the Slavic-Germanic confrontation and examples of the military exploits of the East Slavic commanders of the Middle Ages and the New Age. During the war years, V. I. Picheta widely disseminated his scientific research, in his numerous publications and speeches to Red Army soldiers and home front workers, convincing them of the inevitability of victory over German aggression, which was seen as the next stage in the centuries-old Slavic-German confrontation.

Keywords: V. I. Picheta; research activities; ideological front; Great Patriotic War; Slavic-German confrontation; ethnogenesis of the Slavs; ethnogenesis of the Belarusians.

Ва ўмовах Вялікай Айчыннай вайны, калі ўсе савецкія грамадзяне спрабавалі ўнесці свой уклад у агульную перамогу, вучоныя гісторыкі былі мабілізаваны на свайго роду ідэалагічны фронт. Вялікае значэнне для ўзмацнення патрыятызму і самаахвярнасці ў барацьбе з ворагам надавалася звароту да ваеннай славы Расіі. Напярэдадні пачатку Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў У. І. Пічэта працаваў старэйшым навуковым супрацоўнікам Інстытута гісторыі Акадэміі навук СССР (з 1937 г.). Выкарыстоўваючы свае шырокія кантакты з замежнымі калегамі-гісторыкамі, у 1939 г. вядомы савецкі славіст стаў ініцыятарам стварэння ў Інстытуце сектара славяназнаўства, у якім разам з савецкімі вучонымі працавалі гісторыкі з Балгарыі, Венгрыі, Чэхаславакіі, Югаславіі, Польшчы. Апошнія вымушаны былі пакінуць свае краіны ў сувязі з распачатай гітлераўскай Германіяй экспансіяй. Найбольш запатрабаванымі ў гэты час былі пытанні супольнай барацьбы славянскіх народаў супраць германскай агрэсіі [1, с. 25]. Пры гэтым кіраўнік інтэрнацыянальнага калектыву ўлічваў навуковую спецыялізацыю асобных вучоных, суадносіў іх работу да з'яўлення ў СССР з замовамі нацыянальных групавак, друку, выдавецтваў. Гэтую каардынацыйную і кіраўнічую работу Уладзімір Іванавіч працягваў да 1946 г. Адным з вынікаў плённага навуковага супрацоўніцтва з гісторыкамі Польшчы, Чэхаславакіі і Балгарыі стала калектыўнае работа «Векавая барацьба заходніх і паўднёвых славян супраць германскай агрэсіі» (1944) [2].

У 1941 г. Інстытут гісторыі Акадэміі навук СССР, разам з ім сектар славяназнаўства і асабіста У. І. Пічэта былі эвакуіраваны ў Ташкент.

Нягледзячы на складаныя бытавыя ўмовы, вучоны не толькі не спыніў сваю навуковую дзейнасць, а значна яе актывізаваў. У гэты час ён выдае свае работы «Адзіны фронт славянскіх народаў», «У чым заключаецца гістарычная агульнасць славянскіх народаў», «Гістарычныя лёсы славянства» і інш. Адначасова Уладзімір Іванавіч друкуе прасякнутыя глыбокім патрыятызмам артыкулы «Няхай кожны клочок славянскай зямлі стане магілай ворагу» (1941), «Гітлеру не скарыць свабодалюбівыя славянскія народы» (1941), «Савецкая Беларусь» (1943) і інш. У гэты час Уладзімір Іванавіч вельмі часта выступае з лекцыямі ў частках Чырвонай арміі. Так, у сваім лісце ад 8 жніўня 1943 г. да І. М. Бяляўскай гісторык пісаў: «Я ганаруся тым, што Ваенная акруга ў Ташкенце адзначыла маю лектарскую дзейнасць „Ганаровай граматай“. Бо я прачытаў у вайсковых частках амаль 150 лекцый незалежна ад часу года, гадзіны і адлегласці...» [3, с. 123]. Пра лекцыі У. І. Пічэты ўспамінаў удзельнік вайны, прафесар-кансультант Беларускага палітэхнічнага інстытута, вайсковая частка якога ў 1943 г. знаходзілася пад Масквой. Гісторык выступіў з паведамленнем «Вытокі германскага фашызма», асноўныя тэзісы якога глыбока ўрэзаліся ў памяць слухачоў. Па сведчанню дачкі Уладзіміра Іванавіча, за перыяд жыцця ў Ташкенце гісторык прачытаў больш за 200 лекцый у розных частках Чырвонай арміі і ў шпіталях. Безумоўна, лекцыі чыталіся бязвыплатна [10, с. 119].

Пад час эвакуацыі У. І. Пічэта працягваў і сваю навукова-даследчую працу, галоўным чынам, над праблемамі беларускай гісторыі. У артыкуле «Працы беларускіх гісторыкаў» прэзідэнт Беларускай акадэміі навук К. В. Гораў адзначаў, што акадэмік У. І. Пічэта займаецца вялікай навукова-даследчай працай аб барацьбе беларускага народа супраць нямецкіх захопнікаў, якія не аднойчы нападалі на нашы землі, пачынаючы з XIII ст. і да нашых дзён. Вынікам гэтай працы, акрамя згаданых шматлікіх лекцый, была і навукова-папулярная кніга «Аляксандр Неўскі» (пра яе ніжэй), і артыкул «Гісторыя Беларусі ў савецкай гістарычнай навуцы», у якім быў дадзены падрабязны і дэталёвы аналіз дасягненняў беларускіх савецкіх гісторыкаў [8]. На чарговай сэсіі Акадэміі навук БССР, якая была наладжана ў снежні 1942 г. у Ташкенце, быў заслуханы даклад У. І. Пічэты «Беларускі народ сярод славянскіх народаў» [1, с. 43]. Дачка Уладзіміра Іванавіча ўспамінала, што ў перыяд жыцця ў Ташкенце бацька шмат часу прысвячаў вывучэнню ўзбекскай мовы і атрымаў значны поспех у гэтым [10, с. 119]. Пры гэтым трэба ўлічваць вялікія складанасці з наладжваннем побыту вучонага і ягонай сям'і ў эвакуацыі.

У 1943 г. У. І. Пічэта вяртаецца ў Маскву, дзе працягвае кіраваць сектарам славяназнаўства Інстытута гісторыі Акадэміі навук СССР і кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян Маскоўскага дзяржаўнага

ўніверсітэта. У лісце да Ірыны Міхайлаўны Беляўскай ад 8 жніўня 1943 г. Уладзімір Іванавіч з вялікім аптымізмам пісаў: «Я в Москве с половины июня. Радость охватила меня, когда я стал ощущать под ногами московские камни и дышать московским воздухом. Я много работал в Ташкенте, но был объят великим восторгом, когда мой поезд двинулся на север... я [еще] охвачен научными фантазиями и хочу много работать. Силы еще найду, голова как будто работает неплохо» [3, с. 123]. Сапраўды, выкладчыцкая і арганізацыйная дзейнасць вучонага ў гэты час надзвычай актыўная: ва ўніверсітэце ён чытае агульны курс гісторыі славянскіх народаў, спецыяльныя курсы па гісторыі дзяржаўнага і грамадскага ладу Рэчы Паспалітай, сацыяльна-эканамічнай гісторыі Польшчы XIX ст., гісторыі польскай культуры XIX ст. і польскага шляхецкага паўстання 1830–1831 гг., гісторыі чэшскага нацыянальнага адраджэння; адначасова вядзе курсы крыніцазнаўства па гісторыі Польшчы, спецкурсы па гісторыі Літвы і Беларусі, спецсемінары. Тэматыка гэтых курсаў адрознівалася разнастайнасцю і навізнай [1, с. 27].

У.І. Пічэта меў непасрэднае дачыненне да аднаўлення працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў кастрычніку 1943 г. на станцыі Сходня пад Масквой. Вучоны быў адным з ініцыятараў шэфства супрацоўнікаў МДУ над БДУ, якому была аказана вялікая дапамога ў арганізацыі вучэбнага працэса і падрыхтоўкі выкладчыцкіх і навуковых кадраў. Сам У.І. Пічэта, а разам з ім і шэраг выдатных савецкіх гісторыкаў (сярод якіх — М. М. Дабрынін, А. М. Панкратава, Б. Д. Грэкаў, М. В. Нечкіна і інш.) чыталі лекцыі ў адноўленым БДУ [1, с. 27].

Навуковая, педагагічная і грамадска-палітычная дзейнасць У.І. Пічэты была высока ацэнена: у 1943 г. вучоны быў удастоены звання заслужанага дзеяча Узбекскай ССР, у 1945 г. у сувязі з 220-годдзем АН СССР быў узнагароджаны ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга; у 1946 г. — медалём «За доблесную працу ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1945 гг.» [1, с. 45]. Ужо на наступны год пасля завяршэння Вялікай Айчыннай вайны Уладзімір Іванавіч за выдатныя заслугі і ўнёсак у развіццё гістарычнай навукі быў выбраны дзейным сябрам Акадэміі навук СССР.

Разуменне вучоным праблемы вытокаў славяна-германскага супрацьстаяння можа быць рэканструявана па ягоных друкаваных працах ваенных гадоў. Як адзначалася, у 1942 г. У.І. Пічэта падрыхтаваў да выдання навукова-папулярную працу пра Аляксандра Неўскага (выдадзена ў Ташкенце ў друкарні ўзбекістанскага філіялу Акадэміі навук накладам 25 тыс. асобнікаў). У прадмове да гэтага выдання гісторык звяртаўся да гістарычных прэцэдэнтаў з гісторыі ўсходніх славян, якія ва ўсіх выпадках сведчылі пра тое, што спробы хітрых («коварных») ворагаў скарыць «рускі народ»

завяршаліся няўдачай. «Кожны раз рускі народ паднімаўся на абарону сваёй радзімы і праганяў нахабных захопнікаў» [5, с. 5]. З асяроддзя народа нязменна вылучаліся выдатныя ваенныя і палітычныя дзеячы, якія ўносілі вырашальны ўклад у разгром падступных («коварных») і моцных ворагаў і садзейнічалі захаванню нацыянальна-палітычнай незалежнасці. Сярод гэтых «сапраўдных народных герояў» названы маскоўскі вялікі князь Дзмітрый Данскі, князь Дзмітрый Міхайлавіч Пажарскі і Кузьма Мінін-Сухарукі, рускія палкаводцы Аляксандр Васільевіч Сувораў і Міхаіл Іларыёнавіч Кутузаў, «геніяльны стратэг, арганізатар перамогі Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі» Уладзімір Ілліч Ленін, і першым — Аляксандр Яраславіч Неўскі, які ўзначальваў Паўночна-Заходнюю Русь у барацьбе са шведскімі і нямецкімі захопнікамі [5, с. 5–6]. Шматвяковае супрацьстаянне славянскага свету «раз’юшаным нападам нямецкіх драпежнікаў, гвалтаўнікоў і забойцаў» абавязкова завяршалася зрывам усіх спроб апошніх замацавацца ў Рускай зямлі. Нараўне з указаннем на заканамернасць, узведзеную ў ранг гістарычнага закона, перамогі над «нямецкімі рыцарскімі полчышчамі» У. І. Пічэта звяртаў увагу на яшчэ адзін важны аспект барацьбы з германскай агрэсіяй — яе інтэрнацыянальны, панславянскі характар: сваёй барацьбой з нямецкімі захопнікамі рускі народ у той жа час аказваў дапамогу іншым славянскім народам — палякам і чэхам, якія таксама знаходзіліся «у векавой смяротнай сутычцы з нямецкімі рыцарамі-феадаламі» [5, с. 7].

У сваёй кнізе «Аляксандр Неўскі» У. І. Пічэта звяртаўся і да праблемы вытокаў славяна-германскага супрацьстаяння. На думку гісторыка, ужо ў другой палове VIII ст. славяне, якія рассяліліся да ракі Лабы, сутыкнуліся з германцамі. Германскія феадальныя ўладары ў пошуках новых земляў і працоўных рук паставілі мэтай заваёву ўсяго паўднёвага ўзбярэжжа Балтыйскага мора ад вусця ракі Лабы да Віслы. Першымі былі падпарадкаваны палабскія славяне, затым дайшла чарга да чэшскіх і польскіх плямёнаў. Аднак з другімі ўсе спробы германцаў былі марныя. Прычыну гісторык выяўляў у ступені палітычнай кансалідацыі розных славянскіх народаў: у адрозненне ад палітычна аб’яднаных германцаў у палабскіх славян яшчэ недастаткова ўзмацніліся палітычныя сувязі і адносіны, да таго ж германскія феадальныя ўладары адно славянскае племя на іншае. У той жа час польскія і чэшскія плямёны знаходзіліся ўжо ў «стадыі цалкам створанага дзяржаўнага аб’яднання» і змаглі аказаць дапамогу палабскім славянам. Так у X–XI стст. стыхійна ўзнік адзіны фронт заходніх славян для барацьбы супраць германскіх феадальных захопнікаў. У выніку палякам і чэхам удалося захаваць сваю палітычную незалежнасць і заступіць германцам далейшае прасоўванне на ўсход ад р. Одры. Аднак распад польскай і

чэшскай дзяржаў на асобныя феадальныя княствы зрабіў іх не здольнымі аказваць дапамогу палабскім славянам. Германцы змаглі канчаткова ўмацавацца на землях на ўсход ад р. Лабы да р. Одры, аж да межаў Польшчы. На паўднёвым беразе Балтыйскага мора яны будуць шэраг крэпасцей, якія адначасова становіліся буйнымі цэнтрамі гандлю. Развіццё гандлю садзейнічала павышэнню цікавасці шведскіх і нямецкіх купцоў да тэрыторыі Усходняй Прыбалтыкі. Ужо неўзабаве тут на берагах Балтыйскага мора і блізу вусця р. Заходняй Дзвіны былі заснаваны нямецкія гандлёвыя паселішчы. Умацаванню становішча нямецкіх купцоў заклікана было служыць насаджэнне хрысціянства пры дапамозе каталіцкіх місіянераў, якія першапачаткова не мелі поспеху, але ім на дапамогу прыйшоў рымскі папа. На землі «язычніцкіх» плямёнаў Прыбалтыкі быў абвешчаны крыжовы паход, што стала добрай прынадай для тысяч авантурыстаў і рабаўнікоў з Германіі. Падпарадкаванне Прыбалтыкі паскорыла стварэнне «Ордэна мечаносцаў» — «бандыцкай рыцарскай арганізацыі», шэрагі якой увесь час папаўняліся ўсякага роду авантурыстамі, якія шукалі лёгкай здабычы [5, с. 8–11].

Поспех нямецкіх рыцараў у падпарадкаванні Усходняй Прыбалтыкі У. І. Пічэта тлумачыў некалькімі прычынамі. Па-першае, яны былі лепш узброены ў параўнанні з прыбалтыйскімі плямёнамі. Па-другое, яны былі класава і палітычна аб'яднаны, у той час як насельніцтва Прыбалтыкі яшчэ знаходзілася ў стадыі разлажэння рода-племянных адносін. У разрозненасці лівонскіх плямёнаў заключалася трэцяя прычына поспеху нямецкіх рыцараў [5, с. 12]. Перад нямецкім націскам вымушаны былі саступіць і «рускія» княствы.

Важную ролю ў барацьбе з германскім націскам на ўсход У. І. Пічэта адводзіў Полацку. У выкладзе гісторыка, не ў поўнай меры супадаючым з дадзенымі крыніц, заваяваныя іншаземнымі захопнікамі лівы звярнуліся па дапамогу да полацкіх князёў. У сілу лепшага ўзбраення нямецкіх рыцараў (так, пры аблозе гарадоў яны карысталіся машынамі для кідання камянёў, якіх рускія не ведалі) Полацк першапачаткова вымушаны быў саступіць ніжняю плынь Заходняй Дзвіны. Да таго ж палачанам даводзілася весці барацьбу на два фронты — да гэтага часу яны доўга і ўпарта абараняліся ад набегу літоўскіх плямёнаў. Нямецкія рыцары спрабавалі прасунуцца і далей на ўсход, непасрэдна ў Полацкую зямлю. Ворагі падышлі да самога Полацка і аблажылі яго, аднак вымушаны былі адступіць. «Так пад магутнымі сценамі старажытнага Полацка быў спынены наступ рыцараў на падзвінскія Рускія землі». Пабітыя немцы заключылі мір, а Полацк становіўся «перадавым вартавым на заходняй мяжы Рускай зямлі», ахоўваючы яе недатыкальнасць ад замаху нямецкіх рыцараў [5, с. 12]. У далейшым нямецкая

экспансія накіравалася на Паўночна-Заходнюю Русь з гарадамі Ноўгарадам і Псковам. Далей у сваёй кнізе У.І.Пічэта расказвае пра гераічную барацьбу князя Вячкі, паходы Яраслава Усеваладавіча і, нарэшце, дзве ключавыя падзеі, якія праславілі маладога на той момант наўгародскага князя Аляксандра Яраславіча — Неўскай бітве і разгрому «сабакаў-рыцараў» на лёдзе Чудскага возера. Пры выкладанні гэтых падзей У.І.Пічэта не спрашчае сітуацыю, якая склалася на паўночным захадзе Русі, расказваючы і пра барацьбу баярскіх групавак у Наўгародскай зямлі, і пра мангольскі фактар, і пра пачатак фарміравання Вялікага Княства Літоўскага. У Аляксандры Неўскім гісторык бачыў «выдатнага палкаводца» і «натхнёнага патрыёта», яго заслугу перад Рускай зямлёй ён бачыў у тым, што ў найскладанай сітуацыі князь «захаваў цэласць і адзінства народа рускага, якому пагражала заняволенне і поўнае знішчэнне ад „сабакаў-рыцараў“». Такім чынам, невялікая па аб'ёме кніга У.І.Пічэты, выдадзеная ў найцяжкі год савецка-германскага супрацьстаяння на фронтах Вялікай Айчыннай вайны, павінна была пераканаць чытача ў непазбежнасці перамогі над ворагам, што ўжо неаднаразова і абавязкова адбывалася ў гісторыі Русі-Расіі.

Яшчэ больш паказальныя працы У.І.Пічэты 1939–1940 гг. «Гістарычныя лёсы Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі» і «Асноўныя моманты гістарычнага развіцця Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі» [7]. Асноўная задача гэтых прац складалася ў стварэнні яркай карціны «векавой эксплуатацыі народаў гэтых краін пад падвойным прыгнётам (класавым і нацыянальным)» [9, с. 2]. У той жа час у названых працах былі падрабязна разгледжаны розныя аспекты гісторыі Галіцкай і Уладзіміра-Валынскай зямель, уключаючы праблемы міграцыі насельніцтва, развіцця дзяржаўнасці і эканомікі ўсходніх славян. Надаў увагу У.І.Пічэта і праблема станаўлення феадальных адносін, якія ён звязваў з фарміраваннем буйной прыватнай зямельнай уласнасці. Баяры-землеўласнікі (перш за ўсё, Галіцкай зямлі) раздавалі зямлю «отракам», якія становіліся іх ваеннымі слугамі. Так, на думку гісторыка, феадал-баярын становіўся сеньёрам заходнееўрапейскага тыпу [9, с. 9]. Важна, што вучоны не імкнуўся штучна адсунуць пачатак феадалізму углыб стагоддзяў; аб «значным развіцці феадальных адносін» у старажытнарускі перыяд ён пісаў пачынаючы толькі з XII ст., што ўзгадняецца з сучасным уяўленнем.

Увесь час У.І.Пічэта не спыняў даследаванне этнагенезу беларусаў. У цэлым, праблему этнагенезу ўсходніх славян У.І.Пічэта вырашаў ў духу тэорыі «трыадзінства рускага народа» [12; 11, с. 240–241], і яго ідэі з'явіліся папярэднікам, ці, па меншай меры, былі сугучныя тэорыі старажытнаруускай народнасці, якая атрымала завершаную фармулёўку ў працах В. У. Маўродзіна. Гэта вельмі выразна бачна ў тэксце навукова-папулярнай

кнігі «Аляксандр Неўскі», на першых старонках якой можна прачытаць: «Па геаграфічнаму становішчу славян прынята падзяляць на паўднёвых, заходніх і ўсходніх, або рускіх» [5, с. 7].

Да высновы аб фарміраванні ў дамангольскі перыяд ўсходнеславянскай супольнасці і яе «расколе» пасля мангольскага нашэсця вучоны прыйшоў не ў выніку запазычання думкі ў сваіх папярэднікаў (напрыклад, В. В. Ключэўскага) або ўздзеяння сучасных яму падзей (далучэння Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі) [11, с. 242], а з прычыны глыбокага вывучэння крыніц. Этнічныя працэсы У. І. Пічэта цесна звязваў з палітычным развіццём, станаўленнем і эвалюцыяй дзяржаўнасці ўсходніх славян. Пры гэтым вучоны не імкнуўся спрасціць схему этнічнага развіцця. Так, у яго працах нельга знайсці прамога ўказання на тое, што саюзы плямёнаў дрыгавічоў, радзімічаў і крывічоў былі «беларускімі» этнічнымі ўтварэннямі. Гэта былі асноўныя «продкі беларусаў» (двукоссі належаць самому гісторыку), але на іх развіццё аказвалі ўздзеянне суседзі: на поўдні — паўднёварускія драўляне, на захадзе — паўднёварускія валыняне, на ўсходзе — рускія вяцічы. У выніку гэтых «племянных перакрываванняў» з «племянных славянскіх элементаў» ўтварылася пяць «этнічных дабеларускіх цэнтраў» [4, с. 16]. Іх адасобленасць была абумоўлена, перш за ўсё, развіццём феадальных адносін і феадальнай раздробленасцю, якія падтрымлівалі палітычнае раздрабленне, а таксама і панаваннем натуральнай гаспадаркі і слабым развіццём абмену. У перыяд раздробленасці адбывалася таксама «скрыжаванне мясцовых славянскіх і неславянскіх этнічных элементаў», што спрыяла фарміраванню асаблівасцяў кожнага этнічна змешанага раёна. Тым не менш, нягледзячы на «феадальную раздробленасць», на думку У. І. Пічэты, захоўвалася культурнае адзінства ўсёй рускай зямлі [4, с. 17–18]. У шэрагу прац вучоны сцвярджаў і аб адносным этнічным і палітычным адзінстве Русі. У працы 1940 г. ён пісаў: «...Чэрвеньскія горады, Валынь, Полацкая і Турава-Пінская землі, увайшоўшы ў склад „імперыі Рурыкавічаў“, ўяўлялі сабой частка „Рускай зямлі“, адзінай у сваім этнічным складзе і досыць магутнай у палітычных адносінах» [9, с. 5]. У далейшай гісторыі Старажытнай Русі У. І. Пічэта выяўляў пашырэнне эканамічных сувязяў і ўмацаванне палітычнага адзінства, што, на яго думку, павінна было прывесці да завяршэння працэсу скрыжавання асобных славянскіх і неславянскіх элементаў у этнічнае адзінства. Але гэтая тэндэнцыя была перапынена «татара-мангольскім» заваяваннем, з прычыны якога адбыўся «разрыў народнасці» і «гістарычныя лёсы паўночна-заходняй Русі склаліся інакш, чым паўночна-ўсходняй» [6, с. 160].

Такім чынам, у перыяд Вялікай Айчыннай вайны навуковая, педагогічная і грамадска-палітычная дзейнасць Уладзіміра Іванавіча Пічэты не

тільки не спынілася, але і значна актывізавалася, нягледзячы на складаныя побытавыя ўмовы і салідны ўзрост вучонага. Даследчыя праблемы, якімі займаўся гісторык у ранейшый час, у гады вайны былі сканцэнтраваны на больш вузкай праблематыцы славяна-германскага супрацьстаяння, у якім былі вызначаны вытокі, прычыны і асноўныя этапы. Іншыя важнейшыя падзеі ў гісторыі Беларусі (уз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР) актуалізавалі таксама праблему этнічнага развіцця славян, што непасрэдна адбілася на навуковай дзейнасці У. І. Пічэты.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Академик В. И. Пичета. Страницы жизни / Э. Г. Иоффе, А. П. Грицкевич, Б. З. Копытский [и др.]. Минск: Изд-во БГУ, 1981.
2. Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии / Под ред. проф. З. Р. Неедлы. М.: Госполитиздат, 1944. 224 с.
3. Письма и другие материалы В. И. Пичеты и И. М. Белявской 1943–1947 гг. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты / Отв. ред. акад. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1978.
4. *Пичета В.* Образование белорусского народа // Вопросы истории. 1946. № 5–6. С. 3–29.
5. *Пичета В. И.* Александр Невский. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1942.
6. *Пичета В. И.* Западная Украина и Западная Белоруссия // Советская книга. 1939. № 12. С. 102–170.
7. *Пичета В. И.* Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Моск. рабочий, 1939.
8. *Пичета В. И.* История Белоруссии в советской исторической науке // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / Под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле и А. М. Панкратовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1942. С. 179–188.
9. *Пичета В. И.* Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940.
10. *Пичета К. В.* Владимир Иванович Пичета (Из воспоминаний дочери) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты / Отв. ред. акад. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1978. С. 106–119.
11. *Юсова Н.* «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті–перша половина 1940-х рр.): Монографія. 2-е вид., перероб. і доп. К.: ВД «Стилос», 2006.
12. *Юсова Н. А.* Академік Володимир Пічета та генезис концепції давньоруської народності // Российские и славянские исследования. 2007. Т. 2. С. 19–32.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. А. Сорокин¹⁾, А. А. Козлова²⁾

¹⁾ *Московский городской педагогический университет,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Российская Федерация,
SorokinAA@mgpu.ru*

²⁾ *Московский городской педагогический университет,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Российская Федерация,
Kozlova-518@mgpu.ru*

В статье рассматривается значимость исторических источников в процессе изучения событий Великой Отечественной войны на уроках истории в школе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования у учащихся целостного представления о военном периоде через работу с аутентичными материалами. Методологическая основа исследования базируется на анализе различных типов исторических источников их систематизации и методиках внедрения в образовательный процесс. Особое внимание уделяется вопросам развития критического мышления и аналитических навыков учащихся при работе с историческим материалом.

Ключевые слова: исторические источники; Великая Отечественная война; методика преподавания истории; историческое образование; патриотическое воспитание; работа с документами.

HISTORICAL SOURCES AS A BASIS FOR STUDYING THE EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: METHODOLOGICAL ASPECT

A. A. Sorokin^{a)}, A. A. Kozlova^{b)}

^{a)} *Moscow City University, 129226, 2-y Selskokhozyaistvenny proezd, 4,
Moscow, Russian Federation, SorokinAA@mgpu.ru*

^{b)} *Moscow City University, 129226, 2-y Selskokhozyaistvenny proezd, 4,
Moscow, Russian Federation, Kozlova-518@mgpu.ru*

This article examines the importance of historical sources in studying the events of the Great Patriotic War in history lessons. The relevance of the study lies in the need to develop a holistic understanding of the war period in students through work with authentic materials. The methodological basis of the study is based on the analysis of various types of historical sources, their systematization, and methods for their implementation in the educational process. Particular attention is paid to developing students' critical thinking and analytical skills when working with historical material.

Keywords: historical sources; Great Patriotic War; history teaching methods; historical education; patriotic education; working with documents.

Работа с историческими источниками является важной составляющей профессиональной работы как учёного-историка, так и школьного учителя. Специфика работы учителя истории заключается в использовании исторических источников не как базы научного исследования, а как инструмента формирования компетенций учащихся. В учебной литературе источники сопровождаются специальными заданиями, направленными на развитие аналитических навыков школьников.

Современное образование базируется на активном использовании исторических источников в соответствии с требованиями Концепции преподавания истории [1]. Работа с источниками способствует формированию гражданской идентичности учащихся, развитию ключевых компетенций XXI в. и функциональной грамотности [6]. Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования определяют работу с информацией как ключевой метапредметный результат освоения общественно-научных дисциплин. К завершению основного общего образования учащиеся должны овладеть навыками анализа исторической информации, извлечения релевантных данных, дифференциации видов источников и оценки их достоверности.

Роль педагога заключается в качественном отборе и адаптации исторических источников, разработке учебных заданий и постановке вопросов для обучающихся. Методически обоснованное использование источников направлено на формирование критического мышления, развитие навыков командной работы и мотивации к самостоятельному изучению истории. Другими словами, работа с историческими источниками в школьном образовании выступает важным инструментом формирования исторического мышления и развития исследовательских навыков учащихся в соответствии с современными образовательными стандартами [3, с. 96].

В образовательном процессе исторические источники чаще всего представлены в учебной литературе, прежде всего в школьных учебниках и хрестоматиях, где они проходят предварительный отбор и адаптацию авторами учебных материалов. Представляется, что для современного образовательного процесса важным является включение дополнительного спектра источников, выходящих за рамки того, что предлагается в УМК. Требования к учебным источникам включают соответствие целям обучения, связь с программой, отражение типичных исторических фактов, доступность содержания и наличие методических материалов.

Современный образовательный процесс предоставляет учителю истории обширный арсенал методических инструментов для работы с историческими источниками [4; 2]. В педагогической практике применяются различные формы взаимодействия документами, включающие:

- текстологический анализ — чтение, комментирование, выделение ключевых положений и определение исторических терминов;
- структурирование информации — составление планов, схем, таблиц, конспектов;
- логический анализ — выявление причинно-следственных связей, построение аргументационных цепочек;
- сравнительный анализ — сопоставление различных источников, выявление общих и отличительных черт;
- продуктивные задания — подготовка докладов, рефератов, презентаций.

Методическая специфика работы с историческими источниками предполагает возможность как изолированного применения отдельных приёмов, так и их комплексного использования. Каждый метод вносит определённый вклад в формирование компетенций учащихся [7, с. 26–27].

Система заданий выстраивается по принципу нарастающей сложности:

- 1) воспроизводящий уровень включает первичную работу с текстом: выписывание основных понятий, ответы на вопросы, пересказ;
- 2) преобразующий уровень предполагает более сложную работу: составление таблиц, схем, формулирование выводов;
- 3) творческий уровень характеризуется выполнением поисково-исследовательских заданий: написание эссе, участие в дискуссиях, аргументация собственной позиции.

Обратимся к конкретным приемам использования исторических источников при обучении истории на примере изучения событий Великой Отечественной войны. Самым традиционным типом источников при изучении данной темы являются официальные документы, воспоминания военачальников и политических деятелей, материалы СМИ. С нашей точки зрения, не меньшим потенциалом, а иногда и более значительным, обладают источники личного происхождения, которые позволяют достигнуть не только предметных и метапредметных, а также личностных образовательных результатов.

В период обороны Москвы формировалось поколение выдающихся деятелей науки и культуры, чьи детские воспоминания представляют собой уникальный исторический источник. Мемуарные свидетельства московских школьников военного времени обладают особой ценностью для исторической науки. Основой учебного исследования могут служить воспоминания современных учёных, переживших военное детство в столице: Риты Ушеровны Островской (доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ) и Леонида Наумовича Боголюбова (доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии

образования). Их мемуары позволяют реконструировать повседневную жизнь московского школьника в период Великой Отечественной войны. В рамках исследовательского практикума применяется групповая форма работы: класс делится на шесть рабочих групп, каждой из которых предоставляется отдельный фрагмент мемуарных материалов и соответствующие аналитические вопросы. Методический инструментарий направлен на выявление и систематизацию новых исторических фактов, касающихся повседневной жизни москвичей в предвоенный и военный периоды. Особое внимание уделяется анализу эмоционально значимых аспектов мемуарных свидетельств, исследованию особенностей функционирования школьной системы в условиях военного времени, а также характеристике личных наблюдений очевидцев исторических событий. Заключительный этап работы предполагает публичную презентацию результатов группового анализа, что способствует формированию навыков научной презентации и межгрупповой коммуникации.

К нетрадиционным приёмам работы с дневниковыми записями относится театрализованный репортаж. В ходе учебного занятия осуществляется театрализованная реконструкция событий военной Москвы посредством прочтения фрагментов дневника журналиста Н. К. Вержбицкого, охватывающих период с ноября 1941 по июль 1942 г. Данный исторический источник представляет собой личные записи, отражающие аутентичные впечатления автора о повседневной жизни столицы в военный период, что делает их особенно ценными для понимания быта и настроений москвичей того времени.

Практическая реализация проекта предполагает привлечение 3–4 учащихся старших классов для публичного прочтения дневниковых записей в хронологической последовательности. При этом особое внимание уделяется эмоциональной подаче материала и интонационной выразительности, что способствует более глубокому погружению в атмосферу описываемых событий. Остальные участники занятия выступают в роли аудитории, вовлечённой в последующее обсуждение темы «Личные дневники как исторический источник о жизни Москвы и москвичей в годы войны», что позволяет создать полноценную образовательную среду для изучения исторического материала [5, с. 36–37].

Образовательная ценность мероприятия заключается в комплексном развитии компетенций учащихся, включая формирование навыков работы с личными дневниками как историческим источником, совершенствование коммуникативных умений и развитие способности к анализу звучащего исторического текста. Параллельно происходит погружение в историческую эпоху через эмоциональное восприятие описываемых событий.

Рис. 1. Кукрыниксы. Затяжная война (1943)

для определения изображенных исторических деятелей и событий; учащиеся устанавливают причинно-следственные связи между событиями 1941–1943 гг. На этапе закрепления материала учитель предлагает разместить обозначенные на плакате события на ленте времени и контурной карте, что способствует формированию целостного представления о периоде коренного перелома в войне. Творческое домашнее задание предполагает создание исторической реконструкции в формате журналистского материала. Учащимся предлагается выступить в роли советского корреспондента, создающего статью, иллюстрируемую анализируемым плакатом [8, с. 24].

Художественные полотна также позволяют значительно разнообразить методический аппарат урока. Вопросы к картине Петра Кривоногова «Капитуляция фашистских войск в Берлине» (рис. 2) могут быть связаны с выявлением исторической

В современных условиях актуализации визуальных источников в историческом образовании особое место занимают агитационные плакаты периода Великой Отечественной войны. Их значимость подтверждается введением специализированных заданий в КИМЕГЭ по истории, что требует от педагогов разработки эффективных методик работы с данным видом исторических источников. В зависимости от методических целей, один и тот же источник может быть использован на различных этапах урока. Так, плакат Кукрыниксов «Затяжная война» 1943 г. (рис. 1) на этапе актуализации знаний предполагает работу с визуальным образом

Рис. 2. П. Кривоногов. «Капитуляция фашистских войск в Берлине» (1946)

информации о событиях, а также с определением эмоций героев художественного произведения. Особую значимость представляет воспитательный аспект, поскольку изображённые события обладают мощным эмоционально-нравственным потенциалом. Использование эмоционально насыщенных визуальных источников существенно повышает познавательную ценность урока и способствует более глубокому усвоению исторического материала [8, с. 40].

Документальные фильмы или фрагменты масштабных киноэпопей (например, «Освобождение» Ю. Озерова) часто используются педагогами на уроках, позволяя визуализировать исторические события. Представляется важным обратить внимание на, возможно, менее очевидные, но обладающие не меньшим образовательным и воспитательным потенциалом киноленты. Фильм «До свидания, мальчики» (реж. Михаил Калик, 1964) представляет собой ценный методический материал для развития навыков киноанализа у школьников. Картина, созданная по повести Бориса Балтера, мастерски передаёт атмосферу предвоенного времени, требуя от зрителя глубокого понимания исторической эпохи. Художественные особенности фильма заключаются в умелом сочетании документальной хроники военных лет с лирическими образами мирного детства. Трагический эффект усиливается контрастом между музыкальными эпизодами и кадрами реальных военных событий. Структурная особенность картины проявляется в использовании аллюзий, связывающих разные исторические периоды. Через кинематографические титры автор проводит параллели между революционным временем и Великой Отечественной войной, дополняя их информацией о послевоенной судьбе героев. Картина демонстрирует всю глубину советской истории в рамках полуторачасового повествования, что делает её эффективным инструментом для изучения прошлого через призму кинематографического искусства [9, с. 16].

Современные цифровые платформы — именно тот ресурс, к которому чаще всего обращаются современные учащиеся в поисках информации. В связи с этим важно обучать их использованию на уроках. Сейчас в русскоязычном сегменте интернета можно найти сайты, с помощью которых возможно найти информацию об участнике войны: «Память народа», «Бессмертный полк» и пр. В качестве учебного задания работа с указанными ресурсами может включать составление биографической карточки одного из героев войны [11, с. 38], а восстановление семейной истории ученика является замечательным примером проектной деятельности [10, с. 39].

В современных условиях реализации образовательных стандартов приоритетное значение приобретает формирование у учащихся ключевых компетенций и универсальных учебных действий. Реализация данных

требований обуславливает необходимость систематического включения работы с историческими источниками в структуру каждого учебного занятия по истории, что способствует формированию целостной исторической картины мира у обучающихся.

Библиографические ссылки

1. *Вяземский Е. Е.* Историческое просвещение как приоритет государственной образовательной политики Российской Федерации и актуальное направление образовательной деятельности // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: Сборник научных статей. Выпуск XII / Под ред. А. А. Сорокина; рец. Р. Г. Резаков, Е. Е. Вяземский. Москва: Парадигма, 2025. С. 35–52.

2. Историческая память: реальное и мнимое: Учебно-методические материалы / [Е. Ю. Алексейчева, И. Л. Андреев, Д. В. Васильев и др.]; рец. С. В. Девятков, Е. В. Симонова. Москва: МГПУ; ИКД «Зерцало-М», 2024. 568 с.

3. *Козлова А. А., Савиных Г. П., Сорокин А. А.* Формирование исторической грамотности школьников // Педагогическое образование и наука. 2025. № 2. С. 94–99.

4. Москвоведение 3.0: региональный компонент в образовательном пространстве столицы: Коллективная монография / [Е. Ю. Алексейчева, И. Л. Андреев, Д. В. Васильев и др.]; рец. С. В. Девятков, Т. В. Черникова. Москва: МГПУ; ИКД «Зерцало-М», 2024. 404 с.

5. Москвоведение. 10–11 классы: Учебно-методическое пособие для учителя / [А. А. Сорокин, А. В. Половникова, А. А. Козлова и др.]; рец. Е. Е. Вяземский, Е. Н. Мох. Москва: Парадигма, 2025. 260 с.

6. *Сорокин А. А., Половникова А. В.* Формирование умения формулировать оценочные суждения в историческом образовании как элемент функциональной грамотности // Функциональная грамотность обучающихся и её роль в достижении целей устойчивого социально-экономического развития страны: Междунар. науч.-практ. конф. Минск. 30 сентября 2025 г. в 2 ч. Минск: Академия образования. 2025. Ч. 2. С. 163–169.

7. Школа историка. Всё начинается с исторических источников. Выпуск 1: Учебно-методическое пособие / [Т. М. Апостолова А. А. Сорокин, А. В. Половникова, А. А. Козлова, Н. Н. Маслова, С. И. Чипурных]; рец. Е. Е. Вяземский, М. И. Орышак. Москва: Книгодел, 2022. 92 с.

8. Школа историка. Всё начинается с исторических источников. История в искусстве. Выпуск 2: Учебно-методическое пособие / [Т. М. Апостолова, А. А. Сорокин, А. В. Половникова, А. А. Козлова, Н. Н. Маслова, С. И. Чипурных]; рец. Ю. Э. Комлев, Р. М. Абрамова. Москва: Книгодел, 2023. 76 с.

9. Школа историка. Всё начинается с исторических источников. История в кино. Выпуск 3: Учебно-методическое пособие / [Т. М. Апостолова А. А. Сорокин, А. В. Половникова, А. А. Козлова, И. И. Мурзак, И. А. Нидерман]; рец. А. В. Жукоцкая, Е. В. Саплина. Москва: Книгодел, 2023. 76 с.

10. Школа историка. Всё начинается с исторических источников. Лента времени. Выпуск 4: Учебно-методическое пособие / [А. А. Сорокин, А. В. Половникова, А. А. Козлова и др.]; рец. Т. В. Ершова, М. И. Орышак. Москва: Парадигма, 2024. 76 с.

11. Школа историка. Всё начинается с исторических источников. Россия и Узбекистан. Выпуск 5: Учебно-методическое пособие / [А. А. Сорокин, А. В. Половникова, А. А. Козлова, Ф. Б. Каноатова]; рец. А. Ю. Лазебникова, У. Н. Марасулова. Москва, Шахрисабз: Парадигма, 2024. 58 с.

«ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ» И «ДАЛЬНЯЯ ДУГА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. В. Кошелева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, uddijana@gmail.com*

Статья представляет сравнительный анализ концепций «Глобальный Юг» и «дальняя дуга» во внешней политике Республики Беларусь. Исследование раскрывает историческое происхождение и эволюцию термина «Глобальный Юг» от доклада В. Брандта 1980 г. до современных дипломатических практик, а также процесс институционализации белорусской концепции «дальней дуги» во внешнеполитическом дискурсе с 2016 г. Проведен анализ структурных пересечений и различий между универсальной категорией постколониального анализа и национальным инструментом внешнеполитической диверсификации. Исследование демонстрирует системное использование терминов в академическом нарративе и официальной риторике белорусского руководства как инструментов легитимации многовекторной политики и идеологического обоснования геополитической переориентации в условиях западных санкций.

Ключевые слова: «Глобальный Юг»; «дальняя дуга»; внешняя политика Беларуси; постколониальный анализ; геополитическая идентичность.

“GLOBAL SOUTH” AND “FAR ARC” IN THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

N. V. Kosheleva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, uddijana@gmail.com*

The article presents a comparative analysis of the categories “Global South” and “Far Arc” in the foreign policy of the Republic of Belarus. The study examines the historical origins and evolution of the term “Global South”, beginning with the Brandt Report of 1980 and tracing its development to contemporary diplomatic practices. It also investigates the process of institutionalizing the Belarusian concept of the “Far Arc” in foreign policy discourse since 2016. The research analyzes the structural overlaps and distinctions between the universal category of postcolonial analysis and the national instrument of foreign policy diversification. The article demonstrates the systematic use of these terms within the academic narrative and the official discourse of Belarusian leadership, positioning them as tools for legitimizing multi-vector policy and as ideological foundations for geopolitical reorientation in the context of Western sanctions.

Keywords: “Global South”; “Far Arc”; Foreign Policy of Belarus; Postcolonial Analysis; Geopolitical Identity.

В контексте укрепления процессов диверсификации геополитических и экономических связей Республики Беларусь категории «Глобальный Юг» и «дальняя дуга» становятся ключевыми аналитическими инструментами, определяющими стратегию адаптации страны к новым вызовам

мировой политики. Их сравнительный анализ актуален как для исследователей, так и для практиков, поскольку позволяет выявить потенциальные направления международного сотрудничества и аналитическую ценность этих категорий для белорусской внешней политики [1].

Возникновение термина «Глобальный Юг» в контексте дихотомии Юг–Север связано с историческими изменениями структуры международной системы во второй половине XX в., реакцией на процессы деколонизации, роста глобального неравенства и появления новых форм международного сотрудничества.

До 1980-х гг. попытки классификации стран вне западного пространства опирались на понятия «развивающиеся страны», «третий мир» и другие сходные категории, использовавшиеся в контексте преимущественно экономического неравенства [2, с. 5]. Однако с течением времени эти категории все чаще подвергались академической критике за их идеологизированность и неоднозначность.

Ключевым этапом в признании термина «Глобальный Юг» стал выход доклада Независимой комиссии по вопросам международного развития при ООН под руководством бывшего канцлера ФРГ В. Брандта. В докладе была предложена новая картография международного неравенства, и концептуально разделены группы стран по уровню экономического развития. При этом отношения «Север–Юг» были названы как «величайший вызов нашего времени» не только в социально-экономическом, но и в политическом контексте [3, р. 1].

В дальнейшем, на международных площадках — в структурах ООН, в работе Группы 77, а также в многочисленных постколониальных исследованиях, категория «Глобальный Юг» начала использоваться именно как инструмент политической идентификации, объединяющий страны, стремящиеся к пересмотру механизмов мировой справедливости: «Глобальный Юг» vs «Глобальный Запад» [4, с. 114].

В 1990-х гг. и особенно в первые десятилетия XXI в. академическая литература фиксирует стремительный рост частоты употребления термина «Глобальный Юг», он же «Юг» как собирательное понятие по вопросам глобального неравенства, роли стран периферии в новых экономических и дипломатических альянсах, а также во внутринациональных стратегиях развития. Так, в 1990 г. был подготовлен доклад Южной комиссии, формально учреждённой в 1987 г. по инициативе премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада. В докладе раскрывались системные проблемы, связанные с колониальным наследием, устойчивыми экономическими барьерами и глобальной несправедливостью. Во вступительной статье главы комиссии, видного политика Танзании, Дж. Ньерере, указывалось, что

преодоление этих вызовов возможно лишь в условиях солидарности стран Юга, совместной разработки экономических стратегий и реформирования международных институтов: «...Ответственность за развитие Юга лежит на самом Юге, [находится] в руках народов Юга» [5, p. vii].

В русскоязычном научном пространстве понятие «Глобальный Юг» начало разрабатываться недавно. Причем, фокус внимания исследователей акцентируется преимущественно на его роли как новой эпистемологической категории в глобальной социологии, международных отношениях, а также характеризующего развитие мировой периферии. Подчеркиваются отрыв от устаревших концепций «третий мир» и «развивающиеся страны», а также значение термина для анализа неравенства, постколониальных процессов и диалога между странами периферии [6, с. 120; 7, с. 7]. Особое внимание уделяется превращению понятия из географического в структурно-социальное, а также его символической функции в мобилизации стран и народов вне западного центра.

В отличие от англоязычных исследований, где термин широко применяется для обозначения транснациональной политической субъектности и солидарности угнетенных — так называемый *Political South*, — в русскоязычных работах сохраняется более прагматичный подход: акцент делается, прежде всего, на институциональных форматах (Группа 77, Движение неприсоединения и др.), экономическом развитии и критике внешних факторов глобального управления [8].

Рассмотрение «Глобального Юга» в ключе политической мобилизации и формирования альтернативной политической субъектности встречается преимущественно в работах последних лет [9–12].

«Глобальный Юг» также стал активно привлекаться в белорусской дипломатии. Так, выступая на виртуальном саммите «Голос Глобального Юга» в августе 2024 г. Президент А. Г. Лукашенко подчеркивал: «Эпоха западного господства уходит в прошлое. Центр глобального прогресса, экономической гравитации, да и принятия политических решений смещается на Юг и Восток... Голос Глобального Юга должен звучать в полную силу и соответствовать своему гигантскому потенциалу» [13].

В интервью китайскому информационному агентству «Синьхуа» в августе 2025 г. Президент заявил о том, что «Глобальный Юг» является новым мировым центром силы, а Беларусь — его составной частью. А. Г. Лукашенко также подчеркнул, что «Будущее развитых стран во многом будет зависеть от того, как быстро они... научатся выстраивать равноправные, взаимоуважительные отношения с Глобальным Югом» [14].

В настоящее время на базе термина «Глобальный Юг» развиваются три подхода, демонстрирующие различные способы анализа современного мирового неравенства и международных отношений.

Первая концепция отражает экономическую классификацию стран — рассматривает «Глобальный Юг» как группу экономически слабых государств. Этот подход традиционно используется международными организациями, особенно теми, которые выросли из Движения неприсоединения. Термин служит современной заменой понятия «третий мир», которое устарело после окончания холодной войны [15]. В рамках этого подхода страны классифицируются по экономическим показателям, а границы между «Севером» и «Югом» определяются уровнем национального дохода и развития.

Второе определение выходит за рамки национальных границ и рассматривает «Глобальный Юг» как территории и народы, которые пострадали от современной капиталистической глобализации. Согласно этому подходу, существуют как совокупность разрозненных бедных пространств внутри богатых северных стран, так и богатые экономические анклавов внутри географически южных более бедных регионов [2, с. 10]. Например, бедные районы городов США можно считать частью «Глобального Юга», а богатые элиты в африканских и азиатских странах — частью «Глобального Севера». Такая логика позволяет анализировать неравенство независимо от географического положения.

Третье понимание «Глобального Юга» фокусируется на формировании общей политической идентичности угнетенных народов мира. Эта концепция предполагает, что территории, относящиеся к бедному «Югу», могут объединиться, осознав общность своего опыта эксплуатации современным капитализмом. Истоки этой интерпретации восходят к традициям проекта «третьего мира» и интернационалистическим движениям периода холодной войны. Она представляет собой попытку создать транснациональную солидарность, основанную на общем сопротивлении глобальному неравенству, а не просто на географической близости или экономическом статусе.

Таким образом, «Глобальный Юг» эволюционировал от простого экономического индикатора через пространственный анализ неравенства к инструменту политической мобилизации и международной солидарности.

В целом, «Глобальный Юг» отражает не столько территориальную принадлежность, сколько общность исторического опыта, политической солидарности и стремления к реформе мировой системы. Данная

концепция служит символом борьбы против структурной дискриминации и инструментом внешнеполитического позиционирования для стран, ранее считавшихся периферией.

Если «Глобальный Юг» выступает центральной категорией мировых политико-экономических исследований и внешних стратегий, то концепция «дальней дуги» имеет национальную окраску и представлена преимущественно в белорусской историографии, в работах ученых и аналитиков [1; 16–19].

Термин «дальняя дуга» возник в белорусском профессиональном дипломатическом и внешнеполитическом лексиконе на рубеже 1990–2000-х гг. в связи с поиском новых партнеров, выходящих за пределы традиционного геополитического окружения страны — Российской Федерации, ЕС и СНГ. Первые контуры этого понятия проявились после ухудшения отношений Беларуси с западными странами и введения ограничений на политические контакты со стороны ЕС [16, с. 59].

Формирование концепции «дальняя дуга» в белорусском политическом дискурсе имело поэтапный характер. Ее основой стала Концепция национальной безопасности Республики Беларусь 2010 г., которая закрепила принцип «многовекторности внешней политики» как основной стратегический подход к диверсификации международных связей [20, с. 5, 9, 21, 25].

Развернутая характеристика концепции появилась в дипломатических публикациях МИД, где подчеркивалась важность развития связей «с перспективными партнерами и союзниками в Азии, Африке и Латинской Америке, формирующими т. н. „дальнюю дугу“ белорусской внешней политики» [21, с. 33].

Термин «дальняя дуга» был использован в национальной программе поддержки и развития экспорта на 2016–2020 гг., в которой были обозначены перспективные экспортные рынки стран «дальней дуги» [22], а также в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. [23, с. 45–46]. «Дальняя дуга» сохраняет статус приоритетного региона, что демонстрирует проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г. В документе отмечается, что «На качественно новый уровень белорусской внешней политики выходит взаимодействие со странами „дальней дуги“ — Азией, Африкой и Латинской Америкой» [24, с. 15].

Таким образом, эволюция понятия отражает переход от общих принципов многовекторности к конкретной географической и стратегической категоризации внешнеполитических приоритетов Беларуси.

Большинство исследований признает значимость данной концепции в контексте санкционного давления, необходимости экспортной

диверсификации и поиска новых союзников. В статье В. Е. Снапковского 2021 г., посвященной характеристике этапов и приоритетов внешней политики белорусского государства, отмечается, что «отношения со странами „дальней дуги“... достигли качественно нового уровня» [17, р. 40–41].

В 2022 г. в Лейденском университете было проведено научное исследование на уровне магистерской работы, в котором термин «дальняя дуга» (Far Arc) использовался для обозначения политики Беларуси по выстраиванию отношений с государствами Азии, Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока, как инструмента снижения зависимости от России и расширения внешнеэкономических и дипломатических возможностей [25].

Регионально «дальняя дуга» охватывает три блока: государства Азии, Африки и Латинской Америки, что прямо указано на сайте МИД Республики Беларусь [26]. Основываясь на современных исследованиях, страны «дальней дуги» можно представить регионально следующим образом: Азия и Океания, Африка и Ближний Восток, Латинская Америка и Карибский бассейн.

Смысловая нагрузка термина «дальняя дуга» не ограничивается исключительно торгово-экономическими задачами. Он отражает стратегические устремления белорусской дипломатии — создание полноценной альтернативы традиционным векторным направлениям с целью замещения утраченных рынков западных стран и Украины (в условиях санкций и военных действий); получения новых ресурсов для политической легитимации на международной арене; формирования многополярной внешнеполитической идентичности и противодействия доминированию одного центра; укрепления позиций Беларуси в ООН, Движении неприсоединения, ШОС и других международных организациях. На совещании с руководителями дипломатических представительств Беларуси в 2023 г. Президент назвал ШОС и БРИКС (Беларусь является партнером БРИКС с 2024 г.) мощными инструментами для работы на «дальней дуге» [27].

Вызовы, связанные с реализацией политики «дальней дуги», включают относительную нестабильность политической власти в регионах, относящихся к дальней дуге, слабую институциональную базу и долгую дистанцию по наращиванию доли стран «дальней дуги» в общем внешне-торговом обороте Беларуси.

Таким образом, «дальняя дуга» — это уникальный инструмент белорусской внешней политики, возникший как реакция на внешние вызовы и санкции, и получивший институциональное закрепление в стратегических государственных программах, экспертных публикациях и дипломатическом дискурсе. Оба понятия, и «Глобальный Юг» и «дальняя дуга»,

сосуществуют в белорусской практике, взаимно дополняя друг друга в географическом и партнерском аспекте, но остаются «разнокорневыми» по своей идее, структурному наполнению и историческому значению.

Анализ особенностей рассматриваемых понятий показал ряд сходств и отличий.

Обе концепции играют важную роль в современном теоретическом и практическом осмыслении внешнеполитических процессов, однако их структура, специфика, пересечения и различия контекстуальны.

«Глобальный Юг» и «дальняя дуга» представляют принципиально разные уровни анализа международных отношений — глобальный постколониальный дискурс vs национальная внешнеэкономическая стратегия. Их сосуществование в белорусской дипломатии отражает попытку совместить универсальную антизападную риторику с прагматическими задачами экономической диверсификации.

Переход белорусской дипломатии от концепции «дальней дуги» (с 2016 г.) к концепции «Глобального Юга» (2024–2025) отражает глубокую трансформацию внешнеполитической идентичности государства: от прагматичного технократического инструментария к идеологическому позиционированию в рамках новой многополярности. В настоящее время обе концепции функционируют параллельно, причем этот процесс носит поступательный характер и обусловлен изменением политических и экономических реалий, а не является результатом мгновенной парадигмальной смены. Данный переход стал наглядным свидетельством системной эволюции белорусской внешнеполитической стратегии, дополнительно подкрепленной интеграцией страны в транснациональные политико-экономические альянсы «Глобального Юга». В современном белорусском дискурсе «дальняя дуга» выполняет операциональную функцию (конкретные страны, торговые маршруты, экспортные показатели), а «Глобальный Юг» — легитимационную (идеологическое обоснование геополитического выбора, солидарность с незападным миром).

Обе концепции сталкиваются с системными ограничениями белорусской внешней политики: географической удаленностью от регионов-партнеров, ограниченными ресурсами для глобального позиционирования, зависимостью от российской логистической инфраструктуры для выхода на рынки «дальней дуги» или «Глобального Юга». Тем не менее, белорусский опыт демонстрирует, как малые государства адаптируют глобальные концептуальные рамки для решения национальных стратегических задач, создавая успешные гибридные модели внешнеполитического позиционирования.

Библиографические ссылки

1. Дударенок А. Страны мирового Юга — важнейшее направление внешней политики белорусского государства // БИСИ. 2024. 24 июля. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/strany-mirovogo-yuga-vazhneyshee-napravlenie-vneshney-politiki-belorusskogo-gosudarstva> (дата обращения: 25.08.2025).
2. Расольцев С. В. «Глобальный Юг»: происхождение и эволюция термина // Мировое развитие. Вып. 19. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 5–10. DOI:10.20542/978-5-9535-0547-5.
3. Brandt W. North-South: A Programme for Survival. London: Pan Books, 1980. 304 p.
4. Кудинова Д. О. Глобальный ЮГ в современных международных отношениях // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13, № 7А. С. 111–116.
5. Nyerere J. K. Chairman Preface // The South Commission. The Challenge to the South: The Report of the South Commission. Oxford: Oxford University Press, 1990. 325 p.
6. Кисленко И. Ю. О роли понятий «глобальный Север–Юг» в глобальной социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 116–128. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.201>.
7. Яковлев П. П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций. Политика. Экономика. Право. 2021. Т. 14, № 2. С. 6–27. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1.
8. Муратбекова А. Глобальный юг и текущая геополитика // Eurasian Research Institute (Akhmet Yassawi University). 2023. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-global-south-and-current-geopolitics/?lang=ru> (дата обращения: 18.08.2025).
9. Яковенко А. В. Картина нарождающегося мира: Глобальный Юг // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 1(82). С. 42–57.
10. Сушенцов А. Глобальный Юг в поисках идентичности // Валдайский клуб, 2024. 1 ноября. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalnyy-yug-v-poiskakh-identichnosti> (дата обращения: 18.08.2025).
11. Богданов К., Кобринская В., Фрумкин Б. Гонка на Глобальном Юге, или битва за мировое большинство // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 5(129). С. 80–97. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97.
12. Яковенко А. В. Внешнеполитические стратегии Глобального Юга: отрицание западного опыта // Ria.ru. 2025. 25 августа. URL: <https://ria.ru/20250825/zapad-2037337669.html> (дата обращения: 18.08.2025).
13. Президент Беларуси. Итоги недели // Belarus.by. 2024. 18 августа. URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/news/gromkie-naznachenija-rezonansnoe-intervju-soveshanie-lukashenko-s-generalami-i-virtualnyj-sammit-itogi-nedeli-prezidenta_i_175689.html (дата обращения: 31.08.2025).
14. Лукашенко считает Глобальный Юг новым мировым центром силы, а Беларусь — его составной частью // БЕЛТА. 2025. 31 августа. URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-schitaet-globalnyj-jug-novym-mirovym-tsentrom-sily-a-belarus-ego-sostavnoj-chastju-734691-2025/> (дата обращения: 31.08.2025).
15. Mahler A. G. What/Where is the Global South? // Global South Studies. 2017. November 11. URL: <https://www.globalsouthstudies.org/what-is-the-global-south/?pdf=10> (date of access: 18.08.2025).
16. Шадурский В. Г. Сотрудничество Беларуси со странами «дальней дуги»: достижения и проблемы // Беларусь в меняющемся мире: история и современность:

материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: М. Э. Чесновский (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 58–67.

17. *Snapkouski U. E.* Foreign policy of the Republic of Belarus: milestones and priorities // *Journal of the Belarusian State University. International Relations*, 2021. № 1. Р. 36–43.

18. *Фрольцов В. В.* Страны дальней дуги в исследованиях кафедры международных отношений // *ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике: место и роль Республики Беларусь: материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исслед.*, Минск, 18 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2024. С. 44–49.

19. *Казак О.* Стратегия разворота на Восток // *Звезда*. 2025. 15 мая. URL: <https://zviazda.by/ru/news/razvorot-na-vostok-eksperty-ob-aktivizatsii-sotrudnichestva-so-stranami-dalney-dugi/> (дата обращения: 20.08.2025).

20. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждена 09.11.2010 № 575 // Палата представителей Национального Собрания Республики Беларусь. URL: <https://house.gov.by/ru/official-documents-ru> (дата обращения: 18.08.2025).

21. *Макей В.* Внешняя политика на службе народа // *Беларуская думка*. 2015. № 9. С. 28–36.

22. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 августа 2016 г. № 604 «О поддержке и развитии экспорта Республики Беларусь в 2016–2020 годах» // Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей. URL: https://www.belarp.by/media/ra/doc/Predprinimatelstvo/Postanovlenie_sov_min_604.docx (дата обращения: 20.08.2025).

23. Указ президента Республики Беларусь от 29.07.2021 № 292 «Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы». 2021. 29 июля. 74 с. // Сайт министерства экономики Республики Беларусь. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/Programma-2025-nov-red.pdf> (дата обращения: 18.08.2025).

24. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года // Министерство экономики Республики Беларусь. Минск, 2024. 118 с. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitija-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

25. *Wildschut K.* Belarusian Foreign Policy: Analysis of the Far Arc 2017–2022 // *Leiden University*, 2022. 59 p. URL: <https://studenttheses.universiteitleiden.nl/access/item%3A3453947/view> (date of access: 18.08.2025).

26. Министерство иностранных дел Республики Беларусь. Приоритетные направления внешней политики. URL: https://mfa.gov.by/foreign_policy/priorities (дата обращения: 15.08.2025).

27. Совещание с руководителями дипломатических представительств Беларуси // Сайт Президента Республики Беларусь. 2023. 31 июля. URL: <https://president.gov.by/ru/events/sovesanie-s-rukovoditelami-diplomaticeskih-predstavitel-stv-belarusi> (date of access: 31.08.2025).

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ ИДЕИ «УМНОЙ МАШИНЫ» К СОВРЕМЕННОМУ МУЛЬТИМОДАЛЬНОМУ ГЕНЕРАТИВНОМУ ОБУЧЕННОМУ ТРАНСФОРМЕРУ

Т. Д. Гернович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, tat.gernovich@gmail.com*

Статья посвящена истории развития искусственного интеллекта от древних мифологических и философских представлений до современных технологий. Основной задачей исследования было выявление ключевых этапов формирования ИИ, включая философские, математические, когнитивные и технические предпосылки. Рассмотрены современные вызовы: этические и социальные вопросы, регулирование, доверие к алгоритмам, а также геополитические аспекты и национальные стратегии развития ИИ. Полученные результаты позволяют трактовать искусственный интеллект как сложный междисциплинарный феномен, находящийся на пересечении науки, техники и гуманитарного знания, и как фактор, влияющий на развитие общества и государства.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейронные сети; история ИИ; цифровые технологии; национальная безопасность.

HISTORY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM THE IDEA OF AN “INTELLIGENT MACHINE” TO THE MODERN MULTIMODAL GENERATIVE TRAINED TRANSFORMER

T. D. Hiarnovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, tat.gernovich@gmail.com*

The article is devoted to a historical analysis of the development of artificial intelligence, from ancient mythological and philosophical concepts to modern neural network technologies. The primary objective of the study was to identify the key stages in the formation of AI, including its philosophical, mathematical, cognitive, and technical foundations. Contemporary challenges are also examined, such as ethical and social issues, regulation, algorithmic trust, as well as geopolitical aspects and national AI development strategies. The results obtained allow artificial intelligence to be interpreted as a complex interdisciplinary phenomenon at the intersection of science, technology, and the humanities, as well as a factor influencing the development of society and the state.

Keywords: artificial intelligence; neural networks; history of AI; digital technologies; national security.

Идея искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой результат многовекового стремления человека преодолеть природные ограничения собственного тела и разума. Создание ИИ обусловлено не только

современными технологиями, его истоки уходят вглубь тысячелетий — в область мифа, религии и философии, где человек впервые осмелился задуматься о возможности создания мыслящих существ, подобных себе.

Философские, механические и мифологические истоки идей об «умной машине». Идеи об ИИ прослеживаются ещё в мифологических и философских нарративах древности, в которых искусные мастера создавали «мыслящие машины». Так, в «Илиаде» Гомера, в «Аргонавтике» Апполония Родосского и др., упоминаются умные творения Гефеста: золотые служанки, самодвижущиеся треножники на колесах, бронзовый механический великан Талос, охранявший Крит, механические собаки во дворце Алкиноя, железные быки, фыркающие огнем и др. [1]. В работах Герона Александрийского (конец I в. н. э.) описывались первые механические аппараты, которые могли самостоятельно двигаться и облегчали человеческий труд [2]. Эти предания, будучи художественными и символическими, отразили важную идею: мысль о том, что разум и жизнь могут быть сконструированы, а не только даны природой.

В средневековой литературе подобные идеи встречаются в преданиях о так называемых «медных головах» — механических устройствах, приписываемых Папе Сильвестру II (терафим), английскому епископу Линкольну Роберту Гроссетесту, Роджеру Бэкону и Альберту Великому, которые помогали им размышлять и принимать верные решения [3]. В еврейской мистической традиции возник образ Голема — искусственного существа, созданного в Праге раввином Махаралем для защиты иудеев [4]. Эти рассказы служили одновременно метафорой человеческого стремления постичь тайну души и предупреждением об опасности попыток человека подменить собою Бога.

В средние века философские поиски способов механизации познания приводят каталонского мыслителя Раймунда Луллия (Ramon Llull, Raymundus Lullius, 1232–1316) к идее об универсальной системе рассуждений «Великая искусность» (Ars Magna), которая была основана на механическом комбинировании понятий. Как утверждал Раймунд Луллия, на ее создание его вдохновила арабская заирджа, устройство, использовавшееся средневековыми арабскими астрологами для генерации предсказаний механическим способом.

Рис. 1. Ars Magna

Если в Средние века идея искусственного существа носила в основном мистико-символический характер, то начиная с XVII в. она становится частью рационального дискурса. В эпоху Ренессанса и Нового времени философами предпринимаются первые систематические попытки формализовать мыслительные процессы. Томас Гоббс в трактате «Левиафан» (1651) рассматривал рассуждение как операцию сложения и вычитания идей, что позволило трактовать мышление как потенциально воспроизводимый процесс. Готфрид Вильгельм Лейбниц развил эту линию, предложив универсальное логическое исчисление (*calculus ratiocinator*) и сконструировав механический «ступенчатый суммирующий механизм» (*Step Reckoner*, 1673). Его призыв «*Calculemus!*» выражал веру в возможность устранения разногласий путём перевода аргументации в форму вычислений. Многие мыслители Нового времени (Б. Спиноза, Дж. Локк, Ж. О. де Ламетри, И. Кант, Д. Юм) стремились описать разум как систему универсальных правил, ассоциаций или материальных механизмов [5].

Наряду с философскими размышлениями учеными велась разработка реальных технических устройств. Сохранились чертежи механических машин Леонардо да Винчи (робот-солдат, механический лев, самоходная тележка и др.)¹, первых механических вычислительных машин — «Паскарины» Блеза Паскаля (1642) [6].

В 1822 г. Чарльз Бэббидж начинает, но так и не завершает создание Разностной машины (*Difference Engine*), предназначенной для автоматизации вычислений. В ходе работы над ней у Бэббиджа возникла идея создания универсальной вычислительной машины, которую он назвал аналитической (*Analytical Engine*) и которая стала прообразом современного цифрового компьютера, работающего с помощью перфокарт, которые переключали ее между режимами сложения, вычитания, деления и умножения. Эти философские и технические поиски создали основу для будущих моделей формализованного мышления и автоматизации рассуждений [7].

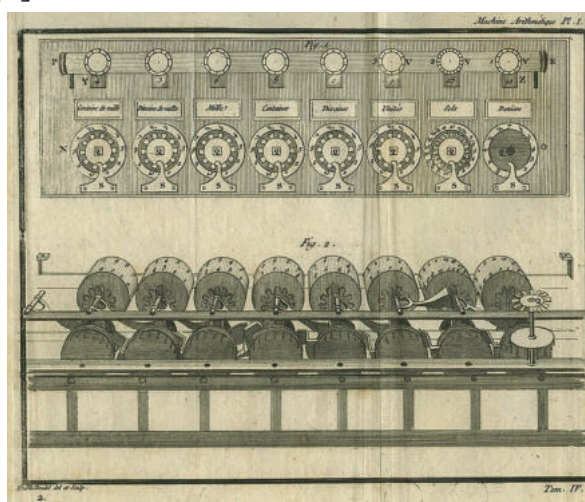

Рис. 2. Суммирующая машина Б. Паскаля

¹ Реконструкция моделей Леонардо да Винчи из Кодекса Атлантикус, фолио 579r, 1077p, 1021p, 1021v // Leonardo3: музей. URL: <https://www.leonardo3.net/en/13-research-center/13-collection/robot-soldier-1294.html> (дата обращения: 31.01.2025).

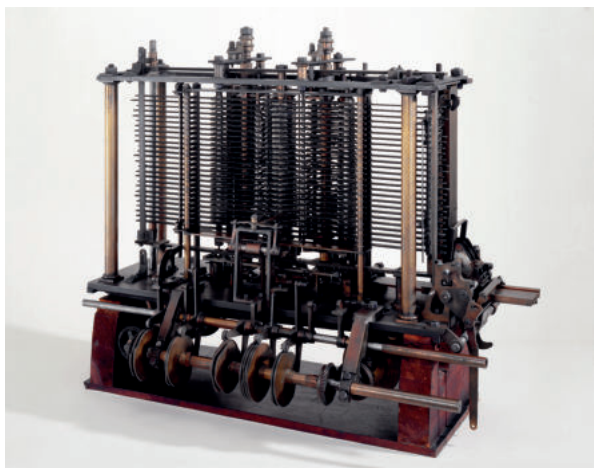

Рис. 3. Аналитическая машина
Ч. Бэббиджа

Параллельно в логике и математике создавались формальные системы, которые позволяли описывать рассуждения в виде алгоритмов. Джордж Буль (1815–1864) разработал символическую алгебру логики, которая положила начало булевой логике — фундаменту современных вычислительных методов. Его формулы позволяли формализовать утверждения и выводы, что стало краеугольным камнем для дальнейшей разработки про-

граммируемых машин и языков программирования [8].

Большое значение для формирования научных предпосылок ИИ имело развитие в первой половине XX в. психологии. Английский психолог Фредерик Бартлетт в 1932 г. в работе «Remembering» ввёл термин «схема» для обозначения структурированного опыта, который направляет восприятие и память. Он показал, что мышление опирается не только на факты, но и на заранее сформированные ментальные структуры, определяющие интерпретацию новой информации. Человеческий мозг при восприятии новой информации достраивает её поверх уже имеющихся схем. Позднее Жан Пиаже представил схемы как динамические образования, возникающие в ходе взаимодействия субъекта со средой. Развитие мышления — это процесс ассимиляции (включение нового опыта в старые схемы) и аккомодации (изменение схем под новые обстоятельства). Эти исследования создали предпосылки для развития кибернетики в середине XX в. и последующих подходов к моделированию когнитивных процессов.

Философские и научные идеи находили также отражение в культуре. В 1923 г. слово «робот», заимствованное из чешского языка (от *robota* — «работа», «тяжёлый труд»), вошло в английский язык благодаря постановке пьесы Карела Чапека *R. U. R. (Rossum's Universal Robots)* в Лондоне, ознаменовав появление термина, который впоследствии стал ключевым для дискурса об искусственном интеллекте.

Зарождение теоретических основ искусственного интеллекта: кибернетика, нейронные сети и первые компьютеры (1930–50-е гг.). Однако реальные научные предпосылки для создания искусственного интеллекта начали формироваться только в 30-х гг. XX в.

Ключевым моментом в истории ИИ стало появление в 1936 г. теоретической конструкции, предложенной британским математиком Аланом

Тьюрингом — «машины Тьюринга». В своей статье «О вычислимых числах, с применением к задаче разрешимости (Entscheidungsproblem)» он сформулировал модель абстрактного вычислителя, способного выполнять любую вычислимую функцию при наличии соответствующей инструкции [9]. Эта работа не только стала краеугольным камнем теоретической информатики, но и задала направление размышлений о возможности формализации процессов мышления и принятия решений. Машина Тьюринга продемонстрировала, что сложные логические операции могут быть сведены к элементарным пошаговым действиям — алгоритмам, что открывало путь к созданию интеллектуальных систем на механической основе.

В 1947 г. А. Тьюринг подготовил рукопись «Intelligent Machinery», в которой появились зачатки современных представлений об искусственном интеллекте: идеи обучения машины на основе опыта, концепция имитации человеческого мышления, а также предположение о возможности построения систем, способных к адаптивному поведению [10]. Хотя этот текст не был опубликован при жизни автора, он стал важным шагом к формированию образа ИИ как особого направления вычислительной техники, объединяющего математику, логику и инженерные решения [11].

В 1950 г. А. Тьюринг предложил концепцию так называемого «имитационного теста» (позже известного как тест Тьюринга): метод определения способности машины проявлять интеллектуальное поведение, неотличимое от человеческого. Ученый предложил оценивать способность машины к рассуждению через диалог с человеком, что позволяло формально рассматривать вопросы интеллекта и сознания в контексте вычислительных систем. Этот тест стал важным ориентиром для последующих исследований в области ИИ, задав направление, в котором оценка интеллекта машин опирается на их поведение, а не на внутренние механизмы¹.

Развитие теоретических основ искусственного интеллекта в первой половине XX в. было неразрывно связано с формированием логико-математического аппарата, необходимого для описания мышления как

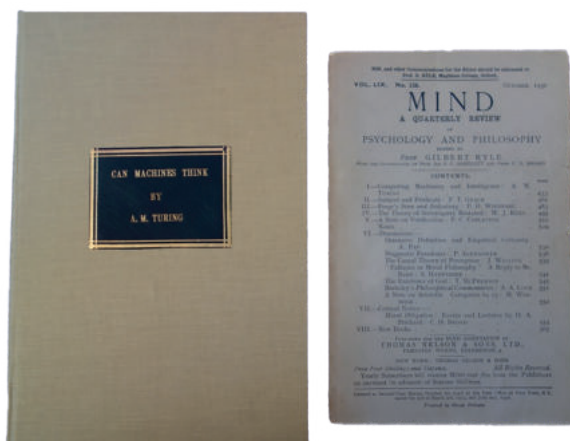

Рис. 4. Публикации работ А. Тьюринга

¹ Документы и материалы о жизни деятельности А. Тьюринга размещены в проекте «Цифровой архив Тьюринга». URL: <https://turingarchive.kings.cam.ac.uk/> (дата обращения: 31.01.2025).

формализуемого процесса. Ключевыми фигурами этого направления стали К. Гёдель, доказавший в 1931 г. теорему о неполноте, тем самым продемонстрировав принципиальные ограничения формальных систем и подорвав надежду на полную алгоритмизацию логики, и А. Чёрч, развивавший λ -исчисление — формальную систему для выражения алгоритмов и функций, впоследствии ставшую основой функционального программирования.

Эти исследования, вместе с моделью Тьюринга, заложили фундамент для понятия «разрешимости» задачи: возможности определить, завершится ли алгоритм при заданных входных данных. Формализация этих вопросов в рамках теории алгоритмов и теории автоматов стала краеугольным камнем в философском осмыслении искусственного интеллекта, поднимая вопросы о границах машинного мышления, проблеме остановки и природе рассуждения как вычислительного процесса.

Параллельно с развитием теории вычислений велись попытки формализовать биологические и когнитивные процессы. В 1943 г. Уоррен Маккалок и Уолтер Питтс опубликовали ставшую фундаментальной статью «Логическое исчисление идей, присущих нервной деятельности», в которой представили математическую модель нейронной активности. Они продемонстрировали, что сеть простых бинарных элементов (нейронов), соединённых по определённым правилам, может выполнять логические операции, подобные тем, что реализуются в формальной логике [12]. Эта работа положила начало направлению, которое в дальнейшем будет известно как нейронные сети, и которое станет важной ветвью исследований в области ИИ, особенно начиная с 1980-х гг.

В том же 1943 г. Артуро Розенблют, Норберт Винер и Джулиан Бигелоу опубликовали статью «Поведение, целенаправленность и телеология» (Behavior, Purpose and Teleology) в журнале «Philosophy of Science». Авторы сформулировали принципы функционирования целенаправленных систем, как биологических, так и технических, подчеркнув центральную роль обратной связи в управлении поведением [13]. Введённое ими понятие «телеологический механизм» описывало систему, способную адаптировать свои действия в зависимости от текущего состояния и отклонений от заданной цели. Этот подход способствовал интеграции биологических и инженерных представлений, став важным теоретическим мостом между нейрофизиологией и проектированием автоматических устройств.

В середине 1940-х гг. Норберт Винер развил эти идеи в кибернетике — науке об управлении и связи в машинах и живых организмах, что закрепило междисциплинарный характер исследований [14]. Кибернетика предложила универсальный язык для описания саморегулирующихся процессов в технических и биологических системах, введя в научный оборот

такие понятия, как обратная связь, адаптация и целеустремлённость. Эти идеи стали фундаментом междисциплинарного подхода к изучению интеллекта, робототехники и систем управления, открыв новые горизонты для научного осмысления процессов поведения и управления [15].

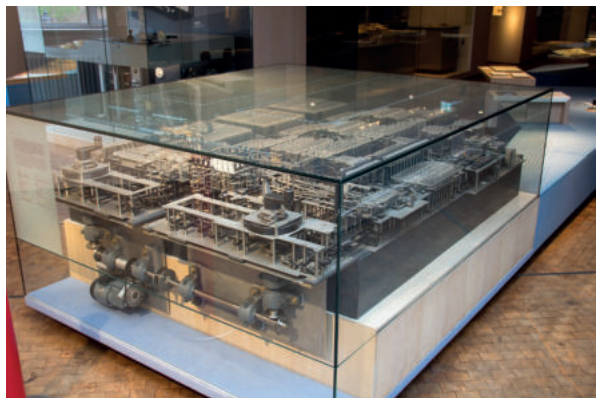

Рис. 5. Вычислительная машина Z1

Развитие теоретических представлений сопровождалось бурным технологическим прогрессом. В 1938 г. немецкий инженер Конрад Цузе создал Z1 — первый механический программируемый компьютер с двоичной системой счисления. В 1941 г. он разработал Z3 — первый полностью функциональный программируемый компьютер, способный автоматически

выполнять вычисления. Параллельно в Великобритании в 1943 г. был создан Colossus — первый электронный компьютер, предназначенный для расшифровки кодов в ходе Второй мировой войны.

В 1944 г. в США появился ENIAC — первый универсальный полностью электронный компьютер, использовавший вакуумные лампы и способный выполнять сложные арифметические операции с высокой скоростью. Ограничением ENIAC было отсутствие хранимой программы: все инструкции задавались вручную с помощью переключателей и перфокарт. Ключевым технологическим прорывом стала архитектура хранимой программы, реализованная в 1948–1949 гг. в Manchester Mark I (Великобритания), оснащённом электронными лампами и магнитным запоминающим устройством трубкой Уильямса-Килберна. Эта архитектура позволила перейти от жёстко заданных действий к гибкой логике работы, основанной на обработке инструкций, хранящихся в памяти машины [16].

Значительный вклад в ранние представления об искусственном интеллекте внес британский нейрофизиолог Уильям Грей Уолтер. В конце 1940-х гг. он создал автономных роботов — «черепах» (tortoises), использовавших

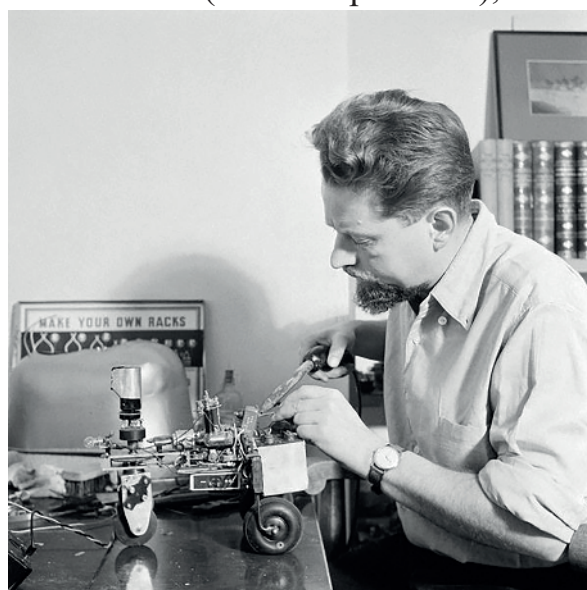

Рис. 6. Грей Уолтер за созданием machina speculatrix (черепашки Элзи)

простейшие сенсорно-моторные петли для реагирования на свет и тактильные стимулы. Эти устройства демонстрировали элементарные формы целенаправленного и адаптивного поведения: избегали препятствий, двигались к источнику света и приспосабливались к изменениям окружающей среды. Уолтер показал, что даже минимальная конструкция с обратной связью может создавать впечатление «интеллектуальной» активности, оказав значительное влияние на развитие бихевиористских подходов в робототехнике и формирование концепций адаптивного поведения в ранних исследованиях ИИ.

Институционализация исследований ИИ и формирование дисциплины (середина 1950-х–1990-е гг.).

К середине 1950-х гг. накопленные теоретические, инженерные и философские разработки создали благоприятную почву для институционализации нового направления. В 1956 г. на Дартмутской летней конференции под руководством Джона Маккарти, Марвина Мински, Натаниэля Рочестера и Клода Шеннона был впервые официально введён термин искусственный интеллект (Artificial Intelligence) (предложенный Джоном Маккарти) и искусственный интеллект был признан самостоятельной исследовательской дисциплиной. Эта дисциплина объединила новые научные направления, такие как нейронные сети, машинное обучение и изучение креативности, на которых впоследствии сосредоточились исследования.

В 1951 г. Марвин Мински совместно с Дином Эдмондсом разработал первую нейронную машину — SNARC (Stochastic Neural Analog Reinforcement Calculator), построенную на базе вакуумных ламп. Эта экспериментальная система включала около 40 искусственных нейронов и имитировала процессы обучения на примере поведения крысы в лабиринте, демонстрируя принципы ассоциативной памяти и подкрепления. Несмотря на техническую примитивность, SNARC стала важным шагом в исследовании нейронных сетей, показав возможность моделирования адаптивного поведения с помощью машинных структур.

Позднее, в 1970-х гг., М. Мински предложил концепцию фреймов — когнитивных структур для представления знаний. Фрейм понимался как схема или сценарий, фиксирующий типовую ситуацию и содержащий «ячейки» (slots) для переменных, которые могут быть заполнены в зависимости от контекста. Эта идея позволила перейти от простого хранения фактов к моделированию сложных отношений между ними и стала важным вкладом в развитие представления знаний в искусственном интеллекте [17]. В определённом смысле фреймы можно рассматривать как развитие тех самых поисков механизмов памяти и обучения, которые были впервые опробованы М. Мински в SNARC.

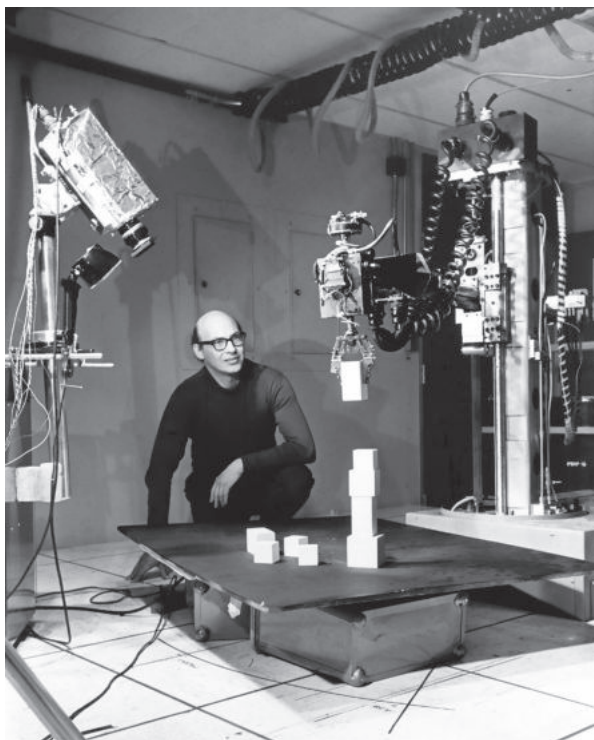

Рис. 7. Марвин Ли Мински

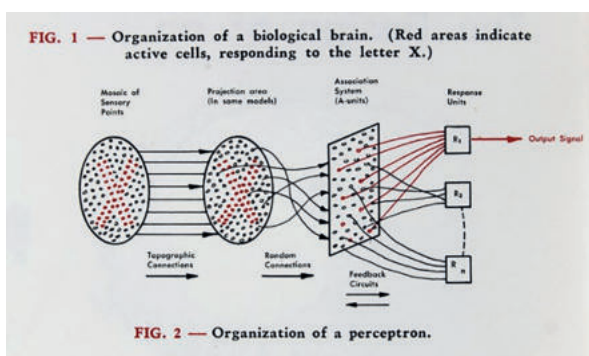

Рис. 8. Изображение перцептрона из книги Розенблатта «Проект интеллектуального автомата», 1958 г.

Первые исследования ИИ развивались в рамках двух основных подходов: с одной стороны — логического (символьного) подхода, который стремился воссоздать «универсальные законы» мышления, продолжая идеи машины Тьюринга (Б. Рассел, Г. Фреге, Венский кружок), с другой стороны — нейронного подхода, заложенного Ф. Розенблаттом, который пытался имитировать биологические процессы мозга, положив начало развитию коннекционизма¹, оформившегося в отдельное направление в начале 1980-х гг.

В 1957 г. Фрэнк Розенблатт разработал перцептрон (англ. perceptron от лат. perceptio — восприятие) — первую искусственную нейронную сеть с алгоритмом обучения на основе корректировки весов (обученных параметров)². Перцептрон представлял собой алгоритм бинарной классификации, способный определять принадлежность входных данных к одному из двух классов, например, «Истина» или «Ложь», «Кот» или «Не кот». Устройство перцептрона задумывалось как аналог человеческого глаза и могло различать буквы алфавита.

¹ Коннекционизм (от англ. connection — соединение, согласованность, связь) — разработанный в когнитивной науке вычислительный (компьютерный) подход к моделированию мозга, использующий искусственные нейронные сети для имитации процессов познания живых существ (включая человека) и их интеллектуальных способностей // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль. 2001.

² В контексте искусственного интеллекта (ИИ), «вес» — это параметр, который определяет важность или влияние входных данных на результаты модели. Это значение, которое определяет, как сильно входные данные влияют на результат модели. В нейронных сетях веса регулируются во время обучения, чтобы модель могла лучше предсказывать результаты. Чем выше вес, тем большее влияние он оказывает на вывод.

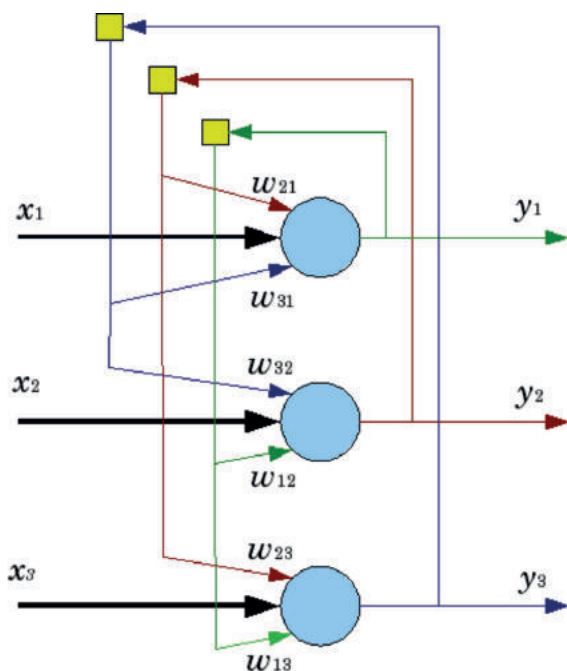

Рис. 9. Архитектура нейронной сети Хопфилда

Однако если имелись варианты написания букв, то оно определяло их как разные знаки. Слабость программных мощностей в этот период, еще не позволял решить задачу распознавания символов до конца [18].

В 1982 г. американский физик Джон Хопфилд продемонстрировал, что определённый тип нейронной сети может изучать и обрабатывать информацию совершенно новым способом. Он создал модель Хопфилда — одну из первых моделей рекуррентных искусственных нейронных сетей, которая работала как ассоциативная память: запоминала образы (например, картинки

или наборы данных) и могла восстанавливать их по частичным или искажённым входам. В отличие от персептрона, который классифицировал изображения («Это кошка»), сеть Хопфилда стремилась к поиску устойчивого состояния и могла воссоздать целую картинку по её фрагменту благодаря наличию внутренних связей между всеми нейронами.

В 1986 г. Дэвид Румельхарт предложил новый подход к обучению нейронных сетей. Он разработал метод обратного распространения ошибки (backpropagation), который позволил эффективно корректировать веса нейронов на всех слоях сети. Этот способ сделал возможным обучение многослойных персептронов (MLP) и положил начало глубокому обучению — созданию сетей с большим числом скрытых слоёв. Позже, в конце 1980-х гг., Янн Лекусн применил эти идеи для разработки первых сверточных нейронных сетей (CNN), которые совершили прорыв в области распознавания изображений и стали основой современных систем компьютерного зрения [19].

Все эти открытия привели к тому, что в 1990-х гг. нейронные сети начали использоваться в коммерческих приложениях, таких как оптическое распознавание символов (OCR) и ранние системы распознавания речи, хотя масштабное распространение в этих областях было ограничено вычислительными возможностями того времени.

В эти годы также развивалось направление исследований ИИ, связанное с разработкой алгоритмов решения задач на компьютере (Дж. Маккарти,

М. Мински, А. Ньюэлл, Г. Саймон и др.). Первые программы строились по жёстко заданным правилам. В 1952 г. Артур Сэмюэл создал обучающуюся программу для игры в шашки, анализирующую собственный опыт и постепенно улучшавшую качество игры — один из первых примеров самообучающейся системы и прямой предшественник шахматных программ.

Развитие таких «самообучающихся» алгоритмов привело к знаковым достижениям: в 1997 г. суперкомпьютер IBM Deep Blue победил чемпиона мира по шахматам, демонстрируя способность машины соперничать с человеком в интеллектуальных задачах. В 2011 г. система Watson, также разработанная IBM, выиграла телевизионную викторину «Jeopardy!», впервые применив ИИ к неструктурированным данным и сложным вопросам естественного языка. В 2016 г. программа AlphaGo компании DeepMind обыграла чемпиона Ли Седоля в игре го, используя нейронные сети и обучение с подкреплением, что показало возможность ИИ вырабатывать нестандартные стратегии и демонстрировать творческий подход к решению сложных задач [21].

В 1980-х гг. также получили развитие программы искусственного интеллекта, называемые «экспертными системами», которые имитировали работу специалистов в узких областях знаний. Первые успешные примеры появились ещё в 1960-х и 1970-х гг.: система DENDRAL, которая помогала химикам идентифицировать молекулярные структуры и MYCIN, предназначенная для диагностики инфекционных заболеваний и назначения антибиотиков. В 1980 г. в Университете Карнеги-Меллона для компании DEC была создана система XCON (eXpert CONfigurer), предназначенная для автоматической конфигурации компьютеров VAX. Используя более 10 000 правил, XCON существенно оптимизировала процесс сборки систем, что позволило компании экономить миллионы долларов в год и стало одним из первых коммерчески успешных применений экспертных систем в промышленности.

В 1984 г. стартовал проект Сус под руководством Дугласа Лената — масштабная попытка собрать базу «здорового смысла», отражающую повседневные знания. В отличие от обычных баз данных, Сус связывала факты с помощью логических и семантических правил, строя обширную онтологию. Система могла делать выводы, интерпретировать новые данные и заполнять пробелы в знаниях, закладывая основы для будущих исследований в области интеллектуальных и контекстно осведомлённых систем ИИ.

Экспертные системы этого периода продемонстрировали важность качества представления знаний наряду с вычислительной мощностью и стали фундаментом для дальнейшего развития искусственного интеллекта в прикладных областях [22].

После периодов энтузиазма, особенно в 1980-х гг. с экспертными системами, ИИ столкнулся с двумя «зимами ИИ» — периодами разочарования и финансовых затруднений (с 1974 по 1980 г. и с 1987 по 1993 г.) [23].

Первая зима ИИ (1974–1980) была вызвана в основном ограничениями самих технологий: ожидания от ранних ИИ-систем, таких как перцептроны и символические программы, оказались чрезмерно завышенными. Перцептроны, например, не могли решать задачи, которые требовали распознавания сложных закономерностей. В 1969 г. М. Мински и С. Пейперт опубликовали исследование с доказательствами ограничений применения перцептрона [24]. После разочарования в возможности достичь обещанных результатов с доступным уровнем вычислительной мощности и методами обучения финансирование программ сократилось.

Вторая зима ИИ (1987–1993) произошла по другой причине: на этот раз технологии (экспертные системы) были успешнее и нашли практическое применение, но столкнулись с практическими проблемами масштабирования. Экспертные системы требовали огромных усилий на поддержку, обновление знаний и адаптацию под новые условия. Их стоимость росла быстрее, чем приносила выгоду. К тому же бурное развитие персональных компьютеров и коммерческого ПО отвлекло финансирование и, потому многие проекты были закрыты.

Современные модели и социально-этические вызовы искусственного интеллекта (генеративные трансформеры, глобальные и национальные тренды, проблемы регулирования и этики). В 2000-х гг. рост вычислительных мощностей и накопление знаний в области искусственного интеллекта позволили создавать нейронные сети с высокой производительностью, способные обучаться на больших объёмах данных. Началась новая эра глубокого обучения, в основе которой лежали нейронные сети с большим числом слоёв, обрабатывающих информацию на разных уровнях абстракции. Особенно важную роль в этой трансформации сыграли свёрточные нейронные сети (Convolutional Neural Networks, CNN).

CNN были вдохновлены принципами работы зрительной коры мозга и оказались чрезвычайно эффективными при анализе изображений. Их ключевая особенность заключается в том, что они «сканируют» изображение небольшими фрагментами (свертками) и автоматически выделяют важные признаки — например, границы, формы, текстуры. На ранних слоях сеть распознаёт простые элементы, такие как линии или углы, а на более глубоких слоях — сложные структуры: лица, объекты, сцены. Такой подход позволяет сети учиться распознавать образы почти так же, как это делает человек, и делать это с минимальной предварительной настройкой со стороны разработчиков.

Благодаря CNN были достигнуты выдающиеся результаты в задачах компьютерного зрения — от распознавания лиц до автоматической разметки медицинских изображений, что стало одной из отправных точек бурного роста современных технологий искусственного интеллекта.

С 2009 г. методы глубокого обучения начали активно внедряться в практику, в первую очередь в области распознавания речи, компьютерного зрения и машинного перевода. Именно в этих сферах нейронные сети показали значительное превосходство над классическими алгоритмами, демонстрируя способность самостоятельно извлекать иерархические признаки из данных. С начала 2010-х гг. развитие глубокого обучения ускорилось благодаря нескольким ключевым факторам: экспоненциальному росту объёмов цифровых данных, доступных для обучения; широкому использованию графических процессоров (GPU), позволивших существенно сократить время вычислений; а также появлению новых архитектур нейронных сетей, способных обрабатывать всё более сложные задачи.

Кульминацией этого этапа стало представление в 2017 г. архитектуры Transformer, предложенной группой исследователей компании Google. Transformer впервые реализовал механизм самовнимания (self-attention), позволивший моделям эффективно учитывать долгосрочные зависимости в последовательностях, что открыло путь к созданию масштабных языковых моделей. На основе этой архитектуры возникли системы нового поколения — от BERT и T5 до GPT, ChatGPT и других мультимодальных моделей. Их появление стало рубежным моментом в развитии искусственного интеллекта: алгоритмы перешли от решения узкоспециализированных задач к способности работать с языком в его естественной полноте, обобщать знания и даже генерировать осмысленный текст, изображения и аудио.

В 2015 г. была основана компания OpenAI, сыгравшая ключевую роль в новом этапе развития искусственного интеллекта. OpenAI разработала ряд прорывных продуктов, значительно расширивших возможности взаимодействия человека и машины. В 2021 г. компания представила GitHub Copilot — интеллектуальное программное обеспечение для автодополнения кода, созданное на основе языковых моделей, которое помогло изменить подход к разработке программных продуктов. В 2022 г. был выпущен DALL-E 2 — модель искусственного интеллекта, способная генерировать фотореалистичные изображения по текстовому описанию, что стало прорывом в области синтеза визуального контента. В том же 2022 г. появился ChatGPT — диалоговый агент, который был способен вести осмысленные беседы, решать задачи и создавать тексты различной сложности. ChatGPT использовал в своей основе большую языковую модель (LLM), которая называется генеративный (Generative)

предварительно обученный (Pretrained) преобразователь (Transformer), или GPT. С 2023 г. ChatGPT стал мультимодальным, научившись обрабатывать не только текст, но также изображения, звук и другие виды данных, что открыло новые горизонты применения искусственного интеллекта в реальной жизни. Как отмечала компания OpenAI, на 2024 г. их продуктами пользовались около 100 миллионов активных пользователей ежемесячно.

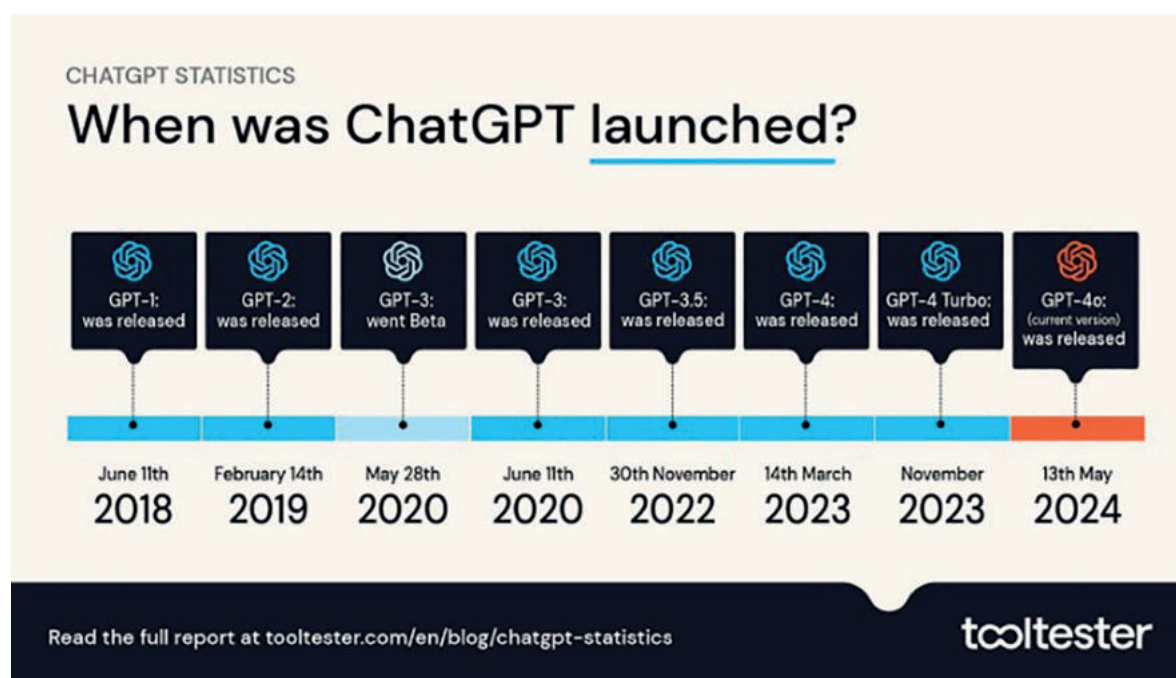

Рис. 10. История создания моделей ChatGPT

В настоящее время на рынке программных продуктов, использующих искусственный интеллект, активно работают и другие компании. Среди крупнейших игроков выделяются Google DeepMind, разработавшая модели Gemini и AlphaFold; Anthropic с серией языковых моделей Claude; Microsoft, интегрирующая ИИ в экосистему Microsoft 365 и облачную платформу Azure; Meta, продвигающая проекты LLaMA (Large Language Model Meta AI) и активно развивающая мультимодальные модели, способные работать одновременно с текстом, изображениями и видео. Meta делает акцент на открытых моделях, публикуя их в свободный доступ для исследовательского сообщества. Не менее заметную роль играет и Amazon, активно внедряющая ИИ в сервисы AWS (Amazon Web Services) и решения для бизнеса. В частности, Amazon развивает облачную платформу Amazon Bedrock, позволяющую компаниям использовать большие языковые модели через API без необходимости самостоятельно обучать их. Для разработчиков и исследователей компания предоставляет инструменты

машинного обучения через сервис Amazon SageMaker, а для массового пользователя внедряет ИИ в голосового помощника Alexa, совершенствуя взаимодействие с «умными» устройствами.

Искусственный интеллект стремительно меняет облик современного мира: наряду с новыми возможностями появляются и новые угрозы. Появление недостоверной сгенерированной информации, искажение информации об источниках и авторах, увеличение объемов плагиата создают серьезную угрозу источниковой базе исследований и требуют развития у специалистов навыков критической оценки результатов ИИ анализа. Неумение верифицировать результаты, полученных с помощью ИИ-алгоритмов, не владение методами выявления и корректировки искажений и предвзятости в ИИ-моделях, отсутствие навыков интерпретации результатов машинного анализа в итоге приводит к подрыву доверия к научным исследованиям.

В ноябре 2021 г. ЮНЕСКО приняла первый в мире международный акт по этике ИИ, поддержанный 193 странами. Рекомендации ЮНЕСКО направлены на обеспечение этического применения ИИ в различных областях, таких как здравоохранение, образование и экономика¹. В апреле 2021 г. Европейская Комиссия предложила Регламент об искусственном интеллекте, который был направлен на регулирование использования ИИ в ЕС. После длительного обсуждения, он был окончательно утвержден Советом ЕС и принят в мае 2024 г., став первым законодательным актом в этой сфере (Artificial Intelligence Act)². ООН также активно работает над вопросами управления ИИ в интересах человечества. В 2024 г. был опубликован отчет ООН, в котором рассматриваются проблемы по управлению ИИ в мире и предлагались меры по укреплению международного сотрудничества, включая создание глобального фонда для ИИ и сетей для наращивания потенциала³.

Под эгидой ЮНЕСКО в 2024 г. было разработано специальное Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта

¹ Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта. 9–24 ноября 2021, Париж. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 31.01.2025).

² “Artificial Intelligence Act (Regulation (EU) 2024/1689), Official Journal version of 13 June 2024”. Interinstitutional File: 2021/0106(COD). URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 31.01.2025).

³ Управление искусственным интеллектом в интересах человечества: Заключительный доклад. Организация Объединенных Наций, 2024. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf (дата обращения: 31.01.2025).

в образовании и научных исследованиях¹. В Руководстве приводятся примеры возможного использования ИИ для подготовки научного исследования, сбора данных и обзора литературы, использование генеративного ИИ в роли соавтора учебной программы или курса, использование генеративного чатбота в качестве помощника учителя, в роли оппонента учащегося в сократическом диалоге, в роли консультанта преподавателя по проектному обучению, для повышения доступности информации для учащихся с нарушениями слуха или зрения и т. д.

В 2024–2025 гг. начинается новая эпоха в развитии ИИ: наряду с глобальными моделями от OpenAI, Google и Anthropic появляются региональные и государственно поддерживаемые платформы, подкреплённые национальными стратегиями и законодательными актами. Государства создают собственные системы, отражающие культурные, правовые и философские особенности, и укрепляют свой технологический суверенитет.

Во Франции развитие ИИ ведётся через «Plan France IA» и программу «France Num». Платформа Mistral AI создаёт открытые модели, способные конкурировать с американскими аналогами, сочетая научный потенциал и франкофонный культурный контекст².

В Китае формируется масштабная экосистема: более 300 моделей, включая Ernie Bot (Baidu), Tongyi Qianwen (Alibaba), DeepSeek (High-Flyer), адаптированных к иероглифическому письму, китайской философии и социалистическим ценностям. Модели проходят строгую цензуру, а стратегия «ИИ для производительности» делает ИИ инструментом промышленного и образовательного развития [24].

В России проекты реализуются в рамках Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной президентом РФ и обновленной в августе 2025 г.³. Разрабатываются GigaChat, RuGPT, SOVA AI и YandexGPT, интегрируемые в госуслуги и образование, что подчёркивает стремление к цифровому суверенитету и локальной технологической инфраструктуре.

¹ Руководство ЮНЕСКО по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях. 2024. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389639/PDF/389639rus.pdf.multi> (дата обращения: 31.01.2025).

² Plan France IA. URL: <https://digital-skills-jobs.europa.eu/en/actions/national-initiatives/national-strategies/france-national-strategy-ai> (дата обращения: 31.01.2025).

³ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года Российской Федерации. URL: <https://ai.gov.ru/national-strategy/> (дата обращения: 31.01.2025).

В Беларуси ИИ развивается в рамках Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на 2026–2031 гг. и Национальной программы ИИ. На базе Национальной академии наук Беларуси в феврале 2025 г. был создан Научный центр искусственного интеллекта (Scientific Artificial Intelligence Center)¹. В Беларуси особый акцент в развитии ИИ делается на медицину, биотехнологии и фармакологию: ИИ применяется для компьютерного скрининга, молекулярного моделирования, анализа больших данных, поиска лекарств и ранней диагностики, а также для стандартизации производства и автоматизации процессов [25].

Ключевым событием 2025 г. стало принятие 18 апреля Межпарламентской ассамблеей СНГ модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта». Закон задаёт правовые рамки разработки и применения ИИ на пространстве СНГ, обеспечивая координацию национальных стратегий².

Новый этап развития ИИ, наметившийся в 2024–2025 гг., характеризуется переходом ИИ от глобальной гонки технологий к многообразию национальных моделей, где искусственный интеллект становится не только инструментом анализа и вычислений, но и отражением культурной самобытности, государственной стратегии и технологического суверенитета.

Таким образом, история искусственного интеллекта предстает не только как последовательность научно-технических открытий, но и как зеркало культурных и философских поисков человечества. Она показывает, что ИИ — это не просто инструмент, а сложный феномен на пересечении науки, техники и гуманитарного знания, который продолжает ставить перед обществом фундаментальные вопросы о природе разума, границах машинного мышления, ответственности и этики. Современный этап развития ИИ сопряжён с новыми вызовами: проблемами этики, регулирования и доверия к алгоритмам, а также с формированием глобальной конкуренции и геополитических стратегий, где контроль над интеллектуальными технологиями становится элементом национальной безопасности и мирового лидерства.

¹ Научный центр искусственного интеллекта. URL: <https://uiip.bas-net.by/rus/activity/center> (дата обращения: 31.04.2025).

² Основные положения модельного закона «Об искусственном интеллекте» // Десятая Международная научно-практическая конференция «BIG DATA and Advanced Analytics. BIGDATA и анализ высокого уровня», Минск, Республика Беларусь, 13 марта 2024 год. URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/54718/1/Ablomejko_Osnovnye.pdf (дата обращения: 31.03.2025).

Библиографические ссылки

1. «Илиада»: эпос и история / Л. С. Клейн. Санкт-Петербург: Евразия, 2019.
2. *Vodolazhskaya L.* Reconstruction of Heron's formulas for calculating the volume of vessels // Posluschny A., Lambers K., Herzog I. (Hrsgg.) Layers of Perception. Proceedings of the 35th International Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA), Berlin, 2.–6. April, 2007 (Koll. Vor- u. Frühgesch. 10). Bonn 2008. S. 376.
3. *Флоренский П.* О терафимах. Что такое идола лавана, и с какой целью Рахиль похитила их у отца? // Богословские труды. № 42. 2009. С. 251–317.
4. Košnář Julius Staropražské pověsti a legendy / Julius Košnář; [K vyd. přípr.a ed. pozn. naps. Jaroslav Kabíček a Jan Royt]. Vyd. 3. Praha: Odeon, 1992. 331, [5] с. ил., факс.; 21. (Klub čtenářů “Odeon”. Rodinný klub).
5. *Бирюков Б. В., Тростников В. Н.* Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. Формализация мышления от античных времен до эпохи кибернетики. М., 2004.
6. *Иванов А. А.* История развития информатики. М.: Образ, 2000.
7. Pamela McCorduck, Machines Who Think, Natick, A. K. Peters, Ltd., 2004, 2e éd., 565 p. URL: https://monoskop.org/images/1/1e/McCorduck_Pamela_Machines_Who_Think_2nd_ed.pdf (дата обращения: 31.01.2025).
8. *Голубниченко А. Н.* История логических машин. Под науч. ред. В. И. Разумова. Омск, 2011.
9. *Turing A. M.* On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem. Proceedings of the London Mathematical Society. 1937. Vol. s2–42. S. 230–265. URL: <https://doi.org/10.1112/plms/s2-42.1.230> (дата обращения: 31.01.2025).
10. *Turing A. M.* Computing Machinery and Intelligence. (1950) Mind 49. S. 433–460. URL: <https://courses.cs.umbc.edu/471/papers/turing.pdf> (дата обращения: 31.01.2025).
11. *Тьюринг А. М.* Может ли машина мыслить?: с прил. ст. Дж. фон Неймана Общая и логическая теория автоматов; Пер. с англ. Ю. А. Данилова. Саратов: Ред. журн. «Регуляр. и хаотич. динамика»; Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999.
12. *McCulloch W. S., Pitts W.* A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity // Bulletin of Mothemnticnl Biology Vol. 52, No. 1/2. pp. 99–115. 1990. URL: <https://www.cs.cmu.edu/~erpxing/Class/10715/reading/McCulloch.and.Pitts.pdf> (дата обращения: 31.01.2025).
13. *Rosenblueth A., Wiener N., Bigelow J.* Behavior, Purpose and Teleology // Philosophy of Science. Vol. 10. No. 1 (Jan., 1943). S. 18–24.
14. *Wiener N.* Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge, Massachusetts, 1965.
15. *Винер Н.* Кибернетика и общество: [сборник]; [перевод с английского В. Желнинова]. Москва: АСТ, 2019.
16. *Драбкин А. С.* ЭВМ и живой организм. Москва: Знание, 1975.
17. Когнитивная психология и искусственный интеллект: науч.-аналит. обзор / Рос. АН. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М., 1992.
18. *Гаврилова Т. А., Хорошевский В. Ф.* Базы знаний интеллектуальных систем. СПб: Питер, 2000.
19. *Васильев В. И.* Искусственный интеллект: история в лицах. М., 2015.
20. *Мокрышев В., Мокрышев С.* Искусственный интеллект — это очень просто. Текст: электронный // Электроника: Наука, технология, бизнес. 1998. № 1(13). С. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27024858> (дата обращения: 29.11.2025).

21. *Частиков А. П., Гаврилова Т. А., Белов Д. Л.* Разработка экспертных систем. Среда Clips. Санкт-Петербург: «БХВ-Петербург», 2003.

22. *Дрейфус Х.* Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума; пер. с англ. Н. Родман; общ. ред. Б. В. Бирюкова. 2-е изд. М.: URSS, 2010.

23. *Minsky M. L. and Papert S. A.* Perceptrons. Cambridge, MA: MIT Press. 1969.

24. *Выходец Р. П.* Стратегия Китая в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 2(40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kitaya-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 27.08.2025).

25. *Абламейко С. В., Абламейко М. С.* Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты // Философские науки. 2021. № 64(5). С. 57–70. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-5-57-70> (дата обращения: 31.04.2025).

СЕКЦИЯ 1. РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТРАДИЦИЙ

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ШКОЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Т. В. Антоненко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, antonenko292003@gmail.com*

В статье рассматриваются первые попытки становления сельскохозяйственного образования на территории Беларуси в первой половине XIX в. Ключевым моментом в статье является анализ деятельности Комитета об усовершенствовании земледелия в России и его решения об открытии земледельческой школы. Особое внимание уделяется процессу выбора места для школы, командировке чиновников в белорусские губернии для обследования казенных имений и, в конечном итоге, выбору Горы-Горецкого имения в качестве места для первой сельскохозяйственной школы в Беларуси в 1836 г.

Ключевые слова: сельскохозяйственная школа; комитет; Горы-Горецкое имение.

ORGANIZATION OF AN AGRICULTURAL SCHOOL IN BELARUS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

T. V. Antonenko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, antonenko292003@gmail.com*

The article examines the first attempts to establish agricultural education in Belarus in the first half of the 19th century. The key focus of the article is on the activities of the Committee for the Improvement of Agriculture in Russia and its decision to establish an agricultural school. The article pays special attention to the process of selecting a location for the school, the travel of officials to Belarusian provinces to inspect state-owned estates, and the eventual selection of the Gory-Goretsky estate as the site for the first agricultural school in Belarus in 1836.

Keywords: agricultural school; committee; Gory-Goretsky estate.

В XIX в. развитие сельскохозяйственной науки и образования на территории Беларуси было непосредственно связано с экономическими и политическими процессами в Российской империи, где уже в конце XVIII в. появляется необходимость распространения сельскохозяйственных знаний через специальные учебные заведения.

Первые попытки организовать сельскохозяйственные школы в белорусских губерниях были предприняты в 1820-е гг., но они не привели к значительным результатам. Специальное образование еще не имело широкой популярности. Кроме того, в этот период происходит формирование и развитием соответствующих знаний.

Толчком к появлению специальных учебных заведений в области сельского хозяйства стала записка от президента Высшего Экономического Общества (ВЭО) Н. С. Мордвинова на имя Николая I от 29 сентября 1833 г., в которой описывалось состояние сельского хозяйства в Российской империи [5, с. 39].

В записке обращалось внимание на важность для Российской империи сельскохозяйственной науки и распространения необходимых знаний. Н. С. Мордвин предложил организовать земледельческий институт как учебное и научное учреждение. Записка Мордвинова сыграла большую роль в истории развития сельскохозяйственного образования в Российской империи. В ней был поднят вопрос о пользе агрономической науки. Противоположного мнения был министр финансов Е. Ф. Канкрин. Он считал, что обучение помещичьих крестьян сельскому хозяйству за счет правительства не принесёт должного результата, поскольку состоятельные помещики вводят у себя различные технические усовершенствования и без подготовки в школе, а менее состоятельные не в силах улучшать свое сельское хозяйство и поэтому ни в какой школе не нуждаются [2, с. 7]. Комитет министров не согласился с мнением Е. Ф. Канкрин и учредил особый «Комитет об усовершенствовании земледелия в России», в который вошли 7 лиц: Н. С. Мордвин — председатель комитета, Д. Н. Блудов — министр внутренних дел, Е. Ф. Канкрин — министр финансов, Б. П. Кочубей — председатель комитета министров и Государственного Совета, члены: Государственного Совета Д. В. Васильчиков, И. В. Васильчиков и К. А. Нарышкин [2, с. 8].

Одной из главных задач Комитета стало открытие земледельческой школы. Было предложено учредить несколько земледельческих школ, исходя из различных почвенных и климатических условий Российской империи [2, с. 9]. Предполагалось открыть пять земледельческих школ с опытными «запашками» при существующих учебных округах. Е. Ф. Канкрин считал возможным открыть только одну земледельческую школу с

низшим и высшим разрядами. Высший разряд должен был явиться земледельческим институтом. Финансовые соображения министра оказались убедительными, и Комитет ограничился проектом одной земледельческой школы с двумя разрядами.

Следующим шагом в этом вопросе стало определение возможного размещения земледельческой школы. Задача была возложена на министра финансов, при этом в Комитете выражалось пожелание открыть школу в сельскохозяйственном районе, но вблизи большого города, чтобы использовать городские культурные силы для школы [5, с. 41].

С учреждением Белорусского учебного округа в 1829 г. встал вопрос о высшем учебном заведении, которое должно было согласно положению руководить учебной жизнью на этой территории. В качестве предложения рассматривалось учреждение в Беларуси высшего учебного заведения или лицея в г. Орша Могилевской губернии, где для этого можно было приспособить закрытые монастыри.

Летом 1835 г. в белорусские губернии Министерством финансов были командированы министерский агроном Р. Штейгер и чиновник А. Завадовский для обследования казенных имений и возможности их приспособления для земледельческой школы. В инструкции, данной командированным, было сказано, что «учреждение земледельческой школы полагается в губернии Могилевской и Киевской, предпочтительно в первой, в том уважении, что она будет сближена с губерниями Белорусскими, Смоленскою, Черниговскою, где особенно нужно усовершенствовать хлебопашество, а также не слишком далека от Полтавской». При этом предлагалось «обратить особое внимание на казенные имения Горы-Горецкое и Быховское, если нельзя приспособить другого близ самого Могилева» [1, с. 21]. Чиновникам была поставлена задача изучить почву имений, которая должна быть подходящей для применения улучшенных способов хозяйства. Кроме инструкции чиновники получили планы имений, а также примерное Положение о земледельческой школе, в которой проектировались два класса: высший и низший (для крестьян с допущением в него евреев) [5, с. 44].

Так впервые было названо Горы-Горецкое имение, как место для предполагаемой земледельческой школы. Это имение было одним из самых крупных казенных имений на территории Беларуси: с двумя местечками — Горы и Горки, но в то же время оно нуждалось в хозяйственно-экономическом благоустройстве.

12 октября 1835 г. А. Завадовский и Р. Штейгер представили в Санкт-Петербурге отчеты о результатах обследования имений в Могилевской и Киевской губерниях. А. Завадовский касался экономической и бытовой стороны, а Р. Штейгер — почвенно-агрономической [1, с. 25].

Исключительное внимание в отчетах уделено Горы-Горецкому имению, как наиболее подходящему для земледельческой школы из всего осмотренного по своему устройству, управлению и внешнему виду некоторых фольварочных построек. Заключение чиновников явились для Комитета решающими в выборе места для земледельческой школы.

В докладной записке указывалось на недостаточность учебных заведений в белорусских губерниях. Кроме того, было отмечено, что по устройству и по пригодности для земледельческой школы из всех казенных имений самое лучшее и подходящее — это Горы-Горецкое имение Могилевской губернии; При этом акцент был сделан на значительные размеры имения, позволяющие устроить при школе «образцовую запашку» на большом участке, а также возможность показать на «запашке» разные виды ведения хозяйства [3, с. 3].

Доклад Е. Ф. Канкрин подвёргся обсуждению в Комитете, все члены которого согласились с основными предложениями, выдвинутыми министром, и одобрили предложенный им проект и план устройства земледельческой школы в Горы-Горецком имении.

24 апреля 1836 г. были утверждены решение Комитета об открытии Горы-Горецкой земледельческой школы, а также Положение [4, с. 1] и штат школы.

Таким образом, необходимость модернизации сельского хозяйства, в том числе и через популяризацию и совершенствование научных знаний в этой сфере, привела к попыткам создания специальных учебных заведений. В 1836 г. после тщательного обследования казенных имений представителями Министерства финансов было выбрано Горы-Горецкое имение, где и была открыта первая на территории Беларуси сельскохозяйственная школа.

Библиографические ссылки

1. *Винер В. В.* Краткий обзор истории Горы-Горецкого Земледельческого института: в 2 т. Минск: Современник, 1992. Т. 1; Записки Горы-Горецкого сельскохозяйственного института.
2. *Дюбакова М. Г.* Горецкие сельскохозяйственные учебные заведения (1836–1919 гг.): Очерки истории Горки, 1997.
3. Земледельческая школа в Могилевской губернии // Земледельческая газета. 1836. № 46. С. 1–4.
4. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию: Постановление по сельскохозяйственным учебным заведениям за время 1836–1899 гг., выпуск III. Санкт-Петербург, 1900. 415 с.
5. *Цитович С. Г.* Горыгорецкий земледельческий институт — первая в России высшая сельскохозяйственная школа (1836–1864). Горки, 1960. 276 с.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ В БЕЛАРУСИ

О. И. Ершова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, ershova@bsu.by*

В статье дается обзор делопроизводственных документов, хранящихся в фондах государственных архивов Беларуси и отражающих деятельность органов управления образованием и общеобразовательных школ в 1920–30-х гг. Анализируются основные виды данных делопроизводственных документов. Раскрывается значение делопроизводственной документации государственных органов управления, партийных и общественных организаций по вопросам народного образования для исследования истории создания общеобразовательной школы в БССР. Показывается необходимость комплексного подхода к изучению делопроизводственных документов, использующихся для реконструкции истории развития советской школы в межвоенный период.

Ключевые слова: делопроизводственные документы; исторический источник; архивные фонды; всеобщее обучение; общеобразовательная школа; Народный комиссариат просвещения.

OFFICE DOCUMENTS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE CREATION OF THE SOVIET SECONDARY SCHOOL IN BELARUS

O. I. Ershova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, ershova@bsu.by*

The article provides an overview of office documents stored in the funds of the state archives of Belarus as a source on the history of the creation of the Soviet secondary school. Their main types are analyzed, reflecting the activities of educational management bodies and secondary schools of the 1920s–1930s. The significance of office documents of state governing bodies, party and public organizations on public education issues is revealed. The necessity of an integrated approach to the study of clerical documents is shown, which will provide a comprehensive analysis of the historical experience of creating a comprehensive school in Belarus.

Keywords: clerical documents; historical source; archival funds; general education; secondary school; People's Commissariat of Education.

К числу значимых этапов истории развития образования в Беларуси относится период 1920–30-х гг., когда шел процесс создания советской общеобразовательной школы. Он завершился полным огосударствлением и унификацией: школа стала функционировать в режиме единообразия,

единомыслия, единоначалия, что, в конечном счете, лишило ее способности к развитию [5, с. 49]. Исследования советской эпохи базировались на тезисе о превосходстве социалистической системы народного образования, а его история в XX в. представлялась как линейное, поступательное движение вперед на основе выполнения политических задач, поставленных властью. Не уделялось должного внимания изучению противоречий и трудностей, особенностей в становлении советской общеобразовательной школы в Беларуси в 1920–30-е гг. На современном этапе изучение и осмысление данного исторического опыта имеет важное значение для развития национальной системы образования.

Преодоление сложившихся стереотипов требует объективного и достоверного рассмотрения процесса развития народного образования с различных позиций, с учетом конкретно-исторических условий, динамики общественного развития. Для реализации данной научной задачи необходимо по-новому взглянуть на огромный массив государственных и партийных документов, содержащих идеи и положения, определявшие характер развития общего образования. В связи с этим актуальным является комплексный анализ документов делопроизводства.

Делопроизводственные документы (делопроизводственная документация) — многочисленная по своим разновидностям группа исторических источников, одно из основных назначений которой состоит в обеспечении управленческой деятельности. К разновидностям делопроизводственных документов, которые чаще всего вводятся в научную практику, относятся: 1) нормативные документы (положения, уставы, приказы, инструкции и т. п.); 2) протокольная документация; 3) деловая переписка (официальные письма, докладные записки и др.); 4) информационные документы (справки, докладные записки и др.); 5) учетные документы (регистрационные карточки, реестры, журналы, книги входящих и исходящих документов и т. д.); 6) документы по личному составу; 7) отчетные документы (отчеты, балансы и т. д.) [18, с. 43].

В Республике Беларусь огромный массив делопроизводственной документации по проблемам создания общеобразовательной школы в 1920–30-х гг. находится в архивах. Лишь незначительная его часть стала объектом научных публикаций [7–9]. Основная база делопроизводственных документов сосредоточена в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) в следующих фондах:

- Центрального исполнительного комитета (ЦИК) БССР (1920–1937) [10];
- Совета Народных Комиссаров (СНК) БССР (1920–1941) [11];
- Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) БССР (1920–1941) [13, описи 1–2];

- Центрального комитета коммунистической партии (большевиков) Беларуси [ЦК КП(б)Б] (1918–1941) [14];
- Уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по БССР (1921–1940) [15];
- Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) БССР (1919–1934) [16];
- Профессионального союза работников просвещения (рабпрос) БССР (1920–1934) [17].

В государственных архивах Витебской, Гомельской, Могилевской, Минской областей делопроизводственные документы хранятся в фондах органов народного просвещения, исполнительных органов местной власти, местных партийных организаций, учебных заведений [1–4].

В 1920–30-е гг. решающую роль в руководстве народным образованием играла правящая коммунистическая партия [6, с. 23]. В ЦК КП(б)Б систему народного образования курировали агитационно-пропагандистский отдел (1920–1930), отдел культуры и пропаганды (1930–1935), отдел школ и науки (1936–1937), отдел культурно-просветительной работы (1938–1939), отдел партийной пропаганды и агитации (1939–1940) [14]. Как следствие, важным источником по истории создания советской общеобразовательной школы являются делопроизводственные документы высших и местных органов государственной власти, а также партийных органов.

Материалы фондов ЦИК и СНК БССР отражают процессы развития культурной сферы в республике, к которой относилась и система народного образования. Решение проблем последней нашло отражение в протоколах заседаний, постановлениях и резолюциях, принимаемых данными органами власти. В фонде ЦИК БССР содержатся проекты кодексов законов БССР и документы по их обсуждению; декреты, декларации, постановления, стенограммы, протоколы заседаний Всебелорусских съездов Советов и сессий ЦИК БССР, Президиума ЦИК БССР, местных советов и их исполкомов и выписки из них; приказы, отчеты, докладные записки и доклады о работе [10]. СНК БССР объединял и направлял деятельность народных комиссариатов (наркоматов) БССР и подведомственных им административных, хозяйственных и культурных учреждений; принимал меры по выполнению народнохозяйственного плана, республиканского и местного бюджетов, по обеспечению общественного порядка. В его фонде содержатся постановления и распоряжения и документы к ним, протоколы и стенограммы заседаний Президиума и Бюро СНК БССР; документы об основных направлениях развития народного хозяйства республики, планы и документы о состоянии экономического и социального развития, народного образования; документы о работе народных комиссариатов (в том числе и Наркомпроса) [11].

Большое значение при изучении истории народного образования советской эпохи имеют делопроизводственные документы партийных органов, директивные указания которых лежали в основе работы государственных и общественных организаций. При изучении истории создания советской общеобразовательной школы в Беларуси следует привлекать документы КП(б)Б, которые хранятся в фондах НАРБ и фондах местных партийных организаций в областных государственных архивах [14–15]. Необходимость данного шага диктуется и тем обстоятельством, что делопроизводственной документации Наркомпроса БССР и местных органов народного образования за период 1930-х гг. в архивах сохранилось крайне мало, а партийные документы помогают восполнить имеющиеся пробелы.

Документы руководящих партийных органов, прежде всего ЦК КП(б)Б, представлены такими разновидностями, как протоколы (стенограммы) пленумов и заседаний его выборных органов (бюро, секретариата), постановления, резолюции. Протоколы (стенограммы) содержат тексты или тезисы докладов, записи речей участников, тексты принятых решений. Так как вопросы просвещения в 1920–30-х гг. были одним из важнейших направлений в деятельности партии, в ряде партийных делопроизводственных документов содержатся материалы о развитии народного образования. Повседневная работа отразилась в текущих директивных документах ЦК КП(б)Б и его отделов, курировавших народное образование, — в материалах проверок, обследований, докладных записках работников, выполнявших партийные задания, документах совещаний и т. д. [14, опись 1].

В массиве документов местных партийных органов (окружных, районных) и первичных партийных организаций можно выделить такие разновидности делопроизводственных документов, как протоколы; информационные материалы (справки, докладные записки, тематические обзоры о работе учреждений образования); переписка; результаты проверок и обследований; планово-отчетная документация. Например, документы фракции КП(б)Б Наркомпроса БССР (1919–1934) содержат докладные записки, информацию о работе учебных заведений, сведения об окружных и районных инспекторах по народному образованию, материалы совещаний с окружными инспекторами и работниками наркомата, переписку с ЦК КП(б)Б о работе наркомата и др. [13, опись 9].

Состав разновидностей делопроизводственных документов, подобный партийным, откладывался и в результате деятельности организаций рабпроса БССР. В них нашли отражение основные задачи в области народного образования и ход их осуществления в 1920–30-е гг., политика в области подготовки педагогических кадров, положение учителей, вовлечение различных слоев населения (молодежи, интеллигенции, рабочих, крестьян) в решение проблем развития народного образования и др. [17].

Важное значение имеют такие разновидности делопроизводственных документов, как материалы ревизий, проверок, заключений о работе, справок о деятельности, единовременных обследований органов управления и учреждений образования. Они хранятся в архивных фондах НК РКИ БССР [16], ЦК КП(б)Б [14], Уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по БССР [15, опись 4], рабпроса БССР [17].

Всестороннее изучение истории создания советской общеобразовательной школы требует использования плановой документации государственных органов, являвшейся отражением централизованного планирования социально-экономического развития общества. Первые плановые документы в области развития народного образования — это планы всеобщего начального обучения, которые разрабатывались в 1923–1928 гг. как на уровне республики, так и регионов (округов, районов). С 1929 г. стали разрабатываться пятилетние планы развития народного хозяйства, составной частью которых являлись планы культурного строительства, включавшие и планирование развития народного образования. Вся плановая документация традиционно делится на: 1) директивные документы планирования; 2) текущие и перспективные планы и материалы, складывающиеся в процессе их разработки; 3) отчеты о выполнении планов за квартал, год, несколько лет и т. д. Данные документы находятся в следующих фондах НАРБ: ЦИК БССР [10], СНК БССР [11], Наркомпроса БССР [13, опись 1], Государственной плановой комиссии БССР [12].

Самая многочисленная и важная часть документов по развитию народного образования сосредоточена в фонде Наркомпроса БССР — республиканского органа государственного управления, который реализовывал государственную политику в сфере просвещения. В делопроизводстве Наркомпроса значительное место занимают приказы, циркулярные материалы, инструктивные письма, предписания и директивы, служебная переписка. В них достаточно четко представлено общее состояние развития народного образования в 1920–30-х гг., наличествуют сведения о состоянии общеобразовательных учреждений, источниках финансирования, реализации политики всеобщего обучения (всеобуч). Динамика развития народного образования, основные проблемы в создании общеобразовательной школы, осуществления всеобуча нашли отражение в протоколах заседаний Наркомпроса, докладах и тезисах докладов наркома просвещения и ответственных работников наркомата, докладных записках и отчетах [13, опись 1].

Достаточно большой объем документов, хранящихся в НАРБ, посвящен осуществлению всеобщего начального обучения в республике

в 1926–1932 гг. Важную информацию для исследователей содержат протоколы республиканских совещаний по осуществлению всеобщего [13, опись 1, дела 336, 603, 605, 840, 853, 855, 1738, 1764, 1765, 2100].

Данные о развитии народного образования (строительстве, организации и деятельности школ, реализации всеобщего и др.) в регионах — округах и районах БССР — представлены в фондах отделов народного образования (ОНО) местных исполнительных органов власти [1, дела 112, 1437, 2317; 2, фонды 60, 267, 500, 518, 590, 599, 603; 3, фонды 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 332, 336, 338, 725, 1242, 1341, 1553, 1570, 1636, 2001, 2002, 2003; 4, фонды 121, 123, 126, 526, 604, 1258].

Делопроизводственные документы общеобразовательных школ (протоколы педсоветов, отчеты, справки, списки учащихся, личные дела педагогических работников и др.) позволяют воссоздать их повседневную учебную и внешкольную деятельность, состав ученического и преподавательского корпуса, состояние материальной базы и финансирования. Данные документы хранятся как в НАРБ [13, описи 1–2], так и в областных государственных архивах [1, фонды 246, 435, 437, 438, 440, 2242; 2, фонды 225, 1423, 1446; 3, фонды 337, 338, 339, 340, 346, 347, 612, 1138, 1141, 1248, 1255, 1425, 1482, 1530, 1632, 1634, 1657, 1665, 2109, 2204; 4, фонды 121, 123, 491].

Ценность документов указанных архивных фондов состоит в том, что они дают возможность сформировать целостное представление об истории создания советской общеобразовательной школы в Беларуси, причем в них сосредоточен не только фактический, но и аналитический материал.

Представить полную картину развития советской общеобразовательной школы невозможно без изучения личностей руководителей: народных комиссаров просвещения, руководителей подразделений Наркомпроса, местных ОНО. Источником могут служить документы по личному составу в фонде Наркомпроса, но личные дела большинства наркомов просвещения и ответственных работников наркомата здесь отсутствуют [13, опись 3]. Отдельные сведения (дата рождения, образование, должность и стаж работы, партийность) содержат списки работников Наркомпроса [13, описи 1, 9]. Часть доступных источников по личному составу исследователь может найти в партийных фондах. Это связано с тем, что на руководящие должности в Наркомпрос и местные ОНО в соответствии с номенклатурным механизмом кадровой работы назначались, как правило, члены партии после согласования с соответствующим партийным органом. Поэтому в партийных делопроизводственных документах (протоколах заседаний Бюро и секретариата ЦК КП(б)Б, документах отдела кадров и секретного отдела ЦК) можно найти сведения из их биографии

и характеристики [14, опись 1]. Информативными являются анкеты, заполненные делегатами съездов КП(б)Б, анкеты Всероссийской 1922 г. и Всебелорусской 1924 г. переписей членов и кандидатов в члены РКП(б) и КП(б)Б [14, описи 1, 2]. В фонде Уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по БССР хранятся материалы по рассмотрению персональных дел коммунистов [15, описи 5, 22].

Делопроизводственная документация является самой представительной по количеству и разнообразию группой источников, которую можно задействовать при изучении истории народного образования. Источниковедческая разработка комплексов делопроизводственной документации — задача сложная из-за большого количества документов и многократного дублирования содержащейся в них информации. Исследователь должен хорошо знать организацию системы делопроизводства с тем, чтобы, во-первых, оценить степень полноты сохранившегося комплекса делопроизводственной документации, во-вторых, суметь восполнить пробелы, если такие обнаружатся, за счет дублетной информации и, наконец, выбрать оптимальный способ работы с большими массивами документов [18, с. 55–57].

Источниковедческая работа с документами государственных учреждений, партийных и общественных организаций требует знания их истории, структуры, ведомственных и деловых связей и отношений. Эти знания облегчают поиск документов и способствуют обнаружению и осмыслению внутренних связей между ними, воссозданию всего комплекса источников, всестороннему анализу содержащихся в них сведений. Кроме того, следует учитывать, что комплекс делопроизводственной документации никогда не сохраняется полностью и в то же время существование нескольких экземпляров, вариантов или версий позволяет при утрате какого-либо конкретного документа обнаружить его копии в других документационных системах. Комплексный анализ документальных источников подразумевает сопоставление информации разных их видов. Он нацелен на выяснение и сравнительную оценку познавательных возможностей используемых документов, на выявление потенциальной информации, хранящейся в них.

Таким образом, делопроизводственная документация включает в себе существенные сведения по созданию советской общеобразовательной школы Беларуси в 1920–30-е гг. Комплексное использование разнообразных делопроизводственных документов позволяет исследователям сформировать наиболее полную и достоверную картину развития народного образования, переосмыслить их без идеологических и теоретических

схем и штампов. Подавляющее большинство делопроизводственной документации по вопросам народного образования в Беларуси в 1920–30-х гг., хранящейся в архивах, еще ждет введения в научный оборот.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Витебской области.
2. Государственный архив Гомельской области.
3. Государственный архив Минской области.
4. Государственный архив Могилевской области.
5. *Днепров Э. Д.* Образование и политика. Новейшая политическая история российского образования. Т. 1. М., 2006. 533 с.
6. Институты управления культурой в период становления. 1917–1930 гг. партийное руководство. Государственные органы управления. Схемы. М.: РОССПЭН, 2004. 312 с.
7. Народное образование в БССР: Сб. документов и материалов. Т. I. 1917–1928 гг. / сост. Р. С. Васильева, Э. Л. Козловская, Л. П. Нартыш-Блук, К. Ф. Плахотникова. Мн.: Нар. асвета, 1979. 460 с.
8. Народное образование в БССР: Сб. документов и материалов. Т. II. 1928–1941 гг. / сост. Р. С. Васильева, Э. Л. Козловская, Л. П. Нартыш-Блук, К. Ф. Плахотникова. Мн.: Нар. асвета, 1980. 462 с.
9. Народное образование и культурно-просветительная работа в Оршанском и Сенненском уездах в 1917–1924 годах: документы и материалы / сост.: О. М. Бергови-на, Т. В. Лойко; под ред. О. М. Берговиной, М. А. Никулиной. Орша: Оршанская типо-графия, 2016. 175 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 6. Опись 1.
11. НАРБ. Фонд 7. Опись 1.
12. НАРБ. Фонд 31. Опись 1.
13. НАРБ. Фонд 42. Описи 1, 2, 3, 9.
14. НАРБ. Фонд 4п. Описи 1, 2.
15. НАРБ. Фонд 15п. Описи 4, 5, 22.
16. НАРБ. Фонд 101. Опись 1.
17. НАРБ. Фонд 306. Опись 1.
18. *Русина Ю. А.* Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

К. Н. Кришталь

*Государственное учреждение образования «Академия образования»,
ул. Некрасова, 20, 220040, г. Минск, Беларусь, kryshstalk@icloud.com*

Рассматривается историческая память как целостный педагогический феномен в системе общего среднего образования. Проанализированы существенные характеристики исторической памяти, её функции и механизмы педагогического формирования. Обоснована необходимость создания дидактической модели исторической памяти на основе системного и интегративного подходов, с учётом специфики школьного исторического образования в Республике Беларусь.

Ключевые слова: историческая память; педагогика памяти; дидактика; образовательное пространство; история; идентичность.

HISTORICAL MEMORY AS A PEDAGOGICAL PHENOMENON

K. N. Kryshstal

*State Educational Institution "Academy of Education",
20 Nekrasova St., 220040, Minsk, Belarus, kryshstalk@icloud.com*

This paper examines historical memory as a holistic pedagogical phenomenon within the general secondary education system. It analyzes the essential characteristics of historical memory, its functions, and the mechanisms of its pedagogical formation. The necessity of creating a didactic model of historical memory based on systemic and integrative approaches is substantiated, taking into account the specifics of school history education in the Republic of Belarus.

Keywords: historical memory; pedagogy of memory; didactics; educational space; history; identity.

Историческая память как объект педагогического изучения является одним из ключевых понятий в стратегии воспитания национального самосознания, гражданственности и устойчивой идентичности учащихся. Формирование исторической памяти в школьном образовании выступает важнейшим инструментом государственной исторической политики, что соответствует реализации положений Концепции школьного исторического образования в Республике Беларусь [1].

Однако, наблюдается дефицит чёткой педагогической парадигмы: определения компонентов педагогического феномена исторической памяти, условий, механизмов, уровней и форм её формирования в условиях школы, способов их систематизации. Историческая память в педагогике — это не только содержательная категория (совокупность знаний о прошлом), но и процесс, результат и средство обучения и воспитания.

С. В. Панов трактует историческую память как интегративное качество личности, включающее когнитивный, эмоциональный, деятельностный компоненты, указывая на её системный характер [2, с. 117–118].

Колмакова М. В. считает, что историческая память не может быть сформирована в отрыве от социокультурной среды, она отражает эмоционально окрашенное восприятие личностью своей сопричастности к прошлому [3, с. 356].

Историческая память выполняет функцию ценностной и поведенческой навигации, способствуя формированию личностной и гражданской идентичности учащегося, обеспечивая преемственность поколений и закрепляя представления о допустимом и недопустимом в историческом и этическом контекстах.

Исходя из ряда определений [4, с. 148–151] педагогический феномен исторической памяти можно трактовать как целенаправленно формируемую у учащегося в образовательной среде интегративную совокупность (знания, представления, оценки, эмоциональные переживания, символы и модели поведения), воплощенную в образах исторического прошлого и связанную с их восприятием, значимую для осмысления и созидания настоящего и необходимую для ориентирования личности в планировании будущего.

На основе анализа ряда статей белорусских ученых [2; 3], можно выделить следующие характеристики педагогического феномена исторической памяти, представленные в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики педагогического феномена исторической памяти

Характеристика	Содержание
Системность	Интеграция когнитивного, эмоционально-ценностного и деятельностного компонентов на основе восприятия образов исторического прошлого
Многослойность	Включает как официальную, так и индивидуально-биографическую память
Социокультурная обусловленность	Формируется через язык, традиции, символы, ритуалы
Процессуальность	Не статична — воспроизводится, актуализируется, трансформируется
Педагогическая управляемость	Зависит от средств обучения, методик, дидактического моделирования

Формирование исторической памяти как педагогического феномена представляет собой сложный, многоуровневый и целенаправленный процесс, реализуемый через совокупность взаимосвязанных образовательных механизмов. Наиболее значимые механизмы реализуются через учебное содержание, музейную педагогику и проектную деятельность.

Содержание школьного исторического образования, особенно в IX–XI классах, выполняет роль концептуального основания для развития исторического сознания. Формирование исторической памяти требует не просто передачи информации о прошлом, а её осмысления и интерпретации (критическая оценка и сопоставление с настоящим), что особенно значимо при формировании белорусскоцентрического взгляда на исторический процесс, ориентированного на укрепление национальной идентичности и патриотизма [4, с. 156]. Такой подход позволяет усвоить содержание и сформировать личностно значимое отношение к истории.

Школьный музей становится уникальным пространством педагогической коммеморации, позволяет превратить процесс усвоения исторического знания в живое переживание и символическую практику. Участие учащихся в создании музейных экспозиций, экскурсиях, активизирует эмоциональную сферу и формирует глубокую сопричастность к изучаемому прошлому. Такая деятельность способствует трансформации знаний в устойчивые ценности и убеждения, закрепляя элементы исторической памяти на уровне личностного опыта [5, с. 231; 6, с. 275]. Музей выступает как активная педагогическая среда, в которой учащиеся становятся соавторами исторического дискурса.

Проектная деятельность позволяет персонализировать прошлое, вовлекая школьников в активную исследовательскую и творческую работу. Создание альбомов памяти, проведение интервью с представителями старшего поколения, ветеранами, изучение семейных реликвий и разработка документальных проектов активизирует познавательный интерес и формирует эмпатическое восприятие истории. Историческая память в этом случае перестаёт быть отвлечённым знанием и становится частью личностной идентичности. Эффективно проектное обучение проявляется в междисциплинарных форматах, когда история интегрируется с литературой, искусством, информационными технологиями.

Эффективность вышеописанных механизмов невозможна без определённых педагогических условий, обеспечивающих целостность, устойчивость и воспроизводимость процесса. Одно из ключевых условий — наличие личностно-значимого содержания, включающего обращение к семейной, локальной и региональной памяти. Это позволяет учащимся соотносить себя с историческим контекстом не абстрактно, а через конкретные биографические и территориальные маркеры. Важна и многоуровневая образовательная среда, включающая урочные и внеурочные формы работы, школьные музеи, цифровые архивы, мемориальные платформы и ресурсы визуальной культуры. Такая среда создает условия для целостного формирования личностно значимой исторической памяти.

Центральным педагогическим условием выступает субъектность учащегося. Историческая память не может быть навязана — она формируется тогда, когда ученик сам становится её носителем, интерпретатором и хранителем. Это требует предоставления возможностей для выбора форм участия и выражения мнения. Диалог поколений, изучение устной истории и семейных архивов обеспечивает живую преемственность и делает память подлинно социальной.

Важным условием является методическое разнообразие. Сочетание нарративных практик, визуальных источников, игровых и драматургических форм, диалоговых и творческих методов позволяет задействовать когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельностный компоненты. Это обеспечивает глубокую интеграцию исторической памяти в структуру личности учащегося, превращая её в устойчивую основу гражданской идентичности, моральных ориентиров и социокультурной зрелости.

О. Ю. Стрелова выделяет четыре уровня исторической памяти (табл. 2), каждый из которых может быть целенаправленно формируем [7, с. 3–4].

Таблица 2

Уровни исторической памяти по О. Ю. Стреловой

Уровень	Содержание	Методы формирования
Коммуникативный	Семейные рассказы, память 2–3 поколений	Эссе, интервью
Биографический	Индивидуальный опыт, эмоции и ценности	Личностные дневники, реконструкция судеб
Коллективный	Социальные нарративы, школьные проекты	Музеи, классные часы, торжества
Культурный	Метауровень — символы, мифы, праздники	Анализ фильмов, мемориалов, обрядов

Особое значение в формировании исторической памяти у учащихся IX–XI классов принадлежит событиям Великой Отечественной войны. В Республике Беларусь, где память о войне выполняет государствообразующую, консолидирующую и символическую функцию, работа с данным содержанием приобретает особую педагогическую значимость и становится ключевой ценностной основой национальной идентичности, патриотического воспитания и нравственной ориентации учащихся.

Современные социологические данные подтверждают высокую значимость темы Великой Отечественной войны в системе исторических представлений белорусской молодёжи. Согласно исследованию Института социологии НАН Беларуси, проведённому в 2024 г. к 80-летию освобождения Беларуси, 73 % опрошенных школьников и студентов считают

события Великой Отечественной войны центральным элементом национальной исторической памяти. Около 60 % респондентов отмечают, что их личное представление о войне формируется не только в школе, но и через семейные рассказы и визуальные источники (фильмы и музейные экспозиции) [8]. Эти данные подчёркивают необходимость активного включения учащихся в практики осмысления прошлого, основанные на межпоколенческом диалоге и символических формах памяти.

Формирование исторической памяти предполагает не только трансляцию информации о военных событиях, но и активную работу с образами исторического прошлого, через которые учащиеся воспринимают, интерпретируют и эмоционально переживают знания. Такие образы включают как официальные символы (герои, мемориалы, праздники), так и личностные представления, складывающиеся под влиянием семейной памяти, литературных источников, фильмов, музейных экспозиций. Именно в старших классах учащиеся достигают возрастного уровня, позволяющего переходить от восприятия истории как линейного повествования к её осмыслению как морального и гражданского опыта.

Великой Отечественной войне присуща особая образность: образ «солдата-освободителя», «женщины-труженицы тыла», «ребёнка войны», «героя-партизана», «узника концлагеря» и др. Эти образы несут не только знаниевую, но и эмоционально-ценностную нагрузку, формируя у учащихся представление о долге, жертве, героизме, страдании, несправедливости, сопротивлении и победе. Педагогически значимым становится то, как эти образы вводятся в образовательный процесс — через какие источники, в каких контекстах, с какими акцентами. Великая Отечественная война — это пространство нравственных и этических выборов, трагедий и подвига, а эти аспекты формируют глубокое, ценностно ориентированное восприятие истории, учат осознавать ценность мира, значимость сопротивления злу, важность личного вклада в общее дело. Стоит отметить, что чрезмерная героизация без критического осмысления может привести к мифологизации истории, тогда как сбалансированная, эмоционально выверенная подача способствует формированию зрелого и ответственного отношения к историческому прошлому.

Продуктивной является работа с персонализированными образами: историями бойцов, узников, жителей деревень, разрушенных в годы войны. Такие практики позволяют учащимся выстраивать эмпатическую связь с прошлым. Важную роль играет семейная история — один из ключевых факторов формирования устойчивой исторической памяти. Знание истории своей семьи в годы войны, участие в поиске такой информации формирует личностную причастность к историческому процессу, позволяет

актуализировать историю как часть собственной идентичности. В процессе реализации исследовательских проектов, подготовке презентаций, создании мультимедийных альбомов памяти учащиеся расширяют историческое знание и формируют эмоционально насыщенную связь с прошлым, которая способствует развитию нравственной чувствительности, ответственности и гражданской зрелости. Семейная история способствует естественной передаче культурных кодов, межпоколенческой коммуникаций, укрепляет внутреннюю мотивацию к изучению истории как дисциплины, имеющей личностное и экзистенциальное значение.

Историческая память как педагогический феномен — это не просто информационный след прошлого в сознании учащегося, а системно выстроенный процесс трансляции, осмысления, переживания и актуализации исторического опыта в условиях школьного исторического образования, она функциональна в настоящем и стратегична по отношению к будущему. Её формирование требует чётких методик, дидактической целостности и ценностного наполнения, чтобы содействовать эффективному воспитанию национального самосознания. Формирование исторической памяти — не только образовательная задача, а ценностно-педагогическая миссия, направленная на формирование личности, способной понимать прошлое, соотносить его с настоящим и готовой нести ответственность за будущее.

Библиографические ссылки

1. Концепция школьного исторического образования в Республике Беларусь. Одобрена постановлением Министерства образования Республики Беларусь № 13.2 от 08.11.2022 // *Гісторыя і грамадазнаўства*. 2024. № 2. С. 6–14.
2. *Паноў С. В.* Канцэптуальныя асновы развіцця школьнай гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь. Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 2023.
3. *Колмакова М. В.* Сущность, структура и свойства исторической памяти как социально-педагогической категории // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*. 2016. Вып. 16, ч. 2. С. 352–357.
4. *Кришталь К. Н.* Историческая память как социокультурный и педагогический феномен // *Зборнік навуковых прац Акадэміі адукацыі*. 2025. Вып. 22. С. 146–159.
5. *Кулиш В. В.* Социальное измерение функционирования исторической памяти молодежи // *Ученые записки Рос. гос. социальн. ун-та*. 2010. № 7(83). С. 230–235.
6. *Данилов А. Н., Ротман Д. Г.* Особенности становления и развития белорусского государства: социологический анализ. Минск: БГУ, 2018.
7. *Стрелова О. Ю.* «Все, что было не со мной, помню»: проблемы и ресурсы воспитания исторической памяти в «эпоху двадцатых» // *Преподавание истории в школе*. 2022. № 1. С. 3–7.
8. Историческая память в социологическом измерении: к 80-летию освобождения Беларуси / Институт социологии НАН Беларуси. URL: <https://socio.bas-net.by/istoricheskaya-pamyat-v-sotsiologicheskom-izmerenii-k-80-letiyu-osvobozhdeniya-belarusi> (дата обращения: 19.08.2025).

**ЖЫЦЦЁ СТУДЭНТАЎ
БЕЛАРУСКАГА ПОЛІТЭХНІЧНАГА ІНСТЫТУТА
Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1930-х–ПАЧАТКУ 1940-х гг.
(па матэрыялах палітэхаўскай шматтыражкі)**

С. Г. Далюк¹⁾, А. В. Лепеш²⁾

¹⁾ *Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 65, 220013,
г. Мінск, Беларусь, sviatlanadoliuk@gmail.com*

²⁾ *Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 65, 220013,
г. Мінск, Беларусь, oxanalepesch@rambler.ru*

На аснове матэрыялаў газеты, якая выдавалася Беларускай політэхнічным інстытутам з 1935 г., у артыкуле прадстаўлена студэнцкае жыццё галоўнай тэхнічнай ВНУ краіны ў даваенны перыяд. Абагульняюцца даныя аб кантынгенце студэнтаў, прыводзяцца звесткі аб вучэбнай, навуковай, культурнай, спартыўнай дзейнасці навучэнцаў БПІ, матэрыяльна-бытавых умовах іх жыцця.

Ключавыя словы: Беларускі політэхнічны інстытут; студэнты; вучэбная дзейнасць; культурнае жыццё; інтэрнат; бытавыя ўмовы; спартыўныя дасягненні; навуковая дзейнасць.

**ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВ
БЕЛОРУССКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х–НАЧАЛЕ 1940-х гг.
(по материалам политеховской многотиражки)**

С. Г. Долюк¹⁾, О. В. Лепеш²⁾

¹⁾ *Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65,
220013, г. Минск, Беларусь, sviatlanadoliuk@gmail.com*

²⁾ *Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65,
220013, г. Минск, Беларусь, oxanalepesch@rambler.ru*

На основе материалов газеты, издаваемой Белорусским политехническим институтом с 1935 г., в статье представлена студенческая жизнь главного технического вуза страны в довоенный период. Обобщаются данные о контингенте студентов, приводятся сведения об учебной, научной, культурной, спортивной деятельности студентов БПИ, материально-бытовых условиях их жизни.

Ключевые слова: Белорусский политехнический институт; студенты; учебная деятельность; культурная жизнь; общежитие; бытовые условия; спортивные достижения; научная деятельность.

LIFE OF STUDENTS OF THE BELARUSIAN POLYTECHNIC INSTITUTE IN THE SECOND HALF OF THE 1930s–EARLY 1940s (based on the materials of the polytechnic multi-circulation newspaper)

S. G. Doliuk^{a)}, O. V. Lepesh^{b)}

^{a)} *Belarusian National Technical University, Niezaliežnasci Avenue, 65, 220013, Minsk, Republic of Belarus, sviatlanadoliuk@gmail.com*

^{b)} *Belarusian National Technical University, Niezaliežnasci Avenue, 65, 220013, Minsk, Republic of Belarus, oxanalepesh@rambler.ru*

Based on the materials of the newspaper published by the Belarusian Polytechnic Institute since 1935, the article presents the student life of the main technical university of the country in the pre-war period. It summarizes data on the student body, provides information on the educational, scientific, cultural, sports activities of BPI students, and their living conditions.

Keywords: Belarusian Polytechnic Institute; students; educational activities; cultural life; dormitory; living conditions; sports achievements; scientific activity.

У 1933 г. Беларускі політэхнічны інстытут (БПІ) аднавіў сваю дзейнасць пасля больш, чым дзесяцігадовага перапынку. Люстэркам даваеннай гісторыі БПІ стала газета «За пролетарскага інжынера», якая пачала выдавацца з 23 красавіка 1935 г. Ужо 2 лістапада 1938 г. газета была пераіменавана ў «Савецкі інжынер» і мела такую назву да верасня 1993 г. Аналіз базы артыкулаў шматтыражкі БПІ дазваляе скласці ўяўленне пра функцыянаванне інстытута, яго ўнутраныя паблемы, матэрыяльна-тэхнічную базу, паўсядзённае жыццё студэнтаў. Газета выдавалася на беларускай мове, невялікая колькасць артыкулаў была напісана па-руску.

Аўтарамі артыкулаў у газеце маглі быць выкладчыкі і кіраўніцтва інстытута, калі гэта тычылася, напрыклад, агляду пытанняў партыйнага будаўніцтва ў краіне і сімвалічных савецкіх свят, аналізу функцыянавання кафедраў, цяжучай і выніковай атэстацыі студэнтаў, вынікаў сацыялістычных спаборніцтваў паміж факультэтамі, кафедрамі, студэнцкімі групамі; прафсаюзныя, камсамольскія лідары, якія асвятлялі працу дадзеных арганізацый; самі студэнты, якія пісалі пра тое, чым яны не задаволены ў інстытуце і ў інтэрнатах, што іх хвалявала і турбавала. Прычым, студэнцкія выступы на старонках газеты характарызаваліся вастрынёй, высокай ступенню крытычнасці, яны нагадвалі хутчэй скаргі, чым артыкулы. А адсюль аўтарства такіх выступленняў часам было ананімнае (што дапускалася рэдакцыяй), калі студэнт не паказваў свайго прозвішча і ставіў толькі першую/апошнюю яго літары, або ў канцы падпісваўся абстрактна: «студэнт», «механік», «дыпломнік» і г. д. І, трэба аддаць належнае, кіраўніцтва інстытута хутка рэагавала на недахопы, выкрытыя на старонках газеты, і імкнулася іх выправіць у найбліжэйшы час.

У перадваенныя гады у БПІ функцыянавала 4 факультэты — будаўнічы, хіміка-тэхналагічны, торфамеханічны і гідрамелярацыйны, механічны і вячэрняе аддзяленне. Колькасць студэнтаў у БПІ у другой палове 1930-х—пачатку 1940-х гг. павялічылася. Калі ў 1936 г. налічвалася каля 1700 студэнтаў [1, л. 36], то ў пачатку 1940 г. іх было ўжо каля 2000 [3, л. 6]. Вучэбны працэс у інстытуце мала чым адрозніваўся ад сучаснага: студэнты наведвалі лекцыі, калоквіўмы, выконвалі лабараторныя работы, здавалі залікі і іспыты ў сесійны перыяд, праходзілі практыку, абаранялі дыпломныя праекты. Асноўныя веды па прадмеце навучэнцы атрымлівалі ў выніку наведвання лекцый і іх канспектавання, а таксама з навуковых кніг, якія можна было атрымаць у бібліятэцы. Сярэдні бал па інстытуце ў канцы 1930-х—пачатку 1940-х гг. на дзённым аддзяленні вагаўся ў адлегласці 3,7–3,8 пры абсалютнай паспяховасці ў 74–80 % [3, л. 2, 41]. Новай дысцыплінай у БПІ, да выкладання якой была павышаная ўвага, стала дысцыпліна «Асновы марксізму-ленінізму», па якой студэнты павінны былі актыўна рыхтавацца на семінарах праз вывучэнне твораў аўтараў марксісцка-ленінскай ідэалогіі і па якой здавалі абавязковы іспыт [3, л. 5, 8]. У 1940/1941 навучальным годзе былі ўпершыню ўведзены дзяржаўныя экзамены па замежных мовах [3, л. 51].

Кіраўніцтва БПІ вяло барацьбу з пропускамі заняткаў, своєчасовай ліквідацыяй запазычанасцяў (адна з галоўных праблем!), пастаянна выказвалася за стымуляванне студэнцкай навукі, добрую арганізацыю практыкі студэнтаў, якая магла праходзіць нават за межамі рэспублікі. У гэтым ім дапамагалі самі студэнты праз інстытуцкую газету, дзе паказвалі на тых, хто парушаў парадак і дысцыпліну, спазняўся на лекцыі, прапускаў заняткі без уважлівых прычын, перашкаджаў на лекцыях слухаць выкладчыкаў, дазваляў сабе грубыя адносіны да апошніх, карыстаўся шпаргалкамі на экзаменах.

Актывізацыяй навукова-даследчай работы студэнтаў павінны былі займацца выкладчыкі інстытута. Вядома, што ў 1938 г. на Усесаюзнай выставе па вынаходніцтве БПІ меў свой стэнд, дзе былі прадстаўлены распрацаваныя мадэлі навучэнцаў. Там знаходзіліся работы студэнтаў механічнага факультэта пад кіраўніцтвам прафесара Г. М. Галавіна, а таксама праект вопытнага станка для абточкі мнагагранных валоў, аўтарам якога з'яўляўся лепшы вынаходнік інстытута студэнт 5 курса мехфака Эйг [2, л. 12].

Асяроддзе студэнтаў ў даваенны перыяд цікавілася не толькі вучобай, але і пазавучэбнымі мерапрыемствамі, клапацілася аб паляпшэнні бытавых умоў падчас пражывання ў інтэрнатах, дбала пра годную фізічную падрыхтоўку. Многія студэнты былі іншагароднімі і пражывалі ў інтэрнатах. За палітэхам былі замацаваны два інтэрнаты — інтэрнат № 1, дзе

пражывала большасць студэнтаў — каля 700 [3, л. 20], і інтэрнат № 2. Якасць жыцця ў інтэрнатах, зыходзячы з артыкулаў, была далёкай да дасканаласці. У незадавальняючым стане знаходзіліся прыбіральні, каналізацыя, вентыляцыя, назіраліся перабоі з вадой, што перашкаджала студэнтам своечасова мыцца, у зімовы перыяд было халодна. Пакоі былі заселены вельмі шчыльна (колькасць жыльцоў даходзіла да 10–14 чалавек [1, л. 2, 48]), у іх адсутнічалі шафы, фіранкі на вокнах, былі праблемы з абрусамі, коўдрамі, прасцінамі, якія мяняліся вельмі рэдка. Штат прыбіральшчыц быў неўкамплектаваны, ім прыходзілася працаваць на 2–3 участках, таму памяшканні яны мылі не так часта, як было патрэбна [1, л. 8; 2, л. 10, 30, 44]. Некаторыя пакоі былі заняты пад склады [1, л. 26], пакоі адпачынку практычна адсутнічалі, што дрэнна адбівалася на працэсе самастойнай падрыхтоўкі навучэнцаў да заняткаў [1, л. 48; 2, л. 10]. Гэтыя недахопы былі абумоўлены гістарычным часам, бо вышэйшая школа ў міжваенны перыяд праходзіла этап станаўлення і, безумоўна, адсутнасць сродкаў на забеспячэнне належнага ўзроўня бытавога абслугоўвання такім чынам адбівалася на ўмовах жыцця тагачасных навучэнцаў.

Выправіць сітуацыю па санітарна-гігіенічным становішчы ў інтэрнаце № 1 савет інтэрната планаваў праз аб'яўленне штогадовых конкурсаў на лепшую комнату і культурнага жыхара [1, л. 36; 2, л. 28]. Так, у снежні 1936 г. пры падвядзенні вынікаў конкурса былі прэміраваны жыхары шасці ўзорных комнат у памеры 100–200 рублёў, а таксама ад 20 да 50 руб. атрымалі пяць чалавек у якасці персанальнага заахвочвання [1, л. 36].

Значная колькасць невялікіх артыкулаў у газеце была прысвечана працы сталовай ВНУ, буфетаў інстытута і інтэрната, магазіна, які абслугоўваў студэнтаў БПІ. Усе яны насілі ў большай ступені негатыўны кантэкст. Студэнты у цэлым былі незадаволены працай гэтых грамадскіх месцаў. У 1935 г. яны скардзіліся на антысанітарную ўстаноўку, дзе харчаванне падавалася ў брудным посудзе, а ў абедрах часта знаходзілі шкодныя рэчывы (шкло, трэскі) [1, л. 4]. Напэўна, гэтыя заўвагі былі ўлічаны, бо больш у газеце такіх нараканняў не выказвалася. Наадварот, ужо ў кастрычніку 1935 г. адзначалася, што інстытуцкая сталойка мае прыгожы ўнутраны выгляд, але заставалася крытыка наконт адсутнасці таных і якасных абедар (на той момант кошт абедар не павінен быў перавышаць 1 руб. 30 кап., а у сталойцы БПІ ён каштаваў 1 руб. 60 кап.–1 руб. 70 кап.) [1, л. 26; 2, л. 2, 26], дрэннага абслугоўвання і вялікіх чэргаў [3, л. 10]. Цікава, што самі працоўныя сталовай выходзілі свінней (у 1938 г. пры сталойцы існаваў свінарнік з 8 свінаматкамі), а таксама выпасвалі некалькі малочных кароў. Свінні і каровы забіваліся на двары сталовай, малако штодзённа здавалася ў сталовую. Мяса і малако ўжывалася пры прыгатаванні страў [2, л. 4].

У працы буфетаў інстытута і інтэрната № 1 незадавальняла навучэнцаў БПІ адсутнасць намінальнага асартымента тавараў (каўбасы, сялёдкі і нават гарбаты) [2, л. 10]. Студэнты скардзіліся на пастаяннае парушэнне санітарных нормаў у магазіне пры інтэрнаце, дзе прадукты прадаваліся без абгортванай паперы, квашаныя гуркі, памідоры, яблыкі ўзважваліся прама на чашах вагаў [1, л. 4], на падлозе заўсёды быў бруд, на паліцах — пыл, ды і самі прадаўцы не вылучаліся кампетэнтнасцю і акуратнасцю [1, л. 48].

У БПІ кіраўніцтва, прафкам, камсамол імкнуліся наладзіць культурна-масавую работу шляхам арганізацыі вечароў, прысвечаных знакамітым пісьменнікам, сустрэч з беларускай літаратурнай элітай, выступленняў самадзейнасці, лекцый і дыспутаў на літаратурныя, музычныя, навукова-тэхнічныя тэмы, культпаходаў ў кіно і тэатры. Так, 12 сакавіка 1935 г. адбылася сустрэча студэнтаў БПІ з беларускімі пісьменнікамі Якубам Коласам, Э. Самуйлёнкам, С. Баранавых, дзе абмяркоўваліся творы «Дрыгва» Якуба Коласа і «Над ракой Арэсай» Янкі Купалы. У дыскусіі прыняла ўдзел шмат студэнтаў. Нягледзячы на тэхнічны напрамак ВНУ, яе навучэнцы паказалі, што яны любяць і чытаюць беларускую мастацкую літаратуру. Сам Якуб Колас быў задаволены наладжаным дыспутам, адзначыў, што ён больш верыць звычайнаму чытачу, чым прафесіяналу-крытыку, і нават абяцаў выправіць заўвагі, на якія яму паказалі студэнты ў аповесці «Дрыгва» [1, л. 2]. У інстытуце ў даваенны час праходзіў урачысты вечар, прысвечаны 30-гадоваму юбілею літаратурнай дзейнасці Янкі Купалы [1, л. 6], а таксама шэраг мерапрыемстваў у гонар памяці пра А. С. Пушкіна [1, л. 32], В. В. Маякоўскага [3, л. 9, 10], Л. М. Талстога [3, л. 30], П. І. Чайкоўскага [3, л. 6].

З матэрыялаў газеты вядома, што у даваенны час у БПІ існавалі аўтагурток [1, л. 37], мотагурток [2, л. 32], фоталабараторыя [2, л. 24], ансамбль песні і танца [2, л. 30], струнны гурток [1, л. 8]. У 1937 г. у БПІ ўзнік драматычны гурток пад кіраўніцтвам прафесійнага артыста яўрэйскага дзяржаўнага тэатра Б. І. Фельдмана. За 2 гады з моманту стварэння драмгуртка яго калектывам было падрыхтавана звыш 15 п'есаў савецкіх пісьменнікаў і рускіх класікаў. Спектаклі ладзіліся не толькі ў інстытуце, але і для частак РККА, памежных войсках, будаўнікоў і інш. [2, л. 18, 44]. Фондам інстытута была добра абсталяваная кінааўдыторыя [2, л. 25], працаваў радыёвузел [1, л. 36].

Прафкам студэнтаў у БПІ займаўся таксама арганізацыяй адпачынку. Так, летам 1938 г. на курорты па заключэнні лячэбна-курорных камісій было адпраўлена 30 студэнтаў, у дамы адпачынку — 248 выдатнікаў і актывістаў грамадскай работы. У санаторый «Сасноўка» на двухмесячнае лячэнне былі адпраўлены ўсе хворыя на туберкулёз. Усяго на летнюю аздараўленчую кампанію прафкам выдаткаваў 70 тыс. руб. [2, л. 26].

У БПІ у даваенны час вельмі добра была пастаўлена работа па фізкультурнай падрыхтоўцы, нягледзячы на тое, што фізкультурная зала так і не была пабудавана для трэніровак. Студэнты БПІ дэманстравалі ўражлівыя поспехі ў спартыўных спаборніцтвах. У 1936 г. у ВНУ працавала 12 спартыўных секцый, спарстмены якіх займаліся ў арэндаваных інстытутах залах і на стадыёнах [1, л. 25]. Фізкультурная арганізацыя інстытута мела значныя дасягненні ў маштабе г. Мінска і БССР. Фізкультурная каманда інстытута два гады, у 1935 і ў 1936 гг., трымала першыноство ў горадзе па боксу, баскетболу і валејболу, займала другое месца па лыжах [1, л. 13]. У 1938 і 1939 гг. двойчы жаночая і мужчынскія каманды БПІ выйгралі валејбольныя спаборніцтвы на першыноство ВНУ г. Мінска і затым атрымлівалі перамогі на Усесаюзным розыгрышы па валејболе сярод інстытуцкіх каманд СССР [2, л. 2, 34, 36]. У 1937–1940 гг. каманда БПІ перамагла ў гарадскіх спаборніцтвах па футболе паміж ВНУ г. Мінска [2, л. 28; 3, л. 26]. У 1938 г. спартсмены ад БПІ выйгралі ў гарадскіх спаборніцтвах па плаванню сярод каманд ВНУ, занялі першае месца ў спаборніцтвах па гімнастыцы на першыноство г. Мінска і падзялілі першае і другое месца з камандай з БДУ на шахматна-шашачным турніры ВНУ і тэнікумаў г. Мінска [2, л. 18].

Вялікая ўвага ў інстытуце надавалася ваенна-абароннай рабоце са студэнтамі: падрыхтоўцы камандзіраў, значкістаў ГТО, варашылаўскіх стралкоў, арганізацыі планерызму. Для асваення ваенных ведаў у інстытуце працавалі нізавыя звенні арганізацыі Асоавіяхіма — савецкай грамадска-палітычнай арганізацыі садзейнічання абароне, авіяцыйнаму і хімічнаму будаўніцтву, якая існавала ў СССР у 1927–1948 гг. Яе задачай з’яўлялася ў тым ліку і правядзенне ваеннай падрыхтоўкі насельніцтва СССР. Асабліва актыўна работу па ваеннай падрыхтоўцы ў БПІ разгарнулі ў 1940–1941 гг., што было звязана з узмацненнем ваеннай небяспекі на міжнароднай арэне. 22 снежня 1940 г. студэнты хіміка-тэхналагічнага факультэту БПІ прынялі ўдзел у першым рэспубліканскім масавым ваенізаваным пераходзе, мэта ягога была ў тым, каб выхаваць вытрымку, уменне арыентавацца на мясцовасці, выносіць цяжкасці ваеннага жыцця [3, л. 35].

Навучанне ў ВНУ СССР першапачаткова было поўнасьцю бясплатным. У 1940 г. СНК СССР выдаў загад аб устанаўленні платнасці навучання ў старэйшых класах школ і вышэйшых навучальных установах СССР і аб змене парадку прызначэння стыпендый. Абгрунтаванне неабходнасці ўвядзення платы за навучанне было звязана з павелічэннем узроўню матэрыяльнага дабрабыту працоўных, што дазволіла ўскласці частку выдаткаў на будаўніцтва, абсталяванне і ўтрыманне сеткі сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў на насельніцтва [3, л. 21]. Такім чынам, з 1 верасня 1940 г. была ўведзена плата за навучанне ў 8, 9, 10 класах

сярэдніх школ і ВНУ. Памер платы для ВНУ Мінска, як сталіцы БССР, складаў 400 руб. на год, якая ўносілася роўнымі часткамі: да 1 верасня і да 1 лютага. Студэнты з вельмі бедных сем'яў ад платы вызваляліся.

З 1 лістапада 1940 г. уносіліся карэктывы і па налічэнні стыпендыі. Яе маглі атрымаць толькі найбольш здольныя: студэнты першага курса, якія былі прыняты ў ВНУ без іспытаў як выдатнікі сярэдняй школы, а таксама тыя, хто атрымаў на прыёмных іспытах не менш як дзве трэці адзнак «выдатна», а астатнія — не ніжэй «добра»; студэнты другога курса, якія атрымалі на вясенняй экзаменацыйнай сесіі не менш як дзве трэці адзнак «выдатна», а астатнія — не ніжэй «добра» [3, л. 23]. Таксама ў БПІ былі сталінскія стыпендыяты — выбітныя студэнты, якія сумяшчалі вучобу з навукова-даследчай і грамадскай работай. У 1940 г. такіх было 9 чалавек [3, л. 13].

Калі ў студэнта былі праблемы з фінансамі, ён мог паспрабаваць пазычыць пэўную колькасць грошай (пры іх наяўнасці) у касе ўзаемадапамогі, але яна працавала без добрага ўліку. У 1940 г. сума запазычанасці касы ўзаемадапамогі складала 1600 руб., прычым за тымі, хто ўжо скончыў інстытут. Студэнты неахвотна плацілі членскія ўнёскі ў касу ўзаемадапамогі: са 105 яе членаў 69 чалавек мелі запазычанасці па аплаце [3, л. 25].

Такім чынам, важнай крыніцай па гісторыі паўсядзённага жыцця студэнтаў БПІ ў даваенны час можна лічыць інстытуцкую газету, якая выдавалася з 1935 г. Матэрыялы газеты дазваляюць зрабіць вывад аб добра пастаўленай у інстытуце культурна-масавай, ваенна-абароннай і спартыўнай рабоце, вылучыць шэраг праблем у арганізацыі працы месц харчавання, а таксама скласці ўяўленне пра бытавыя умовы пражывання ў інтэрнатах.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Белорусский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт. Подшивка газет «За пролетарского инженера» за 1935, 1936, 1937 годы // Музей истории Белорусского национального технического университета. АГ-23(ОФ). 48 л. Архивная копия.

2. Белорусский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт. Подшивка газет «За пролетарского инженера», «Советский инженер» за 1938, 1939 годы // Музей истории Белорусского национального технического университета. АГ-24(ОФ). 50 л. Архивная копия.

3. Белорусский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт. Подшивка газет «Советский инженер» за 1940, 1941 годы // Музей истории Белорусского национального технического университета. АГ-25(ОФ). 54 л. Архивная копия.

ПИСЬМА ВАС. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО Е. А. ЛЯЦКОМУ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

С. И. Михальченко

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского,
ул. Бежицкая, 14, 241036, Брянск, Россия, smikh10@mail.ru*

Анализируются неопубликованные письма писателя, журналиста и общественного деятеля литературоведу и издателю Е. А. Ляцкому, содержащиеся в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии в Праге. Показывается их важность для воссоздания истории русской эмиграции первой волны в межвоенной Чехословакии, а также творчества Немировича-Данченко в пражский период жизни.

Ключевые слова: Немирович-Данченко Вас. И.; Ляцкий Е. А.; Литературный архив Музея национальной литературы Чехии; русская эмиграция 1920–30-х гг. в Чехословакии.

LETTERS OF VAS. I. NEMIROVICH-DANCHENKO TO E. A. LYATSKY AS A HISTORICAL SOURCE

S. I. Mikhhalchenko

*Bryansk State academician I. G. Petrovsky University,
Bezhitskaya str., 14, 241036, Bryansk, Russia, smikh10@mail.ru*

The article analyzes unpublished letters of the writer, journalist and public figure Vas. I. Nemirovich-Danchenko to the literary scholar and publisher E. A. Lyatsky, contained in the Literary Archive of the Museum of National Literature of the Czech Republic in Prague. Their importance for recreating the history of the first wave of Russian emigration in interwar Czechoslovakia, as well as the work of Nemirovich-Danchenko during the Prague period of his life, is shown.

Keywords: Nemirovich-Danchenko Vas. I.; Lyatsky E. A.; Literary Archive of the Museum of National Literature of the Czech Republic; Russian emigration of the 1920s–1930s in Czechoslovakia.

История русской межвоенной эмиграции 1920–30-х гг. не перестает привлекать внимания исследователей. По-прежнему весьма важен вопрос о расширении источниковой базы этих исследований, прежде всего, за счет зарубежных архивохранилищ. В этой связи, безусловной ценностью обладает Литературный архив Музея национальной литературы в Праге [Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze (LA)], где сохраняется немало документов представителей русской интеллектуальной эмиграции. Большой ценностью для изучения ее истории обладают документы, хранящиеся в находящемся в архиве фонде Евгения Александровича Ляцкого (1868–1942) (Pozůstalost E. A. Ljackij) [5]. Ляцкий получил известность еще в дореволюционные годы как этнограф и литературовед [2; 3]. Оказавшись в эмиграции после революции 1917 г., Ляцкий продолжил

свою издательскую работу, организовав вначале в Стокгольме издательство «Северные огни», а затем, после переезда в Чехословакию, возглавив в середине 1920-х гг. пражское издательство «Пламя». В 1922–1939 гг. он служил профессором русской литературы Карлова университета, не оставляя и научной деятельности в области русской литературы [2].

Это объясняет структуру фонда — наряду с делопроизводственной документацией, работами самого Ляцкого и других ученых-гуманитариев, значительное место в фонде занимают несколько сотен писем (роль переписки как исторического источника уже неоднократно отмечалась исследователями [7]). Среди его адресантов эмигрантских лет — едва ли не все значительные представители межвоенной русской культурной диаспоры, среди которых заметное место занимают письма патриарха отечественной словесности Василия Ивановича Немировича-Данченко (1845–1936). Прославившийся уже в конце XIX–начале XX в. своими многочисленными зарисовками с театров военных действий, путевыми очерками из многочисленных путешествий по России и зарубежным странам, а также художественными произведениями, он, оказавшись в 1921 г. в эмиграции, поселился в Праге. Немирович-Данченко обладал поразительной литературной плодовитостью, написав сотни художественных и публицистических произведений. До конца жизни он не терял литературной продуктивности и интереса к жизни. Поэтому его письма Ляцкому (всего их 43) представляют безусловную ценность. Они относятся к 1924–1936 гг. Основное содержание писем распадается на несколько направлений.

Во-первых, Немирович-Данченко пишет о собственной жизни и литературной деятельности. Жизнь весьма пожилого человека была наполнена болезнями,

«Боюсь, что дни мои — в лучшем случае годы сочтены, — писал он 6 января 1934 г. — У меня то же, что у покойной матушки. Она к 89-му году перестала совсем есть. Ко всему этому сильнейший ревматизм рук, плохо поддающийся лечению» [1]. В письме 16 августа 1934 г. вновь жалобы: «Несчастья нас преследуют одно за другим. ...меня, когда я возвращался из банка с болгарской пенсией за 3 месяца (3.100 кш) обокрали по дороге. Думаю, что таким старикам жить незачем. Ведь только и греешься у очага своих воспоминаний... В бессонные ночи открываются рассеянные по всему свету могилы и у моей постели собираются старые друзья. Мы корректируем наши общие были. А утро загоняет опять их в землю, а меня будит для скуки тусклого дня» [1]. Упомянувшаяся в последнем письме ежемесячная пенсия в размере от 2 до 4 тыс. левов была ему назначена Народным собранием страны в 1928 г. как участнику русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [4; 6].

Вторая важная тема в письмах — творчество. Несмотря на преклонный возраст, Немирович-Данченко регулярно делился планами и информировал адресата о написанных им произведениях. 21 апреля 1924 г. радостно сообщал Ляцкому: «На меня напала работомания, оканчиваю фантастическую повесть „Железная земля“. Начал воспоминания: „О том, что следовало бы забыть“ и проч. и проч. и проч.» [1]. А десятью годами позже, 6 января 1934 г. делился новостью: «Я отличился: больными в зимних перчатках и забинтованными руками написал три рассказа... Все три напечатаны. Для старого одра 89 лет это все-таки рекорд» [1]. Рассказы были опубликованных в парижских и рижских эмигрантских газетах. Важное место занимали в его творческой жизни переводы его старых романов в Италии. При этом Немирович-Данченко высказывал недоумение политикой белградских издателей, которые издавали второстепенных, по его оценке, авторов, а его произведения — нет.

Еще одной важной темой писем является информация о представителях русской диаспоры. Несмотря на успехи многих из них [постановку спектаклей С. И. Варшавским («Варшавский хочет показать чехам, как велся и чем был русский уголовный процесс по законам Александра II — в России. Он взял популярный роман „Три пары шелковых чулок“ и переделал его так, как будто действия его при большевиках, а суд уже при воскресшей России. Очень удачная и интересная задача» — письмо от 6 января 1934 г. [1]), пользовавшиеся популярностью публичные лекции А. Л. Казем-Бека], общий настрой писателя пессимистичен — «старая Россия вымирает и нас остается все меньше и меньше»: в письмах постоянно упоминаются уходящие из жизни представители эмиграции (Н. С. Жекулина, Т. Н. Родзянко, Д. П. Кишенский, М. А. Циммерман) и не только («Кругом смерть. Умер в Париже Сиротинин. Погас и Андрей Белый в Москве, не дожив кажется и до 50 лет. Все кругом мрачно и тяжело» — письмо от 16 января 1934 г. [1]). И, тем не менее, «жизнь у нас кипит, несмотря на ряд траурных событий. Спектакли. Возобновляют „Любовь-книга золотая“» (письмо от 7 декабря 1933 г.), «был замечательно удавшийся вечер памяти И. С. Тургенева. Выступали Милуков, Горак и я. Громадная зала Славянского университета была переполнена. Публика стояла во всех проходах. Энтузиазм» [1] (20 ноября 1933 г.). В письме содержится негативная оценка меркантильного поведения «возгордившегося» после получения Нобелевской премии И. А. Бунина.

Наконец, автор писем откликался и на события общественно-политической жизни. С грустью писал о вымирающей и распадающейся на глазах партии «народных социалистов», в которой он когда-то состоял («После кончины В. В. Водовозова и его жены Н[ародные] С[оциалисты]

не собираются, так мало нас осталось. Собрались как-то у меня Озерцовский, Изюмов и Гессен, вот и вся партия»). Не лучше положение у эсеров («Очень скомпрометированы. Больница их (скорее санаторий) передана Чешск[ому] Красн[ому] Кресту и русских больше там не помещают. Брушвит в опале, страшно нуждается. Обыскался, нигде не бывает. Большую библиотеку пока удалось отстоять от распродажи за долг Легио-банку» — письмо от 7 декабря 1933 г. [1]). Иное настроение — в словах того же письма, где Немирович-Данченко делился впечатлениями о военном параде в Праге — «Военный парад в юбилей Республики имел очень и очень внушительный вид. Это имело характер очень внушительной демонстрации против гитлеровщиков. Очень много не арийцев здесь из Берлина, был, между прочим, известный политический корреспондент „Сегодня“ и когда-то „Речи“, теперь уехавший в Варшаву. Застрял здесь бывший корреспондент „Русских ведомостей“ и целого ряда французских газет Звездич. Он сидел у Гитлера в тюрьме, где его избивали до полусмерти. Теперь он оправляется в Праге» [1].

Конечно, далеко не все письма столь информативны. Многие из них — небольшие записки на бытовые темы. Но, как представляется, те из писем, которые содержат содержательную информацию, являются весьма важными источниками по истории эмиграции первой волны.

Подготовлено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00505.

Библиографические ссылки

1. Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze. Pozůstalost E. A. Ljackij [LA 52/69].
2. Грачева А. М., Матренина М. М. Ляцкий Е. А. // Русские писатели XIX—начала XX в. Энциклопедия. М.: БРЭ, 1994. Т. 3. С. 445–447.
3. Евгений Ляцкий: Материалы к биографии / Публ. С. И. Михальченко. Брянск: Издательство БГПУ, 2000. 176 с.
4. Мангачев П. И. Василий Немирович-Данченко и признательна България // Russian studies without borders. 2018. Т. 2. № 3. С. 55–64.
5. Михальченко С. И. Фонд Е. А. Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии // Археографический ежегодник за 1999 год. М.: Наука, 2000. С. 286–301.
6. Сапронова Н. Т. Вас. И. Немирович-Данченко: годы эмиграции // Вопросы истории славян. Воронеж: ВГУ, 1996. Вып. 11. С. 62–77.
7. Шумейко М. Ф. Переписка как исторический источник и особенности ее сохранения и публикации // Крыніцазнаўства, археографія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2007. С. 172–183.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО И СЕМИЛЕТНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В БССР В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1944–1955)

Е. Н. Мох

*ГУО «Академия образования»,
ул. Короля, 16, 220004, г. Минск, Беларусь, Eln.mokh@gmail.com*

В статье рассматриваются аспекты государственной политики по осуществлению всеобщего начального и семилетнего образования в БССР в 1944–1955 гг.

Ключевые слова: начальное и семилетнее образование; государственная политика; БССР; всеобуч.

IMPLEMENTATION OF UNIVERSAL PRIMARY AND SEVEN-YEAR EDUCATION IN THE BSSR IN THE POST-WAR PERIOD (1944–1955)

E. N. Mokh

*State Educational Institution “Academy of Education”,
Korolya St., 16, 220004, Minsk, Belarus, Eln.mokh@gmail.com*

The article examines aspects of state policy on the implementation of universal primary and seven-year education in the BSSR in 1944–1955.

Keywords: primary and seven-year education; state policy; BSSR; universal education.

Главная задача после освобождения Беларуси состояла в том, чтобы организовать работу школ и охватить обучением всех детей. Особое значение придавалось восстановлению и организации общеобразовательных школ в сельской местности, жители которой составляли в 1940–1959 гг. абсолютное большинство населения БССР (69–79 %) [1, с. 13, 14].

Поэтому во многих населенных пунктах школы создавались вне зависимости от наличия предназначенных для образования зданий: сельсоветах, наемных и частных домах, а во многих случаях в разоренных районах размещались в землянках.

В 1944/1945 учебном году было положено начало восстановлению учебных заведений. Эта работа продолжалась в последующих годах четвертой, а затем и пятой пятилеток. По БССР предусматривалось к 1950 г. довести количество начальных, семилетних и средних школ до 11 375, в том числе в городах — 536 и в сельской местности — 10 839, с общим охватом детей в городах и сельской местности 1,5 миллиона человек. Обращалось внимание на обеспечение всеобщего обязательного обучения той части молодежи, которая в условиях Великой Отечественной войны и временной оккупации не могла обучаться в школах.

Четвертым пятилетним планом намечалось не только восстановить, но и значительно расширить довоенную сеть школ и добиться значительного роста учащихся в них, полностью осуществить закон о всеобщем обучении как в восточных, так и западных областях.

В июле 1944 г. вся территория Беларуси была освобождена от оккупантов. А уже 3 августа 1944 г. Центральный Комитет ВКП(б) БССР принял постановление «Об очередных задачах партийных организаций КП(б)Б в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения», в котором обязал Совет Народных Комиссаров БССР и Центральный Комитет КП(б) БССР к началу 1944/1945 учебного года восстановить сеть начальных, семилетних и средних школ на освобожденных территориях, охватить обучением всех детей школьного возраста. В целях быстрейшего решения этих задач прежде всего нужно было наладить учет детей, подлежащих обучению, и принять меры для привлечения их в школу. В марте 1944 г. СНК БССР утвердил инструкцию Наркомпроса БССР «Об организации учета детей и подростков в возрасте 7–15 лет включительно и о порядке контроля за исполнением закона о всеобщем обязательном обучении» [2, с. 38–41].

Согласно инструкции, исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся должны были разделить территорию городов, районов, сельских Советов на школьные участки по числу имевшихся школ и прикрепить к каждой начальной, семилетней и средней школе по одному школьному участку начального обучения. Советы депутатов трудящихся обязывались следить за посещаемостью детьми школы. Местными органами власти и руководством школ проводилась масштабная разъяснительная работа среди населения о необходимости всеобщего обучения детей от 7 до 14 лет.

Однако в условиях военного времени эту задачу в полной мере решить не удалось: основные средства и усилия были брошены на освобождение территории Белоруссии. В 1944/1945 учебном году в республике удалось открыть 1146 начальных школ, 267 неполных средних школ и 45 средних школ, в которых начали обучение 1 200 000 учащихся [3, с. 17–19].

По указанию ЦК КП(б)Б и СНК БССР первоочередные мероприятия органов народного образования четко определялись Наркомпросом, областными, районными и городскими комитетами партии и Советами депутатов трудящихся. Мероприятия были направлены в первую очередь на восстановление всеобщего обязательного начального обучения детей. Они включали: комплектование отделов народного образования, учет учителей и подбор руководящих кадров для органов народного образования, школ и педагогических учебных заведений; организацию полного и точного учета детей школьного возраста; развертывание школьной сети, подготовку

помещений для школ; организацию сбора учебников на местах, издание оригинальных учебников на белорусском языке и завоз учебников, издаваемых в РСФСР для школ БССР; обеспечение школ и учащихся тетрадями, карандашами, чернилами, перьями и др. [4, л. 40–41]. Развертывая школьную сеть, органы народного образования выявляли годные для ремонта и восстановления школьные здания, а также частные дома, которые можно было приспособить под школы. Началось строительство школ-землянок.

В 1947 г. XV пленум ЦК КП БССР поручил ЦК КПБ и Совету Министров БССР рассмотреть и решить вопрос о переводе в течение двух-трех лет всех сельских школ из наемных крестьянских помещений в специальные школьные здания, обеспечив в 1948 г. широкое развертывание строительства новых школьных зданий.

В послевоенное время наблюдался большой отсев учащихся из школ. Не полный охват учебой и отсев учащихся из школ в первые годы после освобождения объяснялись тяжелыми последствиями нацистской оккупации: разрушением жилищного фонда, отсутствием одежды, обуви, продовольствия, эпидемическими заболеваниями. Многие дети лишились родителей — остались сиротами. В срочном порядке открывались детские дома, дети-сироты устраивались на патронат, опеку, усыновление. Во многих школах БССР была организована выдача особо нуждающимся детям одноразового питания. Через комитеты содействия всеобучу при Советах депутатов трудящихся создавались денежные и материальные фонды помощи особо нуждающимся детям — школьникам.

За годы четвертой пятилетки в БССР выросла развитая сеть школ всех типов, которая позволила в 1949/1950 учебном году завершить повсеместно всеобщее начальное обучение и приступить к осуществлению всеобщего семилетнего обучения.

В 1949/1950 учебный год явился первым годом в послевоенное время, когда в БССР повсеместно начало осуществляться обязательное семилетнее обучение детей школьного возраста. В 1946 г. в пятые классы было принято 80 % выпускников IV-ых классов. К 1949/1950 количество семилетних школ составило 2664.

Таблица 1

Рост сети школ БССР по годам в годы четвертой пятилетке

Учебные годы	Всего школ	В том числе			Всего учащихся
		начальных	семилетних	средних	
1944/1945	10 130	8363	1491	276	1 209 437
1945/1946	10 855	8900	1627	328	1 328 783
1946/1947	11 300	9138	1778	384	1 402 351
1947/1948	11 686	9232	1983	471	1 393 570

Окончание табл. 1

Учебные годы	Всего школ	В том числе			Всего учащихся
		начальных	семилетних	средних	
1948/1949	11 719	8983	2226	510	1 420 847
1949/1950	11 758	8512	2664	582	1 458 371

Источник: [5, с. 28].

Из таблицы видно, что в первые годы после освобождения БССР большое внимание уделялось развитию сети начальных школ и младших классов семилетних и средних школ. В связи с трехлетним перерывом в учебе и введением обучения с семи лет, младшие классы насчитывали большой контингент учащихся. В последующие годы, по мере накопления контингента учащихся в 4-х и 7-х классах, с каждым годом увеличивалась сеть семилетних и средних школ.

В директивах по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг., принятых XIX съездом КПСС, предусматривалось закончить до конца пятилетки переход от семилетнего образования ко всеобщему среднему, подготовить условия для перехода ко всеобщему среднему образованию в сельской местности.

Таблица 2

Рост сети школ БССР по годам в годы пятой пятилетке

Учебные годы	Всего школ	В том числе			Всего учащихся
		начальных	семилетних	средних	
1950/1951	11 680	8056	2885	730	1 466 591
1951/1952	11 615	7781	2935	899	1 426 327
1952/1953	11 565	7553	2962	1050	1 338 187
1952/1954	11 547	7426	2934	1186	1 286 607
1954/1955	11 534	7287	2898	1349	1 250 147

Источник: [5, с. 29].

Данные таблицы показывают незначительное уменьшение общей сети школ за счет, главным образом, начальных школ. Уменьшение сети школ, особенно начальных, объясняется общим уменьшением контингента учащихся, вызванным последствиями войны, а также уменьшением переростков, которые, окончив школу, ушли на работу или поступили в ремесленные училища и специальные средние учебные заведения. Сокращение начальных школ также объясняется преобразованием многих из них в семилетние в связи с введением обязательного семилетнего образования. В пятой пятилетке большое внимание обращалось на более равномерное размещение школ по районам и областям БССР, а также плановую наполняемость классов учащимися.

Контингент учащихся в 8–10 классах в 1954/1955 учебном году увеличился по сравнению с 1950/1951 учебным годом почти в четыре раза, а количество классов выросло более чем в три раза, что свидетельствует о росте учащихся в старших классах средних школ и большей наполняемости классов.

Таким образом, поставленные задачи в осуществлении всеобщего начального и семилетнего образования в БССР в послевоенное время были достигнуты. БССР к концу пятилетки фактически смогла приступить к осуществлению всеобщего среднего обучения.

Библиографические ссылки

1. Численность, состав и движение населения в Белорусской ССР: Стат. материалы. Минск, 1966. С. 13, 14.
2. Інструкцыя аб арганізацыі ўліку дзяцей і палросткаў ва ўзросце ад 7–15 год уключна і аб парадку кантроля за выкананнем закона аб усеагульным абавязковым навучанні (Зацверджана СНК БССР 18 сакавіка 1944 г.) // У дапамогу настаўніку. 1945. № 1. С. 38–41.
3. *Котаў А. І.* Аднаўленне і развіццё агульнаадукацыйнай школы ў пасляваннай беларускай вёсцы (1944–1960) // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* 1998. № 1. С. 17–19.
4. Инструкция «О проведении первоочередных мероприятий по восстановлению деятельности школ всеобуча и других культурно-просветительских учреждений» // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 42. Оп. 4. Д. 116. Л. 50–51.
5. *Черкас В. М.* Осуществление всеобщего начального и семилетнего образования в Белорусской ССР в послевоенное время (1944–1955 гг.) // *Ученые записки, Мозырский государственный педагогический институт.* 1958. Вып. 1. С. 21–39.

РАЗВИТИЕ ПРОГРАММ АКАДЕМИЧЕСКИХ ОБМЕНОВ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

А. А. Нелепко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, nelepkolika@gmail.com*

В статье рассматривается история развития программ академических обменов между Беларусью и Китаем с 1992 г. до настоящего времени, современное состояние программ академических обменов и перспективы их развития.

Ключевые слова: Беларусь; Китай; высшее образование; академический обмен.

DEVELOPMENT OF ACADEMIC EXCHANGE AND STUDENT MOBILITY PROGRAMS BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

A. A. Nelepko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, nelepkolika@gmail.com*

The article examines the history of the development of academic exchange programs between Belarus and China from 1992 to the present, the current state of academic exchange programs and prospects for their development.

Keywords: Belarus; China; higher education; academic exchange.

Беларусь и Китай являются партнерами во многих сферах, и сфера образования не является исключением. Плодотворное сотрудничество двух стран открывает новые возможности для их граждан, способствует обмену опытом, культурному обмену, повышению уровня взаимопонимания между их представителями. На сегодняшний день белорусские и китайские студенты имеют возможность как проходить обучение в дружественных странах в рамках программ академических обменов, так и полностью получать образование в другой стране как на платной, так и на бюджетной основе.

Начало сотрудничеству в сфере образования было положено в 1992 г., когда в Пекине было подписано межправительственное соглашение о культурном сотрудничестве, которым предусматривались «содействие развитию и повышению эффективности прямого взаимодействия между высшими учебными заведениями обеих стран, взаимное предоставление стипендий, обмен учеными» [8]. Немногим позже, в 1996 г., в

результате визита премьер-министра Республики Беларусь в Китайскую Народную Республику, было подписано соглашение о сотрудничестве между Министерствами образования и науки Республики Беларусь и Государственным комитетом КНР по делам образования на 1997–2000 гг.

28 октября 1998 г. вступило в силу первое Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании. Им предусматривалось предоставление владельцам указанных документов на территориях государств сторон равных прав как при осуществлении профессиональной деятельности, так и в случае продолжения образования на более высоком уровне. 26 июля 2000 г. было подписано межправительственное соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях, что поспособствовало росту интереса к получению высшего образования в Беларуси среди китайских граждан.

Соглашение между министерствами образования о сотрудничестве на 2001–2005 гг., подписанное в 2000 г., является первым подобным соглашением. Оно имело огромное значение для белорусско-китайского сотрудничества и предполагало наличие стипендиатов как с китайской, так и с белорусской стороны, однако с каждой из сторон их количество не должно было превышать 15 человек ежегодно. Позднее это число было поднято до 20 стипендиатов в год по соглашению между министерствами образования двух стран о сотрудничестве в области образования на 2006–2010 гг.

В сентябре 2014 г. новый толчок к развитию с сфере образования дало вступление в силу Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о создании Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству, представлявшего собой координационный механизм содействия развитию белорусско-китайского сотрудничества. Четвертая статья упомянутого соглашения предполагала создание ряда комиссий, в числе которых Комиссия по сотрудничеству в области образования и Комиссия по культурному сотрудничеству [7].

Одно из важнейших и наиболее значимых для развития программ академических обменов соглашений, а именно Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере образования, было подписано в 2015 г. и действует до сих пор. Им подразумевалось взаимодействие в таких направлениях, как получение образования гражданами государств сторон в учреждениях образования и иных организациях системы образования государств сторон; обмен студентами, аспирантами, докторантами, педагогическими и научными работниками; организация повышения

квалификации, стажировки, переподготовки педагогических и научных работников; установление и развитие прямых контактов между учреждениями образования обоих государств и т. д. Соглашением предполагается, что ежегодно стороны по государственной линии будут обмениваться студентами, аспирантами для обучения в учреждениях высшего образования, количество участников таких обменов по данному соглашению не должно превышать 40 человек с каждой стороны ежегодно. Принимающая сторона освобождает стипендиатов от уплаты за обучение, проживание в общежитии, пользование учебниками и предоставляет им стипендию в соответствии с законодательством. Оплата расходов по проезду до места обучения и обратно, медицинскому страхованию, оформлению виз и регистрации в КНР производится за счет собственных средств участников обмена [5].

В 2019 г. прекратили свое действие упомянутые ранее Соглашение о взаимном признании документов об образовании 1998 г. и Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях 2000 г. ввиду подписания в Бресте в ходе заседания Комиссии по сотрудничеству в области образования Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству нового Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и документов об ученых степенях [6].

21 ноября 2023 г. в Минске было подписано Соглашение о создании Китайско-белорусской ассоциации университетов, в которую вошли более 80 высших учебных заведений Беларуси и Китая. По мнению первого замминистра образования А. Г. Бахановича, присутствовавшего во время подписания соглашения, создание ассоциации является важнейшим этапом в развитии белорусско-китайских отношений. Заместитель министра убежден, что результаты ее работы не заставят себя долго ждать. Он подчеркнул заинтересованность белорусской стороны в углублении партнерства с Китаем, отметив, что сотрудничество в сфере образования помогает гражданам обеих стран лучше понимать друг друга и укрепляет дружбу между государствами. В дальнейшем Беларусь и Китай будут тесно взаимодействовать в сфере науки и образования [1].

Предполагается, что сотрудничество в рамках китайско-белорусской ассоциации университетов будет включать содействие двусторонним и многосторонним межуниверситетским обменам и взаимодействию; мероприятия по академическому обмену, включая совместные семинары, форумы.

План по развитию академических и научных обменов между учреждениями образования Беларуси и Китая на 2023–2025 гг. образовательные

ведомства двух стран утвердили осенью 2023 г. во время очередного заседания Комиссии по сотрудничеству в области образования Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству.

Между БГУ и рядом китайских университетов подписаны различные договора, протоколы и соглашения. В их числе Китайский университет международных отношений, Харбинский политехнический университет, Пекинский университет, и, разумеется, Даляньский политехнический университет. На сегодняшний день у БГУ подписано 112 соглашений о сотрудничестве с 73 китайскими учреждениями образования, 70 % от общего числа иностранных обучающихся в БГУ составляют китайские граждане [3].

Белорусский национальный технический университет не менее заинтересован в привлечении китайских студентов. На данный момент в университете обучается более 1200 граждан КНР на всех ступенях образования. В 2025 г. будет подготовлено более 800 высококвалифицированных специалистов для нужд промышленности и народного хозяйства Китая. В этом же году факультет международного сотрудничества БНТУ планирует привлечь на обучение не менее 900 студентов из Китая [10].

Огромное значение для развития китайско-белорусского сотрудничества в сфере образования имеет создание совместных учебных заведений. В Китае работа по созданию совместных учреждений образования с иностранными партнерами ведется с 2003 г. на основании «Положения о создании совместных учебных заведений в КНР», общее их число к настоящему моменту достигает нескольких тысяч. Беларусь же только недавно ступила на этот путь и впервые приняла участие в создании совместного института в 2017 г. [9]. Ведущий университет страны — Белорусский государственный университет — и здесь выступил инициатором. БГУ наиболее активно сотрудничает с Даляньским политехническим университетом. Партнерство Белорусского государственного университета и Даляньского политехнического университета берет начало в 2007 г. В 2017 г. прошел первый набор в Совместный институт ДПУ-БГУ в Даляне. С 1 сентября 2019 г. на базе Белорусского государственного университета начал свою деятельность Совместный институт БГУ-ДПУ (СИБД) [2].

В феврале 2024 г. посол Китайской Народной Республики в Беларуси Се Сяюнь отметил рост студенческих обменов. Общее число китайских студентов в Беларуси превысило 9,5 тысяч, число белорусских студентов в Китае достигло нескольких сотен. Он также обратил внимание на то, что всего годом ранее китайских студентов в Беларуси насчитывалось всего 7 тысяч. На 2025 г. в Китае обучается порядка 1 тыс. белорусских граждан, а в Беларуси проходит обучение более 13 тыс. граждан Китая [4].

Для привлечения иностранных студентов на обучение в КНР китайское правительство предоставляет стипендии, коих существует несколько видов. Самая востребованная из них — стипендия правительства Китая (CSC).

Существуют также стипендии от провинций Китая. Такие стипендиальные программы, как правило, привлекают студентов для обучения в конкретных вузах региона, а покрытие стоимости обучения и проживания зависит от провинции, выдающей стипендию.

Помимо государственных стипендий существуют также стипендии от университетов и образовательные гранты компаний. Университетские стипендии предоставляют больший выбор вузов, чем государственные, но стоимость обучения покрывают в меньшей степени. Гранты от компаний спонсируются такими крупными предприятиями как Alibaba, Huawei, Lenovo, SinoTech и другими, однако распространенными не являются.

Из всех белорусских студентов, получающих образование в Китае, 30 % получают его бесплатно. За последние десять лет более 500 обучающихся из БГУ были направлены в Китай для обучения по обмену, прохождения стажировок, изучения китайского языка, участия в летних школах и иных международных мероприятиях.

Белорусский государственный университет продолжает укреплять отношения с китайскими учебными заведениями. С целью расширения области партнерства в марте 2023 г. в КНР прибыла делегация БГУ во главе с ректором А. Д. Королем. В результате визита было подписано соглашение об обмене обучающимися с Пекинским университетом иностранных языков, кроме того, Китайский университет политических наук и права стал новым партнером БГУ. Помимо этого, во время посещения Китая делегация БГУ также провела переговоры с руководством Пекинского университета, что позволило вывести отношения между вузами на новый уровень.

В перспективе Республика Беларусь и Китайская Народная Республика будут продолжать плодотворное сотрудничество в сфере образования, базируясь на подписанных ранее соглашениях. В июне 2025 г. был проведен форум молодежи Беларуси и Китая, кроме того, 2025 г. получил статус Года сотрудничества Беларуси и Китая в области науки, технологий и инноваций. С течением времени белорусско-китайское сотрудничество становится только теснее, что позволяет ожидать появления еще большего количества совместных образовательных программ, образовательных и научных структур, а также расширения возможностей для академической мобильности преподавателей и студентов.

Развитие программ академических обменов между Беларусью и Китаем способствует укреплению двусторонних отношений, расширению

научного и образовательного сотрудничества, а также повышению межкультурного взаимопонимания. Это важный шаг на пути к созданию более открытого и взаимовыгодного академического сообщества.

Библиографические ссылки

1. Беларусь и Китай подписали соглашение о создании ассоциации университетов. URL: <https://www.belta.by/amp/society/view/belarus-i-kitaj-podpisali-soglashenie-o-sozdanii-assotsiatsii-universitetov-600861-2023> (дата обращения: 15.08.2025).

2. Белорусский государственный университет и Даляньский технологический университет: направления и перспективы международного межуниверситетского сотрудничества. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/78017/1/Kasyuk_N.S._s_69_71.pdf (дата обращения: 15.08.2025).

3. Новые договоренности о сотрудничестве достигнуты между БГУ и Пекинским университетом (ПКУ) в рамках Форума ректоров вузов Беларуси и Китая. URL: <https://bsu.by/news/novye-dogovorennosti-o-sotrudnichestve-dostignuty-mezhdu-bgu-i-pekinskim-universitetom-pku-v-ramkakh-d> (дата обращения: 15.08.2025).

4. Большой приход Китая в Беларусь: как отношения вышли на восходящую траекторию развития. URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/de366361de98f986.html> (дата обращения: 15.08.2025).

5. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере образования. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01500047&p1=1> (дата обращения: 15.08.2025).

6. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и документов об ученых степенях. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01900016&p1=1&p5=0> (дата обращения: 15.08.2025).

7. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о создании Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01400032> (дата обращения: 15.08.2025).

8. Сотрудничество в сфере культуры. URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/humanitarian/> (дата обращения: 15.08.2025).

9. *Тозик А. А.* Сотрудничество университетов Беларуси и Китая — необходимый компонент успешного развития двусторонних отношений // Вышэйшая школа. Навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2019. С. 9.

10. Вклад БНТУ в китайско-белорусское дружественное сотрудничество. URL: <https://times.bntu.by/news/16613-vklad-bntu-v-kitajsko-belorusskoe-druzhestvennoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 15.08.2025).

ВЕТЕРАН, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ: И. В. МАРЧЕНКО

В. В. Сергееenkova

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, SergVV@bsu.by*

Исследован жизненный путь ветерана Великой Отечественной войны И. В. Марченко, его боевая, научная и педагогическая деятельность. Проанализирована его активная общественная деятельность и жизненная позиция гражданина. Выявлены и представлены награды И. В. Марченко за участие в боях Великой Отечественной войны и в мирное время за вклад в военно-патриотическое воспитание молодежи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; БГУ; исторический факультет.

VETERAN, SCIENTIST, AND TEACHER: I. V. MARCHENKO

V. V. Sergeenkova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, SergVV@bsu.by*

The life path of the veteran of the Great Patriotic War I. V. Marchenko, his combat, scientific and pedagogical activities, has been investigated. His active social activities and the life position of the patriot have been analyzed. The awards of I. V. Marchenko received for participation in the battles of the Great Patriotic War and in peacetime for the contribution to the military-patriotic education of young people have been identified and presented.

Keywords: Great Patriotic War; BSU; Faculty of History.

Белорусский государственный университет, в целом, и исторический факультет, в частности, могут в полной мере гордиться своими преподавателями, которые, пройдя тяжелые испытания в годы Великой Отечественной войны, внесли свой вклад, занимаясь преподавательской, научно-исследовательской, общественной деятельностью, а также патриотической, воспитательной работой студенческой молодежи. Это: А. И. Кожушков, П. З. Савочкин, Д. П. Жмуровский, Ю. И. Драгун и другие. К ним с полным основанием следует отнести и Ивана Васильевича Марченко.

И. В. Марченко родился 14 января 1923 г. в д. Людково Славгородского района Могилевской области в семье служащих. Его отец 40 лет работал учителем в школе [1, л. 1–1 об., 3].

Иван Васильевич в сентябре 1940 г. стал студентом филологического факультета БГУ. Однако закончить тогда университет ему не удалось: началась Великая Отечественная война. Он был эвакуирован в г. Муром Горьковской области, где до марта 1942 г. по направлению комсомола работал слесарем, техником-нормировщиком № 114. Затем по ноябрь 1942 г. он был курсантом Первого Омского военного училища, которое окончил в

звании лейтенанта. После этого он с ноября 1942 г. по май 1945 г. служил в Красной Армии. И. В. Марченко находился в действующей армии, принимал участие в военных действиях на Северо-Западном, 2-ом Белорусском, 3-ем Прибалтийском фронтах [1, л. 1–1 об.].

За смелое и мужественное участие на фронтах Великой Отечественной войны Иван Васильевич Марченко имел заслуженные награды: Орден Отечественной войны II степени (2), Орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1, л. 2 об., 15; 2].

После окончания войны, с мая по август 1945 г. он являлся офицером штаба Белорусско-Литовского военного округа в Минске. Затем он до апреля 1946 г. был слушателем высших офицерских курсов в Кучино Московской области. После этого по август 1952 г. он служил офицером, а затем старшим офицером Белорусского военного округа. Именно в это время, в 1950 г., И. В. Марченко заочно окончил филологический факультет БГУ по специальности русская и белорусская литература и язык [1, л. 9 об.].

С сентября 1952 г. по август 1955 г. Иван Васильевич являлся слушателем Высшего военно-педагогического института им. М. И. Калинина (г. Ленинград), которую окончил с дипломом с отличием по специальности «История КПСС» [1, л. 6]. После института он по сентябрь 1956 г. преподавал историю СССР на Центральных курсах усовершенствования офицеров-политработников Советской Армии (г. Смоленск). Судьба бросала И. В. Марченко по разным уголкам Советского Союза. Так, с сентября 1956 г. по февраль 1957 г. он был преподавателем истории Свердловского суворовского военного училища, затем ему пришлось служить по октябрь 1959 г. старшим офицером Управления Уральского военного округа (г. Свердловск). И наконец, Иван Васильевич вернулся в Беларусь, исполняя должность старшего офицера Управления Белорусского округа до сентября 1967 г. [1, л. 1 об.]. За все эти годы И. В. Марченко наработал замечательный опыт умения руководить, четко и ответственно выполнять свои служебные обязанности, а также судьба связывала его с преподаванием истории.

По приказу командующего войсками Белорусского военного округа подполковник И. В. Марченко был направлен на военную кафедру БГУ. По приказу ректора БГУ академика А. Н. Севченко Иван Васильевич с 1 сентября 1967 г. стал заместителем начальника военной кафедры Белорусского государственного университета [1, л. 4]. С этого момента и до конца своей жизни Иван Васильевич был тесно связан с БГУ. В характеристике И. В. Марченко, исполнявшего должность заместителя военной кафедры БГУ, в 1971 г. говорилось: «За это время тов. Марченко проявил себя волевым, энергичным, принципиальным, требовательным и инициативным

руководителем, к своим обязанностям относится с большой ответственностью» [1, л. 15 об.]. В характеристике, подписанной ректором БГУ А. Н. Севченко, отмечалось: «Тов. Марченко И. В. обладает хорошими военными знаниями и большим кругозором, богатым опытом военной службы и работы с большими коллективами, не жалея сил и энергии целеустремленно направляет работу военной кафедры на подготовку из числа студентов университета должного пополнения и резерва Советской Армии — офицеров запаса» [1, л. 15 об.]. В характеристике подчеркивалось, что И. В. Марченко «большую проявляет заботу о военно-патриотическом воспитании студенческой молодежи и принимает в этой благородной работе самое активное участие» [1, л. 15 об.]. Должность заместителя начальника военной кафедры И. В. Марченко занимал до апреля 1974 г.

Иван Васильевич получил в 1968 г. звание полковника Советской Армии. За свою преданность воинскому долгу он неоднократно награждался памятными медалями: «XXX лет Советской Армии и Флота», «40 лет Вооруженных Сил СССР», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945», «Ветеран Вооруженных Сил СССР», «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» 1-й и 2-й степени [1, л. 2, 15].

Работая в БГУ, И. В. Марченко занялся исследовательской деятельностью и в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Военно-патриотическое воспитание студенческой молодежи Беларуси в 1965–1970 гг.», став кандидатом исторических наук в 1973 г. [1, л. 5, 20 об.]. В ноябре 1973 г. И. В. Марченко участвовал в конкурсе на замещение вакантной должности доцента кафедры истории БССР. В характеристике, представленной на конкурс, говорилось: «имеет большой опыт педагогической работы как офицера и преподавателя курсов усовершенствования офицеров-пропагандистов, в военном училище и на военной кафедре. На кафедре читает курс «История войн и военного искусства» и ведет курс «Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах» [1, л. 20 об.].

И. В. Марченко успешно прошел конкурс. Известные историки, члены счетной комиссии в составе Ф. М. Нечая, Ю. И. Драгуна, М. Ф. Пилипенко подписали документы по итогам тайного голосования членов Совета исторического факультета. Совет исторического факультета под председательством декана И. О. Царюк постановил: считать избранным И. В. Марченко на должность доцента кафедры истории БССР [1, л. 2, 3, 24–25]. В 1976 г. Высшая Аттестационная комиссия СССР присвоила ему ученое звание доцента [1, л. 6].

И. В. Марченко читал общие курсы по истории БССР советского периода на историческом и филологическом факультетах, специальные курсы «Белорусская ССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.», «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны», вел специальные семинары «Партизанское движение и борьба подпольщиков Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» [1, л. 32, 35, 39]. Автору настоящей статьи, специализировавшейся по кафедре истории БССР, довелось слушать специальные курсы И. В. Марченко. Хорошо запомнилось его широкое владение фактическим материалом по истории Великой Отечественной войны, партизанскому движению и подпольной борьбы. Подкупала всегда его искренность, умение излагать обширный материал. Иван Васильевич знал не только фамилии, но имена и отчества, почти, по-видимому, всех командующих фронтами, армиями, многих командиров партизанских отрядов. Он был всегда уверен в том, что он говорил. Впечатляла его личность, он был статным человеком, с офицерской выправкой, его лекции хотелось слушать.

И. В. Марченко увлеченно занимался научно-исследовательской работой по теме. Связанной с военно-патриотическим воспитанием студенческой молодежи, публиковал статьи (так, в 1972–1975 гг. опубликовал 14 статей общим объемом 10 печ. листов), в 1974 г. издал в Москве брошюру «ДОСААФ БССР по военно-патриотическому воспитанию студенческой молодежи», готовил отдельные главы для учебных пособий по истории БССР. Значимо то, что он опубликовал в 1984 г. в «Весніке Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя В. І. Леніна» статью в связи с 40-летием проведения наступательной операции «Багратион», имеющую определенное историографическое значение и сегодня [3]. И. В. Марченко выступал на различных научных конференциях, прежде всего посвященных событиям Великой Отечественной войны (в частности юбилейным событиям — 40-летию Московской битвы, Сталинградской битвы) [1, с. 36, 47].

И. В. Марченко всегда был активным участником общественной жизни и университета, и исторического факультета. Его характеризовали неутомимая энергия, настойчивость, инициативность, трудолюбие, принципиальность. С 1945 г. он был членом КПСС. В течение шести лет он являлся членом партийного комитета университета, являясь ответственным за работу сектора парткома по военно-патриотическому воспитанию, оборонной и спортивно-массовой работе. И. В. Марченко в 1975 г. был избран секретарем партийного бюро исторического факультета; являлся председателем Совета ветеранов Великой Отечественной войны университета; членом президиума Минской областной организации общества «Знание».

За участие в военно-патриотическом воспитании молодежи И. В. Марченко в 1972 г. был награжден ЦК ВЛКСМ Знаком «За активную работу в комсомоле», в 1973 г. Почетным знаком ДОСААФ СССР, Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны. За успехи в развитии высшего образования и науки дважды — в 1968 г. и в 1971 г. — был удостоен награждения Почетной грамотой Верховного Совета БССР [1, с. 32–32 об., 51].

Несомненно, Иван Васильевич Марченко внес свой вклад в дело Великой Победы, в развитие образования и науки, в воспитание студенческой молодежи. Он оставил незабываемый след в истории университета и исторического факультета.

И. В. Марченко не стало 4 мая 1987 г.

Библиографические ссылки

1. Отдел архивной работы, учета и использования документов БГУ. Ф. 205. Оп. 16. Д. 363.
2. Марченко Иван Васильевич :: Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero81925460> (дата обращения: 28.08.2025).
3. *Марченко И. В.* «Операция Багратион» // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя В. І. Леніна. 1984. Серыя III. Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. № 2. С. 3–5.

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ КАК ЭТНОГРАФ И ФОЛЬКЛОРИСТ

Т. С. Совастюк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, tim2006ox@gmail.com*

В статье рассматривается вклад Н. М. Никольского в развитие этнографии и фольклористики. Анализируются ключевые направления его научной деятельности, включая исследования традиционной культуры, обрядов, мифологии и фольклора. Особое внимание уделяется его роли в становлении этнографической школы в Беларуси. Показывается, как исследования Н. М. Никольского повлияли на формирование научного представления о народной культуре и способствовали укреплению междисциплинарных связей в гуманитарном знании.

Ключевые слова: Н. М. Никольский; белорусская этнография; белорусский фольклор; Белорусский государственный университет; история науки.

N. M. NIKOLSKY AS AN ETHNOGRAPHER AND FOLKLORIST

T. S. Sovastyuk

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, tim2006ox@gmail.com*

The article examines the contribution of N. M. Nikolsky to the development of ethnography and folklore studies. The key areas of his scientific work are analyzed, including studies of traditional culture, rituals, mythology and folklore. Particular attention is paid to his role in the formation of the ethnographic school in Belarus. It is shown how Nikolsky's works influenced the formation of a scientific understanding of folk culture and contributed to the strengthening of interdisciplinary ties in the humanities.

Keywords: N. M. Nikolski; Belarusian ethnography; Belarusian folklore; Belarusian State University; history of science.

Николай Михайлович Никольский является выдающимся представителем белорусской гуманитарной науки, признанным экспертом в вопросах древней истории, религиоведения, библеистики, а также истории Беларуси. Ученый стал одним из основателей Белорусского государственного университета (БГУ), возглавлял в 1924–1926 гг. его педагогический факультет, а с 1934 по 1954 г. с перерывами — кафедру древней истории исторического факультете. Он был в числе первых белорусских профессоров, а вскоре и академиков. В тяжелых условиях Великой Отечественной войны Николай Михайлович смог продолжить научно-исследовательскую деятельность и сделал новые открытия уже в послевоенные годы. В научное наследие Н. М. Никольского входят более 500 публикаций, из которых несколько десятков монографий. Он является автором первого в СССР учебника по древней истории [1, с. 98]. Являясь белорусским ученым и

возглавляя Институт истории АН БССР, исследователь вместе со своими коллегами участвовал в работе над обобщением и написанием завершённой по всем хронологическим периодам и темам истории Беларуси. Ко всему прочему он известен и как один из создателей историко-краеведческого музея университета.

Особого внимания заслуживает и такая сторона многогранных творческих интересов ученого, как изучение им вопросов этнографии и фольклора населения Беларуси. Будучи ещё молодым ученым, Николай Михайлович погрузился в познание новых для России идей марксизма. В дальнейшем он на них опирался в своих работах, «Марксистско-ленинскому учению, — говорил историк, обращаясь к студентам, — я обязан всеми научными удачами и успехами» [2, с. 5].

Обратимся к рассмотрению его работы 1923 г. под названием «Религия как предмет науки». Работа представляет собой как бы конспект выступлений и лекций ученого, относящихся к 1922 г. Николай Михайлович представил свое понимание современных требований и ожиданий при изучении истории религий в социалистическое время. В работе представлена хронология, термины и выражения, присущие марксизму, понимание автора теоретических постулатов, обращение к некоторым личностям [3].

В декабре 1929 г. Н. М. Никольский был принят в Институт истории Белорусской академии наук (БАН) по кафедре этнографии в качестве ученого специалиста. К этому времени он уже завершил и опубликовал свою работу «Дохристианские верования и культы днепровских славян» [4], готовил второе издание «Истории русской церкви». В начале октября 1930 г. университетский профессор перешел на полную занятость в Академию наук, при этом продолжая преподавать в университете. Одним из важнейших его научных интересов в БАН стало изучение белорусской этнографии и фольклора. Он был назначен на должность заведующего секцией этнографии и фольклора Института истории БАН [1, с. 101–102]. Вскоре Николай Михайлович вместе с Я. М. Гринблатом и А. Н. Лявданским были направлены в Ленинград на I Всесоюзный съезд археологов и этнографов [5, с. 166].

В 1930-е гг. Н. М. Никольский сконцентрировался на подготовке тома по белорусской этнографии и фольклору. В довоенной время им были опубликованы 5 коллективных монографий, две авторские монографии и ряд статей [1, с. 103]. Среди публикаций исследователя можно назвать ряд работ по истории происхождения еврейских и христианских праздников [6], «Установки и методы белорусской нацдемовской этнографии» (1932), «Жывёлы у звычаях, абрадах і вераваньнях беларускага сялянства» (1933). А работа, опубликованная в 1956 г., «Происхождение и история белорусской свадебной обрядности» как бы подводила итоги исследований ученого по

этнографии [1, с. 106–107]. Нельзя не отметить, что Николай Михайлович ввел в образовательную программу на педагогическом факультете БГУ курс «Яўрэйскі фальклор» [5, с. 169].

В своем докладе 1932 г., прочитанном в духе времени по теме «Установки и методы белорусской нацдемовской этнографии», ученый обратил внимание на недостаток изученности этнографии, присутствие в ней элементов классовой борьбы, отметил отсутствие оценок в традиционных сюжетах проявлений классовой борьбы после реформы 1861 г. [7, с. 225]. Но одновременно по-научному строго он отметил недостаток сбора данных этнографии с города, а не только с сельской местности, что было новым подходом на то время.

В 1934 г., когда в Белорусском государственном университете был открыт исторический факультет, Н. М. Никольский стал одним из его главных организаторов и читал курс истории древнего мира. В 1936 г. он возглавил созданную кафедру истории средних веков и древнего мира, что позволило расширить направления научных исследований [8, с. 7]. Под редакцией ученого были изданы сборники по белорусскому фольклору и двухтомник-альбом «Беларускае народнае мастацтва». Приход Николая Михайловича в этнографию, по словам Моисея Яковлевича Гринблата, ознаменовал собой начало переустройства всей этнографической работы в Беларуси в условиях идеологической борьбы. М. Я. Гринблат отмечал, что Н. М. Никольский заложил в основу этнографии марксистско-ленинскую методологию, а научная работа в этом направлении стала ориентироваться на социалистическое строительство и культурную революцию [9, с. 132–133].

Актуальность и научную значимость проведенных исследований подтверждает издание сборников работ Н. М. Никольского. Например, изданный в 1972 г. сборник, посвященный изучению религии, содержал достаточно редкостный материал, вроде «Политеизм и монотеизм в еврейской религии» [10]. Ученый опубликовал множество документов в сборниках по древней истории Беларуси и создал совместно с В. Н. Дьяковым учебник для педагогических институтов [11; 12, с. 21–22]. Среди его трудов по истории Беларуси можно отметить: «Установки методы белорусской нацдемовской этнографии» [13], «Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі. Зборнік фальклорных твораў» [14]. Конечно, они были написаны в контексте антирелигиозной кампании и создания образа, что белорусы разных мест и разных времен во что-то не верили или верили во что-то совсем плохое и неразумное. Однако и они несли в себе значимые элементы для формирования «науки о белорусах». Так, в его работе «Проблемы древней истории Белоруссии» рассматривались ранние белорусские государства в эпоху Высокого Средневековья [15]. В предисловии к тексту книги

«Происхождение и история белорусской свадебной обрядности» Николай Михайлович написал: «Та твердость, с которой трудовой белорусский народ <...> хранил свой язык, свои нравы, обычаи и обряды, в том числе свадебные, свидетельствует о силе его национального самосознания, о его твердой и неизменной воле к борьбе за свои человеческие и национальные права, о его ненависти к угнетателям» [16].

Во время изучения этнографии и фольклора исследователь анализировал сущностные аспекты религий, мифов, культов. Как пишут современные исследователи, сравнивая наследие ученого с современным состоянием науки, «М. М. Нікольскі ніколі не займаўся такімі антынавуковымі фальсіфікацыямі» имея ввиду трактовку религии советским научным сообществом [17, с. 8].

Николай Михайлович Никольский сыграл важную роль в становлении и развитии исторической науки в Беларуси, его заслуги велики [18, с. 14]. Являясь историком и специалистом по разным направлениям гуманитарного знания, ученый одним из первых применил междисциплинарный подход к осмыслению исторического материала. Он посвятил свою жизнь служению белорусской науке, белорусскому университету.

Библиографические ссылки

1. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / С. В. Абламейко [и др.]; под общ. ред. С. В. Абламейко, науч. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2017. 303 с.
2. Ботвинник М. Б. Николай Михайлович Никольский. Минск, 1967.
3. Никольский Н. М. Религия, как предмет науки. 1-е изд. Минск: Белтрестпечать, 1923. 47 с.
4. Никольский Н. М. Дохристианские верования и культы днепровских славян. М.: Атеист, 1929. 36 с.
5. Яноўскі А. А. І прафесар, і кіраўнік: некаторыя радкі з біяграфіі Мікалая Міхайлавіча Нікольскага // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2008. С. 166–174.
6. Никольский Н. М. Еврейские и христианские праздники, их происхождение и история. М.: Атеист, 1931. 136 с.
7. Нікольскі М. М. Пытаньне аб вывучэньні мотываў клясавай барацьбы ў фольклёры // Працы археолёгічнай камісіі. Т. III. Менск: БАН, 1932. С. 225.
8. Яновский О. А. О начале исторического образования в Беларуси // Историческая наука в БГУ на рубеже тысячелетий: Материалы науч.-практ. конф., приур. к 65-летию со дня основания исторического факультета Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2000.
9. Грынблат М. Я. Мікалай Міхайлавіч Нікольскі: да 70-годдзя з дня нараджэньня і 45-годдзя навукова-педагагічнай і грамадзкай дзейнасці // Палымя, 1947. № 12. С. 127–134.
10. Никольский Н. М. Избранные произведения по истории религии. М.: Мысль, 1974. 269 с.

11. *Никольский Н. М., Дьяков В. Н.* История древнего мира. Учебник для учительских институтов. 1-е изд. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во мин. просв. РСФСР, 1952. 784 с.
12. *Крих С. Б.* Н. М. Никольский и рождение периферийной советской историографии древности // Часопіс Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 17–22.
13. *Никольский Н. М.* Установки и методы белорусской нацдемовской этнографии // Советская этнография. 1932. № 4. С. 3–25.
14. *Нікольскі М. М.* Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі. Зборнік фальклорных твораў. Мінск: Выд-ва АН БССР, 1939. 189 с.
15. *Никольский Н. М.* Проблемы древней истории Белоруссии // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 164–175.
16. *Никольский Н. М.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск: Изд-во АН БССР, 1956. 272 с.
17. *Фядосік В. А.* Навуковая школа М. М. Нікольскага і перспектывы яе развіцця // Веснік БДУ: навуковы часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2011. № 3. С. 7–12.
18. *Крих С. Б.* История поражения: Н. М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ // Восток (Oriens). 2018. № 1. С. 13–22.

К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА С ВЫСШИМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (1991–2025)

Д. И. Шестеров

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, his.shesterov@bsu.by*

Статья посвящена анализу сотрудничества Белорусского государственного университета с высшими учебными заведениями региона Ближнего Востока в период суверенной Республики Беларусь (1991–2025). Это сотрудничество представляется крайне значимым в контексте интеграции высшего образования и науки Беларуси в международные научно-образовательные процессы, выступая фактором укрепления международных позиций и престижа как самого университета, так и Республики Беларусь. БГУ, как ведущий национальный университет и флагман белорусского образования, развивает глубокие и многогранные связи с вузами ключевых стран региона. Заключенные соглашения и меморандумы создают прочную институциональную основу для межвузовского сотрудничества.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; Ближний Восток; высшие учебные заведения; межвузовское сотрудничество; образование.

ON THE COOPERATION BETWEEN BELARUSIAN STATE UNIVERSITY AND HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE MIDDLE EAST (1991–2025)

D. I. Shesterov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, his.shesterov@bsu.by*

The article analyzes the cooperation of the Belarusian State University with higher education institutions of the Middle East region during the period of sovereign Republic of Belarus (1991–2025). This cooperation is extremely significant in the context of integrating Belarusian higher education and science into international research and educational processes, serving as a factor in strengthening the international position and prestige of both the university and the Republic of Belarus. As the leading national university and the flagship of Belarusian education, BSU develops deep and multifaceted relations with universities in key countries of the region. The concluded agreements and memoranda create a solid institutional basis for comprehensive interuniversity cooperation.

Keywords: Belarusian State University; Middle East; higher education institutions; interuniversity cooperation; education.

Введение. Сотрудничество в сфере высшего образования играет важную роль в укреплении международных связей, развитии образовательных систем и обмене опытом. Белорусский государственный университет, являясь ведущим высшим учебным заведением Республики Беларусь,

флагманом высшего образования страны, ее научным и культурным центром, входящий в один процент лучших университетов мира согласно рейтингу университетов мира QS, ведет активную международную деятельность, обладая наибольшим числом международных договоров среди университетов Беларуси — более 500 международных договоров с учреждениями образования из более чем 60 стран мира [1].

Ближний Восток занимает значимое место в системе внешнеполитических связей Республики Беларусь. Этот вектор международного сотрудничества реализуется на высшем уровне, что подтверждается серией официальных визитов Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в страны региона, включая Египет, Иран, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Сирию. В рамках институционализации сотрудничества был заключен ряд соглашений, в том числе в сфере науки и образования. В этом контексте Ближний Восток представляет собой одно из приоритетных направлений для ведущего вуза страны — Белорусского государственного университета.

Развитие сотрудничества БГУ с вузами Ближнего Востока вносит значительный вклад в укрепление международных связей. Ключевыми аспектами сотрудничества являются расширение возможностей для академической мобильности, реализации совместных научно-исследовательских проектов и привлечения иностранных студентов, что способствует формированию устойчивых образовательных и культурных связей, а также повышению международного престижа БГУ.

Соглашения. Сотрудничество БГУ и иностранных вузов-партнеров осуществляется на основании международных соглашений, которые заключаются между БГУ и иностранными научными и образовательными учреждениями и организациями. Существует два вида соглашений, заключаемых между БГУ и иностранными вузами-партнерами. Меморандум о взаимопонимании является базовым документом, декларацией о намерениях сторон сотрудничать в определенных областях, целью которого является создание рамочной основы для будущего сотрудничества, обозначение общего видения и направления работы. Типовой меморандум предполагает развитие следующих форм сотрудничества: академическую мобильность, приглашение исследователей и преподавателей, разработка совместных образовательных программ, выполнение совместных научно-исследовательских программ, обмен опытом, обмен информацией и учебной литературой, организация совместных конференций и семинаров, а также совместные публикации.

Договор о сотрудничестве, в свою очередь, является документом более высокого уровня, который создает конкретные права и обязанности для каждой из сторон в обозначенных договором областях сотрудничества.

Целью договора является детально регламентировать условия реализации сотрудничества, прописать ответственность сторон и механизмы разрешения споров. Договор содержит следующие формы сотрудничества: академическую мобильность, приглашение исследователей и преподавателей, разработка совместных образовательных программ, выполнение совместных научно-исследовательских программ, обмен опытом, обмен информацией и учебной литературой, организацию совместных конференций и семинаров, а также совместные публикации.

В рамках сотрудничества БГУ с высшими учебными заведениями Ближнего Востока заключено 27 соглашений, включая 13 меморандумов о взаимопонимании и 14 договоров о сотрудничестве с авторитетными вузами региона, включая Университет Каира в Египте, Университет Тегерана в Иране, Дамасский университет в Сирии, Университет Анкары в Турции, Университет ОАЭ и рядом других высших учебных заведений.

Международные центры. На базе университета функционируют ряд международных центров, в том числе, относящиеся к Ближнему Востоку. Центр турецкого языка и культуры был открыт 13 декабря 2006 г. на базе филологического факультета БГУ [1]. В свою очередь, в Турции функционируют три информационно-образовательных центра БГУ: в Анталье с 2015 г., Анкаре с 2018 г. и Измире с 2020 г. Центр ирановедения был открыт 11 июня 2010 г. на факультете международных отношений БГУ [1]. На базе центра был сформирован уникальный фонд литературы на персидском языке по страноведению, лингвистике, истории, искусству Ирана. В рамках развития центра ирановедения 31 мая 2010 г. заключен меморандум в взаимопонимании по управлению центром ирановедения между Посольством Ирана в Беларуси и БГУ. Оманский центр арабского языка и культуры был открыт при поддержке Султаната Оман на факультете международных отношений БГУ 18 апреля 2018 г. [1]. В оманский центр было передано более 3000 изданий по арабскому языку, истории и культуре. Деятельность оманского центра направлена на популяризацию арабского языка и культуры, проведение научных исследований, конференций.

Арабская Республика Египет. На межправительственном уровне сотрудничество с Египтом осуществляется в рамках Исполнительной программы между Правительством Республики Беларусь и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в сфере высшего и послевузовского образования 2020 г., которая основывается на соглашении о сотрудничестве в области высшего образования между Правительством Республики Беларусь и Правительством Арабской Республики Египет 1998 г. [3]. В рамках программы стороны договорились о ежегодном

обмене 2 магистрантами и 1 аспирантом, о предоставлении бесплатного обучения, медицинского обслуживания, проживания и стипендий за счет принимающей стороны.

На межвузовском уровне заключены договоры о сотрудничестве с Университетом Каира и Центральным институтом металлургических исследований и развития в 2004 г., Египетским университетом науки и технологий в 2005 г. [4]. Кроме того, заключено соглашение о сотрудничестве в области науки и подготовки специалистов с Национальным исследовательским центром Египта в 2004 г. [4]. В 2021 г. был заключен меморандум о взаимопонимании с Арабской академией науки, технологий и морского транспорта при Лиге арабских государств, находящейся в г. Каир [2].

Исламская Республика Иран. БГУ осуществляет активное сотрудничество с Иранскими вузами. Заключены меморандумы о взаимопонимании с Университетом Тегерана в 2008 г. и Университетом Пайаме Нур в 2017 г. [5]. Договоры о сотрудничестве заключены с Исламским университетом Азад в 2009 г. и Университетом Сельского Хозяйства и Природных Ресурсов Рамин в 2010 г. [5]. Кроме того, с Университетом Сельского Хозяйства и Природных Ресурсов Рамин заключены отдельные соглашения об обмене специалистами, о сотрудничестве в выставочной деятельности и проведении испытаний препарата «ГИСИНАР» [5].

Сирийская Арабская Республика. На межправительственном уровне сотрудничество осуществляется в рамках реализации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Сирийской Арабской Республики о сотрудничестве в сфере высшего и послевузовского образования 2019 г. [6]. Стороны договорились о ежегодном обмене 10 магистрантами и аспирантами, а также 5 докторантами, о предоставлении бесплатного обучения, медицинского обслуживания, проживания и стипендий за счет принимающей стороны.

Помимо этого, между БГУ и сирийскими университетами заключены отдельные соглашения. Меморандумы о взаимопонимании подписаны с Университетом Хомса, ранее известным, как Аль-Баас, в 2010 г. и с частным университетом науки и технологий Кайсун в 2019 г. [7]. Заключен договор о сотрудничестве с Дамасским университетом в 2004 г. [7].

Турецкая Республика. Турция является одним из ключевых партнеров БГУ в регионе. Между БГУ и турецкими университетами подписано 12 соглашений. Меморандумы о взаимопонимании заключены с Университетом Карабюк, Стамбульским университетом Меденияет и Стамбульским университетом в 2019 г., Университетом Каппадокии и Университетом Яшар в 2020 г., Университетом Чанаккале Онсекиз Март в 2021 г., Техническим университетом Эскишехир в 2022 г. [13]. Договоры о сотрудничестве

заключены с Университетом Анкары в 2011 г., Университетом Памуккале в 2013 г., Университетом Эрджиес в 2017 г., Университетом Окан в 2018 г. и Анатолийским университетом в 2019 г. [13].

Сотрудничество с вузами других стран региона. Сотрудничество между БГУ и ОАЭ осуществляется в рамках договора между Белорусским государственным университетом и Университетом ОАЭ о сотрудничестве, который был подписан в 2007 г. [9]. Подписан меморандум о взаимопонимании с Эмиратским центром стратегических исследований и науки в 2024 г. [9]. Также установлено партнерство между физическим факультетом БГУ и Институтом технологических инноваций в Абу-Даби в рамках подготовки граждан ОАЭ по программам магистратуры и обучающих курсов. В 2009 г. заключен меморандум о взаимопонимании с Университетом султана Кабуса в Султанате Оман [10]. Кроме того, заключен договор о сотрудничестве с Университетом Аль-Кудс в Палестине в 2014 г. [11].

Заключение. Ближний Восток характеризуется богатой культурной, научной и образовательной традицией, представляет собой огромный потенциал для дальнейшего углубления межвузовского сотрудничества. Активная международная деятельность Белорусского государственного университета способствует укреплению взаимодействия между странами, обмену передовым опытом, развитию образовательной и научно-исследовательской деятельности и повышению международного престижа Республики Беларусь как государства, открытого для взаимовыгодного партнерства в сфере высшего образования и науки.

Заключенные соглашения обеспечивают реализацию образовательных программ, способствуют обмену преподавателями, научными сотрудниками, студентами, осуществляют обмен опытом, научными материалами, позволяют проводить совместные научные конференции, семинары, симпозиумы. Особое значение имеют совместные проекты в области науки и технологий, которые укрепляют репутацию БГУ как ведущего университета Беларуси и одного из лидеров научно-исследовательской деятельности в мире.

Библиографические ссылки

1. Международные центры в БГУ // Управление международных связей БГУ. URL: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/ic> (дата обращения: 01.09.2025).
2. Международные организации // Управление международных связей БГУ. URL: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/international-organizations> (дата обращения: 01.09.2025).
3. Исполнительная программа между Правительством Республики Беларусь и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в сфере высшего и послевузовского образования: Исполнительная программа Правительства Республики

Беларусь от 19 февраля 2020 г. // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I02000021> (дата обращения: 01.09.2025).

4. Египет // Управление международных связей БГУ. URL: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/egypt> (дата обращения: 01.09.2025).

5. Иран // Управление международных связей БГУ. URL: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/iran> (дата обращения: 01.09.2025).

6. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Сирийской Арабской Республики о сотрудничестве в сфере высшего и послевузовского образования: Соглашение Правительства Республики Беларусь от 19 сентября 2019 г. // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01900084> (дата обращения: 01.09.2025).

7. Сирия // Управление международных связей БГУ. URL: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/syria> (дата обращения: 01.09.2025).

8. Турция // Управление международных связей БГУ. URL: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/turkey> (дата обращения: 01.09.2025).

9. ОАЭ // Управление международных связей БГУ. URL: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/united-arab-emirates> (дата обращения: 01.09.2025).

10. Оман // Управление международных связей БГУ. URL: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/oman> (дата обращения: 01.09.2025).

11. Палестина // Управление международных связей БГУ. URL: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/palestine> (дата обращения: 01.09.2025).

ИЗ КОГОРТЫ ПЕРВЫХ ПРОФЕССОРОВ БГУ
(письма вдовы Д. А. Жаринова В. И. Пичете 1943–1946)

М. Ф. Шумейко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, jesti@inbox.ru*

Через призму публикуемых писем вдовы одного из первых профессоров БГУ Д. А. Жаринова бывшему первому ректору университета В. И. Пичете уточняются некоторые детали биографии Жаринова, в частности, дата его смерти, излагаются особенности жизни ученого в военное время, рассматриваются взаимоотношения Пичеты с вдовой Жаринова Е. А. Елисеевой, реконструируется содержание несохранившихся ответных писем Пичеты.

Ключевые слова: В. И. Пичета; Д. А. Жаринов; Е. А. Елисеева; Самарканд; Ташкент; Москва; Флорио Беневени; реконструкция содержания несохранившихся писем Пичеты.

FROM THE COHORT OF THE FIRST PROFESSORS OF BSU
(letters of the widow of D. A. Zharinov to V. I. Picheta 1943–1946)

M. F. Shumeiko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, jesti@inbox.ru*

Through the prism of the published letters of the widow of one of the first professors of BSU D. A. Zharinov to the former first rector of the university V. I. Picheta, some details of Zharinov's biography are clarified, in particular, the date of his death, the features of the scientist's life during the war are outlined, the relationship between Picheta and Zharinov's widow E. A. Eliseeva is considered, and the content of Picheta's lost response letters is reconstructed.

Keywords: V. I. Picheta; D. A. Zharinov; E. A. Eliseeva; Samarkand; Tashkent; Moscow; Florio Beneveni; reconstruction of the contents of Picheta's lost letters.

На широко известной и многократно воспроизводимой фотографии первых профессоров БГУ, снятой в начале 1920-х гг., Дмитрий Алексеевич Жаринов (1875–1943) стоит в самом центре, за спиной ректора В. И. Пичеты (1878–1947). Их связывала давняя дружба, продолжавшаяся до самой смерти первого 7 февраля 1943 г. в Самарканде. Сюда Жаринов переехал из Москвы в начале 1938 г. в отличие от Пичеты, оказавшегося вследствие эвакуации осенью 1941 г. из Москвы в соседнем Ташкенте.

В личном архивном фонде В. И. Пичеты в Архиве РАН находится 8 писем Жаринова Пичете за июль 1941–январь 1943 г., свидетельствующих о сохранявшихся между ними дружеских отношениях. В направленном еще в Москву 12 июля 1941 г. сообщении, информируя адресата о возможности принять на работу в Узбекистанский университет сотрудников

истфака БГУ, прекратившего вследствие занятия Минска немцами деятельность, Жаринов одновременно писал: «В моей личной жизни — некоторые, довольно неожиданные перемены — у меня оказалась новая молодая жена. Это довольно странно и нескладно в 66 лет, но жизнь стала полнее и — временами — счастливее. Разумеется, нисколько не рассчитываю на прочность и длительность этого счастья, но нельзя же от него отворачиваться, если оно само далось в руки?» [1, с. 283]. Речь шла о 26-летней Елене Александровне Елисеевой, 7 писем которой В. И. Пичете за 1943–1946 гг. публикуются ниже. Их содержание позволяет уточнить некоторые данные в биографии Д. А. Жаринова (в частности, место его проживания в годы войны, точную дату смерти и др.), ошибочно указанные в очерке о нем [2, с. 264–268]. Письма также в некоторой степени реконструируют содержание не сохранившихся посланий В. И. Пичеты Е. А. Елисеевой, что имеет особое значение. Их следует рассматривать как продолжение публикации эпистолярного наследия первого ректора БГУ, предпринятого к 100-летию юбилею университета [1, с. 238–411].

№ 1

г. Самарканд

8 февраля 1943 г.

Уважаемый Владимир Иванович,
пишу Вам первое письмо и то печальное: умер мой муж Дмитрий Алексеевич Жаринов 7/II-43 г. в 9 ч. вечера. Не могу поверить этому до сих пор. С ним ушёл от меня и ближайший друг и руководитель, его я могла спрашивать обо всем, не стесняясь. А теперь нет его.

С приветом, Е. Елисеева.
8/II.43 г.

№ 2

г. Самарканд

12 февраля 1943 г.

Уважаемый Владимир Иванович,
Извините меня, что мое первое письмо было очень кратко. Теперь я начинаю понемногу приходить в себя и пишу Вам несколько подробнее о Дмитрие Алексеевиче. Прежде всего, он умер совершенно неожиданно: накануне, в субботу 6 февраля вечером Дмитрий Ал[ексеевич] читал лекцию в Институте по методике и почувствовал после неё себя очень слабым, так что я еле довела его домой. В воскресенье 7 февраля до 12 часов дня был в сознании полном, но все жаловался на слабость, даже есть не мог. Затем вследствие усиления кровяного давления у него помутился рассудок, начал заговариваться, кричать, но внезапно замолчал, лишившись языка. Врач констатировал кровоизлияние в мозг. Несколько часов Дмитрий

Алексеевич был в сознании, пытался что-то сказать, но не мог. В 9 часов вечера он умер, так и не сказав ничего. Хоронили его во вторник 9 февраля; провожали родные, друзья из облОНО и Учительского института. Иван Иванович Умняков на прощании сказал очень теплую речь на могиле.

Так кончилась жизнь единственно близкого мне человека (родных у меня вообще нет), и я осталась одна. Тяжело так, что не хочется возвращаться домой после работы (работаю в старших классах сред. школы преподавателем истории). Дмитрия Алексеевича нет, а родные его настроены весело и беззаботно, что меня больше всего поражает и как-то оскорбляет. Но найти квартиру, чтобы переселиться от них, сейчас совершенно невозможно. Кончилась и учёба моя вместе с Дмитрием Алексеевичем, хотя я и питаю надежду поступить в аспирантуру, но в Самарканде аспирантура закрылась вместе с УзГУ. В общем, я осталась на распутье, как поступить дальше, ума не приложу и как доходит дело до решения научных вопросов, отсутствие Дмитрия Алексеевича чувствуется особенно резко.

Словом, пора кончать письмо, а то что-то лирики много у меня получается. Не взыщите, если где-нибудь неладно получилось, трудно писать о таких вещах.

Е. Елисеева.

12/II.43 г.

№ 3

г. Самарканд

24 февраля 1943 г.

Уважаемый Владимир Иванович!

Воспользовавшись Вашим разрешением писать Вам, я сразу же обращаюсь к Вам с просьбой, которой я долго не хотела беспокоить Вас, пока не пришла к выводу, что без Вашего совета мне не обойтись. Дело в том, что я мечтаю об учёбе, о науке-истории, которую я очень люблю и которой хочу заниматься, но до сих пор подойти вплотную к изучению истории мешали разные обстоятельства: в институте мне пришлось работать, чтобы¹... мне было некому, т. к. родных у меня вообще нет; по той же причине пришлось отложить поступление в аспирантуру и в первый год после окончания института, хотя мне и была дана командировка в аспирантуру от института; наконец, в 1941 году начала занятия в аспирантуре при УзГУ, но² закрыли УзГУ, ликвидировали аспирантуру в Самарканде, а на меня легли все хозяйственные дела.

¹ Далее текст в размере примерно 5–6 слов не читается ввиду механического повреждения бумаги.

² Вписано вместо зачеркнутого *как*.

Дмитрий Алексеевич всегда говорил мне, что я должна учиться, должна использовать все его книги и материалы, собранные им по разным вопросам. То же повторил он мне и за час до потери сознания, но как это сделать, с чего начать мне изучение истории после него, не сказал, а я сама не знаю, как поступить в данном случае. Аспирантуры в Самарканде нет, а если бы и была, здесь без Дмитрия Алексеевича я не знаю, у кого можно было¹... диссертацию (но он ничем не может мне помочь, т.к. сам не в состоянии справиться со своей кандидатской диссертацией), а затем сдать канд[идатский] минимум. Но я чувствую себя неподготовленной для таких больших дел, ведь я окончила всего лишь Пед[агогический] институт в 1939 г., но отлично, правда, но большими способностями я не отличаюсь, волей случая читала курс истории СССР на филфаке УзГУ, а сейчас даю уроки истории в средней школе. А если, предположим, я и дерзнула бы писать диссертацию, кто должен дать мне тему или я сама должна её выбрать? Это общие вопросы.

В частности, у Дм[итрия] Алекс[еевича] осталась незаконченная работа о путешествии итальянца Флорио Беневени в Ср[еднюю] Азию², которую он хотел включить в свою докторскую диссертацию «Сношения России с Хивой и Бухарой в 18 веке»³... Дмитрий Алексеевич⁴... высказывал надежду, что я смогу окончить и выпустить его неоконченные работы, что я смогу продолжать начатое им дело. Вы сами понимаете, сколь много

¹ Далее текст в размере двух строк отсутствует ввиду повреждения бумаги.

² В 1986 г. была издана работа «Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. Подгот. текста, вступит. стат. и комментарии В. Г. Воловникова» (М.: Гл. ред. вост. лит-ры Издат-ва Наука, 1986. 159 с.). В ней отсутствуют историографический и источниковедческий обзоры, из которых можно было бы узнать, знал ли автор-составитель о занятиях своего предшественника, Д. А. Жаринова, этой проблематикой. На это обстоятельство обращает внимание современный белорусский историк Д. Л. Шевелев, опубликовавший в 2013 г. письма С. Я. Борового В. И. Пичете. Кстати, в одном из них, от 9 февраля 1943 г., он сообщал адресату о смерти 7 февраля этого года Д. А. Жаринова. В письме от 1 января 1944 г. Боровой сообщал Пичете о своей встрече с вдовой Жаринова после обращения к нему представителей группы по изучению наследия Петра I в Институте истории АН СССР, заинтересовавшихся работой Жаринова о Ф. Беневени. В письме Боровой давал достаточно негативную характеристику вдове Жаринова, считая ее едва ли не главной виновницей смерти мужа [Письма С. Я. Борового В. И. Пичете в 1939–1946 гг. (публ. Д. Л. Шевелёва) // Цайтшрыфт. Часопіс для даследавання яўрэйскай гісторыі, дэмаграфіі, эканомікі, літаратуры, мовы і этнаграфіі. Том 8(3). Менск–Вільня, 2013. С. 211, 214–215].

³ Далее не читается 2–3 слова из-за повреждения бумаги.

⁴ Далее не читается одно слово.

мне надо учиться для этого, а я даже не знаю, с чего начать. Тем не менее, и в Пед[агогический] институт я не передаю эту работу, где наверное нашлись бы желающие окончить её.

Очень прошу Вас, Владимир Иванович, если у Вас хватит времени и сил, помочь мне, посоветовать, с чего начать, куда обратиться и выйдет ли вообще из этого какой-либо толк, может быть, мне не стоит начинать огород городить?

Уважающая Вас Е. Елисеева
24/II.43 г.

№ 4

г. Самарканд

28 февраля 1943 г.

Уважаемый Владимир Иванович!

Простите меня, что я засыпаю Вас письмами, но сегодня я получила посланные Вами на моё имя 800 руб. и не могу не писать, так как в сопроводительном бланке для письма я не нашла никаких объяснений, для чего Вы хотели бы употребить эти деньги. А в нашей семье они вызвали бурю. Мне очень больно писать об этом, потому что Дмитрий Алексеевич, наверное, не писал Вам¹ о наших внутрисемейных делах, хотя, может быть, и писал.

Дело в том, что родственники никогда не могли простить Дмитрию Алексеевичу, что он женился на мне и мы с Дмитрием Алексеевичем жили отдельными самостоятельными хозяйствами. Теперь я это чувствую в ещё большей степени и, конечно, одной семьи у нас нет, хотя мы и живём в одной комнате (уйти мне некуда и не на что). Поэтому очень прошу Вас написать мне, для кого и для чего Вы хотели употребить Ваши деньги, а я до получения письма от Вас не [и]страчу из них ничего, они будут целы. Если же деньги действительно попали по адресу, то я попрошу Вас одолжить их мне для уплаты многих долгов, так как наших скудных зарплат не хватало нам на жизнь, а мне жаль было Дмитрия Алексеевича, особенно в последний год он постарел и ослабел.

Все горе только в том, что я не смогу вернуть их Вам скоро и сразу, а буду посылать Вам каждый раз часть своей зарплаты (продать же я ничего не могу).

Заранее прошу простить меня за мою излишнюю откровенность и прошу не судить очень строго за неё.

С приветом, Е. Елисеева
28/II.43 г.

¹ Далее зачеркнуто *об этом*.

г. Самарканд

20 апреля 1943 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Большое спасибо Вам за Ваши хорошие письма ко мне и доброе отношение. Часто мне приходится теперь трудно и часто перечитываю Ваши письма. Не писала потому, что очень много работы по школе, а в последнее время заболела какой-то странной нервной болезнью: вдруг во время разговора или рассказа, как часто было на уроках, начинают литься слезы и я не в состоянии их остановить иногда в течение суток. Плачу как малый ребёнок, неизвестно по какой причине. Не могу забыть Дмитрия Алекс[еевича], много раз ловила себя на том, что жду его возвращения после работы из облОНО или из Пединститута.

Никак не могу определить дальнейшую судьбу свою и рукописей Дм[итрия] Алекс[еевича]. В том, что работа о Флорио Беневени может послужить основой для моей диссертации, начинаю сомневаться, т. к. вообще сомневаюсь, смогу ли я когда-нибудь учиться. В Самарканде аспирантуры не предвидится и на следующий год, а переехать куда-либо сейчас слишком сложно. Да и вообще неизвестно, смогла ли бы я поступить в аспирантуру в ближайшее время, т. к. теперь по крайней мере в Самарканде (да, наверное, и везде так) все дела решаются по знакомству, за кулисами, и должна я Вам сказать, что я часто теряюсь в этой обстановке — жить по знакомству на свете.

Тем не менее я все же не отдала в Пединститут ничего из рукописей Дм[итрия] Ал[ексеевича], следуя Вашему совету, хотя за ними приходил сам зав. кафедрой истории и декан истфака И. И. Умняков. И скажу я Вам по секрету, что может быть ему и удалось бы уговорить меня, если бы он не сказал мне, что не будет издавать эту работу, а лишь использует её для своего какого-то труда по частям. Последнее меня обидело, т. к. мне кажется, что работа Дм[итрия] Алекс[еевича] достойна напечатания целиком и я отказалась отдать рукописи Дм[итрия] Алекс[еевича].

Сразу же нажила врагов. С меня потребовали возвращения в библиотеку П[едагогического] И[нститута] взятых Дм[итрием] Алекс[еевичем] там книг и обретавшихся неизвестно где, так что мне пришлось платить за них в трёхкратном размере, а меня совсем лишили абонементов и вообще встречи стали официальны и холодны. Воистину, друзья познаются в беде!

Во всяком случае я прошу Вас не отказаться от Флорио Беневени, если я не смогу её использовать с Вашей помощью и ей придётся лежать только у меня.

Я пока что начала повторять грамматику немецкого языка (а английский учебник у меня отобрали и заниматься англ[ийским] языком я уже не могу), прочитала «Ивана Грозного» Виппера (купила в магазине) и дальше этого пока не пошло. Словом, не знаю, можно ли мне учиться, когда через 2 года лет от роду мне будет 30.

Простите за сумбурное письмо, и очень прошу Вас написать мне, как Ваше здоровье и как живёте!

Е. Елисеева

P. S. Простите, Владимир Иванович, потеряла Ваш адрес, если неправильно напишу, поправьте, пожалуйста.

№ 6

Самарканд

13 октября 1945 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Не знаю, получите Вы это письмо или нет, но я не знаю Вашего домашнего адреса в Москве, поэтому пишу в Институт [истории АН СССР]. Я понимаю, что отнимаю у Вас время, но уж очень хочется поблагодарить Вас за добрый совет, который Вы дали мне в 1943 г. после смерти Дмитрия Алексеевича. Я никому ничего не отдала ни из книг, ни из рукописей Д[митрия] А[лексеевича]. В Самарканде многое прочитала сама и теперь я понимаю, что наши самарканд[ские] учёные мужи хотели приобрести главным образом конспекты лекций Д[митрия] А[лексеевича], разработанные им весьма подробно. Долго на меня сердились за это в институте, не пускали в институт работать, но ведь меня плохими отношениями удивить трудно, я сама умею сердиться на тех, кто сердится на меня, и не струсила.

Два года работала в школе в весьма тяжёлых условиях. Осенью 1944 г. меня всё-таки взяли в Пед[агогический] институт. Правда, конспекты Д[митрия] А[лексеевича] для чтения лекций мне до сих пор не удалось использовать, так как Д[митрий] А[лексеевич] читал курс до XIX века, а мне пришлось читать XIX и XX века.

По XX веку не было даже программы, но сравнивая свои конспекты лекций с программой 1945 г., недавно полученной у нас¹, я пришла к выводу, что расхождения почти не было. А в этом году меня даже пригласили в УзГУ, правда, не на высокую должность — читать курс истории СССР на филологическом и географическом факультетах (по 150 часов за курс), но ведь и мне далеко до профессора, чтобы читать большие курсы!

Здесь взял на себя ответственность зав. кафедрой проф. Фитуни, спасибо ему, жаль только, что поучиться у него можно мало чему: говорит много, а толку мало! Таков у меня зав. кафедрой в УзГУ, а в Институте у

¹ Вписано над строкой вместо зачеркнутого *пришедшей к нам*.

меня зав. кафедрой Ив. Ив. Умняков, тот самый, который особенно рассердился на меня за моё упорство, помешавшее ему в осуществлении благих намерений — передачи архива Д[митрия] А[лексеевича] кафедре истории Института. Сначала он держался со мной весьма сухо, а теперь даже снисходит до беседы по тем или иным историческим вопросам. В общем, он не плохой человек, только уж очень осторожен в своих суждениях и скуп, ни за что не посоветует ничего прежде, чем это не будет всем известно. Есть у нас в УзГУ еще один профессор, приехавший из Ташкента к нам, Георгий Андреевич Максимович. Он занимается всеобщей историей, главным образом, древней и средней.

Однажды я набралась смелости и попросила разрешить послушать его лекцию. Разрешил, и лекция мне очень понравилась (я вообще в УзГУ ходила на лекции к профессорам — поучиться, сравнить, взять лучшее). В УзГУ на историческом факультете его считают самым солидным и это правда, на мой взгляд, не то, что петух Фитуни. И вдруг самый солидный профессор историч[еского] факультета УзГУ предложил мне читать курс «История славян», обещая помочь всем, чем он сможет. Для меня это большая честь, конечно, но и страшно, ведь не могу же я пользоваться одним [М. К.] Любавским, да и того нет в Самарканде, если только Максимович даст свою книгу на время, словом, боюсь очень и вместе с тем после долгих колебаний согласилась только потому, что работая с профессором Максимовичем, я за год подучусь большему, чем с Фитуни за 10 лет. Ив. Ив. Умняков и декан истфака отговаривали меня от этого курса, но Максимович не принял моих колебаний. Я всё-таки боюсь и обращаюсь к Вам опять. Если Вы сможете хоть строчку написать мне, то напишите об этом. У Вас много знаний и большой опыт, а у меня ничего этого нет, но я хочу приобрести и то, и другое. Сейчас готовлюсь к сдаче кандидатского минимума при УзГУ, слава богу, разрешили, ходатайствовал институт и Фитуни, немножко.

В аспирантуру не приняли «за отсутствием вакантных мест», я и решила сдавать экстерном. Трудно, т. к. много работы ради куска хлеба, работаю ещё в техникуме, читаю там политическую экономию, в прошлом году заставила нужда вспомнить старое (раньше я немножко занималась полит[ической] экономией в институте), а теперь невозможно уйти — не отпускают.

Живу я по-прежнему одна, переехала на другую квартиру (из квартиры УзГУ меня торжественно вытурили), в общежитии Пед[агогического] института. Болею довольно часто, большею частью бруцеллёзом. А как Вы себя чувствуете? Зажила ли Ваша нога, поврежденная в Самарканде? Здесь сейчас много кишмишу и орехов, можно прислать на студенческую справку Вашей дочери.

Я, как видно, не скоро выберусь из Самарканда, ехать некуда (а в районную школу и даже городскую — не хочу) и не на что. Если Вы слышали, в Самарканде жил чл[ен]-корреспондент АН Д. К. Зеленин (из Ленинграда), так за ним специально присылали человека; сам он не мог выехать, сидел месяца два.

Если сочтёте возможным, пожалуйста, напишите мне. Адрес: Самарканд, Склянского, 55, Е. А. Елисеевой.

Всегда тепло о Вас вспоминающая Е. Елисеева.

№ 7

Самарканд

4 апреля 1946 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Благодарю Вас за тёплое отношение ко мне, за хорошее письмо. Я давно получила его, но написать не могла, почти всю зиму болела, то плевритом, то всякими нервными болезнями. Нехорошее было настроение и я молчала. Как Вы теперь себя чувствуете, у Вас, как видно, все же болели лёгкие, если грозило воспаление? Это очень неприятная вещь, Вы, пожалуйста, берегите себя от простуды, тем более, что война всем подорвала здоровье и болезни переносятся труднее. Перестала ли болеть Ваша нога, поврежденная в Самарканде? Я тогда очень жалела, что Вы не смогли зайти к нам, уж как-нибудь я привела бы в «порядок» Вашу ногу.

Курс истории славян в УзГУ почти прочитала, использовала для него главным образом Ваши последние работы в сборнике «Вековая борьба», работы Грацианского в том сборнике и в «Историческом журнале», статьи в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. В общем получилось больше, чем в учебнике «Истории средних веков», но и хватает пока. Даже [М. К.] Любавского нет во всем Самарканде.

А сейчас я опять волнуюсь из-за моей будущей диссертации. Все дело в том, что никто не хочет помочь мне в выборе темы. Умняков готов съесть всякого, кто берётся за темы по истории Узбекистана и Ср[едней] Азии, это его кусок хлеба; не позволяет даже на лекциях обмолвиться ни одним словом о том, что хоть самое отдалённое отношение имеет к «его» Востоку. Уж, конечно, он мне ни в чем не захочет помочь, а, наоборот, отговаривает, чтобы не занималась «его» Востоком. Максимович у нас занимается всеобщей историей и принципиально не хочет браться за нашу историю. Писать диссертацию по всеобщей истории он нам не разрешит, т. к. я знаю один лишь язык иностранный, да и то не в совершенстве. Плохо учили нас и в школе и в вузе языкам, я знаю только то, чему меня научил Д[митрий] А[лексеевич]. Обещали выучить меня сербскому языку (в УзГУ преподаются славянские языки), но что я могу написать по истории Сербии в Самарканде! Тут и язык не поможет, но я его всё-таки выучу.

Когда я заговорила на эту тему с Максимовичем, он мне сказал, что тему по истории славян может лишь посоветовать В. И. Пичета, т. к. он специалист по этим вопросам (Он не знает, что я знакома с Вами).

Хуже всего то, что кафедрой истории СССР заведует человек без всякой учёной степени, получивший в годы войны в Туркмении звание профессора, Фитуни, из Бакинского университета и из Ташкента изгнанный. Ни одной работы, кроме газетных статей, он не написал за всю жизнь, ну что с него потребовать? Лекции он читает скорее по бульварным романам или по учебнику (о большем уж и говорить не приходится!). Вместе с тем хвастун большой, как настоящий армянин. Даже в дипломной работе студентам он не может помочь как следует. Так что тему от него мне ждать нечего. А сама я боюсь что-нибудь взять, потому что далеко не знаю литературы и может получиться, что я напишу диссертацию, а этот вопрос уж давно кем-нибудь разработан лучше, чем в моей диссертации. Для второй же диссертации, кажется, мне не отпущено времени, фортуна и медицина скупы для меня. Несмотря на это, очень хочется работать в области науки, что может быть интереснее?

Владимир Иванович, у меня к вам будет просьба такого характера. Институт обещал мне платить профессорам за консультации для меня; не знаете ли Вы в Москве такого человека, который бы смог помочь мне по почте? Я бы не затрудняла его во многом, но мне бы хотелось, чтобы у меня был руководитель, сама я ещё не совсем самостоятельный человек вообще, а в науке в особенности. Я пишу так потому, что при московских вузах есть заочная аспирантура и там ведь есть руководители и, конечно, в Москве больше учёных, чем в Самарканде. Поступать в аспирантуру мне не надо; я сдаю кандидатский минимум, по истории СССР уже сдала. Если встретите такого профессора, немного свободного, напишите, пожалуйста мне о нем, а ему скажите обо мне. Ради бога, не обижайтесь на мою просьбу и на моё длинное письмо, я знаю, что Вы очень заняты.

Между прочим, в Самарканде весна. Трава и деревья зелёные, синее небо и часто светит яркое солнце. Из моего окна видны горы, их вершины покрыты снегом. Там, наверное, холодно, но как красиво снег блестит на солнце ранним утром. Цветут сирень, фиалки, персики.

Ещё раз прошу прощения за длинное письмо. Все горе в том, что больше у меня никого нет на свете, кому я могла бы написать такое письмо.

Глубоко уважающая Вас Е. Елисеева

АРАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 86. Л. 1–12. Рукописный автограф

Библиографические ссылки

1. Неизвестный В. И. Пичета / сост.: М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская, О. А. Яновский. Минск: Изд. центр БГУ, 2021. 436 с.
2. *Петаченко Г. А.* Создатель отечественной методики преподавания гуманитарных наук. Профессор БГУ Дмитрий Алексеевич Жаринов // В кн.: Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941). Минск: БГУ, 2017. 303 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА НЕОКОНСЕРВАТИВНЫХ РЕФОРМ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В США

И. И. Шумский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, szumski@bsu.by*

В статье рассматриваются методы неоконсервативных реформ в американской системе образования, анализируется их влияние на внутривнутриполитические процессы в США. Опубликованный документ «Америка 2000: Стратегия в образовании» стал одним из основных исторических источников исследования. Цели для американского образования были сформулированы на Национальном саммите по образованию в 1989 г. в Шарлоттсвилле (штат Вирджиния). Национальная стратегия в образовании «Америка 2000» была опубликована в 1991 г., в документе выделялось шесть основных целей. Особое внимание в исследовании придается анализу достижения поставленных целей в американском образовании.

Ключевые слова: американский неоконсерватизм; система образования; реформы; Соединенные Штаты Америки.

HISTORICAL RETROSPECTIVE OF NEOCONSERVATIVE EDUCATIONAL REFORMS IN THE UNITED STATES OF AMERICA

I. I. Shumski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, szumski@bsu.by*

The article examines the methods of neoconservative reforms in the American education system and analyzes their impact on political processes in the United States. The published document “America 2000: Strategy in Education” became one of the main historical sources of the study. The key goals for American education were formulated at the National Education Summit in 1989 in Charlottesville (Virginia). The national strategy in education “America 2000” was published in 1991, the document highlighted six main goals. Particular attention in the study is given to the analysis of the achievement of the set goals in American education.

Keywords: American neoconservatism; education system; reforms; United States of America.

После прихода к власти неоконсервативной администрации президента Рональда Рейгана в 1981 г. особое внимание начали уделять вопросам качества американской системы образования. Неоконсерваторы стремились создавать влиятельные интеллектуальные центры, которые успешно функционировали и вырабатывали стратегические политические решения США. Интеллектуальные организации неоконсерваторов подразделялись

на две категории: политические и образовательные [1, с. 88]. Для создания идей центры практиковали публичные обсуждения, дискуссии и дебаты, для чего привлекались средства массовой информации.

Политические организации неоконсерваторов исследовали, анализировали и развивали идеологию государства, занимались вопросами стратегии, проблемами внешней и внутренней политики. Мозговые центры выполняли следующие функции: обеспечивали распространение неоконсервативных идей; координировали неоконсервативную политическую сеть; вырабатывали стратегию для политической и экономической элит; служили дискуссионными центрами для интеллектуального обсуждения [1, с. 87]. Интеллектуальные сообщества рассматривали реформирование системы образования в качестве ключевого аспекта внутренней политики государства. Именно система образования позволяла инкорпорировать теоретические идеи неоконсерватизма в массовое сознание американского общества. Сфера образования для теоретиков неоконсерватизма была механизмом распространения и популяризации политических идей и убеждений. Неоконсерваторы достаточно точно понимали потребности и интересы целевой аудитории, которая была связана с системой образования, чтобы в данной области идеологически выверено продвигать свой политический нарратив, мотивировать реформирование в социально-экономической сфере и находить последовательных сторонников своей теории.

История структурного реформирования американской образовательной системы началась с публикации в 1983 г. доклада специально созданной межведомственной комиссии по изучению проблем в системе образования под названием «Нация в опасности». Именно администрация президента Р. Рейгана продемонстрировала политическое влияние проблем качества образования на рейтинги правящей партии и степень популярности правящей неоконсервативной элиты. Неоконсерваторы успешно доказали своим политическим оппонентам, что низкая успеваемость и безграмотность американцев ставит под угрозу экономическую безопасность страны. Последующие президенты США после Р. Рейгана продолжили вписывать реформирование образования в первоочередные задачи внутренней политики государства.

Нашумевший доклад «Нация в опасности» современные американские исследователи оценивают неоднозначно. Документ межведомственной комиссии по образованию во многом имел декларативный характер, однако данный провокационный отчет в начале 1980-х гг. позволил действующему президенту Р. Рейгану начать масштабные реформы, как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. В результате системного реформирования образования было создано более 250 групп для реализации

инноваций, которые получили следующие результаты: 44 штата повысили требования к выпускникам школ, 30 штатов разработали новую систему оценки знаний и новые учебные программы, 45 штатов ужесточили требования к аттестации педагогических работников, 27 штатов сумели увеличить учебное время [2]. Перечисленные меры продемонстрировали свою эффективность. Губернаторы штатов включились в политическое соперничество друг с другом в стремлении повысить качество образования, в результате чего было принято решение проводить ежегодные встречи губернаторов по развитию и реформированию американской системы образования.

Встреча губернаторов в г. Хилтон-Хед (Южная Каролина) в 1986 г. стала очередным шагом к последующему реформированию системы образования [2]. На рабочей встрече обсуждались педагогические инициативы, родительский выбор школ и система ваучеров, методики преподавания. Министр образования США Уильям Бенетт в ходе дискуссий предлагал предоставить больше самостоятельности педагогическому сообществу на уровне штатов в обмен на обязательство нести повышенную ответственность за качество образования. Основные идеи, прозвучавшие в Хилтон-Хед, получили свое развитие через три года на встрече губернаторов штатов в Шарлоттсвилле (штат Вирджиния) на Национальном саммите по образованию в 1989 г.

Саммит в Шарлоттсвилле вошел в историю неоконсервативных реформ США, так как именно там оформилась идея создания национальных целей в образовании. Целевую группу по продвижению национальных целей в образовании возглавили губернаторы Терри Бранстад из Айовы, Билл Клинтон из Арканзаса и Кэрролл Кэмпбелл из Южной Каролины [2]. На Национальный саммит был приглашен действующий президент США Дж. Буш-старший, что повысило престиж и политическое значение мероприятия.

При подготовке к саммиту в Шарлоттсвилле губернаторы понимали, что нельзя рассчитывать на серьезные финансовые дотации и значительную федеральную материальную помощь. Президент Дж. Буш-старший, исходя из неоконсервативных традиций, был открытым противником финансирования амбициозных государственных реформ. Для реализации инноваций в образовании на встрече губернаторов обсуждались программы поддержки талантливой молодежи, система ваучеров и родительский выбор, особенности тестирования в четвертом, восьмом и двенадцатом классах. Основная идея саммита была в снижении роли федерального центра в реформировании образования, что полностью соответствовало взглядам неоконсерваторов.

В результате напряженной работы над реформой образования была создана национальная стратегия под названием «Америка 2000: Стратегия в образовании», опубликованная в апреле 1991 г. [3]. Данный документ стал систематизированным долгосрочным планом реформирования образования, основные пункты которого были разработаны на саммите в Шарлоттсвилле в 1989 г. Уникальность документа «Америка 2000: Стратегия в образовании» в том, что это была национальная стратегия, а не федеральная программа. Основные поставленные цели американского образования касались повышения уровня знаний учеников средних школ, а также развитие у американцев актуальных знаний и навыков, которые будут способствовать прогрессу национальной экономики. Реформаторы публично заявили в данном документе о необходимости США выйти на первое место в мире по уровню развития естественных наук и математики, что должно было сделать американскую экономику конкурентоспособной и передовой.

Стратегия «Америка 2000» была оформлена в шести основных целях, которые были поставлены перед американским обществом. Национальная стратегия выделяла следующие цели: *«Первая цель:* Все американские дети должны начать обучение в школе полностью готовыми к занятиям. *Вторая цель:* Количество выпускников средней школы должно увеличиться как минимум до 90 процентов. *Третья цель:* Американские ученики будут проходить тестирование в четвертом, восьмом и двенадцатом классах для демонстрации своих знаний по основным предметам (английский язык, математика, естественные науки, история, география), а каждая школа в Америке докажет, что воспитывает будущего гражданина, способного к дальнейшему обучению и продуктивной деятельности в современных экономических условиях. *Четвертая цель:* американские ученики достигнут первенства в мире по естественным наукам и математике. *Пятая цель:* Каждый взрослый американец будет обладать знаниями и навыками необходимыми для лидерства США в мировой экономике. *Шестая цель:* Каждая школа в Америке станет образовательной средой без наркотиков и насилия» [4, с. 9]. Перечисленные цели, сформулированные для системы образования, не подвергались официальной критике, однако их реализация вызывала множество споров в педагогической среде. Группа скептиков в американском обществе еще в начале 1990-х гг. указывала на абстрактность и обобщенность идей национальной стратегии.

Современная зарубежная историография значительное внимание придает оценкам стратегии «Америка 2000», спустя годы, анализируя слабые и сильные стороны документа. Дональд Брюс Джонстоун считает, что систему финансовой поддержки в США в образовании можно определить

как бессистемность [5, с. 99]. Данная скептическая позиция исследователя подкрепляется цифрами и фактами, он открыто вскрывает несостоятельность многочисленных программ финансовой поддержки для американских студентов. Шэрман Дорн из Аризонского государственного университета убежден, что в системе образования невозможно провести реформирование за кратчайшие сроки, в данной сфере нужно разрабатывать реформы с расчетом на долгосрочную перспективу [6]. Ученый сравнивает проблемы модернизации системы здравоохранения с реформированием образования. Ш. Дорн сделал смелый прогноз еще в 2000 г. о неизбежности очередных «волн» реформы системы образования. Он обосновал это тем, что избиратели будут всегда обеспокоены карьерой и успехом своих детей, а политики с очередными лозунгами про инновации в образовании будут завоевывать свой собственный авторитет и популярность. Деятельность администрации Д. Трампа подтверждает тот факт, что прогноз оправдался. Одним из первых внутривластных решений Д. Трампа стала ликвидация бюрократической структуры министерства образования на федеральном уровне и передача полномочий в этой сфере государственной деятельности на уровне штатов с целью повысить эффективность образовательной политики государства. Реформы в американской системе образования получили перманентный характер. Волны очередных реформ в США сменяют друг друга, так как политические дивиденды от эффективных образовательных инноваций достаточно высокие для каждого американского президента и его администрации.

Библиографические ссылки

1. Блохин К. В. Американский неоконсерватизм и крах PAX AMERICANA. Роль политической элиты в упадке американского могущества. Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. 224 с.
2. Schwartz R. B., Robinson M. A. Goals 2000 and the Standards Movement // Brookings Papers on Education Policy. 2000. P. 173–206. DOI: <https://doi.org/10.1353/pep.2000.0016>.
3. America 2000: An Education Strategy. Virginia: Department of Education, 1991. 88 p.
4. Pazy B., Buentello N., Charney C., Devanney M., Seay A. America 2000 and Special Education: Can the Two Be Merged? San Antonio: Council for Exceptional Children, 1993. 54 p.
5. Джонстоун Д. Б. Система высшего образования в США: структура, руководство, финансирование // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 5–6. С. 92–102.
6. Dorn S. America Y2K: The Obsolescence of Educational Reforms // Educational Policy Analysis Archives. 2000.

«ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ В. И. ПИЧЕТЫ», ИЛИ НЕКОТОРЫЕ СЮЖЕТЫ БЕЛОРУССКИХ МАРШРУТОВ ИСТОРИКА В «ПРОФЕССОРСКОМ ВАГОНЧИКЕ» НАУКИ

О. А. Яновский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, helgoleg@mail.ru*

На основе малоизвестных и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов прослеживаются важные вехи творческого пути выдающегося историка, первого ректора Белорусского государственного университета Владимира Ивановича Пичеты. Главное внимание обращено на то, как ученый — глубокий знаток белорусской истории — с начала 1920-х гг. и вплоть до своей кончины в 1947 г. стремился представить читателю разного уровня подготовки научное прочтение всех этапов развития белорусского этноса и белорусской государственности.

Ключевые слова: Пичета В. И.; автобиографии; история Беларуси; рукопись «История Белоруссии».

“LIFE AND ADVENTURES OF V. I. PICHETA”, OR SOME STORIES OF BELARUSIAN ROUTES OF A HISTORIAN IN THE “PROFESSOR'S CARRIER” OF SCIENCE

O. A. Yanousky

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, helgoleg@mail.ru*

Based on little-known and first introduced into scientific circulation archival materials, important milestones in the creative path of an outstanding historian, the first rector of the Belarusian State University Vladimir Ivanovich Picheta are traced. The main attention is paid to how the scientist – a deep connoisseur of Belarusian history – from the early 1920s until his death in 1947 sought to present to readers of different levels of training a scientific reading of all stages of the development of the Belarusian ethnos and Belarusian statehood.

Keywords: Picheta V. I.; autobiographies; history of Belarus; manuscript “History of Belarus”.

Творческая жизнь историка за многие годы пребывания в науке претерпевает самые разные коллизии. Они определяются как эволюцией личного свойства (рост профессионализма, изменение пристрастий к темам и историческим периодам, карьерными перемещениями по научным институтам и др.), так и обстоятельствами объективными, в большей части общественно-политическими (в том числе изменениями во властной политике в части использования прошлого на потребу настоящего).

Жизненный и творческий путь, пройденный (а, может быть, все же — осиленный) Владимиром Ивановичем Пичетой, являет собой яркий

пример таких (и, конечно, иных) коллизий. О нём написано достаточно много всякого рода текстов: порой, диаметрально противоположных по оценкам, а тем более по компетентности (то есть знанию и владению многообразием документов) и пониманию многогранности человека и историка. В данном случае, не вступая в полемику с теми, кто более всего тщился еще при жизни Владимира Ивановича опорочить научное наследие и в целом научность сотен работ первого ректора нашего Белорусского университета (а тем более с теми, кто продолжает заниматься этим до настоящего времени), позволю обратиться к некоторым документам, которые до сих пор не нашли должного отражения в историографии в целом и в «пичетоведении» в частности.

В название публикации счел уместным внести две метафоры. Первая, за авторством самого В. И. Пичеты, взята из его предсмертного письма от 9 июня 1947 г., обращенного к жене Александре Петровне (известно, что историк умер от тяжелой болезни, находясь в Кремлёвской больнице). С грустным юмором он трезво оценил своё состояние — «Так заканчивается „Жизнь и похождения В. И. Пичета“» [1, л. 88]. Вторая же принадлежит близкому другу и коллеге, специалисту в области всеобщей истории В. Н. Дьякову. Владимир Николаевич в письме от 2 июня 1943 г., посланном из Москвы в Ташкент, где в военные годы находился Владимир Иванович, вспоминает как время своей работы в БГУ («*Минский период жизни*», по словам историка), так и совместные поездки по маршруту Минск–Москва и обратно в, по его словам, — «*профессорском вагончике*», когда было возможным кулуарно, не таясь обсуждать самые разные темы [2, л. 1]. В начале 1920-х гг., то есть когда только закладывались основы деятельности БГУ, белорусское правительство в условиях по сути коллапса на железных дорогах и в коммунальном хозяйстве выделяло такие «вагончики» для первой университетской профессуры, чтобы приглашенные ученые могли с удобствами перемещаться из Москвы (где проживали семьи) к месту работы в Минск. Подобная привилегия позволяла приглашать из советской России крупных специалистов разных областей знаний.

Вот как эту ситуацию самых первых лет деятельности университета уже в октябре 1926 г. Правление БГУ излагало в разделе «Асабовы склад Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту» годового отчета: «Пытанне аб запрашэнні настаўніцкага персаналу ў БДУ і аб далейшым запаўненні вольных катэдраў новымі навуковымі працаўнікамі было адным з самых цяжкіх і адказных задач Праўлення, якое сустракала, здавалася, на кожным кроку неперажывальныя перашкоды. Нястойкасць новых Універсітэтаў у РСФСР і закрыццё шэрагу апошніх на працягу 1921/22 году прымушала

многіх выкладчыкаў адмаўляцца ад выказанай згоды пераехаць у Менск. Блізкасць граніцы і неазначнасць польска-савецкіх стасункаў таксама з'явіліся тормазам для пераезду паасобных выкладчыкаў у Менск.

Праўленню прыходзілася перамагаць вялізныя перашкоды, каб мець у Універсітэце кваліфікаваны склад выкладчыкаў, бо нельга было абыйсціся толькі тымі навуковымі сіламі, якія знаходзіліся ў самым Менску. Праўленню было ясна, што Універсітэт ня будзе забяспечан навуковымі сіламі, калі запрапанаваць усім выкладчыкам адразу пераехаць у Менск. Пры гэтым Універсітэт ня меў і кватэр у тэй колькасці, якая была патрэбна для усіх прафэсароў, калі б яны усе пажадалі прыехаць у Менск. Дзеля гэтага, прыходзілася пагадзіцца з тым, што ў першым годзе дзейнасці Універсітэту пэўная частка выкладчыкаў будзе прыязджаць ў Менск для чытання лекцый. Разумеецца, падобныя наезды павінны былі вельмі адмоўна адбівацца на пастаноўцы заняткаў, але з гэтым трэба было гадзіцца, бо іншага выхаду з тагачаснага становішча ня было. Праўленню прыходзілася так рэгуляваць прыезды прафэсароў у Менск для чытання лекцый, каб гэтыя прыезды былі рэгулярнымі і доўгачаснымі. Звычайна, профэсар прыязджаў раз у месяц на досыць працяглы час. Універсітэт у залежнасці ад гэтых прыездаў і складаў расклад лекцый» [3, л. 28–29].

Разумеется, в небольшой публикации не представляется возможным представить даже малую часть сюжетов из жизненных и творческих «похождений» великого историка. Для возможного в будущем полноценного издания развёрнутой биографии Владимира Ивановича уже десятилетиями накапливается разнообразный документальный материал и научно-теоретические публикации по общим и частным сторонам жизненного и творческого пути, осилённом В. И. Пичетой за неполные 69 лет. О его начале, когда будущий историк еще не мог предполагать дальнейший ход своей жизни, он кратко поведал в, пожалуй, чуть ли не первой автобиографии. Она хранится в личном деле выпускника Московского императорского университета, которое сформировалось по итогам испытательных выпускных экзаменов по окончании историко-филологического факультета. Сегодня «ДЪЛЮ историко-филологической испытательной комиссии о Пичета Владимиръ» можно изучить, обратившись к фондам Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ) [4, л. 418–476]. В данном случае сделаем экскурс по его наиболее интересным страницам. И начнем с автобиографии, уместившейся на одном рукописном листке. Почерк Пичеты-студента еще вполне разборчив, за исключением одного слова весь текст читается почти без особого напряжения (даже хорошо различимы характерные для того времени «и», «і», «ъ»). Автобиография

содержит, по нашему мнению, некоторые новые детали, в том числе и касательно начала вхождения Владимира Ивановича в мир исторической науки. Приведем её полностью, сохранив особенности правописания:

Пичета

Автобіографія

Родился я 9 Октября 1878 года в городе Полтавъ. 9 летъ я поступил въ Полтавское духовное училище. Перейдя въ первый классъ, я перевелся въ приготовительный классъ Витебской Гимназіи, где и пробылъ два года, после чего перевелся въ Полтавскую гимназію, которую и окончил въ маѣ 1878 года. По окончаніи гимназіи я поступилъ на историко-филологический факультетъ Московскаго Университета. В немъ я пробылъ четыре года. Помимо предметовъ, требуемыхъ Университетскимъ уставомъ, я обратилъ особенное вниманіе на изучение русской исторіи, которою и занимался. Помимо обязательныхъ работъ я участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ, ?-нных приватъ-доцентами Любавскимъ и Довнор-Запольскимъ.

Подпись (Владимір Пичета)

За листком автобиографии в «Деле» содержатся две рукописи выпускных работ В. И. Пичеты:

- 1) *«Причины возникновения и силы средневекового папства»*. Данное рукописное сочинение выполнено Владимиром Ивановичем на 12 листах большого формата. Испытательная Комиссия оценила его на *«весьма удовлетворительно»*;
- 2) *«Удельный порядок княжеского владения и поглавнейшие следствия»*. Это также рукописное сочинение Пичеты-студента на 9 листах большого формата. И оно оценено на *«весьма удовлетворительно»*.

В целом же все полученные В. И. Пичетой в 1901 г. оценки за письменные и устные ответы на выпускных экзаменах зафиксированы на типографском бланке Диплома установленного на то время образца и датированы 5 сентября этого года:

- 1) сочинение (*«весьма удовлетворительно»*);
- 2) по письменным ответам: по русской истории (*«весьма удовлетворительно»*); по всеобщей истории (*«весьма удовлетворительно»*);
- 3) по устным ответам: по греческому языку (*«весьма удовлетворительно»*); по латинскому языку (*«весьма удовлетворительно»*); по русской истории (*«весьма удовлетворительно»*); по древней истории (*«весьма удовлетворительно»*); по средней истории (*«весьма удовлетворительно»*); по новой истории (*«весьма*

удовлетворительно»); по истории церкви («*весьма удовлетворительно*»); по истории славянских народов («*весьма удовлетворительно*»); по истории новой философии («*удовлетворительно*»).

Таким образом, из 11 испытаний студент Пичета 10 выдержал, выражаясь современными оценочными категориями, на «отлично» и лишь один экзамен был оценен Испытательной Комиссией на «хорошо». Нельзя не отметить, что выпускные документы будущего выдающегося историка были подписаны двумя знаковыми интеллектуалами России рубежа XIX–XX вв. Первой в документах стояла подпись председателя Испытательной Комиссии в Московском университете, незаурядного филолога-слависта и архивиста Константина Яковлевича Грота (он также возглавлял и аналогичную комиссию в Харьковском университете). Вторая же подпись принадлежит бывшему ректору Московского университета (в 1893–1898 гг.), а с 1898 г. попечителю Московского учебного округа, крупному математику Павлу Алексеевичу Некрасову.

В последующие годы за свою профессиональную карьеру Владимир Иванович написал десятки разных по объему и насыщенности фактическим материалом «автобиографий». В одной из таковых он, почему-то назвав ее «краткая», весьма подробно изложил свой жизненный и творческий путь с момента получения диплома об окончании Московского университета и до знакового в личном и историческом плане 1939 г. Автобиография в виде рукописи-оригинала хранится в личном фонде академика В. И. Пичеты в Архиве Российской академии наук. Этот текст с уже на то время почти нечитаемого авторского оригинала переписан Александрой Петровной — женой историка. Однако в него Владимир Иванович собственноручно внес многочисленные правки, дополнения, уточнения. Можно предположить, что этой автобиографии он придавал большое значение: видимо, она должна была не только представить важнейшие, по его мнению, вехи жизни, но и быть читаемой любым заинтересованным человеком. Сам ученый прекрасно понимал, что его почерк для большинства даже близких людей почти не разборчив. Поэтому-то и доверил жене переписать свой текст, который затем вычитал и поправил отдельные слова и фразы, но главное — добавил ряд новых фактов из прожитого [5, л. 1, 1 об., 2, 2 об.]. Весь текст опубликован, в публикации все редакторские правки сохранены — они выделены курсивом [6, с. 48–50]. В данном случае уместно полностью воспроизвести публикацию (автор имел к этому непосредственное отношение), так как в ней каждый приводимый факт отражает наиболее важные жизненные и творческие «похождения» Владимира Ивановича, развитие его служебной карьеры.

«Краткая автобиография.

Родился в Полтаве в 1878 г. в семье преподавателя и окончил гимназию в 1898 г.

Окончив в 1901 г. Моск. Университет по историко-филологическому факультету, уехал преподавателем в провинцию и вернулся в Москву в сентябре 1905 г.

В этот период в г. Екатеринославе я, единственный из педагогов, принял активное участие в митинге-протесте против избиения полицией учащейся молодежи в Курске. Публично отказался присутствовать на панихиде по убитом вел. князе Сергее Александровиче, в виде наказания за что был назначен к переводу в Бессарабию, в Болград, обучать молдаван (и валахов. — *сост.: последнее слово зачеркнуто рукой Пичеты*) русскому языку, куда я не поехал.

По возвращению в Москву в сентябре 1905 г. начал готовиться к профессорскому званию, зарабатывая на жизнь себе и своей семье преподаванием в средней школе и на Высших Женских Курсах (до 36 уроков в неделю), и стал приват-доцентом в 1910 г. (не будучи оставленным при Университете), но был им только 6 мес. — конец 1910 г. и начало 1911 г., т. к. ушел из Университета ..?.. протеста против политики Кассо. На Высших Женских Курсах читал курс истории Украины, в котором проводил идеи автономии и права Украины на самоопределение. В Университет вернулся только с Октябрьской Революцией 1917 г. В этот же московский период жизни преподавал на известных Пречистинских Курсах для рабочих (1906–1907), откуда был изгнан приказом директора народных училищ в эпоху реакции.

Много читал лекций в провинции на курсах для народных учителей, пока это мне не было запрещено московской администрацией; московская администрация наложила запрет и на мое выступление в Москве на юбилее украинского писателя Шевченко (1911).

В 1912 г. на торжественном акте в Практической Академии Коммерческих наук в присутствии Джунковского в своей речи я не побоялся назвать Бородинскую битву поражением, а не победой¹ (*от сост.: этот абзац Пичета пытался редактировать, но затем зачеркнул и свои поправки-дополнения, и весь абзац*).

¹ Автору ранее удалось выявить, проанализировать и опубликовать текст данного выступления В. И. Пичеты перед московским бомондом во главе с генерал-губернатором В. А. Джунковским. Будучи запрещенным к публикации в России, он вышел в одном из журналов в Лондоне [См.: *Яноўскі А. А. Малавядомы артыкул У. І. Пічэты «Барадзіно» ў праламленні праз лёс і творчасць гісторыка // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 11. С. 5–13*].

В июле 1918 г., когда Деникин был близок к Москве, когда московская интеллигенция боялась «скомпрометировать» себя работой на «советской службе», я, не прекращая ни на минуту за все это время работы в школе, поступил на службу в Центроархив в качестве главного инспектора и затем начал преподавать в нескольких военных школах; как-то:

- а) Военный педагогический ин-т,
- б) Высшая школа командного состава,
- в) Школа военной маскировки,

где меня ценили и не хотели отпускать, пока расширившаяся работа в Центроархиве не заняла всего моего времени. *В 1920 г. участвовал в Рижской архивной конференции.*

В 1921 г. отдался делу организации Белорусского Гос. Университета в Минске, оставив для этого Москву и кафедру в Моск. Гос. Университете (1924), и был ректором (а также профессором) Бел. Гос. Унив. в течение 9 лет (1921–1930).

Осенью 1920 г. принимал участие в переговорах с Литвой и Польшей по реализации Московского и Рижского договоров и сумел научными доказательствами обосновать невыдачу „Литовской метрики“, из-за которой шла борьба. *В 1929 г. был командирован ЦИКом БССР в ..?.. ??.. для научных занятий.* В 1926 г., во время сильнейшей оппозиции за границей по отношению к Советскому Союзу, по просьбе нашего посольства в Праге, в „О-ве сближения Чехословакии с СССР“ прочел доклад о БССР и советском строительстве.

Тогда же в Праге я прочел лекцию на белорусском языке белорусским студентам — выходцам из Западной Белоруссии, среди которых было немало враждебных СССР.

В октябре 1925 г. был командирован ЦИКом БССР на съезд польских историков в Познани, как представитель БССР.

В 1926 г. я был командирован ЦИКом БССР в Польшу для научных занятий на 2 месяца и работал в Варшаве и Кракове. В Варшаве, когда Польша проводила политику сближения с СССР, по поручению нашего посла т. Войкова посетил ряд польских профессоров в означенных целях.

В июне 1927 г. был командирован ЦИКом СССР на международный съезд историков в Осло (сост. — далее рукой Пичеты зачеркнута целая фраза: видимо, делалась попытка пояснить свою роль на этом съезде).

Принимал участие с речами (сост. — последнее слово Пичета зачеркнул) в политических выступлениях против агрессивной политики Польши. Писал статьи в белорусских газетах против польской политики в Зап. Белоруссии. Выступал на съезде научных работников в Москве с протестом против поляков во время процесса „Громады“.

С 1921 по 1930 г. был членом съезда Советов Белоруссии и несколько раз членом Президиума, *а также ЦИКа БССР (сост. — свою поправку Пичета зачеркнул).*

С 1922 по 1930 г. состоял членом Минского горсовета.

Был президентом Общества Безбожников — в Бел. Гос. Университете, выступал на Всебелорусском съезде безбожников.

Был избран в январе 1928 г. действ. членом Белорусской Академии Наук.

За свою общественную и научную работу в БССР (подчеркнуто рукой Пичеты. — сост.).

а) получил звание «заслуженного профессора» — в феврале 1926 г., на что вся белорусская пресса откликнулась многочисленными статьями, и б) был избран в члены ЦИКа БССР с 1921 по 1930 г. (9 лет).

1931–1935 гг. находился в административной высылке сначала в г. Вятке, где работал нормировщиком, секретарем и экономистом-плановиком в кооперативе общественного питания (1931–1934 гг.), и затем в г. Воронеже, где состоял профессором Воронежского Педагогического Института (1934–35 учеб. год). После пересмотра дела был досрочно освобожден и переехал в Москву.

1935–1936 гг. профессор Института Хлебопекарной Промышленности и преподаватель рабфака им. В. И. Ленина в Москве.

1936–1938 гг. преподаватель рабфака им. В. И. Ленина, с 1938 г. проф. Москов. Педагогического Института и Московского Университета.

С 1937 г. старший научный сотрудник Института Истории Академии Наук СССР.

В 1939 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

С 1939 г. — заведующий сектором славяноведения Института Истории АН СССР и заведующий кафедрой славяноведения на истфаке Московского университета.

Подпись (В. Пичета)»

Разумеется, Владимир Иванович в автобиографически-бюрократическом жанре никак не мог обозначить все свои жизненные, даже (в первую очередь) административные и творческие «похождения» 1920–30-х гг. А тем более дать им хотя бы краткие пояснения. И сегодня, несмотря на немалое количество публикаций разных жанров о тех или иных сторонах жизни выдающегося историка, так и не создано системное научное произведение о нем, о его роли в становлении и развитии в Беларуси хотя бы только двух важнейших сфер, без которых не могла состояться ее государственность, не было бы перспектив для развития общества и человека, — высшей школы и академической по форме и содержанию науки. Однако более всего грустно, что до сих пор так и не оценена по достоинству его роль в

стремлении чуть ли не убедить белорусов в их исторической, этнической, языковой, культурной исключительности в ряду восточных и западных соседей. Как и на основе систематизации всевозможных научных доказательств, накопленных за предшествующие чуть ли не сто лет, определить территориально-географические границы расселения и проживания как предков белорусов, так и того населения БССР, которое по всем признакам принадлежало к единой этнической целостности. Даже если и не воспринимало себя таковыми. Конечно, тогда вряд ли «рядовому» белорусу было возможно осилить научные работы, например, того же Е. Ф. Карского. Но в данном случае не удержусь, чтобы не процитировать строки из стихотворения Янки Купалы, написанные им в 1921 г. — как раз в год начала деятельности Белорусского университета, в стенах которого во многом благодаря ректору стали использоваться различные формы активизации осознания белорусами своей исключительности, самодостаточности во всех их проявлениях. В числе таковых были регулярно проводимые творческие вечера белорусских поэтов и писателей. В это время Владимир Иванович тесно был знаком с песняром. В его стихотворении «Сын і маці» в поэтической форме были очерчены территориальные границы еще только политически формирующейся белорусской государственности. Разумеется, как они воспринимались пока еще только в интеллектуальной среде белорусов. Стихотворение построено в форме диалога, когда сын задает вопросы своей маме. Среди них: мол в школе говорят «Аб якойсьці Беларусі», но он не может «уцяміць што гэта знача». Мать отвечает:

«Там плывуць Дняпро і Сожа
Ды Дзвіна і Нёман,
Белавежы, Налібокаў
Там чуваці гоман.
[...]

Во ўсё гэта, мае дзеткі,
Ад межаў да межаў
Беларусяю завецца
Й да цябе належа».

А на сыновий вопрос «...што ж такое беларусы» мать отвечала:

«Дык жа ўцямі: на Беларусі
Жывуць беларусы.
Ды яшчэ, каб лепей ведаў,
Мушу табе ўспомніць:
Беларусы беларускай
Гутаркай гамоняць».

А это язык — «гаворка», когда на нём в деревнях «кажа дзядзька, цётка..., пяюць улетку жнеі..., бабуля баіць казкі..., мы з табой гуторым...» [7, с. 187–189].

Владимир Иванович, уже являвшийся глубоким, разносторонним ученым-историком, видел свою важнейшую миссию в этническом и политическом просвещении белорусов. И стремился всю сознательную жизнь ее исполнять. В условиях начала 1920-х гг. (как, впрочем, и в современных) актуально было определить государственные и этнические границы, в которых в исторической ретроспективе проживали предки белорусов, ставших советскими. В. И. Пичета, как никто другой, пытался на научной основе дать обоснование этим границам. Впервые всесторонние доказательства он привел в хорошо известном исследователям документе — «Справки об истории Белоруссии и белорусов, Угорской Руси, о русско-польской границе, этнографической границе в Галиции, Венгрии, Буковине и Бесарабии и др., составленные В. И. Пичетой и Д. Н. Ушаковым и др. для работы Российско-Украинской делегации при заключении Российско-украинско-польского мирного договора в Риге». В его архивном оригинале от 1920 г. имеются рукописные правки двух авторов. Вновь обратимся к цитированию:

«Исторические судьбы Белоруссии и Украины.

I. История Белоруссии.

Территория, на которой белорусскому племени приходилось переживать свои исторические судьбы, является частью восточно-европейской равнины, помещенной в четырехугольнике рек — Зап. Двины, Немана, Припяти, Днепра с Березиной. По всем данным белорусская территория была занята кривичами, которых начальная летопись помещает там, где позже появляются белоруссы, в родстве с ними находились другие славянские племена — дреговичи. Обособление белоруссов привело к образованию белорусского языка. Термин „Белая Русь“ встречается у немецких писателей уже в XIV ст.

Вхождение белорусского племени в состав Литовского государства имело для первого огромное значение. Литва, подчинившаяся культурному влиянию белоруссов, была чужда всяких стремлений к денационализации Белой Руси. Белорусские земли, войдя в состав Литовско-Русского государства, заняли в последнем не одинаковое положение. Черная Русь и волости в бассейне Березины, Среднего Днепра и Сожа, т. е. приблизительно нынешние Гродненская, Могилевская и Виленская губернии непосредственно слились с литовским государственным ядром, под названием Великого Княжества Литовского. Северная половина Белоруссии образовала три автономных области — Полоцкую, Смоленскую и Витебскую.

Заключение Литовско-Русским государством парламентской унии с Польшей не отразилось на белорусской территории.

Далее полонизация и русификация белоруссов. Судьба Белоруссии была решена в эпоху разделов Польши... С переходом Белоруссии под власть России наступает новая эра в истории Белоруссии. Русское правительство стало на путь борьбы с полонизацией края. Началась политика русификации... Тем не менее, Белоруссия сохранила свою этнографическую обособленность от Великороссии. Белорусская речь вместе с остальными пережитками белорусской старины продолжает жить на территории белорусского племени. В значительной степени этому способствовала та школьная политика, которая проводилась в Белоруссии, так как вследствие отсутствия в большинстве губерний земского самоуправления, школьное образование было весьма слабо распространено на территории Белоруссии.

...Из всех признаков национальности как культурного облика того или другого племени язык является не только главнейшим, но и самым надежным для этнографической классификации.

...Установление границ Белоруссии по языку. Часть Псковской, Тверской губерний, почти вся Витебская губерния, небольшая часть Курляндской и Ковенской губерний, почти вся Смоленская, часть Орловской, часть Черниговской, вся Могилевская, почти вся Минская, больше половины Минской, больше половины Гродненской, почти вся Виленская.

...Справки были составлены для той цели, чтобы показать политикам как протест, занявшим часть территории и Украины, что эти земли польскими не являются. Это „русские народности“, но автономные от России. В справках с помощью этнографических, статистических, вероисповеданческих и других данных это доказывается» [8, л. 55–56].

Эти научные выкладки В. И. Пичеты удивительно созвучны поэтическим строкам Янки Купалы. Почти все приведенные доказательства, имевшие очевидную политическую востребованность, в последующем Владимир Иванович как бы разверстал по многим своим научным работам, посвященным разным аспектам белорусской истории. Важно, что он с убежденностью ученого и искреннего патриота Беларуси призывал белорусов, если можно так сказать, исходить в своем понимании прошлого и настоящего своей родины из их исключительности и самодостаточности. Свои обширные познания в самых различных хронологических периодах и тематических сюжетах белорусской истории, как и истории российской и всех без исключения славянских стран он воплотил в текстах «Истории Белорусской ССР», которые в основном до сего времени сокрыты в архивных фондах России и Беларуси.

В судьбоносном для белорусов 1939 г., когда только-только Западная Беларусь воссоединилась с Восточной, Владимир Иванович, выполняя политический заказ, поступивший от ЦК КПБ(б), 16 ноября 1939 г. представил «Записку», озаглавленную «Да пытання аб паўднёвай мяжы БССР». После воссоединительного похода Красной армии сразу возникла проблема «дележа» между БССР и УССР изменившихся пограничных территорий. И эту проблему, конечно, мог разрешить лишь сам Сталин. Поэтому первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко запросил научное обоснование своего предложения, которое он должен был представить на суд вождя. Если кратко: Владимир Иванович после чуть ли не 14 страничной научной аргументации подвел ее итоги, состоявшие из 9 пунктов. Главный вывод заключался в том, что «В экономическом и историческом отношениях вся территория Белоруссии с Брестом, Кобрином, Пинском представляет одно целое», также как и неразрывные экономические связи всегда существовали между Брестом, Пинском, Туровым и Мозырем [9, л. 15].

Уже после окончания Великой Отечественной войны историк более детально (с приведением массы источникового материала и анализируя десятки научных концепций предшественников) и пространно изложил свое понимание столь остававшегося острым вопроса о «происхождении белорусского народа» [10]. Незадолго до ухода из жизни В. И. Пичета как бы определил перед собой задачу подытожить многолетние научные изыскания по самому коренному и многослойному по смысловым концептам вопросу белорусской истории: «Откуда мы?», «Кто мы?», «Каковы мы в окружающем мире?». Этот вопрос в концентрированном виде пытались решать и до, и после него. И пытаются, в силу научной компетентности и даже «современной необходимости», решать по сей день немало историков, а также исследователей иных направлений гуманитарных знаний [11; 12; 13; 14; 15]. Но все же стоит вспомнить, что еще в 1918 г., а затем в 1924 г. В. И. Пичета одним из первых принялся за осмысление накопленных знаний и их развитие на новой источниковой основе сначала в своих публичных лекциях в Белорусском народном университете в Москве [16], а затем, уже будучи ректором БГУ, в небольшой книге, вышедшей также в Москве [17]. К чести БГУ, обе эти работы были в начале 2000-х переизданы и стали общедоступными для заинтересованного читателя (правда, автору пока не удалось вспомнить ни одной ссылки на них в работах современных исследователей...).

Но только ещё предстоит поднять с архивных полок многострадальную рукопись учебника под общим названием «История Белоруссии», созданного в Институте истории АН БССР и предназначавшегося, как было вначале указано на титульном листе (эта строчка кем-то вымарана

чернилами. — О. Я.), «для студентов исторических факультетов» [18, л. 9]. Из 990 машинописных страниц В. И. Пичете принадлежат 664. Остальные написали его близкие коллеги: А. П. Пьянков, К. М. Поликарпович и И. Ф. Лочмель, а научно-справочный аппарат составил Н. С. Мохнач. С конца 1930-х гг. вокруг этого коллективного труда в течение чуть ли не 10 лет шли нешуточные политические баталии, а впоследствии лишь изредка он становился предметом интересов исследователей. Но никто так и не удосужился озадачиться его изданием. Хотя бы в качестве исторической и историографической данности...

Сегодня рукопись учебника находится в Отделе редкой книги Национальной библиотеки Беларуси. Она разделена на два тома, хотя учебник предполагался однотомным [19]. Не отвлекаясь на изложение истории написания данного текста и его поистине злосчастия в условиях предвоенных и военных лет (об этом писал и автор, и некоторые его коллеги), сошлёмся только на небольшую записку супруги В. И. Пичеты. Записка приложена к рукописи и пронумерована как страница «1». В ней Александра Петровна Пичета констатирует, что «Работа не опубликована. Летом 1943 г. в Москве В. И. Пичета, вернувшись из эвакуации, передана Т. Горбунову (из Отдела Агитации и Пропаганды ЦК партии Белоруссии)».

В ОРКНББ хранятся и два письма, адресованные В. И. Пичетой своему коллеге, директору Института истории АН БССР академику Н. М. Никольскому. Пока более всего поддалось прочтению первое из этих писем. В нем хорошо чувствуется «роспач» историка, непонятого и даже отвергнутого не только на высшем властном уровне, но и одним из близких коллег. Письмо дает возможность прочувствовать «закулисы» той ситуации, которая означала крах перспектив издания, столь долго готовившегося в довоенное и уже военное время учебника по белорусской истории (*затруднения в прочтении некоторых слов обозначены знаком вопроса*):

Письмо В. И. Пичеты М. Н. Никольскому 05 декабря 1946 г.

Узкое 5.XII.46

Глубокоуважаемый
Николай Михайлович

Так как я находился в Узком, то мне не были известными ни Ваше письмо, ни телеграмма. Этим объясняется мой запоздалый ответ, и прошу Вас не поставить это мне в вину. Я должен Вам сообщить, что при сведении ??? тов. Пономоренки, мне было предложено написать обстоятельную (?) историю Белоруссии, на что я дал согласие. Поэтому, мне статью посылать неудобно, тем более, что эти главы Вами розданы другим.

Помимо этого я считаю для себя неудобным, чтобы меня редактировал малограмотно ?? редакцию тов. Горбунов, и так уж ? в течение трех лет усердно навязываемую Вами, о которой должны доходить слухи. Впрочем, я пытался сообщить ????. В будущем году я намереваюсь посетить Минск и, если Ваша «милость свою ласку вчинит» и позволит мне прочесть доклад, то я с удовольствием это сделаю. В Минск я часто приезжать не могу: на моих плечах «Институт славяноведения» и филиал АН СССР в Смоленске, то есть работы будет много.

Чтобы там ни было, как бы в Белоруссии ко мне не относились (я дал слово в ЦКП бывая в Минске), я продолжаю свою работу по истории Белоруссии ????, в Белоруссии моих работ просто печатать не будут, ????. Слышал я о планах Савича, который ?? Президиум о Вас. Савич и Бочкарев при баллотировке в чл. корр. не получили необходимые голоса. Савич, получил 5, 1 г с ?, ... с Бочкаревым, кажется пять.

Поздравляю Вас с избранием в члены корреспонденты: Вы получили при первой баллотировке 8 из 12 чел., при второй — 10 т. е. 2/3. Я теперь, вероятно, не буду связан с вступлением в АН БССР, но если надо будет АН написать какую-нибудь работу, я это сделаю с удовольствием, что, впрочем, думаю, то мне необходимо, идя по белорусским ?.

Всего Вам наилучшего.

Глубоким уважением
В. Пичета (*подпись*) [20, л. 1–3].

С тех пор объёмный текст, определяя его суть словами В. И. Пичеты, «обстоятельной истории Белоруссии» так и не был опубликован (в том числе и в белорусских издательствах) для освоения читателями, которым он прежде всего и предназначался, — студентами вузов республики. «Историю Белоруссии» продолжили писать другие, а Владимир Иванович в оставшиеся ему годы жизни сконцентрировался на славянской истории, хотя всё же сумел к 1947 г. в московских издательствах напечатать не более десяти различных текстов (в журналах и переизданиях союзного учебника «История СССР») сугубо по различным периодам белорусской истории. А после ухода из жизни творческое наследие первого ректора Белорусского университета в БССР было окончательно забыто. И это при том, что написанные им главы по белорусской составляющей «истории СССР» включались в учебные издания в советских Украине, Латвии, Эстонии, Казахстане. Лишь в 1961 г. в академическом издательстве в Москве вышла 815-страничная книга «Белоруссия и Литва XV–XVI вв.» за авторством В. И. Пичеты [21]. Ее составители и научные редакторы З. Ю. Копыцкий, В. Д. Королук и Н. Н. Улащик собрали под одну обложку работы историка

разных лет (чуть ли не одни из первых и последних, а также некоторые материалы, ранее не издававшиеся и извлеченные из личного архива Владимира Ивановича). Все работы относились к теме, обозначенной в заглавии этого сборника. То есть являлись лишь малой частью всего «белорусоведческого наследия» историка. Характерно, что в предисловии научные редакторы почему-то не сочли необходимым обозначить смысл данного издания, всего лишь указав, что сборник предлагается «вниманию советской исторической общественности» [21, с. 3].

Таким образом, творческие «похождения» незаурядного историка-белорусоведа как бы продолжились. Однако многое из созданного им, но так и не опубликованного, на долгие годы осталось в архивохранилищах Москвы и Минска. Возможно, к 150-летию со дня рождения В. И. Пичеты одна из самых объёмных архивных рукописей — «История Белоруссии» — найдёт своего читателя. С учетом присутствия в ней также текстов трех соавторов В. И. Пичеты, известных белорусских историков (К. М. Поликарповича, А. П. Пьянкова и И. Ф. Лочмеля), а также принимая в расчет очевидную политическую заангажированность данной работы на рубеже 1930–40-х гг., издание рукописи может стать не только источником для специалистов, но также отличным дополнением к современным прочтениям отечественной истории. Очевидно, что и сегодня *pro et contra* в осмыслении истоков истории белорусов и ее кульбитов через многие столетия в западных и восточных векторах развития требуют для углубления научной составляющей не только пополнения новыми данными, но и более внимательного обращения к наследию предшественников. Научное наследие Владимира Ивановича Пичеты, первого ректора БГУ, должно быть пополнено этим забытым многостраничным текстом.

Библиографические ссылки

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1548. Оп. 3. Д. 10.
2. РАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 81.
3. РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 53.
4. Центральный исторический архив Москвы. Ф. 418. Оп. 76. Д. 564.
5. РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 23.
6. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2011. 375 с.
7. Купала Янка. Вершы / уклад. А. А. Сляпцова. Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. 270 с.
8. РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 47.
9. РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 69.
10. Пичета В. Образование белорусского народа (Вопрос об этногенезе. Предки. Формирование белорусского языка) // Вопросы истории. 1946. № 4–5. С. 3–29.

11. *Пьянков А. П.* Происхождение белорусского народа. Стенограмма публичной лекции, прочит. в авг. 1948 г в Минске. Минск: Гос. изд-во БССР. Ред. полит. лит., 1948. 20 с.
12. *Пилипенко М. Ф.* Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Минск: Беларусь, 1991. 143 с.
13. *Марзалюк І. А.* Ад Русі і Літвы да Беларусі. Вытокі і генезіс беларускага народа. Мінск: Беларусь, 2025. 384 с.
14. *Смехович Н. В.* Легендарные радимичи: кто они? // Наука и инновации. 2025. № 3. С. 62–70.
15. *Смехович Н. В.* Летописные кривичи-русские: от прозвища к социальному статусу // Наука и инновации. 2025. № 6. С. 69–75.
16. *Пичета В. И.* История белорусского народа // Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. М., 1918–1920. 84 с.
17. *Пічэта У. І.* Гісторыя Беларусі. Ч. 1. М.–Л.: Дзяржвыд., 1924. 134 с.
18. История Белоруссии // Отдел редкой книги Национальной библиотеки Беларуси (ОРК НББ). Т. I. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 4. № 096/7837.
19. История Белоруссии // ОРК НББ. Т. I. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 4. № 096/7837. 511 с.; Т. II. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 5. № 096/7838. 503 с.
20. Два письма и телеграмма В. И. Пичеты, отправленные Н. М. Никольскому 5.12.1946 г. и 5.01.1947 г. // ОРК НББ. 091/343. Л. 1–3.
21. *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследование по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 815 с.

СЕКЦИЯ 2. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ И ТРАДИЦИЯХ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О НАРОДЕ-ПОБЕДИТЕЛЕ

ПОДВИГ БЕССМЕРТЕН: УШАЧИ, ПАРТИЗАНСКИЙ ПРОРЫВ

А. Б. Богданович¹⁾, Г. Ф. Ласута²⁾

^{1,2)} *Университет гражданской защиты,
ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Беларусь, gumanitar@ucp.by*

В статье рассматривается организация под Ушачами легендарного прорыва вражеской блокады в мае 1944 г. Операция проводилась партизанами Полоцко-Лепельской зоны под руководством Героя Советского Союза В. Е. Лобанка.

Ключевые слова: подвиг народа; война; партизаны; Ушачи.

THE FEAT IS IMMORTAL: USHACHI, PARTISAN BREAKTHROUGH

A. B. Bogdanovich^{a)}, G. F. Lasuta^{b)}

^{a, b)} *University of Civil Protection,
25 Mashinostroiteli St., 220118, Minsk, Belarus, gumanitar@ucp.by*

The article examines the organization near Ushachy of the legendary breakthrough of the enemy blockade in May 1944. The operation was carried out by partisans of the Polotsko-Lepel zone under the leadership of Hero of the Soviet Union V. E. Lobank.

Keywords: feat of arms; war; partisans; Ushachi.

В знаменательный год 80-летия Великой Победы делегация профсоюзного комитета Университета гражданской защиты почтила историческое и знаковое место партизанской славы — мемориальный комплекс «Прорыв». Именно здесь, в апрельско-майские дни далекого 1944 г., в районе деревень Плино и Паперино, партизанские соединения осуществили героический прорыв из фашистского «котла», навсегда вписав страницы мужества в летопись борьбы с фашистскими захватчиками [1].

С первых дней оккупации, карателям противостояло партизанское и подпольное движение. Народные мстители, теряя своих родных и близких,

видели ужасы сожжённых деревень, замученных и расстрелянных граждан. Ведь в планах фашистских оккупантов вся территория Беларуси должна была стать «мертвой зоной» [2, с. 52].

Осенью 1943 г., с началом освобождения северо-восточных областей Беларуси частями Красной Армии, партизанские силы сосредоточили свои усилия на нанесении мощных ударов по тыловым коммуникациям 3-й немецкой танковой армии. Для эффективного руководства и координации действий партизан в критический период декабря 1943 г. была создана специальная оперативная группа ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения по Полоцко-Лепельской зоне, которую возглавил Герой Советского Союза, полковник В. Е. Лобанок. Расположившись в важнейшем населенном пункте партизанского края — Ушачах, этот координирующий орган поддерживал постоянную связь как со штабом 1-го Прибалтийского фронта, так и с отрядами других партизанских зон. Именно эта группа осуществляла общее командование объединенными силами 16 партизанских бригад, сыграв ключевую роль в ходе масштабного сражения — Полоцко-Лепельской битвы, развернувшейся с 11 апреля по 5 мая 1944 г. [3].

В конце декабря 1943 г., когда фронт приблизился к северной границе зоны, гитлеровцы решили оттеснить партизан от дороги Витебск–Лепель–Парафьяново, которая связывала 3-ю немецкую танковую армию с тылом. Не добившись успеха, захватчики до февраля 1944 г. организовывали карательные операции. Им противостояли 16 партизанских формирований:

- Бригада им. В. И. Чапаева (командир В. В. Мельников, комиссар И. Ф. Кореневский);
- Бригада им. В. И. Ленина Витебской области (командир Н. А. Сакмаркин, комиссар А. В. Сипко);
- Бригада «За Советскую Белоруссию» (командир П. М. Романов, комиссар Н. Г. Жижов);
- 2-я Ушачская бригада им. П. К. Пономаренко (командир Н. В. Уткин, комиссар М. А. Тябут);
- Лепельская бригада им. И. В. Сталина (командир Д. Т. Короленко);
- Бригада «Алексея» (командир А. Ф. Данукалов, комиссар И. И. Старовойтов);
- 1-я Антифашистская партизанская бригада (командир В. В. Гиль-Родионов, комиссар И. М. Тимчук);
- Бригада им. В. И. Ленина Вилейской области (и. о. командира Е. У. Фурсо, комиссар В. С. Свирид);
- Бригада им. ЦК КП(б)Б (командир А. Д. Медведев, комиссар Н. Г. Пучкарев);

- Бригада «Октябрь» [командир Ф. К. Юрченко (псевдоним Ветров), комиссар И. И. Юкша];
- 1-я бригада им. А. В. Суворова (и. о. командира Т. К. Раевский, комиссар Н. Е. Усов);
- Бригада им. С. М. Короткина (командир В. М. Талаквдзе, комиссар А. Б. Эрдман);
- Бригада им. ВЛКСМ (командир И. А. Куксенюк, комиссар Ф. И. Зайцев);
- Бригада им. К. Е. Ворошилова (командир Д. В. Тябут, комиссар В. А. Лемза);
- 16-я Смоленская бригада (и. о. командира И. К. Алесенков, комиссар Г. Н. Тимошенко);
- Смоленский полк (командир И. Ф. Садчиков, комиссар А. Ф. Юрьев).

Общая численность партизанской группировки составила более 17 000 человек. На ее вооружении имелось стрелковое оружие, 115 противотанковых ружей, 126 минометов и 24 артиллерийских орудия [3, с. 8].

В Полоцко-Лепельскую партизанскую зону в рамках карательной операции «Весенний праздник» («Fruhlingfest», в некоторых источниках «Праздник весны») было стянуто до 60 тысяч карателей. Вражеские подразделения включали представляли собой мощную группировку, в состав которой входили 252, 56, 82, 95 и 15-я пехотные дивизии, 161-я пехотный полк, 201-я охранная дивизия, 95-я стрелковая дивизия, 6-я авиа-пехотная дивизия, 501-й танковый полк, 2, 12, 24, 1, 3, 5 и 26-й полицейские полка. 2, 1 и 3-й полка СС, особый батальон Дирлевангера, двух особых полков СС. Важная роль относилась к 3-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Рейнгарта [4, с. 231].

Овладев левым берегом Западной Двины, каратели рассчитывали наступлением со всех сторон выбить партизан из лесов и уничтожить их на открытой местности. На северо-западе зоны был создан мощный заслон из 15-й пехотной дивизии, отдельного полка СС, 26-го полицейского полка и других частей. При поддержке бронетехники, действовавшей на железной дороге Полоцк–Молодечно, им предстояло разгромить партизан при попытке прорыва через лес.

Против партизан было брошено 137 танков, 235 орудий, 70 самолетов. Руководил операцией командующий 3-й танковой армией генерал Рейнгардта. Карателям противостояли 16 партизанских бригад общей численностью 17 185 человек. На их вооружении было 9344 винтовки, 1544 пулемета, 624 ручных и 97 станковых пулеметов, 151 противотанковое орудие, 143 миномета, 21 орудие. Общая протяженность партизанской линии обороны составляла 230 км [5, с. 205; 6].

6 апреля 1944 г. В. Е. Лобанком был подписан приказ опергруппы с требованием «Повысить боевую готовность и организованность. Взыскивать и наказывать трусов и паникеров. На примерах героических подвигов бойцов-партизан воспитывать в личном составе мужество и бесстрашие к врагу» [7, л. 22].

Наиболее протяженные участки обороны до 25–30 км удерживали Лепельские бригады имени И. В. Сталина, имени В. И. Чапаева, 1-я Антифашистская, имени К. Я. Ворошилова, «За Советскую Белоруссию», 2-я Ушацкая имени П. К. Пономаренко. В начале боев глубина партизанских оборонительных линий составляла 15–20 км. Входы в зону были разрушены: взорваны мосты, перекрыты и заминированы объезды, перекопаны дороги. На определённых участках были сделаны насыпи и вырыты глубокие рвы. Партизаны оборудовали удобные замаскированные позиции для расчетов противотанковых орудий и истребителей танков с гранатами и бутылками с горючей смесью.

Оборона строилась таким образом, чтобы можно было отразить противника с любого направления. Использовались естественные препятствия: реки, озера, болота, леса. Карательная экспедиция началась 11 апреля атаками 56-й стрелковой дивизии на участок обороны бригады имени В. И. Ленина. Наступление началось со стороны Полоцка. С самого начала боя сложилась очень напряженная обстановка в районе деревень Красное, Ляхова, Залужение. Здесь были проведены четыре вражеские атаки одна за другой. В самый напряженный момент перед партизанской обороной появилось 8 танков, за ними пехота. Один из танков подорвался на mine, другой был подбит бронетехникой. Остальные приблизились к линии обороны отряда А. В. Суворова и открыли огонь из пушек и пулеметов. На других участках шли тяжелые бои [8, с. 46]

Партизаны пропустили танки через окопы, отсекали пехоту огнем и отбросили ее назад. В районе деревень Усая, Дубрайка, Ягадка и на новом рубеже у Подлипков и Малиновки упорное сопротивление врагу оказала бригада «За Советскую Белоруссию» в первый день. Здесь наступал полк пехоты противника и 10 танков. Каратели вели сильный артиллерийский и минометный огонь. Партизаны отрядов С. Г. Лазо и Н. А. Щорса неоднократно контратаковали пехоту, сошлись в рукопашной.

Несмотря на превосходство противника в живой силе и вооружении, партизаны проявили стойкость и высокое воинское мастерство. Однако каратели форсировали реку Диву, соединяющую озера Яново и Павлульское, и захватили удобную высоту. 3-й отряд им. В. Ц. Кураленка и 4-й отряд 16-й Смоленской бригады выбили гитлеровцев с высоты и отбросили их за реку.

На линии обороны полка И. Ф. Садчикова гитлеровцы в тот день повели наступление на деревню Заскарки, но пройти не смогли. 15 суток партизаны продержались на линии Яново–Слобода–Павлюле. Ни артиллерия, ни авиация, ни танки не помогли карателям. Ожесточённые бои развернулись у деревень Цётча и Горбатица, где оборонялась 16-я Смоленская партизанская бригада. Через некоторое время здесь наступило затишье. Но началось наступление противника на юго-западе, где оборонялись бригады «Октябрьская», имени ЦК КПСС (большевиков), имени В. И. Ленина и 1-я Антифашистская бригада. Против них действовали полицейские и охранные подразделения, входившие в группу фон Готтберга. Её ядром был батальон СС под командованием Дирлевангера.

Создавалась также угроза бригадам В. И. Чапаева и К. Я. Ворошилова. Перед комбригом Н. А. Сакмаркиным была поставлена задача сдерживать врага и дать возможность основным силам партизан отойти на линию Бураки–Загорцы–Липайка–Логовые. Эта задача была выполнена. 30 апреля бои уже шли под Ушачами. 230-километровая полоса обороны партизанской зоны сократилась до 20 километров. На узком участке обороны в районе Ушачского льнозавода и деревни Липайка при поддержке артиллерии, 25 бомбардировочных полков и 27 танков наступали части 96-й и 6-й немецких дивизий. Здесь мужественно сражались партизаны полка И. Ф. Садчикова, Лепельской бригады им. И. В. Сталина и 2-й Ушачской бригады. Бои шли у деревни Кубличи. Большое количество беженцев перекрыло дороги. Все двинулись в лес, за реку Ушачь. Фашистские летчики расстреливали мирных жителей из пулеметов. От военного совета 1-го Прибалтийского фронта поступил приказ начать подготовку к прорыву. Он был запланирован на ночь 1 мая. Однако сосредоточить основные силы партизан все еще не удалось. Октябрьская, 1-я Антифашистская и 16-я Смоленская бригады все еще вели бои на своих рубежах [9, с. 235].

Первыми в прорыв ночью 3 мая вышли партизаны бригады «Алексея». Они ворвались на глубоко эшелонированные позиции карателей, с боями продвинулись на 12 км, разгромили гарнизоны в деревнях Бояры, Бондари, Липейки, Пискуново, Каменка, Слобода и штаб 26-го немецкого полка, уничтожили 12 складов с боеприпасами и продовольствием, 40 авто и бронемашин, убили и ранили до 350 солдат и офицеров. Каратели предприняли попытку не допустить партизан через Большак в районе деревни Кобылинка. Они бросили туда танки. Бригада «Алексея» и часть 16-й Смоленской бригады сорвали замысел карателей. Ночной рейд партизан заставил гитлеровцев принять срочные меры по усилению окружения. Прорыв партизаны осуществили в ночь на 5 мая. Бригады имени ВЛКСМ, имени С. М. Короткина, 16-я Смоленская и полк И. Ф. Садчикова

атаковали гарнизоны противника в деревнях Паперино и Новое Село. Противник оказал упорное сопротивление, но был выбит из этих деревень. Основные силы партизан прорвали фашистский «котёл» и вывели около 15 тысяч мирных жителей.

Главным результатом боевых действий партизан стало то, что они измотали фашистов, сумели выйти из тяжелого положения и сохранили боеспособность. Каратели потеряли убитыми и ранеными более 20 тыс. солдат и офицеров, 59 танков, 116 бронемашин, 7 бронеавтомобилей, 22 орудия и 2 самолета. В боях с карателями погибло более около 7 тыс. партизан. Среди них были командиры бригад А. Ф. Данукалов, Д. Т. Короленко, П. М. Романа, комиссары М. Г. Жижев, И. Ф. Коронейский, У. С. Свирид, член оперативной группы полковник И. И. Зиненко, кинооператор М. Сухова [10, с. 203].

В Полоцко-Лепельской битве проявился весь масштаб личности, управленческий талант, уравновешенный и доброжелательный характер Героя Советского союза Владимира Елисеевича Лобанка. Его правдивые и репрезентативные работы являются эталоном в изучении партизанского движения [11; 12; 13].

30 июня 1974 г. на месте Полоцко-Лепельской битвы был открыт величественный мемориальный комплекс «Прорыв» (архитекторы Ю. М. Градов и Л. М. Левин). Композиция мемориального комплекса символически воплощает героический прорыв партизан сквозь вражеское кольцо блокады.

На суровом мемориальном поле покоятся бронзовые плиты, хранящие в вечности установленные имена павших — тех, кто сложил голову в тяжкие дни блокады и в яростном порыве к свободе. Над этим скорбным пантеоном имен возносится величавая фигура Партизана. С автоматом наперевес, он разрывает тяжелые бетонные плиты, символизирующие «котёл» фашистского окружения — став вечным воплощением негибаемой стойкости, жертвенного мужества и народного героизма.

Безусловно важными для нас, ныне живущих, является увековечивание подвигов нашего народа в годы Великой Отечественной войны. При этом необходимо личное участие граждан в мероприятиях по сохранению и актуализации памяти о значимых исторических событиях и героических личностях. Все это является коммеморацией. Данная практика не только способствует сохранению исторической правды, но и формирует уважение к подвигам нашего народа.

Практики коммеморации укрепляют историческое сознание и чувство патриотизма, что особенно актуально в условиях современных вызовов и изменений. Кроме того, коммеморация служит важным инструментом для формирования национальной идентичности, объединяя людей вокруг общих ценностей и памяти о героизме. Это не только дань уважения, но и

способ передачи знаний о прошлом, который способствует воспитанию чувства ответственности за будущее страны. Важно, чтобы такие памятники и мемориальные мероприятия оставались в центре общественного внимания, напоминая о том, что свобода и независимость требуют не только памяти, но и действий в настоящем. Память о подвигах партизан и всех, кто боролся за свободу, становится неотъемлемой частью нашего исторического и культурного наследия [14, с. 231]. Это позволяет нам не только чтить память о прошлом, но и строить будущее на основе уважения к истории и понимания ее значения для нашего общества.

Библиографические ссылки

1. Сайт Университета гражданской защиты. URL: <https://ucrp.by> (дата обращения: 07.07.2025).
2. Геноцид белорусского народа. Карательные операции = Genocide of the Belarusian people. Punitive operations. В двух ч. Ч. 1 / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2023. 311 с.: ил.
3. Гигин В. Ф. Прорыв. URL: <http://www.comparty.by/vgigin-proryv> (дата обращения: 07.07.2025).
4. Нацистские карательные операции против партизан Полоцко-Лепельской партизанской зоны. Апрель–май 1944 года: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. Минск: Беларусь, 2024. 735 с.
5. Гіст.-дакум. Хроніка Ушацкага раена. Мн.: БЕЛТА. 2003. 640 с.
6. Оперативные сводки Белорусского штаба партизанского движения: январь–июль 1944 г.: документы и материалы / сост. В. Д. Селеменев, С. В. Кулинок, М. Н. Скоморощенко; редкол.: А. К. Демянюк и др. Минск: НАРБ, 2019. 382 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 41.
8. Лобанок В. Е. В боях за родину. Минск: Беларусь, 1964. 411 с.
9. Калинин П. Партизанская республика. Третье издание. Мн., «Беларусь», 1973. 387 с.
10. Брюханов А. И. В штабе партизанского движения. Минск: Беларусь, 1980. 256 с.
11. Лобанок В. Е. Партизаны Витебщины в боях за Родину. 1959. 232 с.
12. Лобанок В. Е. Всенародная борьба в тылу врага. Мн.: Беларусь, 1985. 46 с.
13. Лобанок В. Е. Партизаны принимают бой. Мн.: Беларусь, 1976. 320 с.
14. Крючек П. С. Использование коммеморативных практик о Великой Отечественной войне в патриотическом воспитании студенческой молодежи / Великая Победа во имя мира и созидания: сб. материалов респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Минск: РИВШ, 2025. 296 с.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУСОВ ИЗ ПОЛЬШИ В БССР В 1944–1947 гг. В ДОКУМЕНТАХ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. И. Брилева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, tatianabrileva@mail.ru*

В статье рассматриваются документальные материалы по теме переселения белорусов из Польши в БССР в 1944–1947 гг., которые хранятся в архивных учреждениях Республики Беларусь. До недавнего времени архивные документы по вопросам возвращения белорусов из стран Европы в БССР, в том числе из Польши, были недоступны для исследовательского круга. Сегодня документы находятся в открытом доступе и стали предметом исследования для историков. Изучение документальных материалов позволит раскрыть источниковедческую базу переселения белорусов из Польши в БССР, которая является малоизученной темой в белорусской историографии. Проанализирован архивный материал по заявленной теме исследования, описан состав и информативность документов, приведены сведения о наличии документальных источников по заявленной теме исследования в Национальном архиве Республики Беларусь, а также в областных и зональных архивных учреждениях.

Ключевые слова: архив; БССР; белорусы; документы; переселение; фонд.

THE RESETTLEMENT OF BELARUSIANS FROM POLAND TO THE BSSR IN 1944–1947 IN THE DOCUMENTS OF ARCHIVAL INSTITUTIONS REPUBLIC OF BELARUS

T. Brileva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, tatianabrileva@mail.ru*

The article examines documentary materials on the topic of the resettlement of Belarusians from Poland to the BSSR in 1944–1947, which are kept in archival institutions of the Republic of Belarus. Until recently, archival documents on the return of Belarusians from European countries to the BSSR, including Poland, were inaccessible to the research community. Today, the documents are in the public domain and have become the subject of research for historians. The study of documentary materials will reveal the source base of the resettlement of Belarusians from Poland to the BSSR, which is a little-studied topic in Belarusian historiography. The archival material on the stated research topic is analyzed, the composition and informative value of the documents are described, information is provided on the availability of documentary sources on the stated research topic in the National Archives of the Republic of Belarus, as well as in regional and zonal archival institutions.

Keywords: archive; BSSR; Belarusians; documents; resettlement; foundation.

Освобождение БССР в июле 1944 г., а также дальнейший разгром Красной армией немецко-фашистских захватчиков позволили возвращаться белорусам, находившимся по различным причинам за пределами страны. Наряду с репатриацией советских граждан значимым событием в

истории БССР является переселение белорусского населения из Польши в БССР в 1944–1947 гг. Фрагментарное исследование темы переезда белорусов из Польши в БССР в первое послевоенное десятилетие вынуждает обратиться к документальным материалам, которые хранятся в архивных учреждениях Республики Беларусь.

Исследуемая научная проблема наиболее полноценно представлена в фондах Национального архива Республики Беларусь: фонд № 7 «Совет Министров Республики Беларусь, г. Минск» [1], № 787 «Управления переселения и репатриации при Совете Министров БССР, г. Минск» [2; 3], № 788 «Главный и районные представители Совета Министров БССР по эвакуации польского населения с территории Белоруссии, г. Барановичи» [4; 5], № 789 «Главный уполномоченный Совета Министров БССР по эвакуации белорусского населения с территории Польши, г. Белосток» [6; 7].

Постановления Совета Министров БССР, протоколы заседаний республиканских и областных комиссий по переселению и репатриации, отчеты Главных уполномоченных и районных представителей СНК (с марта 1946 г. Совет Министров) БССР по эвакуации, доклады, справки о работе отдела переселения и репатриации при Совете Министров БССР, переписка с областными отделами, а также с вышестоящим руководством и представителями польской стороны раскрывают организационные моменты возвращения белорусов из Польши. Сведения и справки о численности заявок на выезд и прибытие в БССР показывают количественные данные о ходе переселения белорусов из Польши. Вопросы устройства переселенцев на местах прибытия освещают распоряжения и докладные записки об их хозяйственно-бытовом устройстве. Финансовая поддержка переехавшего из Польши населения отражена в сведениях о кредитовании переселенцев Сельхозбанком и отчетах о возмещении исполнительными комитетами областных и районных Советов депутатов трудящихся стоимости оставленного ими недвижимого имущества и урожая. Большой интерес для изучения представляют описи имущества граждан, выехавших в Польшу и отселенных с отошедшей к Польше территории в ходе проведения демаркации советско-польской границы.

Трудности, с которыми столкнулись переселенцы по прибытию и расселению в областях и районах БССР, отражены в их обращениях (заявления, просьбы, жалобы, ходатайства, докладные записки) в переселенческий аппарат, отраслевые ведомства и Совет Министров БССР. Материалы судебных разбирательств по вопросам правообладания недвижимым имуществом переселенцев содержатся в фонде № 750 «Генеральная прокуратура Республики Беларусь, г. Минск» [8].

Доклады, отчеты, справки об общественной ситуации в западных областях БССР, материальном положении переселенцев, выписки из протоколов заседаний бюро обкомов и горкомов партии о проведении культурно-просветительских мероприятий, можно обнаружить в фонде 4п «ЦК Коммунистическая партия Белоруссии (КПБ), г. Минск» [9–12]. Изучение архивных документов фонда позволяет рассмотреть вопросы проведения идеологической работы администрации регионов, где были расселены переселенцы, а также их обустройство на местах прибытия.

Особенность организации переселенческого аппарата БССР от других союзных республик заключалась в наличии отделов переселения и репатриации на областном уровне. Постановлением Совета Министров БССР от 30 мая 1945 г. создавались отделы переселения и репатриации при исполнительных комитетах областных Советов депутатов трудящихся (облисполком). Административно-территориальное деление БССР отличалось, поэтому отдельное внимание привлекают документы, которые хранятся в областных и зональных архивных учреждениях гг. Барановичи, Пинск, Полоцк, Молодечно и Бобруйск — бывших областных центрах¹. Белорусы, переезжающие из Польши в БССР, расселялись преимущественно в Брестской, Барановичской, Гродненской и Молодечненской областях, что вызывает интерес к архивным материалам этих регионов.

В фонде № 1214 «Отдел переселения и репатриации при исполнительном комитете Гродненского областного Совета депутатов трудящихся, г. Гродно Гродненской области» Государственного архива Гродненской области [13] за 1945–1952 гг. собраны приказы и директивные указания Управления переселения и репатриации Совета Министров БССР, решения и распоряжения Гродненского облисполкома, сметы расходов, планы переселения населения Гродненской области и сведения об их выполнении, отчеты по переселению. Более детально ознакомиться с ситуацией на местах позволяют сведения об выполнении планов и отчетов по переселению начальников областных отделов.

В материалах фонда № 815 «Брестский областной Совет депутатов. Брестский областной исполнительный комитет, г. Брест» Государственного архива Брестской области [14] также хранятся сведения по изучаемому вопросу. Постановления и распоряжения председателя облисполкома,

¹ Административно-территориальное деление БССР в 1944–1947 гг. было следующим: Барановичская, Брестская, Бобруйская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Минская, Могилевская, Молодечненская, Пинская, Полесская, Полоцкая области. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1954 г. Барановичская, Бобруйская, Пинская, Полесская и Полоцкая области упразднялись. Молодечненская область была ликвидирована Указом Президиума Верховного Совета БССР от 20 января 1960 г.

отчеты подчиненных облисполкому структур, протоколы комиссий и отчеты по области и её районам отражают работу областной и районной администрации по устройству переселенцев, а также проведению идеологической работы. Архивные материал данного фонда обстоятельно раскрывает вопрос демаркации советско-польской границы в 1945–1947 гг. Несмотря на тот факт, что в Государственном архиве Брестской области отсутствует отдельный фонд отдела переселения и репатриации, материал по заявленной теме исследования можно найти в фондах райисполкомов. Так, в фонде № 993 «Брестский районный исполнительный комитет, г. Брест» в протоколах заседаний и решений районного Совета депутатов трудящихся можно обнаружить информацию о возмещении переселенцам оставленных посевов, передачи им недвижимого имущества уехавших в Польшу и выделении кредитов [15].

В Зональном государственном архиве в г. Барановичи есть фонд № 497 «Отдел переселения и репатриации при исполнительном комитете Барановичского областного Совета депутатов трудящихся, г. Барановичи Барановичской области» [16]. В состав фонда вошли приказы, распоряжения и переписка с Советом Министров БССР, облисполкомами и райисполкомами об оказании материальной помощи прибывшим, а также возврате населения на родину. Помимо вышеперечисленного, сведения о переселении белорусов из Польши в БССР можно обнаружить и в фондах райисполкомов, куда было расселено прибывшее население. Фонд № 382 «Пинский районный Совет депутатов, г. Пинск Брестской области» Зонального государственного архива в г. Пинске [17] состоит из протоколов заседаний районного Совета и решения к ним, постановлений, приказов и распоряжений Пинского областного совета и бюро обкомов КПБ, решений Брестского облисполкома, статистических отчетов о численности, отчетов о финансово-хозяйственной деятельности и других документов за изучаемый период.

Таким образом, отечественные архивы содержат большой массив документов и материалов по возвращению белорусского населения из Польши в БССР в 1944–1947 гг. Всего в архивных учреждениях Республики Беларусь хранится 11 фондов отделов переселения и репатриации: 5 фондов в архивах Витебской, Гродненской, Гомельской, Минской и Могилевской областей, 5 фондов в государственных зональных архивах гг. Барановичи, Бобруйска, Молодечно, Пинска и Полоцка. Основной комплекс архивных документов по рассматриваемой теме исследования хранится в фондах Национального архива Республики Беларусь. Для комплексного изучения заявленной темы исследования стоит также использовать архивные фонды ведомств, которые также занимались расселением и

обустройством переселенцев, например, Совет Министров БССР, областных и районных исполкомов, обкомов и горкомов КПБ, Министерство сельского хозяйства и социального обеспечения БССР.

Библиографические ссылки

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1902–1962.
2. НАРБ. Ф. 787. Оп. 1. Д. 1–53.
3. НАРБ. Ф. 787. Оп. 2. Д. 1–33.
4. НАРБ. Ф. 788. Оп. 1. Д. 1–27.
5. НАРБ. Ф. 788. Оп. 2. Д. 1–233.
6. НАРБ. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1–74.
7. НАРБ. Ф. 789. Оп. 2. Д. 1–154.
8. НАРБ. Ф. 750. Оп. 2. Д. 15, 71, 101.
9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 33, 543, 812, 814, 828.
10. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 42. Д. 94, 111, 140, 150, 375.
11. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 51. Д. 11.
12. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 70.
13. Государственный архив Гродненской области. Ф. 1214. Оп. 1. Д. 1–64.
14. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь. Минск, 2006–2024. URL: <https://fk.archives.gov.by/fond/131798> (дата обращения: 10.08.2025).
15. Государственный архив Брестской области. Ф. 993. Оп. 1. Д. 29.
16. Зональный государственный архив в г. Барановичи. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1–44.
17. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь. Минск, 2006–2024. URL: <https://fk.archives.gov.by/fond/130735> (дата обращения: 10.08.2025).

РОЛЬ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА (ВАХРОМЕЕВА) В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А. М. Довнар^{1,2)}

¹⁾ Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, anthonydovnar@gmail.com

²⁾ Государственное учреждение образование «Гимназия № 34 г. Минска»,
ул. Азизова, 3, 220068, г. Минск, Беларусь, anthonydovnar@gmail.com

В статье освещена деятельность митрополита Филарета (Вахромеева) по увековечиванию памяти защитников Отечества и жертв Великой Отечественной войны, роль Православной церкви Беларуси в духовно-нравственном воспитании и поддержанию патриотических настроений в обществе. Отмечено влияние его проповедей и публичных выступлений на общественное сознание и воспитание молодежи в духе уважения к исторической памяти. Статья подчеркивает значимость духовного наследия митрополита Филарета в контексте современного белорусского общества по укреплению национальной идентичности через призму исторической памяти.

Ключевые слова: акции памяти; Белорусская православная церковь; Великая Отечественная война; митрополит; панихида; увековечивание памяти.

THE ROLE OF METROPOLITAN FILARET (VAKHROMEYEV) IN PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. M. Dovnar^{a, b)}

^{a)} Yanka Kupala State University of Grodno,
22 Ozheshko Street, Grodno 230023, Republic of Belarus, anthonydovnar@gmail.com

^{b)} State Educational Institution «Gymnasium 34 of Minsk»,
3 Azizova Street, Minsk 220068, Republic of Belarus, anthonydovnar@gmail.com

The article highlights the activities of Metropolitan Filaret (Vakhromeev) to perpetuate the memory of the defenders of the Fatherland and the victims of the Great Patriotic War, the role of the Orthodox Church of Belarus in spiritual and moral education and maintaining patriotic sentiments in society. The influence of his sermons and public speeches on the public consciousness and education of young people in the spirit of respect for historical memory was noted. The article emphasizes the importance of the spiritual heritage of Metropolitan Filaret in the context of modern Belarusian society to strengthen national identity through the prism of historical memory.

Keywords: memory actions; Belarusian Orthodox Church; Great Patriotic War; Metropolitan; memorial service; perpetuation of memory.

Великая Отечественная война занимает особое место в истории Православной церкви в Беларуси. Большинство иерархов и священнослужителей в годы войны встали на патриотические позиции, оказывая

помощь Красной Армии и партизанам, помогая людям перенести тяжести немецкой оккупации. Это сыграло свою роль в изменении в послевоенный период государственно-церковных отношений. Однако государство при этом не упускало Церковь из-под своего контроля. Одним из направлений деятельности Православной церкви как на международной арене, так и внутри страны, было миротворчество, или, говоря светским языком, деятельность в защиту мира [1].

Эта проблема не переставала быть актуальной для Белорусской православной церкви в условиях суверенной Республики Беларусь. Однако к этому добавилось созвучное государственной политике сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, поскольку она отражает как духовно-нравственные, так и культурные аспекты деятельности Православной церкви в Беларуси. Существенную роль в этом сыграл Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси (в миру — Кирилл Варфоломеевич Вахромеев).

Жизненный путь его был сложным. Он родился 21 марта 1935 г. в Москве. К началу войны будущему церковному деятелю исполнилось шесть лет. Он хорошо запомнил трудности военного времени, что сформировало у него глубокое отношение к подвигу народа. В воскресенье 22 июня 1941 г. на Добрынинской площади он вместе с отцом услышал выступление Наркома иностранных дел В. М. Молотова о начале Великой Отечественной войны. «Первая воздушная тревога в Москве была объявлена 24 июня, — вспоминал митрополит. К счастью, она была учебная, но мы об этом догадались только в бомбоубежище. Так что именины отца — а это был день апостолов Варфоломея и Варнавы — мы провели не так, как всегда, потому что дни Ангелов членов нашей семьи всегда были радостными и весёлыми семейно-церковными праздниками». В ходе войны дом, в котором проживала семья Филарета, не пострадал, хотя бомбы несколько раз падали сравнительно недалеко. Со временем налеты потеряли свою систематичность, но продолжались в 1942 г. [2].

3 апреля 1959 г. Кирилл Варфоломеевич принял монашеский постриг, затем был рукоположен в иеродиакона (1959), в иеромонаха (1961). Принял хиротонию епископа Тихвинского, викария Ленинградской епархии (1965). В последующем служил епископом Дмитровским, викарием Московской епархии и ректором Московской духовной академии и семинарии (1966); архиепископом Дмитровским и ректором Московской духовной академии и семинарии (1971); архиепископом Берлинским, патриаршим Экзархом Средней Европы (1973). Являлся постоянным членом Священного Синода Русской Православной Церкви (с 1981 г.). С 1989 г. его жизнь и служение Церкви связано с Беларусью. В этом году он стал

митрополитом Минским и Гродненским, Патриаршим Экзархом всея Беларуси, а с 1992 до 2013 г. служил митрополитом Минским и Слуцким, Патриаршим Экзархом всея Беларуси [3].

При митрополите Филарете усиливалась связь Церкви и государства в вопросах сохранения памяти о Великой Отечественной войне. Представители Белорусской православной церкви участвовали в торжественных мероприятиях, посвященных Дню Победы, Дню освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, в возложении цветов к памятникам и мемориалам и других. По линии Церкви проводились образовательные программы: лекции, семинары и выставки, посвященные жертвам и героям войны. При этом отмечалась роль Церкви во всенародной борьбе с оккупантами. Белорусская православная церковь подчеркивала духовный аспект войны, рассматривая ее как борьбу не только на физическом, но и на духовном уровне. Следует отметить и некоторые социальные инициативы, как, например, поддержка ветеранов войны и их семей.

Митрополит неоднократно подчеркивал, что победа была возможна благодаря единству народа, включая представителей разных вероисповеданий. Он участвовал в памятных мероприятиях, посвященных годовщинам Победы, возлагал венки к мемориалам, молился о погибших.

21–22 июня 1996 г. в г. Бресте состоялись торжества, связанные с 55-летием героической обороны Брестской крепости. Участие в «Дне памяти» приняли Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, Президент России Б. Н. Ельцин, вице-премьеры Правительств, министры культуры, председатели ветеранских организаций СНГ. От Белорусской православной церкви молитвенное участие в торжествах принимали члены Синода Белорусского Экзархата и представители епархий. Утром 22 июня в Никольской церкви Брестской крепости Его Высокопреосвященством митрополитом Минским и Слуцким Филаретом, Патриаршим Экзархом всея Беларуси, была совершена Божественная Литургия, сказано слово и в присутствии Главы государства отслужена заупокойная лития по погибшим защитникам Брестской крепости. В ходе скорбных торжеств состоялось захоронение вновь обретенных останков защитников крепости, над которыми митрополитом была прочитана молитва. В своем выступлении на траурном митинге митрополит Филарет сказал: «Воистину братьями и сестрами чувствуешь себя здесь, стоя на этой священной земле и мысленно представляя подвиг тех, кто пролил кровь и отдал жизнь „за други своя...“» [4].

14 сентября 1996 г. в д. Хоростово Солигорского района митрополит Минский и Слуцкий Филарет освятил храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Храм был воздвигнут на месте церкви, сожженной немцами вместе с жителями и священником Иоанном Лойко, который совершал

Божественную литургию в день Сретения Господня 15 февраля 1943 г. Чудом уцелели немногочисленные свидетели трагедии, которая произошла во время крупной карательной операции оккупантов против «партизанской столицы». В своей проповеди митрополит связывал подвиг защитников Отечества с евангельскими идеалами жертвенности и любви к ближнему [4].

Он поддерживал инициативы по увековечиванию памяти воинов и жертв войны, выступал на торжественных собраниях и встречах с ветеранами. Так, 1 октября 1996 г. после молебного пения состоялась закладка капсулы в фундамент алтарной апсиды храма в честь Всех Святых на восточной окраине Минска. «Храм будет являться памятником безвинно убитым во Отечестве нашем, он призван стать местом всеобщего примирения и смирения как самого белорусского общества, так и великих народов Беларуси и России, чьи исторические судьбы неразделимы», — об этом говорил перед собравшимся народом, представителями духовенства, правительства и парламента республики Президент Беларуси А. Г. Лукашенко, совершивший закладку капсулы в основание храма вместе с Патриаршим Экзархом [5].

В богослужебной практике Белорусской православной церкви регулярно совершались панихиды по погибшим в годы войны. Церковь напоминала о необходимости молиться за погибших и о том, что память о них должна жить в сердцах людей. Уделялось большое внимание патриотическому воспитанию, направленному, в первую очередь, на молодежь, при этом подчеркивалась важность исторической памяти и духовных ценностей. Митрополит считал необходимым воспитывать у молодого поколения чувство благодарности и уважения к подвигу предков. При его поддержке в епархиях проводились акции памяти, встречи школьников и студентов с ветеранами, крестные ходы и богослужения в дни воинской славы.

Митрополит Филарет рассматривал память о войне не только как гражданский долг, но и как духовную обязанность — молитву за упокой душ и благодарение Богу за дарованную Победу. В своих воспоминаниях и публичных выступлениях Владыка всегда подчеркивал цену Победы над немецко-фашистскими оккупантами, необходимость воздавать благодарность тем, кто ценой своей жизни защитил Родину, помнить о жертвах войны и недопустимость искажения исторической правды. В обращении, посвященном 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны, митрополит Филарет отметил: «В исторической памяти белорусского народа многочисленны горькие воспоминания о трагедии XX в., унесшей жизни множества наших сограждан — прошедшей Великой Отечественной

войне. Наша память — это не жажда отмщения. Наша память есть вера в то, что у Бога все живы (Лк 20:38). Наша память — это выражение любви и уважения!» [6; 7].

Следует подчеркнуть, что эти направления деятельности Церкви стали формироваться во многом благодаря подвижнической деятельности митрополита Филарета (Вахромеева). Его роль в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне заключалась в том, что он соединял государственную и церковную традицию, помогал обществу воспринимать Победу не только как военный успех, но и как духовное торжество жертвенности, мужества и веры. Духовное наследие митрополита Филарета способствует укреплению единства и национальной идентичности белорусского общества.

Библиографические ссылки

1. *Король В. Л.* Деятельность белорусских епархий в защиту мира в контексте миротворчества Русской Православной Церкви (1945–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 2020. 30 с.
2. Митрополит Филарет (Вахромеев). О детстве, войне, жизни и тревогах Церкви // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/mitropolit-filaret-vaxromeev-o-detstve-vojne-zhizni-i-trevogax-cerkvi/>Правмир (дата обращения: 27.08.2025).
3. Архив Минского епархиального управления (АМЕУ). Д. Отчетные данные по Минской епархии за 1995 г.
4. АМЕУ. Д. Отчетные данные по Минской епархии за 1996 г. Л. 26.
5. АМЕУ. Д. Отчетные данные по Минской епархии за 1996 г. Л. 36–37.
6. Митрополит Филарет о деятельности Церкви во время Великой Отечественной войны: «Белорусское духовенство осталось со своим народом» // Официальный портал Белорусской Православной Церкви. URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0301/Dir0302/2012/Page4465.html> (дата обращения: 14.08.2025).
7. АМЕУ. Д. Отчетные данные по Минской епархии за 1996 г. Л. 33.

ОТКРЫТЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В ВИТЕБСКЕ НАД НАЦИСТСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ: ПОДГОТОВКА, ПРОВЕДЕНИЕ И ИТОГИ

В. А. Евневич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, vl.evnevich@mail.ru*

В данной статье всесторонне рассмотрен открытый судебный процесс в Витебске, проанализированы архивные материалы. На этом основании была раскрыта специфика Военного Трибунала и определена его роль в совершении правосудия над нацистскими военными преступниками.

Ключевые слова: Военный трибунал; государственный обвинитель; подсудимый; предварительное следствие; приговор; прокурор; открытый судебный процесс.

OPEN TRIAL IN VITEBSK OF NAZI WAR CRIMINALS: PREPARATION, CONDUCT AND RESULTS

V. A. Evnevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, vl.evnevich@mail.ru*

This article comprehensively reviewed the open trial in Vitebsk, analyzed archival materials. On this basis, the specifics of the Military Tribunal were revealed and its role in the execution of justice against Nazi war criminals was determined.

Keywords: Military Tribunal; state prosecutor; defendant; preliminary investigation; verdict; prosecutor; open trial.

Открытый судебный процесс в Витебске над нацистскими военными преступниками, проходивший в период с 29 ноября по 3 декабря 1947 г. в бывшем здании Белорусского государственного драматического театра имени Якуба Коласа, являлся одним из 4 состоявшихся публичных судебных процессов в БССР (судебные заседания проходили с 15 по 29 января 1946 г. в Минске, с 28 октября по 4 ноября 1947 г. в Бобруйске и с 13 по 20 декабря 1947 г. в Гомеле).

В соответствии с директивным указанием наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглова за № 4839/к от 27 сентября 1947 г. УМВД по Витебской области в целях своевременного и качественного проведения следствия по делу нацистских военных преступников 6 октября 1947 г. разработало план агентурно-оперативных и следственных мероприятий, утвержденный первым заместителем наркома внутренних дел БССР полковником И. Н. Иващенко. Ввиду того, что материалы предварительного следствия поступили в УМВД по Витебской области 12 октября 1947 г., следствие приступило к допросу подозреваемых только с этого времени [2, л. 121–121 об.].

Для оказания практической помощи по ведению и своевременному завершению следственных мероприятий в установленный ГУПВИ МВД СССР срок было создано 5 оперативно-следственных групп в количестве 45 человек, состоящих из: оперативно-следственной группы для работы с обвиняемыми (14 человек), оперативно-следственной группы для выявления документальных фактов совершенных преступлений на территории Витебской области (16 человек), оперативно-следственной группы для допроса свидетелей из числа военнопленных (4 человека), оперативно-следственной группы для выявления и последующего допроса свидетелей по месту дислокации 206-й пехотной дивизии на территории Калининской и Смоленской областей (6 человек), оперативно-следственной группы по сбору и перепечатыванию следственных материалов (5 человек) [5, с. 24].

В результате проведенных вышеперечисленных мероприятий было допрошено 196 свидетелей, из них по Витебской области — 174 человека, по Калининской области — 10 человек, по Смоленской области — 12 человек и 27 свидетелей из числа военнопленных [2, л. 122].

Необходимо отметить, что при проведении оперативно-следственных мероприятий в Витебской области были установлены лица, которые руководили партизанскими отрядами и в последующем были привлечены с целью выявления свидетелей, необходимых в рамках рассматриваемого судебного процесса.

В период с 20 по 23 ноября 1947 г. представитель ГУПВИ МВД СССР подполковник Ю. К. Клаусен, военный прокурор Белорусского военного округа генерал-майор юстиции С. А. Смирнов и председатель Военного Трибунала Прибалтийского военного округа полковник М. И. Панкратьев находились со следственным делом на докладе в сформированной правительственной комиссии для подготовки и проведения судебных процессов над нацистскими военными преступниками. Данной комиссией было утверждено судебное дело к слушанию на 29 ноября 1947 г. и определено количество свидетелей, подлежащих вызову на предстоящие судебные заседания, всего 28 человек, из них 22 человека из числа гражданского населения и 6 человек из числа военнопленных [2, л. 122 об.—123].

Правительственная комиссия для подготовки и проведения судебных процессов над нацистскими военными преступниками, сформированная 10 сентября 1947 г., состояла из: Н. М. Рычкова (председатель), Г. Н. Сафонова (заместитель, Прокуратура СССР), С. Н. Круглова (МВД СССР), С. И. Огольцова (МГБ СССР), И. Т. Голякова (Верховный суд СССР) и С. А. Голунского (МИД СССР) [1, с. 422].

В рамках предварительного следствия было допрошено 10 нацистских военных преступников, 196 свидетелей из числа гражданского населения

и 27 свидетелей из числа военнопленных [11, л. 100]. Большая часть показаний свидетелей перекрывала показания подозреваемых и изобличала последних в совершении преступлений как ими самими, так и подчиненными генералам воинскими частями 53-го армейского корпуса.

25 ноября 1947 г. в Молодотудский район Калининской области, Слободской район Смоленской области, Лиозненский, Сенненский, Витебский, Суражский и Богущевский районы Витебской области были командированы оперативно-следственные сотрудники УМВД/УМГБ для обеспечения явки свидетелей в суд [2, л. 123]. Ко дню открытия судебного процесса ранее утвержденные свидетели для дачи показаний в ходе открытых судебно-следственных заседаний явились в полном составе. Всем подозреваемым были вручены обвинительные заключения на немецком языке. В свою очередь, подсудимыми были возбуждены ходатайства о предоставлении им защиты.

29 ноября 1947 г. в 19:00 в бывшем здании Белорусского государственного драматического театра имени Якуба Коласа на открытом судебном заседании Военный Трибунал приступил к слушанию дела по обвинению 10 нацистских военных преступников в совершении преступлений, предусмотренных статьями 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. [2, л. 123 об.—124].

Выбор данного места для организации и последующего проведения судебного процесса над нацистскими военными преступниками не был случайным, так как к концу 1947 г. в Витебске, кроме здания театра (в период оккупации данное здание входило в территорию Витебского гетто) был восстановлен только кинотеатр «Спартак» который для данных целей оказался непригоден.

Нацистских военных преступников судил Военный Трибунал Прибалтийского военного округа под председательством полковника юстиции М. И. Панкратьева. Государственное обвинение поддерживал военный прокурор Белорусского военного округа генерал-майор юстиции С. А. Смирнов. В состав Военного Трибунала также входили подполковник юстиции Ситников, подполковник юстиции Москатов и запасной член суда майор юстиции Николаев. Защищали подсудимых 6 адвокатов [6, с. 4].

В ходе вечернего заседания Военного Трибунала были удостоверены биографические данные подсудимых и свидетелей, заслушаны ходатайства сторон. Подсудимый — бывший командир 53-го армейского корпуса генерал пехоты Фриц Вильгельм Гольвитцер возбудил ходатайство о дополнительном вызове в суд 4 свидетелей, бывший командир 206-й пехотной дивизии 53-го армейского корпуса генерал-лейтенант Альфонс Алойс Хиттер — 10 свидетелей, бывший командир 246-й пехотной дивизии

53-го армейского корпуса генерал-майор Клаус Максимилиан Мюллер-Бюлов — 2 свидетелей и бывший начальник лагеря, находившегося на территории бывшего 5-го железнодорожного полка (313-й шталаг), полковник Ганс Дилльманн — 2 свидетелей. Остальные 6 подсудимых ходатайства перед судом не заявили [2, л. 124].

После оглашения обвинительного заключения подсудимые признали себя виновными в предъявленном им обвинении и подтвердили показания, данные в рамках предварительного следствия. Однако подсудимые Альфонс Хиттер и Ганс Дилльманн, как и на предварительном следствии, виновными себя не признали [5, с. 27].

Обвиняемые являлись активными участниками преступлений в Витебской области и города Витебска. Например, подсудимый полковник Ганс Дилльманн, допрошенный на вечернем заседании 1 декабря 1947 г., ранее занимал должность командира 1-го батальона 747-го охранного полка 707-й охранной дивизии, а затем коменданта лагерей для военнопленных и гражданского населения в городах Витебске, Полоцке и Орле [7, с. 3]. Ранее в рамках предварительного следствия Ганс Дилльманн дал следующие показания: «...Я поддерживал в лагере режим, который в итоге должен был привести и приводил к голодной смерти военнопленных. Ничтожный рацион питания приводил к истощению организма, а изнурительный труд от восхода до заката солнца, ускорял окончательное его разрушения...» [1, л. 94].

Предварительным следствием было установлено, что в период марта–апреля 1943 г. подсудимым было насильно согнано до 20 тыс. человек из деревень Витебского и Городокского районов Витебской области в лагерь, размещавшийся на территории бывшего 5-го железнодорожного полка. Оставшиеся в живых военнопленные направлялись в лагерь Майданек и Освенцим [5, с. 17].

В лагере, размещавшимся на территории 5-го железнодорожного полка (в 3 километрах от города Витебска между шоссейными дорогами на Полоцк и Городок), областной Чрезвычайной государственной комиссией 26 сентября 1944 г. было обнаружено 70 могил длиной от 8 до 15 метров, шириной 7 метров и глубиной 5 метров, кроме того, до 300 могил размерами 2,5 на 2,3 метра. Преобладающий возраст погибших варьируется от 20 до 30 лет. Общее количество расстрелянных, погибших от голода и болезней на территории этого лагеря, установленное на основании свидетельских показаний и данных судебной экспертизы, превышало 100 тыс. человек [4, л. 60–61].

Однако стоит отметить, что в материалах «Акта обследования мест массового захоронения населения, уничтоженного немецкими оккупантами

на территории г. Витебска», за 26 сентября 1944 г. были приведены другие данные о количестве погибших в лагере. «...Общее количество расстрелянных и погибших от голода и истязаний и похороненных на территории бывшего 5-го железнодорожного полка, по свидетельским показаниям и данным экспертизы, превышает 80 000 человек...» [3, л. 2].

В рамках судебного следствия, проходившего с 29 ноября по 3 декабря 1947 г., состоялось 8 открытых судебно-следственных заседаний, на которых были заслушаны показания 10 военных преступников. Стороной обвинения в лице прокурора Прибалтийского военного округа были предоставлены следственные материалы, которые полностью доказывают факты совершенных подсудимыми преступлений. В ходе судебного следствия были заслушаны показания порядка 28 свидетелей из числа гражданского населения и военнопленных, а также представителей областной Чрезвычайной государственной комиссии.

Изучив и проверив все материалы, результаты предварительного следствия, показания свидетелей, собранные в рамках расследования данного дела, заслушав речи государственного обвинителя и защиты, показания и последние слова подсудимых, Военным Трибуналом было установлено и подтверждено непосредственное участие подсудимых в преступлениях, совершенных за время оккупации территории города Витебска и Витебской области.

3 декабря 1947 г. с 21:30 до 23:00 состоялось оглашение приговора, согласно которому Военный Трибунал Прибалтийского военного округа признал всех подсудимых виновными в преступлениях, предусмотренных статьями 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Руководствуясь статьями 319 и 320 криминально-процессуального кодекса БССР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г., Военный Трибунал приговорил каждого подсудимого к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет [2, л. 127].

Таким образом, открытый судебный процесс в Витебске над нацистскими военными преступниками, так же, как и предыдущие судебные процессы над нацистскими военными преступниками в БССР, имел не только политический резонанс, но и соответствовал всем требованиям советского уголовно-процессуального законодательства. В частности, подсудимым была обеспечена защита. Каждому из них вменялось в вину только досконально выверенные и установленные как в рамках предварительного следствия, так и в ходе судебных заседаний факты совершенных ими преступлений. Проведение данного судебного процесса не противоречило нормам международного права и последующего применения к ним национального законодательства.

Библиографические ссылки

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: [сб. док.] в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. А. В. Юрасов; отв. сост. Я. М. Златкис; сост.: Е. В. Балушкина, К. М. Гринько, И. А. Зюзина, О. В. Лавинская, А. М. Лавренова, М. И. Мельтюхов, Ю. Г. Орлова, Е. В. Полторацкая, К. В. Сак. Москва: Фонд «Связь эпох», 2020. 576 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 821.
3. ГАВО. Ф. 1971. Оп. 6. Д. 1.
4. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 5.
5. *Подлипский А. М.* Возмездие: судебный процесс над немецко-фашистскими преступниками в Витебске. Витебск: Витеб. обл. тип., 2013. 64 с.
6. Судебный процесс в городе Витебске по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белорусской ССР // Советская Белоруссия. 1947. № 238(5178). С. 4.
7. Судебный процесс в г. Витебске по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белорусской ССР // Советская Белоруссия. 1947. № 241(5181). С. 3.

ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И МЕСТА ПАМЯТИ

К. И. Козак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, kozak@ibb.by*

В статье на примере вермахта и служб нацистской Германии представлены итоги реализации политики геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Выявлены и представлены характеристики, тенденции, особенности на разных этапах формирования и развития исторической памяти геноцида белорусского народа.

Ключевые слова: Беларусь; оккупационный режим; Геноцид; карательные операции и акции; места принудительного содержания; места массового уничтожения; лагерь; сожженные деревни; Минск; этапы; историческая память; мемориалы; места памяти.

THE GENOCIDE OF THE BELARUSIAN PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: HISTORICAL MEMORY AND MEMORIAL SITES

K. I. Kozak

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kozak@ibb.by*

Using the Wehrmacht and Nazi Germany as examples, this article presents the results of the genocidal policy against the Belarusian people during the Great Patriotic War. It identifies and presents the characteristics, trends, and specificities of the various stages of the formation and development of the historical memory of the genocide of the Belarusian people.

Keywords: Belarus; occupation regime; Genocide; punitive operations and actions; places of forced detention; places of mass extermination; camp; burned villages; Minsk; stages; historical memory; memorials; places of memory.

Историография. В годы Великой Отечественной войны жертвами нацистской политики геноцида белорусского народа на территории Беларуси стали не менее трех миллионов. Однако в рамках фронтовой и партизанской тематик проблема геноцида стала исследоваться со второй половины XX в. [1; 2; 3; 4]. Более системно — в 1990-е гг. Наряду с потерями мирного населения было обращено внимание на трагедию военнопленных Красной Армии [5; 6; 7; 8]. Из зарубежных исследований привлекает внимание монография Кристиана Герлаха [9]. С 2020 г. активную исследовательскую работу стала осуществлять Генеральная прокуратура Республики Беларусь, которая инициировала ряд важных законодательных

и нормативных положений о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, привлекла внимание к новым темам и материалам, в частности, новым источникам архивных учреждений Российской Федерации [10; 11; 12; 13; 14].

В основе историографических представлений: положения, инструкция об основах войны и оккупационной политики на Востоке; уничтожение государственности Советского Союза; захват новых территорий «жизненного пространства» германской нации для их последующей колонизации и эксплуатации; массовое уничтожение населения оперативными айнзацгруппами рейхсфюрера СС. При этом, лагеря для солдат Красной Армии, партизанское движение служили нацистам еще одной возможностью «уничтожить все, что восстает против нас» [15; 16; 17, с. 48].

Оккупационные формы управления. На оккупированной территории Беларуси (Вайструтениен) было создано пять территориальных администраций: рейхскомисариатов «Остланд», «Украина», округов «Белосток», «Литва», тыл группы армий «Центр». Действовало не менее 43 дивизий, 117 полков (пехотный, добровольческий, кавалерийский, егерский, СС); около 500 батальонов, в том числе восточные полицейские батальоны (37 латышских, 26 литовских, 18 украинских, 16 белорусских, 3 эстонских). Для усиления и активности вермахта, полиции безопасности и СД, СС Германии удалось привлечь союзников — Италию, Венгрию, Словакию, Румынию, Финляндию, а также формирования из Франции, Дании и других стран. В оперативном управлении были задействованы более 150 главных, полевых, окружных, районных местных и другого типа военных комендатур. Не менее 2,5 тыс. полицейских гарнизонов и опорных пунктов удерживали нацистский режим на уровне город — поселок — железнодорожная станция. Всего военно-полицейский состав включал 350–500 тыс. человек [18, л. 40–40 об.; 19, с. 153–154].

Военные и гражданские места принудительного содержания. В системе политического террора места принудительного содержания использовались германскими органами для рабского труда, наиболее эффективного способа умерщвления заключенных. При разнообразии типологии лагерей для военнопленных и гражданское население количество заключенных увеличивалось за счет приказов, директив германского командования или понятий. К примеру, слово «партизан» в 1942 г. было заменено на «бандит», а семьи — на «семьи бандитов», дети — на «дети бандитов», деревни в партизанских зонах — на «бандитские деревни». Это еще один путь к депортациям, перемещению в лагеря и тюрьмы, массовому уничтожению [20, с. 102–103].

В итоге на территории Беларуси было организовано для военнопленных не менее 150, а для гражданского населения — 110 лагерей, для евреев — 360 различного типа гетто (1941–1943); для всех категорий — не менее 75 тюрем. В рамках нацистского декрета об эвтаназии нацисты оперативно убивали или травили газом душевно- и неизлечимо больных в Минске (психиатрическая больница «Новинки», 2-я клиническая больница (1941) и Могилеве (1941–1942). Только для жителей Минска были организованы лагеря: Переспа, Дрозды, на улице Широкой, Минское гетто и зондергетто (для депортированного из Европы еврейского населения), Тростенец (места массового уничтожения в Благовщине и Шацковке); дулаги и шталаг 352, а также тюрьма на Володарской. Всего, по уточненным данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, на оккупированной территории Беларуси насчитывалось 578 мест принудительного содержания, из которых 560 лагерей смерти [19, с. 156–163; 21]. Такие же места для населения и военнопленных были обустроены в Германии, союзных и оккупированных ею стран Европы. Из около 400 тыс., вывезенных на принудительные работы, часть из них направлялась для уничтожения в лагеря смерти Аушвиц (Освенцим), Майданек, Собибор, концентрационные лагеря Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен и другие. Их, как расово неполноценных содержали в невыносимых условиях в отличие от англичан, французов или американцев [17, с. 27, 29–30, 36–37, 39].

Характер и итоги карательной деятельности. Основным способом и регулятором политики геноцида как среди гражданского населения, так и военнопленных на всей территории Беларуси стали 187 карательных акций. В них, кроме германских формирований, активно привлекались военные подразделения Венгрии, Словакии, Дании, Франции, Румынии. Так, силами вермахта совместно с венгерской армией и частями, подчиненными высшему фюреру полиции и СС «Россия-Центр» и командующему вермахтом в Беларуси в 1944 г. было проведено 16 карательных операций [22, с. 16, 320–321; 23, с. 107].

Особого внимания заслуживает операция «1005» (конец 1943–первая половина 1944 г.) по сокрытию доказательств массовых убийств. Не только документация, но и тела жертв массовых захоронений извлекались и сжигались (эксгумировано и уничтожено более 300 тысяч трупов), а территория обустраивалась [24, с. 12; 12, с. 72, 75, 148, 160].

Вследствие оккупационной политики инфраструктура городов и населенных пунктов Беларуси была разрушена. Они практически утратили жизнеспособность. По уточненным данным, из 12 868 полностью или частично сожженных нацистами населенных пунктов, не менее 290 из которых разделили участь Хатыни — сожжены вместе с жителями и не

восстановлены после войны. Крупные города имели людские потери до 40–80 %. Например, в Минске разными способами было убито более 800 тыс.: лагерь Дрозды (10 тыс.), на Широкой (20 тыс.), шталаг 352 (80 тыс.), гетто (зондергетто) — около 100 тыс., Тростенец (с местами массового уничтожения: Шашковка, Благовщина, Малый Тростенец) — 546 тыс., Уручье — более 50 тыс. Всего по уточненным данным, жертвами геноцида стали около 1,06 млн гражданского населения, 810 тыс. военнопленных, 715 тыс. евреев, 173 тыс. депортированных для принудительного труда, 251 тыс. солдат Красной Армии, 25 тыс. партизан. Таким образом не менее 3 млн или каждый третий на территории Беларуси стал жертвой нацистской политики [19, с. 164–166, 175–189; 25, с. 219, 224].

Политика и тактика применения массовых форм уничтожения населения Беларуси позволяет определить этапы геноцида:

Первый этап (1941–1942) — поиск и определения наиболее эффективных способов массового убийства, организация карательных операций, пистолетных акций, топления жертв в реках и болотах. Выработка директив, приказов для выявления широкого круга противников германского оккупационного режима. Директива о заложниках (16.09.1941), открывала пути для уничтожения местного белорусского населения.

Второй этап (1943) характерен разнообразием форм карательных операций, тактикой массового сожжения населенных пунктов вместе с населением, депортаций части населения из партизанских зон, в том числе в лагеря смерти Майданек и Освенцим (Аушвиц), Собибор.

Третий этап (1944) отмечен активной фазой массового уничтожения, созданием «мертвых зон» в прифронтовой части территории Беларуси. Специальные военные и армейские службы своими активными действиями перед наступающими частями Красной армии преднамеренно уничтожали природные ресурсы, сельскохозяйственные территории, оставляя лишь мертвые зоны. Истощенные и больные тифом или преднамеренно зараженные другими вирусными болезнями создавали прифронтовой пояс перед частями Красной Армии. Для части белорусских жителей оккупанты использовали марши смерти.

Историческая память и ее основные характеристики. Первый этап (1941–1990) характерен значимостью обвинительного заключения Нюрнбергского процесса в отношении массовых нацистских преступлений, сбором материалов для выявления, выдачи и наказания военных преступников. Одновременно с этим, практически с первых дней войны до 1990 г., утверждение характера событий и роли Великой Отечественной войны в победе над нацизмом определило динамику коллективной идентичности. По инициативе ряда стран, в том числе БССР, 23-я сессия

Генеральной Ассамблеи (1968) утвердила Конвенцию о неприменении сроков давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям, которую БССР подписала и ратифицировала одной из первых (27.03.1969) [26, с. 170–175; 27, с. 217].

В формировании исторической памяти особая роль принадлежит Белорусскому государственному музею истории Великой Отечественной войны (1944). Около 8 тыс. символических памятников на местах братских массовых захоронений, бюсты героев, монументы составили основу мемориализации. Так, в коммеморации особо значимы монумент Победы (1954), мемориалы — «Большой Тростенец» (1963), «Масюковщина», «Озаричи», «Хатынь», «Курган славы», «Брестская крепость», «Прорыв»; получившие звание — «Крепость-Герой» Брестская крепость (1965), «Город-Герой» Минск (1974).

Второй этап (1990–2020). При сложных процессах распада советской государственной системы в Республике Беларусь союзная политика памяти трансформировалась в национальную. Так, 3 июля — день освобождения Минска от германской оккупации утвержден как «День Независимости Республики Беларусь» (1997). Открыты новые величественные мемориалы, посвященные: жертвам Холокоста («Яма», 2000), партизанам «Беларусь партизанская» (2005), солдатам «Багратион» (2014), детям «Красный Берег» (2015), жертвам Второй мировой войны «Тростенец» (2015, 2018). Тема геноцида поддержана региональными материалами историко-документальной хроники «Память» (с 1985 по 2015 г. издано 154 книги по истории 118 районов). В системе образования с 2004 г. на основе новых методик и обновленного информационного материала введен курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». При этом, наиболее важными для исторической памяти стали нормативно-правовые акты: Закон об ответственности за фальсификацию истории (2007), Закон об информационной безопасности (2019).

Третий этап (с 2020 г.). Для активного формирования исторической политики и политики памяти белорусского народа государственными органами принято ряд значимых комплексных решений. Так, Генеральная прокуратура Республики Беларусь в 2021 г. возбудила и расследует уголовное дело по фактам совершения нацистскими преступниками и их соучастниками геноцида мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Принят Закон О недопущении реабилитации нацизма. В «Год исторической памяти» (2022) введены: Закон о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны; дата 22 июня признана Днем всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа. Особую значимость

получили новые статьи Конституции Республики Беларусь (ст. 15, 54), которые обязывают граждан Беларуси бережно хранить историческую правду и память о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Важно, что данный процесс осуществляется в рамках союзного государства Беларуси и России [28; 29] и в определенной мере является ответом на принятую странами Евросоюза политику декоммунизации и десоветизации, которая фальсифицирует понятия о нацизме, трагическое прошлое оккупированных нацистами народов, способствует разрушению многочисленных памятников и мест захоронений солдат Красной Армии [30].

Библиографические ссылки

1. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1945 гг.) / Под общ. ред. проф. Е. А. Болтина. М.: Политиздат, 1965. 388 с.
2. Романовский В. Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944): Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Минск, 1974. 46 с.
3. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941–1944 / редкол.: В. Е. Лобанок (отв. ред.) [и др.]. Минск: Беларусь, 1984. 271 с.
4. Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Сост. Заставенко Г. Ф. [и др.]. 3-е изд. М.: Экономика, 1985. 328 с.
5. Савоняко М. Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Белор. госуд. ун-т. Минск, 1993. 31 с.
6. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944) / Пад рэд. У. М. Міхнюка. Мінск: БелНДЦДААс, 1995. 416 с.
7. Месцы прымусовага ўтрымання грамадскага насельніцтва на часова акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Даведнік. Мінск: БелНДЦДААс, 1996. 75 с.
8. Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Минск: Натако, 1998. 80 с.
9. Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. 1232 s.
10. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2022. 175 с.
11. Геноцид белорусского народа. Карательные операции = Genocide of the Belarusian people. Punitive operations. В двух ч. Ч. 1. Минск: Беларусь, 2023. 312 с.
12. Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти = Genocide of the Belarusian people. Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2023. 335 с.
13. Архивы. Ничего, кроме правды. Минск: Белта, 2023. 250 с.

14. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Беларусь. [Витебская, Гродненская, Могилевская, Гомельская область]. Минск: НАРБ, 2020–2022.
15. Федеральный военный архив Германии. 17/44.
16. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М.: Воениздат, 1987. 302 с.
17. Дюков А. Нацистская идеология и планирование «войны на уничтожение» против Советского Союза // Журнал Российских и восточноевропейских исторических исследований. № 2(25). 2021. 68 с.
18. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1401. Оп. 1. ЕХ. 257.
19. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук.). Минск: БЕЛТА, 2005. 544 с.
20. Платонов Р. П. Партизанская война: отражение в документах германского вермахта первого года войны // Беларусь у гады Другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць. Мінск, 1995. С. 102–103.
21. Докунова Е. Н. Советские военнопленные на оккупированной территории Беларуси: условия содержания, сопротивление (1941–1944 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук. Минск, 2012. 24 с.
22. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область. Сборник архивных документов и материалов. Минск: НАРБ; М.: Фонд «Историческая память», 2022. 484 с.
23. Хатынские Деревья жизни: документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Центральный архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. Минск: НАРБ, 2015. 430 с.
24. Кулинок С. В. Геноцид мирного населения Беларуси. Преступления вермахта // Архивы. Ничего кроме правды. Минск: Белта, 2023. С. 12.
25. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Т. 3. Минск: Беларусь, 1985. 531 с.
26. Снапковский В. Е. Деятельность Белорусской ССР в ООН по вопросу о выдаче и наказании военных преступников и проблема геноцида белорусского народа // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зборнік навуковых артыкулаў. Вып. 9. ГДУ імя Ф. Скарыны. С. 170–175.
27. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 5 (верасень 1945 г.–1975 г.). Мінск: БелНДІДАС, 2002. 523 с.
28. Расследование уголовного дела о геноциде. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogogo-dela-o-genotside> (дата обращения: 15.09.2025).
29. Закон Республики Беларусь о геноциде белорусского народа от 5 января 2022 г. URL: etalonline.by (дата обращения: 10.09.2025).
30. Историческая память: Великая Победа, добытая единством: сб. материалов Междунар. парламент. конф., Минск, 14–15 июня 2022 г. / Палата представителей Нац. собр. Респ. Беларусь [и др.]; под общ. ред. Л. А. Ананич. Минск: Воен. информ. агентство «Ваяр», 2022. 135 с.

**ВОБРАЗ ГІТЛЕРАЎЦАЎ
У СЦЭНАРЫІ КІНААПОВЕСЦІ К. КРАПІВЫ І М. ЛЫНЬКОВА
«БЕЛАРУСЬ — ЗЯМЛЯ РОДНАЯ»**

П. Я. Конанава

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, p.kononova2@mail.ru*

Выяўляецца значэнне кінасцэнарыяў пасляваеннага перыяду пры вывучэнні гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Складаецца характарыстыка вобразу гітлераўцаў у сцэнарыі беларускіх пісьменнікаў К. Крапівы і М. Лынькова «Беларусь — зямля родная» 1949 г.

Ключавыя словы: сцэнарыі; кінааповесць; Вялікая Айчынная вайна; беларускія пісьменнікі; гітлераўцы; нямецкія акупанты.

**ОБРАЗ ГИТЛЕРОВЦЕВ В СЦЕНАРИИ КИНОПОВЕСТИ
К. КРАПИВЫ И М. ЛЫНЬКОВА
«БЕЛАРУСЬ — ЗЕМЛЯ РОДНАЯ»**

П. Е. Кононова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, p.kononova2@mail.ru*

Определяется значение киносценариев послевоенного периода при изучении истории Великой Отечественной войны. Составляется характеристика образа гитлеровцев в сценарии белорусских писателей К. Крапивы и М. Лынькова «Беларусь — земля родная» 1949 г.

Ключевые слова: сценарий; киноповесть; Великая Отечественная война; белорусские писатели; гитлеровцы; немецкие оккупанты.

**THE IMAGE OF HITLERITES IN THE SCRIPT
OF THE FILM STORY K. KRAPIVA AND M. LYNKOV
«BELARUS – NATIVE LAND»**

P. E. Kononova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, p.kononova2@mail.ru*

Determines the importance of postwar filmscripts in studying the history of the Great Patriotic War. Makes a description of the image of Hitlerites in the script of Belarusian writers K. Krapiva and M. Lynkov “Belarus – native land” 1949.

Keywords: script; film story; the Great Patriotic War; Belarusian writers; Hitlerites; German occupants.

Тэма Вялікай Айчыннай вайны ў беларускам кінамастацтве першага пасляваеннага дзесяцігоддзя займае першаснае і асаблівае месца. У гэты перыяд былі зняты мастацкія фільмы «Новы дом» [7, арк. 40–41] аб жыцці беларускай пасляваеннай вёскі; «Канстанцін Заслонаў» [6, арк. 112], які быў узнагароджаны Сталінскай прэміяй III ступені [7, арк. 154]; дакументальны фільм «Савецкая Беларусь» [9, арк. 155–156]; кіначасопісы, прысвечаныя памятным падзеям вайны [5, арк. 52]. Пісьменнікі БССР у гэты складаны час, калі аднаўлялася ўся беларуская культура, прыцягваліся да напісання тэкстаў для будучых кінатвораў. Кінасцэнарыі пасляваеннага часу як крыніцы маюць каштоўнасць у сувязі з тым, што яны захоўваюць у сабе памяць аб вайне з пункту гледжання простых людзей, паказваюць адносіны народа да нямецкіх захопнікаў, а таксама акцэнтуюць увагу на патрыятызме беларусаў.

Адной з найважнейшых для даследчыкаў праблем Вялікай Айчыннай вайны на сённяшні дзень з'яўляецца рэканструяванне вобразу гітлераўцаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў творах мастацтва, а таксама вывучэнне іх паводзін, адносін да насельніцтва БССР. Паўнаўвартасны агляд і аналіз сцэнарыяў беларускіх пісьменнікаў, якія маюць звесткі пра вобраз нацыстаў у часы Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі БССР, вельмі запатрабаваны. Гэта звязана ў тым ліку і з тым, што архіўная справа № 72 вопісу 47 фонда 4п «Цэнтральны камітэт Камуністычнай партыі бальшавікоў Беларусі» Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, якая змяшчае гэтыя крыніцы праглядалася ў перыяд з 1961–1998 гг. невялікай колькасцю даследчыкаў і не ўведзена цалкам у навуковы абарот [4].

Згодна з архіўнымі дакументамі Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ), а менавіта сцэнарыям кінааповесці М. Лынькова і К. Крапівы «Мсціўцы» 1944 г. [1], можна сцвярджаць, што даследаваны сцэнарыі «Беларусь — зямля родная» 1949 г. з'яўляецца перапрацаваным ці магчыма толькі пераназваным сцэнарыям варыянта, які захаваецца ў БДАМЛМ. З ліста Міністра кінематаграфіі БССР М. Ф. Садковіча ад 17 снежня 1946 г. маюцца звесткі, што пісьменнікі М. Лынькоў і К. Крапіва «не прыступілі да працы па сцэнарыю пра беларускіх партызанаў „Мсціўцы“ спасылаючыся на іх надзвычайную загрузку» [3, арк. 61]. З архіўных крыніц вядома, што напісанне тэксту для фільма даволі працяглы час адкладалася, аб чым піша ў сваёй справаздачы аб вытворчасці кінакарцін ад 1947 г. міністр: «Мяркуючы па тэмпах, у якіх пішацца гэты вельмі важны для нас сцэнарыі, ці наўрад можна чакаць запуску яго ў вытворчасць раней 2 квартала 1948 г.» [2, арк. 151].

Як сведчыць наступны дакумент, кінафільм пад назвай «Беларусь — зямля родная» не быў зняты і да 1951 г.: на пасяджэнні калегіі Міністэрства

кінематаграфіі БССР і Праўлення Саюза Пісьменнікаў БССР ад 11 кастрычніка 1951 г. К. Крапіва заявіў, што ён «зараз не ў сілах працаваць ні над п'есамі, ні над сцэнарыямі», а таксама дадаў, што «ўвогуле з пісьменнікамі размаўлялі не сур'ёзна і не ветліва... гэта забівала ўсякую ахвоту працаваць для кіно» [8, арк. 136].

Сцэнарыі кінааповесці, прысвечаны памяці Героя Савецкага Саюза К. Заслонава, быў адпраўлены Старшыне Савета Міністраў БССР П. К. Панамарэнка 13 чэрвеня 1949 г. з пісьмом К. Крапівы: «Кіруючыся Вашымі ўказаннямі, мы працягвалі працу над сцэнарыям і карэнным чынам яго перарабілі. Дасылаючы Вам гэты другі варыянт, просім Вашай далейшай дапамогі. Які паважае Вас Кандрат Крапіва» [4, арк. 1].

Прааналізаваўшы змест сцэнарыя, можна вызначыць, што перад беларускімі пісьменнікамі была пастаўлена задача адлюстравання ў сцэнарыі подзвіг савецкага чалавека ў Вялікай Айчыннай вайне, яго патрыятызм, а таксама тую атмасферу, у якой змагаліся з гітлераўцамі за краіну простых людзі. Асабліва варта адзначыць, якім чынам К. Крапіва і М. Лынькоў паказвалі нацысцкіх акупантаў. Патрэбна звярнуць увагу на дыялог галоўных герояў: «Не ў адной цябе крыўда на іх... Яны ўсяму народу нашаму смяротную крыўду нанеслі... Нашу зямлю спаганілі... Шыбеніцамі абставілі... На калені нас хочуць паставіць, рабскае ярмо хочуць надзець нам на шыю...» [4, арк. 10].

Наступным эпізодам аўтары прадэманстравалі страх маладых людзей перад акупантамі ў штодзённым жыцці: «Па вуліцы вёскі Ліпнякі ідзе Надзя... За сабой яна чуе надыходзячы шум матораў. Надзя азірнулася. Паспешна захутала хусткай твар па самыя вочы. Нахілілася, стараючыся быць падобнай на старую... З машын саскокваюць салдаты. Тупаюць, махаюць рукамі — грэюцца. Старой хадой паспешліва праходзіць міма іх Надзя...» [4, арк. 16].

Каб паказаць савецкаму глядачу непрыстойныя паводзіны гітлераўцаў на беларускай зямлі, пісьменнікі ўключылі ў сцэнарыі адпаведную сцэну: «Нямецкія салдаты разышліся па вёсцы. Адны заходзяць у хаты, іншыя выходзяць, несучы ў руках крынкі з малаком, акрайцы хлеба. Адзін, выйшаўшы з хаты, нацягвае паверх шыняля новы кажухок. Два салдаты цягнуць з хлява цялушку, завязаўшы ёй на шыю паясны рэмень. Абняўшы цялушку, галасіць, забіваецца, як над нябожчыкам, проставалосая жанчына. Цёлка ўпіраецца, не ідзе. Салдат ударае жанчыну прыкладам. Тая падае на снег» [4, арк. 16–17].

На падставе вышэйпададзеных эпізодаў у сцэнарыі «Беларусь — зямля родная», можна сцвярджаць, што К. Крапіва і М. Лынькоў паказваюць нямецкіх акупантаў як гвалтаўнікоў і рабаўнікоў, якія прысвойвалі сабе маёмасць простага чалавека — ад ежы да жывёл.

Патрыятызм звычайнага селяніна, яго «святое стаўленне да сімвалаў савецкай улады» выяўлены ў сюжэтнай лініі карціны, калі немцы зайшлі ў беларускую хату: «Салдат падыходзіць да печкі і адчыняе засланку. Бярэ вілкі і выцягвае невялікі чыгун. Ухапіўшы гарачы гаршчок у падлогі шыняля, ён вылівае суп на падлогу і запуская ў гаршчок брудную руку. Выцягвае кавалак мяса. Яно гарачае. Салдат кідае мяса на лаву, махае ў паветры рукой і дзьме на пальцы. Шарыць вачыма па хаце. Вочы яго спыняюцца на беласнежным вышываным ручніку, які вісіць на абразе з выявай Хрыста Выратавальніка. Салдат падышоў, ірвануў ручнік. Абраз упаў на падлогу... Калі за немцамі зачыніліся дзверы, Ганна падышла да абразу, які ляжаў на падлозе. Падняла адзін ліст і перавярнуўшы, паклала выяву Хрыста Выратавальніка на стол. Перавярнула іншы ліст. Гэта партрэт Леніна... Узняўшы хустку, Ганна пачала клапатліва здымаць з партрэта пыл і павуцінне» [4, арк. 18].

Наступны сюжэт сцэнарыя быў закліканы паказаць глядачам несправядлівасць і рознае сацыяльнае становішча беларусаў і немцаў, якія ва ўмовах вайны знаходзіліся ў дастатку і не адчувалі недахопу ў харчаванні: «Рэдкі стары лес. Вялізныя векавыя хвоі. На абочыне дарогі стаіць легкая машына... Пад хвой у цені на разасланым дыванку сядзяць палкоўнік Гаккель і капітан Тодлер. На сурвэтцы — смажаная курыца, галандскі сыр, слоічак з маслам, кансервы, белы хлеб, бутэлька віна — афіцэры закусваюць» [4, арк. 79].

Асабліваю каштоўнасць для даследаванняў персаналій Вялікай Айчыннай вайны мае прадстаўлены ў сцэнарыі вобраз генеральнага камісара Генеральнай акругі «Беларусь» В. Кубэ. Упершыню ў сцэнарыі нямецкі дзеяч апісваецца наступным чынам: «На плошчы Мінска перад трыбунай нямецкія войскі. На трыбуне гаўляйтар Вільгельм Кубэ, камандзір дывізіі — генерал, некалькі вайскоўцаў...» [4, арк. 33].

Ён у сваю чаргу звяртаецца да сваіх салдат: «Салдаты! Нашы войскі ваююць пад Масквой... Тыдзень, іншы — і велізарная Расія будзе ў вашых ног! Вас чакае здабыча і слава! Вас чакае цудоўная будучыня! Яна ў вашых руках, непераможныя ваяры вялікай Германіі! Яшчэ адзін высілак, яшчэ націск — і перамога за вамі... Мы пераможам! Так сказаў фюрар! Так хоча фюрар!..» [4, арк. 33].

Безумоўна, пісьменнікі таксама імкнуліся паказаць гаўляйтара як зверскага, нечалавечага ворага, што ў сцэнарыі кінааповесці пацвярджаецца наступнай фразай, сказанай В. Кубэ генералу: «Спраў, вядома, шмат... Некалі адпачыць... Адзіная забаўка... — фон Кубэ пакасіўся на шэраг шыбеніц на краі плошчы, — гэта тэатр... Пішу вось п'есу: „Звергнутая Масква“...» [4, арк. 33–34].

У кантэксце падзей, звязаных з гістарычнай асобай В. Кубэ, у сцэнарыі як адна з герояў сустракаецца пакаёўка па імені Вера, якая з вялікай верагоднасцю з'яўляецца прататыпам сапраўднай пакаёўкі генеральнага камісара акругі «Беларусь», Героя Савецкага Саюза А. Р. Мазанік: «У акно дома глядзіць на плошчу дзяўчына. На ёй белая хустка, белы фартух пакаёўкі. Вера з нудой углядаецца ў чараду арыштаваных, якіх вядуць праз плошчу...» [4, арк. 35].

Даволі яскравым момантам з'яўляецца адлюстраванне ў кінасцэнарыі К. Крапівы і М. Лынькова знакамітай гістарычнай падзеі падрыву бомбай генеральнага камісара ў яго пасцелі: «Ноч. Спальня Кубэ. Кубэ спіць, па плечы накрываюцца коўдрай... У начной цішыні выразна аддаюцца крокі вартавога. Вартавы з вінтоўкай у руках уваходзіць у кадр... Грукат выбуху. Вартавы закрывае рот, лягнуўшы зубамі. На сярэдзіне вуліцы асколкі рам і падвакоўніка, вырваныя выбухам. З аконнага праёму ідзе дым» [4, арк. 76–77].

Сцэнарысты ўвасобілі ў творы і працэс арганізацыі падрыву: «Вера ў спальні Кубэ здымае з падушак навалачкі, кідае на падлогу, апрачае чыстыя. Рукі яе дрыжаць. Падыходзіць да дзвярэй, прыслухоўваецца. Выглядае за дзверы. Прычыніўшы дзверы, вяртаецца да ложка. Вымае з-за пазухі невялікую міну. Паварочвае рычажок. Стрэлка супраць лічбы 12. Вера лезе пад ложак і закладвае міну за спружыну матраца...» [4, арк. 74].

Яшчэ аднім своеасаблівым і важным пры вивучэнні моманту прыстасавання гітлераўцаў да геаграфічных рэалій беларускай зямлі, а менавіта балот, з'яўляецца наступны эпізод: «Карнікі прыціснуты да Гнілой рэчкі. Некаторыя кідаюць зброю і паднімаюць рукі. Іншыя спрабуюць выратавацца ў чароце. Яны залазяць у балота. Няўмела скачуць па купінах, зрываюцца, боўтаюцца ў балоце, губляюць зброю... Немец з аўтаматам — на рукаве чэрап, і скрыжаваныя косці — прабіраецца па чароту, правальваючыся па калена... Дарэмныя яго спробы выбрацца. Балота паглынула яго па пояс, па плечы, па шыю. Бачная ўжо толькі рука з чэрапам на рукаве, сутаргава сціскаючы аўтамат» [4, арк. 80–81].

Беларускія пісьменнікі ў сцэнарыі кінакарціны часта акцэнтавалі ўвагу на пачуццях і паводзінах простага чалавека, падкрэсліваючы яго нянавісць да акупантаў: «Рухаецца машына з прывязанымі да яе Гаккелем і Тодлерам... За машынай — група палонных карнікаў у акружэнні партызанскага канвою... Раз'юшаны натоўп, які адціскаецца канвоем, суправаджае гэтае шэсце. Жанчыны спрабуюць прарвацца праз канвой, каб дабрацца да ненавісных ім фашысцкіх морд, праклінаюць, сціскаюць кулак, плююць у іх. Жанчына з дзіцём <...> адной рукой прыціскае да сябе дзіця, іншай хапае камякі зямлі і кідае іх у Тодлера. Старая, якая паўзла

разам з дзяўчынкай, з праклёнамі замахваецца на гітлераўцаў букавай палкай. Нават дзеці хапаюць ручкамі пясок з дарогі і кідаюць яго ў немцаў» [4, арк. 82].

Такім чынам, кінасцэнарыі пасляваеннага перыяду маюць каштоўнасць у сувязі з тым, што яны дазваляюць убачыць падзеі перыяду Вялікай Айчыннай вайны вачыма найлепшых беларускіх пісьменнікаў. Сцэнарыі кінааповесці «Беларусь — зямля родная» К. Крапівы і М. Лынькова прадстаўляе інтарэс для даследчыкаў розных аспектаў вайны з прычыны таго, што ён рэканструюе вобраз гітлераўцаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі з пункту гледжання акупіраваных. Так, сцэнарысты выявілі ў сваім сцэнарыі немцаў як гвалтаўнікоў і рабаўнікоў, паказалі іх паводзіны ў адносінах да мясцовага насельніцтва. Акрамя гэтага, К. Крапіва і М. Лынькоў прадэманстравалі гістарычныя рэаліі вайны, уключыўшы ў сюжэт прататыпы рэальных асоб на прыкладзе гаўляйтара В. Кубэ і Героя Савецкага Саюза А. Р. Мазанік, а таксама геаграфічныя ўмовы беларускай зямлі, якія пасадзейнічалі гераічнай перамозе савецкага народа.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. URL: <https://bdamlm.by/ru/vystavi/virtualnyya-vystavi/letapisets-vekapomnykh-dzjon/mikhas-lynkou/item/3094-stsenaryj-kinaapovestsi-m-lynkova-i-k-krapivy-mstiteli-spis-dzejnykh-asobau-autograf-m-lynkova-1944-g> (дата обращения: 28.08.2025).
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Воп. 47. Спр. 143.
3. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 47. Спр. 158.
4. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 47. Спр. 267.
5. НАРБ. Ф. 791. Воп. 1. Спр. 7.
6. НАРБ. Ф. 791. Воп. 1. Спр. 28.
7. НАРБ. Ф. 791. Воп. 1. Спр. 36.
8. НАРБ. Ф. 791. Воп. 1. Спр. 43.
9. НАРБ. Ф. 791. Воп. 1. Спр. 70.

ИНЖЕНЕРНО-АВИАЦИОННАЯ СЛУЖБА ГРАЖДАНСКОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е. Л. Кохановский

*УО «Белорусская государственная академия авиации»,
ул. Уборевича, 77, 220096, г. Минск, Республика Беларусь, z.kokhanovskiy@mail.ru*

В работе рассмотрена роль инженерно-технического состава по обеспечению полетов самолетов гражданского воздушного флота на фронтах Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Гражданский воздушный флот; инженерно-технический состав; авиагруппа; авиационный полк; авиационная дивизия.

ENGINEERING AND AVIATION SERVICE OF THE CIVIL AIR FLEET DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

E. L. Kokhanovsky

*Belarusian State Aviation Academy,
77 Uborevicha Street, 220096 Minsk, Republic of Belarus, z.kokhanovskiy@mail.ru*

The paper examines the role of the engineering and technical staff in supporting the operations of the civil air fleet aircraft on the fronts of the Great Patriotic War.

Keywords: Civil air fleet; engineering and technical staff; aviation group; aviation regiment; aviation division.

С началом Великой Отечественной войны инженерно-технический состав (ИТС) гражданского воздушного флота (ГВФ) столкнулся с целым рядом проблем, не характерных для условий мирного времени, к которым можно отнести следующие: необходимость восстановления самолетов, поврежденных огнем противника; быстрая смена площадок или аэродромов, подвергшихся бомбардировке противника; необходимость эвакуации неисправной техники под огнем противника; переоборудование самолетов под условия военного времени. Выполнение вышеперечисленных задач значительно усложняло то обстоятельство, что в условиях модернизации авиационной промышленности, которая ускоренными темпами проводилась перед войной, не был решен вопрос о стандартизации узлов и деталей для авиационной техники и, как следствие, замена агрегатов и узлов с одного типа самолетов на другой была затруднена. Однако в суровых условиях весь ИТС ГВФ, проявив свои лучшие качества и волю, смог наладить модернизацию и восстановление неисправной авиационной техники, что способствовало достижению общего успеха.

Подготовка квалифицированных специалистов для нужд гражданской авиации в довоенное время была организована в Московском высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана, переподготовка — на базе Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. Кроме этого, подготовка инженеров ГВФ была налажена на факультете воздушных сообщений Ленинградского института инженеров путей сообщения, Киевском политехническом и Харьковском технологическом институтах. Техников готовили Московская, Ленинградская, Качинская, Борисоглебская и Вольская авиационные школы. Все выпускники зачислялись в резерв военно-воздушных сил (ВВС). Во второй половине 1940—начале 1941 г., ввиду расширения авиационного производства, руководством страны были приняты меры по ускоренной подготовке авиационных специалистов за счет старших курсов необоронных вузов.

Наиболее сложной операцией в условиях военного времени для ИТС являлся ремонт. В начальный период Великой Отечественной войны среднегодовой процент исправности самолетов был не более 80 %, что было обусловлено большим количеством боевых повреждений от огня противника и отсутствием материалов и запасных частей.

Ремонтные работы проводились на четырех организационных уровнях:

- собственными подвижными авиаремонтными мастерскими (ПАРМ);
- на авиаремонтных базах ГВФ;
- авиаремонтными мастерскими боевой авиации;
- заводами Народного Комиссариата авиационной промышленности.

Роль подвижных авиаремонтных мастерских, которые включали подвижное средство с набором станков и группу специалистов по определенной специальности, в деле восстановления авиационной техники была исключительно высокой, особенно с продвижения частей ГВФ на запад. Сказывалось удаление от стационарных ремонтных баз ГВФ, и, как следствие, дополнительные трудности, связанные с перегонкой самолетов и транспортировкой моторов. В связи с этим практически во всех частях ГВФ проведение среднего ремонта было организовано в ПАРМах. Наиболее производственные из них числились в штатах 87, 62 и 105 отдельных авиационных полков ГВФ.

За время войны инженерно-техническим составом ГВФ в прифронтовой полосе было подобрано и восстановлено 169 самолетов различных типов. Только силами ИТС 120 Гвардейского авиационного полка (ГвАП) в период 1941—1943 гг. было восстановлено 40 самолетов из них: Р-5 — 23 ед., У-2 — 14 ед., С-П — 2 ед., С-3 — 1 ед.

Силами ИТС 120 ГвАП в период 1941—1943 гг. было выполнено 770 ремонтов: 236 полевых, 112 капитально-восстановительных, 90 средних, 68 профилактических, 264 частичных работ. Отремонтировано 262 мотора [1].

Высокую производительность труда показали работники ПАРМ 105 ГвАП. За время войны коллективом было восстановлено 108 самолетов По-2 и 267 прошли текущий ремонт [2].

Кроме этого, мастерскими успешно решались задачи по переоборудованию самолетов. Так силами мастерских и технического состава эскадрилий для выполнения ночных бомбардировок на самолетах По-2 были выполнены работы по электрификации с установкой бомбодержателей для выполнения ночного бомбометания.

Активно действовали бригады ПАРМ и в прифронтовой полосе. Личный состав мастерских производил подбор поврежденных самолетов на передней линии фронта, в последующем восстанавливал их и передавал в полки. Благодаря этому только в 120 ГвАП появилось 30 самолетов.

В 120 ГвАП ГВФ за счет внедрения рационализаторского предложения инженера полка инженера-майора Познякова была увеличена дальность полета самолетов По-2 до 6 часов.

В 105 и 40 полках с целью безопасного полета ночью в тыл противника были смонтированы и установлены специальные пламегасители.

Гвардии старшим лейтенантом И. М. Масшиным был выработан порядок действий по подвеске 100 килограммовой бомбы одним специалистом. Опыт немедленно был распространен по эскадрильям.

Знаковым событием для ремонтных органов было изменение их подчиненности. С 8 декабря 1942 г. подвижные авиаремонтные мастерские подчинялись командирам дивизий и полков ГВФ. Авиаремонтные мастерские, расположенные в Москве, Новороссийске и Иркутске были преобразованы в авиаремонтные базы (АРБ), получив собственные номера, как и все ПАРМ. Например, в интересах 120 ГвАП ГВФ работали 93 батальон аэродромного обслуживания (БАО) и 74 ПАРМ, в интересах 105 ГвАП — 97 БАО и 72 ПАРМ, а 92 БАО и 73 ПАРМ обеспечивали 62 ГвАП.

Таким образом к 1944 г. капитальный и восстановительный ремонт самолетов и моторов выполняли 8 АРБ, 12 фронтовых ПАРМ и 17 линейных мастерских [3].

Для ИТС авиационных эскадрилий (ранее отрядах) основной формой технического обслуживания являлось закрепление самолета за техником или мотористом. Регламентированное обслуживание в зависимости от налета — методом работы. В случае выполнения других работ с целью максимального увеличения готовности самолета привлекался дополнительный технический состав.

Всенародной была партизанская борьба на временно оккупированной противником территории. Особенности базирования партизан, а чаще всего это была болотисто-лесистая местность, создавало большие проблемы для

доставки грузов и вывоза раненых. В связи с чем каждое фронтовое подразделение ГВФ имело в партизанских отрядах своего представителя. В его обязанности входило руководство поиском и подготовкой посадочных площадок с последующим приемом и выпуском самолетов. Такими работами в 120 ГвАП ГВФ занимался инженер эскадрильи Потылов, в 62 ГвАП ГВФ старший лейтенант Платонов.

Таким образом, усилиями партизан, местного населения и ИТС ГВФ в тылу противника была создана аэродромная сеть, отвечающая всем требованиям наставления по аэродромной службе.

Активно перенимался и зарубежный опыт технического обслуживания самолетов. ИТС 1-й перегоночной дивизии, входившей в структуру Главного управления ГВФ и занимавшееся перегонкой самолетов, поставляемых в СССР по ленд-лизу, в ряде случаев был вынужден принимать решения на месте, используя свой опыт эксплуатации перегоняемых самолетов или указания военной приемки ВВС в США.

Объемные задачи в период войны решал и коллектив ремонтно-технического управления. Решению возложенных задач мешало то, что значительная часть авиапредприятий в начале войны была передана в ВВС и Наркомату авиационной промышленности. Предприятия, расположенные в Москве, Киеве, Ленинграде и Харькове были эвакуированы на восток страны и определенное время не могли функционировать. Вследствие чего к 1942 г. Аэрофлот располагал только половиной своих ремонтных мощностей [4].

Большая ответственность в вопросах восстановления авиационной техники была возложена на аэропорт Внуково. Специалисты предприятия ежедневно занимались восстановлением поврежденных на фронте самолетов. Кроме этого, под руководством опытных инженеров осуществлялось их переоборудование.

По мере продолжения боевых действий был организован ремонт самолетов и моторов в Казани и Свердловске, на предприятиях Актюбинска и Иркутска в первом полугодии 1942 г. объем выполненных работ увеличился в 2 раза, в сравнении с тем же периодом 1941 г., а в Алма-Ате — в 4 раза. Усилиями личного состава всех авиаремонтных предприятий за годы войны был выполнен ремонт 5481 самолета и 13 808 двигателей [5].

В процессе приобретенного опыта работ по восстановлению и реорганизационных преобразований к 1945 г. среднегодовая исправность самолетного парка составляла 93,7 %.

Таким образом, можно констатировать, что инженерно-авиационная служба ГВФ в годы Великой Отечественной войны успешно справилась с основной задачей — обеспечением боевой работы частей и подразделений ГВФ исправным самолетно-моторным парком.

Совершенствовавшиеся на протяжении всей войны навыки, позволили осуществлять ИТС разведку и определение места для аэродромов, с последующим перебазированием на них личного состава, что значительно широко обеспечивало аэродромный маневр и непрерывность работы частей и подразделений ГВФ в условиях меняющейся обстановки.

Библиографические ссылки

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9527. Оп. 11. Д. 10. Л. 16–18.
2. *Филатов И. А., Драговоз П. К.* Мирные крылья в годы войны. М.: Воздушный транспорт, 1995. 442 с.
3. РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 1874. Л. 1.
4. *Соболев Д. А.* Хроника советской гражданской авиации. 1941–1960 гг. Москва: Фонд «Русские Витязи». 2020. 352 с.
5. РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 1909. Л. 13.

ЛИЧНЫЕ ДЕЛА ПАРТИЗАН БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МИНСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ (1941–1942)

А. М. Лукашевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, lukashevand@mail.ru*

В статье анализируются личные партизан Беларуси из Национального архива Республики Беларусь, опубликованные в рамках спецпроекта Издательского дома «Беларусь сегодня» «Partizany.by», как источник по истории Минского антифашистского подполья (1941–1942). Выделяются две группы личных дел — военнослужащих Красной армии, оказавшихся в окружении (В. И. Ничипорович, В. М. Айрапетов, Б. Г. Бывалый, Т. Ф. Кудинов и др.), а также партийных деятелей, оставленных на оккупированной территории для организации партизанской борьбы (Н. П. Покровский и др.). Отмечается, что наиболее ценными документами являются автобиографии, объяснительные и докладные записки партизан, в которых раскрывались обстоятельства перехода к подпольной и партизанской борьбе, а также их личное участие в создании и деятельности Минского антифашистского подполья в конце 1941–начале 1942 г.

Ключевые слова: Минское антифашистское подполье; В. И. Ничипорович; В. М. Айрапетов; Н. П. Покровский; Минская область.

PERSONAL FILES OF BELARUSIAN PARTISANS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE MINSK ANTI-FASCIST UNDERGROUND (1941–1942)

A. M. Lukashevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, lukashevand@mail.ru*

The article analyzes the personal files of Belarusian partisans from the National Archives of the Republic of Belarus, published as part of the special project “Partizany.by” by the publishing house “Belarus Today”, as a source on the history of the Minsk anti-fascist underground (1941–1942). Two groups of personal files are distinguished: those of Red Army soldiers who found themselves encircled (V. I. Nichiporovich, V. M. Airapetov, B. G. Byvalyi, T. F. Kunidov, etc.), and those of party officials left behind in the occupied territory to organize partisan resistance (N. P. Pokrovsky, etc.). It is noted that the most valuable documents are the autobiographies, explanatory notes, and reports of the partisans, which reveal the circumstances of their transition to underground and partisan warfare, as well as their personal participation in the creation and activities of the Minsk anti-fascist underground in late 1941 and early 1942.

Keywords: Minsk anti-fascist underground; V. I. Nichiporovich; V. M. Airapetov; N. P. Pokrovsky; Minsk Region.

В историографии Великой Отечественной войны история Минского антифашистского подполья остается одной из наиболее сложных и драматичных страниц. Долгое время ее изучение было затруднено идеологическими

штампами и последствиями ложных обвинений в адрес его участников. Кардинально новый взгляд на эти события стал возможен благодаря введению в научный оборот комплекса документов личного происхождения, хранящихся в фонде 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) Национального архива Республики Беларусь (НАРБ). Особую ценность представляют личные дела участников партизанского движения, оцифрованные и опубликованные в рамках совместного спецпроекта Издательского дома «Беларусь сегодня» и НАРБ «Partizany.by» [1]. Эти материалы позволяют не только проследить боевой путь отдельных людей, но и проанализировать ключевые процессы становления организованного сопротивления в оккупированной столице БССР.

В общем массиве рассматриваемых документов можно выделить две основные группы, характеризующие разные пути попадания в подполье. Первую группу составляют личные дела военнослужащих Красной армии, оказавшихся летом 1941 г. в окружении и оставшихся на оккупированной территории. К их числу относились полковник Владимир Иванович Ничипорович (Нечипорович, Ничипурович), бывший командир 208-й стрелковой дивизии [2], полковник-пограничник Ваагн Мартиросович Айрапетов [3], батальонный комиссар Борис Григорьевич Бывалый [4] и капитан Терентий Федорович Кудинов [5]. Вторую группу формируют дела партийных работников, целенаправленно оставленных для организации подполья, таких как секретарь Руденского подпольного райкома КП(б)Б Николай Прокофьевич Покровский [6].

Наиболее информативными являются автобиографии, объяснительные и докладные записки, написанные участниками событий в 1942–1944 гг. по запросам Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) или в ходе партийных проверок. Эти документы создавались «по горячим следам», что, с одной стороны, обеспечивает высокую степень достоверности в описании фактов, а с другой — отражает субъективное восприятие и сложные взаимоотношения между лидерами подполья. В целом, критический анализ и перекрестная проверка показаний из разных дел позволяют реконструировать целостную картину событий.

Становление подполья. Личные дела ярко иллюстрируют первоначально стихийный характер возникновения сопротивления в оккупированном Минске. Военнослужащие, оказавшиеся в окружении, вынуждены были скрываться, искать контакты и создавать ячейки самостоятельно. В своей объяснительной записке осенью 1942 г. в Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) батальонный комиссар Б. Г. Бывалый так описывал этот процесс: «Я постепенно знакомился с целым рядом коммунистов и командиров, которые находились в таком же положении, как и я. Мною

была организована боевая группа командиров, которая занималась мелкими диверсионными и террористическими актами. Позже я познакомился с полковником т. Нечипоровичем В. И. (у которого также была группа комсостава) и мы решили искать партизанский отряд и выходить в лес» [4].

Это свидетельство опровергает версию о быстро созданной централизованной структуре и показывает, что подполье росло снизу, путем объединения разрозненных групп. Аналогичный путь прошел и полковник-пограничник В. М. Айрапетов. Согласно его автобиографии, написанной в ноябре 1942 г. в московском госпитале, после выхода из окружения летом 1941 г. он раненый скрывался у местных жителей, а «с февраля 1942 года являлся членом подпольной организации г. Минска», действуя под псевдонимом «Георгий Арутюнович Акопян» [3; 7, с. 37].

Близкие по содержанию сведения, представлены и в деле В. И. Ничипоровича. Они проливают свет на деятельность одной из первых и крупнейших структур минского сопротивления — Военного совета партизанского движения (ВСПД). Не имея возможности пробиться за линию фронта, он, по собственным словам, в сентябре 1941 г. «с небольшой группой командиров пробрался в Узденские леса и перешел к активным партизанским действиям» [2].

Документы из личного дела В. И. Ничипоровича свидетельствуют о масштабах работы совета по координации отрядов, снабжению их оружием, медикаментами и пропагандистскими материалами. Так, в докладной записке Военному совету Западного фронта от 2 июля 1942 г. он отмечал: «К концу 1941 г. в окрестностях Минска действовало 20 небольших отрядов, которые находились на связи с Военным советом» [2]. Это опровергает представления о полной изоляции первых партизанских отрядов и подчеркивает системный характер поддержки из города.

Механизм пополнения отрядов и взаимоотношения партизан. Одной из ключевых задач Минского антифашистского подполья была отправка людей в партизанские отряды. Личные дела содержат детальные описания этого опасного процесса. Яркой иллюстрацией служит история прибытия группы В. И. Ничипоровича в отряд Н. П. Покровского, который действовал в Пуховичском районе Минской области.

В своей докладной записке в ЦК КП(б)Б (осень 1942 г.) Н. П. Покровский детально изложил обстоятельства этого события: «В декабре 1941 г. <...> в лагерь отряда был приведен полковник Ничипорович. <...> Ничипорович стал просить меня принять в отряд, хотя бы его лично. Я дал согласие на прием его и группы командного состава, которым угрожал со слов Ничипоровича арест. 24.XII-41 г. Ничипорович, батальонный

комиссар Иванов, капитан Кудинов, лейтенант Никитин были вывезены из Минска <...>. С прибытием Ничипоровича 24.XII я предложил ему быть начальником штаба отряда, на что Ничипорович согласился» [6].

Этот фрагмент не только подтверждает факт взаимодействия городского подполья и партизанских отрядов, но и указывает на существование налаженных каналов связи и транспортировки. Батальонный комиссар Б. Г. Бывалый в своих объяснениях уточняет, что организовать выезд помогла «коммунистка т. Голубовская Надежда» [4]. Это свидетельствует о вовлеченности в подпольную работу местных жителей.

Личные дела не замалчивают и сложные, конфликтные стороны партизанской действительности. Докладная записка Н. П. Покровского является ценнейшим источником по изучению взаимоотношений между кадровыми военными-окруженцами и местными партийными руководителями, что крайне важно для понимания внутренней динамики сопротивления [6].

Вот как будущий Герой Советского Союза описывал решение об объединении (путем слияния) отрядов Н. П. Покровского и офицера госбезопасности А. Д. Сергеева в отряд под командованием В. И. Ничипоровича: «Двойственное руководство мешало подчас проводить более эффективные меры в тылу противника и поэтому я начал уговаривать Сергеева объединить отряды в один. На что он согласился. Учитывая долголетнюю службу в РККА Ничипоровича, мы с Сергеевым решили в интересах дела предложить командование объединенным отрядом Ничипоровичу. Он, конечно, с радостью согласился» [6].

Новый отряд впоследствии получил наименование 208-й партизанский отряд имени И. В. Сталина. «В январе и феврале в отряд прибыли майор Горностаев, бат[альонный] комиссар Бывалый, политрук Бочаров, в конце февраля полковник Айэропетов и другие <...>, — сообщал Н. П. Покровский осенью 1942 г. в ЦК КП(б)Б. — Они были связаны между собой тем, что скрывались с Минске у жен командного состава, которые их кормили и между собой перезнакомили» [6].

Однако через несколько месяцев на руководящие должности в отряде В. И. Ничипорович назначил кадровых офицеров-окруженцев, что вызвало ропот среди бойцов отряда Н. П. Покровского. Этот конфликт между «военными» и «партийными» был типичен для многих партизанских формирований и серьезно влиял на их боеспособность. В конечном итоге он привел к разделению отряда: часть бойцов во главе с Н. П. Покровским выделилась в отдельный отряд «Белорусь» [6].

Трагедия подполья. Наиболее драматичные страницы документов связаны с разгромом подполья весной 1942 г. и последующими необоснованными репрессиями против его уцелевших участников. И хотя об этом умалчивается в опубликованных документах, личные дела являются

главным доказательством несправедливости обвинений в отношении некоторых участников подполья в сотрудничестве с оккупантами. Так, В. М. Айрапетов, несмотря на ранение и эвакуацию в Москву, был арестован в мае 1943 г. и осужден как «социально опасный элемент» [7, с. 45]. В свою очередь, В. И. Ничипорович умер в Бутырской тюрьме в начале 1945 г., находясь под следствием [7, с. 44].

В целом, реабилитация участников Минского антифашистского подполья стала возможной лишь благодаря пересмотру многих архивных дел. При этом сохранившиеся в личных делах документы — автобиографии, докладные записки, воспоминания сослуживцев, наградные листы — впоследствии позволили восстановить историческую правду. В частности, постановление об отмене приговора В. М. Айрапетову было вынесено в 1952 г. «за отсутствием состава преступления» [7, с. 45]. Иные участники антифашистского подполья дожидались своей реабилитации не один десяток лет.

Таким образом, личные дела партизан, хранящиеся в НАРБ и доступные на сайте проекта «Partizany.by», служат незаменимым источником для реконструкции истории Минского антифашистского подполья. Они позволяют услышать голоса непосредственных участников событий, понять механизмы консолидации разрозненных групп, оценить масштабы деятельности ВСПД и причины внутренних конфликтов. Анализ этих документов, несмотря на необходимость их перепроверки, дает возможность увидеть историю подполья не как застывшую схему, а как живой, сложный и многогранный процесс, полный драматизма и героизма.

Библиографические ссылки

1. Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Ничипурович Владимир Иванович // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/179733> (дата обращения: 10.03.2024).
3. Айрапетов Ваак Мартиросович // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/209297> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Бывалый Борис Григорьевич // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/112782> (дата обращения: 10.03.2024).
5. Кудинов Терентий Федорович // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/23737> (дата обращения: 10.03.2024).
6. Покровский Николай Прокофьевич // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/25072> (дата обращения: 10.03.2024).
7. Лукашевич А. М. Офицер-пограничник, подпольщик и партизан Беларуси Ваагн Мартиросович Айрапетов (1901–1964) // Граница и пограничье. 2024. № 1. С. 31–47.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА БЕЛАРУСИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Т. В. Прохорчик

*Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65,
220013, г. Минск, Беларусь, alextatpr@yandex.ru*

В статье рассматривается антифашистское агитационно-пропагандистское искусство Беларуси 1941–1944 гг. как историко-художественное явление в контексте советского искусства. В центре внимания газета-плакат «Раздавим фашистскую гадину», сатирический листок «Партизанская дубинка» и партизанские журналы.

Ключевые слова: агитационно-пропагандистское искусство; газета-плакат «Раздавим фашистскую гадину»; сатирический листок «Партизанская дубинка»; партизанский журнал.

BELARUSIAN FINE PUBLICISM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A UNIQUE PHENOMENON IN THE CONTEXT OF SOVIET ART

T. Prokharchik

*Belarusian National Technical University, Niezaliežnasci Avenue, 65, 220013, Minsk,
Republic of Belarus, alextatpr@yandex.ru*

The article examines the anti-fascist agitational and propaganda art of Belarus from 1941–1944 as a historical and artistic phenomenon in the context of Soviet art. The focus is on the poster-newspaper “Let's Crush the Fascist Reptile”, the satirical leaflet “The Partisan Cudgel”, and partisan magazines.

Keywords: agitational and propaganda art; poster-newspaper “Let's Crush the Fascist Reptile”; satirical leaflet “The Partisan Cudgel”; partisan magazine.

Агитационное искусство всегда имело большое влияние на общественное мнение, в значительной степени формируя его. Эта роль очень усилилась в годы Великой Отечественной войны. При помощи точных и выразительных художественных образов, созданных И. Тоидзе («Родина-Мать зовёт»), Кукрыниксами («Беспощадно разгромим и уничтожим врага») и многими другими, посылался мощный агитационный заряд, который должен был вдохновлять советских людей на труд и подвиги во имя Победы.

Советское агитационно-изобразительное искусство, которое ведёт свой отсчёт от «Окон сатиры РОСТА» времён Гражданской войны, в годы ВОВ было представлено, кроме отдельных плакатов, «Окнами ТАСС», сериями плакатов («Слава героям Отечественной войны — Издательство «Искусство», «Герои и подвиги» — Госкиноиздат, «Боевой карандаш» — Ленинградского отделения Союза советских художников,

сатирического обозрения «Бъём» — политического руководства дивизии военно-морского флота (Кронштадт), газетно-журнальной графикой центральной, фронтовой, подпольной и партизанской печати.

Центральное место в агитационно-изобразительном искусстве Беларуси периода ВОВ принадлежит газете-плакату «Раздавим фашистскую гадину» («РФГ») и сатирическому листку «Партизанская дубинка» («ПД»). С этими изданиями активно сотрудничали как белорусские художники — И. Ахремчик, В. Букатый, Д. Красильников... так и целый ряд российских художников Л. Бродатый, Г. Вальк, Б. Ефимов.

Первый номер «РФГ» вышел в самом начале войны — в июле 1941 г. Это издание начало выходить на русском языке при штабе Центрального фронта, который находился тогда в Гомеле, являясь агитплакатом газеты «Звезда». С 1942 г. «РФГ» выходит в Москве на белорусском языке и относится к газете «Советская Беларусь». С июля 1942 г. это издание является газетой-плакатом отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б. А с июля 1944 г. «РФГ» возвращается в Беларусь — в Минск, где и выходило до конца войны. За июль 1941–май 1945 г. вышло около 150 номеров (периодичностью примерно раз в неделю).

Место издания во многом обусловило внешний вид «РФГ», который за время войны значительно менялся — от одностраничных монохромных до двух-, четырёхстраничных цветных номеров. Изменение внешнего вида «РФГ» обусловлено как качеством полиграфии, так и составом творческого коллектива, который работал над очередным номером. На протяжении всего 1941 г., когда агитплакат выходил на оккупированной врагом территории Беларуси, на его страницах представлены рисунки Виталия Букатого, Веры Козак, а также неизвестных самодеятельных авторов, имена которых скрывались за криптонимами. А уже с 1942 по 1945 г. (в связи с изданием «РФГ» в Москве, а потом и в освобождённом Минске), с газетой плакатом начали сотрудничать высококлассные художники, как белорусские, так и российские.

«РФГ» выполняло исключительно агитационную функцию. На страницах этого издания печатались цитаты из речей вождей, изречения известных исторических деятелей.

В большинстве номеров «РФГ» над текстовой частью преобладает иллюстративная. На размерах от 172×249 [1] до 330×580 [2] размещалось от 5 [3] до 14 рисунков [4]. Причём их размеры варьировались от 37×51 [4, с. 3] до 265×328 [2]. Иерархия жанров на страницах «РФГ» выглядит следующим образом: комикс (не менее 156 серий — 479 рисунков), батальные рисунки сатирического содержания (около 169), политическая карикатура (приблизительно 140 произведений), плакат (не менее 90),

батальный жанр (около 86 композиций), аллегорические рисунки сатирического содержания (приблизительно 68), бытовой жанр (не менее 33 произведений), портрет (15 единиц).

На страницах «РФГ» преобладают серии рисунков, объединённых общим содержанием, с поясняющим текстом. Эта группа графических произведений хорошо подходит под название «комикс». «Классический газетный комикс состоит из четырёх или шести рисунков, связанных единством времени и действия повторяющихся героев. В пределах ограниченного пространства всякий раз происходит завязка и кульминация события, которое парадоксальным образом сохраняет «открытый конец» (бесконечное продолжение следует)» [5, с. 433].

Исходя из того, что рассказ в рисунках — это устойчивое, имеющее свои корни и не теряющее актуальности художественное явление, его необходимо выделить в отдельный жанр графики и дать соответствующее название — комикс. Несмотря на беззаботный, на первый взгляд, смысл слова «comic», сущность комикса имеет определённую силу и глубину. Это обусловило огромные возможности, которые в годы потрясений, волнений и катастроф использовали власти для того, чтобы в простой, максимально доходчивой форме показать реальность с нужного ракурса для достижения целей агитации и пропаганды. Именно к этому жанру можно отнести знаменитые «Окна РОСТА» времён гражданской войны, «Окна ТАСС» периода Великой Отечественной войны. Принцип комикса — развитие сюжета в картинках с хлёсткими выражениями, которые уточняют изображения, использовали многие художники в годы Великой Отечественной войны и в отдельных плакатах. Среди таких плакатов выделяются следующие: «С пылу, с жару — по штыку на пару...» (художник Н. Кочергин, текст Б. Тимофеева, М.; Л.: «Искусство», 1941), «Дневник ефрейтора Ганса Мюллера» (художники В. и З. Правдины, текст Б. Петкера и Г. Рублёва, М.; Л.: «Искусство», 1941).

На страницах «РФГ» представлены комиксы как белорусских, так и российских художников — Д. Бабиченки, Л. Бойки, В. Букатого, Г. Валька, Д. Дубинского, К. Елисеева, В. Козак, Д. Красильникова в текстовом сопровождении как самих художников, так и литераторов А. Астрейки, Г. Асота, Л. Бушмы, Я. Касилы, К. Крапивы, Т. Полешука, С. Маршака. Жанр комикса на страницах «РФГ» представлен политической карикатурой, рисунками батального и аллегорического содержания.

В карикатурных комиксах политической направленности выделяются произведения В. Букатого, Г. Валька, В. Козак оригинальностью художественного решения. Так, юный белорусский художник Виталий Букатый создал серии рассказов в картинках с текстовым сопровождением

С. Маршака: «Как обезьяна Геббельс своих холопов обучает и что в результате фашисты получают» (4 рис.: 80×115; 81×116; 78×115; 78×115) [6, с. 1], «Не знай страха в борьбе с врагами. Скоро немецкие вояки, преследуемые Красной Армией, будут смазывать пятки» (4 рис.: 88×118; 83×116; 87×117; 78×115) [6, с. 2]. Несмотря на то, что художник не получил профессионального образования, комиксы выполнены на достаточно высоком уровне. Об этом свидетельствует стилизация, уверенная моделировка изображений действующих лиц, а также безупречная композиция рисунков.

Среди графических произведений, размещённых на страницах «РФГ», отдельную группу составляют плакаты. Они размещались на первой странице, являясь своеобразной «запевкой» номера. В этом жанре представляли свои произведения на страницах «РФГ» Л. Бойко, В. Букатый, Г. Вальк, Д. Красильников и др.

Сатирический листок «Партизанская дубинка», как и газета-плакат «Раздавим фашистскую гадину», — это центральное агитационно-изобразительное издание Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Выходил с марта 1942 по март 1943 г. За этот период вышло 19 номеров. «ПД» являлась до ноября 1942 г. изданием газеты «За свободную Беларусь», а потом, до марта 1943 г. — ЦК КП(б) Беларуси и выходила в прифронтовой полосе (только последние 3 номера вышли в Москве) на белорусском языке. Внешний вид «ПД» на протяжении всего периода издания менялся: от однолистных номеров, напоминающих своими размерами листовки — 224×311 (№ 1–16), до номеров, имеющих сходство с журналом (4 полноцветных листа с рисунками и литературными произведениями) — 248×344 (№ 17–19).

Иерархия жанров, представленных в «ПД», выглядит следующим образом: комикс (30 серий — 110 рисунков), батальные рисунки сатирического содержания (21), плакат (8 единиц), политическая карикатура (5), бытовой жанр (2 композиции).

В сатирическом листке, особенно на протяжении всего 1942 г., комикс — господствующий жанр. Тематика рассказов в картинках достаточно разнообразная: боевые операции партизан, исторические параллели, политическая карикатура, эпизоды из жизни немцев на родине, тяжёлая участь белорусов в Германии.

В комиксах на страницах «ПД», как, кстати, вообще в советском искусстве периода Великой Отечественной войны, нашла своё отражение тема славы русского оружия. Так, художник В. Айвазян создал серию рисунков с пояснительным текстом: «Русские немцев всегда били» (110×130) [7, с. 4–5]. В них представлены события 1242 г., когда «Білі па-людску на возеры Чудскім», 1760 г. — «Здалі яны нам ключы ад Берліну», 1918 г.,

когда «Струшчылі іх Беларусь з Украінай» и, наконец, 1943 г., когда «Бітыя сёння маршала ў палоне». Художник, виртуозно используя линию и пятно бело-красно-чёрного цвета.

На первых или последних страницах отдельных номеров «ПД» помещались плакаты. Среди их авторов: Е. Зайцев, В. Минаев, М. Соловьёв, Б. Ефимов. В плакатных рисунках на страницах «ПД» прослеживаются героические, аллегорические и сатирические сюжеты. Так, аллегорический сюжет встречается на страницах «ПД» дважды: «Народ-волат змяце з савецкай зямлі фашысцкую погань!» (Е. Зайцев) (185×225) [8, с. 1] и «Смерць фашысцкай гадзіне!» (Б. Малкин) (187×244) [8, с. 8]. В изобразительном языке этих плакатов художники используют символы, при помощи которых доносят до зрителя свою мысль. Например, Евгений Зайцев олицетворил в виде мощного великана-воина, вооружённого дубиной, весь народ Беларуси, который ведёт ожесточённую борьбу за освобождение своей земли от врага.

В условиях оккупации нацистами территории Беларуси (с июня 1941 по июль 1944 г.) в деле противодействия пропаганде оккупантов одно из центральных мест принадлежит «РФГ» и «ПД». Они использовались советской властью как контрпропаганда мощной пропаганде, налаженной врагом через радио, прессу, листовки и плакаты. При помощи этих средств массовой информации нацисты рапортовали о своей победе в войне, беспомощности и бесперспективности партизанского сопротивления, а также о беззаботной жизни остарбайтеров в Германии. При помощи изобразительной публицистики на страницах «РФГ» и «ПД» людям, оказавшимся на оккупированной врагом белорусской земле, «показывалась обратная сторона медали» вражеской пропаганды, народ призывали на борьбу во имя Победы над фашизмом. На каждую тему, затронутую в нацистской пропаганде, на страницах центральных агитационно-изобразительных изданий находился свой ответ. Отсюда и выходит такое богатство жанров на страницах «РФГ» и «ПД» — комикс, батальные рисунки сатирического содержания, политическая карикатура, плакат, батальный жанр, портрет. При помощи метафоры, аллегии зло представлялось в максимально гротескном виде, вызывая у зрителя смех, уничтожающий врагов, делал их слабыми и не непобедимыми.

Изобразительное искусство Беларуси «РФГ» и «ПД» обогатил опыт творческого содружества художников разных национальностей и разных художественных школ. Именно интернациональный характер является отличительной чертой белорусского агитационно-пропагандистского искусства периода ВОВ. Его обусловили следующие факторы. Во-первых, многие белорусские художники получили образование в России и

Украине. Во-вторых, уникален национальный состав творческих коллективов. Художники — белорусы, русские, украинцы, евреи, татары и другие — сражались на территории Беларуси в рядах партизан и в перерывах между боевыми операциями оформляли боевые листки, стенные газеты, самодеятельные журналы.

Издание партизанских журналов характерно для большей части оккупированной территории Беларуси. Вопрос возникновения партизанских журналов по сей день остаётся открытым. Возможно, это была инициатива командира 208-го отряда полковника В. Ничипоровича. Именно его партизаны впервые выпустили иллюстрированный журнал. А возможно, идея выпускать журнал возникла в нескольких отрядах одновременно. Но то, что партизанские журналы имели схожую структуру и содержание, говорит о том, что инициатива «снизу» была поддержана на самом «высоком уровне», взята под контроль и превращена в средство агитационно-пропагандистской работы среди народных мстителей.

На страницах этих журналов обычны материалы, приуроченные к годовщинам советских праздников, цитаты из выступлений политических лидеров советского государства, информация по истории отряда и бригады. Большое место в партизанских журналах было отведено собственно иллюстративному материалу, в том числе авторским художественным работам.

Изобразительная публицистика партизанских журналов — это многожанровое явление. Оно представлено портретом, композицией и зарисовкой батального, бытового содержания, пейзажем, сатирической графикой, включающей в себя политическую карикатуру, шарж, а также сатирический рисунок батального содержания. Жанровое многообразие графических произведений на страницах партизанских журналов обусловлено спецификой этих изданий. Они являлись средством агитационно-пропагандистской работы среди народных мстителей, а потому все материалы в них представлены исходя из идеологической целесообразности.

Рисунки в партизанских журналах выступали в двух ипостасях. Они могли служить иллюстрациями к конкретным статьям, воспоминаниям очевидцев, рассказам, стихотворениям, частушкам, использоваться в качестве заставок и концовок. Также они могли носить самостоятельный характер и вклеиваться в журнал «по поводу». Уровень этих работ разнообразный: от самодеятельных, подкупающих своей наивностью, до профессионально выполненных, восхищающих своим мастерством. Среди обеих групп произведений встречаются как оригинальные творческие находки, так и перерисовки с известных произведений искусства.

В 1941–1944 гг. в Беларуси развернулась жёсткая идеологическая борьба между советской и нацистской агитацией и пропагандой. Белорусское агитационно-пропагандистское искусство встретилося с огромными трудностями, вызванными военными действиями, оккупацией всей территории республики, а в своём назначении должно было решать и много новых задач, в том числе антифашистской контрпропаганды. На территорию республики ввозили и оккупанты свои агитационно-пропагандистские материалы, и советская власть доставляла свои с «большой земли». Только способ распространения у них был разный — нацистские материалы — открыто, а советские материалы — нелегально. За хранение антифашистских агитационно-пропагандистских материалов населению оккупированной Беларуси угрожала смертная казнь.

Антифашистское агитационно-пропагандистское искусство Беларуси периода Великой Отечественной войны стало самобытной страницей в истории белорусского искусства, неотъемлемой частью его художественного наследия, значение которого не утрачивается и сегодня.

Библиографические ссылки

1. «РФГ», август 1942. № 57.
2. «РФГ», б/н, б/д.
3. «РФГ», март 1942. № 38.
4. «РФГ», июнь 1942. № 47.
5. *Ерофеев В. В.* В лабиринте проклятых вопросов. М., 1996.
6. «РФГ», август 1941. № 16.
7. «ПД», февраль 1943. № 2(18).
8. «ПД», январь 1943. № 1(17).

ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ, 1941–1943 гг.: ПО РАССЕКРЕЧЕННЫМ ДОКУМЕНТАМ ФСБ

Т. И. Тарасенкова

*Государственный архив новейшей истории Смоленской области,
ул. Ленина, 28, 214000, г. Смоленск, Россия, tata-tarasenkova@yandex.ru*

В статье рассматриваются документы архива УФСБ России по Смоленской области. Они были рассекречены в рамках реализации федерального проекта «Без срока давности». В документах содержится информация о преступлениях против гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории Смоленской области в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: проект «Без срока давности»; Великая Отечественная война; Смоленская область.

OCCUPATION REGIME IN THE SMOLENSK REGION, 1941–1943: ACCORDING TO DECLASSIFIED DOCUMENTS OF THE FEDERAL SECURITY SERVICE

T. I. Tarasenkova

*State archives of modern history of the Smolensk region,
Lenin Street, 28, 214000, Smolensk, Russia, tata-tarasenkova@yandex.ru*

The article examines the documents of the archive of the Federal Security Service of Russia in the Smolensk region. They were declassified as part of the implementation of the federal project “Without a statute of limitations”. The documents contain information about crimes against civilians and prisoners of war in the occupied territory of the Smolensk Region during the Great Patriotic War.

Keywords: “Without a statute of limitations” project; the Great Patriotic war; Smolensk region.

В рамках реализации федерального проекта «Без срока давности» региональные Управления Федеральной службы безопасности рассекречивали документы о преступлениях против гражданского населения. Архив УФСБ России по Смоленской области в 2020–2024 гг. также рассекретил материалы, посвященные данной тематике. Часть материалов была опубликована в региональном томе издания «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область: сборник архивных документов» [1, с. 81–82, 90–91, 122–123, 129–130, 135–137, 180–181, 416–417, 421–423, 504–526]. Документы, рассекреченные после издания регионального тома «Без срока давности», переданы в виде электронных копий в Государственный архив новейшей истории Смоленской области и размещены на его официальном сайте.

Для публикации в региональном томе издания «Без срока давности» в 2020 г. были получены рассекреченные документы о зверствах оккупантов на территории Смоленской области из фондов Центрального архива ФСБ России [1, с. 317–318].

Видовой состав рассекреченных документов разнообразен. Среди них — протоколы допросов обвиняемых в военных преступлениях нацистов и коллаборантов, протоколы допросов свидетелей трагических событий, протоколы очных ставок, собственноручные показания, обвинительные заключения. Имеются военно-политический обзор оккупированных районов Смоленской области и спецсообщения с информацией о карательных отрядах, расстрелах военнопленных и мирных жителей, сожжении деревень.

Хронологические рамки документов охватывают период с 1942 по 1989 г. Преобладают материалы, датированные 1942 и 1943 гг. Многие из них фиксируют факты злодеяний на территориях, уже освобожденных от оккупации. Более позднюю датировку имеют следственные материалы о преступлениях пособников нацистов.

В рассекреченных материалах содержится информация, которая дополняет, конкретизирует, а порой позволяет иначе оценить уже известные факты и события.

На судебном процессе в Смоленске в декабре 1945 г. одним из осужденных стал Винклер Гейнц — рядовой 335 охранного батальона, несшего службу в Смоленске в период оккупации. Батальон прибыл в Смоленск в октябре 1941 г. из Инсбрука. Он подчинялся комендатуре Смоленска и занимался охраной складов, мостов, переправ и других военных объектов как в городе, так и в его окрестностях. Солдаты батальона охраняли и лагерь для военнопленных.

В протоколе его допроса, записанном за два года до судебного процесса, в декабре 1943 г., сообщаются подробности о системе управления в оккупированном Смоленске, о тяжелом положении местных жителей, о казнях и расстрелах. Винклер Гейнц сообщал, что «полновластным хозяином над всем в Смоленске был комендант города генерал Пель. Как только ему докладывали о каких-либо показавшихся подозрительными семьях, отдельных людях, он коротко произносил одно слово «смерть». Он являлся вершителем судеб людей в Смоленске. Его первым помощником был адъютант, подполковник Прелле. По приказу этих людей производились все расстрелы и расправы с беззащитными жителями города и населением» [6].

В протоколе допроса Винклера Гейнца имеются сведения о жизни смолян. Когда после оккупации города в него прибыл 335 охранный

батальон, размещаться было уже негде. Многие дома были разрушены и сожжены, а оставшиеся — переполнены немецкими частями. Вновь прибывающие солдаты выгоняли из уцелевших домов жильцов и расселялись в них. Продуктов питания катастрофически не хватало. Через город на фронт проходило много воинских частей, и каждая часть забирала у жителей то, что еще оставалось. Население меняло свои последние пожитки на продукты питания.

Рассказывал Винклер Гейнц и о содержании военнопленных в дулаге 126. По его словам, в первое время в нем содержалось до 30 тысяч военнопленных. Их положение было тяжелым. Еду они почти не получали, а если и доставалось что-то, то только кипяченая вода, выдававшаяся за суп. Одежды никто из них не получал, все ходили в чем были взяты в плен. Сначала они ежедневно умирали десятками от голода, а когда к этому прибавился мороз, смертность возросла, много пленных замерзло. Число жертв исчислялось тысячами.

Дулагу 126 посвящен еще один документ — показания трех военнослужащих-врачей, находившихся в немецком плену, бежавших и задержанных в мае 1943 г. при переходе линии фронта со стороны противника. Они рассказали о том, что в апреле 1943 г. в лагере содержалось до 3000 военнопленных, из которых до 700 человек были отправлены поездом на Запад. Оставшиеся военнопленные использовались на разных работах: разбирали разрушенные здания, убирали улицы города, строили бомбоубежища, работали на железнодорожной станции. Ими была подробно описана система охраны лагеря, в которой с февраля 1943 г. все чаще использовали не немецких охранников, а русских полицейских.

Распорядок дня был следующий: «...подъем в 5 часов, тут же построение на завтрак. С 7 часов до 8 часов распределение по рабочим объектам. Рабочее время с 8 до 17 часов вечера с обеденным перерывом на один час. Питание военнопленных — горячая пища два раза в день, утром и вечером, состоящая из баланды (болтушка из отрубей и ржаной муки). В обед получают хлеб по 300 грамм» [3].

Задержанные сообщили, что за малейшее нарушение лагерного порядка военнопленных сажали в бункер на разные сроки, приговаривали к телесным наказаниям — до 50 ударов палками. Избивали военнопленных по любому поводу, даже плохо идущих в строю от систематического недоедания. С начала 1943 г. избиения стали проводиться не публично у всех на глазах, а избивали скрытно, поодиночке в закрытых помещениях.

Рассказали задержанные и о системе вербовки людей, согласившихся на сотрудничество с врагом. С декабря 1942 г. в дулаге военнопленных

нерусской национальности начали отделять от русских военнопленных. Их селили в отдельные бараки, увеличивали порцию хлеба, на работу не посылали, а затем отдельными эшелонами отправляли в немецкий тыл.

В малом лагере до февраля 1943 г. содержалось около 2000 военнопленных. С марта их начали эвакуировать большими партиями на Запад, в глубокий тыл, и в первых числах апреля в лагере оставалось 200–300 человек, которых 16 апреля передали в большой лагерь, а малый лагерь закрыли.

В документе также имелась важная персональная информация о предателях. И в конце документа приведен примечательный факт: с весны 1943 г. конвоиры, которые водили военнопленных на работу, собирали от пленных подписи о том, что они хорошо обращаются с пленными. Эти подписи они собирали как реабилитирующие их документы в случае попадания в плен к Красной армии [3].

В рассекреченных документах встречается много информации о деятельности карательных отрядов на территории области. Описаны пути вступления в такие отряды от добровольных до вынужденных случаев. В следственных материалах представлены в первую очередь биографии людей, добровольно решивших сотрудничать с нацистами. Причины таких поступков различны: 1) антисоветские настроения человека, которые были у него еще с довоенного времени, 2) нежелание идти в партизаны и принимать все трудности и опасности такого выбора, 3) неверие в то, что немцы будут побеждены, 4) стремление любыми способами выбраться из лагеря для военнопленных, если человек там оказался.

Но были и другие пути, по которым люди попадали в карательные отряды. Военнослужащие-окруженцы, которых было много на территории области, и местная молодежь мобилизовывалась в полицию. В такой безвыходной ситуации некоторые мобилизованные полицейские искали любую возможность сбежать и найти дорогу в партизанский отряд. Остальные соглашались сотрудничать с нацистами.

В одном из документов упоминается еще один путь в предатели. Это драматические истории с ликвидацией партизанских краев в мае–сентябре 1942 г. Например, партизаны дивизии «Дедушка», прикрывавшие отход кавалерийских частей Белова в советский тыл, были блокированы в Кучеровских лесах и разгромлены к августу 1942 г. Те партизаны, которые смогли вернуться домой, были вынуждены под угрозами расправ с их семьями, пойти на сотрудничество с немцами.

В рассекреченных документах встречаются описания многочисленных карательных операций. Например, в Глинковском районе в апреле 1942 г., пытаясь ликвидировать Дорогобужский партизанский край, большой

карательный отряд напал на деревни Миронино и Шилово и «поголовно уничтожил женщин, детей и стариков этих сел». Другой отряд напал на д. Ляхово: «согнал всех женщин и детей в избы и сжег заживо» [2]. Факты этих расправ зафиксированы и в партизанских документах, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области [4, л. 1].

В военно-политическом обзоре оккупированных немцами районов области от 4 сентября 1942 г. отмечается изменение немецкой тактики борьбы с партизанами. Весной 1942 г., когда образовались партизанские края, немцы не только боролись с партизанами, но и устраивали карательные операции против мирного населения с большим количеством жертв. Но к осени 1942 г. они стали действовать иначе. В очищенных от партизан селах каратели уже не устраивали массовых убийств жителей, а предлагали им выдавать партизан, обещая за это вознаграждение.

В этом обзоре рассказывается о структуре карательных формирований, их обмундировании, вооружении, тактической подготовке, местах дислокации штабов. Описывается строгий режим передвижений, введенный для местных жителей: «Если женщины или дети идут в лес по грибы, то полицейские просматривают их корзины: не несут ли партизанам пищи. Для посещения соседней деревни необходим пропуск немецкого штаба. Ст[арший] политрук тов. Лопать сообщает, что будучи в окружении, он со знакомой женщиной Иваняенко передавал записку в д. Чащи, но женщина не сумела пройти в ту деревню, так как у нее не было пропуска, Форма пропуска неизвестна» [2].

Материальное положение населения характеризуется как очень тяжелое. Многих жителей Глинковского, Выходского, Дорогобужского районов после ликвидации партизанского края в июне 1942 г. угнали в концлагерь в Рославль, а оттуда насильно вывезли в Германию. С началом осени в этих районах немцы заставляли женщин и стариков спешно собирать урожай, но под присмотром немецких солдат. В итоге оккупанты забирали себе всё, а местные жители ничего не получали и обрекались на голодную смерть.

В одном из спецсообщений об аресте в 1948 г. предателя А. М. Сударева, воевавшего в карательном батальоне в Пречистенском районе, приводится беспрецедентный случай. Этот каратель принимал участие в сожжении деревень в своем районе, и, более того, сжигал свою родную деревню Братовицы. Свою семью при этом он предусмотрительно перевез в безопасное место в другой населенный пункт [5].

Карательные подразделения, на которые опирались нацисты, нельзя было считать надежными. Весной 1943 г., когда началось освобождение восточных районов Смоленской области, немцы начали готовить их к борьбе на фронте с регулярными частями Красной армии. А. М. Сударев

рассказал, что среди карателей их батальона началось роптание, что воевать на фронт они не пойдут. После этого немцы отобрали у них оружие, разбили на мелкие группы и использовали на оборонительных работах. В августе 1943 г. их стали перебрасывать в тыл в Белоруссию, в этот момент часть личного состава полицейского подразделения перешла на сторону партизан.

Эти показания подтверждаются хранящимися в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области документами Западного штаба партизанского движения. Некоторые партизанские отряды в августе 1943 г. пополнились новыми бойцами, в учетных карточках которых имеются пометы об их переходе из полиции. Они также принимали участие в освобождении Смоленской области от оккупантов в сентябре 1943 г.

Рассекреченные документы Управления ФСБ России по Смоленской области еще не становились предметом специальных исследований. Они содержат информацию о неизвестных фактах преступлений против мирного населения области, рассказывают новые подробности о случаях массовых расправ, и, главное, показывают неотвратимость наказания независимо от времени, прошедшего после описываемых событий.

Библиографические ссылки

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область: Сборник архивных документов. М.: Фонд «Связь эпох»: Кучково поле Музеон, 2020.

2. Военно-политический и экономический обзор оккупированных немцами Глинковского, Виховского и Дорогобужского районов Смоленской области от 4 сентября 1942 г. URL: <https://archive-n.admin-smolensk.ru/files/426/78-1-132-20-30.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

3. Выдержки из показаний военнотружущих-врачей Николаева В. Н., Лепилкина Н. Н., Заволдаева В. А. от 28 мая 1943 г. URL: <https://archive-n.admin-smolensk.ru/files/426/78-1-132-76-79.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

4. Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 8. Оп. 2. Д. 91.

5. Спецсообщение об аресте вольнонаемного 344 животноводческого хозяйства Сударева А. М. и его протокол допроса от 27 февраля 1948 г. URL: <https://archive-n.admin-smolensk.ru/files/426/78-1-132-95-106.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

6. Спецсообщение об аресте рядового 335 батальона немецкой армии Винклера Гейнца и его протокол допроса от 30 декабря 1943 г. URL: <https://archive-n.admin-smolensk.ru/files/426/78-1-132-34-38.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

СЕКЦИЯ 3. БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ В ИСТОЧНИКАХ, НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИННОВАЦИЯХ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БССР В ПЕРИОД НЭПА

А. Г. Атрахимович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, anyochek.atr@gmail.com*

Проанализированы процессы становления и развития правоохранительных органов в БССР. Рассмотрено влияние внешних и внутренних факторов на процесс формирования и реформирования правоохранительной структуры. Отмечено влияние укрупнения БССР и изменения территориально-административного деления на деятельность милиции.

Ключевые слова: реорганизация милиции; школы милиции; уголовный розыск БССР.

FORMATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE BSSR DURING A PERIOD OF NEW ECONOMIC POLICY

H. H. Atrakhimovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, anyochek.atr@gmail.com*

Processes of formation and development of law enforcement agencies in BSSR are analyzed. The influence of external and internal factors on the process of formation and reform of the law enforcement structure is considered. The impact of the BSSR consolidation and changes in the territorial-administrative division on the activities of the police was noted.

Keywords: police reorganization; police school; criminal investigation department of BSSR.

История становления и развития органов внутренних дел является довольно важной частью истории государства, поскольку правоохранительные структуры обеспечивают безопасность населения, проводят активную деятельность по борьбе с преступностью и вводят меры по дальнейшему её предотвращению.

После Октябрьской революции одной из основных задач новой власти стало решение вопроса об организации государственных органов, которые бы отвечали за поддержание общественного порядка. На территории Беларуси активно происходила реорганизация правоохранительных органов. Во время Гражданской войны главной задачей милиции была борьба с внешними и внутренними угрозами советской власти, а также помощь в осуществлении политики «военного коммунизма».

На момент начала 1920-х гг. территория Беларуси была разорена военными конфликтами и экономическим кризисом, что стало причиной роста преступности. Когда военные действия были прекращены и начался переход к мирному строительству, возникла острая необходимость в экономических преобразованиях, а вместе с ними и в разработке организационно-правовых основ деятельности милиции. В 1921 г. было принято решение о проведении новой экономической политики. В первые годы новой экономической политики, как и в период гражданской войны, имело место быть такое явление как военизация милиции, что связано с обострением противоречий в обществе. Быстрый рост преступности, который был обусловлен введением свободной торговли, недостаток квалифицированных кадров, необходимость адаптации милиции к условиям НЭПа требовали скорейшей перестройки в структуре органов внутренних дел [5, с. 63–65].

Важную роль в дальнейшей реализации идеи реформирования милиции сыграл проведённый в марте 1922 г. Первый Всероссийский съезд работников милиции. Участники съезда единогласно подчеркнули, что НЭП требует от административных органов полного утверждения революционной законности. М. И. Калинин в своём выступлении на съезде сделал акцент на том, что милиция должна быть проводником Советской власти, а милиционеры должны разъяснять населению с точки зрения законодательства принятие тех или иных решений. Съездом принято решение о необходимой централизации управления милиции, разработке проекта нового Положения о милиции, а также о реализации внедрения правил прохождения милицейской службы и учёта личного состава [6].

Одним из последующих мероприятий Первого Всероссийского съезда работников милиции стало утверждение 24 мая 1922 г. положения «О Народном Комиссариате внутренних дел». Положение распространялось также на территорию БССР и действовало до 1924 г., являясь юридической основой для деятельности белорусской милиции. Данный документ впервые закрепит задачи, организационное построение и компетенцию органов внутренних дел. Таким образом к основным функциям милиции относилось поддержание порядка в государстве, караул гражданских учреждений и построек общегосударственного назначения (почта, телеграф), фабрик,

заводов, лагерей, охрана путей сообщения. Также был изменён порядок учёта, распределения и комплектования личного состава милиции, выделялось руководство деятельностью уголовно розыскных учреждений [3, с. 50].

В связи с созданием в 1922 г. СССР, в 1924 г. была принята первая советская Конституция. Данная Конституция не предусматривала создание единого для всего Советского Союза Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). По этой причине отдельно в каждой республике полномочия в управлении внутренними делами переданы в республиканские НКВД. 3 ноября 1924 г. постановлением ЦИК БССР утверждено первое национальное положение о НКВД БССР, которым определялась структура милиции и её основные функции. Согласно данному положению создавался новый орган — управление милиции и уголовного розыска НКВД БССР, который объединил в себе управление уголовного розыска и управление милиции. Структура НКВД включала шесть управлений с большими полномочиями [2, с. 181–185].

С целью укрепления личного состава милиции, повышения его ответственности в порученных делах и усиления борьбы с преступностью 7 августа 1926 г. ЦИК и СНК БССР приняли постановление «Об утверждении положения о службе рабоче-крестьянской милиции БССР». В соответствии с данным положением руководство милицией в республике было возложено на Управление рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР. В отличие от положения 1924 г., данный документ определял организационную структуру милиции на местах. На местах учреждениями милиции являлись: в округе — управление окружной милиции, в районе — управление районной милиции, в участке района — старший районный милиционер. Положение 1926 г. регламентировало права и обязанности сотрудников милиции, устанавливало порядок приёма на службу. Тем, кто хотел поступить на службу в милицию было необходимо подходить по возрасту (не моложе 21 года), знать учебную программу, соответствующую объёму семилетней школы, подходить по состоянию здоровья. Обязательным для службы в милиции было также прохождение собеседования [4, с. 45–53].

Для оптимизации работы милицейского аппарата ЦИК и СНК БССР приняли 22 марта 1928 г. специальное постановление об изменении части статей «Положения о службе рабоче-крестьянской милиции БССР». Одним из основных изменений стал запрет сотрудникам отказываться от службы в ночное время и праздничные дни, за службу в эти дни не предусматривалась дополнительная оплата. Требования к работнику милиции и ответственность за самовольное оставление службы росли. Теперь при приёме на службу новые работники были обязаны пройти двухнедельный испытательный срок [10, с. 92].

Стоит также отметить, что на реформирование милиции в БССР повлияло укрупнение территорий в марте 1924 г. В соответствии с новым территориально-административным делением в каждом из 100 созданных районов действовали районные отделения милиции. В БССР действовало также 12 городских отделений милиции. С целью проведения более успешной борьбы с преступностью и улучшением обслуживания населения районы стали делить на участки (3 или 4 участка в каждом районе), а городские отделения на кварталы [7, с. 56].

На рассматриваемый период пришлось формирование на территории Беларуси профессиональной системы обучения для будущих сотрудников милиции. До 1921 г. проводились милицейские курсы, целью которых была ликвидация неграмотности сотрудников. В 1922 г. началась организация школ милиции. Целью таких школ являлась не только подготовка сотрудников по строевой и специальной службе, но и усвоение обучающимися общеобразовательных предметов. Примером данного явления является открытие в Минске школы милиционеров [8, с. 170–175; 9, с. 181–187].

В 1920-е гг. снизилась частота политических преступлений, уголовные преступления возросли, возникла острая необходимость в объединении сил и средств уголовно-розыскных аппаратов. Приказом НКВД БССР 26 апреля 1922 г. уголовный розыск был отделён от милиции. Основной работой сотрудников уголовного розыска стала борьба с уголовными преступлениями, к которым относились также спекуляции, фальшивомонетничество, служебные и имущественные преступления. Именно имущественные преступления являлись особо опасными в тот период времени, процент этого вида преступлений составлял около 42 % [1, с. 54]. В конце 1923 г., согласно постановлению правительства БССР об упрощении советского аппарата, поветовые отделения уголовного розыска передавались в распоряжение управления милиции повета на правах отделения. В марте 1924 г. управление уголовного розыска было ликвидировано с передачей его функций новому органу — Управлению милиции и уголовного розыска. Так произошло объединение Управления уголовного розыска и Главмилиции БССР, которое было вызвано необходимостью ликвидировать их повторяющиеся функции и упрощением документации, что в значительной степени удешевило аппарат внутренних дел [1, с. 53; 7, с. 148–151].

Таким образом, формирование правоохранительных органов в БССР происходило постепенно. В организационно-правовом аспекте структура органов внутренних дел прошла несколько этапов реформирования. Постепенно регламентировались права и обязанности сотрудников правоохранительных органов, расширялся список требований для поступления на службу, что говорит о более тщательном подборе штата. Новшеством

стало открытие школ милиции, которые готовили квалифицированных работников для службы во внутренних органах. Новое административно-территориальное деление республики также оказало влияние на деятельность милиции. Регламентировались взаимоотношения милиции и уголовного розыска.

Библиографические ссылки

1. Белорусский уголовный розыск: [85-летию службы посвящается: Воспоминания. Очерки. Публицистика / Авт.-сост. Ю. В. Курьянович. Мн., 2003. 597 с.
2. *Вениосов А. В.* Становление и развитие правовых основ организации милиции БССР в 1920–1934 гг. // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1. С. 181–186.
3. История милиции Беларуси (1917–1994): учебник / А. Ф. Вишневский, Н. И. Ильинский, И. А. Сороковик. Минск: Академия милиции МВД РБ, 1995. 209 с.
4. История органов внутренних дел Беларуси: хрестоматия / сост. А. Ф. Вишневский [и др.]; под ред. А. Ф. Вишневого; М-во внутр. дел, Акад. МВД. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. 315 с.
5. История органов внутренних дел: учебное пособие для курсантов, слушателей и студентов учреждений высшего образования по специальностям «Правоведение», «Государственное управление и право» / Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск: Академия МВД, 2021. 175 с.
6. *Камалова Г. Т.* Организационно-правовые основы деятельности советской милиции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-osnovy-deyatelnosti-sovetskoy-militsii-1920-1923-gg/viewer> (дата обращения: 12.09.2025).
7. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі, 1917–1927 / складчыкі: Крэйнін І., Власаў В., Потэс В. 1-е выд. Менск [Мінск: б. в.], 1927. 227, [1] с.
8. *Лапанович С. Ф.* Создание и деятельность школы милиции в Минске в первой половине 20-х гг. XX в. (Часть 1) // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2016. № 2. С. 170–175.
9. *Лапанович С. Ф.* Создание и деятельность школы милиции в Минске в первой половине 20-х гг. XX в.: в 2 ч. Ч. 2 // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. № 1. С. 181–187.
10. Очерки истории милиции Белорусской ССР: 1917–1987 / М-во внутр. дел Бел. ССР, Мин. высш. шк. милиции МВД СССР. Мн.: Беларусь, 1987. 534, [1] с., [16] л. ил.

ФОРМЫ І ВІДЫ РЭГУЛЯВАННЯ МАЁМАСНЫХ АДНОСІН У ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ У XVI–XVII стст.

Д. А. Бодрыкава

*ДУА «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы»
вул. Маскоўская, 15, 220007, г. Мінск, Беларусь, daria.alekseyuk@gmail.com*

Мэтай артыкула з'яўляецца вызначэнне форм і відаў рэгулявання маёмасных адносін у XVI–XVII стст. дзейнымі заканадаўчымі актамі Вялікага Княства Літоўскага. У даследаванні аналізуецца айчынная і замежная гістарыяграфія па адзначанаму пытанню. Вызначаецца эвалюцыя заканадаўчага рэгулявання адносін, звязаных з рухомай і нерухомай маёмасцю. Робіцца выснова аб фармалізацыі маёмасных адносін, звязанай з развіццём заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага ў дадзены перыяд.

Ключавыя словы: маёмасныя адносіны; Вялікае Княства Літоўскае; Статуты ВКЛ; заканадаўства.

ФОРМЫ И ВИДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI–XVII вв.

Д. А. Бодрикова

*ГУО «Республиканский институт высшей школы»
ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь, daria.alekseyuk@gmail.com*

Цель статьи является определение форм и видов регулирования имущественных отношений в XVI–XVII вв. действующими законодательными актами Великого Княжества Литовского. В исследовании анализируется отечественная и зарубежная историография по указанной проблеме. Определяется эволюция законодательного регулирования отношений, связанных с движимым и недвижимым имуществом. Сделан вывод о формализации имущественных отношений, связанной с развитием законодательства Великого Княжества Литовского в этот период.

Ключевые слова: имущественные отношения; Великое Княжество Литовское; Статуты Великого Княжества Литовского; законодательство.

FORMS AND TYPES OF REGULATION OF PROPERTY RELATIONS IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE 16th–17th CENTURIES

D. A. Bodrykava

*SIE «National Institute for Higher Education»
Maskovskaya str 15, 220007, Minsk, Belarus, daria.alekseyuk@gmail.com*

The purpose of the article is to determine the forms and types of regulation of property relations in the 16th–17th centuries by the effective legislative acts of the Grand Duchy of Lithuania. The research analyzes domestic and foreign historiography on the indicated issue.

The evolution of legislative regulation of relations related to movable and immovable property is determined. A conclusion is made about the formalization of property relations associated with the development of the legislation of the Grand Duchy of Lithuania during this period.

Keywords: property relations; Grand Duchy of Lithuania; statutes of the Grand Duchy of Lithuania; legislation.

Маёмасныя адносіны з'яўляюцца адной з неад'емных частак функцыянавання чалавечага грамадства на працягу ўсяго перыяду яго існавання. З развіццём грамадства пэўную эвалюцыю праходзяць і маёмасныя адносіны. З эвалюцыяй маёмасных адносін узнікае ўсё большая неабходнасць для рэгулявання гэтых адносін з боку дзяржаўнай улады. Калі першапачаткова рэгуляванне маёмасных адносін адбывалася на падставе норм звычайнага права, то з развіццём феадальнага грамадства і прававых адносін ў ім з'яўляецца неабходнасць рэгулявання адносін з маёмасцю актамі заканадаўства.

Нашай мэтай з'яўляецца вызначэнне форм і відаў рэгулявання маёмасных адносін у дзейных заканадаўчых актах Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) XVI–XVII стст. — Статутах 1529, 1566 і 1588 гг., з улікам унесеных у іх у пазнейшы час змен. У адрозненні ад прывілейнага перыяду статутны перыяд больш дакладна акрэсліў сферу рэгулявання маёмасных адносін, бо ў дадзеных актах заканадаўчым механізмам такога рэгулявання прысвечаны асобныя сэнсавыя часткі (раздзелы).

Пад рэгуляваннем маёмасных адносін мы разумеем механізмы рэалізацыі правоў у дачыненні да рухомай і нерухомай маёмасці, замацаваныя заканадаўчымі актамі. З мэтай усебаковага аналізу маёмасных адносін варта звярнуцца як да заканадаўчага афармлення рэгулявання, так і да практыкі яго прымянення ў паўсядзённым жыцці розных катэгорый грамадства ВКЛ. У дадзеным артыкуле намі будзе закрануты тэарэтычны бок пытання рэгулявання маёмасных адносін, вызначаны формы і віды рэгулявання ў Статутах ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гг.

Пытанні рэгулявання маёмасных адносін заканадаўствам ВКЛ закраналася ў манаграфіях як айчынных, так і замежных гісторыкаў права і юрыстаў, прысвечаных развіццю прававой думкі ў пэўныя перыяды гістарычнага развіцця на працягу апошняга стагоддзя. Азначанае пытанне закраналі ў сваіх манаграфіях Я. А. Юхо [7], Т. І. Доўнар [3], Г. В. Дзёрбіна [2], Ю. Бардах [1] і іншыя даследчыкі. У сваіх працах аўтары ў тым ліку ажыццявілі грунтоўны аналіз крыніц грамадзянскага права ВКЛ, якія закраналі рэгуляванне маёмасных адносін у грамадстве ў XVI–XVII стст., асабліваю увагу звяртаючы на тры Статуты ВКЛ, як найбольш дасканалыя помнікі феадальнага права азначанага перыяду.

На працягу XIV–XVI стст. паралельна з працэсамі кансалідацыі асобных земляў у складзе ВКЛ адбываецца працэс уніфікацыі права з актыўнай распрацоўкай новых прававых нормаў, які адпавядалі зменам у сацыяльна-эканамічным развіцця дзяржавы. На думку Ю. Бардаха мэты кадыфікацыі і ўніфікацыі права ў еўрапейскіх дзяржавах у пачатку XVI ст. былі звязаны ў тым ліку з ажыўленнем навукі права і павелічэннем яе ўплыву на сістэму права, якая ўключала ў той час і судовую практыку [1, с. 72]. Даследчыкамі таксама адзначаецца значны ўплыў ідэй Рэнесансу на дадзеныя працэсы.

Першыя заканадаўчыя акты ВКЛ сведчылі яшчэ аб пэўнай асабліва-сці ў рэгуляванні маёмасных адносін асобных тэрыторый Княства. Вялікі князь быў вымушаны лічыцца са старадаўнімі звычаямі асобных зямель пад час выдавання грамат пэўным тэрыторыям ВКЛ (Полацкай, Віцебскай, Смаленскай і іншым землям). Як адзначае Т. І. Доўнар у граматах асобным землям «без асаблівай паслядоўнасці маюць месца і грамадзянска-прававыя нормы, хача і невялікая колькасць, бо маёмасныя праваадносіны ў асноўным рэгуляваліся звычайным правам» [4, с. 5]. Пераход да якасна новай сістэмы выкладання прававога матэрыялу (Статутны перыяд) дакладна вызначыў сферу маёмасных адносін.

Прааналізаваўшы Статуты ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гг. намі былі вызначаны асноўныя віды рэгулявання маёмасных адносін у грамадстве ў XVI–XVII стст., а таксама асаблівасці гэтых відаў.

Сярод відаў рэгулявання маёмасных адносін у першую чаргу трэба азначыць атрыманне маёмасці ў спадчыну, якому ва ўсіх Статутах была нададзена асаблівая ўвага. У Статуце 1529 г. былі змешчаны асобныя артыкулы, якія рэгламентавалі атрыманне ў спадчыну. Так у раздзеле 4 «Аб спадчыннасці жанчынамі і аб выдачы дзяўчын замуж» вызначалася якім чынам спадчыну атрымліваюць удава і дзеці памерлага землеўласніка, а ў раздзеле 5 «Аб апекунах» вызначаліся некаторыя нормы складання тастаментаў. Таксама артыкулы чацвёртага раздзела прадугледжвалі правілы спадчыннасці або пазбаўленне ад яе ў выпадку паўторнага шлюбу жанчыны, выхаду замуж у іншыя дзяржавы, шлюбу без дазволу бацькоў, або пасля іх смерці без дазволу бліжэйшых родзічаў. Адзначаны раздзел таксама рэгламентаваў спадчыну бацькоўскіх і мацярызных маёнткаў.

У Статуце 1566 г., захаваўся раздзел «Аб апекунах», а раздзел які непасрэдна рэгуляваў спадчынныя маёмасныя адносіны набыў назву «Аб праве пасагу» (у адпаведнасці са Статутам 1588 г. «Аб праве пасагу і вене») і быў пашыраны. Так, быў даданы артыкул, які тычыўся спадчыны дзяўчыны, якая вырашыла ўзяць шлюб з прадстаўніком іншага саслоўя. Акрамя таго ў Статут 1566 г. быў уведзены асобны раздзел 8 «Аб тастаментах», які

вызначаў парадак складання тастаменту, асоб якія маглі ствараць тастаменты і якія маглі атрымліваць маёмасць у спадчыну. Азначаны дадатковыя прычыны страты спадкаемцамі права на спадчыну.

У Статуце 1588 г. адзначаныя раздзелы былі пашыраны новымі артыкуламі, некаторыя іх нормы былі зменены або ўдакладнены. Так, раздзел аб пасагу і вене быў дапоўнены артыкулам, які вызначаў парадак падзелу маёмасці, набытай пры сумесным жыцці мужа і жонкі [6, р. 5, арт. 21]. Гэтым артыкулам муж і жонка ўпершыню ўключаліся заканадаўствам ў кола спадчыннікаў першай чаргі. У раздзеле «Аб тастаментах» Статута 1588 г. была пашырана кола асоб, якія не маглі складаць тастаменты, а таксама прычын, па якіх па якіх бацькі маглі адрачыся ад сваіх дзяцей і пазбавіць іх права на спадчыну, пашыраны патрабаванні да стварэння завяшчальных запісаў.

Яшчэ двума відамі рэгулявання маёмасных адносін, якія рэгламентаваліся вышэй азначанымі артыкуламі, былі цесна звязаны з атрыманне спадчыны і атрымалі свае развіццё ў рэгуляванні, былі атрыманне пасагу і запіс вена. Статут 1529 г. адлюстроўваў нормы звязаныя, напрыклад, з адсутнасцю вена. Так, удава, якая мела вена павінна была застацца толькі на ім, а сыны павінны былі атрымаць усю бацькоўскую рухомую і не рухомую маёмасць, а ў выпадку, калі ўдава вена не мела, то мела права на роўную са сваімі дарослымі дзецьмі частку маёмасці [5, р. 4, арт. 1]. Статут 1529 г. таксама ўвёў прававую норму аб тым, што бацька павінен запатрабаваць запіс вена пры выдачы дачкі замуж [5, р. 4, арт. 8]. Таксама ў гэтым Статуце азначаліся правілы запісу пасагу і яго размеркавання паміж дочкамі як пры жыцці, так і пасля смерці бацькоў.

Наступнымі відамі рэгулявання маёмасных адносін, якія знайшлі адлюстраванне ў Статутах ВКЛ з'яўляецца купля-продаж і залог (застава, заклад) маёмасці. Залогу падлягала як рухомая, так і не рухомая маёмасць. Артыкулы Статутаў замацоўвалі абавязкі і правы залогодавальніка і залогатрымальніка, працэдуру афармлення залогу, механізм і тэрміны выкупу залогу. Так, Статут 1529 г. прадугледжваў ільготны гадавы тэрмін выкупу закладзенай маёмасці пры некаторых абставінах, права выкупу закладзенай маёмасці да сканчэння зазначанага ў дагаворы тэрміна і іншыя нормы. У Статутах 1566 і 1588 гг. рэгуляванне залоговых адносін атрымала далейшае развіццё: некаторыя нормы былі дапоўнены, або запісаны больш дакладна, акрамя таго былі ўведзены новыя. Так Статутам 1588 г. напрыклад, было ўведзена новае палажэнне, якое вызначала парадак і спосаб доказу дагавору закладу нерухомай маёмасці, складзенага пасля прыняцця Статута 1529 г. і заяўленага суду да выдання Статута 1588 г.; былі вызначаны парадак кампенсцыі пазыковых абавязацельстваў на выпадак смерці даўжніка і іншыя новаўвядзенні.

Што датычыцца такога віду рэгулявання маёмасных адносін як купля-продаж, то ў Статуце 1529 г. нормы, якія закраналі гэты від адносін былі размешчаны ў некалькіх яго раздзелах. Ужо ў Статуце 1566 г. з'явіўся яшчэ і асобны раздзел «Аб запісах і продажах», які з большага рэгламентаваў механізмы закладу маёмасці, аднак закранаў і некаторыя асаблівасці куплі–продажу маёмасці. Статутам 1529 г. быў замацаваны дазвол поўнасю распараджацца толькі 1/3 часткай сваёй нерухомай маёмасці (отдать, продать, подарить, обменять, записать) пасля адпаведных пісьмовых працэдур. У чэрвені 1566 г. Берасцейскі сойм прыняў закон аб неабмежаваным распараджэнні маёнткамі, які быў унесены ў Статут 1566 г., а потым і ў Статут 1588 г. [6, р. 2, арт. 41]. Сярод новых норм, унесеных у Статут 1588 г. быў артыкул, які рэгуляваў пытанні спынення тэрмінаў пераносу запісаў куплі, дарэння і іншых запісаў з кніг гродскіх у кнігі земскія ў выпадку надзвычайных абставін [6, р. 7, арт. 3].

Побач з такім відам рэгулявання маёмасных адносін як купля-продаж у Статутах таксама пазначаны такія віды як мена і дарэнне. Як адзначае Т. І. Доўнар дагавор мены ў гістарычным развіцці папярэднічаў дагавору куплі-продажу [4, с. 59]. Мена магла ажыццяўляцца як па дамоўце паміж прыватнымі землеўласнікамі, так і паміж вялікакняжацкімі землямі і землямі шляхты, што знайшло адлюстраванне ў адпаведным артыкуле Статута 1588 г. [6, р. 3, арт. 50]. Такі від рэгулявання маёмасных адносін як дарэнне ў Статутах у першую чаргу звязаны з падараваннем нерухомай дзяржаўнай маёмасці за службу вялікім князем шляхце, а таксама з падараваннем пэўных рэчаў праз тастаменты (напрыклад ахвяраванне на карысць царквы).

Сярод відаў рэгулявання маёмасных адносін, якія знайшлі адлюстраванне ў Статутах можна адзначыць арэнду і трыманне. У Статутах згадваецца як арэнда маёмасці, так і людзей (найм). Вялікі князь мог даць у пажыццёвае або спадчыннае трыманне маёмасць. У Статутах таксама была замацавана часовае трыманне маёмасці: апекуном да непаўналецця спадчыннікаў, ураднікамі вялікага князя да канца судовай спрэчкі.

Наступным відам рэгулявання маёмасных адносін з'яўлялася канфіскацыя маёмасці. Так, Статут 1529 г. прадугледжваў канфіскацыю дзяржавай маёмасці (спадчыннай, выслужанай, набытай) у выпадку збегу ўласніка ў варажыя землі [5, р. 1, арт. 2], не прыбыцця ў час на ваенную службу пад харугву свайго павета, заўчаснага пакідання ваеннай службы без дазволу гетмана і інш. [5, р. 2, арт. 1–2, 4, 10–12]. Статуты 1566 і 1588 гг. захавалі такі від рэгулявання маёмасных адносін. Паводле Статута 1588 г. уцякач з поля бітвы губляў і маёнтак і гонар [6, р. 2, арт. 14] (па Статуту 1566 г. уцякач першы раз губляў толькі маёнтак, а калі справа паўтаралася, то

губляў яшчэ і гонар) [3, р. 2, арт. 14]. Згодна са Статутам 1588 г. да харунжага, які самавольна вызваліў шляхціца ад ваеннай службы не прымяняла канфіскацыя маёмасці, толькі пазбаўленне пасады.

Пазначаны ў Статутах 1566 і 1588 гг. і такі від рэгулявання маёмасных адносін як падзел. У першую чаргу гаворыцца аб падзеле маёмасці паміж братамі пасля ўступлення ў спадчыну, вызначаюцца асаблівасці рэгулявання падзелу [5, р. 8, арт. 19; 3, р. 9, арт. 17; 6, р. 9, арт. 26].

У Статутах намі была вызначана заканадаўчая магчымасць рэгулявання маёмасных адносін як у вуснай, так і пісьмовай форме. Па звычайнаму праву здзелкі заключаліся звычайна ў прысутнасці вартых даверу сведак і суправаджаліся выкананнем пэўных рытуальных дзеянняў (рукабіццё, памятнае, магарыч). З XVI ст. пісьмовая форма рэгулявання маёмасных адносін пачынае перажаць над вуснай. Акрамя таго, пэўнымі нормаў Статутаў было прадугледжана, каб пісьмовае рэгуляванне маёмасных адносін у некаторых выпадках было засведчана інстытутамі ўлады (вялікім князем, земскім і іншым судом) [6, р. 7, арт. 1]. Калі заканадаўчымі актамі не была замацавана пісьмовая форма рэгулявання маёмасных адносін, то магла выкарыстоўвацца вусная форма [4, с. 11].

Статутам 1529 г. была замацавана неабходнасць рэгулявання ў пісьмовай форме пагадненняў аб нерухомай маёмасці, закладзе, запісу вена, тастамента [5, р. 1, арт. 15, 17, р. 4, арт. 1, 3]. Таксама першым Статутам была зацверджана неабходнасць пісьмага замацавання дамоў аб пазыцы коштам на суму больш за 10 коп грошаў. Статутам 1566 г., пацверджана рэгуляванне ў пісьмовай форме куплі-продажу нерухомай маёмасці, афармлення запісу вена і іншых [3, р. 7, арт. 25, р. 5, арт. 1–3, 15–17]. Статут 1588 г. прадугледжваў, што маёмасны дакумент павінен спачатку быць асабіста падпісаны, потым засведчаны подпісамі і пячаткамі трох-чатырох шляхціцаў, пасля гэтага гэты дакумент было патрэбна асабіста засведчыць «перед нами господарем, або перед врядом нашим земским». Статутам 1588 г. была таксама ўведзена норма аб неабходнасці афармлення ў пісьмовай форме афармлення дагавору зберагання маёмасці ў прысутнасці сведак [6, р. 7, арт. 25, р. 5, арт. 1–3, 15–17]. У Статутах сустракаюцца такія віды пісьмовых маёмасных крыніц як тастамент, вмова (дамова), ліст, запіс вяноўны і іншыя.

Такім чынам можна азначыць, што заканадаўствам ВКЛ на працягу XVI ст. былі глыбока рэгламентаваны маёмасныя адносіны феадальнага грамадства. У Статутах ВКЛ знайшлі адлюстраванне такія віды рэгулявання маёмасных адносін як атрыманне ў спадчыну, атрыманне пасагу, запіс вена, заклад, купля-продаж, мена, падараванне, арэнда, трыманне, канфіскацыя, падзел. Віды рэгулявання маёмасных адносін як з рухомай, так і з нерухомай маёмасцю спазналі ў Статутах пэўную эвалюцыю

і фармалізацыю. У Статутах 1566 і 1588 гг. былі дабаўлены пэўныя артыкулы, якія закраналі ты ці іншыя віды рэгулявання маёмасных адносін, існуючыя артыкулы былі адрэдагаваны і дапоўнены новымі асаблівасцямі. Рэгуляванне маёмасных адносін магло ажыццяўляцца як у вуснай, так і ў пісьмовай форме, якая з цягам часу стала пераважаючай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Бардах Ю. Литовские Статуты — памятники права периода Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Сб. ст. М., 1976. С. 71–93.
2. Дзёрбіна Г. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу. Мінск: Тэхналогія, 1997. 174, [1] с.
3. Доўнар Т. І. Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV–XVI стагоддзяў. Мінск: БДУ, 1997. 84 с.
4. Доўнар Т. І., Сатолін У. М., Юхо Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. Рэдкалегія Т. І. Доўнар і інш. Мн.: Тэсей, 2003. 352 с.: іл.
5. Статут Велікаго Княжества Литовского 1529 года / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук. Минск : Издательство Академии наук БССР, 1960. 253 с.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мн.: БелСЭ, 1989. 573 с.: іл.
7. Юхо Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. Мінск: Універсітэцкае, 1992. 269, [1] с.

ВОССТАНИЕ 1863–1864 гг. В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЖУРНАЛИСТА М. Н. КАТКОВА

М. И. Бондаревич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, mary2096bond@gmail.ru*

Описываются события восстания 1863–1864 гг. через призму восприятия консервативного журналиста М. Н. Каткова. Рассматривается система убеждений М. Н. Каткова относительно «польского вопроса». Анализируются статьи М. Н. Каткова как исторический источник о восстании 1863–1864 гг.

Ключевые слова: М. Н. Катков; восстание 1863–1864 гг.; польское восстание; польский вопрос; история журналистики; консерватизм.

THE UPRISING OF 1863–1864 IN PUBLICISTIC WRITING BY THE JOURNALIST M. N. KATKOV

M. I. Bondarevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, mary2096bond@gmail.ru*

The events of the 1863–1864 uprising are described through the prism of the perception of the conservative journalist M. N. Katkov. M. N. Katkov's belief system regarding the “Polish question” is considered. The article analyzes M. N. Katkov's articles as a historical source about the uprising of 1863–1864.

Keywords: M. N. Katkov; the uprising of 1863–1864; the Polish uprising; the Polish question; the history of journalism; conservatism.

В январе 1863 г. на территории Царства Польского и западных губерний Российской Империи, вспыхнуло восстание, ставившее своей целью восстановление Речи Посполитой. Несмотря на то, что правительство на волнения отреагировало незамедлительно, имперские средства массовой информации братья всерьез за освещение восстания не торопились. В январе 1863 г. в газете «Journal de Saint-Pétersbourg», органе министерства иностранных дел, появилась статья, обращенная к европейской публике, осторожная в оценке действий повстанцев, «извиняющаяся» за реакцию русского правительства [11, с. 211].

В этих условиях неожиданно резко и категорично выступил редактор газеты «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков. В молодости убежденный либерал, увлеченный идеей английского парламентаризма, ученик и друг В. Г. Белинского, товарищ Н. В. Станкевича, отличавшийся западническими взглядами – таким Каткова знали до 1863 г. Однако именно М. Н. Катков с первых дней восстания высказывает свое твердое

мнение: восстание должно быть подавлено, а любое сочувствие к бунтующей шляхте ведет к тому, что мятеж придется «подавлять целыми потоками крови и горами трупов» [4].

На опубликованную статью в «*Journal de Saint-Petersbourg*» «Московские ведомости» ответили резко негативно: М. Н. Катков считал действия российского правительства правомерными и не требующими объяснений. Касательно катализатора восстания — повторного рекрутского набора — 28 января 1863 г. на страницах катковской газеты появились строки: «Рекрутский набор сам по себе есть мера законная как в Российской империи, так и в Царстве Польском. Пока Польша находится под одной державой с Россией, она не может уклониться от той доли военной повинности, которая падает на нее. Пока не совершилось полного отделения Польши, пока еще не приобрела она полной самостоятельности в управлении по всем частям, пока армия для России и Польши остается одна и та же, рекрутский набор, по существующему порядку, есть дело вполне законное столько же в Польше, сколько и в России» [5].

Позиция русского правительства была однозначна: восстание необходимо подавить, а статьи М. Н. Каткова выступали с объяснением причин, по которым восстание должно быть успокоено. В публицистике Каткова в январе–апреле 1863 г. прослеживается мысль о том, что многовековая история и индивидуальность Польши дает ей право на самоопределение и собственное государство, однако только в черте России. Польский патриотизм, по мнению Каткова, был благородным, но губительным началом для польского народа, который сам не осознавал своих бед. Спасением в этой ситуации должен был стать мир с Россией: «Не подавлять стоит польскую народность, а призвать ее к новой, общей с Россией политической жизни, вот что лежит в интересах России, самой Польши и целой Европы» [1].

Ситуация изменилась после дарования Александром II Высочайшего манифеста к Царству Польскому, призванного путем уступок остановить восстание. М. Н. Катков осуждал потакание польским либеральным требованиям, обосновывая это тем, что «угодливость притязаниям есть слабость, никогда ничего не излечивающая, а, напротив, поощряющая нахальство, которое, видя в ней только робость, возвышает свои требования и насмехается над законом» [3, с. 2].

Ожидания не оправдались, напротив: после дарования Манифеста восстание приобрело более массовый характер, а его действия стали организованными. Тогда, с апреля 1863 г. М. Н. Катков перешел к мерам и словам более решительным: теперь «Московские ведомости» были настроены на жесткое и неминуемое подавление восстания.

«Отныне для прекращения мятежа, — писал Катков, — нужно не столько истребление шаяк, сколько крепкая и надежная администрация края. Не все в Польше радуются восстанию. Напротив, большинство народонаселения страдает от мятежа и, без сомнения, желает, чтобы приняты были все нужные меры для ограждения собственности и жизни людей от терроризма революции» [9]. М. Н. Катков настаивал, что в ситуации, когда край охвачен восстанием, порядок должен наводить железной рукой присланный из России администратор, ведь «при всей добросовестности может ли чиновник из поляков совершенно оградить себя от всяких возбуждений национального чувства, которые производятся теперь в Польше с такими отчаянными усилиями, в таких громадных размерах и так систематически?» [9].

М. Н. Муравьев, осознавая растущее влияние М. Н. Каткова, обратился к нему с предложением о сотрудничестве, на которое публицист тут же с готовностью откликнулся. Во многом благодаря Каткову и его публицистической «кампании» на пост командующего с диктаторскими полномочиями был назначен генерал М. Н. Муравьев.

В отношении участия белорусов в восстании М. Н. Катков также имел свое видение. В его публицистике ситуация на охваченных восстаниях территориях представляется как противостояние русской политики и польского влияния. По его мнению, русская политика благосклонно относится к «племенам» бывшей Речи Посполитой, имея главной целью свободное развитие национальной самобытности под российским знаменем, в то время как революционная Польша стремится эту самобытность подавить. При таких вводных М. Н. Муравьев выступает светочем той самой русской политики — не «вешателем», а освободителем. М. Н. Катков писал: «Деятельность его [М. Н. Муравьева] была проникнута неизменным сознанием, что Литва и Белоруссия могут быть только русским краем. При нем впервые после долгого времени почувствовалось там присутствие русской силы: загнанное русское племя встрепенулось и приободрилось» [2]. Он подчеркивал: «Западный край, Литва и Белоруссия представляют для всякого человека, уважающего чужую свободу и национальность, не говоря уже для всякого русского, самое возмутительное зрелище. В огромных размерах совершается там лишение русского народа его народности» [7].

Несмотря на проницательность М. Н. Каткова относительно целей восстания, он оставался при мнении, что основная часть населения не хочет восстания, а движущей силой являются притязания шляхты: «Польское восстание вовсе не народное восстание: восстал не народ, а шляхта и духовенство. Это не борьба за свободу, а борьба за власть, — желание слабого покорить себе сильного» [7]. Катков подчеркивал, что притязания

восставших не ограничиваются самостоятельностью Царства Польского: «Поляки не хотят своего чисто польского государства; они пытаются восстановить его, но с тем неперменным условием, чтоб оно тотчас же завоевало себе и Литву, и Русь» [7].

При этом М. Н. Катков отлично понимал причины восстания, однако, когда вопрос подходил к противостоянию целостности и государственности России и независимости отдельного народа, выбор для редактора «Московских ведомостей» был очевиден. Катков подчеркивал: это борьба, а в борьбе побеждает сильнейший: «Жизнь и история покажут, чья сила сильнее, чьи права правее» [6, с. 472].

Чрезвычайное положение и жесткие меры на территории, охваченной восстанием, М. Н. Катков также оправдывал в своих статьях: «Самое нарушение законности должно происходить не иначе как в силу самой же законности. Принимаются меры общественной безопасности, приостанавливается действие закона, обеспечивающего личную свободу граждан, но делается это не иначе как в силу правильного, торжественного законодательного решения» [5]. Таким образом, имеет смысл даже утверждать, что М. Н. Муравьев был практическим реализатором подавления польского мятежа, а Катков — идейным и духовным вдохновителем данной «акции правительства по наведению государственного порядка в Польше» [12, с. 56].

К июню 1864 г. восстание было подавлено, а территория, его пережившая, подверглась множеству политических, социальных, экономических изменений. Однако М. Н. Катков не оставлял размышлений о «польском вопросе» и причинах, спровоцировавших восстание. Выводы редактора «Московских ведомостей» были однозначны: «польское» восстание Катков связывал с антигосударственной пропагандой либеральных сил, подпольных и заграничных революционеров, связывал крамолу напрямую с сепаратистскими движениями. Спустя годы, в 1870 г. Катков написал о восстании так: «Мятеж, который с такой дерзостью разыгрался в западных окраинах России, не имел никакой действительной силы. Однако с этим ничтожеством приходилось считаться. И, чтобы одержать верх в этой борьбе, было недостаточно материальной силы. Надобно было освободиться от обмана, который мешал видеть зло и направлял наши удары на нас же самих» [8].

Говоря о вопросе об актуальности и достоверности статей М. Н. Каткова, нужно сказать, что рассматриваемую публицистику можно воспринимать буквально как ежедневную хронику событий, дополненную оценочными суждениями, что характерно для нарративного источника. Не только «Московские ведомости» давали оценку восстанию, однако в сравнительном ряду с публицистикой И. С. Аксакова (газета «День»),

Ф. М. Достоевского и Н. Н. Страхова (журнал «Время») статьи Михаила Никифоровича Каткова представляются интереснейшим историческим источником. Его публицистика служит примером конструктивного взаимодействия власти и журналистики для решения конкретной задачи.

Таким образом, анализ публицистики М. Н. Каткова, посвященной польскому восстанию 1863–1864 гг., позволяет сделать вывод о его последовательной позиции, основанной на защите целостности Российской империи и неприятии любых форм сепаратизма. Публицистика Каткова важна не столько как объективное отражение событий, сколько как свидетельство политической риторики, общественных настроений и механизмов формирования государственной идеологии. В этом контексте его статьи представляют особый интерес для историков, исследующих как само восстание, так и реакцию на него внутри Российской империи.

Библиографические ссылки

1. Катков М. Н. Голоса русских людей по польскому вопросу начали вразумлять Европу // Московские Ведомости. 1863. № 75.
2. Катков М. Н. Заслуга графа М. Н. Муравьева (Краткий очерк положения северо-западного края) // Московские Ведомости. 1865. № 94.
3. Катков М. Н. Истинный либерализм, меры, принимаемые властями в Царстве Польском, и старообрядцы в Западном крае // Московские Ведомости. 1863. № 103.
4. Катков М. Н. Исторический обзор попытки Александра I восстановить Польское королевство // Московские Ведомости. 1863. № 185.
5. Катков М. Н. О законности рекрутского набора в царстве Польском // Московские Ведомости. 1863. № 23.
6. Катков М. Н. Польский вопрос // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 год. Москва: издание С. П. Катковой, 1897. С. 471–482.
7. Катков М. Н. Польское восстание не есть восстание народа, а восстание шляхты и духовенства // Московские Ведомости. 1863. № 130.
8. Катков М. Н. Причины приостановки русского движения в Западном крае // Московские Ведомости. 1870. № 72.
9. Катков М. Н. Слабы не силы наши, а слабы наши мнения. Необходимо подавить восстание // Московские Ведомости. 1863. № 83.
10. Лебедев С. В. Граф Михаил Муравьев — создатель литовской нации // Тетради по консерватизму: Альманах. 2022. № 2. С. 30–48.
11. Любимов Н. А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1889.
12. Чернавский М. Ю. Русская историософия М. Н. Каткова: опыт диалектического консерватизма // Тетради по консерватизму: Альманах. 2018. № 3. С. 48–58.

БЕЛАРУСЬ І САВЕЦКА-ПОЛЬСКІ «ДАГАВОР АБ НЕНАПАДЗЕННІ» АД 25 ЛІПЕНЯ 1932 г.

В. М. Бароўская

*Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі НАН Беларусі»,
вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, borovskaya-olga@mail.ru*

У артыкуле разгледжаны асноўныя этапы па заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» паміж СССР і Польшчай 25 ліпеня 1932 г. і яго ўплыў на агульную растанову сіл ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне. Падкрэсліваецца жаданне савецкага кіраўніцтва па выкарыстанні двухбаковых перагавораў у паляпшэнні гандлёва-эканамічных адносін Польшчы і СССР; і польскага кіраўніцтва на захаванні цэласнасці савецка-польскай мяжы. Дзеля дасягнення кампрамісу бакі імкнуліся пэўны час залагоджваць спрэчныя двухбаковыя пытанні (праблема свабоднага культурнага і рэлігійнага развіцця нацыянальных меншасцей, ліквідацыі антысавецкіх элементаў у Польшчы).

Ключавыя словы: дагавор аб ненападзенні; Заходняя Беларусь; савецка-польская мяжа; рэвізія.

БЕЛАРУСЬ И СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ «ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ» 25 ИЮЛЯ 1932 г.

О. Н. Боровская

*Государственное научное учреждение «Институт истории НАН Беларуси»,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, borovskaya-olga@mail.ru*

В статье рассматриваются основные этапы заключения «Договора о ненападении» между СССР и Польшей 25 июля 1932 г. и его влияние на общий баланс сил в восточноевропейском регионе. Подчеркивается стремление советского руководства использовать двусторонние переговоры для улучшения торгово-экономических отношений между Польшей и СССР; и польское руководство сохранить целостность советско-польской границы. Для достижения компромисса стороны некоторое время пытались урегулировать спорные двусторонние вопросы (проблема свободного культурного и религиозного развития национальных меньшинств, ликвидация антисоветских элементов в Польше).

Ключевые слова: договор о ненападении; Западная Беларусь; советско-польская граница; ревизия.

BELARUS AND THE SOVIET-POLISH “NON-AGGRESSION AGREEMENT” JULY 25, 1932

O. N. Borovskaya

*The State Scientific Institution “Institute of History. National Academy of sciences of
Belarus”, Akademimic str., 1, 220072, Minsk, Belarus, borovskaya-olga@mail.ru*

The article discusses the main stages of the conclusion of the “Non-Aggression Treaty” between the USSR and Poland on July 25, 1932 and its impact on the overall balance of power in the Eastern European region. The desire of the Soviet leadership to use bilateral

negotiations to improve trade and economic relations between Poland and the USSR is emphasized; and the Polish leadership to maintain the integrity of the Soviet-Polish border. To reach a compromise, the parties tried for some time to resolve controversial bilateral issues (the problem of the free cultural and religious development of national minorities, the elimination of anti-Soviet elements in Poland).

Keywords: non-aggression pact; Western Belarus; Soviet-Polish border; revision.

Перагаворы па заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» адбываліся ў 1925–1932 гг. шляхам сустрэч паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы (П. Л. Войкава) з прадстаўнікамі Міністэрства замежных спраў Польшчы (міністрам, віцэ-міністрам, дырэктарам Усходняга дэпартаменту Г. Янкоўскім); прадстаўніка Польшчы ў СССР (С. Кентшыньскі, С. Патэж) з членамі Калегіі НКЗС СССР (аддзел Польшчы і Прыбалтыкі С. І. Аралаў — Б. С. Стаманякоў, рэдка — народным камісарам замежных спраў).

У савецка-польскіх перагаворах па заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» варта вылучыць пэўную перыядызацыю:

1. 1925–1927 гг. — этап першапачатковага агучвання абодвума бакамі сваіх пазіцый адносна будучага пакта аб ненападзенні (польская пазіцыя аб падключэнні да савецка-польскага дагавора яшчэ і краін Балтыі, Румыніі супрацьпастаўлялася савецкім жаданнем паступовага заключэння савецка-польскага, савецка-латвійскага, савецкага-літоўскага і савецка-эстонскага дагавораў);
2. 1927–1931 гг. — перыяд лавіравання і адначасовага зацягвання перагавораў, калі абодва бакі не жадалі ісці на пэўныя ўступкі, аднак пад уплывам зменаў у агульнай міжнароднай сітуацыі (заключэння пакта Брыяна-Келага, Маскоўскага пратакола) маскіравалі свае сапраўдныя памкненні перад шырокімі коламі грамадскасці;
3. 1931–1932 гг. — этап канструктыўнага дыялогу і дэталёвых перагавораў па карэктыроўцы тэкста дагавора, знаходжанне кампрамісу па ўзгадняльнай працэдуры.

Галоўным пунктам заключэння «Дагавора аб ненападзенні» была ўмова аб «інтэгральным і найбольш хуткім ажыццяўленні тых пастановаў Рыжскага мірнага дагавора, якія да гэтага моманту не былі выкананы». Савецкі бок жадаў «звязаць выкананне старых абавязацельстваў па Рыжскім дагаворы не толькі з палітычнага пункта гледжання, але, у асаблівасці, з гандлёвага». У першую чаргу мелася на ўвазе прадстаўленне эканамічных кампенсацый пры ліквідацыі старых польскіх прэтэнзій па Рыжскім дагаворы. Польскі бок выстаўляў патрабаванне — «забеспячэнне і ўмацаванне трывалага міру на тэрыторыі Усходняй Еўропы» — удзел у заключэнні сістэмы гарантыйных дагавораў паміж СССР і краінамі Балтыі. Савецкі бок лічыў больш рацыянальным ажыццяўленне «папярэдніх размоў

неафіцыйнага характару, г. зн. без аб'яўлення аб тым, што пачаты афіцыйныя перагаворы аб пакце. Падчас гэтых папярэдніх перагавораў выявіцца магчымасць зразумець сапраўдныя намеры бакоў» [1, s. 490].

3 сакавіка 1925 г. у «Інструкцыі міністра замежных спраў Польшчы для дыпламатычных пляцовак адносна польска-савецкіх адносін у апошнім паўгоддзі» А. Скшыньскі адзначаў, што «галоўнай мэтай польскай палітыкі ў адносінах да савецкага ўраду з'яўляецца імкненне да захавання міру, а таксама трывалага прытрымлівання створанага дзякуючы мірнаму дагавору тэрытарыяльнай сістэмы ўздоўж заходняй мяжы СССР ад магчымасці яго сілавога парушэння з боку савецкага ўраду». Формула, якая б дазволіла б захаванне статус кво, магла б стаць выхадам да пабудовы больш-менш нармальных адносін суседскага суіснавання паміж Польшчай і СССР, засноўвалася з аднаго боку на захаванні міру і пазбягання вайны, з другога — неабходнасці прытрымлівання супрацоўніцтва з Румыніяй і краінамі Балтыі [1, s. 518].

У кастрычніку 1925 г. пры Палітбюро ЦК У КП(б) была ўтворана Камісія па збліжэнні паміж СССР і Польшчай з мэтай «умацавання эканамічнай і палітычнай сувязі з Польшчай». У яе склад уваходзілі С. І. Аралаў, М. Г. Гурэвіч, І. С. Уншліхт, І. М. Майскі, з інфармацыйнай мэтай паўнамоцны прадстаўнік П. Л. Войкаў [2, арк. 2–7].

У інструкцыі А. Чарных да П. Л. Войкава ад 29 студзеня 1926 г. указвалася, што «пытанне аб перагаворах з Польшчай абмяркоўвалася на апошнім пасяджэнні Калегіі НКЗС СССР, пры гэтым намечана наступная агульная лінія: з-за апасення, што А. Скшыньскі будзе ўхіляцца аб абмеркавання палітычных пытанняў і імкнуча звесці перагаворы толькі да пытанняў гандлёвага дагавора, неабходна паставіць Скшыньскага ў вядомасць, што савецкі ўрад лічыць неабходным да пачатку фармальных перагавораў аб гандлёвым дагавора пачаць абмеркаванне асноўных палітычных момантаў узаемаадносін (зключэнне дамовы аб узаемным нейтралітэце і ненападзенні)» [3, с. 595]. У адзначанай інструкцыі ўказвалася, што «па пытанні аб тым, ці можам мы і да якіх межаў ісці на ўступкі палякам пры абмеркаванні пытанняў Рыжскага дагавора, вырашана запытаць аўтарытэтную інстанцыю. Ва ўсялякім выпадку, мы стаім на тым пункце гледжання, што мы не можам пагадзіцца на ўзнаўленне разліковай камісіі. У гэтым пункце мы займаем рашуча адмоўны пункт гледжання» [3, с. 596].

15 лютага 1926 г. у інструкцыі народнага камісара замежных спраў СССР Г. В. Чычэрын да паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы П. Л. Войкава адзначалася, што «сам жа я рашуча з Вамі не згодны, калі Вы адваргаеце неабходную сувязь гарантыі мяжы з пактам аб ненападзенні. Адно не адзяліма ад другога. Захаванне цяперашняй савецка-польскай

мяжы ёсць абсалютна неабходная перадумова мірнай савецка-польскай палітыкі. Нельга весці мірную савецка-польскую палітыку і ў той жа час казаць аб прэтэнзіях украінцаў і беларусаў. Але мы пойдзем на гэта толькі пад умовай рэвізіі Рыжскага дагавора. Ваша прапанова аб уплаце якіх-небудзь сум палякам у Маскве ні ў якім выпадку не пройдуць, аб гэтым і заікацца нельга» [3, с. 613]. Гэта азначае фактычнае замоўчванне пытанне нацыянальных меншасцей Польшчы і выканання 7 арт. Рыжскага дагавора. Імкненне савецкага боку да заключэння «Дагавора аб ненападзенні» дыктавала неабходнасць часовага замоўчвання гэтых праблемных момантаў у савецка-польскіх адносінах. Аднак гэта адбывалася пры ўмове «рэвізіі Рыжскага дагавора».

2 сакавіка 1926 г. у сакрэтнай інструкцыі С. І. Аралава да П. Л. Войкава адносна ходу савецка-польскіх перагавораў па заключэнні дагавора аб ненападзенні ўказвалася, што «асноўным пытаннем палякі паставілі прыбалтыйскае пытанне і пытанне аб гарантыі ўсёй нашай заходняй мяжы. Гэтаму садзейнічалі нашыя вялікія абяцанні ў галіне эканамічных адносін, якія могуць быць ажыццяўлены толькі тады, калі палітыкі дамовяцца з намі і ў палітычных, і ў гандлёвых пытаннях, пойдучы на ўступкі ў Рыжскім дагаворы» [3, с. 620].

У інструкцыі С. І. Аралава да П. Л. Войкава ад 20 красавіка 1926 г. указвалася, што «з-за таго, што палітычныя перагаворы яўна зашлі ў тупік з-за Прыбалтыкі, мы вырашылі паспрабаваць працягнуць іх на глебе нашых эканамічных і гандлёвых узаемаадносін з юнкцімам (iunctim) Рыжскага дагавора. Наша прапанова аб вядзенні гандлёвых перагавораў не значыць, што павінна была склікана зараз канферэнцыя. Наадварот, наша прапанова заключае у сябе тое, што перагаворы павінны весціся дыпламатычным шляхам, каб паміж Кентшынскім і Чычэрыным вяліся б папярэднія перагаворы аб асновах гандлёвага дагавора і аб ануляванні рыжскіх нашых абавязкаў. Гэта трэба ясна патлумачыць і МЗС, і грамадскім колам, каб не было ніякіх непаразуменняў, бо я баюся, што Кеншыньскі можа і падмануць» [3, с. 692–693].

У сакрэтнай інструкцыі міністра замежных спраў Польшчы А. Залескага для пасла Польшчы ў Маскве С. Патэка адносна польска-савецкіх адносін ад 31 студзеня 1927 г. адзначалася, што «дадатковым палітычным фактарам, які ўплывае на адносіны цэнтральнага савецкага ўраду да Польшчы з'яўляецца ўплыў урадаў Савецкай Беларусі і Украіны. Калі на палітычным гарызонце савецкага ўраду Польшча займае толькі адзін з накірункаў, а для харкаўскага займае палову, то для мінскага ўраду цэласнасць яго зацікаўленасцей у сферы знешняй палітыкі. Галоўным пазітыўным пунктам палітычнай праграмы ўраду Савецкай Беларусі

з'яўляецца захаванне сталага напружання ў савецка-польскіх адносінах з надзеяй на вайну або рэвалюцыю, якая б дазволіла адарваць ад Польшчы яе паўночна-ўсходнія крэсы» [4, с. 490].

Новая фаза савецка-польскіх перагавораў па заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» пачалася ў студзені 1927 г. у сувязі з прыездам новага польскага паўнамоцнага прадстаўніка ў СССР С. Патэка. Польскі бок выказваў зацікаўленасць у падпісанні не толькі савецка-польскага пакта, але і аналагічных з краінамі Балтыі. 26 лютага 1927 г. у лісце члена Калегіі НКЗС СССР Б. С. Стаманякова паўнамоцнаму прадстаўніку СССР у Польшчы П. Л. Войкаву ўказвалася на адцягванне польскім урадам пачатку перагавораў. Забойства П. Л. Войкава ў Варшаве 7 чэрвеня 1927 г. прыпынілі двухбаковыя ініцыятывы ў гэтым кірунку.

Дадатковым штуршком да актывізацыі савецка-польскіх перагавораў стала падпісанне 27 жніўня 1928 г. пакта Брыяна-Келага (Парыжскі пакт) па стварэнні сістэмы калектыўнай бяспекі і Маскоўскага пратакола ў лютым 1929 г. У лісце Д. В. Багамолава Б. С. Стаманякову ад 29 мая 1928 г. указвалася, што «палякі баяцца, што пакт Келага (да таго ж без іх удзелу) створыць глебу для рэвізіі ў бліжэйшым будучым Версальскага дагавора. Таму растуць іх апасенні за заходнія межы. Як кампенсация за перагляд і выпраўленне заходніх межаў Германіі прапаноўваюцца якіясьці „гарантыі“ супраць СССР. У цяперашні момант я лічу, што пытанне аб якім-небудзь пераглядзе ўсходніх межаў Польшчы неактуальна, бо ўся польская грамадская думка была бы супраць яго» [3, с. 316].

У лісце намесніка народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Крэсцінскага У. А. Антонову-Аўсеенка ад 22 кастрычніка 1930 г. указвалася аб змесце яго сустрэчы з С. Патэкам (зандаж глебы адносна пытання заключэння пакта аб ненападзенні). Польскі дыпламат указваў, што «нашы перагаворы аб заключэнні пакта аб ненападзенні сутыкнуліся з 4 перашкодамі. Першай быў Статут Лігі Нацый, які забараняў Польшчы прымаць на сябе абавязкі безумоўнага нейтралітэта. Другая заключалася ў нашым нежаданні дамаўляцца адначасова з Польшчай і іншымі прыбалтыйскімі дзяржавамі. Трэцяя зводзілася да нашага нежадання ўключыць у пакт і Румынію. Чацвёртая цяжкасць была ў нашых адмоўных адносінах да арбітражу. С. Патэк лічыць, што першая перашкода адпадае, калі пакт Келага будзе ўзгоднены з Статутам Лігі Нацый. Што датычыцца другой і трэцяй перашкоды, то яны верагодна, не з'явяцца ўжо перашкодай, бо мы пагадзіліся на адначасовае падпісанне з Польшчай, прыбалтамі і Румыніяй Маскоўскага пратакола. Пытанне ж аб арбітражу здымуць самі палякі, ідучы па прымальнаму для нас шляху ўзгадняльнай працэдуры» [3, с. 504].

У лісце народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Літвінава да паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы У. А. Антонова-Аўсеенка ад 30 студзеня 1930 г. адзначалася, што падчас яго сустрэчы з С. Патэкам стала зразумела, што «ніякія змены ў пазіцыі польскага ўраду ў адносінах да СССР не адбылося і што ваша паведамленне аб такіх зменах ён лічыць вынікам вашага аптымізму і па-другое, Польшча як і раней лічыць заключэнне пакта аб ненападзенні празмерным і непатрэбным і, па крайней меры, будзе настойваць інтэгральна на раней выстаўленыя ёю умовы». «У выпадку сапраўднага імкнення з боку Польшчы да радыкальных зменаў усёй яе палітыкі, адмовы ад мараў Пілсудскага аб стварэнні вялікай Польшчы за кошт Украіны, Беларусі і Літвы і яе гатоўнасці да заключэння пакта аб ненападзенні і расцэньвання намі такога пакта ў якасці сапраўднай гарантыі міра на бліжэйшыя гады — паўстала б пытанне, ці не трэба нам пераглядзець сваю палітыку і ахвяраваць у некаторай ступені нашымі цяперашнімі адносінамі з Германіяй» [3, с. 538–539].

У сакрэтным лісце члена Калегіі НКЗС СССР Б. С. Стаманякова да У. А. Антонова-Аўсеенка ад 30 снежня 1930 г. акрэслівалася ўзаемасувязь паміж прапановамі польскага боку па заключэнні пакта аб ненападзенні і станам польска-германскіх адносін. «Словы Залескага не адлюстроўваюць ніякага пералому ў польскай палітыцы ў адносінах да СССР, і што ніякіх сур'ёзных намераў у Пілсудскага ў адносінах да збліжэння з намі і зараз няма. Можна быць размова з польскага боку ідзе аб тым, каб уцягнуць нас у такія несур'ёзныя перагаворы з мэтай, з аднаго боку, аказаць удзеянне на Германію і зрабіць яе больш згаворлівай у адносінах да Польшчы, з другога боку, выклікаць у Германіі недавер да нашых намераў у адносінах да Германіі» [4, с. 353].

Нягледзячы на дастаткова скептычную пазіцыю польскага кіраўніцтва, 25 ліпеня 1932 г. быў падпісаны «Дагавор аб ненападзенні» паміж СССР і Польшчай першапачаткова тэрмінам на 3 гады, але ўжо 5 мая 1934 г. працягнуты да 31 снежня 1945 г. [6, с. 607]. Па дагаворы бакі прызнавалі суверэнітэт, узаемныя межы і тэрытарыяльную цэласнасць адзін аднаго. У лісце паверанага ў справах СССР у Польшчы Б. Г. Падольскага намесніку народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Крэсцінскаму ад 28 ліпеня 1932 г. указвалася, што «амаль уся польская прэса з адухаўленнем адклікнулася на падпісанне пакта, як тут кажуць «Патэк-Крэсцінскага». Разам з апублікаваннем самога факта падпісання, у цэлым шэрагу артыкулаў размешчаны каментарыі, якія асвятляюць значэнне гэтага акта для Польшчы. Усе прызнаюць значнасць паляпшэння адносін паміж Польшчай і СССР. Аднак гэта не паўсюль аднолькава» [5, с. 22–23].

Савецка-польскія перагаворы па падрыхтоўцы і заключэнні «Дагавора аб ненападзенні» 25 ліпеня 1932 г., якія цягнуліся з 1925 па 1932 г., яскрава прадэманстравалі жаданне савецкага кіраўніцтва па выкарыстанні двухбаковых перагавораў у паляпшэнні гандлёва-эканамічных адносін Польшчы і СССР; і польскага кіраўніцтва на захаванні цэласнасці савецка-польскай мяжы. Дзеля дасягнення кампрамісу бакі імкнуліся пэўны час залагоджваць спрэчныя двухбаковыя пытанні (праблема свабоднага культурнага і рэлігійнага развіцця нацыянальных меншасцей, ліквідацыі антысавецкіх элементаў у Польшчы). Фактычна заключэнне «Дагавора аб ненападзенні» ад 25 ліпеня 1932 г. зняла з павесткі дня савецка-польскіх адносін праблематыку выканання VII артыкула Рыжскага мірнага дагавора, запэўніла савецкае кіраўніцтва ў тым, што Польшча прызнае законнасць савецка-польскай мяжы, не будзе падвяргаць яе рэвізіі, адмовіцца ад ідэі выкарыстання супраць СССР беларускага і ўкраінскага пытанняў. Гэта паўплывала на агульную лінію савецкага боку ў адносінах да Заходняй Беларусі: КПЗБ–КСМЗБ, Прадстаўніцтва КПЗБ у Мінску, ліквідацыі пасады саветніка па беларускіх справах пры Паўнамоцным прадстаўніцтве СССР у Польшчы ў канцы 1932 г.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 / red. serii M. Wołos. T. II: 1926–1932. Cz. 1: Trudne lata (czerwiec 1926–luty 1929). Warszawa, 2022. 950 s.
2. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі. Ф. 0122. Воп. 10. П. 125. Спр. 39.
3. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах / под общ. ред. С. А. Скляров, М. С. Павловой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т. 2: 1926–1932. 630 с.
4. Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 / red. serii M. Wołos. T. II: 1926–1932. Cz. 2: Na drodze ku stabilizacji (luty 1929–lipiec 1932). Warszawa, 2022. 950 s.
5. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах / под общ. ред. М. М. Наринского, Н. Е. Клейменовой, С. А. Склярова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т. 3: 1932–1939. 637 с.

ДВОРЯНСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЙ РЫНОК БЕЛАРУСИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1861–1914)

А. Е. Веремейчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Verameichyk@bsu.by*

В статье анализируется процесс вовлечения дворянства Беларуси в поземельную торговлю в период после отмены крепостного права (1861) и до начала Первой мировой войны (1914). Рассматриваются ключевые изменения в структуре дворянского землевладения и характере хозяйствования, вызванные переходом к капиталистическим отношениям. Исследуются дворянско-межсословный и корпоративно-дворянский сегменты земельного рынка. Выделяются основные типы помещичьих хозяйств, их адаптация к новым экономическим условиям, а также роль дворянства в развитии предпринимательства и промышленности на территории Беларуси. Особое внимание уделяется факторам, влиявшим на трансформацию хозяйственной деятельности дворян, включая экономические кризисы, технологический прогресс, особенности региональной специализации, динамику цен на землю и структуру земельных сделок.

Ключевые слова: дворянство; земельный рынок; пореформенный период; Беларусь; помещичье хозяйство; капитализм; предпринимательство; имение; цены на землю; структура продаж.

THE NOBILITY AND THE LAND MARKET OF BELARUS IN THE POST-REFORM PERIOD (1861–1914)

A. E. Verameichyk

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Verameichyk@bsu.by*

The article analyzes the process of the Belarusian nobility's involvement in land trade during the period following the abolition of serfdom (1861) up to the beginning of World War I (1914). It examines key changes in the structure of noble landownership and the nature of estate management brought about by the transition to capitalist relations. The study explores the interclass noble and corporate-noble segments of the land market. It identifies the main types of landed estates, their adaptation to new economic conditions, and the role of the nobility in the development of entrepreneurship and industry in Belarus. Special attention is given to the factors influencing the transformation of noble economic activity, including economic crises, technological progress, regional specialization patterns, land price dynamics, and the structure of land transactions.

Keywords: nobility; land market; post-reform period; Belarus; landowner's estate; capitalism; entrepreneurship; estate; land prices; sales structure.

Экономическое развитие Беларуси во второй половине XIX–начале XX в. неразрывно связано с трансформацией аграрных отношений и изменением роли дворянства в хозяйственной жизни региона. Отмена крепостного права в 1861 г. стала переломным моментом, запустившим процессы

модернизации и вовлечения помещичьих хозяйств в рыночную экономику [1, с. 40]. Изучение специфики формирования земельного рынка, на котором дворянство выступало одним из ключевых акторов, имеет важное значение для понимания социально-экономических процессов в Беларуси указанного периода. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа адаптации дворянского сословия к новым капиталистическим условиям, выявления особенностей дворянско-межсословной и корпоративно-дворянской поземельной торговли, а также оценки вклада дворянства в предпринимательскую деятельность.

Историография проблемы включает труды дореволюционных и современных исследователей, посвященные как общим вопросам аграрной истории Российской империи, так и специфике развития помещичьих хозяйств в Беларуси. Среди ученых, чьи работы затрагивают различные аспекты данной темы, можно отметить А. М. Анфимова, Л. П. Липинского, В. П. Панютича, А. П. Житко, К. И. Шабуню, И. М. Лещенко, П. Г. Козловского, П. И. Лященко. Несмотря на наличие значительного пласта исследований, комплексный анализ именно рыночных аспектов дворянского землевладения в Беларуси, особенно в контексте дворянско-межсословных и корпоративных взаимодействий, требует дальнейшего изучения.

Целью настоящей статьи является анализ вовлечения дворянства Беларуси в поземельную торговлю в 1861–1914 гг. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: охарактеризовать экономическое положение белорусских земель и дворянских имений накануне и после реформы 1861 г.; проанализировать основные формы и методы хозяйствования в дворянских имениях в условиях перехода к капитализму; исследовать особенности предпринимательской деятельности дворянства; оценить степень вовлеченности дворянства в промышленное производство; рассмотреть динамику земельных капиталов и структуру сделок по купле-продаже дворянских земель.

До середины XIX в. экономика белорусских земель характеризовалась господством феодально-крепостнической системы, основу которой составляло помещичье землевладение. Для Беларуси была характерна барщина, при которой крестьяне обрабатывали помещичьи земли собственным инвентарем [1, с. 153]. Эта система, не предполагавшая материальной заинтересованности производителя, отличалась крайне низкой эффективностью и способствовала консервации архаичных агротехнологий. Лишь в немногих крупных хозяйствах применялись передовые орудия труда. Поражение в Крымской войне наглядно продемонстрировало военно-техническую отсталость Российской империи, одной из глубинных причин которой была именно неэффективность крепостнической экономики [2, с. 320].

Манифест 19 февраля 1861 г. стал не просто актом освобождения крестьян, но и фундаментальным экономическим потрясением для дворянства. Помещики лишились своего главного актива — бесплатного труда. Механизм компенсации за передаваемые крестьянам наделы, основанный на государственных выкупных операциях, не смог обеспечить дворянство достаточным объемом ликвидного капитала для модернизации. Во-первых, из выкупных сумм удерживались долги помещиков государственным кредитным учреждениям. Во-вторых, дворяне, остро нуждаясь в наличных деньгах, начали массово продавать государственные выкупные облигации, что привело к падению их рыночной стоимости. Многие помещики, не имевшие управленческих навыков и оказавшиеся без привычных источников дохода, были совершенно не готовы к ведению хозяйства в рыночных условиях [3, с. 168].

Таким образом, реформа 1861 г. выступила в роли мощного экономического фильтра, который не привел к однородному упадку всего сословия, а, напротив, выявил и многократно усилил существовавшие внутри него различия. До реформы система крепостного права сглаживала разницу в хозяйственной компетентности помещиков. После ее отмены успех стал зависеть от предпринимательских качеств, наличия стартового капитала и способности адаптироваться к рыночной конъюнктуре. В результате дворянство дифференцировалось, избрав несколько основных путей адаптации.

Часть помещиков пошла по пути наименьшего сопротивления, перейдя к отработочной системе, при которой крестьяне арендовали землю в обмен на обработку помещичьей запашки своим инвентарем. Эта модель, по сути, являлась замаскированным продолжением барщины и свидетельствовала о неспособности или нежелании переходить к капиталистическим методам хозяйствования. Другие, особенно отсутствующие собственники, предпочитали полностью сдавать свои земли в аренду, получая пассивный доход и отстраняясь от управления хозяйством. Данные по заложенным в Дворянском банке имениям показывают, что доля сдаваемых в аренду земель выросла с 39 % в 1886–1890 гг. до 51 % в 1896–1900 гг. Наконец, меньшая, но наиболее экономически активная часть дворянства сумела осуществить переход к полноценному капиталистическому хозяйству, основанному на вольнонаемном труде, инвестициях в технику и ориентации на рынок [4, с. 456].

Именно эта предприимчивая часть дворянства стала локомотивом экономической модернизации в белорусских губерниях. Ценным источником для изучения их деятельности являются «Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах», в которых описывались наиболее передовые имения империи [5]. Анализ представленных в источнике имений

с территории Беларуси показывает, что успех был связан прежде всего с диверсификацией производства и выходом за рамки традиционного зернового хозяйства, цены на которое падали на мировом рынке .

Успешные хозяйства носили многопрофильный характер. Ключевым направлением стало создание промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Винокурение, благодаря праву свободного производства для помещиков, было распространено повсеместно и приносило значительную долю дохода. Кроме того, дворяне активно строили лесопильные, кирпичные, стекольные, дегтярные и смолокуренные заводы. Это позволяло не только получать дополнительную прибыль, но и глубже интегрировать хозяйство в рыночные отношения, создавая товар с высокой добавленной стоимостью. Примерами могут служить хозяйства Кеневичей в Мозырском уезде с лесопильно-фанерной фабрикой и тремя винокуренными заводами или графа Пусловского в Пинском уезде с винокуренными, стекольными и лесопильными заводами [6, с. 90–123].

Другим важным направлением было развитие интенсивного сельского хозяйства: племенного животноводства, производства масла и сыра, семеноводства, садоводства и рыболовства. Лес, права на который после реформы полностью перешли к помещикам, стал важнейшим ликвидным активом, особенно после роста цен на пиломатериалы с 1880-х гг., и часто служил источником средств для покрытия долгов или инвестиций [7, с. 663].

Анализ данных из «Кратких справочных сведений о некоторых русских хозяйствах» показывает, что передовые имения были преимущественно крупными латифундиями (в среднем свыше 4000 десятин) и имели в общей сложности 274 промышленных предприятия. Особенно важен фактор близости к транспортной инфраструктуре. Наиболее успешные и промышленно развитые имения Гродненской губернии находились в среднем всего в 11,2 верстах от железнодорожных станций, что обеспечивало дешевый и быстрый доступ к рынкам сбыта. В то же время в более удаленных от транспортных артерий уездах Могилевской и Минской губерний этот показатель был значительно выше. Это подтверждает, что доступ к инфраструктуре был одним из ключевых условий для успешной капиталистической трансформации помещичьего хозяйства.

Действуя в собственных интересах, дворяне-предприниматели становились невольными агентами регионального развития. Их предприятия создавали рабочие места для крестьян, способствовали распространению технических знаний и формированию кадрового пролетариата. Особенно ярко это проявилось на Полесье — регионе, богатом природными ресурсами, но изолированном. Здесь дворянская промышленность была особенно устойчивой и играла ключевую роль в экономике, концентрируя

значительную часть промышленных рабочих и производства региона. Таким образом, частный дворянский капитал интегрировал отсталые регионы в общеимперское экономическое пространство, закладывая основы их будущей индустриализации.

Несмотря на успехи отдельных предпринимателей, общая тенденция для дворянского сословия была связана с утратой земельной собственности. Статистика свидетельствует о масштабном перераспределении земель: если в 1877 г. в Европейской России дворянам принадлежало 73 млн десятин частновладельческой земли, то к 1905 г. — лишь 53 млн, что означало сокращение на 28 %. За тот же период число дворянских землевладельческих семей уменьшилось со 128,5 тыс. до 107,2 тыс. [8, с. 547].

Основными причинами продажи земель были экономическая несостоятельность, низкая доходность имений, рост задолженности и зачастую просто нежелание заниматься сельским хозяйством. К 1897 г. более половины дворян (56,9 %) проживали в городах, превратившись в отсутствующих собственников, для которых имение было не производственным активом, а источником ренты или обременением [9, с. 272].

Главными покупателями дворянских земель выступали крестьяне, страдавшие от малоземелья. К 1905 г. в их собственности (как общинной, так и индивидуальной) находилось уже 63 % всех частных земель, тогда как дворянам принадлежало лишь 22 % [8, с. 547]. Землю также скупали представители городской буржуазии, для которых она была не только объектом для вложения капитала, но и символом социального престижа.

На этом фоне наблюдался парадоксальный процесс: при падении мировых цен на зерно, цены на землю в Российской империи неуклонно росли. Средняя цена за десятину увеличилась с 17 рублей в 1861 г. до 77 рублей в 1895 г. и 163 рублей к 1912 г. [4, с. 456]. Это явление объясняется тем, что цена на землю определялась не только ее производственной доходностью, но и высоким социальным спросом. Для крестьян земля была залогом выживания и основой их жизненного уклада, поэтому они были готовы платить за нее цену, превышающую ее экономически обоснованную стоимость. Для других сословий земля оставалась надежным финансовым активом в условиях слабо развитого фондового рынка.

Правительство пыталось замедлить процесс «оскудения» дворянства. С этой целью в 1885 г. был учрежден Дворянский земельный банк, выдававший льготные кредиты под залог имений. Однако эта мера имела двойственный эффект. С одной стороны, она позволила части помещиков удержаться на плаву. С другой — способствовала росту задолженности, так как кредиты часто шли не на модернизацию хозяйства, а на потребительские нужды. Высокий уровень просрочек по платежам свидетельствует о

том, что банк во многом превратился в инструмент государственной поддержки неэффективных собственников, лишь отсрочивая их неминуемое разорение [7, с. 663].

Период реформ стал для дворянства Беларуси временем глубоких социально-экономических трансформаций, которые нельзя охарактеризовать однозначно. Это был сложный, двойственный процесс, включавший как массовое разорение и утрату земель, так и успешную адаптацию к новым капиталистическим условиям со стороны предприимчивого меньшинства.

Отмена крепостного права, лишив дворянство дарового труда и привычных источников дохода, запустила механизм естественного экономического отбора. Большая часть помещиков, не сумевшая или не пожелавшая перестроить свои хозяйства на рыночный лад, была вынуждена продавать земли, что привело к кардинальному перераспределению земельной собственности в пользу крестьянства и городской буржуазии. Этот процесс, метко названный «оскудением дворянства», демонтировал экономическую основу старого сословного строя и создал предпосылки для будущих аграрных потрясений.

В то же время, передовая часть дворянства выступила в роли пионеров капиталистической модернизации в регионе. Путем диверсификации хозяйств, внедрения промышленных производств и освоения новых агротехнологий они не только обеспечили собственное процветание, но и внесли значительный вклад в экономическое развитие белорусских земель. Их деятельность способствовала формированию новых отраслей промышленности, созданию инфраструктуры и интеграции региона в общероссийский рынок.

Таким образом, дворянство Беларуси в пореформенный период предстает не как монолитный, уходящий в прошлое класс, а как сословие, глубоко дифференцированное в своей реакции на вызовы времени. История его вовлечения в земельный рынок — это одновременно и драма утраты былого могущества, пронзительно описанная в «Вишневом саде» А. П. Чехова, и история рождения нового капиталистического предпринимательства, заложившего основы экономического ландшафта Беларуси XX в.

Библиографические ссылки

1. *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск: БДУ, 2013.
2. *Бурачонок А. В.* Дабрачынная дзейнасць прамысловых прадпрыемстваў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX–пачатку XX ст. // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры: материалы VII Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 21 янв. 2014 г. / под ред. Тугай В. В. Минск: МГПТК полиграфии, 2014.

3. *Бовыкин В. И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001.
4. *Шыдлоўскі С. А.* Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. Мінск: Беларус. навука, 2011.
5. *Энгельман И. Е.* История крепостного права в России. Москва: Директ-Медиа, 2022.
6. *Масальский В. И.* Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 3. 2-е изд. СПб., 1901.
7. *Киштымов А. Л.* Экономический потенциал белорусской усадьбы в конце XVIII–начале XX века // Исторические усадьбы Беларуси: состояние и перспективы: материалы Междунар. конф. [Залесье (Сморгонский район), 4–5 сент. 2003 г.]. Минск, 2003.
8. *Кириллов В. В.* История России. Учебное пособие для бакалавров. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2013.
9. *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции. СПб.: Изд. Минтвa нар. просвещения, 1895.
10. *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л.: Наука. Ленинград. отделение, 1987.

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИЙ КОЛХОЗ «МАРКОВИЧИ»: СОЗДАНИЕ, РАЗВИТИЕ И ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

М. В. Дмитрук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, maximusdm440@gmail.com*

Рассматривается история возникновения единственного в истории БССР китайского национального колхоза «Марковичи» («Кантонская коммуна»), его основные показатели и результаты посевных и уборочных работ, а также выполнение государственных заказов в рамках проведения коллективизации за период с 1928 по конец 1930-х гг.; состояние материального имущества колхоза, особенности его специализации, постепенная интернационализация хозяйства и достижения отдельных крестьян, входивших в колхоз «Марковичи».

Ключевые слова: китайский национальный колхоз «Марковичи» («Кантонская коммуна»); коллективизация; Витебщина.

THE BELARUSIAN-CHINESE COLLECTIVE FARM «MARKOVICHI»: CREATION, DEVELOPMENT AND RESULTS OF ACTIVITIES DURING THE COLLECTIVIZATION PERIOD

M. V. Dzmitruk

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, maximusdm440@gmail.com*

The history of the creation of the only Chinese national collective farm in the history of the BSSR “Markovichi” (“Canton Commune”) is examined, along with its key indicators and the results of sowing and harvesting operations, as well as the fulfillment of state orders within the framework of collectivization during the period from 1928 to the late 1930s; the condition of the collective farm’s material assets, features of its specialization, the gradual internationalization of the farm and the achievements of individual peasants who were part of the collective farm “Markovichi”.

Keywords: Chinese national collective farm “Markovichi” (“Canton Commune”); collectivization; Vitebsk region.

Белорусско-китайские отношения в последнее время претерпели существенные изменения: ряд глобальных и региональных факторов придали новый импульс развитию политического и экономического сотрудничества. Экспертное сообщество Беларуси уделяет все больше внимания китайскому внешнеполитическому направлению, называя КНР важным партнером Республики Беларусь.

Дипломатические отношения Республики Беларусь и Китайской Народной Республики были установлены в 1992 г. В этот же период начала формироваться договорная база отношений, представленная рядом документов о сотрудничестве в различных сферах.

В 2013 г. была подписана Совместная декларация о новом этапе двусторонних отношений — всеобъемлющем стратегическом партнерстве. С сентября 2022 г. между Китаем и Беларусью действуют отношения «всеобъемлющего и всестороннего стратегического партнерства». Товарооборот между Беларусью и Китаем за первое полугодие 2025 г. превысил 4 млрд долларов США.

Сегодня в рамках белорусско-китайского сотрудничества интернациональные бизнес-проекты приобрели привычный характер. В частности, определенная заинтересованность китайских инвесторов наблюдается и в сфере сельского хозяйства. Отмечается, что китайские сельхозпредприятия распределены вполне равномерно по всей территории Беларуси, однако более высокими количественными показателями обладает Витебщина, где сегодня активно ищут зарубежных инвесторов для возведения десятка крупных молочно-товарных комплексов. Здесь история строительства интернациональных сельскохозяйственных предприятий начинается с 1928 г. — с момента появления единственного на территории БССР китайского колхоза «Марковичи», просуществовавшего около 10 лет.

Создание китайского колхоза «Марковичи» (иногда упоминается как «Кантонская коммуна»¹) происходило на фоне принятых XV съездом ВКП(б) (декабрь 1927 г.) решений по организации коллективизации сельского хозяйства путем преобразования и объединения мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупное коллективное хозяйство.

30 марта 1928 г. (по другим источникам — в 1929 г. [5, с. 2]) три китайские семьи во главе с Джан Ванфу, эмигрировав из Китая, приступили к организации колхоза, расположенного возле деревень Марковичи и Бараново Николаевского сельсовета Витебского района. Первоначально в состав колхоза вошли 17 га земли (3 га пахотной земли и 14 га земли, отведенной под сенокос садом [6, с. 2]) на месте бывшего помещичьего имения. В силу наличия среди организаторов колхоза (Джан Ванфу, Син Дзудзи, Сю Даболь и Ли Ванчу) хорошо подготовленных садоводов и огородников и изначального недостатка земли, на учредительном собрании был принят устав садово-огороднической артели с особым уклоном на огородничество.

Период с 30 марта по конец 1928 г. в истории артели характеризуется как тяжелый с материальной и экономической стороны. В имущество объединения входили исключительно старые здания бывшего молочного комбината в качестве жилого помещения для будущих колхозников, отсутствовали инвентарь, необходимые семена, сырье и рабочий скот (конь

¹ Данное название хозяйство получило в честь потерпевшего поражение восстания китайских коммунистов — Кантонского восстания 1927 г. против Гоминьдана [3, с. 16].

и корова), наблюдалось неоднократное давление на членов артели со стороны семей Бувечей, Лебедевых, Кольских и Свершевских («Вам на рынке спекуляваць, а не зямлю араць. Земляробы! Прыехалі заразу тут завадзіць. Не губляйце вы свае сілы, усё роўна нічога не ўродзіць, толькі самі сабе ўбытак нагоніце» [6, с. 2]).

Несмотря на тяжелые условия, в дальнейшем для артели за счет личных сбережений были куплены 2 коня, 2 телеги, 2 плуга, семена для посевных работ и засеяны 1 га картофеля, 2 га овеса и 5 га овощей. Отмечается, что посевные работы проводились поздно, почва не была в достаточной мере обработана, в результате урожай был низким [6, с. 2].

В конце 1928 г. артели «Марковичи» был предоставлен государственный кредит в размере 5000 рублей. За счет кредита владельцы садово-огороднического объединения осуществили покупку рабочего скота (5 коров) и целостного жилого помещения для членов артели, а также осуществили заказ на 13 вагонов гноя из города и дополнительно от государства получили минеральное удобрение. Данные обстоятельства способствовали росту и развитию колхоза: к осени 1929 г. чистая прибыль хозяйства достигала 5000 рублей. Параллельно с этим в состав колхоза стали присоединяться единоличники из соседних деревень, что способствовало численному и территориальному увеличению колхоза, а также придавало ему интернациональный статус — в хозяйство шли белорусы, латыши, евреи и представители других национальностей, на то время проживавших на Витебщине. К данному моменту «Марковичи» был преобразован в интернациональный агрокомбинат.

В 1930–1931 гг. колхоз «Марковичи» показывал относительно высокие результаты по посевным работам и полученному урожаю. В 1931 г. агрокомбинат был разделен на 2 колхоза: китайский («Победа») и белорусский («Марковичи»). Имущество, ранее принадлежавшее единому агрокомбинату, также было разделено поровну между новосозданными колхозами. Вопреки данным обстоятельствам, годовой доход колхоза «Победа» уже к 1931 г. составлял 27 тыс. рублей [2, с. 29].

В 1932 г. наблюдалась очередная волна крестьян, изъявивших желание вступить в китайский колхоз «Победа». Первоначально новоприбывшие осуществляли свою работу по посевным работам и сбору урожая «по старинке», что задерживало работу колхоза. Тем не менее, к указанному году стоимость трудодня члена колхоза составляла 750 г зерновых культур, 1,4 кг картофеля, 500 г овощей и 1 руб. 57 к. Значительное количество денежных средств колхозники получали за счет имеющейся мельницы и от реализации продажи овощных продуктов. Благодаря этому колхоз смог достигнуть относительно высоких экономических показателей на фоне

уже принятых программ по проведению сплошной коллективизации, которая разворачивалась на Витебщине в тяжелых условиях из-за большого количества трудностей и проблем, в частности, как писал журнал «Шляхі калектывізацыі» в 1932 г., и из-за недостатка доставленных на территорию колхозов минеральных удобрений и веществ для необходимой обработки почвы, которая «...в своей массе заболоченная» [9, с. 5].

Очень подробно представлены результаты работы колхоза в статье «Кітайскі нацыянальны калгас змагаецца за ўраджай» в журнале «Шляхі калектывізацыі» (ноябрь 1932 г., № 22). Упоминается, что «правильная организация труда и расстановка сил, использование агротехники обеспечили высокий урожай колхозного огорода. Урожай помидор с 1 га достигает 3 тыс. пудов¹. Хороший урожай и огурцов, который также достигает около 3 тыс. пудов с га» [8, с. 8]. Кроме этого описываются достижения хозяйства по выполнению госпланов по сбору урожая: «План сдачи (продажи) картофеля государству колхозники досрочно выполнили с перевыполнением плана на 20 %. Вместо 40 ц по плану, продали государству 120 ц продукции сада. Перевыполнен план и по сдаче (продаже) государству овощей» [8, с. 8]. Чистый доход колхоза через реализацию продукции сада и огорода составлял около 20 тыс. рублей. Участие в развертывании колхозно-советской торговли обеспечило увеличение оплаты трудодня: кроме продуктовой части, колхозник получал деньгами по 3 р. 50 к. на трудодень.

Помимо упорного участия в развитии колхоза в экономическом аспекте, колхозники также принимали участие и в общественно-политической жизни страны. Син Дзудзи, председатель колхоза, наравне с Джан Ванфу² выдвигались делегатами от колхоза на 1-й районный съезд колхозников-ударников Витебщины [5, с. 2]. Син Дзудзи являлся наблюдателем XVII съезда ВКП(б) [3, с. 16], проходил 5-дневные курсы при редакции газеты «Витебский пролетарий» по подготовке настенных газет и селькоровских постов [7, с. 3–4]. Джан Ванфу в 1933 г. избирался делегатом 1-го всебелорусского съезда колхозников-ударников в Минске; как лучший ударник финансового фронта за «наглядно проведенную реализацию заема, за энтузиазм, энергию и ударные темпы работы» был премирован в 1932 г. [8, с. 8]. За выдающиеся достижения в работе колхоза премии вручались и другим колхозникам: Ви-Дзи-Ша (за лучший уход за лошадьми) [8, с. 8], Ли Вун Лин (за наглядный и безупречный уход за корами) [3, с. 16] и др.

¹ Примерно 49 142 кг.

² Являлся основоположником и первым председателем китайского национального колхоза, руководящий пост занимал по совместительству с Син Дзудзи.

В 1933 г. результаты работы колхоза «Победа» характеризовались положительной динамикой — возросли в 3 раза по сравнению с показателями за 1932 г. Трудодень члена хозяйства имел стоимость в 3 кг зерновых культур, 5 кг картофеля, 1,5 кг овощей и 80 к. денежными средствами. Ударниками за указанный год стали супруги Ли Вун Лин, Син Дзудзи, поляк Язеп Хачковский и белорус Белюсов Федор [6, с. 2].

На период 1934–1941 гг. сохранилось мало сведений о результатах и итогах работы китайского колхоза. В основном в отечественных периодических изданиях советского периода («Звезда», «Чырвоная Беларусь», «Віцебскі пралетарый») встречается информация об организационных преобразованиях колхоза: в 1934 г. бывшую «Кантонскую коммуну» назвали им. Первого секретаря ЦК Компартии БССР Николая Гикало, в 1937 г. колхоз получил окончательное название — им. 20-летия Октябрьской революции, под которым просуществовал до начала 1950-х гг.

К середине 1930-х гг. китайский колхоз стал одним из передовых хозяйств Витебского района. Хозяйство перешло на выращивание льна. Большую прибыль приносила и колхозная мельница. Колхозники вырабатывали в год по 400–600, а иногда и по 800 трудодней при норме 100. Об успехах колхозников-китайцев писала местная пресса («Віцебскі пралетарый»), а также республиканские издания — «Звезда» и «Чырвоная Беларусь» [4].

К концу 1930-х гг. колхоз продолжал демонстрировать высокую производительность труда, однако к данному периоду вновь потерял свой китайский характер. В этом же году Джан Ванфу вместе с семьей переехал в Витебск, где ему доверили руководство плодоовощной базой. Новым председателем колхоза стал Син Дзудзи.

Великая Отечественная война оказала колоссальный урон на развитие и существование китайского хозяйства: во время войны без вести пропали Джан Ванфу, Син Дзудзи и Сю Даболь, а уцелевшие родственники и остальные колхозники либо погибли, либо были вынуждены эмигрировать; сам колхоз вместе с прилегающими деревнями серьезно пострадал в результате карательной экспедиции гитлеровцев в 1943 г. После войны восстановленное хозяйство в 1950 г. присоединили к колхозу «Призыв», который вскоре был присоединен к хозяйству «Мазоловогаз» [1].

Таким образом, китайский национальный колхоз «Марковичи» («Кантонская коммуна») является одним из успешных интернациональных сельскохозяйственных проектов, действовавших на территории Беларуси. В условиях проведения коллективизации на Витебщине и сложного материального и экономического положения на момент создания колхоза хозяйство сумело со временем выйти на стабильный экономический

уровень, а в последствии стать одним из колхозов-ударников БССР, достижения которого освещались как в местной, так и в республиканской прессе. Колхозники-ударники хозяйства «Марковичи», которое в результате приобрело интернациональный характер, принимали участие не только в развитии колхоза, но и в общественно-политической жизни Витебщины и БССР в целом.

Библиографические ссылки

1. *Голесник С.* Родственники одного из основателей китайского колхоза, существовавшего в БССР, живут в Витебске // *SB.BY Беларусь сегодня*. URL: <https://www.sb.by/articles/kitayskiy-pradedushka.html> (дата обращения: 05.08.2025).

2. *Дерзибашев И.* Фото-дневник // *Суд идет!*. 1931. № 15.

3. *Маркина Т.* Кантонская коммуна: [о первых белорусских эмигрантах в Беларуси и деятельности китайского колхоза «Кантонская коммуна»] // 7 дней. 2019. 28 мар.

4. *Мартинович С.* В конце 20-х годов XX века в Витебском районе действовал «китайский колхоз» // *Придвинье*. Витебский район. URL: <https://pridvinje.by/2017/06/14/v-konce-20-x-godov-xx-veka-v-vitebskom-rajone-dejstvoval-kitajskij-kolhoz/> (дата обращения: 14.09.2025).

5. *Барашкаў М. П.* Сі-Су-Дзі: [артыкул-калонка пра дасягненні Сі-Су-Дзі ў калгасе «Маркавічы»] // *Звязда*. 1933. 19 сак.

6. *Вержбаловіч У. М.* Упэўнена ідзе па шляху да заможнага жыцця: [артыкул у гонар святкавання 16-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі пра гісторыю і дасягненні калгаса «Маркавічы»] // *Віцебскі пралетарый*. 1933. 6–7 ліст.

7. *Вержбаловіч У. М.* 24 сакавіка пры рэдакцыі «Віцебскага пралетарыя» пачынаюць работаць курсы рэдактароў насценных газет і селькораўскіх пастоў: [аб’ява пра падрыхтоўчыя курсы] // *Віцебскі пралетарый*. 1934. 17 сак.

8. *Міцькоў С., Міхайлаў Н.* Кітайскі нацыянальны калгас змагаецца за ўраджай // *Шляхі калектывізацыі*. 1932. № 22.

9. *Міцькоў С., Міхайлаў Н.* Максымум увагі выкананню плянаў сяўбы // *Шляхі калектывізацыі*. 1932. № 8.

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В СВИСЛОЧСКОМ РАЙОНЕ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ БССР В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

О. Г. Казак

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», пр-т Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, kazak_og@bseu.by

Статья продолжает цикл работ автора о положении национальных меньшинств в различных регионах Беларуси в позднесоветский период и в первые годы существования суверенной Беларуси. Особое внимание уделяется анализу позиций партийных органов и институтов местной власти Свислочского района Гродненской области относительно функционирования польских диаспоральных организаций. Основу источниковой базы работы составили документы Государственного архива общественных объединений Гродненской области, материалы региональной прессы.

Ключевые слова: межнациональные отношения; национальные меньшинства; польская диаспора.

THE SITUATION OF THE POLISH NATIONAL MINORITY IN THE SVISLOCH DISTRICT OF THE GRODNO REGION OF THE BSSR IN THE LATE SOVIET PERIOD

O. G. Kazak

Educational Institution “Belarusian State Economic University”, Partizansky Avenue, 26, 220070, Minsk, Belarus, kazak_og@bseu.by

The article continues the author's series of works on the situation of national minorities in various regions of Belarus in the late Soviet period and in the first years of the existence of sovereign Belarus. Particular attention is paid to the analysis of the positions of party bodies and local government institutions of the Svisloch district of the Grodno region regarding the functioning of diaspora Polish organizations. The source base of the work consists of documents from the State Archive of Public Associations of the Grodno Region and materials from the regional press.

Keywords: interethnic relations; national minorities; polish diaspora.

В период горбачевской перестройки наблюдалась резкая активизация национально-культурной жизни этносов, проживающих в Беларуси. Не остались в стороне от данных процессов и представители польской диаспоры (по данным переписи населения 1989 г., в Беларуси проживало около 417 тыс. поляков, порядка 300 тыс. из них — в Гродненской области). В позднесоветский период появляются польские общественные объединения, возобновляется практика обучения польскому языку в школах. Проведенные нами исследования позволяют сделать вывод, что в

подавляющем большинстве случаев областной, районные и городские комитеты Коммунистической партии Белоруссии (КПБ) в Гродненской области поддерживали начинания активистов польского этнополитического движения [1], региональная пресса освещала деятельность последних в положительном ключе [2]. Протекание межнациональных отношений в различных районах Гродненской области, однако, имело свои специфические особенности.

Создание польских культурных институций в Гродненской области не встречало сопротивления со стороны властей. Так, на заседании Гродненского областного отделения Советского фонда культуры 26 июня 1988 г. было принято решение о создании при отделении фонда польских культурно-просветительских секций, а также была сформирована инициативная группа, в которую вошли 11 человек, представлявших города Гродно и Лиду, Гродненский, Волковысский, Вороновский, Свислочский, Щучинский, Берестовицкий районы. В инициативную группу от Свислочского района вошел директор Свислочской средней школы № 1 имени К. Калиновского А. С. Полубинский [3, л. 15–17]. Свислочский район был одним из первых регионов, в которых была налажена работа отделений Польского культурно-просветительского общества имени А. Мицкевича (ПКПО), действовавшего с 1988 г. при Гродненском областном отделении Советского фонда культуры [4, л. 18].

В период перестройки в школах Свислочского района начинается преподавание польского языка, реализация мероприятий по популяризации польской культуры. Данные меры находили понимание и поддержку районной партийной организации. Так, на заседании бюро Свислочского районного комитета КПБ 30 января 1989 г. было принято решение «продолжить работу по организации кружков польского языка, создать необходимые условия для работы самостоятельных творческих коллективов по изучению и пропаганде польской культуры». Ответственными за выполнение данных задач были районный комитет партии, отдел культуры районного исполнительного комитета, районный отдел народного образования [5, л. 65]. По результатам заседания бюро 27 апреля 1989 г. было сформулировано поручение отделам районного комитета КПБ «выработать тактику совместных оперативных, открытых политических действий» по контролю за выполнением различных программ, среди которых была названа программа «развития родной речи, истории и культуры белорусского и польского народов» [6, л. 46].

Сведения о количестве лиц, изучавших польский язык в школах Свислочского района в позднесоветский период, в различных источниках несколько разнятся. Так, в справке об изучении польского языка в

школах БССР, составленной к заседанию Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР 4 декабря 1990 г., сообщалось, что в начале 1990/1991 учебного года польский язык изучали 294 ученика в 8 школах района (39 человек — как отдельный предмет, 255 человек — в форме факультативных занятий и кружков) [7, л. 53]. 26 апреля 1991 г. секретарь Свислочского районного комитета КПБ Н. К. Тарасевич сообщал в Гродненский областной комитет партии о том, что польский язык в том же учебном году изучался 346 учениками 7 школ [8, л. 3]. Кроме того, партийный работник отмечал проблемы польскоязычного образования, которые были характерны и для других районов: «Здесь возникают трудности и с кадровым обеспечением учебного процесса, и с нехваткой учебников на польском языке, методической литературы» [8, л. 4].

Положение польского национального меньшинства освещалось на страницах районной газеты «Заветы Ильича». Так, в заметке упомянутого Н. К. Тарасевича сообщалось о создании в городском поселке Порозово Свислочского района в апреле 1989 г. отделения ПКПО. Автор положительно оценивал начало функционирования организации, полагая, что она «будет способствовать духовному обогащению подрастающего поколения, всех трудящихся» [9, с. 2]. 5 июня 1990 г. была опубликована статья об отчетно-выборном собрании порозовского отделения ПКПО, которое к тому времени насчитывало чуть более 500 человек. Автор статьи А. Валюк рассматривал функционирование организации как иллюстрацию того, что «новое политическое мышление дало дорогу свободному развитию культуры, языка всех народов, населяющих нашу республику». Сообщалось об основных направлениях деятельности местного отделения ПКПО: восстановление могил участников восстания 1863–1864 гг., организация отдыха детей на каникулах в Польше, создание польского фольклорного ансамбля, содействие развитию польскоязычного образования в районе [10, с. 2]. Столь же позитивной оценки данного автора районной газеты удостоилась организация «Полония» — один из ключевых традиционных инструментов «мягкой силы» Польши. В выпуске издания за 25 ноября 1989 г. сообщалось о положительном опыте организованной «Полонией» поездке нескольких членов ПКПО из Гродненской области в польский город Пултуск [11, с. 3].

Польские организации Свислочского района, однако, в отдельных случаях становились участниками конфликтных ситуаций. В газете «Заветы Ильича» 27 марта 1990 г. была опубликована статья об одном из таких эпизодов. Сообщалось, что отделение ПКПО в городском поселке Порозово просило передать ему в пользование здание бывшей детской библиотеки. Местные власти отказали в просьбе, так как здание предполагалось

использовать для нужд стоматологического кабинета. Активистам польской организации предлагалось помещение с отдельным входом в Доме культуры. Автор газетной статьи считал, что члены полонийной структуры предъявляли несколько завышенные требования к местным властям и не учитывали социально-экономическую ситуацию в поселке (нехватка помещений, важность предоставления качественной медицинской помощи населению). В материале нашли отражение позиции обеих сторон — и активистов порозовского отделения ПКПО, и руководителей поселкового Совета и исполнительного комитета. Члены польского общественного объединения подчеркивали, что их усилиями была проведена существенная работа по облагораживанию кладбища, созданию коллективов творческой самодеятельности, а также обвиняли местные власти в недостаточном внимании к культурным запросам представителей различных национальностей поселка. Руководители органов местного управления и самоуправления, в свою очередь, отмечали, что при создании порозовского отделения ПКПО не были соблюдены все необходимые юридические процедуры, сами активисты полонийной организации не информировали о своей деятельности, избегали контактов с представителями властных институтов [12, с. 3].

В выпуске газеты за 24 апреля 1990 г. было опубликовано письмо одного из героев рассмотренной выше журналистской статьи, активистки порозовского отделения ПКПО Я. В. Войтеховской. Автор письма опровергала слова журналиста районного издания о том, что участники польского этнополитического движения избегали контактов с местными властями. В частности, сообщалось, что 23 мая 1989 г. в помещении Порозовского поселкового Совета состоялась встреча с руководством района, на которой присутствовал председатель ПКПО Т. Ф. Гавин [13, с. 3].

В газете «Заветы Ильича» 23 июня 1990 г. были опубликованы фрагменты выступлений на сессии Свислочского районного Совета главного редактора этого издания С. И. Ковальчука и депутатов, участвовавших в дискуссии. С. И. Ковальчук отметил, что вопрос о языке газеты должен был решаться с учетом мнения граждан, выступил против одномоментного перевода издания полностью на белорусский язык, но приветствовал постепенное увеличение материалов на нем. Участвовавший в прениях директор совхоза «Порозовский» Н. Н. Евкович подчеркнул необходимость учета мнения в этом вопросе и польского национального меньшинства: «А почему она (газета. — *О. К.*) должна быть белорусской? Почему не польской? Это если говорить от имени моих избирателей. Я могу так поставить вопрос применительно к своему избирательному округу, потому что в нем большинство поляков». Учитель Гринковской средней

школы Б. В. Диденко не был согласен с таким подходом, считая, что газета на польском языке могла издаваться за счет средств местного отделения ПКПО [14, с. 2].

Таким образом, партийные органы и институты местной власти Свислочского района Гродненской области в период перестройки поддерживали конструктивные и имевшие объективные основания предложения польских общественных объединений (развитие польскоязычного образования; мероприятия, направленные на популяризацию польской культуры). Отдельные представители районных управленческих элит отмечали некоторую гиперболизацию проблем удовлетворения национально-культурных запросов польского населения со стороны активистов местных структур ПКПО. В районной газете «Заветы Ильича» в абсолютном большинстве случаев помещались статьи, в которых деятельность польской диаспоральной организации оценивалась позитивно. Отдельные критические материалы отражали позицию их авторов, активисты польского этнополитического движения имели возможность опубликовать свои опровержения на страницах районного издания.

Библиографические ссылки

1. Казак О. Г. Польские общественные объединения в БССР в оценках партийных организаций Коммунистической партии Белоруссии Гродненской области (конец 1980-х–начало 1990-х гг.) // Труды Бел. гос. технол. ун-та. Серия 6: История, философия. 2025. № 1. С. 105–109.
2. Казак О. Г. Общественные объединения польского национального меньшинства Белорусской ССР в период перестройки в освещении региональной прессы Гродненской области // Вестн. Рос. гос. гум. ун-та. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 2. С. 10–24.
3. Государственный архив Гродненской области. Ф. 288. Оп. 1. Д. 9.
4. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГр). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1721.
5. ГАООГр. Ф. 5. Оп. 64. Д. 3.
6. ГАООГр. Ф. 5. Оп. 64. Д. 4.
7. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4089.
8. ГАООГр. Ф. 5. Оп. 66. Д. 28.
9. Тарасевич Н. Беречь наше наследие // Заветы Ильича. 1989. 15 апреля. С. 2.
10. Валюк А. Жить в дружбе и согласии // Заветы Ильича. 1990. 5 июня. С. 2.
11. Валюк А. Торжество в Пултуске // Заветы Ильича. 1989. 25 ноября. С. 3.
12. Гурина Т. Конфликт // Заветы Ильича. 1990. 27 марта. С. 3.
13. Войтеховская Я. Больше думать о нас // Заветы Ильича. 1990. 24 апреля. С. 3.
14. Вторая сессия районного Совета народных депутатов // Заветы Ильича. 1990. 23 июня. С. 2–3.

ПРАЯВЫ НОНКАНФАРМІЗМУ СЯРОД ВУЧНЁЎСКОЙ МОЛАДЗІ Ў БССР У 1944–1954 гг.

А. У. Кімбар

*Мінскі гарадскі педагагічны каледж,
вул. Макаёнка, 29, 220114, г. Мінск, Беларусь, andrejkimbar@gmail.com*

У артыкуле на аснове архіўных крыніц разглядаецца дзейнасць нонканфамісцкіх арганізацый, якія ўзніклі ў тэхнікумах і вучылішчах БССР з моманту вызвалення тэрыторыі краіны ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў да сярэдзіны 1950-х гг. Вызначаюцца прычыны ўзнікнення такіх аб'яднанняў, механізмы выкрыцця і напрамкі дзейнасці камсамольскіх арганізацый па пераадоленні іх уплыву на моладзь.

Ключавыя словы: ЛКСМБ; камсамол; заходнія вобласці БССР; нонканфармізм; тэхнікум; вучылішча.

ПРОЯВЛЕНИЯ НОНКОНФОРМИЗМА СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В БССР В 1944–1954 гг.

А. В. Кимбар

*Минский городской педагогический колледж,
ул. Макаёнка, 29, 220114, г. Минск, Беларусь, andrejkimbar@gmail.com*

В статье на основе архивных источников рассматривается деятельность нонконформистских организаций, возникших в техникумах и училищах БССР с момента освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков до середины 1950-х гг. Определяются причины возникновения подобных объединений, механизмы их разоблачения, направления деятельности комсомольских организаций по преодолению их влияния на молодёжь.

Ключевые слова: ЛКСМБ; комсомол; западные области БССР; нонконформизм; техникум; училище.

MANIFESTATIONS OF NONCONFORMISM AMONG STUDENTS IN THE BSSR IN 1944–1954

A. Kimbar

*Minsk City Pedagogical College,
Makayonka St., 29, 220114, Minsk, Belarus, andrejkimbar@gmail.com*

Based on archival sources, the article examines the activities of nonconformist organizations that emerged in technical schools and vocational schools of the BSSR from the moment of the liberation of the country's territory from the German-fascist invaders until the mid-1950s. The reasons for the emergence of such associations, the mechanisms of their exposure, and the directions of Komsomol organizations' activities aimed at overcoming their influence on youth are identified.

Keywords: LKSMB; Komsomol; western regions of the BSSR; nonconformism; technical school; vocational school.

Пасля таго, як тэрыторыя Беларусі была вызваленая ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў, у краіне ўзнік шэраг нонканфармісцкіх арганізацый з рознымі мэтамі і задачамі. Партыйныя і савецкія органы, а таксама члены грамадскіх аб'яднанняў выкрывалі дзейнасць такіх суполак. Члены Ленінскага камуністычнага саюза моладзі Беларусі (ЛКСМБ) прымалі актыўны ўдзел у выкрыцці такіх груп, але, у той жа час, некаторыя з іх прымалі ўдзел у фарміраванні і дзейнасці нонканфармісцкіх аб'яднанняў. Тэхнікумы і вучылішчы былі адным з асяродкаў утварэння такіх арганізацый.

Дадзеная праблематыка знайшла адлюстраванне ў даследаваннях айчынных гісторыкаў. Так, І. А. Валахановіч прааналізаваў дзейнасць падпольных груп і арганізацый, якія ўзніклі ў беларускіх навучальных установах, у тым ліку на аснове матэрыялаў Цэнтральнага архіва КДБ Рэспублікі Беларусь. Сярод беларускіх аб'яднанняў такога тыпу ён разглядае дзейнасць суполак, якія ўзніклі ў Пастаўскім і Глыбоцкім педагагічных вучылішчах (педвучылішчах), і арганізацыі «Чайка» [1, с. 49–53].

Дакументы справаводства ЦК ЛКСМБ, размешчаныя ў фондзе 63п Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, дазваляюць выявіць яшчэ некалькі нонканфармісцкіх аб'яднанняў, якія дзейнічалі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе ў тэхнікумах і вучылішчах, а таксама прасачыць рэакцыю камсамольскіх работнікаў на выкрыццё такіх груп.

Мэта дадзенай работы — аналіз дзейнасці нонканфармісцкіх суполак, якія ўзніклі ў сярэдніх прафесіянальных і прафесіянальна-тэхнічных вучэбных установах БССР у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе.

Разгледзім дзейнасць некалькіх нонканфармісцкіх аб'яднанняў на аснове архіўных матэрыялаў ЦК ЛКСМБ.

Суполкі, якія ўзніклі ў 1946 г. Пастаўскім і Глыбоцкім педвучылішчах, паводле пастановы бюро ЦК ЛКСМБ ад 17 чэрвеня 1947 г. прызнаваліся антысавецкімі нацыяналістычнымі групамі, якія скарысталіся стратай пільнасці камітэтаў камсамола і разгарнулі антысавецкую прапаганду сярод студэнтаў, што запаволіла рост камсамольскіх арганізацый і паменшыла іх уплыў на моладзь [2, арк. 12].

У дакладзе пра стан палітычнай работы сярод моладзі ў Пастаўскім раёне і ў Пастаўскім педвучылішчы, падрыхтаваным інструктарам аддзела прапаганды і агітацыі ЦК ЛКСМБ Мазайскім, адзначалася, што большасць моладзі адгукалася на размовы пра камсамол, многія думалі ўступаць у арганізацыю, але яны не ведалі гісторыі камсамола, а таксама сярод іх моцныя рэлігійныя перакананні. Частка моладзі знаходзілася пад уплывам бацькоў, якія забаранялі ўступаць у камсамол. Раённы камітэт ЛКСМБ абвінавчваўся ў тым, што такія настроі не былі ўлічаныя пры рабоце, а таксама ў

кепскай арганізацыі палітычнай асветы і прапаганды [2, арк. 5–6]. Асабліва крытыкавалася кіраўніцтва дзейнасці пярвочнай арганізацыяй ЛКСМБ у педвучылішчы. Дадзеная арганізацыя на працягу 1947 г. да сакавіка прыняла ў камсамол толькі трох навучэнцаў з 70 некамсамольцаў. Пры гэтым адзначаецца, што пасля выкрыцця антысавецкай групоўкі за тры з паловай месяцы ў камсамол уступілі 31 чалавек. Таксама ў педвучылішчы была кепска арганізавана лекцыйная работа. Навучэнцы знаходзіліся ў кепскіх побытавых умовах [2, арк. 8].

Глыбоцкі і Пастаўскі райкамы ЛКСМБ і іх сакратары былі абвінавачаныя ў тым, што перасталі прымаць удзел у кіраўніцтве камсамольскіх арганізацый педвучылішч, не аказвалі ім практычнай дапамогі. Бюро райкамаў не абмяркоўвала работу дадзеных арганізацый [2, арк. 11–12].

І. А. Валахановіч адзначае, што своеасаблівае дадзеных арганізацый заключалася ў тым, што вучнёўская моладзь, у тым ліку і камсамольцы, востра адрэагавала на перагібы ў правядзенні ўнутрыпалітычных мерапрыемстваў савецкай улады пасля вайны. А фармальнае ўступленне ў гады Вялікай Айчыннай вайны некаторых з удзельнікаў дадзеных суполак у Саюз беларускай моладзі не сведчыць пра выпрацоўку ў іх на гэтай аснове сталых антысавецкіх прынцыпаў [1, с. 50].

У другой палове лістапада 1951 г. у Беларускам электратэхнікуме сувязі (г. Пінск) у другой групе II курса радыёаддзялення ўзнікла суполка пад назвай «Анархісты». У яе ўваходзілі навучэнцы Бедынерман, Ляшко, Барадаўка і Белы. На адным з урокаў імі былі зробленыя чатыры членскія білеты. Ляшко намаляваў на кожным білеце эмблему: чэрап і скрыжаваныя косткі. Таксама на білетах было напісана: «Анархия — мать порядка», «Анархисты, объединяйтесь!», «За измену — смерть!». Дадзеныя білеты атрымалі навучэнцы Нікалаёнак, Чашко, Козел, Брухан, але адразу пасля ўручэння «дакументы» былі знішчаныя. Усе названыя навучэнцы, акрамя Барадаўкі, былі членамі камсамола. Суполка праіснавала некалькі дзён і была выкрытая камсамольскім групаргам Мялешка і класным кіраўніком Мойжас. З навучэнцамі была праведзеная размова, падчас якой стала зразумела, што яны не разумеюць сутнасці анархізму.

Як адзначаецца ў спецыяльным паведамленні Пінскага абласнога камітэта ЛКСМБ, узнікненне дадзенай суполкі стала вынікам нізкага ідэйнага ўзроўню палітычнай і культурна-масавай работы. 26 снежня 1951 г. на Пленуме гарадскога камітэта КП(б)Б абмяркоўвалася пытанне «Аб стане вучэбна-выхаваўчай работы ў школах і вучэбных установах горада Пінска». 29 снежня 1951 г. на пасяджэнні бюро абкама ЛКСМБ праведзеныя мерапрыемствы, накіраваныя на ўзмацненне ідэалагічнай работы сярод студэнтаў тэхнікума сувязі, настаўніцкага інстытута і іншых сярэдніх вучэбных устаноў Пінскай вобласці [3, арк. 126–127].

У кастрычніку 1954 г. у навучэнцаў Жыровіцкага тэхнікума механізацыі сельскай гаспадаркі адбыўся канфлікт з адміністрацыяй навучальнай установы, вынікам чаго стала адмова выходзіць на заняткі. 20 кастрычніка навучэнец чацвёртай групы IV курса Шавярэнка на занятках па сельскагаспадарчых машынах выйшаў сцерці надпісы на дошцы і намаляваў сілуэт чалавека. Выкладчык Бельскі палічыў гэта за абразу і выдаліў навучэнца з заняткаў. Праз дзве гадзіны пад уплывам Бельскага і іншых выкладчыкаў дырэктар тэхнікума Анісаў выдаў загад аб адлічэнні Шавярэнкі з навучальнай установы. Гэтым жа загадам быў адлічаны з тэхнікума навучэнец Шэры (за п'янку), а яшчэ пяць навучэнцаў патрапілі пад адміністрацыйныя спагнанні за здзейсненыя імі раней праступкі. Пасля апублікавання загада навучэнцы групы, у якой вучыўся Шавярэнка, напісалі на імя дырэктара калектыўную заяву, дзе прасілі пакінуць яго ў тэхнікуме. Дадзеная заява была адхіленая дырэктарам.

Ноччу з 20 на 21 кастрычніка ў будынку тэхнікума былі вывешаныя тры плакаты з наступным зместам: «Долой тиранов! Да здравствует справедливость!», «Прекратите, паразиты издеваться!», «Преступники! Вас ждет расправа!»

Раніцай 21-га кастрычніка другая, трэцяя і чацвёртая групы IV курса не выйшлі на заняткі. Пасля абеду не выйшлі на заняткі і навучэнцы першай групы. Спробы дырэктара і камітэта камсамола вярнуць навучэнцаў на заняткі былі безвыніковымі. Толькі пасля таго, як Шавярэнка быў дапушчаны да ўрокаў, усе навучэнцы пасля абеду 22 кастрычніка выйшлі на заняткі [4, арк. 9–10].

Праверка, накіраваная ў тэхнікум абкамам ЛКСМБ, прыйшла да высновы, што дадзеная з'ява стала вынікам запусчанай выхаваўчай работы, памяншэння ролі камсамольскай арганізацыі ў жыцці і вучобе навучэнцаў, а таксама педагагічных памылак з боку выкладчыцкага калектыву і дырэктара тэхнікума (так, адзначалася, што шматлікія з выкладчыкаў былі спецыялістамі ў сваёй справе, але не мелі педагагічнай адукацыі і вопыту работы).

Сакратар Гродзенскага абкама ЛКСМБ Г. Фомічаў адзначаў, што ў тэхнікуме не заўсёды стваралася грамадскае меркаванне супраць парушэння дысцыпліны і фактаў няправільных паводзін. Дырэкцыя адміністрацыйным шляхам вырашала ўсе пытанні, якія былі звязаныя з няправільнымі паводзінамі асобных навучэнцаў. А камітэт камсамола тэхнікума, пасля накладання адміністрацыйных спагнанняў дырэкцыяй, паўторна абмяркоўваў гэтыя факты і караў другі раз навучэнцаў. Такім чынам адсутнічала выхаваўчая роля калектыву, як самая вялікая сіла грамадскага ўздзеяння і асуджэння правіннасці членаў гэтага калектыву, а адміністрацыйнае ўздзеянне выклікала няправільную рэакцыю і незадаволенасць сярод некаторых навучэнцаў.

Факт таго, што навучэнцы не выйшлі на заняткі, быў абмеркаваны на пасяджэнні камітэта камсамола. Во ўсіх групх тэхнікума былі праведзеныя камсамольскія сходы, на якіх выступілі 150 камсамольцаў. Пасля быў праведзены агульны камсамольскі сход навучэнцаў тэхнікума. У ліку тых, хто на ім выступаў, былі сем камсамольцаў, што не выйшлі на заняткі. Яны прызналі, што паддаліся на правакацыю і своєчасова не разабраліся ў сутнасці свайго ўчынку [4, арк. 10].

Прадстаўнікі камітэта камсамола тэхнікума атрымалі пакаранні (пазбаўленне пасады і строгая вымова з занясеннем ва ўліковую картку). Дырэктару тэхнікума на пасяджэнні бюро Слонімскага райкама КПБ была абвешчана строгая вымова з занясеннем ва ўліковую картку, аналагічнае пакаранне атрымаў намеснік дырэктара. 12 лістапада 1954 г. адбылося пасяджэнне абкама КПБ, на якім разглядалася пытанне аб рабоце тэхнікума [4, арк. 11].

Аналізуючы дзейнасць і прычыны ўзнікнення нонканфармісцкіх суполак у тэхнікумах і вучылішчах БССР у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе, можна вылучыць некалькі ўмоўных напрамкаў дзейнасці і прычын узнікнення. Гэта суполкі, якія займаліся дзейнасцю, якая была прызнаная ў той час антысавецкай (групы, якія ўзніклі ў 1946 г. Пастаўскім і Глыбоцкім педвучылішчах); групы якія ўзнікалі як таемныя арганізацыі, без акрэсленай палітычнай мэты (група «анархісты», якая ўзнікла ў Беларускам электратэхнікуме сувязі, г. Пінск), а таксама праяўленне рэакцыі моладзі на дзеянні адміністрацыі навучальных устаноў (Жыровіцкі тэхнікум механізацыі сельскай гаспадаркі). Адзначым, што архіўныя крыніцы паказваюць, што названыя нонканфармісцкія суполкі ўзнікалі пераважна на тэрыторыі заходніх абласцей БССР.

Вывучэнне дзейнасці такіх арганізацый спрыяе сістэматызацыі ведаў пра сацыяльныя і палітычныя ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе, а таксама адлюстроўвае паўсядзённасць у дадзены перыяд.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Валаханович И. А.* Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. Минск: БГУ, 2002.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 63п. Воп. 15. Спр. 30.
3. НАРБ. Ф. 63п. Воп. 31. Спр. 4.
4. НАРБ. Ф. 63п. Воп. 31. Спр. 10.

УЧАСТИЕ КОМСОМОЛА БЕЛАРУСИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ ПЕРИОДА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ПЕРЕСТРОЙКИ

С. М. Клишевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, belrus90@mail.ru*

Рассмотрено участие комсомола Беларуси в избирательных кампаниях периода осуществления общественно-политических и социально-экономических реформ в советском государстве. Определены изменения, коснувшиеся традиционных форм и методов участия ЛКСМБ в выборах, а также дана оценка их эффективности в новых условиях. Выявлены особенности электоральной активности комсомола Беларуси на фоне системной трансформации законодательства и политического ландшафта советского общества.

Ключевые слова: ВЛКСМ; ЛКСМБ; КПСС; советы народных депутатов; избирательная кампания; агитация.

PARTICIPATION OF THE KOMSOMOL OF BELARUS IN ELECTION CAMPAIGNS DURING THE PERESTROIKA POLICY

S. M. Klishevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, belrus90@mail.ru*

The participation of the Komsomol of Belarus in the election campaigns of the period of implementation of socio-political and socio-economic reforms in the Soviet state was considered. Changes have been identified that affect the traditional forms and methods of participation of LKSMB in elections, as well as an assessment of their effectiveness in the new conditions. The peculiarities of the electoral activity of the Komsomol of Belarus were revealed against the background of the systemic transformation of legislation and the political landscape of Soviet society.

Keywords: Komsomol; LKSMB; CPSU; councils of people's deputies; election campaign; agitation.

Комсомол как один из столпов общественно-политической жизни советского государства и основной проводник политики КПСС в молодежной среде принимал непосредственное участие в организации и проведении электоральных кампаний в стране.

Первый избирательный процесс, которого коснулись изменения, продиктованные осуществляемой в стране политикой перестройки, являлись выборы народных депутатов местных Советов двадцатого созыва, проходившие в июне 1987 г. Основной формой участия в них ЛКСМБ оставалось

традиционное выдвижение своих кандидатов в депутаты, что регламентировалось Законом БССР «О выборах в местные Советы народных депутатов Белорусской ССР» от 20 июня 1979 г. [1]. Кроме того, комсомол принимал участие в формировании органов, организующих проведение выборов. Так, в состав 36 806 избирательных комиссий разного уровня вошло 407 944 человека, 96 621 (23,7 %) из которых являлись членами ВЛКСМ [2, с. 88]. Данные цифры свидетельствуют о сохранении доверия партийных органов к комсомолу как одному из основных проводников политического курса КПСС.

Необходимо отметить, что для советской избирательной модели традиционным являлось проведение выборов в Советы депутатов разного уровня на безальтернативной основе. Политика перестройки общественно-политической жизни советского общества требовала корректировки таких подходов. О необходимости реформирования избирательной системы советского государства было заявлено на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, решения которого допускали проведение выборов на альтернативной основе.

Впервые в БССР выборы в таком формате в качестве эксперимента были организованы в рамках проведения избирательной кампании в местные Советы народных депутатов двадцатого созыва по многомандатным избирательным округам в Бельничском, Глубокском, Дрогичинском, Ельском, Клецком и Кореличском районах [3, л. 1], где на 3344 депутатских мандатов претендовало 4280 кандидатов [4, с. 16]. Необходимо отметить, что в большинстве своем общество оказалось не подготовлено к такого рода нововведениям и наличие в бюллетенях для голосования нескольких кандидатур вызывало у многих непонимание и растерянность. Так, по описанию корреспондента газеты «Знамя юности», многие молодые работники Дрогичинского трактороремонтного завода «только понаслышке знают, что надо будет кого-то вычеркнуть» [5].

Одним из наиболее активных этапов данной избирательной кампании являлась агитация кандидатов в депутаты, которая основывалась на пропаганде партийных установок, нацеленных на развитие трудовой и общественной активности избирателей. Так, к примеру 23 апреля 1987 г. бюро Воложинского райкома ЛКСМБ приняло решение о концентрации всей своей организаторской и политической работы в связи с выборами на «повышение трудовой и общественной активности комсомольцев и молодежи в борьбе за ускорение социально-экономического развития, успешное выполнение решений XXVIII съезда КПСС, январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, достойную встречу 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции» [6, л. 199]. Создание собственных программ кандидатами в депутаты не предусматривалось, что можно объяснить отсутствием конкуренции.

Выборы в местные Советы народных депутатов двадцатого созыва прошли прогнозируемо, в том числе касательно комсомольского представительства в них. Так, в республике было избрано 85 384 депутата, 16 501 (31 % от общего количества) из которых являлись моложе 30 лет, 17 532 (20,5 %) депутата представляли комсомол [2, с. 3–4], а 316 (0,4 %) народных избранников непосредственно работали в комитетах ЛКСМБ [2, с. 20], что соответствовало установкам партийного руководства о сохранении подходов по формированию местных Советов депутатов девятнадцатого созыва. Для сравнения, необходимо отметить, что членов и кандидатов в члены КПСС было избрано 38 000 (44,5 %), работников партийных органов — 2645 (3,1 %), что соизмеримо по значимости и уровню влияния на общественно-политические процессы в республике с количеством избранных комсомольцев [2, с. 16].

В соответствии с инициированной ЦК КПСС реформой советской модели политического устройства и принятием соответствующих законодательных актов 26 марта 1989 г. в стране состоялись выборы народных депутатов СССР, которые впервые прошли на демократической основе, позволяющей выдвигать в депутаты по избирательным округам не ограниченное количество кандидатов.

ВЛКСМ получил право напрямую избрать 75 своих представителей в высший орган государственной власти страны — Съезд народных депутатов СССР, что регламентировалось Законом СССР «О выборах народных депутатов СССР» [7]. Кроме того, у комсомола сохранялась возможность выдвинуть своих кандидатов в депутаты от трудовых коллективов, других общественных организаций, воинских частей, а также собранием избирателей по месту жительства, что стало новшеством, отвечающим политике демократизации, осуществляемой в стране [8, с. 17–18].

С 15 декабря 1988 г. на основании извещения избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР от ВЛКСМ в республике началась кампания по выдвижению претендентов в кандидаты в народные депутаты СССР от комсомола [9]. Ее отличительной особенностью стала демократическая форма организации комитетами ЛКСМБ этой работы, а также открытое выдвижение и обсуждение предлагаемых кандидатур, которые должны были в рамках данного процесса представить свои предвыборные платформы.

Так, кандидатов от комсомола г. Минска определяли на собрании актива, где каждый из претендентов защищал свою предвыборную программу. К примеру, формовщик-экспериментатор Минского автозавода А. Лаптов предлагал создать целостную молодежную политику в стране, внести

изменения в жилищное законодательство, которые позволили бы системно решать проблемы с жильем для молодежи, а также справедливо распределять, в том числе среди молодежи, товары народного потребления [10].

Всего в рамках кампании по выдвижению претендентов в депутаты от ВЛКСМ в первичных комсомольских организациях республики обсуждалось более 200 человек, однако отбор прошли лишь 20, кандидатуры которых 4 января 1989 г. были рассмотрены на пленуме ЦК ЛКСМБ, принявшем решение поддержать в дальнейшей борьбе за депутатские мандаты 7 выдвиженцев [11, л. 4].

В соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими проведение выборов, судьбу представителей комсомола республики определяли избирательная комиссия и Пленум ЦК ВЛКСМ, которые одобрили своим решением выдвижение трех представителей ЛКСМБ: И. Абламейко — электросварщика Минского механического завода им. С. И. Вавилова, С. Калашникова — заместителя директора по работе с молодежью Бобруйской швейной фабрики им. Ф. Э. Дзержинского и воина-интернационалиста — П. Шетько.

Борьба за основное количество депутатских мандатов в республике развернулась 26 декабря 1986 г., когда началось выдвижение претендентов на статус кандидатов в депутаты от трудовых коллективов и по месту жительства. Прошедшие этот этап выдвиженцы избирались прямым, тайным голосованием по территориальным и национально-территориальным округам, которых в БССР было образовано 28 и 32 соответственно. Комсомол также предпринял попытки выдвинуть своих представителей в избирательных округах, однако ввиду отсутствия у организации и ее выдвиженцев необходимых знаний и опыта самостоятельной политической борьбы в условиях конкуренции привело к провалу этой работы и отсутствию у ЛКСМБ народных депутатов СССР, избранных по одномандатным округам.

Таким образом, ЛКСМБ оказался не готов к эффективной борьбе в условиях конкуренции за свое представительство в высшем органе власти страны. В то же время, получив 3 мандата народных депутатов СССР у ЛКСМБ появилась возможность доносить свою позицию руководству страны.

Политический марафон продолжился подготовкой к проведению выборов в Верховный Совет БССР и местные Советы народных депутатов, которому дало старт широкое обсуждение проекта Закона БССР «О выборах народных депутатов Белорусской ССР», принятого Верховным Советом БССР 27 октября 1989 г.

Новые условия общественно-политической жизни советского государства стимулировали комсомол к системной самостоятельной работе и созданию собственной убедительной предвыборной программы, которая бы вызывала доверие у населения.

29 декабря 1989 г. после многочисленных обсуждений и дискуссий внутри организации бюро ЦК ЛКСМБ приняло собственную предвыборную платформу, которая должна была отразить политическое лицо самостоятельного молодежного объединения. В ее основе лежали тезисы, касающиеся решения социально-экономических проблем общества, а также отражена позиция комсомола по актуальным общественно-политическим вопросам. Программа ЛКСМБ содержала следующие принципы: суверенитет и независимость республики в составе обновленной федерации; демократизация деятельности государственных органов и общественно-политической жизни республики; развитие экономики на основе сочетания рыночных и плановых механизмов хозяйствования; усиление социальных гарантий для всего населения и отдельно для молодежи; создание эффективной государственной молодежной политики, в основе которой должна была быть социальная защита молодежи и другое [12, л. 18].

Характер самостоятельной предвыборной программы ЛКСМБ предавал факт отсутствия в ней какого-либо упоминания о взаимодействии с КПБ и всесоюзным комсомольским центром. В то же время, многие ее послы были адресованы всему белорусскому обществу, что свидетельствовало о желании комсомола заручиться поддержкой разных категорий населения республики.

Одновременно с разработкой, обсуждением и принятием предвыборных документов комсомола в трудовых коллективах, по месту жительства и в общественных организациях шел процесс выдвижения претендентов в народные депутаты республики, избираемых прямым голосованием, который завершился 23 января 1990 г. На 310 мандатов народных депутатов, определяемых таким способом, претендовал 1251 кандидат, 90 из которых были моложе 30 лет (7,2 % от общего количества), 21 (1,7 %) являлся членом ВЛКСМ и 24 (1,9 %) работали непосредственно в комсомоле [13, л. 3]. В местные Советы на 48 540 мест претендовало порядка 1,5 тысячи представителей молодежной организации [13, л. 9].

Необходимо отметить, что основная часть кандидатов от ЛКСМБ была выдвинута от своей организации, что характерно как для претендентов на депутатские мандаты в парламенте республики — 58 человек, так и для кандидатов в местные Советы депутатов (областные — 220 человек, районные и городские — более 1000 человек). В то же время, только 23 представителя комсомола были поддержаны трудовыми коллективами

и населением по месту жительства. Такое положение дел объясняется слабой организационно-политической активностью комсомольцев, которые не проявляли интереса к участию в выборах в качестве кандидатов, в том числе по причинам отсутствия опыта самостоятельной политической борьбы в условиях открытой конкуренции. Так, более 100 районный и городской комитет комсомола в республике (среди которых Гродненский, Мостовский, Калинковичский, Ивановский, Осиповичский, Борисовский, Солигорский, Мозырский) не воспользовались правом выдвижения своего кандидата в Верховный Совет БССР. Такая же тенденция прослеживалась и по определению кандидатов на депутатские мандаты в местные Советы [13, л. 6]. Кроме того, фиксировались факты выдвижения райкомами комсомола кандидатов, не являющихся членами ВЛКСМ. К примеру, пленум Октябрьского райкома ЛКСМБ г. Минска выдвинул в депутаты Н. Андронova — начальника смены производственного объединения «Интеграл», не состоящего в рядах ВЛКСМ [13, л. 5].

Финальным этапом избирательной кампании стала агитация кандидатов в депутаты, которая проходила с 4 февраля по 3 марта 1990 г. Для нее было характерно массовое использование таких новых для комсомола технологий участия в избирательном процессе как распространения плакатов, листовок, выступления на митингах, в газетах и по телевидению.

Существенным образом на проведение агитации повлияло ухудшение социально-экономического положения населения и усиление кризисных явлений в общественно-политической сфере. Вину за такое положение дел значительная часть электората, в том числе при активном содействии неформалов, возлагала на партийные органы и косвенно на комсомол, который традиционно воспринимался обществом как неотъемлемая часть КПСС.

Необходимо отметить, что агитационный этап избирательной кампании также отметился фактами прямой конкуренции и даже конфронтации комсомола с партийными органами. Наиболее яркий случай был зафиксирован в Толочинском районе, где свои кандидатуры выдвинули первый секретарь ЦК ЛКСМБ В. Кураш и руководитель районной партийной организации И. Щурок. В период проведения агитационной кампании В. Кудлаш обвинил своего конкурента в пропаже листовок [14, л. 10]. Данная ситуация широко обсуждалась в республике и свидетельствовала об отсутствии согласованных подходов участия партийно-комсомольских органов в выборах, что было для них традиционно характерно ранее.

Итогом состоявшихся весной 1990 г. выборов в Верховный Совет БССР стало избрание путем прямого голосования 328 депутатов, 9 из которых получили свои мандаты при поддержке комсомола, что составляло всего 2,5 % от общего количества народных избранников [15]. Для сравнения

необходимо отметить, что в предыдущем созыве парламента республики 14,6 % [16] депутатов являлось представителями ЛКСМБ, что фактически в пять раз больше, чем по итогам избирательной кампании 1990 г. Результатом выборов в местные Советы также стало значительное сокращение представителей ЛКСМБ в них. Так, депутатские мандаты смогли получить только 2214 комсомольцев, что составляет 5,2 % от общего количества депутатов местных Советов [17], или в четыре раза (20,5 %) меньше, чем по итогам выборов 1987 г. [2, с. 3–4]. Такой результат не позволял комсомолу рассчитывать на существенное влияние в вопросах государственного управления, в том числе касательно решения проблем молодых людей республики.

Таким образом, не имея опыта самостоятельной политической деятельности в условиях открытой конкуренции, а также отсутствие координации и поддержки кандидатов ЛКСМБ со стороны партийных органов, способствовало фактическому самоустранению организации от деятельного и эффективного участия в избирательной кампании 1990 г.

Таким образом, итогом участия комсомола в избирательных кампаниях рассматриваемого периода привело к значительному сокращению его представительства в Советах народных депутатов по сравнению с предыдущими созывами. Такому положению дел способствовало отсутствие опыта самостоятельной политической деятельности, а также длительное нахождение ЛКСМБ под опекой партийных органов.

Библиографические ссылки

1. О выборах в местные Советы народных депутатов Белорусской ССР: Закон БССР, 20 июня 1979 г. № 2932 — IX // Собрание Законов Белорусской ССР, Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, Постановлений Совета Министров Белорусской ССР. 1979. № 18(1608).
2. Итоги выборов и состав депутатов местных советов народных депутатов Белорусской ССР. Издательство Беларусь. Минск, 1987.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 160. Д. 601.
4. Диалог с молодежью: вопросы и ответы / Е. М. Бабосов [и др.]. Минск: Издательство Беларусь, 1988.
5. Яскович В. Не только приобретения, или почему не все комитеты комсомола многомандатного округа смогли определить свое место в подготовке к выборам // Знамя юности. 1987. 17 июня.
6. Государственный архив Минской области. Ф. 8858. Оп. 5. Д. 322.
7. Ведомости Верховного Совета СССР / Издание Верховного Совета СССР. М., 1988. 7 сентября № 49(2487).
8. Шутько Д. Важный институт социалистической демократии // Политическое образование. 1989. № 3.
9. Постановление бюро ЦК ЛКСМ Белоруссии «Об участии комсомольских организаций республики в выборах народных депутатов СССР от ВЛКСМ» // Знамя юности. 1988. № 242.

10. *Светланова Б.* «Статистом не буду!» // Знамя юности. 1988. № 249.
11. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 7. Д. 1056.
12. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 7. Д. 1087.
13. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 7. Д. 1131.
14. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 160. Д. 1094.
15. Кто сегодня в депутатах? // «Знамя юности». 1990. 18 мая.
16. Сообщение Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Белорусской ССР Об итогах выборов в Верховный Совет Белорусской ССР одиннадцатого созыва // «Знамя юности». 1985. 25 февраля.
17. Итоги выборов народных депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР // «Знамя юности». 1990. 18 марта.

**ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДОЛЖНОСТИ ПОПЕЧИТЕЛЯ
ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА (1899–1906)**

А. В. Коваль

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, starve2016@yandex.ru*

Статья посвящена деятельности Василия Александровича Попова в должности попечителя Виленского учебного округа в период с 1899 по 1906 г. На основе архивных материалов анализируются основные направления его работы, связанные с организацией учебно-воспитательного процесса, финансовой поддержкой учебных заведений, распространением профессионального образования, а также меры, направленные на адаптацию системы образования к общественно-политическим изменениям начала XX в.

Ключевые слова: образование; Виленский учебный округ; Российская империя; Василий Александрович Попов.

**VASILY ALEXANDROVICH POPOV:
ACTIVITIES AS A TRUSTEE
OF THE VILENSK EDUCATIONAL DISTRICT (1899–1906)**

A. V. Koval

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, starve2016@yandex.ru*

The article is devoted to the activities of Vasily Aleksandrovich Popov as a trustee of the Vilnius educational district in the period from 1899 to 1906. Based on archival materials, the main areas of his work related to the organization of the educational process, financial support for educational institutions, the dissemination of vocational education, as well as measures aimed at adapting the education system to the socio-political changes of the early 20th century are analyzed.

Keywords: education; Vilnius educational district; Russian Empire; Vasily Alexandrovich Popov.

Во второй половине XIX–начале XX в., в период начавшихся процессов модернизации Российской империи, система народного просвещения являлась одним из ключевых инструментов государственной политики. Администраторы и чиновники, занимавшие ответственные посты в учебных округах, играли важную роль в реализации образовательной стратегии и развитии сети учебных заведений. Среди данных деятелей выделяется фигура Василия Александровича Попова (1843–1906), чья многолетняя карьера в сфере народного образования достигла значительных высот. Пройдя путь от инспектора при учебном округе до попечителя учебного

округа, от статского советника до тайного, Василий Александрович внес существенный вклад в развитие образовательной системы и заботу о нравственном и интеллектуальном развитии молодого поколения.

В данном случае рассмотрим некоторые аспекты деятельности Василия Александровича Попова в должности попечителя Виленского учебного округа в период с 1899 по 1906 г.: прежде всего основные направления его работы и оценка личного вклада высокопоставленного чиновника в развитие образования в данном регионе Империи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения региональных особенностей образовательной политики Российской империи и вклада отдельных личностей в ее реализацию.

В качестве источниковой базы исследования использованы архивные материалы и опубликованные документы, в том числе правительственные распоряжения, приказы попечителя Виленского учебного округа и статистические данные.

Профессиональный путь Василия Александровича Попова в сфере просвещения начался в 1867 г. Последовательно занимая должности инспектора при Институте сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии Люблинской губернии (1869–1874) [6, с. 274], директора реального училища в городе Лович Варшавской губернии (1874–1882) [4, с. 656], инспектора студентов при Варшавском учебном округе (1882–1885) [5, с. 490] и начальника Варшавской учебной дирекции (1885–1889) [7, с. 483], он зарекомендовал себя как опытный администратор и организатор. Данные этапы профессионального становления позволили Василию Александровичу приобрести значительное понимание функционирования образовательной системы, выработать эффективные методы управления и развить лидерские качества, необходимые для руководства крупным учебно-окружным центром.

Перевод Василия Александровича Попова, помощника попечителя Варшавского учебного округа (с 2 мая 1889 г.), на должность попечителя Казанского учебного округа 18 января 1895 г. ознаменовало новый этап в его карьере. Возглавив один из крупнейших учебных округов Российской империи, Василий Александрович столкнулся с необходимостью решения широкого круга задач, связанных с обеспечением эффективного функционирования образовательной системы региона.

Деятельность Василия Александровича в должности попечителя Казанского учебного округа внесла значительный вклад в развитие системы народного просвещения региона. Его организаторские усилия, направленные на оптимизацию управления учебными заведениями, унификацию учебно-воспитательного процесса, развитие инородческого образования и поощрение внеклассной работы, способствовали повышению качества образования и расширению возможностей для учащихся [1].

30 июля 1899 г. последовало Высочайшее повеление о переводе Василия Александровича Попова на должность попечителя Виленского учебного округа, где он сменил Николая Александровича Сергиевского (1833–1900), руководившего округом на протяжении почти трех десятилетий (с 24 октября 1869 г.). Василий Александрович занимал эту должность до самой смерти, проявив себя как деятельный руководитель [8, с. 517].

Будучи попечителем Виленского учебного округа, Василий Александрович сосредоточил внимание на вопросах организации учебно-воспитательного процесса и нравственно-эстетического воспитания учащихся, стремясь к созданию благоприятной образовательной среды, способствующей гармоничному развитию личности. Важно отметить, что деятельность Василия Александровича Попова осуществлялась в сложном социокультурном контексте, характеризующемся полиэтничностью населения региона и противостоянием различных политических сил. Даже современники отмечали его осведомленность о белорусской этнокультурной специфике и понимание существования антиправительственных настроений [3].

Деятельность Василия Александровича в должности попечителя Виленского учебного округа была тесно связана с решением финансовых вопросов, направленных на поддержку городских училищ. Согласно Высочайшему повелению от 12 июня 1899 г., из казны выделялись значительные средства на нужды этих учебных заведений в период с 1900 по 1904 г. и в последующие годы [8, с. 444]. Правительство Российской империи, осознавая стратегическую важность финансирования народного образования, принимало меры по увеличению соответствующих ассигнований. 30 мая 1900 г. было принято решение об увеличении финансирования каждой губернии на нужды народного образования с 3000 до 5000 рублей, начиная с 1901 г., что повлекло за собой выделение дополнительной суммы в размере 12 000 рублей в год [9, с. 664].

Анализ финансовых данных позволяет оценить вклад Василия Александровича в развитие образования в регионе. Доходы Министерства народного просвещения по Виленскому учебному округу сократились с 123 311 рублей 25 копеек в 1899 г. до 36 278 рублей 24 копейки в 1906 г., что, предположительно, может быть связано с перераспределением финансовых потоков и акцентом на централизованное финансирование. Однако, несмотря на это, расходы на образование в округе значительно возросли — с 1 215 412 рублей 22 копейки в 1899 г. до 2 308 596 рублей 95 копеек в 1906 г. [8; 14].

За время пребывания Василия Александровича Попова в должности попечителя наблюдался рост числа учащихся в средних учебных заведениях. В частности, общее число учащихся в гимназиях и прогимназиях

возросло с 4821 человека в 1898/1899 учебном году до 5037 человек в 1900/1901 учебном году. В реальных училищах в 1900/1901 учебном году обучалось 2443 человека, что также превышало показатель предыдущего года (2343 человека). При этом в обозначенных учебных заведениях обучались дети разных сословий и вероисповеданий, что отражает сложную социальную структуру общества того времени.

По состоянию на 1 января 1900 г. в Виленском учебном округе функционировало 1609 начальных училищ, в которых обучалось 121 101 человек. При этом количество народных училищ по сравнению с 1869 г. увеличилось незначительно, что свидетельствовало о необходимости дальнейшего развития системы начального образования [2, с. 18].

Одним из направлений деятельности Василия Александровича было содействие развитию профессионального образования. Согласно циркулярному предложению попечителя от 16 октября 1902 г., директорам народных училищ Виленского учебного округа предписывалось оказывать содействие открытию в пригородных селениях школ 1 и 2-х классных с организацией при них занятий ремеслами и ручным трудом, и отраслями сельского хозяйства [10, с. 743]. Было обращено серьезное внимание на распространение профессионального образования среди местного населения. В течение трех последних лет, начиная с 1900 г., в учебном округе были открыты низшие ремесленные школы в городах Речице, Витебской губернии, Быхове, Могилевской губернии [11].

Управлением учебного округа был предпринят ряд мер по улучшению подготовки учителей. До 1903 г. во всех 5 учительских семинариях округа не преподавалось ни рисование, ни чистописание, что составляло большой пробел в занятиях графическими искусствами учителей-семинаристов. На основании ходатайства попечителя округа Министерством народного просвещения было испрошено Высочайшее повеление от 11 марта 1902 г. на ассигнование добавочно к средствам этих семинарий (*«для улучшения постановки преподавания в 5 учительских семинариях округа, для увеличения числа казеннокоштных учащихся и на хозяйственные расходы»*) по 12 150 рублей ежегодно.

Для предоставления возможности изучать русскую грамоту лицам, занятым в будние дни, были открыты воскресные бесплатные школы для детей и взрослых. В 1901 г. число таких школ равнялось 14. Количество народных библиотек в 1903 г. достигло цифры в 1127 [2, с. 23].

Одним из наиболее занимательных аспектов деятельности Василия Александровича Попова в должности попечителя Виленского учебного округа является его инициатива по внедрению «Праздников древонасаждения» в школьную практику. Уже с 1899 г. он активно поддерживал идею,

поддержанную императором Николаем II, о распространении знаний об охране и посадке деревьев среди учащихся. «Праздники древонасаждения» представляли собой не просто разовые мероприятия, а комплексную систему экологического воспитания, интегрированную в учебный процесс. За 1899–1903 гг. в рамках данной инициативы было посажено 393 дерева [12]. Этот факт свидетельствует о систематическом характере работы и в определенной степени вовлеченности учащихся и педагогов в процесс экологического воспитания.

В 1903 г. управление Виленского учебного округа торжественно отметило свой столетний юбилей. По инициативе попечителя округа велась активная подготовка к этому знаменательному событию, включая составление исторического обзора деятельности округа. В период общественно-политической нестабильности, вызванной революционными событиями 1905–1907 гг., руководство Виленского учебного округа предприняло меры по упорядочению школьной жизни. Регулировались вопросы преподавания религиозных дисциплин. Важным шагом стало упразднение некоторых дискриминационных мер: например, в отношении использования польского языка в учебных заведениях [13]. Однако уже 10 февраля 1906 г. тайный советник Василий Александрович Попов был уволен от службы, а 9 марта его преемником назначили гофмейстера Высочайшего двора, действительного статского советника барона Бориса Эдуардовича фон Вольфа [14, с. 73].

Таким образом, деятельность Василия Александровича Попова в должности попечителя Виленского учебного округа представляет собой один из примеров управления и работы по развитию системы образования тогдашнего российского государства. Его деятельность в весьма высокой государственной должности была многогранной и охватывала широкий спектр вопросов, связанных с организацией и функционированием различных сфер образовательной системы. Особое внимание уделялось вопросам организации учебно-воспитательного процесса, нравственно-эстетического воспитания учащихся, развитию профессионального образования и повышению квалификации педагогических кадров. Выявлены конкретные шаги, предпринятые попечителем учебного округа для содействия открытию школ с ремесленными классами, улучшения преподавания в учительских семинариях и организации бесплатных воскресных школ для взрослых. Значимым аспектом деятельности Василия Александровича стала поддержка и продвижение инициативы «Праздников древонасаждения», демонстрирующей его вклад в экологическое воспитание молодежи. Несомненно, тема заслуживает дальнейшего изучения и оценки в контексте истории российского просвещения.

Библиографические ссылки

1. *Крапоткина И. Е.* Административная деятельность попечителя учебного округа (из истории Казанского учебно-окружного центра) // Известия Алтайского государственного университета. История. 2010. С. 123–132.
2. Речь, произнесенная г. попечителем Виленского учебного округа В. А. Поповым 24 января 1903 года на торжественном заседании Попечительского совета по случаю столетия учебного округа. Вильна, 1903.
3. *Романов Е. Р.* Вильна. (От нашего корреспондента) // «Витебские губернские ведомости» (газета). Витебск. 1910. № 16 (21 января), С. 2–3; № 17 (22 января), С. 2–3.
4. Россия. Министерство народного просвещения. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1878/9 учебный год. Петроград: [б. и.], 1868–1917, 1878. XI, 894 с.: табл.
5. Россия. Министерство народного просвещения. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1884/5 учебный год. Петроград: [б. и.], 1868–1917, 1884. VIII, 727 с.: табл.
6. Россия. Министерство народного просвещения. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1870. Петроград: [б. и.], 1868–1917, [1870]. [2], IV, [2], 56, 411 с.: табл.
7. Россия. Министерство народного просвещения. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1887/8 учебный год. Петроград: [б. и.], 1868–1917, 1887. VIII, 726 с.: табл.
8. Циркуляр по Виленскому учебному округу. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1871–1917: 1899, № 1–12.
9. Циркуляр по Виленскому учебному округу. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1871–1917: 1900, № 2–4, № 7, № 10–12.
10. Циркуляр по Виленскому учебному округу. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1871–1917: 1902, № 1–6, № 7/8, № 9–12.
11. Циркуляр по Виленскому учебному округу. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1871–1917: 1903, № 1–6, № 7/8, № 9–12.
12. Циркуляр по Виленскому учебному округу. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1871–1917: 1904, № 1–3, № 5, № 6/7, № 8–11.
13. Циркуляр по Виленскому учебному округу. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1871–1917: 1905, № 1–6, № 7/8, № 9, № 10/11, № 12.
14. Циркуляр по Виленскому учебному округу. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1871–1917: 1906, № 1/2, № 3–6, № 7/8, № 9, № 10/11, № 12.

БЕЛАРУСКА-КІТАЙСКІЯ ЭКАНАМІЧНЫЯ АДНОСІНЫ ВА ЎМОВАХ РАЗВІЦЦА СТРАТЭГІчнаГА ПАРТНЁРСТВА Ў 2014–2020 гг.

У. А. Касцоў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, uladzislau.kascou@mail.ru*

У артыкуле разглядаюцца асноўныя накірункі беларуска-кітайскіх эканамічных адносін ва ўмовах фарміравання стратэгічнага партнёрства паміж краінамі ў перыяд з 2014 па 2020 г. Вызначаюцца вектары дзейнасці і напрамкі супрацоўніцтва ў эканамічнай сферы, уплыў знешніх і ўнутраных чыннікаў на фарміраванне і развіццё беларуска-кітайскага стратэгічнага партнёрства.

Ключавыя словы: Беларуская-кітайскія адносіны; стратэгічнае партнёрства; эканоміка; гандаль; вектары развіцця.

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРНЁРСТВА В 2014–2020 гг.

В. А. Косцов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, uladzislau.kascou@mail.ru*

В статье рассматриваются основные направления белорусско-китайских экономических отношений в условиях формирования стратегического партнёрства между странами в период с 2014 по 2020 г. Определяются векторы деятельности и направления сотрудничества в экономической сфере, влияние внешних и внутренних обстоятельств на формирование и развитие белорусско-китайского стратегического партнёрства.

Ключевые слова: Белорусско-китайские отношения; стратегическое партнёрство; экономика; торговля; векторы развития.

BELARUSIAN-CHINESE ECONOMIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF STRATEGIC PARTNERSHIP DEVELOPMENT IN 2014–2020

U. Kastsou

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, uladzislau.kascou@mail.ru*

The article examines the main directions of Belarusian-Chinese economic relations in the context of the formation of a strategic partnership between the countries in the period from 2014 to 2020. It identifies the vectors of activity and areas of cooperation in the economic sphere, as well as the influence of external and internal circumstances on the formation and development of the Belarusian-Chinese strategic partnership.

Keywords: Belarusian-Chinese relations; strategic partnership; economy; trade; development vectors.

Беларуска-кітайскае эканамічнае супрацоўніцтва прайшло некалькі этапаў развіцця. На сённяшні дзень мы назіраем, што ўзаемадзеянне паміж Рэспублікай Беларусь і Кітаем набірае абароты. У артыкуле разглядаецца перыяд, калі партнёрства атрымала статус стратэгічнага. Дадзены перыяд характарызаваўся шматкратным павелічэннем аб'ёмаў і пашырэннем двухбаковага ўзаемадзеяння. Таму дасягнуты поспех варты далейшай распрацоўкі і даследавання для захавання актуальных тэндэнцый.

Пачатак новага этапу беларуска-кітайскага эканамічнага ўзаемадзеяння быў спалучаны з пачаткам геапалітычнага крызісу, які пэўным чынам паўплываў на лагістычныя шляхі ва Усходняй Еўропе. З гэтага часу значэнне транспартнага калідора праз Беларусь значна ўзрасло. Дадзеныя падзеі спрыялі паступовай дапрацоўцы дагаворна-прававой базы супрацоўніцтва, шчыльнаму ўзаемадзеянню ў навукаёмістых сферах, такіх як інфарматызацыя, машынабудаўніцтва і гэтак далей, развіццю мясцовай лагістыкі. Калі абмяркоўваць агульныя лічбы за пачатак перыяду, то неабходна адзначыць, што працягваюць захоўвацца тэндэнцыі росту аб'ёмаў беларускага экспарту.

Важным крокам для паглыблення супрацоўніцтва становіцца наданне Беларусі статусу краіны-назіральніцы пры Шанхайскай Арганізацыі Супрацоўніцтва (ШАС) ў 2015 г. У маі адбылася знакавая сустрэча Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі з новым Старшынёй Кітайскай Народнай Рэспублікі Сі Цзіньпінам. Па выніках гэтых працэсаў, вялікія інвестыцыі атрымаў беларуска-кітайскі індустрыяльны парк «Great Stone», сума праекта дасягнула адзнакі ў 30 млрд дал. ЗША інвестыцый [1, с. 1]. Апроч таго, падчас сустрэчы было заключана 20 мемарандумаў і разнастайных пагадненняў на суму 3,5 млрд дал. ЗША. З беларускага боку гігантамі сталі «Беларуская калійная кампанія», якая дамовілася аб пастаўках у Кітай сваёй прадукцыі, а таксама «МТЗ» і «Гомсельмаш» дамовіліся з кітайскай «Цзуньшэнь» аб стварэнні сумесных прадпрыемстваў [3, с. 168].

Неабходна выдзяліць асаблівасці беларускага экспарту ў КНР. Для яго характэрны працяг працэсу дыверсіфікацыі, пачатак якому быў пакладзены на мінулым этапе развіцця беларуска-кітайскіх адносін. Адносна новай рысай стаў працэс рэструктурызацыі беларускага экспарту, а таксама ўскладнення структуры партнёрства. Акрамя таго, з'яўляюцца такое паняцце як інтэнсіфікацыя двухбаковага гандлю. Рэструктурызацыя несла сабой стымуляванне з'яўлення новых галін прамысловасці, якія б у перспектыве маглі пачаць экспартаваць свае тавары ў Кітай. Такім чынам прадпрыемствы лёгкай і харчовай прамысловасці Беларусі паступова пры актыўнай падтрымцы з боку ўраду пачалі трапляць на кітайскія рынкі і займаць свае нішы.

Новы імпульс двухбаковаму супрацоўніцтву надаў візіт Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі ў КНР ў верасні 2016 г. На сустрэчы было зацверджана выкананне мінулых дамоўленасцяў, а таксама былі заключаны 30 новых мемарандумаў і дагавораў па ўзаемадзеянні краін у самых разнастайных сферах. Галоўным стаў мемарандум аб узаемапаразуменні паміж Міністэрствам прамысловасці Рэспублікі Беларусь і Дзяржбанкам КНР, а таксама стварэнне беларуска-кітайскага інвестыцыйнага фонду [3, с. 179]. Працягваючы тэму ШАС, варта адзначыць, што ў тым жа 2016 г. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь упершыню прымае ўдзел у паседжанні арганізацыі ў якасці лідара краіны-назіральніцы [5, с. 1]. Працягваліся і працэсы дыверсіфікацыі і рэструктурызацыі, доля калійных угнаенняў паступова зніжалася. Станам на 2017 г. структура беларуска-кітайскага гандлю выглядала прыкладна такім чынам: з Беларусі экспартавалася каля 238 таварных пазіцый. У той час калі імпартавалася 977 таварных пазіцый, у тым ліку апатарура сувязі, вылічальная тэхніка, разнастайнае абсталяванне, металаканструкцыі і іншае [3, с. 177].

Цягам перыяду актыўны рост назіраецца ў сферы інвестыцый. Адбываецца паступовы пераход у беларуска-кітайскім супрацоўніцтве ад звязаных інвестыцый і крэдытаў да прамога інвеставання. Такім чынам, за 2018 г. Рэспубліка Беларусь атрымала інвестыцый на суму 339,9 млн дал. ЗША, з якіх 55,2 % адносіліся да прамых [3, с. 198]. Працягвалася рэалізацыя транзітнага патэнцыялу Рэспублікі Беларусь на гандлёвым шляху «Кітай–Еўропа». Аб’ём кантэйнерных перавозак дасягнуў адзнакі ў 332 тысячы кантэйнераў, што складала 89 % ад наземных паставак КНР ў краіны Еўрасаюза [3, с. 211]. Цэлы шэраг беларускіх кампаній лясной і лесаапрацоўчай прамысловасці пачалі сваё засваенне ўнутраных рынкаў Кітая ў рамках праграмы «Беларусь — краіна лясоў» [3, с. 166]. Агульны тавараабарот паміж краінамі працягваў свой устойлівы і якасны рост. Па выніках працы ў 2018 г. ён склаў каля 4,39 млрд дал. ЗША [6, с. 1].

Для беларуска-кітайскіх эканамічных адносін 2019 г. адназначыўся якасным працягам працэсу дыверсіфікацыі беларускага экспарту і ўскладнення структуры двухбаковага тавараабароту. Беларускае кіраўніцтва актыўна субсідавала нацыянальныя кампаніі для іх больш лёгкага пераходу на ўнутраныя рынкі Кітайскай Народнай Рэспублікі. Вынікам стала пастаўка лесаматэрыялу на суму 23,8 млн дал. ЗША [3, с. 167]. У рамках выканання праграмы Эканамічнага пояса Шаўковага шляху Беларусь і Кітай актыўна ўзаемадзейнічалі ў тым ліку ў сферы лагістыцы, а таксама ў фінансавай сферы. Беларусь атрымлівала пашыранае фінансаванне з боку кітайскіх кампаній і банкаў. У эканоміку было прыцягнута 141,2 млн дал. ЗША прамых інвестыцый [4, с. 68]. Аб’ёмы беларуска-кітайскага гандлю таксама працягвалі свой рост.

На сённяшні момант верхняй мяжой дадзенага этапу беларуска-кітайскага эканамічнага ўзаемадзеяння можна лічыць 2020 г. Гэта звязана ў першую чаргу з пандэміяй COVID-19, якая паглыбіла сусветную эканоміку ў стагнацыю і пэўным чынам аказала ўплыў на далейшае супрацоўніцтва. Варта адзначыць, што шматлікія абмежаванні і крызісныя абставіны ў сур'ёзнай ступені не пашкодзілі двухбаковаму супрацоўніцтву. Для Беларусі і Кітая 2020 г. стаў паказальным, бо абраныя стратэгіі ў выніку прывялі да новых і якасных паказчыкаў. Агульны тавараабарот паміж краінамі дасягнуў свайго гістарычнага максімуму на суму 5,43 млрд дал. ЗША. Працэс дыверсіфікацыі значна паўплываў на структуру беларускага экспарту, і таму на момант 2020 г. доля калійных угнаенняў складала толькі 42,8 % ад агульнага аб'ёму [2, с. 273]. Свайго гістарычнага максімуму дасягнулі і пастаўкі прадукцыі харчовай, малочнай і лёгкай прамысловасці. Аб'ём кантэйнерных перавозак праз Беларусь дасягнуў 540 тысяч кантэйнераў.

Такім чынам, беларуска-кітайскае эканамічнае ўзаемадзеянне напрыканцы дадзенага этапу дасягнула вельмі значных вынікаў як у двухбаковым гандлі, так і ў сферы прыцягнення інвестыцый у нацыянальную эканоміку Беларусі. Паспяхова праведзена праграма дыверсіфікацыі і рэструктурызацыі гандлю. Рэспубліка Беларусь атрымала статус аднаго з важнейшых лагістычна-транспартных вузлоў для Кітайскай Народнай Рэспублікі. Краіны зблізіліся ў тым ліку і ў рамках удзелу ў такіх арганізацыях як Шанхайская Арганізацыя Супрацоўніцтва, а таксама праз распрацоўку сумесных праектаў, такіх як «Great Stone». Быў закладзены трывалы падмурак пад беларуска-кітайскай дагаворна-прававой базай і дыпламатыяй, што стварыла спрыяльныя ўмовы для ўдасканалення і далейшага пашырэння супрацоўніцтва і павелічэння яго аб'ёмаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Індустрыяльны парк «Great Stone». URL: <https://industrialpark.by/?ysclid=m8pyr2mq66598144124> (дата звароту: 12.09.2025).
2. Гісторыя развіцця сяброўскіх адносін Беларусі і Кітая / А. А. Каваленя і інш. Мінск: Выдавецкі дом «Беларуская навука», Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Акадэмія грамадскіх навук Кітайскай Народнай Рэспублікі правінцыі Ганьсу. 2022. С. 463.
3. *Мацэль В. М.* Беларусь–Кітай: 30 год на шляху сяброўства ўзаемнавыгоднага супрацоўніцтва: [манаграфія]. Мінск: Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. 2021. С. 383.
4. *Мядзведзева І. В., Кангра І. С.* Беларусь у лічбах: Статыстычны зборнік. Мінск: Нацыянальны статыстычны камітэт Рэспублікі Беларусь. 2016. С. 72.
5. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь: Удзел Беларусі ў ШАС. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/integracija/shos> (дата звароту: 11.09.2025).
6. Пасольства Рэспублікі Беларусь у Кітайскай Народнай Рэспубліцы: гандлёва-эканамічнае супрацоўніцтва 2017–2021 гг. URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/trade> (дата звароту: 11.09.2025).

РОЛЬ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПБ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КОЛХОЗНОГО СЕЛА БССР В НАЧАЛЕ 1950-х гг.

И. В. Квашко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, his.kvashko@bsu.by*

В статье анализируется деятельность Секретариата ЦК КПБ как ключевого органа оперативного партийного управления в решении социально-экономических проблем колхозного села БССР в начале 1950-х гг. На основе протоколов заседаний Секретариата ЦК КПБ в 1952–1954 гг. и других архивных документов рассматриваются основные направления его работы: от кадровой политики и укрепления трудовой дисциплины до прямого вмешательства в производственные процессы и материально-техническое снабжение. Автор приходит к выводу, что деятельность Секретариата ЦК КПБ, будучи инструментом мобилизационной экономики, позволяла решать тактические задачи, однако в стратегической перспективе консервировала системные недостатки командно-административной системы в аграрной сфере, что предопределило кризисные явления в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: ЦК КПБ; колхоз; аграрная политика; БССР; партийно-государственное управление; социально-экономические проблемы; номенклатура; колхозное село; послевоенное восстановление.

THE ROLE OF THE SECRETARIAT OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY OF BELARUS IN ADDRESSING THE SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF COLLECTIVE FARM VILLAGES IN THE BYELORUSSIAN SSR IN THE EARLY 1950s

I. V. Kvashko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, his.kvashko@bsu.by*

The article analyzes the activities of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of Belarus as a key body of operational party management in solving the socio-economic problems of the collective farm countryside of the BSSR in the early 1950s. Based on the protocols of the meetings of the Secretariat of the Central Committee of the CPB in 1952–1954 and other archival documents, the main directions of its work are examined: from personnel policy and strengthening labor discipline to direct intervention in production processes and material and technical supply. The author concludes that the activities of the Secretariat of the Central Committee of the CPB, being an instrument of the mobilization economy, made it possible to solve tactical problems, but in a strategic perspective, it preserved the systemic shortcomings of the command-administrative system in the agrarian sphere, which predetermined the crisis phenomena in agriculture.

Keywords: Central Committee of the Communist Party of Belarus; collective farm; agrarian policy; BSSR; party-state governance; socio-economic issues; nomenklatura; collective farm village; postwar reconstruction.

Введение. Начало 1950-х гг. стало критическим периодом для аграрного сектора Белорусской ССР. Несмотря на формальное завершение послевоенного восстановления в рамках четвертой пятилетки (1946–1950), колхозная деревня продолжала страдать от последствий войны и системных проблем. Сельское хозяйство республики характеризовалось низкой производительностью труда, острым дефицитом квалифицированных кадров, слабой материально-технической базой и низкой трудовой дисциплиной [1, с. 4].

Актуальность темы обусловлена необходимостью детального изучения механизмов функционирования партийно-государственного аппарата на республиканском уровне в условиях трансформации политического курса в СССР после смерти И. В. Сталина. Анализ деятельности Секретариата ЦК КПБ как одного из ключевых органов партийной власти позволяет раскрыть механизмы функционирования партийной власти, выявить степень влияния КПБ на социально-экономические процессы в деревне и оценить способность командно-административной системы адаптироваться к новым вызовам и решать проблемы аграрного сектора.

Основу исследования составили неопубликованные архивные документы из фонда 4п «ЦК Коммунистической партии Белоруссии» Национального архива Республики Беларусь, прежде всего протоколы заседаний Секретариата ЦК КПБ и материалы к ним (опись 94). Исследование опирается на принципы историзма и объективности с применением проблемно-хронологического, историко-сравнительного и историко-системного методов, что дает возможность проанализировать деятельность Секретариата в широком контексте общесоюзной политики и социально-экономического развития БССР.

Основная часть. Секретариат ЦК КПБ был восстановлен в октябре 1952 г. в соответствии с решениями XIX съезда КПСС и новым Уставом партии, закрепившим за ним функции оперативного управления, контроля и кадровой работы. Он стал важным исполнительным органом ЦК, обеспечивающим реализацию партийных директив. В практической деятельности Секретариат выполнял координационные задачи, рассматривая материалы от органов власти и партийных структур. Решения оформлялись протоколами с четкими задачами, сроками и ответственными исполнителями [2, с. 8–9].

Анализ повестки дня заседаний Секретариата показывает, что на его рассмотрение выносился существенный перечень вопросов, причем многие из них по своему масштабу должны были решаться на уровне районных или областных органов власти. Рассмотрение работы отдельной машинно-тракторной станции, разбор жалобы рядовой колхозницы или контроль за ходом сеноуборки в областях БССР свидетельствуют о глубокой централизации

управленческих функций [3, л. 6]. Такая система способствовала снижению управленческой инициативы на местах. Нижестоящие партийные и советские органы, опасаясь ответственности, предпочитали перекладывать решение даже локальных проблем на высшую республиканскую инстанцию.

Одной из наиболее острых проблем послевоенной белорусской деревни была крайне низкая трудовая дисциплина. Разоренные войной колхозы не могли обеспечить достойную оплату труда, что вело к массовому уклонению колхозников от общественных работ в пользу личных подсобных хозяйств. Данные за 1946–1950 гг. свидетельствуют, что значительная часть трудоспособного населения не вырабатывала установленный минимум трудодней, а в зимние месяцы участие в колхозных работах было минимальным. В докладной записке Министерства сельского хозяйства БССР от 13 декабря 1950 г. отмечалось, что «во всех проверенных колхозах колхозники в зимние месяцы работают только от 2 до 7 дней в месяц» [1, с. 482].

В этих условиях на заседаниях Секретариата ЦК КПБ регулярно рассматривались персональные дела коммунистов-руководителей, допустивших нарушения. Так, 17 ноября 1952 г. Секретариат разбирал дело И. П. Кухты, исключенного из партии «за допущенную безхозяйственность на животноводческой ферме и массовый падеж скота» [4, л. 6]. Подобные случаи использовались как показательные процессы для укрепления партийного контроля и повышения ответственности руководящих кадров.

Одним из направлений деятельности Секретариата было реагирование на сигналы о нарушениях, поступающие от рядовых граждан. Например, 7 июля 1953 г. предметом разбирательства стала жалоба колхозницы П. И. Шут на председателя колхоза им. Молотова Давид-Городокского района В. Е. Брищука. Стандартной формой реакции на такие сигналы была формулировка «поручить проверку фактов» профильным отделам ЦК или соответствующему обкому партии [5, л. 2; 6, л. 2–5].

Кадровые вопросы занимали доминирующее место в повестке дня Секретариата, что отражало фундаментальный принцип советской системы: контроль над кадрами есть контроль над всем. Любые проблемы в экономике или социальной сфере рассматривались в первую очередь через призму персональной ответственности руководителей. Системные провалы сталинской аграрной политики, приведшие к глубокому кризису, партийный аппарат трактовал как следствие «неправильного подбора, расстановки и воспитания кадров».

В результате, вместо экономических реформ, основной мерой по подъему сельского хозяйства становились кадровые перестановки. Этот подход особенно ярко проявился после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Хотя пленум инициировал важные экономические изменения (повышение заготовительных цен, списание долгов), на республиканском

уровне его решения были восприняты прежде всего как сигнал к очередной кадровой кампании. В протоколах заседаний Секретариата ЦК КПБ конца 1953—начала 1954 г. фиксируется резкое увеличение числа вопросов, связанных с массовым укреплением кадрами машинно-тракторных станций.

Секретариат, действуя через отраслевые отделы ЦК, осуществлял полный цикл кадрового управления: от подбора и утверждения номенклатурных работников аграрной сферы до их перемещения и снятия с должностей. Масштабная административно-территориальная реформа января 1954 г., в ходе которой было ликвидировано пять областей БССР (Барановичская, Бобруйская, Пинская, Полесская и Полоцкая), также решалась через кадровые механизмы Секретариата. Перед ним встала задача трудоустройства сотен высвободившихся номенклатурных работников, и приоритет был отдан «укреплению сельскохозяйственных учреждений». Таким образом, экономические и административные проблемы неизменно трансформировались в кадровые, а их решение виделось в ротации руководителей [7, л. 2–5].

На заседаниях Секретариата регулярно заслушивались отчеты о состоянии дел в МТС. Характерным примером является рассмотрение 4 февраля 1953 г. докладной записки о работе политотдела Ивацевичской МТС Брестской области. В ходе обсуждения Секретариат обратил внимание не столько на производственные показатели, сколько на недостатки в политической работе. Было отмечено, что, несмотря на почти полную коллективизацию в зоне действия МТС (97,7 %), работа по ее завершению не велась, а «массово-политическая работа среди коллектива МТС, особенно в тракторных бригадах», была признана неудовлетворительной [3, л. 6].

Проблема нехватки квалифицированных кадров для МТС также была в поле зрения Секретариата. В начале 1953 г. ЦК КПБ констатировал, что Министерство сельского хозяйства и местные партийные комитеты проводили недостаточную работу по комплектованию школ механизации и курсов при МТС, что создавало «серьезную угрозу срыва государственного задания». Вмешательство Секретариата в эти вопросы было направлено на мобилизацию административных ресурсов для решения проблемы [3, л. 7–10; 8, л. 28–32].

После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, который поставил задачу резкого подъема животноводства, в декабре 1953 г. VII Пленум ЦК КПБ подверг жесткой критике Бобруйский обком за «крупные недостатки в развитии животноводства». Указывалось на медленный рост поголовья, низкую продуктивность скота и слабую кормовую базу [9, л. 16]. Вмешательство ЦК КПБ в целом было направлено на приведение деятельности местных органов в соответствие с новыми общесоюзными установками, но методы руководства зачастую оставались прежними.

Деятельность Секретариата ЦК КПБ не ограничивалась сугубо производственными вопросами. В его повестку дня попадали и вопросы, направленные на улучшение инфраструктуры и быта на селе. Одновременно Секретариат осуществлял строгий идеологический контроль над культурно-просветительской работой в деревне, требуя от нее максимальной практической отдачи. 2 ноября 1953 г. было раскритиковано издание «Блакнот агітатара». Партийное руководство сочло, что публикуемые в нем материалы носят «декларативный характер», имеют «слабую связь с жизнью республики» и, что самое главное, «недостаточно освещают вопросы промышленности и сельского хозяйства и передового опыта» [10, л. 11–12].

Заключение. В начале 1950-х гг. Секретариат ЦК КПБ представлял собой инструмент централизованного партийного контроля над сельским хозяйством. Его деятельность охватывала широкий спектр вопросов — от кадровых решений до агитационной работы — и носила преимущественно командно-административный характер. Мобилизация ресурсов и директивное вмешательство позволяли решать текущие задачи, но не устраняли структурные проблемы аграрного сектора, такие как отсутствие экономической самостоятельности колхозов, ценовой дисбаланс и слабая мотивация труда.

Таким образом, Секретариат ЦК КПБ был важным элементом партийно-государственной вертикали, обеспечивавшим реализацию аграрной политики. Однако его методы, такие как чрезмерный контроль, бюрократизация и ориентация на поиск ответственных за неудачи — поддерживали существующие структурные ограничения, затрудняя модернизацию аграрного сектора.

Библиографические ссылки

1. Министерство юстиции Республики Беларусь, и др. Восстановление сельского хозяйства Беларуси, 1946–1950: документы и материалы. Минск: НАРБ, 2023.
2. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС: справочник / [А. А. Кирилина и др.]. М.: Политиздат, 1990. 270, [1] с.
3. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 9 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 94. Д. 16.
4. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 1 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 2.
5. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 20 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 35.
6. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 20, 21 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 34.
7. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 41 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 70.
8. Протокол № 8 заседания Секретариата ЦК КПСС от 22–27 января 1953 г. Пункты №№ 1гс–200гс (подлинники) // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 4. Оп. 9. Д. 18.
9. Протокол заседания VII Пленума ЦК КПБ // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 20. Д. 303.
10. Протокол заседания II Пленума ЦК КПБ // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 20. Д. 288.

**УЗБРАЕННЕ «ПЯЦІГОРСКИХ ХАРУГВАЎ»
ВОЙСКА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI–ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVII ст.
(на падставе даных гістарыяграфіі)**

А. М. Латушкін

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, Latushkin@bsu.by*

Аўтарам узнімаецца пытанне аб выкарыстанні ваеннага патэнцыялу адыгаў, якія перасяліліся на тэрыторыю Беларусі ў 60-я гг. XVI ст. Узоры іх узбраення і тактыкі вядзення бою былі пакладзены ў аснову новага віда сярэднеўзброенай кавалерыі — т. зв. «пяцігорскіх харугваў» або «пяцігорцаў», што з часам сталі неад'емнай часткай узброеных сілаў Вялікага Княства Літоўскага. Колькаснай і якаснай вагі яны набіраюць у часы Стэфана Баторыя. У другой палове XVII ст. «пяцігорцы» становяцца ўжо дамінуючай часткай кавалерыі ВКЛ і другой па колькасці пасля гусарыі ў маштабе ўсёй Рэчы Паспалітай. У складзе войск гэтага дзяржаўнага ўтварэння «пяцігорцы» праіснавалі амаль да канца XVIII ст. Істотным пытаннем у навуцы застаецца склад узбраення і функцыя «пяцігорцаў» падчас баявых дзеянняў як на пачатковым этапе іх гісторыі, г. зн. у другой палове XVI ст., так і на далейшых этапах эвалюцыі данага віда кавалерыі.

Ключавыя словы: адыгі; чэркесы; пяцігорскія чаркасы; «пяцігорскія харугвы»; ваенная гісторыя Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага.

**ВООРУЖЕНИЕ «ПЯТИГОРСКИХ ХОРУГВЕЙ»
ВОЙСКА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
(на основе данных историографии)**

А. Н. Латушкин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Latushkin@bsu.by*

Автор поднимает вопрос об использовании военного потенциала адыгов, переселившихся на территорию Беларуси в 60-е гг. XVI в. Образцы их вооружения и тактики ведения боя легли в основу нового вида средневооружённой конницы — так называемых «пятигорских хоругвей», которые со временем стали неотъемлемой частью вооружённых сил Великого Княжества Литовского. Они приобрели количественный и качественный вес во времена Стефана Батория. Во второй половине XVII в. «пятигорцы» стали уже доминирующей частью конницы ВКЛ и второй по численности после гусарии в масштабе всей Речи Посполитой. В армии Великого Княжества Литовского «пятигорцы» просуществовали почти до конца XVIII в. Важнейшим вопросом в науке остаётся состав вооружения и роль «пятигорцев» во время боевых действий как на начальном этапе их истории, т. е. во второй половине XVI в., так и на последующих этапах эволюции данного вида кавалерийских войск.

Ключевые слова: адыги; черкесы; пятигорские черкасы; «пятигорские хоругви»; военная история Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского.

WEAPONRY OF THE “PYATIGORI MILITARY COMPANIES” OF THE ARMY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE SECOND HALF OF THE 16th—FIRST HALF OF THE 17th CENTURY (based on historiographical data)

A. M. Latushkin

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Latushkin@bsu.by*

The author raises the issue of using the military potential of the Adyghe people who moved to the territory of Belarus in the 60s of the 16th century. The examples of their weapons and combat tactics formed the basis of a new type of medium-armed cavalry – the so-called “Pyatigori military companies”, “Pyatigorsk people”, “Pyatigorytsy”, which eventually became an integral part of the armed forces of the Grand Duchy of Lithuania. They acquired quantitative and qualitative weight during the time of Stefan Batory. In the second half of the 17th century, the “Pyatigori military companies” became the dominant part of the cavalry of the Grand Duchy of Lithuania and the second largest after the hussars on the scale of the entire Polish-Lithuanian Commonwealth. In the army of the Grand Duchy of Lithuania, the “Pyatigorytsy” existed almost until the end of the 18th century. The most important issue in science remains the composition of the weapons and the role of the “Pyatigorytsy” during military operations both at the initial stage of their history, i. e. in the second half of the 16th, as well as in subsequent stages of the evolution of this type of cavalry troops.

Keywords: Adyghe; Circassians; Pyatigorsk Cherkasy; Pyatigori military companies; military history of the Grand Duchy of Lithuania, Rusland and Samogitia.

У 60-я гг. XVI ст. на землі Беларусі перасяліліся або часова прыбылі на службу адыгі, ураджэнцы Паўночнага Каўказа. У Вялікім Княстве Літоўскім (ВКЛ) іх называлі «пяцігорцы» або «пяцігорскія чаркасы». З гэтага часу пачынаецца гісторыя т. зв. «пяцігорскіх харугваў» як вайсковай адзінкі ў кавалерыйскай частцы ўзброеных сіл ВКЛ. Колькаснай і якаснай вагі ў войсках гэтых дзяржаў яны набіраюць толькі ў часы Стэфана Баторыя [9, s. 32]. Па падліках Г. Катарскага падчас Інфлянцкай вайны ў перыяд 1576–1582 гг. яны складалі каля 10 % усёй кавалерыі [12, s. 60–61; 9, s. 32]. З часам «пяцігорцы» сталі неад’емнай часткай узброеных сілаў ВКЛ. На пачатку гэта былі фармаванні лёгкай і сярэдняй конніцы на гаспадарскай службе, аплочваемай са скарбу манарха ў складзе войск ВКЛ. У 70-я гг. XVI ст. — гэта ўжо элітная частка прыдворых харугваў самаго манарха, пазней — прыватных войск магнатаў і айчыннай арыстакратыі. Згодна з данымі А. Рахубы ў другой палове XVII ст. «пяцігорцы» сталі ўжо дамінуючай часткай кавалерыі ВКЛ. Пачынаючы з 1670-х гг. іх доля ў войску гэтага дзяржаўнага ўтварэння ўжо дасягала 64 % [14, s. 401–402].

Яны выступалі другой па колькасці часткай конных войск ва ўсёй Рэчы Паспалітай, саступаючы месца толькі цяжкай конніцы — гусарыі. У войску ВКЛ «пяцігорцы» праіснавалі амаль да канца XVIII ст. [10, s. 138, 147].

У сувязі з істотнай роляй «пяцігорскіх харугваў» у ваеннай гісторыі Беларусі, а таксама важнасцю самой тэмы «адыгі на Беларусі», першачарговым пытаннем выступаюць склад наступальнага і ахоўнага ўзбраення гэтых вайсковых фармаванняў, функцыі на полі бою, а таксама асаблівасці тактыкі найперш на першапачатковым этапе іх прыбывання ў ВКЛ, г. зн. у другой палове XVI—пач. XVII ст., а таксама на пазнейшых этапах іх гісторыі.

П. Бараўскі ўзводзіў названы від конніцы да сярэднеўзброенай кавалерыі тыповай амаль для ўсіх народаў Каўказа [7, s. 102]. Па яго даным іх узбраенне было наступным: «панцыр» (кальчуга?), місюрка, «чэркеская шабля», кароткая дзіда¹. Тое ж самае падцвярджае М. Пляўчыньскі, дадаючы да гэтага спісу трывалыя скураныя або баваўняныя кафтаны, круглы шчыт (калкан?), але як неабавязковы элемент. Па даных даследчыка, шабля ў пяцігорцаў мела доўгую клінковую частку-вастрыё, якая прызначалася для сякучых і колючых удараў. Кароткая дзіда або т. зв. ошчап (вошчап) мог выкарыстоўвацца для дыстанцыйнага бою. Сярод наступальнай зброі ён называе таксама лук і аркан. Акрамя адзначанага пяцігорцы мелі на ўзбраенні і агнястрэльную зброю — доўгія каўказскія стрэльбы, якімі карысталіся часцей, чым лукамі [13, s. 92].

У сваю чаргу даследчык Г. Катарскі сцвярджае, што сваім засцерагальным і наступальным узбраеннем пяцігорцы амаль не адрозніваліся ад т. зв. казацкіх харугваў у войску ВКЛ. Іх засцерагальным узбраеннем былі: «панцыр», шышак, радзей — прылбіца або місюрка, часта — лёгкі круглы шчыт. Наступальная зброя: кароткая дзіда — ошчап, адно з прызначэнняў якой — атака ворага падчас яго ўцёкаў; рагаціна; лёгкая дзіда (?); лук (як неабавязковы варыянт)². Адносна казакоў даследчык заўважае, што

¹ Беларускамоўны варыянт тэрміналогіі ў галіне ўзбраення ВКЛ, задзейнічаны ў гэтай частцы нашага даследавання, грунтуецца пераважна на працах айчыннага даследчыка ўзбраення войск ВКЛ, доктара гістарычных навук Ю. М. Бохана (1966–2017). Асобна варта заўважыць, што канчаткова не высветлена розніца паміж «кальчугай» і «панцырам». Аб апошнім са згаданых відаў ахоўнага ўзбраення адыгаў гл. працу Э. Г. Аствацатуран [1, с. 48–111]. Гл. таксама развагі Ю. М. Бохана адносна тэрмінаў «кальчуга» і «панцыр» у ВКЛ [3, с. 119–128]. У працах польскіх вучоных цяжка выявіць адрозненні ў разуменні тэрмінаў «zbroja kolcza», «kolczuga», «rancer», таму ў нашым тэксе пры цытаванні польскамоўнай літаратуры словы «панцыр», «кальчуга» бяруцца ў двухкоссе.

² Рагаціна і ошчап (вошчап) — больш легкая і мабільная зброя ў адрозненні ад дзіды або «дрэва» — кап'я тараннага тыпу, што ўжывалася цяжкай кавалерыяй. Рагаціна вызначалася масіўным шыракапёрым наканечнікам і тоўстым дрэўкам. Даўжыня рагаціны ў часы Стэфана Баторыя складала каля 4 локцяў, г. зн. была ў два разы меншай за

яны мелі, як правіла, і агнястрэльную зброю — доўгія і кароткія ручніцы. Аб наяўнасці іх у пяцігорцаў аўтар, аднак, не згадвае, але ідучы за логікай гісторыка, дадзены факт можна экстрапаляваць на ўказаную групу вайсковых [12, с. 60–61].

Айчынным спецыялістам па гісторыі ваеннай справы ўвогуле не вылучалі асобна ўзбраенне пяцігорцаў і фактычна зусім не згадвалі аб гэтым родзе войск пры разглядзе гісторыі ўзброенных сіл ВКЛ другой паловы XVI–пач. XVII ст. Той жа стан можна заўважыць і ў працах, прысвечаных пытання наёмнай службы («служэбных») у войску [6; 5, с. 245–262; 3, с. 342–393; 4, с. 30–31, 77–91]. Пры гэтым існуючыя ў навуцы даныя аб выхадцах з Каўказу ў войсках ВКЛ і Польшчы ў перыяд Ранняга Новага часу натуральна былі на Беларусі вядомыя. Так, Ю. М. Бохан уключаў працы М. Пляўчыньскага ў гістарыяграфію тэмы «Наёмнае войска ў Вялікім Княстве Літоўскім у XV–XVI стст.», у прыватнасці, даследаванні М. Пляўчыньскага [4, с. 5; 13]. Некаторыя найбольш блізкія элементы ўзбраення пяцігорцаў ўсё ж можна знайсці ў рэканструкцыях беларускіх гісторыкаў. У адной з такіх прац прадстаўлены ўзор паручніка т. зв. панцырных харугваў (польск. — *jazdy pancernej*) — віда кавалерыі, які гістарычна так або іначай звязаны з пяцігорцамі [7, с. 102; 14, с. 401–402; 15, с. 44; 10, с. 136, 147]. Малюнак быў выкананы паводле гравюры XVII ст. [6, с. 47]. Падобную спробу значна раней прадпрыняў Т. Корзан [11, с. 290]. Асновай для дадзеных рэканструкцый паслужыў фрагмент карціны «*Certamen equestre*» Георга Х. Айнмарта Малодшага (Georg Ch. Einmmart Młodszy), створанай, верагодна, у 1630-я гг. На ім адлюстраваны пан Гамоцкі, каралеўскі канюшы, ва ўзбраенні паручніка панцырнай харугвы.

У сваю чаргу, Ю. М. Бохан рэканструяваў рыштунак кавалерыста «па-казацку» сярэдзіны XVI і другой паловы XVI ст., а таксама «маскоўска-турэцкае ўзбраенне» XVI ст. Апошняе па яго меркаванні магло быць характэрна, між іншым, для «знатных перабежчыкаў з Расійскай дзяржавы» [2, с. 58, малюнкi G2, G3; 4, с. 80–81, малюнкi G1, H1, H2, H3]. Даследчык часта падкрэсліваў «усходні стыль» або «маскоўскае паходжанне» вершнікаў разглядаемага перыяду, узброеных «па-казацку»: шабля татарскага тыпу; панцыр (!); бехцер; «прылбіца маскоўская» — місюрка; конскі рыштунак маскоўскага паходжання; сядло тыпу «ярчак» (верагодна, яно ж — «арчак». — *А. Л.*) з прышпіленай падушкай, кіраванне канём без

гусарскую дзіду. Яна прызначалася для колючых удараў, фіхтавальных прыёмаў і, верагодна, для сустрэчы тараннай коннай атакі ворага. У параўнанні з ёю ошчап — легкае кап'ё з карацейшым і танчэйшым дрэўкам, меншым наканечнікам, пераважна яно прызначалася для паражэння праціўніка на адлегласці [5, с. 136–139; 2, с. 39].

выкарыстання шпор — з дапамогай плёткі (!); і інш. Адметна, што рэканструяваны ім «заможны ваяр, магчымы перабежчык з Расійскай дзяржавы», меў наступны рыштунак: місюрка; шалом (функцыя — не вызначана, пакрываў місюрку?); панцыр з кароткімі рукавамі; зярцала (назва падобнага элемента ў польскай традыцыі — «lustra»); «наручы маскоўскія»; бутурлыкі; шабля; кісцень; сагайдак, рагаціна ці ошчап (факт выкарыстання — верагодны); рыштунак каня — маскоўскага тыпу. Апісаны вышэй набор рыштунку даследчык характарызаваў як «маскоўска-турэцкае ўзбраенне XVI ст.» [4, с. 81, мал. Н3]. Можна, аднак, таксама сцвярджаць, што пералічаны яго склад дэманструе выразнае падабенства з узбраеннем менавіта «пяцігорцаў» — адыгаў, ваяроў Паўночнага Каўказу. У навуцы добра вядома аб службе адыгаў або «чаркасаў» у войсках вялікіх князёў маскоўскіх пачынаючы ўжо з сярэдзіны 50-х гг. XVI ст., а таксама факт пераходу шэрагу адыгскіх князёў на бок ВКЛ, які фіксуецца ў 1563 г. У цэлым гэты падзеі таксама адпавядаюць датыроўцы мадэляў узбраення «заможных ваяроў», «перабежчыкаў з Расійскай дзяржавы», што дае Ю. М. Бохан — XVI ст.

Даследчык прывёў і некаторыя важныя даныя непасрэдна па дадзенай тэме. Акрамя «гусарскіх», «татарскіх» і «казацкіх» шабель, якія ён вылучае ў другой палове XVI ст., у дакументах гэтага часу ім выяўлены згадкі аб «чаркаскіх» шаблях. Так, шаблі «чаркаскія» або «па-чаркаску апраўленыя» згадваюцца сярод зброі князя Крыштофа Радзівіла (Крыштоф «Пярун»?) у 1584 г. Там жа знаходзілася і вялікая колькасць круглых шчытоў, згодна з тэрміналогіяй Ю. М. Бохана — «пуклераў», аднак, вырабленых, відаць, з жалеза, прынамсі некаторыя з іх. Меліся таксама рагаціны, упрыгожаныя золатам [5, с. 91, 126, 137; 3, с. 171]. Адметна, што па даным вучонага місюрка ў тэрміналогіі ВКЛ магла мець назву «прылбіца маскоўская». Гэты ж прадмет варта разумець таксама пад тэрмінам «прылбіца казацкая». Аднак найбольш цікавы той факт, што згодна з данымі таго ж вучонага місюрка ў часы Стэфана Баторыя — «тыповы від аховы галавы казацкай кавалерыі» [5, с. 79–80; 3, с. 78]. Разам з тым, з’яўленне большасці названых відаў узбраення ў ВКЛ за выключэннем «чаркаскіх шабель» даследчык адносіць да больш ранняга часу, чым другая палова XVI ст., г. зн. яшчэ да пачатку гісторыі «пяцігорскіх харугваў» у ВКЛ.

Для параўнання істотнае значэнне маюць даныя Ю. М. Бохана аб іншых відах кавалерыі ВКЛ у гэты час. Так, у 1567 г. служэбнікі наёмнай роты Філона Сымонавіча Кміты Чарнабыльскага мелі на ўзбраенні элементы, характэрныя для пяцігорцаў, аднак рота была гусарскай: ошчап, шабля, сагайдак, панцыр, прылбіца. Ваяры роты мелі на ўзбраенні і надзакі [5, с. 138, 149, 257]. Прыблізна такі набор элементаў згадваецца ў

той самы час і ў харугвах «па-казацку» [5, с. 253, 254]. Такім чынам, вядучы айчынны вучоны ў галіне гісторыі зброі на Беларусі часта апісваў у сваіх даследаваннях тыя або іншыя віды або нават комплексы ўзбраення ўласцівыя таксама і пяцігорцам, аднак з названым відам кавалерыі яго не асацыяваў.

Параўнальны аналіз гістарыяграфічных даных аб узбраенні пяцігорскіх харугваў і ўласна адыгаў у войсках ВКЛ і Польшчы можна завяршыць высновамі гісторыка З. Жыгульскага. Яны, як падаецца, здольныя ўнесці некаторую яснасць у разнастайнасць існуючых поглядаў, выступіць падсумаваннем дадзенай часткі разгляду пытання. Даследчык адзначаў, што тыя вайсковыя фармаванні, якія ў ВКЛ называлі «пяцігорцы» з прывязкай да выхадцаў з Каўказу, у Каралеўстве Польскім называлі «казакамі» або конніцай, узбраенай «па-казацку». Па яго даных, пяцігорцы як від (польск. — *typ*) кавалерыі ўзніклі ў часы Стэфана Баторыя і былі сярэднеўзброенай кавалерыяй побач з двума іншымі яе асноўнымі відамі, а менавіта: гусарыяй — як цяжкой кавалерыяй, і лёгкай конніцай узброенай «па-валошску» або «па-татарску». Найбольш характэрным узбраеннем пяцігорцаў, на думку З. Жыгульскага, з'яўляліся: засцерагальнае ўзбраенне — місюрка, «кальчуга», круглы шчыт — калкан, зроблены шляхам звіцця прутаў і нітак з металічным умбонам у цэнтры; наступальная зброя — лук, «спіса» або дзіда, шабля [15, с. 44]. Узоры такога ўзбраення на прыкладзе камплектаў ваяроў панцырных харугваў XVII ст. з дзяржаўных і прыватных музейных збораў Рэспублікі Польшча прадстаўлены ў выданнях цытаванага даследчыка [8, П. 29, 32; 15, s. 57]. Заслугоўваюць увагі высновы М. Пляўчыньскага адносна ўплыву пяцігорцаў на адзін з аспектаў эвалюцыі ўзброеных сілаў Польшчы перыяду Ранняга Новага часу. Па яго меркаванні, выкарыстанне кавалерыстамі агнястрэльнай зброі ўжо з часоў войн Стэфана Баторыя (!) паўплывала на ўзбраенне «казацкай» кавалерыі войска Каралеўства Польскага; садзейнічала замацаванню агнястрэльнай зброі як характэрнага элемента рэгулярнай наёмнай кавалерыі (польск. — *jazdy kwarcianej*) і афармлення яе стралецкай функцыі; узбагаціла польскую ваенную думку ўзорамі тактыкі ўсходняй лёгкай кавалерыі [13, s. 92].

У заключэнне варта таксама дадаць наступнае. Як адзначалася вышэй, Ю. М. Бохан у межах сваіх даследаванняў разглядаў «казакоў» як асобны від конных войск ВКЛ, не згадваючы пры гэтым «пяцігорцаў». Разам з тым, ён заўважаў нетрывалы характар набору ўзбраення «па-казацку», яго эвалюцыю. Айчынны вучоны прыводзіў даныя і аб зменах ва ўзбраенні таксама і татарскіх харугваў. Так, напрыклад, на яго думку ўжо ў 1560-я гг. імі маглі ўжывацца між іншым і ручніцы (!). Правёўшы

параўнальны аналіз даных першай і другой паловы XVI ст. (пераважна за 1560-я гг.) даследчык зрабіў наступныя высновы адносна кавалерыі, узброенай «па-казацку» і «па-татарску»: «Такім чынам, казацкая кавалерыя выступае тут у дзвюх мадыфікацыях — як стрэльчая і як універсальная, што можна было заўважыць у татарскай конніцы яшчэ ў XIV–XV стст. У сувязі з гэтым можна меркаваць, што казацкі рыштунак быў звязаны менавіта з татарскай традыцыяй, тым больш што і тэрмін «казак», і сама традыцыя «казакавання», ды і першыя казакі на землях Вялікага Княства Літоўскага знаходзіліся з татарамі ў самай цеснай сувязі» [5, с. 254]. Такім чынам, айчыны вучоны бачыў крыніцу ўплыву на казакоў толькі ў татарах, не разглядаючы такога варыянта як «пяцігорцы», «пяцігорскія чаркасы», «чаркасы» — адыгскія ваяры з Паўночнага Каўказа. З імі казакі паўднёвых зямель Русі таксама мелі цесныя дачыненні як непасрэдныя, так і праз войскі Расійскай дзяржавы пачынаючы з канца 1550-х гг. Крымскія татары таксама маглі выступаць прамежковым звяном у гэтых рэляцыях, бо Паўночны Каўказ для іх выступаў рэгулярным тэатрам ваенных дзеянняў. Разам з тым, варта заўважыць, што даследаванні Ю. М. Бохана ў большай ступені ахоплівалі перыяд, што папярэднічаў «эпосе пяцігорскіх харугваў» у войску ВКЛ. Гэта неабходна ўлічваць пры аналізе яго прац на прадмет, які разглядаецца ў даным артыкуле.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. [Изд. 2-е, дополненное]. Санкт-Петербург: Атлант, 2004.
2. *Бохан Ю. М.* Зброя Вялікага Княства Літоўскага, 1385–1576. Мінск: Беларусь, 2003.
3. *Бохан Ю. М.* Вайсковая справа ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XIV–канцы XVI ст. Мінск: Беларуская навука, 2008.
4. *Бохан Ю. М.* Наёмнае войска ў Вялікім Княстве Літоўскім у XV–XVI ст. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004.
5. *Бохан Ю. М.* Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV–канца XVI ст. Мінск: УП «Экаперспектыва», 2002.
6. *Сагановіч Г. М.* Войска Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1994.
7. *Borawski P.* Tatarzy w dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1986.
8. *Gradowski M., Żygulski Z.* Słownik uzbrojenia historycznego. Warszawa: Wyd-wo nauk. PWN, 2000.
9. *Grala H.* Czerkiesi i Nogajscy w służbie Rzeczypospolitej. Kilka uwag o najemnych i posiłkowych formacjach tatarskich w drugiej połowie wieku XVI // *Prace naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. Zeszyty historyczne* [pod. red. M. Antoniewicza, M. Cetwińskiego]. 1998. Zesz. V. S. 15–35.
10. *Hundert Z.* Kilka uwag na temat chorągwi petyhorskich w wojskach Rzeczypospolitej w latach 1673–1683 // *W pancierzu przez wieki. Z dziejów wojskowości polskiej i powszechnej,*

red. Marcin Baranowski, Andrzej Gładysz, Andrzej Niewiński (seria Homo Militans, t. II), Oświęcim 2014. S. 136–149.

11. *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Lwów [etc.]: Ossolineum, 1923. T. 2: Epoka przedrozbiorowa.

12. *Kotarski H.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576–1582 r. sprawy organizacyjne. Część V // *Studia i materiały do historii wojskowości*. 1972. T. XVIII. Cz. 2. S. 43–104.

13. *Plewczyński M.* Ludzie Wschodu w wojsku ostatnich Jagiellonów. Warszawa: Wydawnictwo Bellona, 1995.

14. *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII // *Przegląd Wschodni*. 1994. № 3. Zeszyt 3. S. 379–410.

15. *Żygulski Z.* Broń wodzów i żołnierzy. Kraków: Kluszczyński, 2003.

ДА ПЫТАННЯ ДЗІЦЯЧАЙ ЗЛАЧЫННАСЦІ Ў БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX–ПАЧАТКУ XX ст.

І. В. Лебедзева

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, Lebedzeva@mail.ru*

Аналізуюцца працэсы пераходу беларускага грамадства ад традыцыйнага да індустрыяльнага шляху развіцця. Адзначана, што ў сувязі з імклівымі працэсамі трансфармацыі сацыяльнай структуры адпаведныя змены адбываюцца ў становішчы дзяцей. Зроблена выснова аб тым, што пад уздзеяннем гэтых працэсаў павялічваецца дзіцячая злачыннасць, што выклікае з'яўленне спецыяльнага заканадаўства і дзіцячых судов, а таксама папраўча-працоўных устаноў.

Ключавыя словы: Беларусь; індустрыяльнае грамадства; дэвіацыя; законы аб дзецях; дзіцячая злачыннасць; папраўча-працоўная калонія.

К ВОПРОСУ О ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX в.

И. В. Лебедева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Lebedzeva@mail.ru*

Анализируются процессы перехода белорусского общества от традиционного к индустриальному пути развития. Отмечено, что в связи со стремительными процессами трансформации социальной структуры соответствующие изменения происходят и в обществе. Сделан вывод о том, что под влиянием этих процессов возрастает детская преступность, что способствует возникновению специального законодательства и детской судебной системы, а также исправительно-трудовых учреждений.

Ключевые слова: Беларусь; индустриальное общество; девиация; законы о детях; детская преступность; исправительно-трудовая колония.

ON THE ISSUE OF JUVENILE CRIMINALITY IN BELARUS AT THE SECOND HALF OF THE 19th AND BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

I. V. Lebedeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Lebedzeva@mail.ru*

The processes of transition of Belarusian society from the traditional to the industrial path of development are analyzed. It is noted that, due to the rapid transformation of the social structure, corresponding changes are also occurring within society. It is concluded that these processes are leading to an increase in juvenile delinquency, which is contributing to the emergence of specialized legislation and a juvenile justice system, as well as correctional labor institutions.

Keywords: Belarus; Russian Empire; children; childhood; social history; transformation process; children's criminality legislative documents; everyday life.

Эпоха мадэрнізацыі, у якую Беларусь увайшла ў другой палове XIX ст., істотна змяніла традыцыйны парадак жыцця ўсіх саслоўных груп насельніцтва, асабліва сялянскіх і гарадскіх жыхароў. «Для Беларусі другой паловы XIX—пачатку XX ст. — сцвярджае прафесар А. Г. Каханоўскі характэрна фрагментарная мадэрнізацыя. <...> Працэсы тэрытарыяльнай мабільнасці апераджалі сацыяльную, найбольш кансерватыўнай заставаўся сацыяльна-псіхалагічная сфера. Расійская ўрадавая палітыка была скіравана не на інтэграцыю, а на сегregaцыю і дыскрымінацыю асобных груп насельніцтва (яўрэяў, палякаў, католікаў і інш.)» [1, с. 262]. Імкліва пачаў разбурацца звыклы лад жыцця, а разам з ім аслабляліся моцныя раней ланцугі патрыярхальнай сям’і. Своеасаблівай адплатай за трансфармацыю аграрнага грамадства з’явілася ўзрастанне злачыннасці і дэвіантных паводзінаў грамадскай супольнасці ў розных сферах паўсядзённага жыцця. Найбольш адчувальнымі да падобных зменаў стала самая безабаронная катэгорыя насельніцтва — дзеці. Разбурэнне звыклых формаў сацыяльнага кантролю непазбежна правакавала павелічэнне дзіцячай злачыннасці і праяўленне гэтай сацыяльнай з’явы ў самых разнастайных формах (ад грубасці, хлусні, непавагі да бацькоў, хуліганства да злачыннасці, алкагалізму, прастытуцыі). Падобная сітуацыя ўскладнялася яшчэ і такой распаўсюджанай з другой паловы XIX ст. з’явы, як актыўная праца дзяцей ў прамысловай вытворчасці. Дзіцячая і падлеткавая праца складала каля 10,6 %. Пры гэтым ва ўзросце ад 12 да 17 гадоў працавалі 15,3 % дзяўчынак і 8,9 % хлопчыкаў, г. зн. працуючых дзяўчынак было амаль ў два разы больш, чым хлопчыкаў [2, с. X—XI]. Гэта прыводзіла да таго, што маленькія працаўнікі, назапасіўшы пэўны капітал знясільваючай работай, у падлеткавым узросце папаўнялі шэрагі злачынцаў і маргінальных слаёў грамадства. Імкнучыся ўзнагародзіць сябе за ўсё перажытае, паспытаўшы «салодкага жыцця» ў рэстаранах, у картачных гульнях і г. д., яны пасля таго, як сродкі заканчваліся ішлі на злачынствы, не адчуваючы асаблівага жадання зноў вяртацца да працы.

Што тычыцца становішча непаўналетніх у сям’і, то бацькоўская ўлада ў адносінах да дзяцей была ўсеаб’емнай і спынялася толькі ў выпадку смерці або пазбаўлення ўсіх правоў стану, калі дзеці не адпраўляліся ў турэмнае зняволенне або ссылку за бацькамі. Да прыкладу, жонка адстаўнога салдата Ульяна Антонаўна Паўленкова двойчы звярталася з прашэннем да Мінскага гарадскога Камітэта апекі аб турмах прыняць на ўтрыманне чатырох дзяцей. Яе муж праслужыў 20 гадоў, а зараз адбывае заключэнне ў Мінскім турэмным замку. «У цяперашні час насцігла яго няшчасце, а нас тым больш, так мы пражывалі выключна з яго ўласнай працы, а зараз з-за яго арышту, павінны пасці ахвярай голаду і розных нягодаў жыццёвых,

так як дзеці малалетнія і нічога не могуць для сябе зарабіць, а я з-за ніх не магу ні чым заняцца» [3, л. 3]. Ведамства пайшло насустрач і задаволіла просьбу жанчыны — за кошт сродкаў Камітэта апекі турмаў сям’і была выдзелена грашовая дапамога. На жаль, шырока распаўсюджанай практыкай было ўтрыманне дзяцей арыштаваных бацькоў на забеспячэнні турэмных устаноў. Гэта было для іх своеасаблівай гарантыяй захавання жыцця, таму што ўзрост арыштанцкіх выхаванцаў вагаўся ад аднамесячных немаўлят да 11-гадовых падлеткаў [4, л. 54].

Для выпраўлення «строптивых і неповинующихся» дзяцей бацькі мелі права ўжываць выпраўчыя меры. У выпадку, калі такія дзеянні не прыносілі поспеху, бацькам было дадзена права заключэння сваіх дзяцей у турму згодна з арт. 1592 Улажэння аб пакараннях 1885 г. [5]. Пры гэтым магчымасць судовай скаргі ад бацькоў на дзяцей захоўвалася. У 1909 г. з выданнем закона «Аб выхаваўча-папраўчых установах для непаўналетніх» у бацькоў з’явілася дадатковая магчымасць аддаваць дзяцей ва ўзросце ад 10 да 17 гадоў у адпаведныя ўстановы [6]. У пэўнай ступені гэта ў шэрагу выпадкаў з’яўлялася фактарам папярэджання дзіцячай злачыннасці.

Згодна з заканадаўствам дзецям забаранялася абраджаць бацькоў, за гэта таксама прадугледжвалася пэўнае пакаранне. Пры гэтым, скаргі дзяцей на сваіх бацькоў, ні грамадзянскія, ні крымінальныя, судовымі органамі не прымаліся [7]. Заканадаўчая сістэма мела некаторыя абмежаванні і ў адносінах да бацькоў. Да прыкладу, бацькі не мелі права прымушаць дзяцей да незаконных дзеянняў, а за забойства неслі крымінальную адказнасць па агульных правілах. Бацькі былі абавязаны даваць сваім дзецям харчаванне, адзенне і выхаванне, адпаведнае свайму статусу, а таксама клапаціцца аб іх будучыні — рыхтаваць да службы або рамеснай справы для хлопчыкаў, аддаць замуж дзяўчынак [8, с. 28].

Такім чынам, пераход да мадэрну вывёў сямейныя адносіны з вузкіх рамак традыцыйнай сям’і і саслоўнай арганізацыі. Дзяржава і грамадскасць ужо мелі непасрэднае дачыненне і заканадаўча афармлялі адносіны паміж бацькамі і дзецьмі праз заканадаўчую сістэму і судовыя інстытуты.

Першапачаткова суды па справах непаўналетніх мелі дастаткова шырокую юрысдыкцыю, ажыццяўляючы не толькі правасуддзе, але і некаторыя апекунскія і кантрольныя функцыі. У пачатку XX ст. кампетэнцыя суда па справах непаўналетніх звужалася. Пытанні апекі, сямейнага і адміністрацыйнага права былі перададзены ў ведамства адміністрацыйных і грамадскіх органаў. Арганізацыя спецыяльных судаў для непаўналетніх мела на мэце стварэнне асаблівых умоў для працэса судаводства, асаблівы парадак іх арганізацыі і дзейнасці. Гэта ўвасаблялася ў неабходнасці забеспячэння канфідэнцыяльнасці судовага пасяджэння, спрашчэння судовай працэдур,

больш грунтоўнага даследавання асобы непаўналетняга злачынцы, ўмоў яго жыцця і выхавання, выкарыстання педагагічных і псіхалагічных падыходаў. Да кандыдатаў на пасаду суддзі па справах непаўналетніх прад'яўляліся больш высокія прафесійныя патрабаванні. Першачарговай задачай ставілася не столькі пакаранне маленькага злачынцы, а ўтрыманне яго ад новых парушэнняў закона. З гэтай мэтай у парэформенны перыяд у Расійскай імперыі пачалі арганізоўвацца папраўчыя ўстановы для непаўналетніх злачынцаў з мэтай выхавання іх праз працу і аддзялення ад дарослых злачынцаў. Аднак, трэба адзначыць, што гэтая высакародная справа ажыццяўлялася вельмі марудна. Да 1884 г. па ўсёй краіне налічвалася не больш за 45 прытулкаў і калоній у большасці губернскіх гарадоў, амаль усе яны былі заснаваны і ўтрымліваліся на прыватныя сродкі дабрачынных таварыстваў і меценатаў [9, л. 2]. Тэрмін знаходжання дзяцей ў такіх прытулках складаў, у сярэднім, не больш за 3 гады — да наступлення 18-гадовага ўзроста, пад час знаходжання яны навучаліся пэўнаму рамяству і былі падрыхтаваны да самастойнага жыцця і самазабеспячэння.

На тэрыторыі Беларусі папраўчы прытулак існаваў толькі ў Віцебску і быў разлічаны на 50 месцаў. З ўлікам таго, што за 1894–1896 гг. у Віцебску было асуджана 270 непаўналетніх хлопчыкаў, адпаведна месцаў у гэтых спецыяльных выхаваўчых установах катастрофічна не хапала. У пачатку XX ст. каля станцыі Вілейка пад Вільняй была заснавана земляробча-рамесная калонія для непаўналетніх злачынцаў, крыху пазней адпаведная ўстанова з'явілася і ў Мінску [9, л. 7, 43]. Больш катастрофічнай было становішча асуджаных дзяўчынак да 17 гадоў. Пры дастаткова вялікай колькасці асуджаных, усяго па расійскіх губернях існавала 165 месцаў, у Беларусі на 1901 г. не існавала папраўчых прытулкаў увогуле. Улічваючы той факт, што ў большасці такія ўстановы прымалі бадзяжных дзяўчынак, а не злачынных, па факту ўтрымлівалася толькі 3 % асуджаных [9, л. 9].

Працэсы пераходу ад традыцыйнага да грамадства мадэрну выклікалі значныя праявы дэвіянтных паводзінаў насельніцтва, у тым ліку дзяцей. Тлумачыцца такая з'ява трансфармацыяй грамадства, у першую чаргу размыццём саслоўнай структуры насельніцтва, пагаршэннем узроўню яго жыцця. Ва ўмовах традыцыйнага грамадства ролю наглядальнікаў і выхавальнікаў дзяцей ралі на сябе бацькі і прадстаўнікі саслоўна-капаратыўных арганізацый, а пры пераходзе да мадэрну і разрушэнні традыцыйных сацыяльных інстутаў саслоўнай апекі і нагляду сялянскай грамады ўзнікла патрэба ў распрацоўцы спецыяльнай заканадаўчай сістэмы па ўладкаванню ўзаемаадносін бацькоў і дзяцей і папярэджаннем дзіцячай злачыннасці. Клопат гэты паступова ўзялі на сябе органы дзяржаўнага кіравання і грамадскія арганізацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск: БДУ. 2013. 335 с.
2. Численность и состав рабочих в России. На основании данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб: 1906. Т. 1. 318 с.
3. О принятии в тюрьму детей солдатки Павлинковой // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 29. Воп. 1. Спр. 3100.
4. Именной список арестантских детей, состоявших на довольствии Минского тюремного замка // НГАБ. Ф. 29. Воп. 1. Спр. 762.
5. *Таганцев Н. С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1886. [4], 714 с.
6. «О воспитательно-исправительных учреждениях для несовершеннолетних» // ПСЗРИ. Собр. III. Т. 29. № 31727.
7. Законы о детях. Сборник постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних с приложением Свода разъяснений по кассационным решениям Сената / Сост. Я. А. Канторович. СПб., 1899.
8. Свод законов Российской империи. Свод законов гражданских. Т. 10. Ч. 1. Книга 1. СПб., 1832. С. 1–29.
9. Об оказании содействия к возникновению местного исправительного заведения для осуждаемых малолетних // НГАБ. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 3807.

РАБОЧИЙ КЛАСС В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА БССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х гг. XX в.

Н. А. Поляк

Учреждение образования «Белорусский государственный медицинский университет», пр-т Дзержинского, 83, 220083, Минск, Беларусь, Polyak77@mail.ru

Статья посвящена анализу демографических и экономических последствий Великой Отечественной войны для Советской Беларуси. Особое внимание уделяется острой нехватке рабочей силы, которая ставила под угрозу восстановление республики. В статье выделяются основные источники пополнения рабочих кадров: бывшие партизаны и демобилизованные солдаты, реэвакуированные и пережившие оккупацию кадровые рабочие, репатрианты, а также рабочие, прибывшие с заводов из других республик СССР. Самым значимым источником пополнения рабочего класса стало собственное сельское население. Усилия политической власти были направлены на максимальное увеличение числа рабочих всеми доступными средствами. Ускоренное восстановление промышленности привело к активизации социальной мобильности и урбанизации. Различное социальное происхождение новых рабочих вызвало внутреннюю дифференциацию внутри класса. Все эти факторы стали причиной значительного изменения социального ландшафта, заложив основы для формирования индустриального общества в БССР.

Ключевые слова: рабочий класс; послевоенное восстановление БССР; военные потери; социальный ландшафт.

THE WORKING CLASS IN THE POST-WAR PERIOD: CHANGES IN THE SOCIAL LANDSCAPE OF THE BSSR IN THE SECOND HALF OF THE 1940s

N. Poliak

Educational institution "Belarusian State Medical University", Dzerzhinsky Ave., 83, 220083, Minsk, Belarus, Polyak77@mail.ru

The article is dedicated to the demographic and economic consequences of the Great Patriotic War for Soviet Belarus. Particular attention is paid to the acute shortage of labor, which threatened the republic's recovery. The article highlights the main sources of replenishing the workforce: former partisans and demobilized soldiers, re-evacuated and occupation-surviving skilled workers, repatriates, as well as workers arriving from factories in other republics of the USSR. The most significant source of replenishing the working class was the local rural population. The political authorities' efforts were aimed at maximizing the number of workers through all available means. The accelerated restoration of industry led to increased social mobility and urbanization. The diverse social origins of the new workers caused internal differentiation within the class. All these factors led to a significant change in the social landscape, laying the groundwork for the formation of an industrial society in the BSSR.

Keywords: working class; post-war recovery of BSSR; war losses; social landscape.

Великая Отечественная война стала для БССР беспрецедентной катастрофой, оказавшей влияние на её развитие в последующем. Анализ потерь ставил под сомнение дальнейшее существование республики. Ущерб, нанесённый народному хозяйству, и, в частности, промышленности достигал 80 %. Сокращение населения на треть погрузило республику в глубокую «демографическую яму». В тяжелейших условиях послевоенной разрухи, восстановление жилого фонда, налаживание работы транспорта, энергообеспечения, запуск промышленных предприятий требовали огромного количества рабочих рук. Вопрос о трудовых ресурсах приобрёл первостепенную важность и требовал от политической власти незамедлительных действий. Реализация на практике всех возможных способов пополнения рядов рабочих и привела к изменению социального ландшафта БССР.

Уникальный опыт восстановления разрушенной экономики Советской Беларуси часто становился темой различных исследований. Внимание в них, как правило, сосредотачивалось на достигнутых производственных показателях, темпах возрождения промышленности и сельского хозяйства. Участию рабочего класса в послевоенном восстановлении посвящена коллективная монография «История рабочего класса Белорусской ССР» в 4 томах [1], а также работы И. Е. Марченко [2], А. П. Купреевой [3], С. А. Польского [4] и др. Отдельные аспекты социально-экономической жизни рассматриваются в статьях современных исследователей П. А. Концевого [5], В. М. Фомина [6], Г. П. Бущика [7] и Ю. Грузицкого [8], но целостная картина начавшихся демографических и социальных изменений в существующих изданиях отсутствует.

Экономическая ситуация в освобожденной БССР имела ряд особенностей, среди которых можно назвать: больший, чем в остальных республиках СССР экономический ущерб и колоссальные людские потери; высокая стратегическая значимость тяжёлой промышленности БССР для СССР; размещение объектов промышленности преимущественно в городах максимально близких к транспортным и сырьевым; отсутствие трудовых ресурсов. Чрезвычайная сложность восстановления разрушенного народного хозяйства республики усугублялась, сохранением военного положения на начальном этапе и грандиозными масштабами индустриализации по всему СССР после окончательного завершения войны, завышенными планами и сжатыми сроками развития тяжёлой промышленности, отсутствием квалифицированных кадров, несогласованностью управления и принятия решений, а также бедственным материальным положением местного населения.

В сложившихся условиях политическая власть делала ставку на интенсивный количественный рост рабочего класса и усиление его значения

в возрождении промышленности. Проблема дефицита рабочей силы решалась с помощью всевозможных источников пополнения, что в конечном итоге привело к социальным сдвигам и структурным изменениям белорусского общества. Новый состав рабочего класса БССР формировался за счёт бывших партизан и демобилизованных военнослужащих, реэвакуированных и временно находившихся на оккупированной территории кадровых рабочих, опытных промышленных рабочих смежных по профилю заводов республик СССР, репатриированного населения, собственного сельского населения. Некоторые рабочие приходили на предприятия и стройки по свободному найму, в том числе через систему фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленные училища.

Бывшие партизаны и демобилизованные солдаты формировали внушительную группу рабочего класса и часто становились костяком трудовых коллективов предприятий. Закалённые тяготами партизанской жизни они брали на себя разбор завалов, восстановление уцелевшего оборудования, первый пуск производства. Так, около 1000 партизан пришло на авторемонтный завод в Красном Урочище (впоследствии МАЗ). Командирам партизанских отрядов выпадала роль руководителей бригад, начальников участков, цехов [9, с. 9]. Дисциплина, выдержка, умение справляться с трудностями оказывались важнее, чем специальные навыки и профессиональный опыт.

Возрождению и восстановлению ведущих производственных ролей рабочего класса способствовало возвращение на предприятия оставшихся на оккупированной территории и реэвакуированных кадровых рабочих. Включение в трудовую деятельность этой социальной группы позволило быстрыми темпами наладить производство, обеспечить производственное обучение, передать опыт, сформировать общность внутри рабочего класса. Так, первый выпуск продукции новобелицкой спичечной фабрикой «Везувий» был возможен благодаря тому, что рабочий этой фабрики Добровольский в период фашистской оккупации закопал 465 банок фосфора, которые использовались после освобождения для производства спичек. Он и другие рабочие, работая вручную в марте 1944 г. произвели 5 тыс. коробок спичек [1, с. 227]. Так же кадровые рабочие мостовского лесопильного завода для обеспечения завода сырьём и первого пуска производства достали из ледяной воды р. Нёмана топки [10, с. 35]. Возвращение реэвакуированных кадровых рабочих значимый источник пополнения белорусского рабочего класса, но цифры вернувшихся были существенно меньше вывезенных. На витебскую чулочно-трикотажную фабрику им. КИМ вернулось 400 рабочих, на минский завод «Ударник» — 70 [1, с. 268]. Полному восстановлению коллективов эвакуированных белорусских предприятий

помешал целый ряд трагических обстоятельств, связанных с поспешным выездом, бомбёжками в пути следования, гибелью рабочих на фронтах, слиянием с местными предприятиями и плохо организованной системой реэвакуации. В письмах руководству КП(б)Б, кадровые рабочие жаловались, что с нынешнего места работы их намерено не отпускают [11]. Несмотря на сложности кадровые рабочие в восстановлении промышленных предприятий и в обеспечении бесперебойной и высокопродуктивной работы отыгрывали значимую роль.

Ускорению процесса восстановления и укреплению кадрового состава рабочих белорусской промышленности содействовало направление опытных рабочих и инженерно-технических кадров из заводов Москвы, Ленинграда, Горького, Харькова в БССР. Вместе с поставками оборудования и сырья на предприятия прибывали кадровые рабочие. Если, в первые мирные годы число таких рабочих было незначительным, то в годы последующей модернизации промышленности их количество увеличилось. Доказательством этому служат источники, в которых отмечается, что кадровая помощь на МАЗ, МТЗ, велозавод в Минск во второй половине 40-х гг. либо не доезжала, либо прибывала малая часть несоответствующих специальностей [12]. В начале 50-х гг. ситуация поменялась, о чём свидетельствует национальный состав инженеров МТЗ, где русских, украинцев и евреев насчитывалось 44, 10, 11 процентов соответственно [13].

Пополнению рядов рабочего класса и изменению социального ландшафта республики содействовала репатриация. В справках о мобилизации рабочей силы за 1945 г. говорилось о необходимости вербовки рабочих для промышленности Беларуси, возвращающихся в БССР из Европы, а также Украины и Польши [14]. Сложившиеся социально-политические условия, зачастую вынуждали репатриантов оседать в бурно строящихся городах вдали от родных мест. Включение вернувшихся в ряды рабочего класса и приобщение к производственному труду стали для многих своего рода реинтеграцией в новые социальные условия. Положительное сальдо миграции наблюдалось в БССР вплоть до начала 50-х гг. XX в. [15, с. 58].

Самой существенной и массовой социальной группой, которая пополняла ряды рабочих в БССР оставалось сельское население. Упор на строительство в городах крупных промышленных объектов, интенсивная индустриализация западных районов БССР и остаточный принцип восстановления сельского хозяйства, обусловили миграцию жителей деревень в город. Государство, столкнувшись с острой нехваткой кадров промышленности, использовало все доступные рычаги для восполнения дефицита. Рост числа рабочих достигался трудовой мобилизацией (на подобии военной мобилизации), организованными наборами и общественными

призывами людей из сельской местности. Эти вынужденные меры подтолкнули изменение социального облика республики и запустили процессы перехода от аграрного общества к индустриальному. На первоначальном этапе трансформация общества была сопряжена с множеством сложностей, о чём свидетельствовали случаи уклонения от трудовой мобилизации, срывов планов оргнаборов и общественных призывов, текучка кадров и дезертирство с места работы в городе. Так, во втором квартале 1944 г. план набора рабочих в Гродненской области не выполнен [16]. Из принятых Управлением по восстановлению г. Минска в 1945 г. 1415 чел. 631 чел. дезертировал [17].

Масштабные восстановительные программы народного хозяйства и сверхиндустриализация в условиях «демографической ямы» в БССР имели ряд противоречивых социальных последствий. Нехватка рабочих рук на предприятиях и стройках, интенсивные миграционные процессы, несовершенство системы регистрации и учёта рабочих, стали причиной ряда проблем. Рабочие сталкивались с дефицитом жилья, нехваткой продуктов питания, сложными условиями труда и быта. Как свидетельствуют многочисленные документы, культура быта проживающих в минских общежитиях была недостаточно высокой [18], в трудовых коллективах имели место случаи антисанитарии [19], требования безопасности труда не всегда выполнялись [20]. Оторванные от привычного сельского уклада жизни, переехавшие в город, чувствовали себя потерянными. Культурным маркером нового рабочего класса, стало использование в общении и на письме «трасянки» [21], сохранение крестьянской традиционности в межличностных и семейных отношениях [22, с. 23]. Это в свою очередь, было показателем самоидентификации и принадлежности к сельскому образу жизни, а не городскому.

Усиление значения рабочего класса в восстановлении промышленности на прямую зависело от изменения его качественных характеристик — уровня квалификации. Профессиональное обучение осуществлялось через систему Государственных трудовых резервов. К декабрю 1944 г. школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища дали рабочему классу БССР 3,5 тыс. молодых выпускников, а в 1945 г. — 13,5 тыс. чел. [1, с. 235]. Система ФЗО способствовала профессиональному укреплению рабочего класса, пополнению его квалифицированными кадрами. Наличие специального образования являлось критерием дифференциации содержания труда и основанием для формирования общностей внутри рабочего класса. Однако система ФЗО не могла удовлетворить спрос промышленности на квалифицированных рабочих, поэтому основным способом подготовки оставалось обучение новичков непосредственно на

предприятия более опытными рабочими. В период 1946–1950 гг. в БССР таким способом приобрели профессии и прошли повышение квалификации на производстве около 90 тыс. чел. [10, с. 65]. Выпускники школ ФЗО значительно выделялись на фоне тех, кто проходил обучение на производстве, поскольку обладали не только практическими навыками, но теоретическими знаниями. Наличие профессионально-технического образования способствовало углублению квалификационной дифференциации — одной из ключевых характеристик индустриального общества.

Таким образом, восстановление разрушенной войной экономики Советской Беларуси, было возможно только при наличии большого количества рабочих рук. Потеря трети населения БССР требовала незамедлительных решений политического руководства по формированию рабочего класса и значительному увеличению его количества. Ряды рабочего класса пополняли демобилизованные солдаты и партизаны, реэвакуированные кадровые рабочие, репатрианты, выпускники ФЗО и собственное сельское население. Приоритет развития промышленности над сельским хозяйством подтолкнули социальную мобильность и урбанизацию. Численный рост рабочих, внутренняя дифференциация класса, ломка традиционных институтов заложили основы для формирования социума индустриального типа в дальнейшем. Вместе с тем социальные трансформации и складывание нового социального ландшафта сопровождались сложными материально-бытовыми условиями жизни, перенесением сельского уклада в городскую среду, культурной дезориентацией.

Библиографические ссылки

1. История рабочего класса Белорусской ССР: в 4 т. / И. Е. Марченко [и др.]. Минск: Наука и техника, 1984–1987. Т. 3: Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1960). 1985. 484 с.
2. *Марченко И. Е.* Рабочий класс БССР в послевоенные годы. Акад. наук БССР. Мн.: АН БССР, 1962. 257 с.
3. *Купреева А. П.* Возрождение народного хозяйства Белоруссии. Науч. ред. П. Т. Петриков. Мн.: Наука и техника, 1976. 221 с.
4. *Польский С. А.* Урбанизация Белорусской ССР: учеб.-метод. пособие. Минск: [б. и.], 1985. 87 с.
5. *Концевой П. А.* Эффективность использования труда военнопленных и интернированных в восстановлении промышленности БССР (1945–1951 гг.) // Проблемы устойчивого развития региона: сб. ст. / под ред. А. В. Иванова. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. С. 187–190.
6. *Фомин В. М.* Человеческий фактор в послевоенном возрождении промышленности Беларуси (1946–1950 гг.) // Европа: актуальные проблемы этнокультуры / редкол. В. В. Тугай [и др.]. Минск: БГПУ, 2011. С. 225–228.

7. Буцик Г. Экономические связи Беларуси в годы послевоенного восстановления народного хозяйства // Директор. Минск: Консорциум Наука. Экономика. Право, 2005. № 5. С. 56–59.
8. Грузицкий Ю. Первая послевоенная реформа (к 65-летию денежной реформы 1947 г.) // Банкаўскі веснік. Минск, 2013. № 10. С. 52–56.
9. Блистинов, М. М., Богушевич Ю., Вайнруб Е. Минский автомобильный завод. Мн.: Беларусь, 1972. 206 с.
10. Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения / Академия наук Белорусской ССР, Институт экономики. Мн.: Наука и техника, 1977. 236 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4П. Оп. 29. Д. 461. Л. 146, 172, 174, 209.
12. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 2363. Оп. 1. Д. 14. Л. 28; Ф. 3341. Оп. 1. Д. 876. Л. 9.
13. ГАМО. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 1023. Л. 5.
14. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 314. Л. 1, 2–5, 29.
15. Крючек П. С. Миграционные процессы в БССР в послевоенный период (40–80-е гг. XX в.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. Минск: БГТУ, 2020. № 1. С. 56–59.
16. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 314. Л. 40.
17. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 314. Л. 38.
18. ГАМО. Ф. 2363. Оп. 1. Д. 45. Л. 81, 83, 87.
19. ГАМО. Ф. 2736. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.
20. ГАМО. Ф. 2736. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.
21. ГАМО. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 1116. Л. 240.
22. Иванов В. М. Семья и семейный быт рабочего класса Белоруссии. Конец XIX века–1970 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.576. Мн., 1971. 49 с.

ФОРМЫ ПРАМЫСЛОВАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX ст.

М. Д. Прышчэпа

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, mashaprishchepa@gmail.com*

У артыкуле разглядаюцца формы прамысловай вытворчасці, якія існавалі на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст. У цэлым прасочваецца працэс фарміравання прамысловай вытворчасці, пераўтварэння больш простых формаў прамысловай вытворчасці ў больш складаныя — мануфактуры і фабрыкі.

Ключавыя словы: прамысловасць; прамысловая вытворчасць; капіталізм; феадальная сістэма; эканамічнае развіццё; капітал; рамяство; мануфактуры; кааперацыя; XIX ст.

ФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

М. Д. Прищепа

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, mashaprishchepa@gmail.com*

В статье рассматриваются существовавшие на территории Беларуси в первой половине XIX в. формы промышленного производства. В целом прослеживается процесс формирования промышленного производства, преобразования более простых форм промышленного производства в более сложные — мануфактуры и фабрики.

Ключевые слова: промышленность; промышленное производство; капитализм; феодальная система; экономическое развитие; капитал; ремесло; мануфактуры; кооперация; XIX в.

FORMS OF INDUSTRIAL PRODUCTION ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

M. D. Pryshchepa

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, mashaprishchepa@gmail.com*

The article examines the forms of industrial production that existed on the territory of Belarus in the first half of the 19th century. In general, the process of industrial production formation is traced, the transformation of simpler forms of industrial production into more complex ones – manufactories and factories.

Keywords: industry; industrial production; capitalism; feudal system; economic development; capital; handicrafts; manufactures; cooperation; 19th century.

У канцы XVIII ст. тэрыторыя Беларусі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай апынулася ў складзе Расійскай імперыі, што ў значнай ступені аказала ўплыў на эканамічнае развіццё, у прыватнасці на развіццё прамысловасці. У канцы XVIII—пачатку XIX ст. ў Расійскай імперыі адбываўся паступовы працэс разлажэння феадальнага ладу, на тэрыторыі Беларусі ў акрэслены час таксама адбывалася разлажэнне феадальнага спосабу вытворчасці, пасля далучэння да Расійскай імперыі тэрыторыя Беларусі апынулася ўключана ў агульнарасійскія працэсы, ў выніку чаго разлажэнне феадалізму значна паскорылася.

У канцы XVIII—пачатку XIX ст. асноўнай формай прамысловых прадпрыемстваў Беларусі з'яўляліся рамесныя майстэрні, якія «выйшлі» з дробных сялянскіх промыслаў. Хатнія промыслы з развіццём таварна-грашовых адносін паступова адрываліся ад земляробства і перарасталі ў рамесныя майстэрні, якія займаліся вытворчасцю вырабаў па замове спажыўцоў [4, с. 36]. Рамесныя майстэрні працавалі на попыт спажыўцоў і мясцовыя рынкі сбыту, спрыялі падрыхтоўке кваліфікаваных наёмных рабочых. Паступова з цягам часу рамесныя майстэрні няўхільна перарасталі ў дробную капіталістычную прамысловую вытворчасць, а потым ужо ў мануфактурную вытворчасць.

Дробныя капіталістычныя прадпрыемствы (або капіталістычныя майстэрні) не заўсёды «вырасталі» з рамеснай вытворчасці, яны маглі быць створаны адначасова з імі. Адрознення капіталістычнага прадпрыемства ад майстэрні рамеснага тыпу не толькі ў выкарыстанні працы наёмных рабочых, але і ў колькасці адначасова занятых у вытворчасці работнікаў. «У пытанні аб развіцці капіталізму ледзь не найбольшае значэнне мае ступень распаўсюджвання наёмнай працы. Капіталізм — гэта тая стадыя развіцця таварнай вытворчасці, калі і працоўная сіла становіцца таварам» [1, с. 73], таму да капіталістычных мануфактур трэба адносіць толькі тыя, на якіх пераважала колькасць наёмных работнікаў, незалежна ад саслоўяў іх і уладальніка прадпрыемства. Першыя капіталістычныя прадпрыемствы былі ў меншасці і знікалі сярод мелкіх рамесных майстэрняў. Капіталістычныя прадпрыемствы адрозніваліся ад рамеснай вытворчасці колькасцю рабочых і спосабам арганізацыі вытворчага працэсу [5, с. 216]. Кааперацыю варта разглядаць як першы крок павышэння адноснай прыбавачнай вартасці і прадукцыйнасці працы. Усе рабочыя выконвалі адны і тыя ж аперацыі, але наяўнасць пяці і больш рабочых дазваляла гаспадару не толькі пакінуць ручную працу і выконваць функцыі закупкі матэрыялаў і збыту тавараў, але і стаць «маленькім капіталістам», карэнным гаспадаром [5, с. 217]. Прадпрыемствы, на якіх працавала звыш 5, але менш 15 чалавек, адносяцца да простага кааперацыі. Больш высокай формай кааперацыі была мануфактура.

Мануфактура — гэта прамысловае прадпрыемства без паравых рухавікоў, заснаванае на падзеле працы і колькасці рабочых 15 і болей чалавек. На тэрыторыі Беларусі існавалі мануфактуры 3-х тыпаў: вотчынныя, капіталістычныя і пасесійныя.

Вотчынныя мануфактуры належалі дваранам. На іх працавалі прыгонныя сяляне і выкарыстоўвалася танная сыравіна. Мануфактуры такога тыпу знаходзіліся ў сельскай мясцовасці і залежалі ад узроўня развіцця сельскай гаспадаркі. Часам здараліся выпадкі, калі памешчыкі-уладальнікі прыгонных мануфактур з-за малаэфектыўнасці прыгоннай працы закрывалі свае прадпрыемствы або пераходзілі на вольнанаёмную працу, але гэта было рэдка.

У першай палове XIX ст. колькасць вотчынных прадпрыемстваў павялічвалася, аб'ём вытворчасці таксама павялічваўся. М. В. Доўнар-Запольскі лічыў, што першыя мануфактуры ўзніклі для задавальнення патрэб іх уладальнікаў, з мэтай замяніць дарагія замежныя прывазныя рэчы: матэрыі, шкло, тканіны і г. д. [3, с. 3]. Вотчынныя прыгонныя мануфактуры пераважалі ў такіх вядучых і найбольш папулярных галінах прамысловасці як суконная, палатняная і шкляная. Вялікія і буйныя прадпрыемствы такога роду належалі дваранам-землеўладальнікам. Для некаторых вотчынных мануфактур сыравіна, якую нельга было вырабіць на месце, куплялася за мяжой, напрыклад фарбы (дзеля ваўнянай прамысловасці), селітра (дзеля шкляных мануфактур), масла купарознае (дзеля вытворчасці паперы), уся гэтая сыравіна набывалася толькі за грошы ў Маскве, Пецярбурзе, Рызе ці ў заходнееўрапейскіх краінах [1, с. 76]. Гэта сведчыць аб тым, што развіццё мясцовай прамысловасці ў даволі значнай ступені тармазіла адсутнасць неабходнай сыравіны, якую прадпрыемствы вымушаны былі шукаць і купляць у расійскіх губернях або ў замежных краінах.

Самыя першыя мануфактуры капіталістычнага тыпу з'явіліся на тэрыторыі Беларусі канцы XVIII ст., суконная ў Ласосне (пад Гродна) і шкляная ў Хізава Рагачоўскага уезда. Ласосненская мануфактура ў 1795 г. была продана немцам купцу, пасля чаго мануфактура стала капіталістычнага тыпу. У 1809 г. на ёй працавала 30 ч., у 1828 г. ужо 17 [1, с. 77], што сведчыць па-першае, аб тым, што ў канцы 1820-х гг. мануфактурам было ўжо складаней утрымліваць былыя пазіцыі і ўтрымлівацца на ўнутраных і замежных рынках сбыту, па-другое, з 1830-х гг. фабрыкі паступова пачыналі павялічвацца і пераважаць нават над капіталістычнымі мануфактурамі.

Паступова ў першай палове XIX ст. таксама павялічвалася колькасць капіталістычных мануфактур, якія як правіла знаходзіліся ў гарадах або мястэчках, таму што ўладальнікамі капіталістычных прадпрыемстваў былі ў асноўным купцы, а ні майстры-рамеснікі. Па нацыянальнасці сваёй

купцы былі яўрэямі, а «развіццю купецкай прамысловасці і выкарыстанню вольнанаёмнай працы ў сельскай мясцовасці перашкаджалі абмежаванні, звязаныя з наяўнасцю мяжы яўрэйскай аселасці» [5, с. 224]. На купецкіх мануфактурах капіталістычнага тыпу працавалі вольнанаёмныя рабочыя.

Акрамя вотчынных і капіталістычных існавалі яшчэ пасесійныя мануфактуры — дзяжаўныя прадпрыемствы на якіх выкарыстоўвалася праца дзяржаўных прыгонных сялян. Пасесійныя мануфактуры па сваёй сацыяльна-эканамічнай структуры былі падобныя на вотчынныя мануфактуры, але для беларускай прамысловасці не былі характэрны. Выключэннем з'яўляліся толькі мануфактуры Вялікага Княства Літоўскага, створаныя А. Тызенгаўзам, і частка мануфактур, якія пасля далучэння да Расіі былі звязаны з дваром Кацярыны II, напрыклад мануфактура па вытворчасці гадзіннікаў для імператарскага двара ў мястэчке Дуброўна Магілёўскай губерніі [1, с. 74]. Уздым і садзейнічанне эканамічнаму развіццю беларускіх губерняў, жаданне стварыць узорныя дзяржаўныя прадпрыемствы, на той час мануфактуры, каб прадэманстраваць магнатам і шляхце як неабходна займацца дзелавымі справамі і ўласнымі прадпрыемствамі. Але, нягледзячы на прынятыя меры, папулярываць сярод мясцовых дваран-землеўладальнікаў як неабходна весці справы і арганізоўваць працу прамысловых прадпрыемстваў не ўдалося.

Вытворчасць беларускіх губерняў не была аднолькавай, а залежала ад прыродных асаблівасцяў той ці іншай губерніі. Так, напрыклад, у Магілёўскай губерніі пасля далучэння да Расійскай імперыі значна развіліся накірункі прамысловасці, якія забяспечвалі ўсім неабходным расійскую армію, у прыватнасці Чарнаморскі флот — ветразныя, палатняныя, канатныя прадпрыемствы, якія належалі графам Пацёмкіну і Галіцыну [2, с. 8–10]. Гэта былі яшчэ не фабрыкі або заводы, а пакуль што звычайна вялізныя мануфактуры са значнай колькасцю майстроў, вялікай сумай вытворчасці і шырокімі рынкавымі сувязямі, таму што адсутнічалі паравыя рухавікі.

Мінская губернія ў пачатку XIX ст. мела буйныя гуты, якія спецыялізаваліся на вытворчасці поташу, смалы і дзёгцю, продаж якіх прыносіў велізарны прыбытак уладальнікам [2, с. 136]. Працавалі гуты пераважна на знешнія рынкі сбыту. Астатнія галіны прамысловасці працавалі пераважна на ўнутраны рынак і не былі прадстаўлены падобнымі вялізнымі прадпрыемствамі.

Гродзенская губернія не была абмежавана нейкай адной галіной вытворчасці, якая б дамінавала і адна знаходзілася на высокім узроўні сярод усёй прамысловасці губерніі. Былі распаўсюджаны наступныя прадпрыемствы: скураныя, суконныя, шляпныя і паперныя, але больш за ўсіх

астатніх было суконных і скураных прадпрыемстваў. Шкляных прадпрыемстваў амаль не было [2, с. 144]. Буйныя суконныя і скураныя мануфактуры як правіла працавалі на два рынкі сбыту: знешні і ўнутраны.

Віцебская губернія ў параўнанні з астатнімі губернямі мела прамысловых прадпрыемстваў значна менш і «была прадстаўлена суконнымі, шклянымі і парусінавымі прадпрыемствамі» [2, с. 146] ў невялікай колькасці, якія, як правіла, працавалі на забеспячэнне расійскай арміі і Чарнаморскага флоту.

Вышэй прыведзенае апісанне прамысловага стану губерняў адносіцца да 1812 г. У кожнай беларускай губерніі незалежна ад яе месцазнаходжання так ці інакш існавала і развівалася суконная прамысловасць, якая падтрымлівалася дзяржаўнай уладай. Можна казаць, што пасля вайны падтрымка выйшла на новы ўзровень, таму што сяляне або работнікі іншых сацыяльных груп, якія працавалі на суконных мануфактурах, наогул пазбаўляліся рэкруцкай павіннасці, аб гэтым сведчаць словы магілёўскага генерал-губернатора ў справядачы на імя імператара за 1818–1819 гг.: «...фабрыкі, кои по особыми Высочайшим указами от рекрутской повинности натурою избавлены о сем тоже, по сему предмету в настоящем своём положении» [6, л. 25].

У суконнай прамысловасці і з'явіліся першыя паравыя рухавікі. Гэта былі вотчынныя суконныя фабрыкі у мястэчке Хомск Кобрынскага і мястэчке Косава Слонімскага ўездаў Гродненскай губерніі, якія належалі слонімскаму памешчыку і прадпрымальніку Войцеху Францавічу Пуслоўскаму [4, с. 48]. Але на гэтых фабрыках працавалі прыгонныя сяляне, першыя капіталістычныя фабрыкі з'явіліся толькі ў 1840-я гг.

Хомская фабрыка была заснавана ў 1796 г. памешчыкам В. Ф. Пуслоўскім, і на ёй працавала 863 працоўных, у асноўным гэта былі яго ўласныя прыгонныя сяляне, якіх у Пуслоўскага налічвалася каля 15 тыс. чалавек [4, с. 50]. У год заснавання наёй было выраблена 23 280 аршын сукна, а у 1823 г. 487 рабочых вырабілі ўжо 54 850 аршын, таму гэта гаворыць аб тым, што Пуслоўскі набыў паравы рухавік [4, с. 51]. У 1828 г. фабрыка знаходзілася ў 13 зданях, абсталяванне складалася з 85 прадзільных, 2 шліхтавальных, 14 крампальных машын і 54 ткацкіх станкоў; у гэты год было выткана 41 225 аршын сукна, а ў 1830 г. — 47 000 аршын [4, с. 52]. Затым вытворчасць рэзка памяншаецца і пасля 1832 г. звесткі аб дзейнасці гэтай фабрыкі ў крыніцах не сустракаюцца.

Суконная фабрыка ў мястэчку Косава Слонімскага павета, якая належала памешчыку Пуслоўскаму, была заснавана ў 1799 г. У 1828 г. на фабрыке працавала 79 рабочых (прыгонныя сяляне), і выраблялася 11 568 аршын сукна, у 1825 г. у мястэчке налічвалася ўжо 3 суконных прадпрыемствы, але няма звестак аб колькасці працоўных, характары і аб'ёме вытворчасці; у 1828 г. на прадпрымстве лічылася 37 працоўных прыгонных

сялян і выраблялася 18 960 аршын сукна, што пацвярджае, што паравы рухавік тут з'явіўся пасля 1825 г. Звесткі аб дзейнасці прадпрыемства ёсць за 1859 г. [4, с. 53–54].

Да 1820-х гг. мяжы ў заканадаўстве паміж рамеснымі майстэрнямі, мануфактурамі, фабрыкамі і заводамі фактычна не існавала, таму нярэдка здаралася так, што расійскія дзяржаўныя чыноўнікі ў заводы і фабрыкі запісвалі рамесныя ці мануфатурныя майстэрні, з невялікай колькасцю рабочых і без наяўнасці паравога рухавіка. Першыя крокі да размяжвання фабрычна-заводскай і мануфактурнай вытворчасці былі зроблены з дапамогай гільдзейскай рэформы 1824 г. Я. Ф. Канкрына

Такім чынам, у першай палове XIX ст. на тэрыторыі Беларусі суіснавалі хатнія промыслы, рамесныя майстэрні, вотчынныя, капіталістычныя і дзяржаўныя мануфактуры. Першыя сапраўдныя фабрыкі з'явіліся на тэрыторыі Беларусі ў 1820-я гг.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Болбас М. Ф.* Развіццё прамысловасці ў Беларусі (1795–1861). Мінск: Акадэмія навук БССР, Інстытут эканомікі 1966. 267 с.
2. Беларусь ў эпоху феадалізму зб. дакументаў і матэрыялаў: у 3 т. / рэдкал.: В. У. Чапко (гал. рэд.) і інш. [і інш.]. Мінск: выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1961. Т. 3.
3. *Доўнар-Запольскі М. В.* Народная гаспадарка Беларусі (1861–1900 гг.). Мінск: Выданне госплану БССР, 1926. 240 с.
4. *Пракаповіч Л. Э.* Становление и развитие фабрично-заводской промышленности в Беларуси в XIX в.: дис. канд. гіст. навук: 07.00.02. М., 2006. 198 с.
5. Сацыяльна эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII–пачатак XX ст.) / [В. В. Яноўская і інш.]. М.: Беларуская навука, 2020. 682 с.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Фонд 2001 «Канцелярыя могілёўска-го гражданскаго губернатара Министерства внутренних дел, г. Могилёв, Могилёвского уезда Могилёвской губернии». Оп. 1. Д. 33 «Указ сената (копии). Предписания МВД и Министерства полиции о наборе рекрутов, о постройке почтовых станций». Л. 25.

РОЛЬ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ РАДЫ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВКЛ В XV–НАЧАЛЕ XVI в.

Д. О. Рубисов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, dannil.rubisov@mail.ru*

В статье рассматривается роль Великокняжеской рады в вопросах жизни Православной церкви в Великом Княжестве Литовском в XV–начале XVI в. Уделяется внимание конфессиональному составу рады, интерпретации в историографии относительно возможного «православного состава» рады в отдельные исторические периоды. На основе имеющихся источников особое внимание уделяется участию рады в утверждении и избрании православных митрополитов в ВКЛ.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; рада; Киевская митрополия.

THE ROLE OF THE GRAND-DUCAL RADA IN RELATION TO THE ORTHODOX CHURCH IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE 15th AND EARLY 16th CENTURIES

D. O. Rubisov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, dannil.rubisov@mail.ru*

The article deals with the role of the Grand-Ducal Rada in the life of the Orthodox Church in the Grand Duchy of Lithuania in the XV – early XVI centuries. Attention is paid to the confessional composition of the Rada, to the interpretations in historiography concerning the possible “Orthodox composition” of the Rada in certain historical periods. Based on a limited number of sources, special attention is paid to the participation of the Rada in the approval and election of Orthodox metropolitans in the GDL.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; rada; Kyiv Metropolitanate.

Среди институтов верховной власти Великого Княжества Литовского, которые оказывали влияние, в том числе и на государственную религиозную политику, наряду с институтом монарха стоит выделить Великокняжескую (Господарскую) раду. В зарубежной и отечественной историографии генезису и функциям Рады было посвящено значительное количество работ. Однако проблеме участия Рады в жизни православной церкви уделялось минимальное внимание.

В дореволюционной историографии М. К. Любавский отмечал, что Рада начала формироваться при Казимире Ягеллончике [6, с. 316]. При этом большинство дореволюционных исследователей рассматривало в качестве предшественника Господарской Рады «великокняжескую думу» XIV в. В соответствии с таким подходом И. А. Малиновский, один из

первых в дореволюционной историографии, рассмотрел участие Рады в жизни православной церкви в ВКЛ, поместив свой анализ в работу, посвящённую боярской думе [7].

Важно отметить, что совещательные органы при великих князьях вполне оправданно существовали в XIV в. Однако, несмотря на упоминание «советов» при князьях, с учётом особенностей развития Великого Княжества Литовского, реальных оснований для создания отдельного института с реальной властью до времён Витовта не было, при котором основной состав Рады оформился в период его правления.

Учитывая наличие неоформившейся «рады» в XIV в. с нерегламентированным правилом членства, стоит отметить, что великие и удельные князья проводили совещания как с представителями православной церкви, так и с высшим духовенством. Относительно XV в., Рада Великого Княжества Литовского формировалась преимущественно как институт с конфессиональными ограничениями. Подавляющее большинство членов Рады ВКЛ состояло из представителей католического вероисповедания. Такое положение, в частности, было закреплено Городельским привилеем 1413 г. и было отменено лишь Виленским привилеем 1563 г. Тем не менее, во второй половине XV в. в Великокняжеской Раде прослеживается и присутствие православных [11, с. 196].

При этом важно отметить, что князья из рода Гедиминовичей представляли собой исключение, поскольку на них такое право не распространялось. Кроме того, один из первых великих гетманов литовских Константин Иванович Острожский, будучи православным, не только имел доступ в Раду, но и занимал первое место в иерархии панов-радных. Также Рада великого князя Свидригайло, как отмечает Ф. И. Леонтович, по всей вероятности, состояла преимущественно из православных [5, с. 137].

Учитывая значительную роль католической церкви в Великом Княжестве Литовском, православное высшее духовенство не было представлено в Раде. По мнению М. К. Любавского, это было связано с низким социальным происхождением православного епископата [6, с. 362]. Однако, как отмечает краковская исследовательница Л. Корчак, это было обусловлено в большей степени законодательством [10, с. 29–30].

Среди церковных представителей Великого Княжества Литовского паны-радные включали высших католических иерархов (с конца XIV в. — виленский, а позднее — жемайтский, киевский, луцкий и берестейский бискупы). По всей вероятности, духовные лица оказывали значительное влияние на великого князя. Об этом свидетельствует их расположение во время заседаний панов-радных и вальных сеймов. Среди бискупов также

существовала иерархия: виленский, луцкий, жемайтский, киевский. В великокняжеских документах они обычно упоминались раньше, чем светские паны-радные.

В XV в. из всех возможных прецедентов участия православного духовенства в заседаниях Рады можно выделить лишь освящение начала заседаний высшими духовными лицами, а также упоминание в грамоте волынского великого князя Свидригайло 1446 г., где среди «советников» первое место занимает епископ луцкий Феодосий [7, с. 101].

Однако, несмотря на ограниченность источников, в истории XV–начала XVI в. встречаются сюжеты, связанные с активным участием Рады в жизни православной церкви, на которые обращали внимание различные исследователи. Одним из ранних свидетельств участия Рады в церковных делах можно считать события первой половины XV в., в частности — период Новогрудского собора 1415 г.

В истории православной церкви ВКЛ одним из значительных событий стал разрыв между Витовтом и митрополитом «всех Руси», греком Фотием (1408–1431). Активная церковная политика Витовта привела к тому, что в ВКЛ была сформирована отдельная церковная структура, во главе которой встал митрополит Григорий Цамблак, избранный на Новогрудском соборе 1415 г.

Собранный Витовтом собор в 1415 г. включал не только епископов ВКЛ, но и светских лиц. В историографии И. А. Малиновский выдвинул идею, что в избрании Цамблака принимала участие и «собрание князей и панов» [7, с. 112–113]. Прямых источников, указывающих на этот факт, нет. Исследователь ссылается на окружное послание епископов ВКЛ, выпущенное после Новогрудского собора 1415 г. в оправдание постановления Григория Цамблака при живом митрополите Фотии: «Онъ же съ нами съвѣтовася, истинно и праведно, яко правый истинный великий князь; и събра вси князи Литовскихъ и Русскихъ земель и иныхъ странъ, елико суть ему покорени Богомъ, нашеа церкви, и боярь и велможъ, архимандриты же и игумени и благоговѣйныа иноки, и попы» [2, с. 34].

Такое мнение могло сложиться в рамках концепции, согласно которой Рада формировалась на основе «боярских дум» на Руси. Этот подход опровергает Л. Корчак, указывая на ошибочность такой исследовательской стратегии. Более того, она подчёркивает, что в случае Новогрудского собора 1415 г. не следует усматривать присутствие Рады ВКЛ. Более вероятным является то, что формула, обозначенная в окружном послании епископов, означает одобрение православными решения великого князя Витовта, а «совещание» — это заслушивание мнений представителей православной общины, в частности знати [10, с. 17].

Что касается задокументированных прецедентов участия Рады ВКЛ в жизни православной церкви в XV в., то самым прямым указанием на это является утверждение великим князем Казимиром Ягеллончиком и Радой ВКЛ для православных епархий ВКЛ митрополита Ионы, который был избран в Москве в 1448 г. без санкции константинопольского патриарха. Так, 31 января 1451 г. великий князь литовский и Рада ВКЛ в своей грамоте утвердили новым митрополитом Иону: «...и съ нашими князьми и паны, съ нашею Радою, полюбили есмо себѣ отцемъ митрополитомъ Іону...» [9, ст. 564].

Важно подчеркнуть, что легитимация великим князем литовским и Радой ВКЛ в 1451 г. юрисдикции московского митрополита над епархиями ВКЛ носила практически светский характер, поскольку конкретных свидетельств участия православного духовенства, в частности епископата ВКЛ нет [1, с. 239]. Более того, в тексте документа присутствует формулировка, указывающая на предписание епископам ВКЛ последовать за панам-и-радными и принять митрополита Иону: «Про то же князи наши, и епископы, и бояре, и орхимандриты, и игумени, и попове, и діакони, и иноци, и вси причетници церковнии, и вси посполитеи народы християнства рускаго, имѣйте и чтите его, и послушни будете въ духовныхъ правѣхъ того митрополита...» [9, ст. 565].

Важно подчеркнуть, что в историографии, начиная с дореволюционного периода, утверждение митрополита Ионы в ВКЛ воспринимается как победа антиуниатской (или православной) части светской знати Великого княжества Литовского. В данном контексте большое значение придается роли князя Олельки Владимировича и князя Свидригайло. В частности, М. Грушевский в своих трудах высказал точку зрения, что переход литовских епархий под юрисдикцию московского митрополита стал следствием деятельности и позиции киевского и волынский князей, выступившего в поддержку митрополита Ионы [4, с. 528].

При анализе вопроса о приоритетности имён и подписей в актах, издаваемых Радой ВКЛ, Л. Корчак обратила внимание на то, что в числе утвердивших документ 1451 г. имена князей предшествуют имени виленского бискупа Матея из Троков. В связи с этим вполне вероятно, что на решение рады повлияли именно эти влиятельные фигуры. Ввиду редкого участия удельных князей в заседаниях рады и отсутствия документов, которые могли бы пролить свет на существовавший тогда порядок старшинства среди высших членов *consilium*, невозможно точно определить момент, когда епископы стали занимать более высокое положение, чем князья, в иерархии рады. Как отмечает Л. Корчак, данное положение дел допускает три объяснения: в великокняжеской канцелярии могли быть сомнения относительно иерархии сановников в Раде; определённое влияние

могла иметь сильная позиция двух удельных князей-вассалов (волинского и киевского); в таком порядке подписей могло прослеживаться определенное акцентирование внимания на персоналиях, которым приписывались активные действия по подчинению всей православной «Руси» московскому митрополиту [10, с. 26].

Возможно предположить, что паны-рада принимали активное участие и в последующих выборах митрополитов в ВКЛ в XV–начале XVI в. Во второй половине XV в. система установления митрополичьей власти в ВКЛ претерпела существенные изменения. После избрания в 1458 г. униатского митрополита Григория Болгарина, православные епархии ВКЛ окончательно утратили иерархическую связь с епархиями «московской» части Киевской митрополии. При этом после смерти Григория Болгарина православные ВКЛ вернулись к практике назначения митрополитов Константинопольским патриархатом. Последующие митрополиты избирались в ВКЛ, при этом роль патриарха становилась номинальной.

В утвердившейся системе выборов митрополитов явно прослеживается активная роль светской знати. На этом основании гипотетически можно предположить, что в послании Константинопольскому патриарху с просьбой утвердить митрополитом для ВКЛ епископа Иону Глезну (1492–1494) речь идёт именно о раде, поскольку источники указывают, что в его избрании принимали участие князья: «Сынове посллушанія ти князи Рускіи, живущіи подъ державою великого госпадаря, наяснѣйшого пана Казиміра короля Польского и великого князя Литовского, и Русского, и иныхъ, и иныхъ невымовныхъ земель владителя, иже держа щіи вѣру православную Греческую, Богу помогающому, неоступно и до смерти, челомбитіе главъ нашихъ съ всѣми чувства тѣль нашихъ великому святителству твоему чрезъ посла послали есмо» [3, с. 2].

Однако в историографии, в частности в работе А. И. Малиновского [7, с. 112], на участие панов-радных в выборе духовных лиц в ВКЛ указывает постановление Виленского православного собора 1509 г., где отмечается: «...на епископство подъкупаются и берут, безъ свѣта и воли митрополии и епископовъ и безъ осмотра и събрания князей и пановъ нашего закону Греческаго...» [8, с. 8–9].

Данное положение, как и случай с Ионой Глезной, возможно рассматривать лишь как гипотезу, поскольку конкретных свидетельств непосредственного участия панов-радных в этом процессе нет. Проводя параллель со случаями утверждения Григория Цамблака и митрополита Ионы, в противовес выдвинутой гипотезе об участии Рады ВКЛ в выборе митрополитов, присутствие князей можно рассматривать в контексте формирования

института ктиторства в ВКЛ. Согласно этому подходу, определённые княжеские рода играли важную роль в жизни церкви, вплоть до утверждения митрополичьей власти.

Основная проблема в изучении участия Рады Великого Княжества Литовского в жизни православной церкви заключается в отсутствии стабильной и закреплённой институциональной модели взаимодействия. В условиях конфессиональной исключительности (до 1563 г.) Рада ВКЛ почти не включала православных членов, а её участие в делах православной церкви носило ситуативный характер и было продиктовано политическими интересами великих князей.

Таким образом, взаимодействие между Радой и православной иерархией в XV–начале XVI в. характеризуется противоречивостью: с одной стороны, наблюдалось исключение православного духовенства из высших органов власти, а с другой — активное участие светских князей в судьбе православной митрополии. Это участие являлось формой светской опеки и политического покровительства, а не отражением структурной интеграции церкви в институты власти ВКЛ.

Библиографические ссылки

1. *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. Т. 1.
3. Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна: Печатня Губернского Правления, 1867. Т. 1.
4. *Грушевський М.* Історія України — Руси: в 5 т. Нью-Йорк, 1955. Т. 5.
5. *Леонтович Ф. И.* Рада великих князей литовських // Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. 1907. Ч. 9. С. 122–178.
6. *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм: опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. Москва: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900.
7. *Малиновский И. А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой Древней России: в 2 ч. Томск, 1912. Ч. 1.
8. Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою Комиссиею. СПб.: Типография и Хромофотография А. Траншеля, 1878. Т. 4.
9. Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою Комиссиею. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1880. Т. 6.
10. *Korczak L.* Litewska rada wielkoksiążęca w XV wieku. Kraków: nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1998.
11. *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2003.

ПРАБЛЕМА САМАГУБСТВАЎ У БЕЛАРУСКІМ ГРАМАДСТВЕ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX–ПАЧАТКУ XX ст.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ І АКТУАЛЬНАСЦЬ ЯГО ВЫВУЧЭННЯ

А. Э. Сакольчык

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі,
вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, edwardowna@mail.ru*

У дадзеным артыкуле праводзіцца гістарыяграфічны агляд выяўленай тэматычнай літаратуры, дзе акрэсліваюцца канцэптуальныя і метадалагічныя падыходы ў асвятленні вылучанага пытання, спецыфіка характару публікацый па праблеме ў розных гістарычных перыяды і ў розных навуковых галінах. Прааналізавана ступень распрацаванасці выбранай навуковай праблемы, звернута ўвага на перспектывы далейшага даследавання тэмы, яе практычную і сацыяльную значнасць.

Ключавыя словы: самагубства; гістарыяграфія; філасофія; сацыялогія; юрыспрудэнцыя; статыстыка; дэвіянталогія; псіхалогія; медыцына.

ПРОБЛЕМА САМОУБИЙСТВ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX в.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И АКТУАЛЬНОСТЬ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Е. Э. Сокольчик

*Институт истории НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, edwardowna@mail.ru*

В данной статье проводится историографический обзор выявленной тематической литературы, где излагаются концептуальные и методологические подходы в освещении анализируемого вопроса, специфика характера публикаций по проблеме в разные исторические периоды и в разных научных областях. Анализируется степень разработанности выбранной научной проблемы, обращается внимание на перспективность дальнейшего исследования темы, ее практическую и социальную значимость.

Ключевые слова: самоубийство; историография; философия; социология; юриспруденция; статистика; девиантология; психология; медицина.

THE PROBLEM OF SUICIDES IN THE BELARUSIAN SOCIETY OF THE LAST 19th–EARLY 20th CENT.: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE AND THE RELEVANCE OF ITS STUDY

A. Sakolchyk

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Akademicheskaya str.,
1, 220072, Minsk, Belarus, edwardowna@mail.ru*

This article provides a historiographical review of the identified thematic works, which sets out the conceptual and methodological approaches in covering the analyzed issue, the specifics of the nature of publications on the problem in different historical periods and in

different scientific fields. The degree of development of the selected scientific problem is analyzed, attention is drawn to the prospects for further research on the topic, its practical and social significance.

Keywords: suicide; historiography; philosophy; sociology; jurisprudence; statistics; deviantology; psychology; medicine.

Пры вывучэнні гісторыі дэвіянтных паводзінаў беларускага грамадства другой паловы XIX—пачатку XX ст. нельга абыйсці ўвагай феномен самагубства, як адной з праяў у комплексе сацыяльных паталогій, звязаных з пазбаўленнем жыцця (гаміцыду). Пад тэрмінам «самагубства/суіцыд» (лац. «сябе забіваць») разумеецца наўмыснае пазбаўленне сябе жыцця. І для сучаснасці праблема мае надзвычай актуальнае значэнне. Паводле статыстычных дадзеных Сусветнай Арганізацыі Здароўя, у трэцім тысячагоддзі ад суіцыду гіне больш людзей, чым праз усе войны і гвалтоўныя забойствы разам узятых. У большасці высока эканамічна развітых краінах самагубства ўваходзіць у першую дзясятку прычын смерці. Суіцыды складаюць 50 % усіх гвалтоўных смерцяў сярод мужчынскага і 71 % сярод жаночага насельніцтва [12].

У Рэспубліцы Беларусь самагубства, як прычына смерці, займае 4 месца пасля сардэчна-сасудзістых захворванняў, новаўтварэнняў і хвароб органаў дыхання. Паводле даных 2022 г., для Беларусі характэрны ўзровень самагубстваў у 13 выпадкаў на 100 тыс. чалавек насельніцтва. Рэспубліцы ўдалося вярнуцца ў катэгорыю краін з сярэднім узроўнем суіцыдаў (да 20,0 выпадкаў на 100 тыс. насельніцтва, хаця ў 2016 г. яшчэ было 21,5 выпадкаў на 100 тыс., а ў 2019 г. ужо 19). Але зусім не ў далёкім мінулым карціна выглядала нашмат па-іншаму. Самагубства займала ў свеце прыступку ніжэй 20 месца ў спісе знешніх прычын смерці, а ў канцы XIX ст. Расійская імперыя ўвогуле знаходзілася на апошнім месцы па колькасці самагубстваў сярод еўрапейскіх краін — у ёй здзяйснялася 3 самагубствы на 100 тыс. жыхароў [25; 28]. Зразумела, сучасная сітуацыя не ўзнікла раптоўна ў адначасе. Таму зварот да гістарычнага вопыту і аналізу мінулага падаецца лагічным і апраўданым.

На сённяшні дзень назапашаны значны тэарэтычны і эмпірычны багаж у даследаванні тэмы. Навуковая спадчына прадстаўлена пераважна сацыялагічным, юрыдычным і медыцынскім накірункамі. У прынцыпе, у гісторыі сусветнай цывілізацыі праблема самагубства першасна паўстала як маральна-этычная і рэлігійная, часткова юрыдычная. Яна асацыявалася з пытаннямі апошняга выбару і свабоды асобы, пошуку сэнсу жыцця, інверсіі адносін да жыцця і смерці, іх аксіалагічных кодаў. Асабліва актыўна адзначаныя аспекты распрацоўвалі прадстаўнікі філасофскай думкі

(экзістэнцыялісты і ірацыяналісты) [10; 29]. У XIX ст. на з'яву звярнулі пільную ўвагу сацыёлагі, крміналагі, псіхіятры і інш. Навуковым прарывам стаў сацыялагічны падыход Э. Дзюркгейма. У рамках распрацавай ім на прыканцы XIX ст. тэорыі анаміі суіцыд выступаў следствам няздольнасці людзей прыстасавацца і адаптавацца да рэзкіх змен грамадскага жыцця, розных сацыяльна-эканамічных зрухаў ці палітычных катаклізмаў, пэўных асабістых пераломных і крызісных жыццёвых сітуацый. У цэнтры даследчыцкай увагі апынуліся праблемы грамадскай дэарганізацыі, асобнай дэадаптацыі, імаралізму, псіхалагічнага крызісу, страты жыццёвых сэнсаў у новай або чужой рэальнасці [16].

У расійскай дарэвалюцыйнай тэматычнай гістарыяграфіі пераломны момант адбыўся ў 1860-я гг., калі самагубства перастала быць табуіраванай тэмай і цалкам замоўчвацца, а пачало ўспрымацца як сацыяльная з'ява. Яно паступова ператварылася ў прадмет газетных хронік, публіцыстыкі, літаратурных твораў і статыстычных аналізаў. У гэтым рэчышчы вядомы класічны прыклад аб забароне міністра асветы А. С. Шышкова аднаму з членаў імператарскай Акадэміі навук апублікаваць у 1823 г. сваё даследаванне аб колькасці забойстваў і самагубстваў у розных губернях Расійскай імперыі за 1819 і 1820 гг. паводле ўрадавых дадзеных. У яго рэзалюцыі на рукапіс адзначалася: «...Мне кажется, подобные статьи, неприличные к обнародованию оных, надлежало бы к тому, кто прислал их для напечатания, отослать назад с замечанием, чтоб и впредь над такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийство и самоубийство, должны погружаться в вечное забвение» [24, с. 86]. Аднак адпаведны штуршок для галоснасці далі рэформы судовай сістэмы, развіццё статыстычных камітэтаў, органаў мясцовага самакіравання і масавага друку.

Даследаванні другой паловы XIX–пачатку XX ст. былі пазбаўлены адзінай метадалагічнай асновы, але ў свайго родзе плюралізме навуковых падыходаў лідзіравалі медыцынскія, статыстычныя і правазнаўчыя (юрыдычныя) працы. Першыя, разглядаючы этыялогію самагубства, згодна з сусветнымі тэндэнцыямі навуковай думкі, суадносілі яго з душэўнымі і псіхічнымі захворваннямі чалавека, бачачы толькі медыцынска-біялагічны складнік у прычынах падобнага роду дэвіацыі [14; 26]. Другія, засноўваючыся на прынцыпах маральнай статыстыкі, спрабавалі растлумачыць суіцыд дынамікай і колькаснымі паказчыкамі соцыя-дэмаграфічнага характару (узрост, пол, месца пражывання, адукацыя, сям'я, матэрыяльны дастатак, веравызнанне ахвяр і інш.). Зразумела, перад навукоўцамі стаяла першасная задача ў вырашэнні надзённай праблемы. Ад іх патрабавалася знайсці лекі ад нарастаючай грамадскай хваробы, асабліва ў пачатку XX ст.,

калі Расійская імперыя зведала «эпідэмію самагубстваў». Даследчыкі імкнуліся вылучыць магчымыя групы рызыкі, выявіць дэтэрмінанты і фактары, якія спрыялі ўзмацненню суіцыдальнай актыўнасці насельніцтва краіны ва ўмовах маштабных сацыяльных змен, знайсці заканамернасці і механізмы папярэджвання ці прадухілення [20; 34].

Правазнаўцы разглядалі заканадаўчы аспект праблемы, ці можа закон выступіць своеасаблівым рычагом упраўлення/рэгулявання суіцыдальных паводзінаў насельніцтва і наколькі сама з'ява палягае ў крымінальнай плоскасці, карэлюя з паняццем злачыннасці. Аналізуючы гісторыю сусветнага і расійскага права па пытанню, юрысты ўносілі карэктывы ў дзеючую заканадаўчую базу, мадэрнізоўвалі яе адпаведна існуючым рэаліям [23; 36]. Набіралі абароты таксама сацыялагічныя і псіхалагічныя даследаванні [18; 22; 32]. Гістарычныя працы з'яўляліся радзей, факусіруючыся пераважна на фактах масавых праяў самагубства ў пэўных этнічных або канфесіянальных (рытуальныя самагубствы), сацыяльных групах [30; 37]. Асобны дастаткова буйны блок утваралі рознабаковыя даследаванні тагачаснага ювенальнага (дзіцячага) суіцыда [19; 27].

З прыходам савецкай улады праблематыка паступова згубіла сваю актуальнасць і запатрабаванасць, зноў пачала замоўчвацца. Каб пазбегнуць ідэалагічнага прэсінга, даследчыкі ў 1920-я гг. засяродзіліся на вывучэнні асобы злачынцы, стварэнні яго сацыяльнага, псіха-біялагічнага партрэта [9; 17]. Але з устанаўленнем сацыялізму, які дэклараваў будаўніцтва толькі шчаслівай савецкай рэчаіснасці, самагубства стала абсалютна непрымальнай з'явай для афіцыйнай ідэалогіі, бо савецкае грамадства не павінна было мець аніякіх падстаў для суіцыдальных дзеянняў. Рэаніміраванне да жыцця тэма атрымала ў 1970-х гг., калі новы віток развіцця на авансцэне савецкай навукі атрымала суіцыдалогія. Стварэнне Федэральнага навукова-метадычнага цэнтра суіцыдалогіі пры НДІ псіхіятрыі МЗ РСФСР (1975) актывізаваў адпаведныя даследаванні. Праўда, на матэрыяле свайго часу. Дарэчы, заснавальніцай расійскай суіцыдалогіі лічыцца А. Р. Амбрумава [2].

Нягледзячы на тое, што гістарычныя аспекты тэмы не з'яўляліся магістральным накірункам у яе вывучэнні, у апошнія гады з'явілася немала публікацый шэрагу расійскіх аўтараў, прысвечаных асаблівасцям суіцыдальных паводзінаў насельніцтва Расійскай імперыі на мяжы XIX–XX стст. Таму садзейнічае павышаная цікавасць сучасных расійскіх даследчыкаў да гісторыі сацыяльных анамалій. Сярод разгледжаных аспектаў вылучаюцца рэгіянальна-прасторавы (самагубствы ў пэўнай губерні, у гарадскім ці сельскім асяроддзі) [5; 7], пола-ўзроставы (жаночыя, падлеткавыя самагубствы) [8; 21; 31], станаўленне і развіццё тэматычнага расійскага

заканадаўства (юрыдычны бок) [11; 38] і аналіз дарэвалюцыйнай статыстыкі (яе хібы і параўнанне з іншымі перыядамі) [3; 6]. Зразумела, яны часта перакрываюцца і ахопліваюць спецыфіку матывацыйнага спектру, характар, спосабы, месцы здзяйснення акту самазабойства.

На жаль, прыходзіцца канстантаваць аб значным адставанні ад расійскіх калег па дадзенаму напрамку сучаснай беларускай гістарыяграфіі. На сённяшні дзень намі выяўлены толькі некалькі тэматычных артыкулаў гістарычнай накіраванасці. К. Гатальская прысвяціла свае артыкулы аналізу праяў самагубства ў беларускім грамадстве менавіта на пачатку XX ст., у перыяд, калі з’ява набыла больш выразныя формы і маштабы. Аўтару ўдалося правесці колькасныя падлікі і выявіць дынамічнасць працэсу, апісаць яго характар і тыповыя якасці [13]. Н. І. Станкевіч у сваім даследаванні вырашыла ахапіць усё XIX ст. і паказаць комплекс прычын суіцыдальных паводзінаў розных сацыяльных груп. Задача, канешне, непамерна складаная, таму шэраг аспектаў разгледжаны павярхоўна [33]. Ды і само XIX ст. абсалютна неаднароднае па сваім гістарычным фоне. А. Грыгор’еў і В. Трыбуль у невялікім гістарычным экскурсе паспрабавалі засяродзіцца на прэвентыўных мерах і прафілактыцы суіцыдаў у Беларусі ў канцы XIX–пачатку XX ст. [15]. К. В. Сыцько праз прызму крыніцазнаўчага аналізу спраў аб раследаванні замаху на самазабойства вернікаў Віленскай рымска-каталіцкай дыяцэзіяльнай кансісторыі ў XIX–пачатку XX ст. паказаў іх арыгінальнасць і інфармацыйны патэнцыял для раскрыцця праблемы. Нельга не пагадзіцца з высновай навукоўца, што «занатаваная інфармацыя аб замаху на суіцыд дае мажлівасць пачуць бадрыяўскую маўклівую большасць у гістарычнай рэтраспектыве» [35, с. 160]. І. В. Азевіч і У. Я. Аўсейчыкаў закранулі праблему праз этнаграфічны зрэз, вывучаючы пахавальныя традыцыі беларусаў Падзвіння [1; 4].

Праведзены гістарыяграфічны агляд яскрава адлюстроўвае стан распрацаванасці заяўленай тэмы і яе мультыдысцыплінарнасць. Калі пад тэрмінам «самагубства» разумеецца індывідуальны акт паводзінаў (учынак канкрэтнага чалавека), то яно ўваходзіць у даследчую сферу псіхалогіі, этыкі, медыцыны, педагогікі. Як адносна масавая, статыстычна ўстойлівая з’ява (пэўная колькасць людзей добраахвотна сыходзіць з жыцця) прыцягвае ўвагу прадстаўнікоў сацыялогіі, сацыяльнай псіхалогіі, гісторыі, дэмаграфіі. І тут заўважаецца некаторая амбівалентнасць. З аднаго боку, тонкія механізмы вылучанай формы дэвіятнасці на асобасным узроўні, узятыя ў масе, дазваляюць знаходзіць шэраг сацыяльных заканамернасцяў, якія характарызуюць эпоху. З другога боку, суіцыд — факт менавіта асабістай біяграфіі і пры ўсёй магчымай універсілазацыі (падсумаванні) застаецца аўтэнтычнай падзеяй у кожным выпадку.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Азевіч І. В.* Пахавальныя звычаі беларусаў Падзвіння, звязаныя з самагубцамі // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Новополоцк, 2010. Вып. 41. С. 11–13.
2. *Амбрумова А. Г.* Пути становления отечественной суицидологии // Социальная и клиническая психиатрия. 1995. Т. 5. Вып. 4. С. 53–59.
3. *Аминов И. Г.* История статистики самоубийств в России в дореволюционную и советскую эпохи // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал, 2015. С. 1–21.
4. *Аўсейчык У. Я.* Эвалюцыя пахавання «нячыстых» нябожчыкаў у XX–пачатку XXI ст. (па матэрыялах беларусаў Падзвіння) // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 11 / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. Мінск: Права і эканоміка, 2011. С. 317–323.
5. *Безгин В. Б., Жеребчиков П. Д.* Суицид в городе и деревне российской провинции конца XIX–начала XX веков // Вестник ТГТУ. 2012. Том 18, № 4. С. 1121–1130.
6. *Богданов С. В.* Самоубийства в Российской империи после отмены крепостного права: статистика официальная и реальное количество жертв суицида // Суицидология: научно-практический журнал. Том 10, № 4(37). 2019. С. 3–15.
7. *Богданов С. В.* Суицидальная активность населения Курской губернии в пореформенные десятилетия: масштабы, динамика, особенности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 2(47). С. 150–155.
8. *Богомаз А. П.* Самоубийства женщин в России в конце XIX–начале XX века на материалах Тверской губернии // Личное есть историческое: Сборник статей к 65-летию профессора Т. Г. Леонтьевой. Сост. А. В. Белова, Д. А. Беговатов, отв. ред. А. В. Белова. Тверь: Тверской государственный университет, 2022. С. 71–77.
9. *Бруханский Н. П.* Самоубийцы: социально-психиатрическое обследование 359-ти случаев оконченных и неоконченных самоубийств, с 1 декабря 1923 г. по 31 мая 1924 г. в городе Москве; с предисл. Н. А. Семашко и вступ. ст. П. Б. Ганнушкина. Ленинград: Прибой, 1927.
10. *Булацель П. Ф.* Исследования о самовольной смерти: Ист. очерк филос. воззрений и законодательств о самоубийстве. Ревель: печ. Эстлянд. губ. правл., 1894.
11. *Вавилкина Т. В.* История развития законодательства о самоубийстве // Наука. Общество. Государство. 2015. № 1. С. 107–113.
12. Всемирный день предотвращения самоубийств. URL: <https://times.bntu.by/news/13972-vsemirnyj-den-predotvrasheniya-samoubijstv> (дата обращения: 30.08.2025).
13. *Гатальская К.* Самоубийства на белорусских землях в начале XX века // Деды. 2011. № 8. С. 237–249.
14. *Гвоздев И. М.* О самоубийстве с социальной и медицинской точек зрения // Учен., записки Имп. Казанского Ун-та по мед. фак. Казань: В тип. ун-та, 1889. С. 1–46.
15. *Григорьев А., Трибуль В.* Социальная работа по профилактике самоубийств в Беларуси в конце XIX–начале XX в. // Социальная работа. 2007. № 2. С. 8–10.
16. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд / пер. А. Н. Ильинский; под ред. В. А. Базарова. М.: Издательство Юрайт, 2024.
17. *Краснушкин Е. К.* Кабинет по изучению личности преступника и преступности // Изучение личности преступника в СССР и за границей. М.: Изд-во Мосздоровтдела, 1925. С. 21–35.

18. *Лейбович Я.* 1000 современных самоубийств (социологический очерк). М.: Вхутемас, 1923.
19. *Липский А. А.* Самоубийство детей в С.-Петербурге. С.-Пб.: Паровая скоропеч. Яблонский и Перрот, 1887.
20. *Лихачев А. В.* Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. Сравнительное статистическое исследование. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882.
21. *Лярский А. Б.* Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: МИЭП, 2010.
22. *Мухин Н.* Очерк психологии самоубийства. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903.
23. *Обнинский П. Н.* Об уголовном преследовании покусившихся на самоубийство. М.: Унив. тип., 1871.
24. *Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
25. Подросток и суицид. URL: <https://www.b17.ru/article/661199/> (дата обращения: 30.08.2025).
26. *Пономарев Н. В.* Самоубийство в Западной Европе и в России в связи с развитием умопомешательства: стат. исследования. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1880.
27. *Попов Н. М.* Современная эпидемия школьных самоубийств в России. Казань: Типо-лит. Императорского университета, 1911.
28. Профилактика суицида. URL: <https://polotsk.vitebsk-region.gov.by/ru/zhitelyam/profilaktika-suitsida> (дата обращения: 30.08.2025).
29. *Розанов В. В.* О самоубийствах // Самоубийство: сборник общественно-философских и критических статей. М.: Заря, 1911. С. 43–66.
30. *Сапожников Д. И.* Самосожжения в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Исторический очерк по архивным документам. М.: Унив. Тип., 1891.
31. *Синова И. В.* Самоубийства детей как социальная проблема на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. С. 29–35.
32. *Сорокин П. А.* Самоубийство как общественное явление. Рига: Наука и жизнь, 1913.
33. *Станкевіч Н. І.* Суіцыд на беларускіх землях у XIX стагоддзі // Архивы и война. К 75-летию Победы над фашизмом: материалы междунар. науч. конф., Минск, 4 нояб. 2020 г.; под общ. ред. А. Г. Кохановского; науч. ред. М. Ф. Шумейко. Минск: БГУ, 2021. С. 115–125.
34. Статистический временник Российской Империи. № 35. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг. СПб.: ЦСК МВД, 1894.
35. *Сыцько К. В.* Справы аб раследаванні замаху на самазабойства вернікаў Віленскай рымска-каталіцкай дыяцэзіяльнай кансісторыі у XIX–пачатку XX стст. як гістарычная крыніца // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: зб. навук. арт., прысвеч. 80-год. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-год. гіст. адукацыі ў Гродзен. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы. У 2 ч. Ч. 1; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2019. С. 159–162.
36. *Таганцев Н. С.* О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 2. СПб.: Типография А. М. Котомина, 1871.
37. *Феноменов М. Я.* Причины самоубийства в русской школе. М.: Печатня А. Снегирёвой, 1914.
38. *Хатувев В. Б.* Уголовно-правовое регулирование ответственности за самоубийство в российском уголовном законодательстве: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11(108). С. 81–95.

НАСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX в. В КОНТЕКСТЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. И. Сенько

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, SenkoAI@bsu.by*

В статье рассматривается эволюция брачно-семейных отношений среди населения белорусских губерний на протяжении второй половины XIX–начала XX в. Отмечается тенденция к более позднему заключению браков в начале XX в. Дается оценка социально-демографических процессов населения Беларуси, их трансформационных изменений в условиях становления индустриального общества.

Ключевые слова: население белорусских губерний; брак; средний брачный возраст; социально-демографическая трансформация.

POPULATION OF THE BELARUSIAN GOVERNORATES IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN TERMS OF MARITAL AND FAMILY RELATIONS

A. I. Senko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, SenkoAI@bsu.by*

The article examines the evolution of marital and family relations in population of the Belarusian governorates in the second half the XIX–the beginning of the XX cent. The author points out a tendency towards later marriages at the beginning of the XX cent. The assessment of the socio-demographic processes of population in Belarus and their transformational changes in conditions of the industrial society formation is given.

Keywords: population of the Belarusian governorates; marriage; medium marriage age; socio-demographic transformation.

При рассмотрении вопросов, связанных с социально-демографическими процессами, воспроизводством населения, брак и брачно-семейные отношения являются одним из ключевых аспектов. Характеристика брачно-семейного состояния населения в значительной степени является показателем, определяющим уровень социально-демографического развития общества, в особенности данный показатель имеет значение при демографическом переходе общества от традиционного типа к современному, когда трансформируется традиционное целеполагание брака, происходит смещение брачного возраста, изменяются внутрисемейные отношения.

Законодательно брачно-семейные отношения на территории белорусских губерний во второй половине XIX начале–XX в. регламентировалась

законами «Свода законов Российской империи» [1]. Отдельные разъяснения правовых положений по брачно-семейным вопросам содержатся в сочинениях А. Загоровского [2], М. Ковалевского [3] и др. Матримониальное повседневное поведение населения белорусских губерний отражено в этнографических работах М. Довнар-Запольского [4], Ю. Крачковского [5], А. Дембовецкого [6] и др.

Принимая во внимание религиозную и моральную составляющие, во многом определявшие во второй половине XIX в. среди населения белорусских губерний возраст заключения брака, сезонность браков и выбор супруга в целом, первостепенное значение все же имели соображения экономического и прагматического характера. Так, в этнографических материалах Ю. Крачковского и М. Довнар-Запольского отмечается, что родители подбирали сыну здоровую и работающую невесту, что объяснялось стремлением иметь в доме молодую и хозяйственную женщину [5, с. 3; 4, с. 275]. Как правило, браки заключались между людьми, равными по уровню достатка. Случаи женитьбы богатого на бедной и замужества богатой с бедняком были редки [6, с. 639]. Подобная тенденция была связана и с необходимостью поддержания многовековых устоев и традиций, среди которых невозможность существования крестьянского хозяйства вне семейной формы, высокая смертность, непереносимость тяжелого и упорного труда для обеспечения жизни и т. п. К концу XIX в. растет количество браков, заключенных на основе личной симпатии и собственного выбора молодых людей [4, с. 275].

При демографическом переходе общества от традиционного типа к современному, наряду с социально-экономическими изменениями, снижением смертности и рождаемости, происходит трансформация структуры и формы белорусской семьи (распространение получают малые семьи), нормой бытовой жизни становится более позднее заключение браков; трансформации подвергается внутрисемейное поведение населения, воззрения общества на рождение и воспитание детей [7, с. 94].

Растущая тенденция белорусского населения к более позднему заключению брака в начале XX в. связана со снижением смертности, с одной стороны, и формированием новых социально-экономических условий жизни и труда населения, с другой стороны. Высокий уровень смертности населения требовал поддержания соответственно высокого уровня рождаемости, который, в свою очередь, обеспечивался потенциально ранними браками [8, с. 76–78]. Развитие отходничества на сезонные работы, индустриализация способствовали увеличению числа городского населения из числа крестьян, которое достаточно быстро перенимало городской образ жизни и фабрично-заводской быт [9, с. 88–89].

Как было отмечено выше, одним из проявлений демографического перехода в контексте брачно-семейных отношений является повышение среди населения среднего возраста вступления в брак. По данным 1883 г., от общего числа заключенных браков в белорусских губерниях (39 653 брака) 52 % девушек вступили в брак в возрасте до 20 лет, в возрастной группе от 21 до 25 лет в брак вступили 33,5 % девушек, в возрасте 26–30 лет данное значение составило лишь 6,4 %. Среди юношей в возрасте до 20 лет в брак вступили 25,9 %, в возрастной группе 21–25 лет заключили брак 39,5 % юношей, в возрасте 26–30 лет — 16,7 % [10, с. 110–111].

Следует отметить, что среди белорусских губерний средний брачный возраст имел региональную вариативность. В соответствии с данными 1883 г., в Виленской губернии большая часть девушек, вступивших в брак, пришлась на возрастную группу 21–25 лет и составила 49,8 %. В то время как в возрасте до 20 лет в брак вступили 28 % девушек Виленской губернии. Для сравнения в Минской губернии число вступивших в брак девушек в возрасте до 20 лет в 1883 г. от общего числа заключивших брак составило 53 %, в возрастной группе 21–25 лет данное значение составило 32,5 % [10, с. 110–111].

В начале XX в. отмечается повышение среднего возраста вступления в брак. По данным 1908 г. в белорусских губерниях значительная доля девушек от общего числа заключивших брак пришлась на возрастную группу 21–25 лет и составила 41,1 %. В возрасте до 20 лет данное значение составило 36 %. Среди юношей лишь 12,7 % вступили в брак в возрасте до 20 лет, 34 % юношей заключили брак в возрасте 21–25 лет. В возрастной группе 26–30 лет данный показатель составил 29,4 % [11, с. 56–63, 70–71].

Для белорусских городов ранняя брачность характерна в меньшей степени, чем для сельской местности. Преобладающее число браков в городах заключались в возрасте до 30 лет. Число вступивших в брак мужчин в возрасте 20 лет и моложе в городах на 1900 г. в среднем составляло 3,2 %, в возрасте 21–25 лет — 36,7 %, в возрасте 26–30 лет — 32,9 %. У женщин данный показатель составлял 21,9, 52,3 и 15,5 % (от общего числа заключенных браков в городах) соответственно [8, с. 79]. Средний брачный возраст мужчин в городах был равен 27,8 годам, женщин — 23,2 годам [12, с. 130].

В 1906 г. от общего числа заключенных браков среди православного населения городов Могилевской губернии количество заключенных браков среди девушек в возрасте 20 лет и моложе составило 36,4 %, в возрасте 21–25 лет — 40,4 %. Среди юношей 20 лет и моложе — 8,6 %, в возрастной группе 21–25 лет — 36,2 %. Значительная часть мужчин в городах Могилевской губернии заключили брак в возрасте 26–30 лет — 35,9 %. Аналогичные показатели наблюдались и в уездах Могилевской губернии.

Среди православного населения уездов Могилевской губернии 39,4 % девушек вступили в брак в возрасте 20 лет и моложе, 47,7 % — в возрастной группе 21–25 лет. Юношей 20 лет и моложе заключило брак 20,4 %, в возрасте 21–25 лет — 40,3 %. В возрасте 26–30 лет — 26,5 % юношей [13, л. 98, 110].

Прямую зависимость уровня рождаемости от уровня брачности в своих исследованиях отметил А. Г. Рашин. Согласно его мнению, чем выше удельный вес девушек, вступивших в брак в 20 лет и ранее, тем выше рождаемость в целом. Белорусские губернии во второй половине XIX–начале XX в. относились к числу территорий с постепенно снижающимся процентом невест до 20 лет, следовательно, показатели рождаемости также понижались [14, с. 175–176].

Эволюция брачно-семейных отношений в белорусском обществе характеризовалась не только смещением брачного возраста, трансформации подвергались и традиционные ценности и нормы поведения населения. В конце XIX в. растет число примеров прошений о расторжении брака ввиду неверности супруга или неблагонадежного поведения [15, л. 27, 43]. Кроме того, имели место участвовавшие примеры девиантного поведения в обществе, которые были связаны с возросшим числом городского населения, не вступившего в брак. Особенно часто такие примеры наблюдались среди рабочих, нижних воинских чинов. Также это было связано с растущим уровнем эмансипации женщин во внутрисемейных отношениях. Так, в 1880 г. на судебное разбирательство был вынесено дело о наложении опеки над имуществом мещанина М. Емельянова, который обвинялся в расточительстве и ведении безнравственного образа жизни. В ходе разбирательства было установлено, что мещанин неоднократно был арестован за насилие по отношению к супруге [16, л. 5–9].

Таким образом, во второй половине XIX–начале XX в. происходит постепенное разрушение традиционного типа брачно-семейных отношений среди населения белорусских губерний, что было обусловлено рядом социально-экономических факторов и общими тенденциями социально-демографического развития общества. В условиях индустриализации, формирования городской культуры, снижения смертности, несмотря на сохранившееся влияние многовековых традиций у населения белорусских губерний отпадает необходимость в ранних браках как необходимости поддержания потенциально высокой рождаемости. Увеличивается средний возраст заключения брака, внутрисемейные и общественные отношения все больше приобретают эмансипированный характер.

Библиографические ссылки

1. Свод законов Российской империи: в 34 т. Спб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1857. Т. 10. Ч. 1: Законы гражданские. 604 с.
2. *Загоровский А. И.* О разводе по русскому праву. Харьков: тип. М. Ф. Зильберберга, 1884. [4], 490 с.
3. *Ковалевский М. М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с франц. С. П. Моравского; под ред., с предисл. и прим. проф. М. О. Косвена. Москва: Соцэкгиз, 1939. 188 с.
4. *Довнар-Запольский М. В.* Исследования и статьи. Т. 1. Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. Киев: А. П. Сапунов, 1909. 486 с.
5. *Крачковский Ю. Ф.* Быт западно-русского селянина. Москва: Изд. Имп. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1874. 212 с.
6. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / А. С. Дембовецкий; сост. по прогр. под ред. А. С. Дембовецкого. Могилев, 1882–1884. Кн. 1. 1882. 782 с.
7. *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск: БДУ, 2013. 335 с.
8. *Сенько А. И.* Матримониальное поведение населения Беларуси во второй половине XIX–начале XX века // Гістарычна-археалагічны зборнік / Гал. рэд.: А. А. Каваленя. Мінск: Беларус. навука, 2020. Вып. 35. С. 76–82.
9. *Каханоўскі А. Г.* Міжсаслоўная сацыяльная мабільнасць насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX–пачатку XX ст. // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Беларус. гос. ун-т. Минск, 2012. Вып. 7. С. 80–91.
10. Статистика Российской империи / Санкт-Петербург: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1866–1890. Сер. 3. Вып. 23: Движение населения в Европейской России за 1883 г. Спб.: тип. Мин-ва внутр. дел, 1887. [8], VIII, 397 с.
11. Движение населения в Европейской России за 1908 г. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1890–1916. Спб.: тип. Мин-ва внутр. дел, 1914. XVI, 257 с., 4 л. карт.
12. Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья / В. К. Бондарчик, Л. А. Боцонь, Л. И. Минько и др.; редкол.: В. К. Бондарчик (отв. ред.) и др. Мн.: Наука и техника, 1987. 376 с.
13. Статистические сведения о родившихся, бракосочетавшихся и умерших по городам и уездам Могилевской губернии за 1906 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2187. Оп. 1. Д. 64.
14. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.); под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
15. О розыске жены чиновника Гродненской контрольной палаты Рождественской Марфы, занимавшейся развратом, для расторжения брака с Рождественским Федором // НИАБ в г. Гродно. Ф. 2. Оп. 13. Д. 442.
16. О назначении опеки над имуществом мещанина Емельянова Мартина, ведущего расточительный образ жизни // НИАБ в г. Гродно. Ф. 2. Оп. 13. Д. 158.

РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР БССР (на примере течения — стиляги)

В. В. Сенько

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, his.senkovv@bsu.by*

В данной статье отражен процесс формирования и развития музыкальных субкультур в БССР периода конца 1940–50-х гг. на примере течения стиляг. Отражен процесс формирования образа стиляг в СМИ.

Ключевые слова: музыкальные субкультуры; стиляги; БССР; 1950-е гг.

THE DEVELOPMENT OF MUSICAL SUBCULTURES OF THE BSSR (on the example of the current of the stilyagi)

V. V. Senko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, his.senkovv@bsu.by*

This article reflects the process of formation and development of musical subcultures in the BSSR during the late 1940s–1950s using the example of the current styles. The process of forming the image of dudes in the media is reflected.

Keywords: musical subcultures; stilyagi; BSSR; 1950s.

В качестве источниковой базы для проведенного исследования послужили издания советской периодической печати. Среди них газеты «Чырвоная змена», «Работніца і сялянка», «Знамя юности». Отметим, что последняя характеризуются наибольшей информативностью. Также были использованы иллюстративные материалы из литературно-художественного журнала «Вожык». Историография представлена работами доктора исторических наук, профессора Белорусского государственного университета А. А. Гужаловского.

Появление стиляг в столице Советского Союза фиксируется уже в конце 1940-х гг., а в Минске — 1953 г. [6, с. 151–152]. Однако заметное проявление субкультуры в публичном пространстве относится к середине 1950-х гг. В пользу этого свидетельствует значительное возрастание интереса советской печати к необычному культурному феномену. К примеру, газета «Знамя юности» 20 декабря 1956 г. уделила целую страницу подробному разбору вреда «модного» увлечения белорусской молодёжи. Среди писем, опубликованных в нескольких колонках, можно встретить мнение жителей г. Минска, Гродно, Слуцка, Горок по поводу их отношения к данному феномену [13, с. 2; 14, с. 2; 16, с. 2; 21, с. 2].

Обмен увлечениями в молодежной среде осуществлялся во многом благодаря развитой сети учебных заведений. Новости о стилягах попадали в Беларусь через студентов из г. Москвы [23], Львова [20, с. 2] и др.

Студенчество нередко характеризуется как наиболее активная во всех отношениях социальная группа, с рядом отличительных особенностей. В силу постоянного тесного контакта во время учебного процесса, наличия свободного времени и прочих факторов единомышленники могли объединяться в группы по интересам.

Социальная база этой субкультуры была довольно широкой и не сводилась лишь к так называемой «золотой молодёжи», «маменькиным и папенькиным сынкам и дочкам» [8, с. 2]. Они превалировали на раннем этапе становления субкультуры [6, с. 152], имея финансовые возможности, задали эталон традиционного образа стиляг на раннем этапе развития стиляжества, однако основу движения составляла более скромная в материальном отношении молодёжь.

В то же время стиль выступал главенствующим фактором определения в системе свой-чужой, что прямо следует из названия субкультуры. В советских периодических изданиях примеры негативного отношения граждан к рассматриваемому культурному феномену значительно преобладают над положительными. Встречается критика образа жизни, выраженного в желании получать все блага «за чужой счёт», «сидеть на родительской шее» [7, с. 11; 9, с. 9].

Во второй половине 1950-х гг. осуществлялась полноценная кампания по воспитанию вкуса и стиля советской молодёжи. В редакцию газет («Знамя юности», «Роботніца і сялянка», «Чырвоная змена» и др.) поступало значительное количество писем со всей республики, содержание одних сводилось к разгрому стиляг, других, в свою очередь, к просьбе сменить вектор политики на «воспитание вкусов, а не навязывание силой» [10, с. 2; 17, с. 2]. Студент отделения журналистики БГУ И. Рудометов критикует опубликованные несколько ранее изречения товарища Г. Волчека, разграничивая в своём сообщении подбор одежды со вкусом, «в ногу с культурой», и слепое подражание западному стилю [18, с. 2]. Студентка физико-математического факультета БГУ Р. Медведева уже в 1956 г. выступала с критикой развернувшейся кампании против стиляг, предлагала разобраться в сути образовавшегося культурного феномена [15, с. 2].

Довольно показательным выступает следующее высказывание студента 4 курса БГПИ В. Гаврильчика: «Не в меру длинная причёска, роскошные бакенбарды, щегольские ниточкой усы, чрезмерно узкие брюки, ярких расцветок пиджаки и куртки — это сделано с целью привлечь к себе внимание... — Погоня за модой получила широкое распространение среди определённой части студенчества. Эта категория студентов

на скромно одетых товарищей смотрит свысока... Сейчас же неразумное увлечение „стилем“ приняло широкие размеры. Ему поддались даже хорошие, скромные ребята» [4, с. 2]. К описанному образу (рис. 1) также стоит добавить некоторые отличительные особенности, приведенные в работах А. А. Гужаловского, среди них: полуботинки на толстой белой подошве; причёска «Бабэ́та», яркий макияж, короткие и яркие юбки у девушек [5, с. 4–5].

Рис. 1. Карикатура на минских стиляг.

В. Куприянов.

Источник: [12, с. 2]

Несколько выше уже упоминалось, что стиляги встречались на улицах многих белорусских городов, среди них: Минск, Гродно, Витебск, Слуцк, Пинск, Мозырь, Молодечно, Горки и др. [5, с. 3; 13, с. 2; 14, с. 2; 16, с. 2; 21, с. 2]. В каждом из них существовали определённые места, где вероятность присутствия стиляг значительно возрастала по сравнению с другими. В качестве мест наибольшей концентрации минских «штатников» (самоназвание субкультуры. — В. С.) выступали летние танцплощадки городского парка имени М. Горького, парка Челюскинцев, некоторые общежития [9, с. 2]. В вечернее время их можно было встретить прогуливающимися от Главпочтамта до Дома офицеров вдоль проспекта Сталина или Бродвея, Брода (на сленге стиляг. — В. С.) [6, с. 161; 12, с. 2; 25]. Частный сектор Песковатки, Ленинский парк, кафе «Молодёжное», клуб стройтреста № 8 — излюбленные места витебских «ультрамодечников»; их гродненские братья «кидали брэк», т. е. прогуливались, по ул. Советской [2, с. 4; 6, с. 161].

Противопоставляя себя общепринятой моде и устоям того времени, стиляги сформировали и собственные предпочтения в музыке и танцах. Их танцы подвергались активной критике (рис. 2) и нередко назывались: «кривляние», «толкучка», «конвульсивные подёргивания», «скаканья кабанов» и т. д. [5, с. 7; 6, с. 158; 22, с. 2]. Стыляги предпочитали такие направления как буги-вуги, рок-н-ролл, твист и подобные. Немаловажно, что при выборе танца не всегда придавалось значение его сочетания с музыкальным сопровождением. Для сограждан эти инновации представлялись крайне вульгарными в сравнении с привычным вальсом, полькой, фокстротом [12, с. 2].

Рис. 2. Карикатура на любителей новомодных танцев. Ю. Вильчека.
Источник: [3, с. 2]

В связи с этим были предприняты шаги по формированию музыкальных вкусов у советской молодёжи, в том числе расширена сеть домов культуры, домов творчества, кружков при учреждениях, в печати публиковались схемы танцев, а несколько позже к ним прибавились телерадиопрограммы («Запращэнне на танец» Гостелерадио БССР) [6, с. 159; 11, с. 4].

Наиболее популярным среди музыкальных предпочтений были композиции в жанре джаз, а также его разновидность свинг. Несколько позже, однако в рамках того же периода, в моду вошли и другие жанры: блюз, рок-н-ролл. Несмотря на серьёзные препятствия, любители новомодной музыки использовали различные способы, чтобы приобщиться к западной культуре, в действительности, лишь подражая её поп-части рубежа 1940–50-х гг. Грампластинки — единственный возможный вариант самостоятельного прослушивания музыки для советских граждан до рубежа следующего десятилетия, когда в массе своей патефоны и иное оборудование постепенно сменились магнитофонами [6, с. 158]. Поскольку западные коллективы не издавались в СССР, стилиги самостоятельно записывали композиции на рентгеновских снимках, получая в результате так называемые «пластинки на костях», «на рёбрах» или просто «рёбра» [6, с. 157].

Таким образом, субкультура стилиг («штатников») — одна из первых попыток объединения неформальной молодёжи в отдельную субкультуру. Для неё было характерно подражание западному стилю и образу жизни. Формированием собственного стиля, музыкальных предпочтений и образа жизни, отличного от традиционных устоев советского общества, привело к активной критике этой молодежной субкультуры в средствах массовой информации. Тем не менее, субкультура стилиг заложила основу для появления последующих течений неформальной молодёжи.

Библиографические ссылки

1. *Агняцвет Э.* Пагаворым пра густы // *Работніца і сялянка.* 1955. № 12. С. 10.
2. *Бурдуков А.* За ушко да на солнышко. Тамерланова стража // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 4.
3. *Вильчека Ю.* Закружился // *Знамя юности.* 1958. 27 февр. С. 2.
4. *Гаврильчик В.* Скромность, а не одежда украшает человека // *Знамя юности.* 1956. 28 дек. С. 2.
5. *Гужалоўскі А.* Стылягі ў БССР: з’яўленне першай моладзевай субкультуры // *Беларускі гістарычны часопіс.* 2020. № 12. С. 3–10.
6. *Гужалоўскі А. А.* У светлую будучыню! Беларускае грамадства эпохі «адлігі» (1953–1968). Мінск: Р. М. Цымбераў, 2024.
7. *Гурло М.* Дзе ты, сынку, начаваў, што не разуваўся? // *Вожык.* 1972. № 12. С. 11.
8. *Данченко Э.* Строки из писем // *Знамя юности.* 1956. 28 дек. С. 2.
9. *Дмитриев И.* Наболевший вопрос // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
10. *Карабань В.* Хорошие вкусы нужно воспитывать // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
11. *Коломенский М.* Станцуем? // *Знамя юности.* 1971. 3 авг. С. 4.
12. *Куприянов В.* Не за то волка бьют, что сер... Ответ тов. Заборову и его друзьям // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
13. *Кухта Д.* Строки из писем // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
14. *Леванович В.* Строки из писем // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
15. *Медведева Р.* Против унылого стандарта // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
16. *Павлович Н.* Строки из писем // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
17. *Ратников Г.* Рабы тряпок // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
18. *Рудометов И.* В смешном положении // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
19. *Салаўёў В.* За тваё здароўе, мама! // *Вожык.* 1973. № 20. С. 9.
20. *Самусенкава Р.* У нас стылягі выйдуць з моды // *Чырвоная змена.* 1959. 3 сак. С. 2.
21. *Сидоренко М.* Строки из писем // *Знамя юности.* 1956. 20 дек. С. 2.
22. *Солоневич И.* Где научиться танцевать? // *Знамя юности.* 1956. 28 дек. С. 2.
23. *Чернуха А.* А завтра ты продашь родину. Легенды и мифы о «минском Бродвее» и столичных стилягах // *Onliner.* URL: <https://people.onliner.by/2015/06/16/stilyagi> (дата обращения: 10.09.2025).

ПАЛІТЫЧНАЯ СІТУАЦЫЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1720-х–ПАЧАТКУ 1760-х гг.

У. А. Сосна

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, Sosna@bsu.by*

На гістарычным факультэце БДУ працягваюцца традыцыі даследавання не толькі сацыяльнай, але і палітычнай гісторыі Беларусі познафеадальнага перыяду (А. Я. Верамейчык, В. В. Гарбачова, В. С. Макарэвіч, А. М. Латушкін). Аднак і ў вучэбнай літаратуры па айчыннай гісторыі і нават абагульняючых навуковых выданнях амаль цалкам выпадае палітычная сітуацыя на тэрыторыі Беларусі ад Вялікай Паўночнай вайны да падзеяў Рэчы Паспалітай. Найноўшыя напрацоўкі гісторыкаў іншых навуковых асяродкаў даюць магчымасць запоўніць гэты прабел з акцэнтаваннем увагі на вызначальныя тады знешнія ўплывы і еўрапейскія войны.

Ключавыя словы: Рэч Паспалітая; палітычны крызіс; Аўгуст III; еўрапейскія войны.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1720-х–НАЧАЛЕ 1760-х гг.

В. А. Сосно

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Sosna@bsu.by*

Исторический факультет БГУ продолжает традицию изучения не только социальной, но и политической истории Беларуси позднефеодального периода (А. Е. Веремейчик, В. В. Горбачёва, В. С. Макаревич, А. Н. Латушкин). Однако и в учебной литературе по отечественной истории и даже в обобщающих научных изданиях почти полностью выпадает политическая ситуация на территории Беларуси от Великой Северной войны до разделов Речи Посполитой. Новейшие разработки историков из других научных кругов дают возможность восполнить этот пробел, акцентируя внимание на определяющие тогда внешние влияния и европейские войны.

Ключевые слова: Речь Посполитая; политический кризис; Август III; европейские войны.

POLITICAL SITUATION ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE 1720s–EARLY 1760s

U. A. Sosna

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Sosna@bsu.by*

The Faculty of History of the BSU continues the tradition of studying not only the social but also the political history of Belarus during the late feudal period (A. Verameichyk, V. Gorbacheva, V. Makarevich, A. Latushkin). However, even in the academic literature on national history and even in generalizing scientific publications, the political situation on

the territory of Belarus from the Northern War to the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth is almost completely omitted. The latest developments by historians from other scientific circles make it possible to fill this gap, focusing on the then defining external influences and European wars.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth; political crisis; August III; European wars.

З часоў Вялікай Паўночнай вайны Расія набыла рашаючы ўплыў на ўнутраныя справы ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Каб пазбавіцца залежнасці ад суседняга манарха, Аўгуст II пачаў рабіць захады да вываду расійскага войска з тэрыторыі краіны і напачатку абаперся на падтрымку Англіі і Аўстрыі. Аднак ва ўмовах магнацкай анархіі адрадзіць незалежнасць аказалася немагчымым. Прыхільнікі Расіі, сярод якіх у Вялікім Княстве Літоўскім першынствавалі Людвіг Пацей і Станіслаў Дэнгаф, гэтыя намеры сарвалі. Больш таго, зацікаўлены ў захаванні безуладдзя і анархіі, пад маркай гарантавання « шляхецкіх вольнасцяў », Расія і Прусія ў 1720 г. падпісалі трактат аб утрыманні існуючага стану ў Рэчы Паспалітай. У 1724 г. такі абавязак на сябе мусіла ўзяць пераможаная Швецыя, а ў 1726 г. далучылася і Аўстрыя. Фактычна суседнія дзяржавы бралі на сябе ролю суддзяў лёсу Рэчы Паспалітай, аж да ўвядзення і побыту на яе тэрыторыі сваіх войскаў. Ім было выгодна трымаць пад сваім кантролем аслабеўшую краіну. У выніку федэратыўная дзяржава пазбавілася самастойнага палітычнага курсу.

А між тым у 20–60-х гг. XVIII ст. працягвалася зацятая барацьба ўплывовых магнацкіх груп за ўладу ў грамадстве, што раздзірала краіну і інспіравала знешняе ўмяшанне. Спачатку Чартарыйскія, Радзівілы і Ржэвускія супрацьстаялі Патоцкім і Браніцкім, потым Радзівілы ўжо змагаліся з Чартарыйскімі. Прычым з кожным годам ўсё радзей супернічалі па палітычных пытаннях, а ўсё часцей змагаліся за канкрэтныя пасады, трыманне каралеўскіх эканомій і старостваў, маёмасць і да т. п. Метады супраць супернікаў прымяняліся самыя разнастайныя, аж да фізічнага насілля. Так, калі ў 1755 г. Радзівілы перамаглі на выбарах ў Вярхоўны Трыбунал ВКЛ, то іх прыхільніка, менскага дэпутата Язэпа Валадкевіча пасеклі шаблямі з ініцыятывы падстарасты пінскага Францкевіча. Апошні за гэта быў узнагароджаны і ўкрыты ад адказнасці Чартарыйскімі. Сам жа Караль Станіслаў Радзівіл па мянушцы Пане Каханку, стаўшы маршалкам Трыбуналу, не выносіў ніякіх прэрэчанняў і адкрыта прымушаў дэпутатаў прымаць толькі сабе пажаданыя рашэнні. Адсюль і пайшла прымаўка: «Трыбунал з дэкрэтам, а Радзівіл з мушкетам» [1, с. 99–101, 111–112].

У ходзе жорсткай палітычнай і ваеннай барацьбы як унутры краіны, так і за яе межамі зацвердзіўся на троне Рэчы Паспалітай другі па ліку прадстаўнік дынастыі Ветынаў. Калі 1 лютага 1733 г. памёр Аўгуст II Моцны,

то ягоны сын Фрыдрых Аўгуст спачатку стаў курфюрстам Саксоніі. У Рэчы Паспалітай моцная магнацка-шляхецкая групойка падтрымала Станіслава Ляшчынскага, які на эміграцыі стаў цесцем французскага манарха. Фрыдрых Аўгуст заручыўся дапамогай расійскай імператрыцы Ганны Іванаўны, бо паабяцаў адмовіцца ад прэтэнзій Рэчы Паспалітай на Ліфляндыю, саюз Саксоніі з Расіяй, перадачу Курляндскага герцагства у кіраванне фаварыту царыцы Эрнэсту Бірону. Удалося таксама перацягнуць на свой бок Аўстрыю.

У верасні 1733 г. на элекцыйным сойме пераважная большасць шляхты-выбаршчыкаў абралі каралём польскім і вялікім князем літоўскім Станіслава Ляшчынскага, разлічваючы на ўмацаванне незалежнасці дзяржавы. Меншасць выбаршчыкаў пакінула сход сойма. Ім на дапамогу рушыла расійская армія пад камандаваннем П. П. Ласі, якая заняла прадмесце Варшавы — Прагу. Тут прыхільнікі саксонскага курфюрста, сярод якіх пераважалі прадстаўнікі ВКЛ, што ўлічвалі небяспеку сваім маёнткам з боку расійскіх войскаў, стварылі канфедэрацыю і 5 кастрычніка абвесцілі новага караля пад імем Аўгуста III. Ляшчынскі мусіў адступіць у Гданьск, дзе чакаў дапамогі ад Францыі. Аднак дэсанты французскай эскадры не змаглі прарваць аблогу горада расійскімі войскамі. У Польшчу таксама ўступілі войскі Саксоніі. У ліпені 1734 г. Гданьск капітуляваў, а С. Ляшчынскі, пеараапрунуўшыся ў сялянскую вопратку, уцёк у Прусію, а затым зноў эміграваў у Францыю [2, с. 270–272].

Пакуль Ляшчынскі знаходзіўся ў Гданьску, па ўсёй Рэчы Паспалітай узнікалі канфедэрацыі ў яго абарону. У ВКЛ вясною 1734 г. такую канфедэрацыю стварыла шляхта Ашмянскага і суседніх з ім павеятаў. Ейным маршалкам быў абраны віцебскі ваявода Марцін Агінскі. Тут напачатку згуртаваліся каля 3000 шляхціцаў, якія ўступалі ў спарадычныя сутычкі з насядаўшымі рэгулярнымі войскамі ВКЛ і расійскімі атрадамі. Сабраўшыся ў радзівілаўскім мястэчку Карэлічы, канфедэраты распачалі марш на захад, але іх спыніла вестка аб падзенні Гданьска. Яны ў лістападзе гэтага года занялі Берасце, дзе злучыліся з аддзеламі валынскага ваяводы Міхала Патоцкага. Адсюль М. Агінскі пісаў лісты да Папы Клеменса XII з просьбай аб падтрымцы справы караля Станіслава. Аднак рашучасць да далейшай барацьбы наткнулася ў пачатку 1735 г. на асабістыя амбіцыі магнатаў. Маршалак канфедэрацыі Каралеўства Польскага Адам Тарла падпісваў лісты як аднаасобны кіраўнік канфедэратаў ва ўсёй Рэчы Паспалітай, што надзвычай абурыла Агінскага. Ён ад імя канфедэрацыі ВКЛ выказаў гатоўнасць прысягнуць Аўгусту III. Застаўшыся без падтрымкі з Княства, недысцыплінаваныя харугвы каронных канфедэратаў былі разбіты расійскімі і саксонскімі войскамі [1, с. 107].

Вайна за польскую спадчыну (1733–1738) набыла агульнаеўрапейскі характар. Францыя выступіла супраць Расіі, Аўстрыі і Саксоніі і нанесла паражэнне аўстрыйскім войскам у Італіі. Перамір’е было дасягнута толькі ў кастрычніку 1735 г. У лістападзе 1738 г. быў падпісаны канчатковы Венскі трактат паміж двума краінамі, да якога ў наступным годзе далучыліся Расія, Саксонія і Рэч Паспалітая. Ляшчынскі адмовіўся ад дамаганняў прастола, але захаваў пажыццёвы тытул караля і вялікага князя.

Пацыфікацыйны (міратворчы) сойм у чэрвені–ліпені 1736 г. скончыў унутраную вайну. За часы Аўгуста III гэта быў адзіны сойм, праведзены да канца. Наступныя зрываліся праз правіла аднагалосся (ліберум вета), якім карысталася ў асноўным «рэспубліканская апазіцыя» на чале з Патоцкімі. Іх мэтай былі захаванне так званых рэспубліканскіх вольнасцяў без каралеўскай цэнтральнай улады. У выніку зрыву 14 соймаў ніводнага закону не было прынята. Фактычна кіраванне дзяржавай было дэцэнтралізавана, а ўлада ў паветах перайшла да соймакаў, якія самавольна вырашалі фінансава-падатковыя праблемы. Сам кароль гэтай краіны не ведаў і не любіў. Нават у Варшаве з’яўляўся рэдка, аддаючы відавочную перавагу сталіцы Саксоніі Дрэздэну ды справам сваёй радзімы. Двойчы наведваў Горадню, але не столькі для ўдзелу ў соймах 1744 і 1752 гг., колькі дзеля палявання ў Белавежскай пушчы. Ён не меў сваіх палітычных канцэпцый і кіраваў з дапамогай фаварытаў, сярод якіх найбольшым уплывам карыстаўся ягоны міністр у Польшчы Генрых Бруль. Для правядзення соймаў у Горадні быў пабудаваны новы каралеўскі замак, што падвышала статус гэтага горада ў маштабах усёй Рэчы Паспалітай. У палітычнай барацьбе да пачатку 1750-х гг. караля падтрымлівалі Чартарыйскія са сваімі шматлікімі прыхільнікамі. Яны імкнуліся да рэформ: заснаванне спадчыннай манархіі; абмежаванне магнацкай алігархіі; скасаванне ліберум вета. Уласна Аўгуст III клапаціўся толькі аб тым, каб забяспечыць трон у Рэчы Паспалітай аднаму са сваіх сыноў. У зацятым палітычным змаганні, якое іншы раз даходзіла да боек на соймаках, ніхто не мог узяць верх і краіна «трымалася на безуладдзі». Сітуацыя небяспечна ўскладнялася арыентацыяй супернічаючых груповак на падтрымку знешніх сіл, якія імкнуліся правесці тут свае інтарэсы [2, с. 273–275].

Еўрапейскія войны працягвалі ўплываць на сітуацыю ў краіне, нават калі непасрэдна баявыя дзеянні не закраналі яе тэрыторыю. Падчас вайны за аўстрыйскую спадчыну 1740–1748 гг. Саксонія ваявала на баку Прусіі супраць Аўстрыі, а пасля перайшла на бок Аўстрыі. Аўгуст III меў амбіцыі на заняцце аўстрыйскага прастола, а як мінімум атрымаць ад яе «калідор» праз Сілезію ад Саксоніі да Рэчы Паспалітай. Аднак у выніку Сілезія адышла ад Аўстрыі да Прусіі, а тэрыторыя Польшчы аказалася

абкружанай паўколам прускімі валоданнямі на захадзе і поўначы. У 1747 г. на баку Аўстрыі выступіла Расія. Яе войскі накіроўваліся з Курляндыі праз ВКЛ і Польшчу і па ходу павінны былі забяспечвацца правіян-там і фуражам [3, с. 525]. Адсюль і песімістычная рэакцыя гетмана ВКЛ М. К. Радзівіла, які занатаваў у сваім дыярышы, «што in Decembri адбудзецца марш войска маскоўскага 35.000 праз Айчыну нашу ў помач сілам марскім; госяці тыя зусім не мілыя» [4, с. 210].

Унутры краіны прапруская групоўка Патоцкіх спрабавала арганізаваць антыкаралеўскія канфедэрацыі, але гэтаму перашкаджалі прыхільнікі Чартарыйскіх. Большасць магнатаў і шляхты падтрымлівала Аўгуста III у яго саюзе з Аўстрыяй, хоць выступала за захаванне Рэччу Паспалітай нейтралітэту. Разрабаванне прускімі войскамі Саксоніі пазбаўляла Аўгуста III магчымасці выкарыстоўваць адтуль фінансавыя сродкі для фарміравання прыдворнай партыі ў Рэчы Паспалітай [5].

Большую значнасць для Рэчы Паспалітай мела Сямігадовая вайна (1756–1763). У ёй сутыкнуліся Аўстрыя, Францыя, Расія і Саксонія, з аднаго боку, Прусія і Англія, з другога. Прускі кароль Фрыдрых II нанёс паражэнне саксонскай арміі, што прывяло да яе капітуляцыі ў кастрычніку 1756 г. Аўгуст III мусіў ратавацца ў афіцыйна нейтральнай Рэчы Паспалітай, хоць яе тэрыторыя выкарыстоўвалася ваюючымі бакамі як транзітная і для забеспячэння армій. Праз Беларусь праходзілі і размяшчаліся тут расійскія войскі, якія авалодалі камунікацыямі, карысталіся прадуктамі харчавання і зімовымі кватэрамі. Землеўладальнікі і насельніцтва неслі на гэтым значныя страты, што не заўсёды кампенсавалася. Дзеля вырашэння адпаведных прэтэнзій у Горадні была створана сумесная камісія Расіі і Рэчы Паспалітай. У захопленым прусакамі Дрэздэне чаканіліся фальшывыя манеты, якія наваднялі краіну і вялі да абясцэньвання грошай. Аказаўся перарваным гандаль ВКЛ праз Каралявец [2, с. 277–278; 6].

На тэрыторыі прускага каралеўства расійская армія атрымлівала перамогі, аж да заняцця ў 1760 г. на кароткі час Берліна. Ад канчатковай паразы Фрыдрых II выратавала ўступленне на расійскі трон прусафіла Пятра III, які вярнуў Прусіі усе занятыя тэрыторыі і нават заключыў з ёй саюзны дагавор. У ліпені 1762 г. імператрыца Кацярына II разарвала гэты саюз, аднак усе войскі вывела з тэатра ваенных дзеянняў праз тэрыторыю Рэчы Паспалітай у Расію. Афіцыйна вайна скончылася ў лютым 1763 г. заключэннем Губертусбургскага міру паміж Аўстрыяй з Саксоніяй і Прусіяй.

Падчас вайны Рэч Паспалітая ператварылася ў свайго роду пастаялы двор, што вяло не толькі да каласальных матэрыяльных страт, але і падзення міжнароднага прэстыжу да ўзроўню другараднай еўрапейскай дзяржавы — аб'екта маніпуляцыяў моцных гульцоў. Аб гэтым сведчылі і

спарадычныя заходы на тэрыторыю Беларусі расійскіх войскаў, нават не абумоўленыя ваеннай неабходнасцю. Так, у 1735 г. урад Ганны Іванаўны накіраваў праз дзяржаўную мяжу 5 палкоў у Ветку і яе наваколлі, заселеных расійскімі стараабрадцамі. Іх дамы і манастырскія пабудовы былі спалены, а ў Расію вывезена больш як 13 тысяч чалавек. Гэты і наступныя падобныя рэйды атрымалі назву «веткаўскія выгонкі». Расійскі бок быў гатовы, калі спатрэбіцца, таксама ўмяшацца ў Крычаўскае паўстанне, падтрымліваючы сувязь з яго кіраўніком Васілём Вашчылам [2, с. 276].

На працягу XVIII ст. абвастралася праблема ўцёкаў рускіх сялян і іх укрывальніцтва на землях Беларусі і Украіны. У лютым 1763 г. Калегія замежных спраў прадстаўляла гэта Кацярыне II у якасці галоўнай з «крыўдаў з боку Польшчы і Літвы расійскіх падданных», сцвярджаючы, што многія тысячы сялянскіх сем'яў і вайсковых дэзерціраў там вялікія слабоды і сёлы засялілі. У выніку расійскія прыгранічныя паветы Смаленскай губерні, Пскоўскай і Вялікалуцкай правінцый амаль спустошаны, памешчыкі галюць. Памежныя вобласці цяrpелі і ад набегаў груп розных людзей, «якім палякі ў сябе прыстанак даюць», што чынілі «разбоі, рабаўніцтвы і смяротныя забойствы». Усё гэта вымушала ўлады прымаць захады па ўпарадкаванні і умацаванні дзяржаўнай мяжы, а праблема збеглых сялян стала прадметам клопатаў расійскай дыпламатыі [7, с. 88–89, 410, 530–532, 535, 539], а таксама прысутных у ВКЛ у сувязі з Сямігадовай вайной расійскіх войскаў.

Для разбору і вяртання ўцекачоў ствараліся пагранічныя камісіі. Расійскі бок арганізоўваў узброеныя заставы і «рэйды» ў прыгранічныя вобласці суседняй дзяржавы. У 1765 г. упершыню была атрымана афіцыйная згода Рэчы Паспалітай на выдачу збеглых, для чаго адкрыта быў накіраваны ў «Літву» атрад пад камандай генерал-маёра Маслава. Толькі з маёнткаў Чартарыйскіх было вывезена на трох тысячах фурманак не менш 4 тысяч чалавек, прычым, як сцвердзіў канцлер ВКЛ М. Чартарыйскі, поруч з рускімі збеглымі былі вывезены ў Расію і мясцовыя сяляне. Іх партыямі, залічваючы памешчыкам за рэкрутаў ці ўплочваючы з казны грашыма, адпраўлялі на пасяленні ў Сібір [8, с. 231]. Вяртання ў Расію належалі самі збеглыя і нават іх дзеці, што відавочна стварала нямала магчымасцяў для злоўжыванняў над сялянамі.

Расійскаму боку стала выгядным нават перабольшваць маштабы гэтай з'явы. У 1765 г. каралю і вялікаму князю Станіславу Аўгусту Панятоўскаму была пададзена ведамасць аб «уцёкшых у Польшчу рускіх» у колькасці 29 877 чалавек, якіх з 1700 г. утрымлівалі 168 землеўладальнікаў. Прычым гэта былі толькі зафіксаваныя пагранічнымі камісіямі звесткі. У далейшых прэтэнзіях да Рэчы Паспалітай лічба збеглых была павялічана да 300 тыс. чалавек. Гэта дазволіла царскаму ўраду ў 1772 г., калі ішла падрыхтоўка

першага падзелу Рэчы Паспалітай, прад'явіць прэтэнзіі на мільён дзесяцін «лепшай і пладаноснейшай зямлі, якая насільна ўтрымліваецца польскім бокам», заселена «у большай частцы маларасійскімі падданымі» і ў многім каланізавана «расійскімі падданымі збеглымі» [9, с. 60–61].

Палітычная сітуацыя ў цэлым вымагала тэрміновага рэфармавання і ўмацавання краіны.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Прыбытка Г.* Барацьба магнацкіх групавак у XVIII ст. // Спадчына. 1996. № 1. С. 80–150.
2. *Грыцкевіч А. П.* Старонкі нашай мінуўшчыны. Мінск: Кнігазбор, 2009. 467 с.: іл.
3. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 11. Т. 21–22. М.: Голос, Колокол-пресс, 1999. 672 с.
4. Дзярыюш князя Міхала Казімера Радзівіла, ваяводы Віленскага, Гетмана Вялікага В. К. Літ. / Пераклад і публікацыя Вацлава Арэшкі // Спадчына. 1996. № 1. С. 195–223.
5. *Мацук А.* Вайна за аўстрыйскую спадчыну 1740–48 // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш]. Мінск: БелЭн, 2010. С. 94–97.
6. *Мацук А.* Сямігадовая вайна 1756–63 // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. Мінск: БелЭн, 2006. С. 650–651.
7. *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.
8. *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М.: Индрик, 2004. 728 с.
9. *Анішчанка Я.* Казырная карта пецяrbургскага двара // Спадчына. 1992. № 6. С. 59–61.

АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ ДЗЕЙНАСЦІ ЗЕМСКІХ НАЧАЛЬНІКАЎ ПА РЭГУЛЯВАННІ СЯЛЯНСКАГА ПЕРАСЯЛЕННЯ (на прыкладзе Мінскай губерні)

Г. А. Страленя

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, stralenia@bsu.by*

У артыкуле разглядаецца дзейнасць земскіх начальнікаў па рэгуляванні пытанняў перасялення сялян у іншыя рэгіёны Расійскай імперыі, выдзелены асноўныя асноўныя напямкі работы ў гэтай галіне.

Ключавыя словы: земскія начальнікі; адміністрацыйныя і судовыя ўстановы; беларускія губерні; сялянскае перасяленне.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ КРЕСТЬЯНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ (на примере Минской губернии)

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, stralenia@bsu.by*

В статье рассматривается деятельность земских начальников по регулированию вопросов переселения крестьян в другие регионы Российской империи, выделены основные направления их работы в этой области.

Ключевые слова: земские начальники; административно-судебные учреждения; белорусские губернии; крестьянское переселение.

MAIN ACTIVITIES OF DISTRICT CAPTAINS IN REGULATION OF PEASANT RELOCATION (on the example of Minsk province)

H. Stralenia

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, stralenia@bsu.by*

This article examines the activities of district captains in regulating peasant resettlement to other regions of the Russian Empire, highlighting the main areas of their work in this area.

Keywords: district captains; administrative and judicial institutions; Belarusian provinces; peasant resettlement.

Урад Расійскай імперыі рэгуляваў сялянскую міграцыю, якая была выклікана як эканамічнымі прычынамі, так і адыходам ад традыцыйных норм паводзін [1, с. 100]. Па прычыне росту імкнення сялян беларускіх губерняў да перасялення на слабазаселеныя землі Сібіры, на земскіх начальнікаў былі ўскладзены дадатковыя абавязкі ў гэтым кірунку.

Мясцовым органам улады неабходна было сачыць, каб дазволы на перасяленне атрымалі сем'і, якія мелі для гэтага дастаткова сродкаў і магчымасцяў. Акрамя таго, земскія начальнікі павінны былі тлумачыць сялянам, якія былі маюць намер з'ехаць, што ў гэтым выпадку яны пазбаўляюцца правоў на долю ва ўчастку, які пераходзіў астатняй частцы сям'і. Калі сялянін ужо пабываў у Сібіры, але так і не замацаваў за сабой участак, паўторнае прахадное пасведчанне павінна выдавацца яму ў выключных выпадках.

У дакладзе чыноўніка асобных даручэнняў Перасяленчага ўпраўлення Міністэрства ўнутраных спраў Д. Г. Разаліён-Сашальскага ад 5 мая 1898 г. адзначалася, што асноўнай мэтай урадовай палітыкі по рэгуляванні сялянскіх міграцый ў Сібір, з'яўляецца засяленне свабодных абшараў здольнымі да гэтага людзьмі без значных выдаткаў з боку дзяржавы [2, арк. 5]. У гэтай сувязі мясцовыя ўлады павінны былі сачыць, каб дазволы на пераезд атрымалі сем'і, якія валодалі добрай гаспадаркай і не мелі патрэбы ў неадкладнай урадавай дапамозе. У першую чаргу варта было звяртаць увагу на суадносіны працоўных рук да агульнай колькасці членаў сям'і [2, арк. 5]. Да прыкладу, сяляне Рэчыцкага павета Мінскай губерні ў 1900 г. звярнуліся ў Мінскую губернскую па сялянскіх справах прысутнасць з хадайніцтвам аб дазvole перасялення на казённых землях ў Сібір. Абавязковы член Рэчыцкай павятовай па сялянскіх справах прысутнасці П. Глінка ад 17 сакавіка 1900 г. прадаставіў звесткі аб маёмасным і сямейным становішчы сялян. На паседжанні прысутнасці ад 9 чэрвеня 1900 г. пастанавілі, што толькі частка сем'яў (сям'і Роберта Асецкага, Паўла Крукоўскага, Канстанціна Савіцкага, Купрыяна Маеўскага, Герасіма Куніцкага і Сцяпана Янавіча) маюць магчымасць перасяліцца ў Сібір па сваім сямейным і маёмасным становішчы паводле цыркуляра МУС ад 20 студзеня 1897 г. Ім дазволілі пасылку хадакоў-упаўнаважаных ад сваіх сямействаў для замацавання за сем'ямі ў Сібіры участкаў казённых зямлі пад пасяленне. Астатнім сялянам у хадайніцтве аб пасылцы хадакоў было вырашана адмовіць па прычыне таго, што сем'і Сямёна Асецкага, Андрэя Багдана, Карпа Маеўскага і Франца Іваноўскага не забяспечаны дастатковай колькасцю працоўных рук [3, арк. 77]. Напрыклад, Канстанціну Савіцкаму, які атрымаў дазвол на адпраўку хадакоў, было 30 гадоў, яго жонцы Караліне — 28 гадоў, сынам Осіпу і Андрэю — 7 гадоў і 3 гады, дачцы Паўліне — 5 гадоў. У склад сям'і ўваходзіў брат Франц — 25 гадоў, яго жонка Дарыя — 22 гады, а таксама бацька Баніфат, якому было 58 гадоў. Сям'я арандавала зямлю ва ўладальніка графа Зубава і плаціла ў год па 40 руб. за 20 дзесяцін. Маёмасць ацанілі ў 390 руб. (3 кані — 80 руб., 2 валы — 50 руб., 6 кароў — 120 руб., 4 быкі — 80 руб., 4 цяляты — 40 руб., 5 авечак — 10 руб., 3 свіні — 10 руб.). Сям'я таксама займалася дадатковымі заробкамі, якія

прыносілі ім ад 40 да 60 руб. прыбытку. Пры разглядзе прашэння сям'і Савіцкіх было адзначана «дазволіць з прычыны дастатковай колькасці грашовых сродкаў і працоўных рук» [3, арк. 84]. Сям'я Андрэя Багдана, якому было 40 гадоў, якая таксама мела дадатковы заробак па нарыхтоўцы лясных матэрыялаў, атрымала адмову «з прычыны недастатковай колькасці працоўных рук». Андрэй і яго жонка Ганна выхоўвалі 6 дзяцей, старэйшай дачцы Феадоры было 15 гадоў, а малодшаму Філіпу — 2 гады. Маёмасць сям'і ацанілі ў 300 руб. [3, арк. 85].

Пасля ўвядзення пасады земскіх начальнікаў збор звестак аб перасяленні сельскага насельніцтва ў Сібір быў уключаны ў іх абавязкі. Сваё заключэнне па гэтым пытанні яны накіроўвалі ў губернскую прысутнасць. Нярэдка менавіта меркаванне земскага начальніка становілася вызначальным пры рашэнні пытання аб выдачы пасведчання. Так адбылося ў выпадку селяніна Ігуменскага павета В. Кавалевіча, які звярнуўся ў 1902 г. з просьбай аб выдачы яму прахаднога пасведчання для перасялення ў Томскую губерню на імя мінскага губернатара. Селянін ужо звяртаўся з падобнай просьбай у 1899 г. і атрымаў адмову з прычыны адсутнасці неабходных для гэтага сродкаў. Тым не менш В. Кавалевіч атрымаў пашпарт і адправіўся на заробкі ў Сібір самавольна, дзе і застаўся пражываць. Земскі начальнік 1-га ўчастка Ігуменскага павета накіраваў сваё заключэнне ў Мінскую губернскую прысутнасць, у якім адзначыў, што не лічыць неабходным выдаваць селяніну прахадное пасведчання, паколькі ён самавольна перасяліўся ў Сібір і хацеў узаконіць гэтае перасяленне. Мінская губернская прысутнасць не выдала селяніну дакументы [4, арк. 68–73].

Земскія начальнікі павінны былі звяртаць увагу на маёмнае становішча сям'і, высвятляць згоду бацькоў пры хадайніцтве неаддзеленых сыноў. У выпадку хадайніцтваў аб перасяленні на Каўказ ім неабходна было пазначаць веравызнанне, мову і здольнасці сялян да агародніцтва, садоўніцтва і распрацоўкі непрыдатных надзелаў зямлі. Пры прадастаўленні хадайніцтваў аб перасяленні ў Прыамурскі край земскім начальнікам неабходна было збіраць звесткі аб тым, ці займаюцца сяляне рамёствамі або промысламі, хадайнічае аб перасяленні ўся сям'я або яе частка, высвятляць згоду на перасяленне членаў сям'і, якія дасягнулі паўналецця [2, арк. 159]. Гэтыя звесткі ўлічваліся пры выдачы прахадных пасведчанняў і пасведчанняў хадака.

Асабліваю ўвагу пры выдачы сведчанняў неабходна было надаваць «самавольцам», паколькі ўрад не заахвочваў спробы самавольнага перасялення сялян [5, с. 52]. Па прычыне частых выпадкаў самавольнага перасялення ў Сібір мясцовыя ўлады змянілі парадак выдачы пасведчанняў. У прыватнасці, мінскі губернатар аддаў распараджэнне земскім начальнікам

не выдаваць пасведчанні на перасяленне сем'яў і пасылку хадакоў у Прыамурскі край, а накіроўваць хадайніцтвы для далейшага разгляду ў губернскую прысутнасць. Пры гэтым земскія начальнікі павінны былі ўказваць, ці маглі гэтыя сем'і прадаць сваю маёмасць на суму ад 300 руб. На думку ўладаў, менавіта такая сума была неабходна для пабудовы дома на новым месцы [2, арк. 68].

Аднак «Часовыя правілы аб добраахвотным перасяленні сельскіх абывацеляў і мяшчан земляробаў на казённые землі» ад 6 чэрвеня 1904 г. і Найвышэйшае зацверджанае палажэнне Савета міністраў «Аб парадку прымянення ў 1906 годзе закона ад 6 чэрвеня 1904 г. аб перасяленні сельскіх абывацеляў» змянілі сітуацыю [6, с. 603]. Згодна з Часовымі правіламі сяляне-перасяленцы атрымалі льготы, у тым ліку вызваленне ад казённых і мірскіх збораў тэрмінам на пяць гадоў, ільготны тарыф для праезду на чыгуначным транспарце, адтэрміноўку ад воінскай павіннасці тэрмінам на тры гады. Асноўнай умовай для перасялення сялян згодна з Палажэннем з'яўлялася толькі адпраўка хадакоў для замацавання за імі зямельнага ўчастка незалежна ад іх маёмаснага становішча [6, с. 603–607].

Такім чынам, на земскіх начальнікаў былі ўскладзены дадатковыя паўнамоцтвы па кантролі і наглядзе за перасяленнем сялян на малазаселеныя тэрыторыі Расійскай імперыі. У іх абавязкі ўваходзіў збор падрабязных звестак і перадача іх са сваім заключэннем у губернскую прысутнасць для прыняцця рашэнняў. Акрамя таго, мясцовыя органы ўлады павінны былі дэталёва растлумачваць сялянам наступствы прынятага рашэння аб перасяленні, а таксама не дапускаць самавольнага перасялення.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2013. 333 с.
2. Циркуляры минского губернатора уездным земским начальникам и исправникам об усилении надзора и доставлении сведений о переселенцах и их семьях для разрешения ходатайств о переселении и о неповиновении крестьян помещикам // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 166.
3. Сведения о размере переселенческого движения по Минской губернии за 1901–1903 гг. // НГАБ. Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 120.
4. Переписка с земскими начальниками Минской губернии по ходатайствам крестьян о переселении в Сибирь. Посемейные списки крестьян // НГАБ. Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 176.
5. *Вережагин П. Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии: вторая половина XIX века. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. 144 с.
6. Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев на казенные земли: 6 июня 1904 г., № 24701 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. СПб., 1907. Т. 14. С. 603–607.

НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА МОЗЫРЩИНЕ В XIX–НАЧАЛЕ XX в.

М. А. Сузько

Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь, suzkomariya@mail.ru

В настоящей статье анализируется деятельность начальных школ в системе народного образования на Мозырщине в XIX–начале XX в. Проанализирована роль школ при православных храмах в XIX–начале XX в., которые являлись единственным возможным местом получения образования, и оказывали благотворное влияние на воспитание, образование православного населения на территории Беларуси.

Ключевые слова: народное образование; начальная школа; Православная церковь.

PRIMARY EDUCATION IN MOZYRSCHINE IN THE XIX–EARLY XX CENTURIES

M. A. Suzko

*State Educational Institution “Republican Institute of Higher School”,
st. Moskovskaya, 15, 220007, Minsk, Belarus, suzkomariya@mail.ru*

This article analyzes the activities of primary schools in the public education system in the Mozyr region in the 19th–early 20th centuries.

The role of schools at Orthodox churches in the 19th–early 20th centuries, which were the only possible place to receive education, and had a beneficial effect on the upbringing and education of the Orthodox population on the territory of Belarus lands, is analyzed.

Keywords: public education; primary school; Orthodox Church.

Православная церковь на протяжении веков заботилась о распространении грамотности среди населения. Вхождение территории Беларуси в состав Российской империи, где Православная церковь имела статус государственной религии открыла новые возможности деятельности церкви в сфере образования и просвещения [1, с. 286].

Целью данной статьи является определение состояния начальных школ в системе народного образования на Мозырщине в XIX–начале XX в. Отметим, что наиболее полно исторический контекст социальной трансформации белорусского общества в данный период представлен в монографии А. Г. Кохановского [3].

На территории Беларуси в XIX–начале XX в. основным типом начальных учебных заведений были церковные школы при Православных храмах, а именно церковно-приходские школы и школы грамоты, находившиеся в юрисдикции Православной церкви. Школа должна была развить у детей религиозное чувство в духе православной веры, привить им нравственные правила, которые сформируют впоследствии христианское

мышление, мировоззрение, привычки и поведение. Программа церковных школ включала изучение молитв, священной истории, катехизиса, церковно-славянское и гражданское чтение, письмо, счисление, церковное пение. Церковно-приходские школы были одноклассными и двухклассными. Обучали детей местные служители храма, а также могли обучать с утверждением епархиального архиерея учителя, за которыми наблюдали местные служители. Школ было немного, поэтому некоторые ученики приходили обучаться из соседних деревень. Распорядок дня в церковно-приходских школах не был единообразным. Обычно он включал в себя 5–6 занятий с перерывами, оканчивающихся в середине дня, а в младших группах их количества ограничивалось 3–4. В некоторых школах дети получали бесплатный обед, однако это не являлось повсеместным правилом и зависело от благосостояния школы. Подобное наблюдалось и в отношении медицинской помощи учащимся: в штате некоторых (большей части городских) школ имелся врач. Заболевшие ученики тотчас удалялись из школы и по выздоровлении без докторского свидетельства обратно не принимались [2, с. 201].

Обучение начиналось со славянской грамоты. После усвоения церковно-славянского алфавита приступали к изучению слогов, что являлось трудным занятием и растягивалось на целый год. Следующей книгой, которую изучали, был или часослов, или псалтырь. Следует отметить, что обучение чтению имело своей целью развитие в учениках благоговейного отношения ко всякой книге, в первую очередь богослужебной, но также и учебной. Однако критики отмечали и недостатки такого подхода: пониманию прочитанного, умению передать содержание своими словами часто не уделялось должного внимания. После освоения славянского чтения, как правило, приступали к чтению гражданской печати, к ним относились: книги светского характера, газеты и журналы. На втором году обучения обучали письму, которое преподавалось по желанию. Дети учились копировать буквы, слова, фразы и переписывать их с книги или с рукописи. Обучение арифметике ограничивалось сообщением со стороны учителя и усвоением со стороны учеников механизма основных арифметических действий с целыми числами. Пение было исключительно церковное, и изучалось по слуху. Учащиеся церковных школ, желавшие получить свидетельство об окончании курса начальной школы, а также льготу по воинской службе, сдавали экзамены специальной комиссии, в состав которой входил представитель Министерства народного просвещения.

Таким образом, школы при православных храмах первой половины XIX в. являлись единственным возможным местом получения образования, которые оказывали благотворное влияние на воспитание и образование православного населения на территории белорусских губерний.

Следует также указать на недостатки в школах: они характеризовались плохим материальным обеспечением, малоквалифицированными преподавательскими кадрами, упрощенной программой обучения, которая давала лишь элементарные знания.

Часто вместо церковно-приходских школ открывались школы грамоты, уровень образования в которых был значительно ниже. Различие этих типов школ было закреплено в 1884 г., когда были утверждены «Правила о церковно-приходских школах». Согласно правилам, утвержденным для школ грамоты, это были школы с 2–3-месячным сроком обучения. Учителями в таких школах могли быть крестьяне, окончившие двуклассную приходскую школу, а также все, те, кого священники считали достойными преподавать различными предметами в школе грамоты. Эти школы открывались приходскими священниками, и утверждались епархиальным архиереем. При школах грамоты действовали библиотеки, перечень книг в которых, был строго регламентирован книгами духовного содержания. Главная цель школ грамоты было не столько обучение грамоте, сколько воспитание верующих в духе православной веры и почтении к Богу [5, с. 230–231].

В XIX в. в Мозыре и Мозырском уезде были распространены церковно-приходские школы, можно сказать, что на тот момент это было единственным местом, где можно было получить начальное образование. Священнослужители не только поддерживали школы своими средствами, но и учили детей. С 1835 г. в Мозыре открыли одноклассное приходское училище, оно помещалось в наемном здании, содержание на нужды училища получали от Мозырской городской думы. В училище преподавали Закон Божий, чтение и также арифметику. Мозыряне неохотно отправляли детей (особенно девочек) в школу, так как многие считали, что это не было насущной необходимостью в крестьянском быту и дети должны помогать по хозяйству и дому. Содержание детей и школ часто было обременительно для крестьян. А священники, на чьи плечи возлагалась вся ответственность за содержание школ и училищ, не имели достаточных средств на их открытие и содержание.

В 1871 г. в Мозырском уезде было 22 церковно-приходские школы, в них обучались 276 мальчиков и 13 девочек. В 1884 г. были приняты «Правила о церковно-приходских школах», которые способствовали увеличению числа школ и их дальнейшему развитию. Согласно правилам, церковно-приходские школы — это начальные училища, которые открывались православным духовенством с целью утверждения в народе православного учения и сообщения полезных знаний. Цели школ остались прежними: утверждать в народе православную веру и полезные знания.

После принятия «Правил о церковно-приходских школах» во всех епархиях Беларуси начинается активная деятельность по поддержанию

имеющихся и открытию новых школ. Так с 1885/1886 учебного года в Мозырском уезде действовало 9 церковно-приходских школ и 58 школ грамотности, в которых обучались 962 учащихся. К концу века (в 1896 г.) в Мозыре проживало 10 453 жителя. Образование они могли получить только в двух учебных заведениях города: прогимназии и церковно-приходской школе. В 1903/1904 учебном году в Мозырском уезде действовало 29 церковных школ и 57 школ грамоты. Однако не все дети посещали школы, постоянной проблемой была нехватка денег на содержание, отсутствие необходимых учебников и оборудования, а образованность самим учителями не всегда соответствовала нормам и требованиям.

Во всех школах ученики ходили на богослужения в воскресные, праздничные и торжественные дни и под надзором учителей и священников участвовали в чтении и пении.

Интересные данные по развитию церковно-приходских школ можно найти в периодической печати, в частности, в газете «Минские епархиальные ведомости» подчеркнуто, что в одной из церковно-приходских школ, открытых протоиреем А. Савичем введено церковное пение, в котором мальчики настолько усовершенствовались, что под управлением своего учителя, поют иногда обедни в городском соборе, принимая при этом участие в церковном чтении. Видя, какую великую пользу приносят церковно-приходские школы, прихожане с большей охотой стали посылать в них своих детей, принося посильные пожертвования и на их содержание [4]. Церковный характер принимали и повседневные утренние и вечерние молитвы детей. Во многих школах кроме обычного классного пения молитв образовывались церковные хоры, поющие все церковные службы в местных храмах. При изучении предметов церковной школы учителя религиозно-нравственное воспитание учащихся старались соединить с практическим усвоением сведений по каждому из предметов.

Возникновение и развитие церковных школ на территории Беларуси, в частности в Мозырском уезде в XIX–начале XX в. протекало в непростых условиях, которые в целом отражались на социально-экономические процессы, происходившие в это время в Российской империи [6, с. 125].

Тем не менее, со стороны церкви и прежде всего властей было очевидным понимание необходимости образования. Большая работа проводилась по разъяснению крестьянам важности и значения грамоты. Конечно, знания, которые давали церковные учебные заведения, были элементарным, но в условиях неграмотности населения недооценивать их нельзя. Политика правительства в сфере образования привела к тому, что в начале XX в. на территории Беларуси начальные школы, находившиеся под ведением Православной церкви, стали самым распространенным типом

начальных учебных заведений. Несмотря на отсутствие должного финансирования, проблему подготовки квалифицированных преподавательских кадров, качество усвоения предметов, церковные школы сыграли существенную роль в распространении начального образования в исследуемый период.

Библиографические ссылки

1. Г. Мозырь, Минской губерніи // Минские епархиальные ведомости. 1887. № 12: Часть неофициальная. С. 286–288.
2. История белорусской государственности: учеб. пособие / И. А. Марзалюк, А. Г. Кохановский, С. Н. Ходин [и др.]; под общ. ред. И. А. Марзалюка. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2024. 223 с.
3. *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2013. 335 с.
4. Кончина и погребение въ Бозѣ почившаго Преосвященнѣйшаго Епископа Варлаама // Минские епархиальные ведомости. 1889. № 11: Часть неофициальная. С. 288–301.
5. *Макарий.* История Русской церкви: [в 9 кн.] / Макарий (Булгаков), митрополит Моск. и Коломен.; вступ. ст. С. А. Беляева. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1994–1997. [Кн. 8], ч. 1: История Русской церкви, 1700–1917 / И. К. Смолич. 1996. 798 с.
6. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. Энцыкл. Мінск: Беларус. Энцыкл., 1993–2003. Т. 2 / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. 1994. 533 с.

ЗЛАЧЫНСТВЫ СУПРАЦЬ ЖЫЦЦЯ І ЗДАРОЎЯ ЖАНЧЫНЫ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ: ЗАКАНАДАЎЧАЯ РЭГЛАМЕНТАЦЫЯ (другая палова XVI–XVII стст.)

П. Л. Сянько

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, senkopolina04@gmail.com*

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці рэгламентацыі злачынстваў супраць жыцця і здароўя ў крымінальным заканадаўстве Вялікага Княства Літоўскага другой паловы XVI–XVII стст., датычныя праваздольнасці жанчын розных саслоўных груп, іх абароненасці. У якасці асноўных крыніц для аналізу выкарыстоўваюцца Статуты Вялікага Княства Літоўскага 1566 і 1588 гг. Робяцца высновы аб спецыфіцы становішча жанчыны ў рамках крымінальнага заканадаўства, аб перавазе саслоўнага і рэлігійнага фактара над гендарным, а таксама аб працэсуальных адрозненнях у вырашэнні крымінальных і грамадзянскіх справаў.

Ключавыя словы: крымінальнае права; Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 г.; Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЖЕНЩИНЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ (вторая половина XVI–XVII вв.)

П. Л. Сенько

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, senkopolina04@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности регламентации преступлений против жизни и здоровья в криминальном законодательстве Великого Княжества Литовского второй половины XVI–XVII вв., касающиеся правоспособности и защищённости женщин разных сословных групп. В качестве основных источников для анализа используются Статуты Великого Княжества Литовского 1566 и 1588 гг. Делаются выводы о специфике положения женщины в рамках криминального законодательства, о доминировании сословного и религиозного факторов над гендерным, а также о процессуальных отличиях в решении криминальных и гражданских дел.

Ключевые слова: криминальное право; Статут Великого Княжества Литовского 1566 г.; Статут Великого Княжества Литовского 1588 г.

CRIMES AGAINST THE LIFE AND HEALTH OF WOMEN IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA: LEGISLATIVE REGULATION (second half of the XVI–XVII centuries)

P. L. Sianko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, senkopolina04@gmail.com*

The article examines the specifics of the regulation of crimes against life and health in the criminal legislation of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the XVI–XVII centuries, concerning the legal capacity of women of various class groups and their protection. The main sources for the analysis are the Statute of 1566 and 1588. Conclusions are drawn about the specifics of the position of women in criminal law, the predominance of class and religious factors over gender, as well as procedural differences in solving criminal and civil cases.

Keywords: criminal law; Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1566; Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588.

Гвалт у шматлікіх яго праяўленнях займаў даволі істотнае месца ў грамадстве Вялікага Княства Літоўскага другой палове XVI–XVII стст. Жанчына ў грамадстве ВКЛ часта становілася ахвярай як злачынстваў, якія нясуць шкоду жыццю і здароўю (нанясенне фізічных пашкоджанняў, забойства), так і так званых «палавых злачынстваў» — сексуальнага гвалту. Рэгуляванне крымінальных злачынстваў супраць грамадскай маралі, а таксама супраць жыцця, здароўя і гонару займала істотнае месца ў статутавым праве.

У ступені цяжкасці пакарання за нанясенне цялесных пашкоджанняў вялікую ролю граў саслоўны фактар: прычыненне шкоды шляхціцам простаму чалавеку каралася не так строга, як адваротны выпадак. Навязкі і галаўшчызны (грашовыя штрафы) за адно і тое ж злачынства, здзейсненае ў бок прадстаўнікоў розных саслоўяў (прывілеяванага і непрывілеяваных) адрозніваліся памерам; смяротнае пакаранне, турэмнае ўвязненне, ганебныя формы пакарання (прэнг, лупцаванне) таксама прысуджаліся не толькі паводле даказанай віны, але і паводле саслоўнай прыналежнасці абвінавачанага.

Статут уводзіў узаемасувязь паміж цяжкасцю злачынства і цяжкасцю пакарання. Нягледзячы на пэўную непаслядоўнасць і няпоўнасць крымінальнага закона, нормы, датычныя фізічнага гвалту, з'яўляюцца, верагодна, найбольш разнастайнымі і падрабязнымі [3, с. 131]. Гэта праявілася, у тым ліку, у распрацоўцы нормаў, якія датычыліся толькі жанчын (некаторыя, яшчэ больш эксклюзіўныя — толькі шляхцянак). Звужэнне нормаў, драбленне аднаго і таго ж закону на часткі ў залежнасці ад зменаў

у складзе злачынства з'яўляюцца паказальнікам памкнення заканадаўцы ўлічыць усе магчымыя варыянты развіцця падзей, забяспечыць суд як мага больш дакладным алгарытмам дзеянняў, прыняць ва ўвагу папярэднія прэцэдэнты. Таксама гэта можа сведчыць пра ўзровень распаўсюду і разнастайнасць формаў фізічнага гвалту ў грамадстве.

Варыятыўнасць апісаных Статутам злачынстваў, датычных нанясення фізічнай шкоды, даволі высокая. У рэдакцыі 1588 г. асабліва падрабязна разглядаюцца розныя варыянты цялеснай шкоды, нанесеныя шляхціцу ці шляхціцянцы. Адным з фактараў падвышанай увагі да некаторых відаў пабояў можна назваць парушэнне шляхецкага гонару і ганебнасць агрэсіі, здзейсненай аднабакова, не ў «справядлівай» двухбаковай бойцы. Да «ганебных» праяваў гвалту, якія ў першую чаргу ўяўлялі сабой непавагу да пацярпелага, можна аднесці адразанне вуха, носа ці вуснаў (што з'яўлялася, напрыклад, рэгламентаваным Статутам пакараннем для зводнікаў [6, с. 206]); лупцаванне бізуном, пугай, кісцянем, дубцом; аплявуха, выдзіранне барады і вусаў. Падобныя злачынствы характарызаваліся замахам на «зелживость стану шляхетского», за іх пацярпеламу мусіла выплочвацца дадатковая навязка ў якасці «маральнай кампенсцыі» [6, с. 166]. Другім фактарам магла стаць шкода здароўю: асобна рэгламентавалася пакаранне і штрафы за цяжкія пашкоджанні галавы і твару, адразанне канцавін. За фізічную агрэсію, праяўленую ў бок жанчыны шляхецкага паходжання, галоўшчына і навязкі мусілі выплочвацца ў падвойным памеры. Гэта магло быць звязана з тым, што традыцыйна жанчына ўспрымалася фізічна слабейшай за мужчыну, а таксама не мела права на нашэнне зброі, каб сябе абараніць у выпадку праявы гвалту. Да гэтага, паняцце жаночай шляхецкай годнасці, верагодна, было менш аўтаномным за паняцце годнасці мужчынскай: яно магло распаўсюджвацца не толькі на яе саму, але і на сям'ю (бацькоўскую ці ўласную). Абразы, нанесеныя мужу, не становілася абразай жонкі; пры гэтым, абразы гонару жонкі становілася ўдарам і па рэпутацыі мужа. Праз гэта, у тым ліку, грашовая кампенсцыя магла падвойвацца.

Навязкі і галаўшчызны людзей «простых» — мяшчан і сялян — адрозніваліся меншым памерам; фармальна роўнасць усіх перад законам заканадаўцам разумелася спецыфічна: зноў жа, за адно і тое ж злачынства шляхціц і мешчанін, як правіла, атрымлівалі розныя пакаранні. Так, паводле Статута 1588 г., галаўшчызна за забойства шляхціца складала 100 коп літоўскіх грошай [6, с. 166]. Пры гэтым, грашовы штраф за гвалт, праяўлены ў бок прадстаўніка прывілеяванага саслоўя фактычна не меў дэферэнцыяцыі: шляхта ў дадзеным выпадку выступае як маналітная група, дзе кожны прадстаўнік фармальна мае аднолькавае прававое становішча.

Сітуацыя з сялянствам і мяшчанствам супрацьлеглая: Статут уводзіць для кожнай групы «паспалітага людз» асобныя памеры галаўшчызны і навязак, чым падкрэсліваюцца адрозненні ў статусе, у першую чаргу, розных прафесійных груп. Так, найбольшы памер галаўшчызны прысуджаўся за забойства панцырнага слугі (60 коп грошай) і путнага слугі (50 коп). За цяглага селяніна прысуджалася 25 коп грошай [6 с. 182]. Навязкі і галаўшчызны мяшчан мелі дэферэнцыяцыю як паводле прафесійнай дзейнасці (напрыклад, штраф за забойства рамесніка быў больш, чым за забойства шэраговага мяшчаніна), так і па памеры горада, а таксама па наяўнасці ў ім самакіравання [6, с. 159, 160].

Галаўшчызна і навязка за забойства жанчыны напрамую залежала ад яе саслоўнага і матрыманняльнага статусу. Па-першае, галаўшчызна за замужнюю жанчыну фактычна ў любым выпадку (некалькі спецыфічных агаворак разглядаюцца ніжэй) складала падвойную галаўшчызну яе мужа. Напрыклад, забойства цяглай сялянкі, жонкі цяглага селяніна, каралася штрафам у 50 коп грошай, забойства шляхцянке — у 200 коп, жонкі вайта ці лаўніка горада без самакіравання — 80 коп і г. д. Падобная сітуацыя магла скласціся, зноў жа, праз успрыняцце агрэсіі супраць жанчыны як агрэсіі супраць яе мужа, замах на яго сферу адказнасці і інтарэсаў. Пры гэтым галаўшчызна за забойства непрывілеяванай жанчыны, якая ніколі не знаходзілася ў шлюбе, складала толькі 20 коп грошай; такі памер штрафу ўсталёўваўся, напрыклад, за забойства нявольнага чалядніка або палоннага [6, с. 159]. Заканадаўства, такім чынам, не магло ацаніць «каштоўнасць» жыцця пэўнай жанчыны, калі яна знаходзілася ў неадпаведным матрыманняльным статусе. Выключэннем з'яўляліся жанчыны-рамесніцы: так, галаўшчызна майстрыхі залатога шыцця складала 30 коп грошай (як і для ўсіх рамеснікаў, незалежна ад полу). Асобна выносіцца штраф за забойства шынкаркі: ён быў такім жа, як і за незамужнюю жанчыну — 20 коп.

Дадатковым фактарам, які ўплываў на памер грашовага штрафу, з'яўлялася рэлігійная прыналежнасць пацярпелага. Як правіла, правы нехрысціян у пэўнай ступені абмяжоўваліся. Так, для жонак татараў дзейнічаў той жа прынцып падвойвання галаўшчызнаў і навязак іх мужоў. Паводле Статута 1566 г., галаўшчызна для жонак знатных татараў складала столькі ж, колькі галаўшчызна замужняй жанчыны-шляхцянке — 200 коп грошай. Пры гэтым, штраф за забойства шэраговага татарына быў меншым нават за штраф нявольніка-хрысціяніна і складаў 12 коп. Галаўшчызна жонкі простага татарына складала 24 капы грошай. У Статуце 1588 г. сума галаўшчызны падымаецца да 20 і 40 коп [5, с. 194; 6, с. 184]. Галаўшчызна за забойства яўрэя ці яўрэйкі ўвогуле не ўводзіцца, злачынцу магло прысуджацца толькі смяротнае пакаранне [6, с. 183].

Падача скаргі на цялесныя пашкоджанні, здзейсненыя ў дачыненні да жанчыны, магла мець некалькі варыянтаў. Самы распаўсюджаны з іх — функцыі істца пераймае мужчына, які тым ці іншым чынам нясе адказнасць за пацярпелую. Напрыклад, у выпадку збіцця нявыдзеленай дачкі, якая жыве ў бацькоўскім доме, судовы іск можа падаваць бацька; у выпадку збіцця замужняй жанчыны — яе муж, жанчыны-ўдавы — сын, брат, законны апекун. Такім чынам, мужчына-муж ці мужчына-бацька здзяйсняе свае апекунскія паўнамоцтвы, якія абавязваюць яго прадстаўляць інтарэсы пацярпелай у судзе. Падобная практыка з'яўляецца праявай працэсуальных адрозненняў у разглядзе грамадзянскіх і крымінальных спраў: у працэсе па маёмасных ці шлюбна-сямейных пытаннях жанчына, як правіла, амаль заўсёды падае іск ад сваёй асобы і з'яўляецца фактычным істцом (адвакат, які непасрэдна выступае ў судзе, «замяняючы» аўтарку іска, з'яўляецца толькі правадніком яе волі, але не непасрэдным ініцыятарам разбіральніцтва). Крымінальны працэс, у пэўнай ступені, пазбаўляе жанчыну той «самастойнасці», якую яна мела ў грамадзянскім працэсе. Гэта магло звязвацца як з няздольнасцю пацярпелай удзельнічаць у разбіральніцтве праз цяжкі фізічны стан, так і з пэўным атаясамленнем злачынства супраць жанчыны са злачынствам супраць мужчыны, які нясе за яе адказнасць. Пэўныя паралелі можна правесці са спрэчкамі праз абразу гонару: у большасці выпадкаў распачынае справу менавіта не сама абражаная, а яе муж (напрыклад, справа Івана Паўлавіча і Ядзвігі Мартынаўны супраць Бартламея Кураеда [1, с. 90]; справа Яна Захар'яшавіча і Дароты Памушскай супраць Станіслава і Венцлава Памушскіх [1, с. 90]).

У дачыненні да прыгонных сялянаў, слуг, служэбнікаў і іншых катэгорый простага насельніцтва самым распаўсюджаным варыянтам была скарга праз свайго гаспадара ці гаспадыню. Гаспадар, адказны за сваіх падданных, набываў рысы абаронцы і апекуна. Пры гэтым, большасць спраў падобнага зместу мелі ў складзе злачынства не толькі фізічны гвалт, але, як правіла, маёмасныя страты. Шкода, якая такім чынам была нанесеная гаспадару, была ўскоснай, але закранала яго маёмасныя правы, што з'яўлялася падставай да зацікаўленасці шляхты ў судовай абароне сваіх падданных. Жанчына ў падобных выпадках магла знаходзіцца з абодвух бакоў: як у ролі гаспадыні (справа Альжбеты Шомавай супраць Яна і Мальхера Пятровічаў [1, с. 40]), так і ў ролі служанкі ці прыгоннай.

Самастойна ў якасці істца жанчына магла выступаць, калі была ўдавой ці ўступіла ў другі, трэці шлюб. Таксама ролю грала саслоўная прыналежнасць: як правіла, адносную самастойнасць у рэалізацыі сваіх правоў мелі шляхцічкі і мяшчанкі; сялянкі, як прадстаўніцы феадальна-залежнага насельніцтва, самастойна падаваць іскі не маглі. Яшчэ адной катэгорыяй

насельніцтва, якая амаль заўсёды выпадала з прававога поля, была так званая чэлядзь нявольная і палонныя. Жанчыны шляхецакага і мяшчанскага паходжання, як найбольш праваздольныя ў сферы крымінальнага права, маглі або падаваць іск самастойна, або перадаваць гэты абавязак сваім прадстаўнікам: «умацованым», «прыяцелям» — адвакатам (справа зямлянкі Ганны Хршчановіч супраць Яна Вайцяховіча [1, с. 31]; справа мяшчанкі Аўдоцці Семяноўскай супраць уводу ў яе дом Астапка і Аляхна Рудніцкіх [2, с. 443]).

У разглядзе справаў па нанясенні фізічнай шкоды ці калецтва немалаважным з’яўляецца фактар замаху на маёмасныя правы пацярпелай. Фактычна, у большасці выпадкаў падобныя справы маюць пашыраны склад злачынства і нярэдка могуць спалучаць у сабе элементы як крымінальнага, так і зямельнага ці шлюбна-сямейнага права. Рэгламентацыя маёмасных правоў і іх абарона з’яўляліся адным з найбольш распрацаваных аспектаў статутавага заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага. Права на валоданне нерухомай маёмасцю ўваходзіла ў пералік шляхецкіх прывілеяў, вызначала месца асобы ў грамадстве. Маёмасны статус меў непасрэдны ўплыў на ўзровень праваздольнасці чалавека, незалежна ад яго палавой прыналежнасці: так, у сярэднім, жанчына-шляхцянка, надзеленая правам трымання прыватнай уласнасці паводле саслоўнай прыналежнасці, пры разглядзе грамадзянскіх справаў у судзе мела больш рычагоў для абароны сваіх правоў, чым мужчына з непрывілеяваных слаёў грамадства. Асноўным для заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага з’яўляўся саслоўны, а не гендарны фактар, чым абумоўлівалася дастаткова шырокая аўтаномія жанчыны-шляхцянки ў рамках судовага працэсу па грамадзянскіх, зямельных, шлюбна-сямейных справах.

Выпадкі праяўлення фізічнай агрэсіі ў рамках шлюбу не рэгламентаваліся. Пры гэтым, пакаранне за забойства аднаго сужэнца другім у Статут уводзілася: за здзяйсненне падобнага злачынства прадугледжвалася пазбаўленне жыцця [5, с. 181; 6, с. 160]. Але смяротнае пакаранне магло быць адмененае ў тым выпадку, калі абвінавачаны прадстаўляў у судзе сведчанні «худога сужыцця» з забітым. Характарыстыкі «худога сужыцця» у тэксе артыкула не пералічваліся, але трэба думаць, што да іх маглі адносіцца ў тым ліку пабоі, абмежаванне эканамічнай свабоды, шлюбная здрада. «Худое сужыццё» згадвалася, напрыклад, і ў норме, якая рэгламентавала права на развод: там таксама не прыводзіцца падрабязны спіс аспектаў, якія маглі б паўплываць на рашэнне аднаго з сужэнцаў разарваць шлюб [6, с. 115]. У падобных выпадках у судзе маглі выкарыстоўвацца нормы кананічнага права, якія дапускалі развод, калі мужчына праз фізічныя хібы быў здольны зачаць дзяцей [4, с. 28].

Такім чынам, можна сказаць, што статутавае права прапаноўвала дастаткова шырокую варыятыўнасць нормаў, датычных злачынстваў супраць жыцця і здароўя. Асноўная частка законаў распаўсюджвалася на падданных Княства незалежна ад гендарнай прыналежнасці; больш істотную ролю гралі саслоўны і рэлігійны фактары. Але некаторую частку нормаў можна аднесці да спецыфічна «жаночай». Увогуле, жанчына ў рамках крымінальнага заканадаўства ВКЛ другой паловы XVI–XVII стст. існавала, фактычна, у дзвюх адрозных плоскасцях. У справах, якія разглядалі выпадкі фізічнай агрэсіі, гвалту, замаху на жыццё жанчына, як правіла, выступала ў якасці аб’екта, які патрабаваў абароны, бо не мела сродкаў і магчымасцяў для таго, каб абараніць сябе самастойна. Пры гэтым справы, якія мелі рысы злачынстваў супраць маёмасці і маёмасных правоў, давалі жанчыне, амаль той жа ўзровень самастойнасці, што і працэс па грамадзянскім і зямельным праве. Маёмасная скіраванасць злачынства дазваляла жанчыне больш поўна выкарыстаць свой прававы патэнцыял.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Акты Виленской археографической комиссии: в 39 т. / председатель: Ю. Крачковский. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1899. Т. 26: Акты Упитского гродского суда. 646 с.
2. Акты Виленской археографической комиссии: в 39 т. / председатель: Я. Головацкий. Вильна: Тип. Губернского Правления, 1872 г. Т. 6: Акты Брестского городского суда, акты Брестского Подкоморского суда, акты Брестской Магдебургии, акты Кобринской Магдебургии, акты Каменецкой Магдебургии. 742 с.
3. Доўнар Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стст. Мінск: Пропілеі, 2000. 224 с.
4. Сліж Н. У. Практыка разводаў у Вялікім Княстве Літоўскім у 16–18 ст. // Гістарычны альманах; рэд. А. Краўцэвіч. Гродна, 2009. Т. 15. С. 14–34.
5. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; Рэдкалегія Т. І. Доўнар і інш. Мінск: Тэсей, 2003. 352 с.: іл.
6. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 / Пер. на суч. бел. мову А. С. Шагун. Мінск: Беларусь, 2002. 207 с.: іл.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕТСКИХ ДОМОВ БССР В 1920-е гг.

И. Г. Тельпук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Ilyatsialpuk001@mail.ru*

В статье анализируется материальное обеспечение детских домов БССР в 1920-е гг., оказавшееся в глубоком кризисе из-за последствий войн и хозяйственной разрухи. Базу исследования представляют материалы Национального Архива Республики Беларусь.

Ключевые слова: БССР; детские дома; материальное обеспечение; Наркомсобес.

MATERIAL SUPPORT OF CHILDREN'S HOMES IN THE BSSR DURING THE 1920s

I. G. Telpuk

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Ilyatsialpuk001@mail.ru*

The article analyzes the material support of children's homes in the BSSR during the 1920s, which found itself in deep crisis due to the consequences of wars and economic devastation. The research is based on materials from the National Archives of the Republic of Belarus.

Keywords: BSSR; children's homes; material support; Narkomsobes.

Территория Беларуси в результате боевых действий Первой мировой, Польско-советской войн понесла огромные материальные потери, вызвавшие на территории страны социальную катастрофу. Одной из важных проблем стал резкий рост детской беспризорности. Бремя послевоенного восстановления и налаживания мирной жизни, включая заботу о тысячах осиротевших детей, легло на плечи новообразованного советского государства в условиях крайней экономической разрухи.

Как отмечал нарком социального обеспечения Беларуси в своем письме написанном в январе 1922 г. в Наркомат социального обеспечения РСФСР, белорусский край был «разорен до крайности»: «До 190 000 человек раздеты и разуты, до 20 000 крестьянских хозяйств сожжены и разрушены. Процент безлошадных хозяйств доходит до 55–66 %, эпидемии всех видов свирепствуют в огромных размерах... Самостоятельных ресурсов у Белоруссии не имелось и не имеется, так как в крае промышленность, особенно мануфактурная, была всегда ничтожно развита, а сейчас совершенно разрушена» [1, л. 5]. В этих условиях начала формироваться сеть детских домов Беларуси.

В сентябре 1922 г. в Минске насчитывалось 28 детских домов различных типов: 22 детских дома, 1 приемник, 1 коллектор, 1 реформаториум, 1 школа для слепых, 1 школа для глухонемых и колония «Осово» [2, л. 16]. В них содержалось 1746 детей [2, л. 15].

Всего летом 1922 г. на государственном содержании в детдомах Беларуси находились 4207 детей [2, л. 5].

Острая нехватка предметов обеспечения была повсеместной. По данным Наркомата снабжения Беларуси, в сентябре 1922 г. только для детских домов Минска требовалось: 200 кроватей, 1000 матрасов, 2871 простынь, 695 одеял, 2871 наволочка и 2855 полотенец. Не хватало 8100 рубах и кальсон, 3500 пар обуви и десятков тысяч других единиц довольствия [2, л. 28]. По Беларуси эти цифры были значительно выше [2, л. 28]. При этом, особенная потребность была в обуви и верхней одежде.

Комиссия, проверявшая в 1923 г. детскую колонию «Анополь» Минского уезда, констатировала: «За лето никакого ремонта в доме не было, стекла побиты... печи не все в исправности, ни одна дверь не имела ручки. Всюду грязь, паутина. Внешний вид спален ужасен — полное отсутствие простыней, подушек, затасканные грязные тюфяки, из которых сыпалась какая-то труха, паразиты кишели в одеялах. Дети грязные, с длинными всклокоченными волосами, паразиты на одежде, в голове. Бани не было около двух месяцев, белье не стиралось — дров не было. Спальни не отапливались — всюду холод, сырость. Питание отвратительное — капуста на обед изо дня в день и гнилая картошка, которую дети выкидывали из супа. Были дни, когда дети оставались без хлеба. Дом был погружен во мрак, ни одной лампы, только две коптилки. Помещения для школьных занятий не было, дети занимались, сидя на кроватях. Врач, прикрепленный к колонии, от систематического лечения детей отказался, ссылаясь на отсутствие времени» [3, с. 111].

В этих условиях советская власть была вынуждена искать пути решения проблемы. Одной из ключевых мер стала передача детских домов на иждивение государственных учреждений и предприятий («шефство»). К сентябрю 1922 г. в Минске из 28 детских домов 11 находились под попечительством различных организаций. Например, Союз деревообделочников содержал 22 ребенка, 21-й кавалерийский корпус — 29, Наркомюст — 10, Наркомпродбел — 40 детей [2, л. 14]. Эта практика улучшала материальное положение переданных на шефство учреждений.

Другим методом улучшения материального положения детских домов стало создание при детдомах собственной производственной базы. При них организовывались мастерские: швейные, сапожные, столярные и др. Детские учреждения строились как средства трудового воспитания.

Ярким примером стали детские трудовые сельскохозяйственные коммуны, организованные, в частности, Могилевским окружным отделом народного образования. Под эти коммуны были отведены четыре фермы с 350 десятинами земли, садом, инвентарем и мастерскими для обучения ремеслам [4, с. 78]. К 1929 г. в детских домах республики насчитывалось уже 80 различных мастерских [4, с. 78].

Еще одно направление облегчения положения детей в Беларуси была передача их на воспитание частным лицам, особенного размаха эта практика достигла после эвакуации в Белоруссию детей из Поволжья. Так, отмечалось, что 100 детей из минских детдомов в 1923 г. находились на воспитании частных лиц [5]. Частное лицо в отношении опекаемого становилось его временным опекуном. Но, как отмечает Е. Н. Бусел-Кучинская «К сожалению, обострение финансового и продовольственного кризиса вынуждало опекунов возвращать детей в учреждения социального воспитания» [6, с. 14].

Несмотря на собственные крайне ограниченные ресурсы, в 1922 г. БССР приняла 2257 детей из голодающих губерний России, что увеличило общее число детей в детдомах до 5843 человек [7, л. 30]. Это еще более усугубило ситуацию с обеспечением.

Нельзя не упомянуть роль благотворительных организаций в помощи детским домам БССР. В Национальном архиве Республики Беларусь, хранятся документы свидетельствующие о масштабной помощи со стороны иностранных благотворительных организаций. В первую очередь — Американская администрация помощи (АРА) и Американского общества квакеров. В своем обращении Замнаркомпрос Белоруссии к Американскому обществу квакеров констатировал: «Все детские учреждения Наркомпроса с самого момента их организации, вследствие истощения края, предшествующими военными событиями, находились до оказания Вашей помощи в крайне тяжелом материальном положении. С принятыми Вами на себя забот по улучшению быта детских домов тяжесть их положения, главным образом в вопросе питания, была в значительной степени смягчена. Но в ином положении продолжает оставаться в деле снабжения их одеждой, постельными принадлежностями и другими вещами, необходимыми в жизни детских домов. Справиться с этой частью снабжения самостоятельно, при крайне скудных денежных средствах и полном отсутствии материальных, а главным образом в связи с огромным притоком детей из голодающих губерний, прибывших в полураздетом виде, Наркомпрос лишен всякой возможности, и поэтому большинство детских домов и по настоящее время продолжают оставаться все в том же тяжелом положении, без одежды и других необходимых вещей» [2, л. 6].

Сохранилось множество документов, свидетельствующих о передаче тысяч единиц довольствия, пайков, медикаментов детским домам БССР. Так например, известны поставки 898 одеял, 168 простыней, 224 полотенец, 2075 фунтов мыла, 1 аптечки, 74 кг какао, 270 кг сахара, 1595 кг муки, 1300 литров молока от АРА для детских домов Минска в октябре 1922 г. [2, л. 28; 7, л. 57].

Материальное обеспечение детских домов БССР в 1920-е гг. происходило в условиях глубочайшего кризиса, вызванного последствиями войн и хозяйственной разрухи. Государство, провозгласившее заботу о детях своей непосредственной обязанностью, на практике, в силу объективных причин, не имело ресурсов для ее полноценного выполнения.

Ключевыми факторами, определившими специфику становления системы детских домов, стали:

- Массовый характер детской беспризорности, усугубленный приемом более 2000 детей из голодающих регионов РСФСР.
- Системный дефицит предметов обеспечения — от постельных принадлежностей до одежды и обуви.
- Низкие санитарно-гигиенические условия содержания детей.

Ответом на вызовы стали меры по децентрализации обеспечения через систему шефства и упор на трудовое воспитание и самообеспечение, что заложило основу для всей последующей советской модели организации детских домов. Определенную роль сыграла помощь иностранных организаций как АРА и квакеров.

Несмотря на все усилия, вплоть до конца 1920-х гг. материальная база этих учреждений оставалась слабой, а условия содержания — тяжелыми. Однако на протяжении 1920-х гг. сеть детских домов не только расширялась, но и организационно укреплялась.

В 1924–1925 гг. в БССР насчитывалось 2695 беспризорных детей, в 1925–1926 гг. их количество достигло 5000 человек [4, с. 78]. Наркомпросу и его местным органам, несмотря на трудности, удалось не только стабилизировать сеть детских домов, но и достичь значительных успехов в борьбе с беспризорностью. В 1926 г. в 73 детских домах содержалось 5660 детей, в 1927 г. — 6041, столько же их было и в 1928 г. [4, с. 78].

Опыт 1920-х гг. стал важным этапом в формировании советской системы социального обеспечения. Организационные и материальные основы, заложенные в 1920-е гг., позволили к 1938 г. создать в БССР разветвленную сеть из около 100 детских домов различных типов [8] и существенно улучшить их материальное обеспечение.

Библиографические ссылки

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 102. Министерство социального обеспечения Республики Беларусь, г. Минск. О. 1. Д. Сведения о учреждениях соцобеспечения в БССР.
2. НАРБ. Ф. 42. Министерство просвещения (Минпрос) БССР, г. Минск. О. 1. Д. 199. Переписка с американским обществом «АРА» и квакеров об оказании помощи детским учреждениям Наркомпроса БССР и сведения о количестве детей в детских домах БССР.
3. *Соловьянов А. П.* Воспитательные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в 1920-е годы // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 4(79). С. 109–114.
4. *Куракевіч Н. І.* Удзел настаўніцтва ў грамадска-палітычным жыцці БССР у 20–30 гг. XX ст. // Народная асвета. 2022. № 7. С. 77–79.
5. Известия Всероссийского центрального комитета советов. 1925 г. 27 мая. № 110.
6. *Бусел-Кучинская Е. Н.* Детский дом как основной институт социализации детей-сирот в первой половине 1920-х годов: опыт Витебской губернии // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е, Педагогические науки. 2021. № 15. С. 12–15.
7. НАРБ. Ф. 42. Министерство просвещения (Минпрос) БССР, г. Минск. О. 1. Д. 5. Список учебных заведений БССР.
8. Забота о детях / Правда. 1938. 14 фев. С. 4.

МЕДЫЦЫНСКІ ДАГЛЯД АСМАНСКІХ ВАЕННАПАЛОННЫХ НА ТЭРЫТОРЫІ ГРОДЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІ Ў ПЕРЫЯД ВАЙНЫ 1877–1878 гг.

А. І. Шпілеўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, his.shpilevsAI@bsu.by*

У дадзеным артыкуле разгледжана пытанне арганізацыі медыцынскага дагляду за асманскімі ваеннапалоннымі, размешчанымі на тэрыторыі Гродзенскай губерні ў перыяд вайны 1877–1878 гг. Ахарактарызаваўся геаграфія рассялення палонных па губерні і распаўсюджанне хваробаў у іх шэрагах. Вызначаны маштабы эпідэміялагічнай небяспекі ў месцах размяшчэння ваеннапалонных і яе адбітак на сістэму аховы здароўя ў рэгіёне.

Ключавыя словы: Гродзенская губерня; Асманская імперыя; ваеннапалонныя; XIX ст.; руска-турэцкая вайна 1877–1878 гг.

МЕДИЦИНСКИЙ УХОД ЗА ОСМАНСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ НА ТЕРРИТОРИИ ГРОДЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

А. И. Шпилевский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, his.shpilevsAI@bsu.by*

В данной статье рассматривается вопрос организации медицинского ухода за османскими военнопленными, размещёнными на территории Гродненской губернии в период войны 1877–1878 гг. Охарактеризованы география расселения военнопленных по губернии и распространение болезней среди них. Определены масштабы эпидемиологической опасности в местах размещения военнопленных и её влияние на систему здравоохранения региона.

Ключевые слова: Гродненская губерния; Османская империя; военнопленные; XIX в.; Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

MEDICAL CARE OF OTTOMAN PRISONERS OF WAR IN THE TERRITORY OF HRODNA GOVERNORATE DURING THE WAR 1877–1878

A. Shpileuski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, his.shpilevsAI@bsu.by*

This article examines the issue of organizing medical care of Ottoman prisoners of war located in the territory of the Hrodna Governorate during the war of 1877–1878. The geography of the settlement of prisoners in the Governorate and the spread of diseases among

them are described. The scale of the epidemiological danger in the places where prisoners of war were located and its impact on the health care system in this region.

Keywords: Hrodna Governorate; Ottoman Empire; prisoners of war; 19th century; Russo-Turkish War of 1877–1878.

У перыяд вайны 1877–1878 гг. на тэрыторыі Беларусі было размешчана каля 9 тысяч асманскіх ваеннапалонных. Сярод 5 беларускіх губерняў, найбольшую колькасць палонных прыняла Гродзенская. На піку ў яе межах было размешчана каля 2,6 тысяч ваеннапалонных [1, с. 122].

Размяшчэнне такой колькасці ваеннапалонных стала істотным выклікам для сацыяльнай інфраструктуры гарадоў губерні. У кароткі тэрмін мясцовыя ўлады мусілі арганізаваць прастору для рассялення тысяч палонных, іх харчаванне, медыцынскі дагляд і г. д.

Уладкаванне медыцынскага дагляду стала адным з самых вострых пытанняў, паколькі датычылася не толькі саміх палонных, але і мясцовага насельніцтва, сярод якога яны былі размешчаны. Гэтая праблема была ўласціва не толькі Гродзенскай губерні, аднак у яе межах яна мела сваю спецыфіку.

Размяшчэнне асманскіх ваеннапалонных на тэрыторыі губерні пачалося ў лістападзе 1877 г., калі невялікія партыі асманскіх афіцэраў былі расселены ў Гродне і Беластоку. Цягам зімы колькасць палонных імкліва ўзрастала. У лютым яна перавысіла 500 чалавек у кожным з гарадоў. У тым жа месяцы геаграфія рассялення палонных істотна пашырылася — пэўныя партыі палонных былі перанакіраваны ў Ваўкавыск, Пружаны, Кобрын, Бельск і Саколку [2, арк. 22, 23].

Такім чынам, на момант 1 сакавіка 1878 г. у межах губерні знаходзіліся 2597 палонных [1, с. 122].

За медыцынскі дагляд ваеннапалонных цягам вайны 1877–1878 гг. адказвалі тры віды ўстаноў: ваенныя шпіталі; батальённыя лазарэты і гарадскія бальніцы [3, с. 343].

Спецыфіка рэгіёна палягала ў тым, што першыя два віды ўстаноў знаходзіліся толькі ў адным горадзе размяшчэння палонных — Гродне. У той жа час, у адрозненне ад пэўных іншых беларускіх губерняў, на Гродзеншчыне параўнальна невялікая колькасць палонных (21,0 %) была размешчана ў губернскім цэнтры. Адпаведна, значную частку палонных у рэгіёне прымаў трэці від медыцынскіх устаноў — гарадскія бальніцы [2, арк. 26].

У сувязі з гэтым, за дагляд палонных у Гродне і ў іншых гарадах адказвалі розныя ведамствы: з аднаго боку ваеннае, з іншага боку цывільнае. Адпаведна, разгляд арганізацыі медыцынскага дагляду асманскіх палонных у Гродне і астатняй частцы губерні варта весці паасобна.

На першым этапе размяшчэння асманскіх палонных у Гродне хворых было няшмат, таму яны ўсе накіроўваліся ў лазарэт мясцовага батальёна. Так, у лістападзе—снежні 1877 г. там лячыліся толькі 3 ваеннапалонныя.

Аднак, як сведчыць з паведамлення лазарэта гродзенскаму губернатару, з 21 студзеня ў шэрагах палонных у Гродне пачалася эпідэмія тыфу. У сувязі з гэтым 24 студзеня было арганізавана адмысловае аддзяленне для хворых на тыф пры лазарэце гродзенскага мясцовага батальёна. Прыкладна за два наступныя месяцы ў аддзяленне паступілі 160 палонных, з якіх 34 памерлі. Лічба паступленняў уключала 77 палонных, якія былі пераведзены з ваеннага шпіталя, дзе колькасць размешчаных на лячэнне ваеннапалонных дасягнула 120 чалавек (25 памерлі).

У той жа час гродзенскі ваенны шпіталь пачаў прымаць на лячэнне салдат мясцовых вайсковых частак, сярод якіх, праз канваяванне палонных, таксама пачала распаўсюджвацца эпідэмія тыфу. За два месяцы эпідэміі не менш за 50 салдат захварэлі, а 4 памерлі [4, арк. 29, 31].

Нягледзячы на ўсе аб'явы аб неабходнасці выканання мер прадухілення, раздачу сродкаў дэзынфекцыі і г.д., тыф распаўсюдзіўся і на цывільнае насельніцтва горада. За ўвесь перыяд эпідэміі вядомы не менш за 22 выпадкі захворванняў і 4 выпадкі смерці гродзенцаў [5, с. 43]. Кажучы пра смяротнасць палонных, то лічбы былі нашмат большымі. За два месяцы эпідэміі памерлі не менш за 59 чалавек [4, арк. 29, 31].

Пікам эпідэміі сярод палонных, абапіраючыся на колькасць захворванняў, можна лічыць люты і сакавік 1878 г. З гэтага часу колькасць паступленняў у медыцынскія ўстановы паступова змяншаецца. З сакавіка па чэрвень колькасць пераведзеных у ваенны шпіталь праз тыф палонных склала каля 40 чалавек [4, арк. 26, 29]. Па дадзеных на 1 ліпеня 1878 г. хворых на тыф палонных у шпіталі не засталася. Санітарныя цягнікі з новымі партыямі ваеннапалонных, што прыбылі ў Гродна ў сакавіку—красавіку 1878 г. ў сваю чаргу не выклікалі паўторнай хвалі эпідэміі [2, арк. 29].

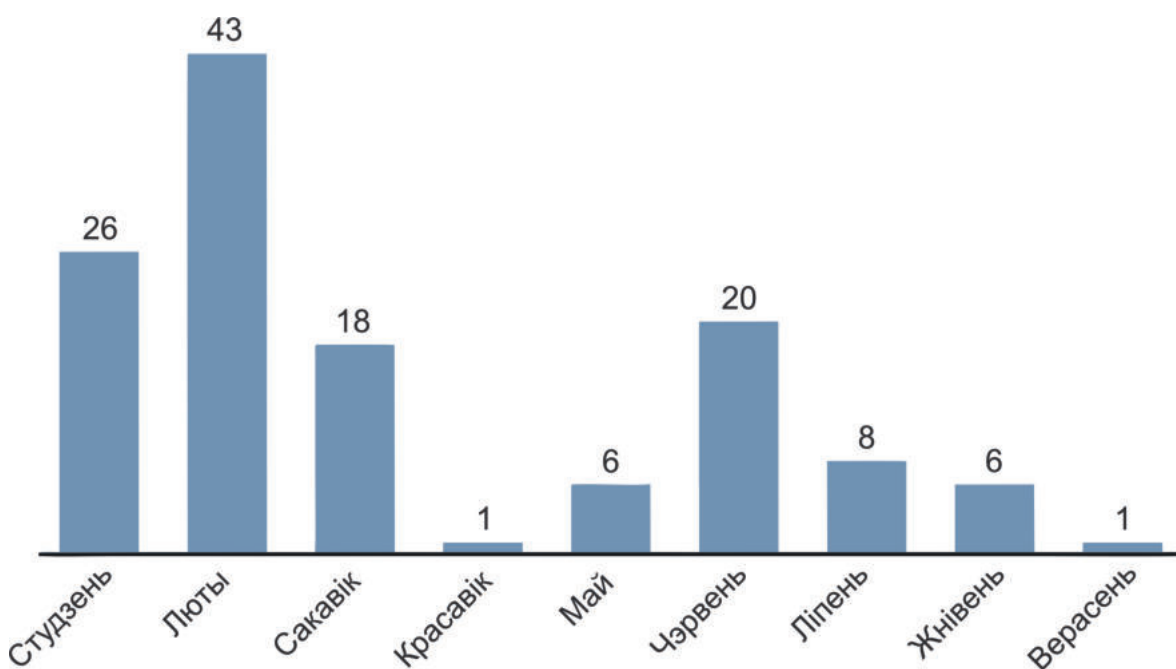
Палонныя ў большасці іншых гарадоў губерні з'явіліся істотна пазней за Гродна. Толькі ў Беластоку яны былі размешчаныя, як і ў Гродне, у 1877 г., аднак на той момат у непараўнальна меншай колькасці: 67 у Беластоку; 476 у Гродне (на 1 студзеня 1878 г.). У іншых павятовых цэнтрах палонныя з'явіліся толькі ў лютым 1878 г. [2, арк. 22–27].

Беласток меў пэўную выключнасць сярод павятовых цэнтраў праз тое, што горад быў здольны прыняць параўнальную з гродзенскай колькасць палонных. Аднак, медыцынская інфраструктура ў ім прыстасоўвалася пад большыя нагрузкі. Беласток стаў адзіным горадам Гродзенскай губерні, дзе разглядалася на высокім узроўні магчымасць уладкавання

адмысловага лазарэту выключна для палонных. Гэтая прапанова, агучаная 31 снежня 1877 г., аднак не знайшла падтрымкі і альтэрнатывай стала значнае пашырэнне акруговай лячэбніцы пад павялічаныя патрэбы [6, арк. 1].

Беластоцкая акруговая лячэбніца стала першай цывільнай медыцынскай ўстановай губерні, што пачала прымаць асманскіх ваеннапалонных. 1 студзеня 1878 г. там праходзілі лячэнне 9 палонных. Колькасць хворых істотна змянілася пасля 11 студзеня, калі ў горад прыбыла партыя з 233 чалавек [2, арк. 23; 7, арк. 42–43].

У перыяд канца зімы і пачатку вясны 1878 г. эпідэмыя тыфу, роўна як і развіццё іншых хваробаў, набывае даволі сур'ёзныя маштабы. Дадзеная тэндэнцыя датычылася не толькі Беластока, але закранула і большую частку іншых павятовых цэнтраў. Гэта можна зафіксаваць па колькасці размешчаных у гарадскіх бальніцах палонных (рыс.) [7, арк. 42–45, 62–63, 81–82, 98–99, 118–119, 135–136, 151–152, 164–165].

Колькасць ваеннапалонных, прыбываўшых у гарадскія бальніцы
Гродзенскай губерні ў 1878 г.

Агулам, развіццё хваробаў сярод палонных у павятовых цэнтрах было заўважна меншым, чым у Гродне. Прычына гэтага фігуруе ў рапарце кобрынскага гарадавога ўрача за 14 чэрвеня 1878 г. У рапарце даецца інфармацыя на 1 мая таго ж года. На той момант у Кобрыне была размешчана партыя палонных у 248 чалавек, з якой за два з паловай месяцы знаходжання палонных у горадзе толькі 14 (5,6 %) патрапілі ў гарадскую бальніцу.

Даючы тлумачэнне дадзеным лічбам, гарадавы ўрач згадвае, што хворыя палонныя пакідаліся ў гарадской бальніцы толькі ў крытычна неабходных сітуацыях, а ў большай частцы выпадкаў накіроўваліся ў Гродна, у ваенны шпіталь, ці батальённы лазарэт. Такім чынам, абагульняючы пакінутых у Кобрыне палонных з пераведзенымі ў Гродна, агульны ўзровень распаўсюду хваробаў у складаў 102 чалавекі (41,1 %), што не надта адрозніваецца ад Гродна (44,2 %) [2, арк. 10–12, 22–27].

Неабходнасць такіх мер добра бачная пры спалучэнні колькасці выпадкаў захворванняў з колькасцю месцаў у гарадскіх бальніцах у павятовых цэнтрах. У тым жа Кобрыне, дзе ў перыяд лютага–красавіка захварэлі 102 палонныя, бальніца змяшчала толькі 24 ложка. Нават пры адпраўцы большай часткі хворых палонных у Гродна, пакінутая ў Кобрыне частка займала да 58,3 % месцаў (14 чалавек).

З таго ж рапарта 14 чэрвеня вынікае, што іх значная частка знаходзілася ў бальніцы аднамомантна, што асабліва напружвала бальніцу. Так, 1 сакавіка 1878 г. ў бальніцы лячыліся 12 палонных, пераважна хворых на крывавы панос і тыф [2, арк. 10–12].

На прыкладзе Кобрына бачна сітуацыя, што склалася амаль ва ўсіх павятовых цэнтрах. Нягледзячы на адпраўленне значнай часткі палонных у Гродна, у перыяд піку эпідэміі гарадскіх бальніц ўсё роўна не хапала, каб арганізаваць належны дагляд за палоннымі. Адметна, што большая частка бальніц знаходзілася ў шэраговых арандаваных дамах, толькі акруговая лячэбніца ў Беластоку і гарадская бальніца ў Кобрыне змяшчаліся ў адмысловых будынках Прыказа грамадскага дагляду [8, с. 55].

Адсутнасць месцаў для хворых палонных фіксуецца ў адмоўных адказах амаль з усіх рэгіёнаў, атрыманых гродзенскім губернскім урачэбным інспектарам на пытанне аб магчымасці размяшчэння дадатковых палонных на лячэнне 4–7 сакавіка 1878 г. Сярод гарадоў, дзе былі расселены палонныя толькі з Саколкі было праінфармавана пра наяўнасць аднаго месца ў гарадской бальніцы [6, арк. 240–248].

Цягам пешай паловы вясны колькасць захворванняў памяншалася і ў красавіку 1878 г. быў зафіксаваны толькі адзін новы выпадак у Ваўкавыску. 1 мая 1878 г. ўсе гарадскія бальніцы былі вольныя ад асманскіх ваеннапалонных.

У чэрвені–ліпені 1878 г. мелі месца лакальныя ўспышкі хваробаў у Саколцы і Пружанах, аднак яны не мелі маштабнага развіцця [7, арк. 81–82, 98–99, 118–119, 135–136].

Характэрна, што па зрэзах справародства па захворваннях у бальніцах губерні (1 мая і 1 кастрычніка 1878 г.) можна зафіксаваць не толькі рэзкую падзенне колькасці захворванняў, але і змену іх спецыфікі.

У перыяд да мая 1878 г., як было адзначана раней, пераважным па колькасці выпадкаў захворванняў быў тыф: 56,6 % у Саколцы, 28,6 % у Кобрыне і г. д. Блізкае па колькасці захворванняў распаўсюджванне мела гарачка: 41,7 % у Пружанах, 40,0 % у Ваўкавыску і г. д. [2, арк. 6, 9–12, 19].

Распусюджванне гэтых хваробаў было спынена да сярэдзіны 1878 г. і ў справаводстве за другую палову года структура захворванняў істотна адрозная. Па-першае, колькасць захворванняў у параўнанні з перыядам да мая 1878 г. зменшылася ў 5,6 разоў, з 191 да 34. Па-другое, самымі заўважнымі становяцца тры асноўныя хваробы. На першае месца выходзіць гарачка (20,6 %). Такая ж колькасць палонных хварэе на венерычныя захворванні. Трэцяе месца займае рэўматызм (14,7 %) [2, арк. 26–27, 52–53].

Да кастрычніка 1878 г. ўсе палонныя, як з Гродна, так і з іншых гарадоў губерні былі рэпатрыяваныя ў Асманскую імперыю.

Такім чынам, цягам вайны 1877–1878 гг. асманскія ваеннапалонныя колькасцю прыкладна 2,6 тысяч чалавек былі размешчаны на тэрыторыі Гродзенскай губерні. Адным з асноўных пытанняў для мясцовых уладаў стала арганізацыя іх медыцынскага дагляду.

Дагляд ажыццяўляўся як праз ваенныя, так і праз цывільныя медыцынскія ўстановы. У залежнасці ад устаноў і горада размяшчэння палонных умовы дагляду маглі істотна змяняцца. Выключнае палажэнне ў дадзеным канэксте было ў Гродне.

Сістэма аховы здароўя ў Гродзенскай губерні не была належным чынам падрыхтавана да дагляду такой колькасці палонных. Іх з'яўленне выклікала істотнае інфраструктурнае напружанне, эпідэмію тыфу і рызыку яе шырэўшага распаўсюджвання сярод цывільнага насельніцтва.

У пэўных рэгіёнах, у першую чаргу ў Гродне, эпідэмія адбілася асабліва моцна, распаўсюдзіўшыся на салдат мясцовых вайсковых частак і цывільнае гарадское насельніцтва. Яе развіццё ў павятовых гарадах губерні мела нашмат меншыя маштабы, чым у Гродне. У значнай ступені гэта звязана з перанакіраваннем хворых палонных у губернскі цэнтр, дзе сістэма медыцынскіх устаноў дазваляла прымаць нашмат большую колькасць хворых ваеннапалонных.

Тым не менш, рассяленне палонных у павятовых цэнтрах і развіццё хваробаў сярод іх выклікала істотнае інфраструктурнае напружанне. На мяжы лютага і сакавіка 1878 г., на піку распаўсюджвання хваробаў, усе бальніцы ў гарадах рассялення палонных былі цалкам запоўненыя.

З сярэдзіны вясны колькасць захворванняў істотна зменшылася, а іх структура значна змнілася. Тыф, як асноўнае інфекцыйнае захворванне, амаль знік.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Оттоманские военнопленные в России в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: монография. СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). Ф. 9. Воп. 1. Спр. 690. Ведомости врачей о количестве больных военнопленных турецких солдат в больницах Гродненской губ.
3. Военно-медицинский отчет за войну с Турцией 1877–1878. Часть 3. СПб.: Б. и., 1887. С. 375.
4. НГАБ у г. Гродна. Ф. 9. Воп. 1. Спр. 677. Дело о принятии санитарных мер в связи с заболеваниями тифом военнопленных турецких солдат.
5. Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1878 г. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1880. 223 с.
6. НГАБ у г. Гродна. Ф. 9. Воп. 1. Спр. 703. Дело о количестве свободных мест в гражданских больницах для больных турецких военнопленных.
7. НГАБ у г. Гродна. Ф. 9. Воп. 1. Спр. 705. Ведомости врачей о количестве больных военнослужащих и военнопленных в окружных лечебницах и городских больницах Гродненской губ. за 1878 г.
8. Обзор Гродненской губернии за 1877 год. Гродно: Губ. тип., 1878. 116 с.: табл.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН (1917–1941)

И. И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье проводится анализ содержания антирелигиозной пропаганды в советском государстве до 1941 г. Определено, что идеалистическое мировоззрение выступало препятствием в формировании нового наполнения содержания исторической памяти граждан в условиях однопартийной системы. Проанализированы попытки создания принципиально нового образа современной женщины, основанного на коммунистических идеалах. Установлено, что насаждаемые некоторой частью антирелигиозного аппарата поведенческие традиции являлись полной противоположностью христианской морали.

Ключевые слова: атеизм; коммунистическая партия; Православная церковь.

ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA AS AN INSTRUMENT OF IDEOLOGICAL POLICY TOWARDS SOVIET WOMEN (1917–1941)

I. I. Yanushevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, yanush@bsu.by*

The article analyzes the content of anti-religious propaganda in the Soviet state before 1941. It is determined that the idealistic worldview was an obstacle in the formation of a new content of the historical memory of citizens in the conditions of a one-party system. The article analyzes attempts to create a fundamentally new image of a modern woman based on communist ideals. It is established that the behavioral traditions imposed by a certain part of the anti-religious apparatus were the complete opposite of Christian morality.

Keywords: anti-religious propaganda; atheism; Communist Party; Orthodox Church.

Революции 1917 г. в Российской империи стали знаковыми событиями в мировой истории. Впервые под руководством многонациональной группы политических активистов к власти пришла партия, выражавшая интересы рабочих и крестьян. При этом, представители этих самых многочисленных классов являлись наиболее воцерковленными — по убеждения или в силу принуждения или привычки соотносили свои жизненные убеждения, традиции, быт с религиозными действиями. Новое политическое руководство объявило о намерении построения первоначально социалистического государства, а в дальнейшем было обещано обеспечить переход к коммунизму. «Настольной книгой» строителей коммунизма были

произведения классиков марксизма. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин четко сформулировали теоретические условия для осуществления данного процесса. Ключевой задачей было обеспечение мировоззренческого единства нового общества. Предстояла коренная ломка экономического и политического устройства старой модели государственного управления и системы взаимоотношений трудящихся и нанимателей. Осуществить их было возможно только минимизировав или полностью исключив противодействие как утративших прежние преференции правящих классов, так и не разделяющих программные установки большевиков крестьян и рабочих. Одним из наиболее спорных был пункт 13 программы: «Отделение церкви от государства и школы от церкви» [1, с. 420]. РСДРП и лично В. И. Ленин до Октябрьской революции 1917 г. всячески старались избежать конфронтации с потенциальными членами партии или сочувствующими социал-демократическим силам. Право свободы совести подразумевалось и для членов партии, не овладевших в полном объеме основами марксизма [2, с. 415–417]. Само по себе это было вполне демократичное и современное эпохе требование, если бы не еще одна идеологическая установка, сформулированная в 1919 г. в «Азбуке коммунизма» — настольной книге не только членов правящей партии, но и всех «сознательных граждан». Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский в доступной форме изложили взгляды классиков марксизма-ленинизма на государственное строительство в Советской России. Авторы указали, что «религия и коммунизм не совместимы ни практически, ни теоретически» [3, с. 41–42]. В условиях массового исключения представителей нелояльных большевикам социальных групп из политической жизни, духовенство с церковноприходскими советами подвергались массовому прессингу. К началу 1920-х гг. становится понятно, что мировоззренческие вопросы силовыми способами не решаются даже большевистскими темпами. Перед идеологическим фронтом стояла практически не решаемая дилемма. Стало понятно и на практике, и как К. Маркс и Ф. Энгельс указывали ранее, что процесс отхода от религии будет длительным и очень сильно зависеть от социально-экономического положения в стране. В тоже время государственное развитие требовало наличия максимально возможного количества сознательных строителей социализма. И им мог быть только марксист, а значит материалист [4, с. 101–102]. Поэтому перед антирелигиозно настроенным идеологическим аппаратом стояла задача организации системы атеистического воспитания населения. Она должна была охватывать все стороны общественной жизни человека. Советизация подразумевала активное содействие социалистическому строительству. Стержневой проблемой был поиск механизмов корректировки исторической памяти населения.

Религиозный фактор был определяющим в жизни граждан Российской империи. Попытаться заменить его в короткий промежуток времени можно было только на основании радикальных мер. В статье рассмотрим действия антирелигиозной вертикали по использованию «женского вопроса» как значимого аспекта материалистического мировоззрения с учетом перспектив изменения социального статуса женщин в коммунистическом обществе.

Важным сегментом всей пропагандистской системы являлись информационная работа среди женщин. Для этого было несколько весомых причин. Во-первых, их роль в воспитании подрастающего поколения. Мать и бабушка играли главную роль в формировании мировоззрения ребенка. Вторым негативным фактором для новой политики являлось значительное усиление позиций женщин в организации церковной жизни. Особенно это касалось монашествующих [5, с. 39]. В сложившейся ситуации пропагандистам следовало акцентировать свое внимание на тезисах о поддержке религией бесправного и унижительного положения женщин в обществе и семье и отсталости, несовременности верующей женщины [6, л. 16–17]. Претензия большевиков на создание революцией общества равных возможностей для обоих полов была важнейшей идеологической установкой. По сравнению с царской Россией советские женщины получили гораздо больше способов реализовать свои творческие, научные и организаторские способности [7, л. 3]. Подобные тенденции были характерны уже и в конце XIX–начале XX в., и они интенсифицировались во всем мире. Социально-бытовой, а не религиозный фактор был определяющим в этом процессе. В христианстве и иудаизме статус женщины в XX в. не соответствовал насаждаемым антирелигиозной пропагандой и измышлениями Ем. Ярославского в его «Библии для верующих и не верующих» искаженным идеологическим штампам [8, с. 12, 34, 45]. Имевшийся статус женщины как хранительницы семейного очага, матери с делегированием мужчинам определенных управленческих и хозяйственных функций был естественным и рациональным. Сюжеты Ветхого Завета и те же слова из послания апостола Павла к Тимофею и коринфянам атеистами и верующими воспринимались абсолютно по-разному [9, с. 3]. Решения Поместного Собора 1917–1918 гг. по вопросу возрождения соборности, организации приходской жизни и необходимость защиты Церкви, от безбожных властей фактически выдвинули женщин на первый план борьбы [10, л. 43–44]. Социальные завоевания женщин в стране Советов на тот момент еще не были столь значительны как преподносилось пропагандистами, а утверждения об отсталости именно верующих женщин не могли стать убедительными [6, л. 17]. Моральные устои семей сохранялись на высоком уровне. Жена, мать, бабушка были хранительницами

традиций, в том числе и культовых. Поэтому необходима была дискредитация этих базовых оснований «буржуазного общества». Сталкивание интересов супругов, представителей разных поколений являлось крайне важным в процессе разрушения традиционной семьи и межпоколенческих связей [11]. В 1920-е гг. упор делался на противопоставление нравственных норм христианских женщин и «новой моралью» строителей коммунизма [12, с. 16]. Фактически не принятие женщиной или девушкой нормальности беспорядочности половых отношений, нарушения иных моральных норм христианства обозначалось как отсталость и приверженность буржуазной морали. Как причину слабого участия в активной общественно-политической жизни ответственные работники указывали религиозность женщин. И на самом деле социальный лифт зачастую требовал от них корректировки моральных принципов. Пропащими и даже вредными для общества и, особенно для резерва кадров, считал Первый секретарь ЦК КП(б) В. Г. Кнорин комсомольцев и управленцев, допустивших слишком вольное отношение к своим коллегам [13, л. 26]. Девушки и женщины были наиболее уязвимы в данной ситуации. Подобное отношение к слабому полу имело место и в дореволюционной России, и связано было с действиями имущих классов. Карьерная лестница девушек и женщин усложнялась в силу пренебрежительного отношения мужчин коммунистов и комсомольцев к своим коллегам [14, л. 8]. Например, в высших руководящих органах женщин в 1937 г. было 11 %, в основном в сфере образования и культуры [15, с. 80].

Под лозунгом «все старое рухнуло» предполагалось продвинуть идею некоего нового «безрелигиозного общества», где семья хоть и признавалась как ячейка общества, могла «не быть необходимой» [16, с. 44]. Женщина должна была стать неким биологическим механизмом с «сильным, правильно развитым организмом, который может выдерживать всякие испытания...» [16, с. 42]. Н. К. Крупская прямо заявила, что молодежь должна придерживаться не связанной с тем же христианством «новой морали», и коммунист, как и всякий строитель нового светлого будущего «должен всегда руководствоваться интересами коммунизма» [12, с. 16]. Новатор безбожия Е. Ярославский вообще утверждал, что «революция ослабила половое чувство, половые стремления как у мужчин, так и у женщин» [17, с. 185]. Беспорядочность половых отношений в молодежной среде, посиделки, ночевки приводили к негативным последствиям семейно-бытового характера и не могли не настораживать и отпугивать как взрослое население, так и молодежь [18, л. 75]. Подобное падение нравственности и приближение отношения к половым связям исключительно как к физиологической потребности подрывало духовно-нравственные

основы общества [14, л. 8]. Для традиционных конфессий подобное поведение могло стать точкой невозврата в лоно церкви и путь как к безбожию, так и к извращенным культовым практикам псевдорелигиозной направленности в 1930-е гг.

Содержание антирелигиозной пропаганды по дискредитации верующих женщин в 1920–30-е гг. претерпело значительную трансформацию. Эксперименты над семьей и сакральностью отношений полов 1920-х гг. были признаны ошибочными [19, с. 75–76]. Многочисленные прерывания беременностей, безотцовство, проституция особенно сильно били по молодежи. Нравственный обрыв, отход от религиозной морали и слабое усвоение конструктивной советской поведенческой позиции толкали молодых людей на административные и уголовные преступления. К середине 1920-х гг. около 50 % случаев хулиганства приходилось на молодежь до 24 лет [19, с. 25]. С начала 1930-х гг. главным препятствием в советизации становятся воцерковленность женщин, их стремление любыми средствами сохранить возможность выполнения религиозных обрядов. И это было серьезной проблемой. Властям на законодательном уровне удалось установить контроль над составами церковноприходских советов. Фактически получилось исключить участие в их работе социально активную часть прихожан и в первую очередь мужчин. Основную нагрузку по сохранению храмов и организации церковной жизни взяли на себя женщины. Воздействовать на данный контингент пропагандистскими средствами было невозможно. Необходимо было обозначить их «вредоносность» для общества и для каждого человека в отдельности. Еще большую опасность представляли их религиозные действия.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что центральное место в создании предпосылок для отхода женщин от религиозной жизни оказывали социально-бытовые мотивы и новые поведенческие традиции. Христианство в советском государстве не давало каких-то значимых поводов для перехода на «атеистические рельсы» женщин из-за «женского вопроса». В Православной церкви «белые платочки» весь советский период не только в организационном, но и миссионерском плане занимали ведущее положение. Антирелигиозное толкование библейских сюжетов противоречили сути христианской морали. Статус женщины в советской семье основывался на социально-бытовых традициях и на сформированных уже советской властью условиях. Доминирующая роль мужчин в некоторых сторонах совместной жизни представлялось естественной и не требующей эмансипации. В таких условиях пропаганда совершенно оправдано шла на разрушение нравственных основ личности девушек и женщин, подменяя веру в божественный промысел верой в

человеческий потенциал. Как промежуточный вариант в 1920-е гг. популяризировался антихристианский образ женщины. Отсутствие интимного стыда, отказ от традиционных семейных отношений, нивелирование отличий полов, оккультные практики были несовместимы с религиозной жизнью. В 1930-е гг. эти разрушающие общество инновации были свернуты. Главным становится идея дискредитации верующей женщины как врага социалистического строительства. Подобный гражданин не имел возможности социализации в коммунистическое будущее, являлся преградой в счастливой судьбе своих детей и врагом своего Отечества. Вопрос обеспечивали ли вышеприведенные приемы отказ человека от веры в Отца и Сына и Святого Духа в рассматриваемый период остается открытым. Так же, как и вопрос о степени влияния подобной информации на формирование мировоззренческой позиции человека, переход его с идеалистических позиций к материалистическому пониманию картины мира.

Библиографические ссылки

1. Документы и материалы II съезда РСДРП. 17 июля–10 августа (30 июля–23 августа) 1903 г. Программа Российской социал-демократической рабочей партии // Второй съезд РСДРП. Протоколы. Москва: 1959.
2. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 415–426.
3. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Рос. коммунист. партии большевиков. Самара: Изд-во Самарского губкома Р. К. П., 1920.
4. Янушевич И. И. Проблемы распространения атеизма в молодежной среде в СССР // Современная молодежь и общество: сб. науч. ст. Выпуск 10. Минск: РИВШ, 2022. С. 97–103.
5. Бондарева Н. С. Новый тип женщины в истории Русской православной церкви // Сборник трудов XXIV Всероссийской студенческой научно-практической конференции Нижневартковского государственного университета // Нижневартовск, 05–06 апреля 2022 года. С. 39–44.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4223.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2401.
8. Ярославский Ем. Библия для верующих и неверующих. Москва: Политиздат, 1977.
9. Красиков П. Женщина, религия и коммунизм // Революция и церковь. 1919. № 2. С. 1–3.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 161.
11. Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2023; № 12(3). С. 446–477.
12. Крупская Н. К. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. Москва: Госполитиздат, 1959.
13. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4294.

14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 42.
15. *Жиromская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. Москва: Наука, 1996.
16. *Луначарский А. В.* Воспитание нового человека. Ленинград: Прибой, 1928.
17. Партийная этика Документы и материалы дискуссии 20-х годов / Сост. и авт. примеч. М. А. Макаревич. Москва: Политиздат, 1989.
18. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 70.
19. *Гужалоўскі А. А.* Сацыяльна-утапічны эксперымент. Выход арганізацыі маладзёжных камун у БССР // Беларуская думка. 2016. № 1. С. 70–76.
20. *Даніловіч В. В.* Уплыў асацыяльных з'яў на моладзь Савецкай Беларусі і барацьба з ім (1921–1939 гг.) // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі. 2015. № 2. С. 23–34.

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОДАЖИ ОРУЖИЯ ТАЙВАНЮ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1993–2017)

А. В. Беляева

*Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022 г. Могилев, Беларусь, anna271533@mail.ru*

В статье рассмотрено влияние продаж оружия Тайваню в соответствии с «Законом об отношениях с Тайванем» 1979 г. на развитие американо-китайских отношений в годы администраций Б. Клинтона, Дж. Буша-мл. и Б. Обамы.

Ключевые слова: Тайвань; США; Китай; продажи оружия; график отношений; университет Цинхуа.

U. S. ARMS SALES TO TAIWAN AS A FACTOR IN DESTABILIZING U. S.-CHINA RELATIONS (1993–2017)

A. V. Belyaeva

*Mogilev State A. Kuleshov University,
1, Kosmonavtov street, Mogilev, 212022, Republic of Belarus, anna271533@mail.ru*

The article examines the impact of arms sales to Taiwan in accordance with the 1979 Taiwan Relations Act on the development of U. S.-China relations during the administrations of B. Clinton, J. W. Bush and B. Obama.

Keywords: Taiwan; USA; China; arms sales; timeline of relations; Tsinghua University.

В результате гражданской войны в Китае образовалось два государства — Китайская Народная Республика, занимающая материковую часть страны, и Китайская Республика, расположенная на острове Тайвань. Американское правительство изначально признало легитимным именно правительство на Тайване и развивало с ним двусторонние отношения. После кризиса в Тайваньском проливе 1954–1955 гг. между ними укрепились связи в оборонительной сфере.

Однако после ухудшения отношений КНР и СССР в Вашингтоне было принято решение наладить сотрудничество с материковым Китаем с целью внести раскол между двумя крупнейшими державами коммунистического блока. Поддерживать отношения и с Китайской Республикой, и с Китайской Народной Республикой было невозможно.

США отказались от официальных дипломатических отношений с Тайванем, но не прекратили сотрудничество с ним. Ключевой сферой двусторонних отношений стала безопасность.

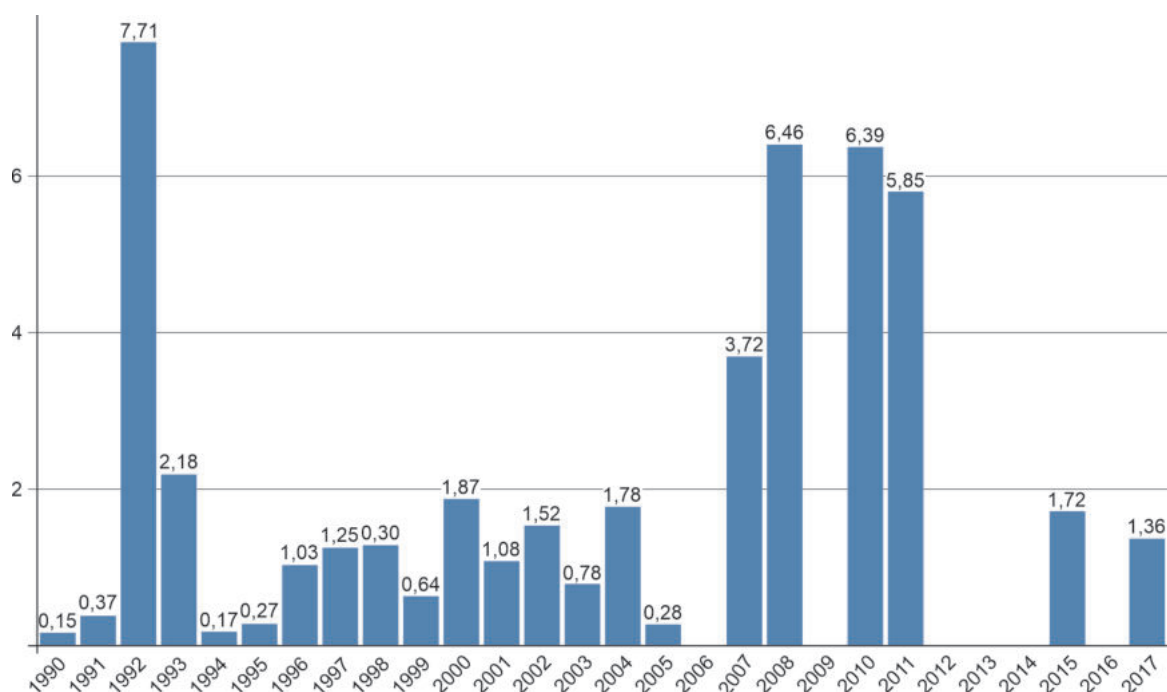
Новый формат американо-тайваньских отношений был закреплён несколькими документами. Основным является вступивший в силу 10 апреля 1979 г. «Закон об отношениях с Тайванем»: «В целях поддержания мира, безопасности и стабильности в западной части Тихого океана и содействия внешней политике Соединенных Штатов через продолжение коммерческих, культурных и других отношений между народом Соединенных Штатов и народом Тайваня, и для других целей» [6]. Документ устанавливал обязательства США по предоставлению оборонительных средств Тайваню для обеспечения безопасности острова. Несмотря на подтверждение приверженности принципу «одного Китая», задекларированному в законе, он, по сути, сохранял отношения США и Тайваня.

В совместном коммюнике США и Китайской Народной Республики от 17 августа 1982 г. также был затронут вопрос продаж оружия Тайваню. Странам не удалось преодолеть разногласия по данной проблеме, поэтому в виду ее важности для дальнейшего развития американо-китайских отношений стороны договорились сделать ее предметом будущих обсуждений [7]. В одностороннем порядке Вашингтон дал Тайваню «шесть гарантий»:

- 1) США не будут устанавливать дату прекращения продаж оружия Тайваню;
- 2) США не будут изменять условия «Закона об отношениях с Тайванем»;
- 3) США не будут проводить предварительные консультации с Китаем перед принятием решения о продажах оружия Тайваню;
- 4) США не будут выступать посредниками между Тайванем и Китаем;
- 5) США не изменят своей позиции в отношении суверенитета Тайваня, которая заключается в том, что этот вопрос должен решаться мирным путем самими китайцами, и не будут оказывать давление на Тайвань, чтобы он вступил в переговоры с Китаем;
- 6) США официально не признают суверенитет Китая над Тайванем [1].

Продажи оружия Тайваню стали одним из факторов, обостряющих двусторонние отношения США и Китая, что должен был учитывать каждый американский президент.

Придя в Овальный кабинет, демократ Б. Клинтон занял жесткую по отношению к Китаю позицию. В период его президентства американо-китайские отношения носили характер «американских горок», когда периоды кризисов сменялись потеплениями. Б. Клинтон стремился соблюдать обязательства США перед Китайской Республикой, поэтому в годы его президентства США ежегодно осуществлялись поставки вооружений на Тайвань (рисунок). К подобному поведению его подталкивали не только внутренние (Конгресс, лобби, общественное мнение), но и внешние обстоятельства. Очередной кризис в Тайваньском проливе продемонстрировал администрации, что угроза безопасности острова действительно существует, поэтому поставки вооружений продолжились, даже несмотря на потепление в двусторонних отношениях в 1997–1998 гг.

Продажи оружия Тайваню в 1990–2017 гг.
в соответствии с «Законом об отношениях с Тайванем» (в млрд долларов США).
Источник: [5]

Сменивший его на посту главы государства Дж. Буш-мл. в ходе предвыборной кампании выступал с критикой Китая. И свое президентство он начал с санкционирования продажи оружия Тайваню, которая усилила кризис в американо-китайских отношениях, вызванный хайнаньским инцидентом. В своих мемуарах занимавшая в тот момент пост советника по национальной безопасности К. Райс писала: «Президент готовился санкционировать крупную сделку по продаже оружия Тайваню, и об этом уже сообщалось в прессе. Пакет был бы достаточно значительным, чтобы

избавить от необходимости заниматься этим вопросом ежегодно. Пекин был бы разгневан, но, по крайней мере, нам не пришлось бы переживать потрясения каждый год. Но кризис на Хайнане разразился вслед за напряженностью из-за продажи оружия и до того, как мы заложили продуктивную основу для американо-китайских отношений» [4, р. 39].

Однако в том же 2001 г. администрацией Дж. Буша-мл. было принято решение об изменении процедуры осуществления продаж Тайваню. Если ранее ежегодно проходила специальная встреча по данному вопросу, то теперь Китайская Республика должна была обращаться за помощью по установленной для всех союзников США процедуре. С одной стороны, это позволяло обращаться за помощью несколько раз в течение года, с другой стороны, ежегодный форум имел и политическое значение, подчеркивая статус отношений США и Тайваня: «Тайвань выразил обеспокоенность по поводу отмены ежегодного форума, утверждая, что переговоры о продаже оружия служили важнейшим политическим механизмом в США. Несмотря на попытки остаться в стороне от внимания, форум о продаже оружия был достаточно громким, чтобы гарантировать, что просьбам Тайваня будет уделено должное внимание — не только у исполнительной власти, но и в Конгрессе. Тем не менее, американская сторона заверила своих тайваньских коллег, что в будущем их просьбы будут должным образом рассмотрены и что отношение к Тайваню как к обычному партнеру по оказанию помощи в области безопасности будет выгодным для обеих сторон. Однако текущее положение дел с периодическими фактическими заморозками поставок оружия Тайваню, по-видимому, свидетельствует о том, что их опасения были обоснованными» [1].

Кроме того, в годы президентства Дж. Буша-мл. имели место две заморозки продаж — с 30 марта 2004 г. по 25 октября 2005 г. (1 год 7 месяцев) и с 9 ноября 2007 г. по 3 октября 2008 г. (11 месяцев).

Теракты 11 сентября 2001 г. существенно изменили внешнюю политику США, в том числе, и американо-китайские отношения. Вашингтон был не заинтересован в создании напряженности в отношениях с Пекином, уделяя основное внимание Ближнему Востоку. Подтверждением тому служит график поставок оружия Тайваню, показывающий их снижение. В конце своего пребывания на посту президента Дж. Буш-мл. предпринял ряд действий, вызвавших недовольство китайское руководство. Он вручил Далай-ламе Золотую медаль Конгресса, став первым американским президентом, появившимся на публике с духовным лидером Тибета. Кроме того, он санкционировал крупные продажи оружия Тайваню в 2007–2008 гг.

Б. Обама в отличие от двух своих предшественников решил не начинать свое президентство с обострения отношений с КНР. В связи с этим

в первый год своего нахождения в Белом Доме он отказался от действий, дестабилизирующих отношения между странами, в том числе, от поставок оружия Тайваню. Но в дальнейшем администрация Б. Обамы не могла уклоняться от своих обязательств по «Закону об отношениях с Тайванем», поэтому в течение 2010–2011 гг. осуществила продажи на крупные суммы. Второй же срок президентских полномочий Б. Обамы выделяется практически полным отсутствием поставок вооружений Китайской Республике: заморозка продаж действовала с 21 сентября 2011 г. по 16 декабря 2015 г. (4 года 3 месяца).

После подписания трех коммюнике США и Китаю не удалось сблизить свои подходы по вопросу продаж оружия Тайваню, вследствие чего Пекин традиционно выступал с осуждением подобных действий Вашингтона. Неоднократно китайская сторона не ограничивалась только словесными заявлениями, предпринимая и практические шаги для того, чтобы показать свое недовольство. Все указанное в совокупности и создает ту напряженность, которая возникает при каждой продаже оружия Тайваню.

Оценить степень ее влияния на динамику американо-китайских отношений позволяют количественные данные. Институт современных международных отношений университета Цинхуа подготовил и регулярно обновляет специальную базу данных с ежемесячными числовыми оценками состояния двусторонних отношений Китая с крупными державами мира, начиная с 1950 г. [2]. В числе тех стран, отношениям с которыми дана оценка, есть и США, что позволяет проследить развитие американо-китайских отношений в количественном выражении. В США подобная база данных отсутствует.

Исследовательская группа собирала ежемесячные сведения о произошедших между странами событиях и давала им числовую отметку в диапазоне от -9 до 9 с ценой деления в $0,1$. Получаемые оценки делят на три категории — враждебные, нейтральные и дружественные. В свою очередь, у категорий есть по две подкатегории: оценка в диапазоне от -9 до -6 характеризует двусторонние отношения как конфронтационные; в диапазоне от -6 до -3 — напряженные; от -3 до 0 — дисгармоничные (конфронтации больше, чем сотрудничества); от 0 до 3 — обычные (сотрудничества больше, чем конфронтации); от 3 до 6 — хорошие; от 6 до 9 — дружественные.

Представленные в базе данные демонстрируют отсутствие явного негативного влияния продаж на состояние американо-китайских отношений. Они не создали явного падения оценок. Для сравнения можно обратиться к тому, какое влияние на отношения между Вашингтоном и Пекином оказывали двусторонние встречи на высшем уровне. Сразу видно, что встречи лидеров двух стран, как правило, благотворно влияло на динамику.

Таким образом, продажи оружия Тайваню в рассматриваемый период продолжали оставаться элементом, создающим напряженность в американо-китайских отношениях. Однако, если взглянуть на количественные данные, предоставленные китайскими учеными, то можно обратить внимание на тот факт, что рассматриваемые продажи не находят отражение на динамике отношений США и Китая в 1993–2017 гг.

Библиографические ссылки

1. Chinese Reactions to Taiwan Arms Sales. URL: https://www.us-taiwan.org/wp-content/uploads/2019/05/2012_chinese_reactions_to_taiwan_arms_sales.pdf (date of access: 28.08.2025).
2. Quantitative database on China's relations with Foreign Countries. URL: <http://www.tuiir.tsinghua.edu.cn/info/1145/5864.htm> (date of access: 28.08.2025).
3. *Kan S.* Taiwan: Major U. S. Arms Sales Since 1990. URL: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/RL30957.pdf> (date of access: 28.08.2025).
4. *Rice C.* No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington. New York: Crown; 2011. 786 p.
5. Taiwan Arms Sales Notified to Congress 1990–2022. URL: <https://www.ustaiwandefense.com/taiwan-arms-sales-notified-to-congress-1990-2022> (date of access: 28.08.2025).
6. Taiwan Relations Act (PL 96-8). URL: <https://www.congress.gov/96/statute/STATUTE-93/STATUTE-93-Pg14.pdf> (date of access: 28.08.2025).
7. U. S.-PRC Joint Communiqué (1982). URL: <https://www.ait.org.tw/u-s-prc-joint-communiqué-1982> (date of access: 28.08.2025).

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КОРОЛЕВСТВОМ СХС И СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ (1917–1940)

М. С. Довгялло

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, misha_dauhiala@yandex.by*

В статье рассматриваются основные этапы восстановления дипломатических отношений между Сербией и Россией. Перемены, вызванные Февральской и Октябрьской революций, изменили характер сербско-российских отношений. Выход России из Первой мировой войны предопределил будущее отношений между Сербией, а затем и Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и Советской Россией (СССР). К середине 1930-х гг. Югославия оставалась единственной из балканских стран, не имевшей официальных дипломатических отношений с СССР.

Ключевые слова: Дипломатические отношения; Королевство СХС; Советская Россия; Эмиграция; НКВД; Малая Антанта; А. Карагеоргиевич.

RESTORATION OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE KINGDOM OF THE SOCIALIST FEDERATION OF YUGOSLAVIA AND SOVIET RUSSIA (1917–1940)

M. S. Dauhiala

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, misha_dauhiala@yandex.by*

The article examines the main stages of the restoration of diplomatic relations between Serbia and Russia. The changes caused by the February and October Revolutions changed the nature of Serbian-Russian relations. Russia's withdrawal from World War I predetermined the future of relations between Serbia, and then the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (KSKS) and Soviet Russia (USSR). By the mid-1930s, Yugoslavia remained the only Balkan country that did not have official diplomatic relations with the USSR.

Keywords: Diplomatic relations; Kingdom of the USSR; Soviet Russia; Emigration; People's Commissariat of Foreign Affairs; Little Entente; A. Karageorgevich.

Огромная военная и материальная помощь, которую Сербия получала из России на протяжении первых двух лет Первой мировой войны, участие в боевых действиях на Салоникском фронте и защита сербских интересов российской дипломатией — основа взаимоотношений Сербии и Российской империи в тот период. Октябрьская революция и последовавшие события положили конец тем особым связям между ними. До подписания договора в Брест-Литовске сербское правительство пыталось наладить связь с большевиками в интересах проведения политики объединения югославянских народов, а также с целью мобилизации добровольцев в России и их отправки на Салоникский фронт.

Сербское правительство сочло противоречащим интересам Сербии начать переговоры правительства России о перемирии с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией [1, с. 16]. В связи с заключением советской Россией Брестского мира с Германией Белград предписал своему посланнику в Петрограде М. Спалайкович прервать все контакты с советским правительством [2, с. 50]. И в ноябре 1918 г. Россию покинула военная миссия сербского королевства.

1 декабря 1918 г. в результате присоединения к Сербии бывших югославских территорий Австро-Венгрии — Хорватии, Словении, Далмации, Боснии, Герцеговины — было создано КСХС. В 1929 г. оно было переименовано в Королевство Югославия [3, с. 221, 230].

Изменение отношений советской власти к югославским дипломатам произошло в марте 1919 г. и было вызвано образованием Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов в Москве, с согласия Наркоминдела взявшего на себя функции бывшего сербского генерального консульства, заявившего о переходе под его контроль югославского консульства. В течение последовавшего месяца Совет закрыл югославские дипломатические и консульские представительства [1, с. 67–69]. Таким образом, полный разрыв дипломатических отношений с советским правительством состоялся в марте 1919 г.

19 мая 1919 г. премьер-министр КСХС С. Протич официальной нотой уведомил Омское правительство о его признании в качестве законной российской власти. Дипломатическим представителем в Омске в ранге поверенного в делах был назначен Й. Миланкович [4, с. 116]. После этого были открыты официальные дипломатические представительства. Правительство Колчака назначило бывшего советника при посольстве России в Афинах В. Н. Штрандтмана [5, с. 43–44], который выполнил важную дипломатическую роль во время прибытия русских беженцев в КСХС в 1919–1921 гг. «Посланником» он прослужил до 1924 г. — тогда русская миссия была ликвидирована по решению Министерства иностранных дел Королевства СХС. Вместо нее была основана Делегация по защите интересов русских беженцев под руководством В. Н. Штрандтмана, за которой «сохранялось помещение русской миссии, а на фасаде здания продолжал оставаться императорский двуглавый орел и вывешивался флаг Российской империи» [6, с. 34].

В августе 1920 г. прошла встреча министра иностранных дел КСХС А. Трумбичем с советским представителем Л. Красиным в Лондоне [8, с. 155]. 13 октября 1920 г. народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин призвал произвести обмен Полномочными Представителями [1, с. 103] и приступить к переговорам по актуальным проблемам. В декабре Советское

правительство повторно предложило югославскому правительству «немедленно приступить к переговорам с целью установления нормальных и дружественных отношений между обеими странами» [9, с. 127].

В начале марта 1924 г. КСХС, как и большинство других европейских стран, прекратило деятельность бывшей русской миссии. Но формально она не была окончательно закрыта, а В. Штрандтман и далее Уполномоченным Российского Красного Креста в Югославии [7, с. 379].

Советская сторона требовала от правительства направить официальный запрос о репатриации из России граждан КСХС. При этом Москва использовала представившуюся возможность, чтобы снова поставить вопрос об установлении дипломатических отношений. При рассмотрении весной 1923 г. в совете министров вопроса о советско-югославских переговорах председатель совета министров КСХС Н. Пашич и король Александр снова высказались против нормализации отношений с Советской Россией [1, с. 144].

Королевство СХС стало «второй родиной» для огромного количества российских эмигрантов, прибывших в страну после революции и гражданской войны. Преобладающее большинство русских эмигрантов принадлежало к Русской Православной церкви. В ноябре–декабре 1921 г. состоялся I Всезарубежный (Всезаграничный) церковный Собор. На нем состоялся призыв Собора к эмиграции молиться за восстановление в России монархии Дома Романовых и обращение к Генуэзской конференции за помощью в борьбе с большевиками [10, с. 651–652].

В КСХС эмигранты из России, в том числе солдаты белой армии и гражданские лица, находились в привилегированном положении. До октября 1917 г. Россия предоставляла сербам всю совокупность прав, вплоть до поступления на военную службу [11, с. 179]. Власти открыли двери своей страны перед воинскими подразделениями и многочисленными гражданскими лицами, помогли им обосноваться в крупнейших городах и в сельской местности. Российские подданные до конца 1920 г. имели право свободного выбора места жительства (с лета 1920 г. — за исключением нескольких городов), свободу передвижения по стране, занятия предпринимательством, должностей в армии и государственном аппарате [12, с. 11].

Восстановлению дипломатических отношений между двумя государствами препятствовала внутренняя борьба в самом Королевстве, отношения Коммунистическая партия Югославии (КПЮ), Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП), позиция премьер-министра и Короля, русская эмиграция в стране и позиция Советской России (СССР) к белоэмигрантам и к самому югославскому правительству.

На первом этапе КПЮ положительно оценила образование нового государства, как и избранную формулу объединения трех народов. Изменение позиции произошло после 3-го пленума Коминтерна в июне 1923 г. и 5-го конгресса, состоявшегося летом 1924 г., на котором в «Резолюции о национальном вопросе в Югославии» югославянская государственная идея о «триедином народе» была оценена как прикрытие «велико-сербского империализма», а «Видовданская конституция, препятствующая всякому национальному, экономическому и культурному развитию несербских наций». На ней же была принята резолюция, содержащая положение о праве наций на самоопределение [13, с. 310–311; 9, с. 79–81].

В декабре 1923 г. югославский посланник Нешич нанес визит советскому полпреду Юреневу. Он сразу заявил, что уполномочен министром Нинчичем «поддерживать дружбу», но «задания вести официальных переговоров он не имеет». Он утверждал, что главной помехой на пути восстановления «договорных отношений» между КСХС и СССР был «престарелый Пашич», поэтому сторонникам сближения с СССР приходится «вести свою работу планомерно, без скачков и, по возможности, без резкого разрыва с Пашичем» [1, с. 149–153].

Неизвестно, в каком направлении продолжалась бы дипломатическая игра Белграда, если бы все карты не спутала международная активность лидера ХРКП С. Радича. После неудачных переговоров в Лондоне, где ему не удалось добиться поддержки в решении хорватского вопроса, Радич прибыл в Москву и 27 июня 1924 г. заявил что «ХРКП вступает в Крестьянский Интернационал» [14, с. 32–33].

Перед НКИД возникла дилемма: продолжить переговоры с представителями КСХС или делать ставку на лидера ХРКП С. Радича. Заместитель наркома М. М. Литвинов в беседе с новым полпредом СССР в Чехословацкой республике В. А. Антоновым-Овсеенко отметил, что «возня с Радичем» затруднила соглашение с Югославией. Нарком Г. В. Чичерин придерживался противоположной точки зрения, считая, что «правительство Пашича, испугавшись наших связей с Радичем, сделалось покладистым» [14, с. 90]. В сентябре 1924 г. НКИД рассматривал вопрос о назначении резидента в Загреб. В декабре 1924 г. против вступившей в Крестинтерн ХРКП был применен «Закон о защите общественной безопасности и порядка в государстве» [3, с. 225]. Партия распускалась, Радич и его соратники подверглись аресту. Надежды советского правительства, возлагаемые на лидера ХКРП, не оправдались. В тюрьме Радич дал согласие на заявление от его имени о признании Видовданской конституции 1921 г. и королевской династии Карагеоргиевичей, пообещал выйти из Крестинтерна и в марте 1925 г. в скупщине была оглашена декларация

Радича с отказом от участия в Крестьянском Интернационале [9, с. 78–79]. Его партия перестала называться республиканской и вскоре вошла в коалицию с Радикальной партией.

Поверенный в делах СССР в Великобритании Х. Г. Раковский огласил декларации советского правительства в отношении Балкан. В декларации подчеркивалось, что «осуществление принципа федерации в Югославии с предоставлением автономии в пределах федерации Хорватии, Словении, Черногории, Македонии, Далмации и Сербии устранило бы кризис, который не прекращается с самого момента возникновения этого государства и который не может быть разрешен применением силы...» [15, с. 418–419].

Во время визита в Париж Чичерина премьер-министр и министр иностранных дел Франции А. Бриан в декабре 1925 г. обещал повлиять на Прагу и Белград в пользу установления отношений с СССР и выражал уверенность, что это произойдет в ближайшее время [16, с. 734].

В конце 1925–начале 1926 г. уже правительство Королевства СХС самостоятельно попыталось вступить в контакт с СССР, прибегнув к посредничеству турецкого министра иностранных дел Т. Рушди. «Для полного восстановления дипотношений с СССР югославское правительство должно снестись с другими правительствами Малой Антанты. Взять на себя обязательства перед СССР через посредство Турции» [17, с. 13–14]. Белград был готов заключить с Москвой договор «почти одинаковый с советско-турецким», который был подписан в декабре 1925 г. Договор предусматривал взаимные обязательства СССР и Турции соблюдать нейтралитет при нападении на одну из сторон, воздерживаться от всякого нападения друг на друга и не принимать участия ни в каком союзе или соглашении, направленном против другой стороны [16, с. 739–741]. В январе 1926 г. нарком Г. В. Чичерин сообщил турецкому послу в Москве Зекяибееву, что СССР согласен заключить с Югославией договор, аналогичный советско-турецкому. Чичерин сообщил послу, что во время переговоров Советский Союз потребует «ропуска и разоружения белогвардейских организаций, ибо с таким договором несовместимо присутствие организованной вооруженной враждебной нам армии, но это будет уже предметом переговоров» [1, с. 181–182]. Начавшиеся переговоры вскоре прервались из-за кампании в белградской прессе, обвинявшей Москву в подстрекательстве различных политических партий и организаций к свержению существующего государственного строя. Как писала одна из белградских газет, «вопрос о возобновлении дипломатических отношений с СССР снят с очереди на продолжительное время» [14, с. 576–577]. Советское правительство опровергло утверждение белградской прессы о вмешательстве во внутривнутриполитическую жизнь югославского королевства.

Летом 1927 г. советское полпредство содействовало первой разрешенной белградскими властями поездке студентов из КСХС, обучающихся в Праге, в СССР.

Государственный переворот в январе 1929 г. в КСХС не изменил югославскую позицию по вопросу признания и установления дипломатических отношений с СССР. В письме В. Н. Штрандтману в декабре 1929 г. король Александр писал: «Я могу Вас уверить, что никогда мои чувства к стране, которой мой народ и я обязаны вечной благодарностью, не изменяется и ничто не может их ослабить. Вы всегда для меня останетесь Представителем этой России» [18, с. 391].

Отношения между СССР и Королевством Югославия в 1920–30-е гг. были двойственными. Проводились неофициальные встречи, отдельные югославские политики высказывались за установление дипломатических отношений между странами. В феврале 1933 г. в Женеве был подписан «Организационный пакт» странами Малой Антанты Румынией, Югославией и Чехословакией. Страны обязались не заключать никаких политических договоров и экономических соглашений с третьими странами без согласия других участников пакта. В августе 1934 г. Югославия подписала приглашение СССР в Лигу наций [8, с. 187], а также международные соглашения с СССР.

Большое значение имела конференция глав МИД стран — участниц Малой Антанты, состоявшаяся в январе 1934 г. в Загребе, на которой обсуждался вопрос об отношениях между СССР и ее членами. На ней было принято решение о признании и об установлении отношений с Советским Союзом при наличии необходимых общих экономических, дипломатических и политических условий [19, с. 775]. Белград решил не препятствовать союзникам в принятии соответствующих решений, однако сам предпочел на время воздержаться от официального признания СССР. Начавшийся процесс приостановился после гибели короля А. Карагеоргиевича. Советский Союз, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, принимает постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июня 1934 г. с указаниями наркому по иностранным делам СССР М. М. Литвинову о возобновлении дипломатических отношений с Румынией, Югославией и Чехословакией. Постоянный Совет Малой Антанты в июне 1934 г. констатировал, что «политические и дипломатические условия позволяют ныне каждому из государств поступить в согласии с Загребской резолюцией». 9 июня 1934 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Румынией и Чехословакией [19, с. 379, 380].

Принц-регент Павел Карагеоргиевич и новый премьер-министр и глава МИД М. Стоядинович отвергли формальное признание Советского

Союза, отказались от контактов с советскими дипломатами и все отчетливее дистанцировались от совместного курса стран Малой Антанты. Король Александр проводил свою политику в двух направлениях — диктатура во внутренней политике и антисоветская линия во внешней политике. После смерти короля Югославии была ликвидирована диктатура, а югославское правительство, выступая сторонником признания СССР, считало «неудобным ломать линию внешней политики, чтобы не создавать у сербского народа впечатления неуважения к погибшему королю» Югославии [20, с. 556].

Переговоры об установлении дипломатических отношений активизировались после окончания советско-финской войны. В сентябре 1939 г. был снят Герб Российской империи с дверей бывшего посольства России в Белграде [21, с. 29], а в декабре Югославия воздержалась об исключении СССР с Лиги наций [8, с. 300]. В конце апреля 1940 г. при участии югославского посла в Анкаре была достигнута договоренность о визите торговой делегации Югославии в Москву и о процедуре обмена нотами между правительствами о взаимном признании. В мае югославская делегация прибыла в Москву и подписала экономические соглашения и приступила к обсуждению двустороннего сотрудничества. Дипломатические отношения между СССР и Югославией установлены на уровне миссий 24 июня 1940 г. путем обмена нотами между послом Королевства Югославии в Турции и полпредом СССР в Турции А. В. Терентьевым [22, с. 369, 370]. Королевство оказалась одним из последних европейских государств, которое признало Советский Союз и установило дипломатические отношения.

Таким образом, при отсутствии между Советской Россией и Королевством СХС дипломатических отношений контакты между советским полпредством и белградским посольством в рассматриваемый период имели место. Предпринимались попытки наладить отношения между двумя странами. Успеху переговоров мешали непоследовательность как советской, так и югославской дипломатии, в том числе обусловленная идеологическими столкновениями и предрассудками.

Библиографические ссылки

1. Советско-югославские отношения 1917–1941 гг. Документы и материалы. М.: Наука, 1992. 416 с.
2. Животич А. Югославско-советские отношения. 1939–1941 / Перевод с сербского П. Е. Зеновской, М. М. Василькиной. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 292 с.
3. Довгялло М. С. Политическая история зарубежных славянских стран Новейшего времени: государственные и общественные деятели, хронология событий. Мн.: БГУ, 2024. 391 с.
4. Москва–Сербия, Белград–Россия: сборник документов и материалов. Т. 4. Русско-сербские отношения, 1917–1945 гг. М.: Главное архивное управление г. Москвы, 2017. 1026 с.

5. Документы внешней политики СССР. Т. 1. (7 ноября 1917–31 декабря 1918 г.). М.: Политическая литература, 1957. 771 с.
6. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / Пер. с сербс. А. Ю. Тимофеева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2005. 488 с.
7. Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сборник документов в 2 книгах. М.: Гей, 1998. Кн. 2. 1938–1940. 621 с.
8. *Романенко С. А.* Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века–1991 год). М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1024 с.
9. Хрестоматия по истории южных и западных славян: учеб. пособие для вузов. В 3 т. Т. 3. Новейшая история / Отв. ред. Д. Б. Мельцер, Г. И. Чернявский. Мн.: Университетское, 1991. 413 с.
10. Политическая история белой эмиграции 1920–1940-х гг.: Док. и материалы: учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. М., ВЛАДОС, 1999. 776 с.
11. *Сумская М. Ю.* Русская эмиграция в 20–30-х годах XX века: социальная, правовая и экономическая адаптация. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах. 2011. 200 с.
12. *Козлитин В. Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7–19.
13. *Аникеев А. С.* Некоторые аспекты проблемы национального государственного устройства межвоенной Югославии (1918–1945) // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. СПб., Алетей, 2005. 406 с.
14. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала–середины 1920-х годов). В 2-х ч. / под ред. Р. П. Гришиной. Ч. 2. Июнь 1924 г.–декабрь 1926 г. / Под ред. Р. П. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2003. 688 с.
15. Документы внешней политики СССР. Т. 7 (1 января–31 декабря 1924 г.). М.: Политическая литература, 1963. 760 с.
16. Документы внешней политики СССР. Т. 8 (1 января–31 декабря 1925 г. док. 396). М.: Политическая литература, 1963. 862 с.
17. Документы внешней политики СССР. Т. 9 (1 января–31 декабря 1926 г.). М.: Политическая литература, 1964. 783 с.
18. *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания. М.: Книжница, Русский путь, 2014. Ч. 2 (1914–1915 гг.). 504 с.
19. Документы внешней политики СССР. Т. 17 (1 января–31 декабря 1934 г.). М.: Политическая литература, 1971. 880 с.
20. Документы внешней политики СССР. Т. 18 (1 января–31 декабря 1935 г.). М.: Политическая литература, 1973. 718 с.
21. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. // [В. Т. Юнгблюд, Т. А. Воробьева, А. В. Збоев и др.; отв. ред. В. Т. Юнгблюд]. Киров: Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2024. 510 с.
22. Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн. Кн. 1. Январь–октябрь 1940. М.: Междунар. отношения, 1995. 752 с.

НЯМЕЦКА-ПОЛЬСКАЯ ДЭКЛАРАЦЫЯ АБ НЕПРЫМЯНЕННІ СІЛЫ АД 26 СТУДЗЕНЯ 1934 г. Ў АЦЭНКАХ БРЫТАНСКАЙ ДЫПЛАМАТЫ

А. М. Дуброўка

*УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны», вул. Савецкая, 104,
246028, г. Гомель, Беларусь, dubrovko@gsu.by*

У артыкуле прааналізаваны ацэнкі з боку брытанскіх дыпламатаў і палітыкаў факту з'яўлення 26 студзеня 1934 г. нямецка-польскай дэкларацыі аб непрымяненні сілы. Паказана, што яна разглядалася як польская ініцыятыва, накіраваная на дэманстрацыю павышэння Варшавай свайго міжнароднага статусу. Пры гэтым прызнаецца, што з'яўленне гэтага дакумента змусіла Лондан пры мадэляванні ўласнай палітыкі ў Еўропе ўлічваць «нявызначанасць» пазіцыі Польшчы ў выпадку антынямецкіх акцый.

Ключавыя словы: Вялікабрытанія; Польшча; Германія; знешнепалітычная канцэпцыя.

НЕМЕЦКО-ПОЛЬСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О НЕПРИМЕНЕНИИ СИЛЫ ОТ 26 ЯНВАРЯ 1934 г. В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Е. Н. Дубровко

*УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель, Беларусь, dubrovko@gsu.by*

В статье проанализированы оценки со стороны британских дипломатов и политиков факта появления 26 января 1934 г. немецко-польской декларации о неприменении силы. Показано, что она рассматривалась как польская инициатива, направленная на демонстрацию повышения Варшавой своего международного статуса. При этом признается, что появление этого документа вынуждало Лондон при моделировании собственной политики в Европе учитывать «неопределенность» позиции Польши в случае антинемецких акций.

Ключевые слова: Великобритания; Польша; Германия; внешнеполитическая концепция.

THE GERMAN-POLISH DECLARATION ON THE NON-USE OF FORCE OF JANUARY 26, 1934 IN BRITISH DIPLOMACY ASSESMENTS

E. N. Dubrovko

*Francisk Skorina Gomel State University,
104 Sovetskaya St., 246028, Gomel, Belarus, dubrovko@gsu.by*

The article analyzes the assessments by British diplomats and politicians of the fact that the German-Polish declaration on the non-use of force appeared on January 26, 1934. It is shown that it was considered as a Polish initiative aimed at demonstrating Warsaw's

increasing international status. At the same time, it is recognized that the appearance of this document forced London, when modeling its own policy in Europe, to take into account the «uncertainty» of Poland's position in the case of anti-German actions.

Keywords: the UK; Poland; Germany; foreign policy concept.

У пачатку 1930-х гг. правядзенне перамоваў на пляцоўцы Жэнеўскай міжнароднай канферэнцыі па скарачэнні і абмежаванні ўзбраенняў разглядалася Лонданам як магчымасць не дапусціць бескантрольнага ўзбраення Германіі і абвастрэння яе адносін з Францыяй. Аднак ужо восенню 1933 г. Германія пакінула Жэнеўскую міжнародную канферэнцыю, а таксама заявіла аб выхадзе з Лігі Нацый. Гэтыя абставіны змянялі геапалітычную сітуацыю ў Еўропе, што было адзначана брытанскімі дыпламатамі.

17 студзеня 1934 г. брытанскі пасол Уільям Эрскін пісаў з Варшавы кіраўніку знешнепалітычнага ведамства Джону Сайману пра палітыку Польшчы, накіраваную на паляпшэнне адносін з Германіяй. Яе першай прыкметай быў пачатак гандлёвых перамоваў у кастрычніку 1933 г. На яго думку, такая палітыка мела дзве мэты: запоўніць прабел, які ўтварыўся ў сістэме бяспекі Польшчы ў сувязі з выхадам Германіі з Лігі, а таксама застрахавацца ад пагаднення паміж Францыяй і Германіяй, якое можа пакінуць Польшчу «на волю лёсу». Ён паказваў, што збліжэнне з Германіяй без папярэдняга інфармавання Францыі было адказам на дзеянні Парыжа па падпісанні «Пакта чатырох» летам 1933 г., а таксама дыпламатычнай заявай, што Польшча чакае адносін да сябе як да роўнага партнёру, а не як да сатэліту. Паводле ацэнкі брытанскага амбасадара, пасля прыходу на пасаду кіраўніка польскага Міністэрства замежных спраў Юзэфа Бека ў лістападзе 1932 г. у палітыцы Польшчы стала вельмі прыкметная тэндэнцыя да большай незалежнасці і актыўнасці. Пры гэтым У. Эрскін адзначаў, што імкненне польскіх палітыкаў да прызнання важнасці іх дзяржавы, абумоўленай геаграфічнай пазіцыяй памераў тэрыторыі і ваеннай сілай, «не зручна і не апраўдана» і можа стварыць шмат праблем [1, р. 638–670]. Такая ацэнка адлюстроўвала ўстаноўку брытанскай дыпламатыі на арыенціроўку перш за ўсё на ўзаемадзеянне паміж «вялікімі дзяржавамі», дамаганні ж Польшчы, якая не ўваходзіла ў іх лік, разглядаліся як фактар, што дэстабілізуваць звыклую расстаноўку сіл.

Вынікам новай польскай палітыкі стала падпісанне 26 студзеня 1934 г. германа-польскай дэкларацыі аб непрымяненні сілы, пра што 27 студзеня ў Лондан паведаміў з Берліна брытанскі амбасадар Эрык Фіппс [2, р. 21–33].

Неўзабаве ў Злучаным Каралеўстве стала вядомая рэакцыя Францыі на гэтую падзею. Брытанскі прадстаўнік у Парыжы пісаў Дж. Сайману, што, з аднаго боку, рэакцыя станоўчая, бо дэкларацыя пацвярджае існуючыя

дамоўленасці (г. зн. польска-французскі саюз 1921 г. — *А.Д.*). З іншага боку, прысутнічала раздражненне, так як польскі ўрад не праінфармаваў Парыж загадзя аб дакладным тэксце [3, р. 349]. Гэта паказвала імкненне Польшчы выйсці са становішча «малодшага саюзніка», прымушала сумнявацца ў надзейнасці франка-польскага саюза.

Падобнай была і рэакцыя брытанскай дыпламатыі: 29 студзеня 1934 г. Дж. Сайман запрасіў польскага амбасадара Канстанціна Скірмунта. Ён павіншаваў польскага дыпламата з заключэннем «пакта аб ненападзе» з Германіяй, але пры гэтым папракнуў Варшаву ў тым, што брытанскі ўрад яшчэ не атрымаў тэксту пагаднення. Кіраўнік Форын офіс падкрэсліў, што Лондан «хацеў бы ўзаемадзейнічаць з Польшчай як з адной з дзяржаў, якія маюць права на найбольш ранняе атрыманне інфармацыі» [3, р. 352–353], а гэта патрабавала ўзаемнасці.

30 студзеня У. Эрскін з Варшавы ў сваю чаргу пісаў Дж. Сайману, што гутарыў з Ю. Бэкам, каб даведацца падрабязнасці аб польска-германскай дэкларацыі. Падчас сустрэчы, паводле яго слоў, ён таксама падкрэсліў, што такое хуткае развіццё падзей стала для яго нечаканасцю [3, р. 357–360].

Такім чынам факт з'яўлення няўзгодненай загадзя з Лонданам і Парыжам германа-польскай дэкларацыі быў успрыняты брытанскай дыпламатыяй з незадаволенасцю.

Неўзабаве з'явіліся і ацэнкі зместу гэтага дакумента, а таксама аналіз яго наступстваў. 9 красавіка 1934 г. Форын офіс прадставіў у Кабінет мемарандум, у якім сцвярджалася, што агрэсіўнасць Германіі расла, наступствы яе паразы ў Першай сусветнай вайне будуць непазбежна ліквідавацца. У якасці крокаў па ліквідацыі наступстваў былі пазначаны «польскі калідор, аншлюс, Сілезія, магчыма, калоніі». На думку амбасадара ў Берліне Э. Фіпса, «Германія не верыла ні ў Лігу Нацый, ні ў перамовы». Таму ў Форын офіс разглядалі германа-польскую дэкларацыю, як польскую ініцыятыву. Меркавалася, што Германія не мае намеру яе выконваць [4, р. 250–256].

З'яўленне польска-германскай дэкларацыі, аднак, паўплывала на ацэнку месца Польшчы ў еўрапейскіх адносінах. Як мінімум, гэта падзея ўлічвалася пры планаванні брытанскай палітыкі ў Еўропе. Напрыклад, 28 лютага 1934 г. у Кабінет паступіў звышсакрэтны дакумент па пытаннях абароны, у якім аналізавалася патэнцыйная магчымасць авіяцыйных налётаў з боку Германіі. Дапускалася, што налёты могуць быць менш частымі ў выпадку сутыкнення з паветранымі сіламі Францыі і іншых дзяржаў. Пры развазе пра апошнія адзначана, што на Польшчу разлічваць не даводзілася, бо «яна можа быць паралізаваная спецыяльным пагадненнем» [5, р. 385–386].

У выніку, з аднаго боку, стаўка была зробленая на ўласныя ваенна-паветраныя сілы. У сакавіку 1934 г. пры зацвярджэнні бюджэту ўжо было прадугледжана нязначнае іх павелічэнне, а 20 ліпеня была абвешчаная праграма далейшага павелічэння ваеннай авіяцыі [6, с. 249]. З іншага боку, разглядаўся варыянт заахвоціць Францыю прыняць мінімальныя нямецкія ўмовы, якія тычацца пытання аб межах з Польшчай або Аўстрыяй, рэалізацыі нямецкіх амбіцый у адносінах да Данцыга або Мемеля. Пры гэтым, праўда, не дапускаўся варыянт заключэння ваеннага саюза з Францыяй у абмен на гэтыя саступкі з яе боку [7, р. 336–337].

Сакавік прынёс чарговую прыкмету наладжвання адносін паміж Польшчай і Германіяй — 7 сакавіка 1934 г. у Варшаве быў падпісаны пратакол аб спыненні мытнай вайны з Германіяй [8, л. 98]. У гэтых абставінах французскія дыпламаты распачалі намаганні з тым, каб не дапусціць далейшага ўзаемадзеяння Польшчы з Германіяй у адзіночку. Гэтую мэту пераследваў візіт у Польшчу міністра замежных спраў Францыі Луі Барту ў красавіку 1934 г. [3, р. 648]. Французскія дыпламаты, перадаючы ў Лондан інфармацыю пра візіт, паведамлялі, што «палякі заявілі, быццам яны чакаюць стаўлення да сябе як да незалежнай вялікай дзяржавы, і стаўленне папярэдніх урадаў радыкалаў, асабліва ў пытанні раззбраення, вельмі пахіснула іх веру ў Францыю». Падкрэслівалася, што яны не схільныя да збліжэння з савецкім урадам Расіі, а Францыя жадала б гэтага, каб выкарыстоўваць Расію для стрымлівання Германіі. Была, праўда, таксама інфармацыя, што планаваўся візіт у Францыю польскіх вайскоўцаў для абнаўлення ўмоў сакрэтнага ваеннага пагаднення [3, р. 669–670]. Па запэўненнях французскіх дыпламатаў, Польшча не перамяшчалася ў арбіту Германіі, нічога за межамі студзенскай германа-польскай дэкларацыі не было. Пры спробе высветліць адказ на пытанне аб абнаўленні ўмоў ваеннага пагаднення, брытанскія дыпламаты прыйшлі да высновы, што пасля падпісання «Пакта чатырох» франка-польскія адносіны астудзелі і на дадзеным этапе прадпрымаліся спробы іх аднаўлення [3, р. 688–689].

9 мая 1934 г. англійскі пасол У. Эрскін таксама пісаў у Форын офіс з Варшавы пра візіт Луі Барту ў Польшчу, яго значэнне і вынікі. На яго думку, было сумнеўна, што Польшча дасягнула з Германіяй нейкага пагаднення па пытанні раззбраення. Таксама ён усумніўся, што Юзаф Пілсудскі меў ласку да Адольфа Гітлера: такое ўражанне ён мог вырабляць наўмысна, каб дамагчыся большага ад Францыі. Брытанскі амбасадар меркаваў, што самае галоўнае, чаго чакае Польшча ад Францыі, — падтрымка прэтэнзій на пастаяннае месца ў Радзе Лігі Нацый і прэтэнзій на адмову ад дамовы аб становішчы нацыянальных меншасцяў [3, р. 693–694].

Відаць, менавіта з улікам вынікаў візіту Л. Барту і зместу паведамленняў брытанскага амбасадара ў Польшчы, Дж. Сайман прадстаўляў 14 мая Кабінету праект еўрапейскай канвенцыі супраць бамбардзіровак з паветра. Кіраўнік Форын офіс паказваў, што гэта мера накіравана супраць патэнцыйных бамбаванняў з боку Германіі. Сутнасць яе складалася ў тым, што краіны, якія падвергліся бамбаванням, атрымлівалі права наносіць аналагічныя ўдары па тэрыторыі праціўніка. Адзначалася, што такія ўдары змогуць, відавочна, наносіць толькі Францыя і Вялікабрытанія, але не выключалася магчымасць, што да іх далучыцца Польшча [9, р. 181].

Такім чынам, з'яўленне германа-польскай дэкларацыі ў студзені 1934 г. прадэманстравала брытанскім дыпламатам і палітыкам рэалізацыю імкнення Польшчы да павышэння свайго міжнароднага статусу, прымусіла мадэляваць іх далейшую палітыку, перш за ўсё абарончую, з улікам магчымасці як удзелу Польшчы ў дзеяннях, накіраваных супраць Германіі, так і без яе ўдзелу.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Documents on British foreign policy. 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. London: Her Majesty's Stationery Office, 1958. Vol. 7.
2. British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2.: From the First to the Second World War. Ser. F. Europe, 1919–1939. Bethesda: University Publications of America, 1993. Vol. 45.
3. Documents on British foreign policy. 1919–1939. 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. London: Her Majesty's Stationery Office, 1958. Vol. 6.
4. Cabinet Papers № 1(34)–65(34) // The National Archives. URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-248.pdf (дата обращения: 30.08.2025.)
5. Cabinet Papers № 66(34)–111(34) // The National Archives. URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-247.pdf (дата обращения: 03.09.2025).
6. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939). М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1962.
7. Cabinet Conclusions 1(34)–15(34), 1934 16 Jan–16 Apr. // The National Archives. URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-78.pdf (дата обращения: 30.08.2025).
8. Кузьмичёва А. Е. Польско-французские отношения в 1933–1935 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.2. М., 2023.
9. Cabinet Papers № 112(34)–176(34). P. 181 // The National Archives. URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-249.pdf (дата обращения: 30.08.2025).

ОБРАЗ ГОРОЖАН В ХРОНИКАХ ЖАНА ФРУАССАРА

Н. А. Закрочинский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, nikitazakrochinskiy02@mail.ru*

Автор на основе хроник Жана Фруассара реконструирует образ городского населения XIV в. Выделяются две главные группы данного социального слоя: торговцы и ремесленники. По отношению к первым автор стоит сугубо отрицательно, ведь их профессиональное занятие противоречит системе рыцарских категорий, пропагандируемых хронистом. Говоря о ремесленниках, то, когда их политическая активность затрагивает устои монархии, то они попадают под критику автора.

Ключевые слова: Этьен Марсель; Жан Фруассар; сословие горожан; восстание во Фландрии 1379–1385 гг.; средневековая историография; Филипп ван Артевельде.

THE IMAGE OF THE CITIZENS IN THE CHRONICLES OF JEAN FROISSART

N. A. Zakrachynski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, nikitazakrochinskiy02@mail.ru*

The author reconstructs the image of the urban population of the 14th century based on the chronicles of Jean Froissart. Two main groups of this social class are distinguished: merchants and artisans. The author has a strictly negative attitude towards the former, since their professional occupation contradicts the system of knightly categories promoted by the chronicler. Speaking about artisans, when their political activity affects the foundations of the monarchy, they fall under the author's criticism.

Keywords: Etienne Marcel; Jean Froissart; burgher class; Flemish revolt of 1379–1385; medieval historiography; Philip van Artevelde.

Выходец из горожан: торговцев сукном, Жан Фруассар в своей хронике стал выразителем мнения рыцарского сословия, а не членов своей корпорации. Только в случаях политической активности городского населения мы можем увидеть образ, который конструирует автор в рамках своего труда. В данной работе мы поставили своей целью выделить отличительные характеристики городского сословия в глазах Жана Фруассара.

Затронем вначале купцов, к которым выкристаллизовывалось только негативное отношение. Это отчётливо прослеживается в описании политического кризиса 1386–1388 гг. в Англии, когда хронист изображает Майкла де ла Поля, лорда-канцлера как узурпатора, подстрекателя к конфликтам внутри королевской семьи. А также администратора и советника, неспособного проводить политику в интересах английского рыцарства [1, р. 73–74]. Отметим, что канцлер был сыном купца, который

смог подняться по социальной лестнице благодаря контрабандной торговлю шерстью, а позже занимался спонсированием военных кампаний Эдуарда III [2, р. 180]. Другим примером для нас может выступить крестовый поход 1390–1391 гг. — совместная акция французской короны и республики Генуи. Участники от итальянской республики символизировали купеческое сословие. О действиях генуэзцев хронист в большей степени умалчивает, а к концу похода через мысли французских рыцарей предполагает, что итальянцы совершили предательство. Ведь заключив договор с халифом, который откупился золотом от нападающих, Генуя не дала исполнить основную задачу, которую видели рыцари в данном мероприятии [3, с. 172]. Причиной такого отторжения от торговцев следует искать в системе рыцарских категорий, которые пропагандировал Жан Фруассар. В эпоху позднего средневековья богатство воспринималось как источник гордыни, что в свою очередь порождало порочное поведение. Как раз в сознании дворянства праздный буржуа и выступал антитезой благочестивого рыцаря [4, с. 120–121].

Политическим символом третьего сословия хронист будет считаться также прево купцов. Это прослеживается в эпизоде созыва Генеральных штатов в 1355 г., когда королю Иоанну потребовалось деньги для ведения войны и содержания войска. Фруассар персонифицирует три сословия, которые заседали в представительном органе, через архиепископа Реймса Жака III де Краона, Готье VI де Бриенна и купеческого прево Этьена Марселя [5, р. 285]. Последний в середине 1350-х гг. спровоцировал политический кризис в стране и попытался сместить будущего Карла V с престола, что выразилось в восстании 1356–1358 гг. и фактической узурпацией власти в Париже. Хронист пишет как охрана прево убивает ближайших советников дофина, вступает в сговор с Карлом Наваррским, который является прямым конкурентом за французский престол. Всё это не может не разрушить устойчивую картину идеального порядка по Фруассару, где третье сословие полностью дестабилизирует политический ландшафт в королевстве. Хронист, конечно же, колеблется, выбирая: кто должен управлять страной после пленения Иоанна Доброго. С одной стороны, он готов рассмотреть и Карла Злого за свои воинские качества доблестного рыцаря, способного организовать оборону Парижа. С другой стороны, и Этьен Марсель со своими амбициями подходит под эту роль, строя стену вокруг Парижа, которую хронист рассматривал как «самое полезное действие, которое предпринимал прево» [5, р. 391–392]. К тому же Марсель справедливо критикует дофина, который не способен организовать защиту королевства от распространяющейся Жакерии, а также вольных рот, заполонившие королевство. Целью купца как раз являлось их уничтожение, что

попадало под понятие общего блага и установления справедливости. Таким образом, купец получал легитимное право организовать открытое вооруженное восстание парижан против действия правительства [6, с. 187]. Но по итогу хронист видит именно Генеральных штатах легитимную власть в период бескоролья. Когда прево обращается к дофину с требованием передачи себе полномочий, то герцог Нормандский отправляет его к словесному представительству [5, р. 383–384], способному осуществить задуманные планы Марселя. Причиной такой неспособности дать однозначную оценку купеческому прево состоит в использовании «Правдивых хроник» Жана Ле Беля для написания первых десятилетий своего труда. В них Ле Бель ставит Марселя как зачинщика к Жакерии в результате их злобы по отношению к королю и дофину [7, р. 11–12]. Однако по сравнению со своим учителем хронист намеренно гиперболизирует и драматизирует события, которые ему встречаются в процессе написания труда. С целью оказания эмоционального воздействия на потенциального читателя, которым будет являться представитель рыцарского сословия. Убийство советников дофина, союз с Карлом Наваррским, а также использование наёмников англичан, убивших несколько парижан, подталкивают хрониста тяготеть к одностороннему отрицательному образу купеческого сословия в истории. Вышеописанные примеры поведения торговцев, которые запечатлел хронист, являются однозначными примерами для нас.

Далее для нас будет важным образ ремесленного сословия в глазах Жана Фруассара. Рассмотрим на примере восстаний горожан в Западной Европе на рубеже 1370–80-х гг. Восстание во Фландрии 1379–1385 гг. рассматривается хронистом как конфликт между двумя зажиточными кланами патрициата лодочников, но «настоящая вражда» [8, р. 97–98], как считает Фруассар, ещё имела место между предками семьи Матьюзов и Иоганном Лионом, которые и спровоцируют конфликт в Генте. Кровная вражда двух семей для автора ставится на первый план, чем экономические интересы двух городских группировок. Родовые узы, несомненно вплетённые в экономическое противостояние, являлись неотъемлемым фактором средневекового общества. В то же время данная литературная вставка давала истории больше красочности и, возможно, использовалась для дидактического эффекта. Ведь примеры кровной вражды среди дворян могли порождать увлекательные, а также наполненные проявлением множеств добродетелей рыцарей, в поиске которых и был Жан Фруассар. Ситуация эпохи хрониста описывалась как алчное желание одной семьи получить расположение графа Людовика Мальского и вытеснить из протекции своих заклятых врагов. После затишья произошёл очередной всплеск конфликта, когда граф Фландрии дал право городу Брюгге прорыть канал между реками Лис

и Рейе. Впоследствии это ударяло по экономической мощи Гента. Потом происходит заключение в тюрьму гентского бюргера, что ещё больше подогревает недовольство население, которое критикуют сеньора за нарушение их «свобод и древних привилегий» [8, р. 108]. Стоит подчеркнуть, что хронист акцентирует для читателя внимание на то, что благодаря подстрекательству Иоганна Лиона данные споры развернулись в широкое восстание. В целом, образ Лиона носит отрицательные коннотации. Ведь вместо того, чтобы умирить гентцев самостоятельно и пойти на мирные переговоры, то он подталкивал население к ещё большему насилию против администрации Людовика. Для автора сами участники восстания не являются столь деструктивной силы, чем те капитаны, которые повернули народ против своего сеньора. К тому же, наблюдается некоторое сочувствие бедной части населения городов, которые противопоставляются «богатым и знатным, которых не стоит ни жалеть... ни оправдывать, веди они... были первопричиной всех своих несчастий» [8, р. 316]. При этом, когда хронист описывается восстание «майотенов», то он изображает его как классическое феодальное восстание, направленное против власти феодалов-сеньоров, но не короля. Уже при возвращении французской армии в Париж и последующим подавлением мятежа стоит отметить некоторое сочувствие. С одной стороны, непомерные штрафы в королевскую казну, а с другой несправедливое вынесение смертных приговоров [9, р. 254].

Фруассар фиксировал также и незаконные конфискации сторонников графа, которые сбегали из Гента, боясь расправы, которую поощряла патрицианская верхушка города. В особенности в виду радикализации восстания 1380–1381 гг., когда восставшие начинают устраивать разорение и захват близлежащих графских городов с целью подчинения себе всей Фландрии ещё больше усилило эмиграцию [10, р. 7]. На волне кризиса в восстании капитаном города избирают — Филиппа ван Артевельде. Память об отце Якобе, которого чтили во Фландрии уже несколько десятилетий, сыграла на руку при выборе военного руководителя Гента. Отметим, что хронист продолжает вести красной нитью мнение, что лидеры восставших, беспокоясь эгоистически о своей жизни, намеренно срывают все попытки переговоров, ведь как утверждает союзник Филиппа Пьер де Дюбуа: «...наши головы будут платой любого договора...» [9, р. 10]. Очередной раз морализация автором нравственных черт руководителей восстания приводит читателя рыцаря к возмущению и желанию подавить бунт горожан. При столкновении рыцарей Людовика с войском Артевельде хронист обязательно указывает на их храбрость, отвагу и твёрдую приверженность христианству: «...осенив себя крестным знаменем и вверив себя Господу и Святому Георгию, обрушились на врагов» [9, р. 5]. Аналогичных коннотаций о

религиозности восставших со стороны Фруассара не наблюдается. Но планомерно и точно хронист указывает на материальную жажду восставших, когда занимаются грабежом домов эмигрантов или снимают те же доспехи с рыцарей. На негативный образ горожанина для хрониста повлияли череда восстаний рубежа 70–80-х гг. XIV в. Экзистенциальная угроза привычному для автора порядку выражалась как раз в политической активности «третьего сословия». С одной стороны, доверия к нему нельзя испытывать и заключать соглашение крайне опасно, что показало вышеописанный эпизод с крестовым походом. С другой стороны, бунты в Англии, Франции, Фландрии, Италии показывали на хрупкий социальный мир, который имел место в странах средневековья.

После подчинения Фландрии Артевельдем, где последним оплотом остался Ауденарде, глава Гента начинает вести роскошный образ жизни, который явно напоминал образ жизни дворянина. По описанию Фруассара горожане чтили его «будто он Бог» [9, р. 114], ведь глава восстания сумел добиться экономического могущества для своего города. Режим, установленный Артевельде, опирался на союз бунтующего ремесленного слоя населения и старой аристократии [11, р. 168]. От последней капитан Генге взял и их церемониал, в котором хронист явно видит графа Фландрского. Многочисленные отсылки на «перерождение Артевельде» в нового графа негативно не рассматриваются хронистом, однако именно в этом можно усмотреть падение режима Артевельде в результате похода Карла VI. Политически капитан Гента сумел достичь до уровня власти, которой обладал их сеньор Людовик Мальский, однако социально он всё же оставался сыном суконщика. Поэтому глава восстания пытается аристократическими практиками войти в рыцарское сословие. Но для Фруассара, который был апологетом жёсткого социального разделения, это будет неприемлемым. К тому же вышеописанные акты насилия по отношению к рыцарям не давали хронисту причин для одобрения таких попыток «стать рыцарем». Можем сказать, что этот образ наоборот привёл к подтверждению измышлений интеллектуалов позднего средневековья о «третьем сословии». Высоконравственными добродетелями могла обладать только аристократия, а за низшими слоями населения признания лишь низкие и рабские добродетели. К примеру, для Шателлена одобряемыми качествами являлись покорность и повиновение своему государю [12, с. 104]. В случае с Артевельде никакой речи не могли и идти о таких добродетелях. Символическим отметим, что наказанием для руководителя восстания будет являться как раз непокорность его подчинённых. Когда в очередной раз начнётся осада Ауденарде, то отряд гентцев отклониться от общего курса и войдёт в графство Турне, которое и будет разграблено. В

результате чего французский король начнёт карательный поход против Фландрии за данный инцидент, а также в целях возвращения вассальных городов Людовику Мальскому. Уже при описании борьбы между французскими рыцарями и фламандцами хронист всецело на стороне королевской власти, ведь гентцы затронули устои французской монархии. Упомянутое ранее восстание «майотенов» также началось из-за успешных действий Артевельде [9, р. 200–201]. Несомненно, для хрониста это являлось сигналом для ещё большего очернения «третьего сословия», чьи действия были направлены против рыцарского сословия.

Заклучим, что образ городского населения у Фруассара сформирован как отрицательный. Конечно, стоит учесть, что в хронике горожане проявляются только в результате своей политической активности: восстаний, участия в заговорах, войнах. В данном образе выделяются два главных фундамента: купеческий и ремесленнический. Отметим, что выкристаллизуется образ горожан к середине 1380-х гг., когда автор формирует оригинальный стиль писания. До этого образ крайне пластичен ввиду противоречивости поведения «третьего сословия». Купеческий фундамент формирует представление о торговцах как людей, создающих препятствия для исполнения добродетелей рыцарским сословием. С ними опасно заключать союзы, т. к. впоследствии они могут быть нарушены купцами. В случае проведения политики на общее благо королевства возможен быть сформирован нейтральный образ горожанина. Образ ремесленника разделяется по имущественному цензу. Если к низам ремесленного сословия относятся с молчаливым снисхождением, которые чаще всего являются жертвой политики имущих слоёв цехов. То к состоятельным горожанам, которые подстрекают население к бунту, создаётся негативный образ через их безнравственное поведение. В случае, если восстание направлено против устоявшейся триады сословий королевства, то все восставшие для Фруассара не выступают объектом сочувствия.

Библиографические ссылки

1. *Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV.* London: Longman, Hurst, Rees, and Orme, Paternoster-Row; Fleet-Street, 1805. Vol. VII.
2. *Tuck Ant. Crown and nobility 1272–1461: Political Conflict in Late Medieval England.* Totowa, N. J.; Barnes, Noble. 1986.
3. *Закрочинский Н. А.* Крестовые походы в хрониках Жана Фруассара: теория, практика, идеалы. Пичетовские чтения — 2024. История: наука, образование, память: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию ист. фак. Белорус. гос. ун-та Минск: БГУ, 2024. С. 168–173.

4. *Малинин Ю. П.* Франция в эпоху позднего средневековья. Материалы научного наследия. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008.
5. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. Vol. II.
6. *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. Москва: Наука, 2008.
7. *Le Bel J.* The True Chronicles of Jean Le Bel 1290–1360. The Boydell Press, 2011.
8. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1805. Vol. V.
9. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1806. Vol. VI.
10. *Nicholas D.* The Metamorphosis Of A Medieval City. Ghent In The Age Of The Arteveldes, 1302–1390. Lincoln: University Of Nebraska Press, 1987.
11. *Nicholas D.* The van Arteveldes of Ghent: The Varieties of Vendetta And The Hero In History. New York: Cornell University Press, 1988.
12. *Хёйзинга Й.* Осень средневековья. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

РАЗВИТИЕ МИКРОИСТОРИИ: ОСНОВНЫЕ ШКОЛЫ

Е. Е. Кононова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, kononowva@mail.ru*

Делается попытка систематизации интернациональных микроисторических школ и их основных идей и концепций. Отдельное внимание уделяется генезису микроистории как метода и научного направления. Определяются предпосылки и условия возникновения в настоящее время уже ставшего традиционным подхода к изучению истории.

Ключевые слова: микроистория; историография; школа «Анналов»; микромасштаб; Alltagsgeschichte; методология; «казус».

DEVELOPMENT OF MICROHISTORY: THE MAIN SCHOOLS

Е. Е. Kononova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kononowva@mail.ru*

The article attempts to systematize international microhistory schools and their main ideas and concepts. Special attention is paid to the genesis of microhistory as a method and scientific field. The article identifies the prerequisites and conditions for the emergence of the now-traditional approach to the study of history.

Keywords: microhistory; historiography; Annales school; microscale; Alltagsgeschichte; methodology; “casus”.

Актуальность обращения к микроисторическому дискурсу диктуется необходимостью реконструкции истории через призму «маленького» человека, который является полноправным актором исторических процессов. Изучение трагедий, трудностей, с которыми столкнулись «рядовые» люди, их повседневной жизни позволяет дополнить глобальные нарративы, а также представить совершенно иную картину прошлого. По мнению венгерского микроисторика И. Сиярто, «в мире, где существует так много равноправных истин, рассказывать еще одну не имеет большого значения. Возможно, гораздо более перспективно попытаться приблизиться к реальности» [17, с. 210].

Обращение к микроистории в 70-х гг. XX в. стало реакцией на господство традиционной для французской школы «Анналов» концепции тотальной истории, а также на кризис социальной истории, недоверие к которой начали высказывать представители социально-гуманитарных наук. Причина кризиса заключалась во все более активно происходящем процессе ограничения поля изучения отдельных исследовательских сфер, на фоне которого предметное поле исторической науки считалось общим и открытым для исследований различной направленности. Как отмечал итальянский

историк Э. Гренди, «господствующая социальная история, которая группирует свои данные при помощи категорий, позволяющих соединить как можно большее их количество... упускает из виду все, что относится к поступкам людей и к их социальному опыту» [11]. Ставшие впоследствии основателями микроисторической школы итальянские историки решили создать новую версию социальной истории, изучая социальную жизнь через «нить частной судьбы». Необходимо отметить, что становление нового научного направления происходило в условиях распространения в гуманитарных науках постмодернизма, наиболее типичной тенденцией которого выступил перенос внимания с целого на фрагменты. Нидерландский историк Ф. Р. Анкерсмит отмечал, что смысл этих фрагментов ищут в том, «каким образом их конфигурация может быть приспособлена к формам цивилизации, существующим сегодня» [4, с. 310–311].

Основателями микроистории как самостоятельного научного направления стали итальянские историки, предпринявшие попытку изменить привычные масштаб и ракурс исторических исследований. Объединенные общей задачей и комплексом определенных идей и вопросов, они создали журнал «*Quaderni storici*», а затем и книжную серию «*Microstorie*». Если в глобальной истории ракурс был направлен на политику, общество, культуру, их взаимоотношения, для нового подхода фундаментальными стали роль конкретных индивидов в историческом процессе, их повседневная жизнь, благодаря чему масштаб исследования сократился до ничем не примечательных членов общества и простых обывателей. Смысл такого решительного изменения дискурса итальянские микроисторики видели в реконструкции исторической реальности через изучение индивидуальных стратегий ее представителей.

Первым образцом микроисторического подхода к исследованию принято считать труд итальянского историка К. Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке». Основываясь на протоколах инквизиции, автор исследования воспроизводит феномен Меноккио как воплощение идеи «нормального исключения»: с одной стороны, Меноккио — обычный мельник, с другой стороны — философ-примитивист, что не характерно для социального слоя, к которому он принадлежит [7, с. 10]. Эта идея акцентирует важность обращения к отдельным объектам, «выделяющимся из толпы», и обосновывает их значимость в истории, поскольку именно изучение аномалий может содержать в себе «наиболее богатые результаты» [6, с. 311–312]. Исследование К. Гинзбурга «Приметы. Уликовая парадигма и ее корни» [5] ввело в научный оборот так называемый метод «улик». Его автор апеллировал к методу Морелли, подразумевавшему необходимость обращать внимание на второстепенные

детали великих картин с целью отличать их подлинники от копий. На основании этого ядром уликовой парадигмы К. Гинзбург называет следующую идею: «Даже если реальность и непрозрачна, существуют привилегированные участки — приметы, улики, позволяющие дешифровать реальность» [5, с. 224–225]. То есть такой подход позволяет исследователям с помощью мелких, непримечательных частей, деталей, фактов создать целостную картину исторических процессов.

Реконструировать историческую реальность через применение социального опыта поставил задачей итальянский историк Дж. Леви в работе «Нематериальное наследие. Карьера одного пьемонтского экзорциста XVII века» [15], который в целях концептуализации программных установок микроистории представил в статье «On Microhistory» [16] общую характеристику зарождающегося направления. Дж. Леви указал на то, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [10, с. 193], что предполагает подробное изучение отдельных человека, деревни, социальной группы для включения его результата в макроисторический контекст. Однако такой тезис встретил критику итальянского историка Ф. Вентури, поскольку «изучать деревенские хроники... совершенно бессмысленно» [16, с. 96]. Дж. Леви, стремясь доказать правоту своего утверждения, перефразировал американского антрополога К. Гирца: «Историки не изучают деревни, они изучают в деревнях» [16, с. 96].

В середине 1980-х гг. определяются два направления в сообществе итальянских микроисториков, условно разделившихся по двум критериям: по отношению к контекстуализации исторических объектов и относительно взаимодействия масштабов исследования. Представители первого, социального, направления, Э. Гренди и Дж. Леви, выступали за социальную контекстуализацию исторических объектов и настаивали на применении микромасштаба. К. Гинзбург, которого относят ко второму, культурному, направлению, вписывал изучаемые явления в культурные контексты и основывался на взаимодействии «больших и меньших масштабов», поскольку любой анализируемый объект «состоит из хронологий разной глубины» [13, с. 19].

Во франко- и англоязычной историографиях микроисторический подход хотя и не получил своей институционализации, однако стал широко применяться в качестве нового метода к пониманию и анализу явлений и событий глобальной истории.

Так, во французской исторической школе «Анналов» в конце 1970-х гг. произошел пересмотр господствовавших подходов к изучению прошлого, одним из итогов которого стало понимание общества как продукта взаимодействия участников общественного процесса, тогда как ранее общество

понималось как совокупность «структур большой длительности» [2, с. 15]. К микроисторическому дискурсу обратился французский историк Э. Ле Руа Ладюри в работе «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)», который в целях наиболее полного понимания французского крестьянского общества обратился к самому простому и базовому, к повседневной жизни деревни [8, с. 37].

В начале 1970-х гг. к микроисторической методологии обратились англоязычные историки — Э. Хобсбаум и Э. П. Томпсон, подчеркнувшие важность изучения исключительных событий и явлений, способных выявлять скрытые структуры. Такие социальные явления, как бандитизм, крестьянские революционные движения, бунты, зачастую остаются за пределами научного интереса, однако, по мнению Э. Хобсбаума, их следует рассматривать в качестве явлений общей важности, а не как «сносок к истории» [14, с. 10]. Британский историк Э. П. Томпсон в труде «Виги и охотники: происхождение закона о чернокожих» [18] реконструировал английское общество через взгляд «снизу», то есть через опыт простых лесничих. Н. Земон Дэвис, американско-канадский историк, в целях проверки устоявшихся обобщений относительно взаимодействия французского общества обратилась к микромасштабному анализу в сборнике эссе «Общество и культура в ранней Современной Франции» [20, с. 15].

В середине 1970-х гг. немецкие историки А. Людтке и Х. Медик указали на необходимость восприятия повседневной жизни «снизу», «глазами маленького человека» [9, с. 10–11], что положило начало становлению микроисторической по характеру научной концепции «Alltagsgeschichte» («повседневная история»). Возникшая изначально в качестве общественного движения, инициированного простыми немецкими гражданами, концепция выступала против господствовавшей в это время в Германии историографической традиции и преследовала цель переосмыслить историю нацизма. В то время как итальянские историки стремились применять «микроскоп» в процессе анализа определенных явлений для более полного объяснения глобальной истории, немецкая «школа» повседневности видела своей основной целью воспроизведение обыденной жизни непримечательных людей [19]. В процессе решения проблемы взаимодействия микро- и макрообъектов представители немецкого научного микроисторического сообщества пришли к следующим выводам. Ю. Шлюбойм и П. Кридте подчеркивали взаимосвязь, которая возникла по причине вовлечения человека в определенное локальное сообщество, между микрообъектами и их социальным контекстом. Х. Медик утверждал, что изучение человека само собой предполагает выявление его социальных связей, а А. Людтке объяснял, что любой исследователь, изучающий индивида, способен воспроизвести не только его собственный мир, но и его связи

с социальным сообществом. Так, при изучении социальной практики отдельных индивидов выявляются невидимые извне социальные структуры, которые характеризуют взаимодействие индивида и его социальной среды [2, с. 12–13].

В конце 1980-х гг. расширились контакты российских историков с зарубежным научным микроисторическим сообществом, благодаря чему в России заговорили о новом научном подходе. Новое направление привлекло внимание, по словам историка-медиевиста М. А. Бойцова, своим интересом к рядовому человеку, противостоящему общепринятым нормам и установкам [3, с. 115]. Институционализацией микроистории послужило основание российским историком Ю. Л. Бессмертным альманаха «Казус» в 1996 г. и Центра «История частной жизни и повседневности» Института всеобщей истории Российской академии наук» в 1995 г. В статье «Что за казус?» [2] он обосновал казуальный подход к истории, в центре которого находится «казус», то есть частный, индивидуальный случай. Необходимо отметить, что советский и российский историк М. М. Кром назвал данный подход «эпизодической микроисторией», поскольку большинство опубликованных в этом альманахе исследований являются «историческими миниатюрами», а не микроисторией [1, с. 26], а также имеют мало общего с работами их зарубежных коллег, «которые и принесли известность данному историографическому направлению» [12, с. 22–23], так как их авторы не поднимают крупных проблем. Однако российские историки Е. В. Акельев и М. Б. Велижев апеллировали к тому, что эти казусные статьи не представляется возможным рассматривать «вне контекста той исследовательской программы, в рамках которой они были выполнены» [1, с. 26]. Так, микроисторические веяния западной историографии стали широко использоваться в России и получили название «казуального подхода». Особенностью российской микроистории стало ее развитие по направлению от теоретических наработок зарубежных представителей данного подхода к практическому воплощению в исследованиях.

Таким образом, возникший в 70-е гг. XX в. микроисторический подход к исследованиям характеризуется разнообразием как в теоретическом базисе, так и в практическом их воплощении различными международными микроисторическими школами. Однако главный постулат исследователей, следовавших данному направлению, заключался в помещении небольшой единицы исследования в широкий контекст. Благодаря своему вниманию к «маленькому» человеку и его жизненному миру представители к настоящему времени уже ставшего одним из традиционных подходов к изучению истории выдвинули рядового человека с его проблемами и заботами на передний план исторического универсума.

Библиографические ссылки

1. *Акельев Е. В., Велижев М. Б.* И снова «Казус»? // Индивидуальное и уникальное в истории. Антология. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 18–27.
2. *Бессмертный Ю. Л.* Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. С. 7–24.
3. *Бойцов М. А.* Притихшая микроистория // Новое литературное обозрение. 2019. № 160. С. 113–121.
4. *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история: сб. ст., послесл. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. С. 287–320.
5. *Гинзбург К.* Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история: сб. ст., послесл. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–241.
6. *Гириц К.* Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
7. *Кошелева О. Е.* «Микроистория»: несколько слов к читателю новой книжной серии // Индивидуальное и уникальное в истории. Антология. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 7–17.
8. *Леруа Ладюри Э.* Монтаию, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2001. 541 с.
9. *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
10. *Медик Х.* Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 4. С. 193–202.
11. *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. 1996.
12. *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетея, 2003. С. 7–26.
13. *Cerutti S.* Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? // Between sociology and history. Essays on microhistory, collective action, and nation-building. Helsinki: SKS / Finnish Literature Society, 2004. P. 17–40.
14. *Hobsbawm E. J.* Primitive rebels: studies in archaic forms of social movements in the 19th and 20th centuries. New York: FREDERICK A. PRAEGER, 1959. 208 p.
15. *Levi G.* Inheriting power. The story of an exorcist. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1985. 209 p.
16. *Levi G.* On Microhistory // New Perspective on Historical Writing. University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 1992. P. 93–113.
17. *Szijártó I.* Four arguments for microhistory // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2002. Vol. 6, № 2. P. 209–215.
18. *Thompson E. P.* Whigs and Hunters: the origin of the black act. London: Penguin Books, 1977. 328 p.
19. *Trivellato F.* Is there a future for Italian microhistory in the age of global history? // California Italian Studies. 2011. Vol. 2, № 1.
20. *Zemon Davis N.* Society and culture in early modern France. Stanford, California: Stanford University Press, 1975. 362 p.

ВЬЕТНАМСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1956–1969 гг.

М. В. Королик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, korolikm@mail.ru*

В статье на основе архивных материалов МИД ЧССР анализируется эволюция внешнеполитического курса Чехословакии в отношении Вьетнама в 1950–60-х гг. Исследуется переход от идеологически мотивированного сотрудничества в рамках социалистического лагеря к масштабной экономической и военно-технической поддержке Демократической Республики Вьетнам в период эскалации Вьетнамского кризиса. Особое внимание уделяется роли Праги как активного участника системы социалистической взаимопомощи, а также сложному взаимодействию идеологических установок и прагматических ограничений в её внешней политике. К концу 1960-х гг. вовлеченность ЧССР снизилась вследствие внутренних экономических проблем и изменений в расстановке сил внутри социалистического блока.

Ключевые слова: внешняя политика Чехословакии; Демократическая Республика Вьетнам; Холодная война; социалистический лагерь; экономическое сотрудничество; военно-техническая помощь.

VIETNAMISE VECTOR OF CZECHOSLOVAKIA'S FOREIGN POLICY IN 1956–1969

M. V. Korolik

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, korolikm@mail.ru*

Based on the archival materials of the Ministry of Foreign Affairs of the Czechoslovak Socialist Republic, the article analyzes the evolution of Czechoslovakia's foreign policy towards Vietnam in the 1950s and 1960s. The transition from ideologically motivated cooperation within the socialist camp to large-scale economic and military-technical support for the DRV during the escalation of the Vietnam crisis. Particular attention is paid to Prague's role as an active participant in the system of socialist mutual assistance, as well as the complex interaction of ideological attitudes and pragmatic restrictions in its foreign policy. By the end of the 1960s, the involvement of the Czechoslovak Socialist Republic decreased due to internal economic problems and changes in the balance of power within the socialist bloc.

Keywords: Czechoslovakia's foreign policy; the Democratic Republic of Vietnam; the Cold War; the socialist camp; economic cooperation; military-technical assistance.

В изучении внешней политики Чехословакии приоритетным источником выступают архивные материалы, которые сосредоточены в фондах Министерства иностранных дел Чешской Республики. Они классифицируются как письменные документальные исторические источники официального происхождения, обладающие высокой степенью достоверности

и репрезентативности для реконструкции процессов принятия решений и оперативной дипломатической деятельности. В последние годы чешские историки, которые занимаются проблематикой внешней политики Чехии, активно работают над созданием фундаментальных сборников документов, которые освящают ее внешнеполитическую деятельность в разные исторические периоды. Результатом такой работы стал выход многотомного сборника документов под научной редакцией одного из ведущих современных чешских историков Й. Деймека [3; 4]. Данное издание содержит большой массив внутренних документов МИД ЧССР, который позволяет проследить логику и ход развития внешней политики республики. С публикацией этих документов стало возможным всестороннее изучение внешней активности Чехословакии в таких макрорегионах как Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия. Так, в юго-восточном регионе Азии ключевой точкой приложения внешнеполитических усилий Праги стал Вьетнам.

Сложность «вьетнамского вопроса», в котором столкнулись интересы двух мировых держав — Советского Союза и США — а вместе с ними их союзников и сателлитов, предопределила доминирующую роль этого внешнеполитического вектора Праги в регионе [2, с. 300–307]. Чехословацкая дипломатия стала активно устанавливать связи с Ханоем, так как она следовала политике СССР, который к 1957 г. оформил ряд соглашений о сотрудничестве с Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ) [1, с. 18].

Интеграция Северного Вьетнама в систему социалистической экономической кооперации стартовала в декабре 1958 г., когда делегация ДРВ участвовала в работе десятой сессии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в Праге [3, с. 228–229]. Приглашение Ханоя к сотрудничеству свидетельствовало о его возрастающей роли в качестве стратегического партнера на фоне расширения зоны социалистического влияния. Согласно чехословацким отчетам, Ханой проявлял заинтересованность в получении технической помощи для осуществления проектов индустриализации, в которую входили строительство предприятий тяжелой промышленности и модернизация аграрного сектора. Участие в деятельности СЭВ давало ДРВ возможность диверсифицировать источники экономической поддержки, уменьшая зависимость от советских субсидий, и в то же время усиливало её позиции в идеологическом противостоянии с сайгонским режимом.

Апогеем двустороннего сотрудничества на рубеже 1950–60-х гг. стал визит премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга в Чехословакию в июле 1961 г. Программа его пребывания, рассчитанная на двенадцать дней, включала не только официальные переговоры о расширении торговых соглашений и поставках промышленного оборудования, но и символические

мероприятия, нацеленные на укрепление идеологической солидарности [9, с. 31]. Подписание протоколов о сотрудничестве в сфере машиностроения и энергетики сопровождалось риторикой о «братской дружбе народов», что полностью соответствовало нарративам социалистического интернационализма [3, с. 426–427].

К 1963 г. фокус чехословацкой аналитики сместился на оценку дестабилизации режима Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме. В дипломатических депешах подчеркивалось, что провалы внутренней политики режима, коррупция в армии и репрессии против буддийского большинства привели к эрозии легитимности сайгонского правительства. При этом чехословацкая дипломатия видела Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) как ключевую силу, способную объединить антиправительственные настроения под лозунгами национального единства и социальных реформ. Отмечалось, что усиление вооруженной борьбы НФОЮВ, несмотря на растущее военное присутствие США, создавало предпосылки для пересмотра американской стратегии в регионе [8, с. 419].

К середине 1960-х гг. внутриполитическая конфронтация в разделенном Вьетнаме приобретала характер системного кризиса, вовлекая в свою орбиту многоуровневое взаимодействие глобальных и региональных акторов. ЧССР, будучи интегральной частью восточного блока, демонстрировала последовательную вовлеченность в процесс формирования коллективной социалистической позиции, что находило отражение в дипломатической переписке, аналитических отчетах и оперативных инструкциях МИД. Усиление внимания к вьетнамской проблематике прослеживается в контексте октябрьского обсуждения миссии ООН 1963 г. в Южном Вьетнаме. Инициатива по отправке международной комиссии для расследования нарушений прав человека, поддержанная западными странами, была категорически отвергнута ГДР и другими государствами Варшавского договора как инструмент легитимации проамериканского режима в Сайгоне [5, с. 338]. При этом учреждение в Праге представительства НФОЮВ в ноябре 1963 г., хотя и носило неофициальный характер, стало важным символическим шагом, позволившим ЧССР установить каналы коммуникации с повстанческими силами без прямого нарушения дипломатических норм администрации [4, с. 30–31]. Деятельность представительства, ограниченная контактами с общественными организациями и партнерами Центрального комитета НФОЮВ, отражала баланс между идеологической солидарностью и осторожностью в условиях нарастающей международной напряженности.

Качественный сдвиг в двухсторонних отношениях наступил в августе 1964 г. после Тонкинского инцидента, рассматривавшегося чехословацкими

аналитиками как преднамеренная провокация США, направленная на обоснование военного вмешательства [4, с. 97–98]. Ответные действия ЧССР, скоординированные с советской позицией, включали не только вербальное осуждение «американской агрессии», но и конкретные шаги: организацию пресс-конференций с участием посла ДРВ, публикацию заявлений в официальных СМИ и интенсификацию двусторонних консультаций [4, с. 98–99]. Материальная помощь ДРВ, изначально оказывавшаяся в ограниченных масштабах, к 1965 г. начала осуществляться в рамках межправительственных соглашений. В декабре 1965 г. в ходе переговоров с делегацией во главе с заместителем премьер-министра Ле Тан Нгином был согласован кредит на сумму 7 млн советских рублей, предусмотрена отсрочка выплат по предыдущим займам и поставка промышленного оборудования, включая судовые двигатели и грузовые автомобили [4, с. 231]. Военные поставки, хотя и не афишировались публично, стали составной частью поддержки.

К концу 1965 г. вьетнамский конфликт трансформировался в многомерный кризис, в котором переплелись военные, идеологические и экономические составляющие. Чехословакия поставляла ДРВ промышленные товары и технологии, что позволяло Ханоя смягчать последствия морской блокады и бомбардировок американской авиации. Данный период ознаменовал переход от точечной помощи к системному сотрудничеству, где идеологические установки всё больше уравнивались прагматическими соображениями.

В январе 1966 г. правительство ЧССР заключило серию экономических соглашений с ДРВ, нацеленных на укрепление материально-технической базы сопротивления американской агрессии. Центральным элементом стали переговоры о кредитовании: если первоначальный запрос Ханоя составлял 7 млн рублей, то впоследствии он возрос до 10 млн, однако Прага согласилась предоставить беспроцентный заем в размере 6 млн рублей с отсрочкой платежей до 1971–1978 гг. [7, с. 63]. Одновременно стороны достигли договоренностей о товарообмене на 8,6 млн рублей чехословацкого экспорта против 4,6 млн рублей вьетнамских поставок, с акцентом на транспортные средства и промышленные станки, имевшие критическое значение для оборонной экономики ДРВ. Эти решения были дополнены техническими соглашениями о пролонгации ранее выданных кредитов на 1,5 млн рублей для завершения строительства электростанций и автосборочных производств, а также о переносе сроков погашения довоенных займов на послевоенное время [4, с. 232–233].

Дипломатическая обстановка во время этих переговоров формировалась под влиянием углублявшегося раскола внутри социалистического

лагеря. В ходе визита вьетнамской делегации в Прагу 8 января 1966 г. премьер-министр ЧССР Й. Ленарт резко осудил позицию КНР, обвинив китайское руководство в ведении «клеветнической кампании» против советской помощи Вьетнаму и попытках разрушить единство социалистических стран. Подобная риторика свидетельствовала о серьезности кризиса в советско-китайских отношениях: в диалоге с вьетнамскими представителями чехословацкая сторона призывала отмежеваться от «деструктивной политики» Пекина, одновременно подчеркивая необходимость координации помощи в рамках Варшавского договора [4, с. 233].

Американская дипломатическая активность в этот период воспринималась в Праге со значительным скепсисом [4, с. 233]. Когда посол США в январе 1966 г. дважды встречался с министром иностранных дел ЧССР В. Давидом, предлагая совместные мирные инициативы, ответ чехословацкого руководства базировался на четырех ключевых условиях: требование полного и безоговорочного прекращения бомбардировок ДРВ, признание Национального фронта освобождения Южного Вьетнама единственным законным представителем южновьетнамского населения, осуждение американской агрессии как основной причины конфликта и настаивание на неукоснительном выполнении Женевских соглашений 1954 г. [4, с. 233–234].

Летом 1966 г. заседание Политического консультативного комитета Варшавского договора в Бухаресте ознаменовало новый этап вовлеченности социалистических стран. Принятая декларация не только подтверждала принцип единства в оказании поддержки ДРВ, но и впервые санкционировала направление военных специалистов и добровольцев при наличии официального запроса со стороны Ханоя. Данное решение, принятое на фоне интенсификации американских бомбардировок, демонстрировало готовность восточного блока к более непосредственному участию в конфликте. Параллельно чехословацкая дипломатия активизировала усилия по международной изоляции США, используя женевские переговоры по разоружению для продвижения идеи о ликвидации иностранных военных баз в качестве универсального решения региональных кризисов [4, с. 236].

Осенью 1966 г. представительство Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в Праге расширило сферу своей деятельности. За этим последовали конкретные меры по укреплению партийных связей: представительству было прямо разрешено взаимодействовать с МИД ЧССР и участвовать в официальных мероприятиях в качестве полномочных представителей южновьетнамского народа [4, с. 293–294]. Визит чехословацкой государственно-партийной делегации во главе с премьер-министром Й. Ленартом в Ханой в сентябре–октябре 1966 г. заложил основу для новых соглашений о техническом сотрудничестве. Однако к началу

1967 г. внимание Праги стало смещаться в сторону анализа изменяющейся динамики вьетнамо-китайских отношений. Циркуляры в феврале 1967 г. фиксируют растущий интерес чехословацких аналитиков к сближению Ханоя с Москвой на фоне охлаждения отношений с Пекином, что расценивалось как возможность для усиления советского и собственного влияния в Индокитае [4, с. 312–313].

Кульминацией чехословацких усилий во Вьетнаме в конце рассматриваемого периода стало решение летом 1967 г. об увеличении военно-технической помощи, включавшей поставки зенитных орудий и средств ПВО, что было напрямую связано с усилением американских авиаударов. Однако внутренние экономические трудности ЧССР, выразившиеся в сокращении экспортных возможностей, постепенно ограничивали масштабы этой поддержки, смещая акцент на дипломатическое лоббирование в международных организациях. К концу 1960-х гг. чехословацкое участие во вьетнамском вопросе стало постепенно снижаться, уступая место приоритетам внутриблоковой политики и нарастающим внутренним противоречиям, что усугубилось поддержкой Ханоем действий Москвы в Чехословакии в 1968 г. [6, с. 73–74].

Таким образом, архивные документы МИД ЧССР позволяют сделать вывод, что Вьетнам являлся ключевым направлением внешней политики Чехословакии в Юго-Восточной Азии в 1950–60-е гг. Её активность, будучи производной от стратегии СССР, эволюционировала от установления дипломатических и экономических связей к масштабной материальной и военно-технической поддержке ДРВ в условиях эскалации конфликта. Однако к концу десятилетия вовлеченность Праги стала снижаться из-за внутренних экономических трудностей и смещения приоритетов, что демонстрирует зависимость внешней политики стран социалистического лагеря как от идеологической солидарности, так и от прагматических ресурсных ограничений.

Библиографические ссылки

1. *Исаев М. П.* Внешняя политика Социалистической Республики Вьетнам. Москва: Наука, 1983. 241 с.
2. История внешней политики СССР 1917–1980: в 2 т. / А. Л. Адамишин, А. М. Александров, А. И. Блатов, А. В. Горев [и др.]; Акад. Наук СССР, Ин-т истории СССР; под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1981. Т. 2.: 1945–1980 гг. 758 с.
3. *Dejmek J.* Cirkulární telegramy Československého ministerstva zahraničních věcí z let komunistického režimu (1956–1989), Díl první – Cirkulární telegramy MZV 1956–1967/68, Svazek I/1. Praha: Historický ústav, 2020. 579 s.

4. *Dejmek J.* Cirkulární telegramy Československého ministerstva zahraničních věcí z let komunistického režimu (1956–1989), Díl první – Cirkulární telegramy MZV 1956–1967/68, Svazek I/2. Praha: Historický ústav, 2020. 640 s.

5. *Eastern Europe and the Third World: East vs. South* / ed.: M. Radu. New York: Praeger, 1981. 356 p.

6. *Kobr J.* Lidově demokratické a socialistické revoluce v asijských zemích: Mongolská lidová republika, Korejská lidově demokratická republika, Vietnamská socialistická republika, Laoská lidově demokratická republika, Kambodžská demokratická republika. Praha: Vysoká škola politická ÚV KSČ, 1977. 107 s.

7. *Růžička J.* Všeobecné dodací podmínky s Albánskou lidovou socialistickou republikou, Čínskou lidovou republikou, Korejskou lidově demokratickou republikou a Vietnamskou socialistickou republikou. Praha: Československá obchodní komora, 1977. 118 s.

8. *Štaigl J.* Organizácia a hlavné smery činnosti čs. Vojenského výzvedného spravodajstva (rozvedky) v rokoch 1945–1967 // Historie a vojenství. 2001. Roč. 50, č. 2. S. 410–436.

9. Vývoj hospodářství a zahraničního obchodu v asijských zemích socialistického tábora v roce 1962 / zprac.: M. Kubešová. Praha: Min. Zahraničního obchodu, 1963. 88 s.

К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ВЕЛИКОГО ГОЛОДА В ИРЛАНДИИ 1845–1849 гг.

В. А. Кравченко^{1,2)}

¹⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,*

г. Минск, Республика Беларусь, uladzimir.krauchanka@gmail.com

²⁾ *Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072,*

г. Минск, Республика Беларусь, uladzimir.krauchanka@gmail.com

В публикации на основе существующих в историографии и публицистике противоречий выделены два подхода к интерпретации событий Великого голода в Ирландии 1845–1849 гг.: обвинительный, представители которой делают акцент на роли британской стороны в нарастании кризиса, и ревизионистский, в рамках которой Голоду отводится функция катализатора уже существовавших социальных проблем. Автор рассматривает роль стереотипов, таких как антикатолицизм и классовые предрассудки, в политике властей, а также затрагивает использование терминов «famine/hunger» в исторической памяти о трагедии и при оценке демографических последствий.

Ключевые слова: Великий голод; Ирландия.

ON THE PROBLEM OF INTERPRETING THE GREAT IRISH FAMINE OF 1845–1849

U. Krauchanka^{a, b)}

^{a)} *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,*

Republic of Belarus, uladzimir.krauchanka@gmail.com

^{b)} *Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 1 Akademik Str.,*

220072 Minsk, Republic of Belarus, uladzimir.krauchanka@gmail.com

This publication, based on existing contradictions in historiography and journalism, identifies two approaches to interpreting the events of the Great Famine in Ireland of 1845–1849: an accusatory approach, whose proponents emphasize the role of the British side in the escalation of the crisis, and a revisionist approach, which assigns the Famine the function of a catalyst for pre-existing problems. The author examines the role of stereotypes, such as anti-Catholicism and class prejudice, in the policy of the authorities. The article also touches upon the use of the terms “famine” and “hunger” in the historical memory of the tragedy and in the assessment of its demographic consequences.

Keywords: The Great Famine; Ireland.

Проблема осмысления и интерпретации предпосылок и причин Великого голода в Ирландии 1845–1849 гг. ставит перед исследователем нерешаемое однозначно противоречие: последний крупный голод в Западной Европе произошёл в стране, политически объединённой с наиболее динамично развивавшимся экономически государством своего времени — Великобританией [1, р. 84]. В последней четверти XX–начале XXI в.

окончательно оформились две историографические традиции, по-разному отвечающие на поставленный вопрос. К первой можно отнести исследователей, придерживавшихся предложенного ещё во второй половине XIX в. республиканцем Дж. Митчелом тезиса, суть которого можно изложить формулировкой «британцы не посылали неурожай, но сделали всё, чтобы воспользоваться им и максимизировать ущерб» [2]. Сторонники данного видения акцентируют внимание на порочности системы, поставившей значительную часть ирландцев в зависимость от урожаев картофеля с минимальных наделов в четверть акра (чуть больше 1000 м²), и недостаточности оказанной голодавшим помощи, олицетворением чего выступал ответственный за это помощник министра финансов Ч. Э. Тревельян [3; 4]. Крайнюю позицию в этом вопросе занимает Т. П. Куган, называющий события 1845–1849 гг. «геноцидом», в поддержку чего цитирует определение из Конвенции ООН о геноциде 1948 г., при этом невзначай опуская важнейшую характеристику о преднамеренности действий, квалифицируемых подобным образом [5; 6].

Противоположной позиции придерживаются учёные, относящиеся к ревизионистскому направлению в историографии. Один из его представителей, историк экономики К. О'Града назвал это «нормализацией» Великого голода и уходом от вопроса о виновности, рассматривая эту очевидную робость как часть академической реакции на насилие в Северной Ирландии в 1969–1998 гг. [7, р. 77]. Сторонники данной парадигмы акцентировали внимание на том, что те социальные процессы, виновником которых считался Голод — упадок ирландского языка и традиционной культуры, миграция населения за рубеж — имели место и до 1845 г., а бедствие лишькратно их ускорило, став своеобразным «катализатором» [8; 9]. К. О'Града на примере демографии Аранских островов, население которых жило за счёт рыбной ловли, не зависело, и, соответственно, не пострадало от неурожая картофеля, пришёл к выводу, что спад уровня населения Ирландии был неизбежен и Голод лишь трагическим образом ускорил тенденции, к которым уже существовали весомые предпосылки [10, р. 60].

Споры историков проецируются и на публичный дискурс, став особо актуальными во второй половине 1990-х гг. в ходе обсуждений, приуроченных 150-летию трагедии. Для обозначения одного из самых катастрофических событий ирландской истории используются два слова, одинаково переводимых на русский язык как «голод», но имеющих разную семантику: «famine» и «hunger». Первое обозначает нехватку продовольствия как социально-экономическую и гуманитарную катастрофу, фокусируя внимание на масштабе бедствия и его последствиях, второе — физиологическое ощущение потребности в пище у конкретного индивида. От того,

на первый взгляд, несколько парадоксальным выглядит факт того, что термин «The Irish/Great Famine» как обозначение системного кризиса закрепилось в статусе эмоционально нейтрального и научного, а изначально индивидуальное понятие в составе словосочетания «The Great Hunger» и релевантный ему ирландский вариант «An Gorta Mór» применяются, как правило, в контексте постулирования виновности британцев. Выражение «The Great Hunger» по своему смыслу масштабирует и множит индивидуальный опыт пострадавших, стремясь передать физические и моральные страдания миллионов конкретных людей и не дать обсуждению превратиться в абстрактную статистику, делая трагедию ощутимой и личной спустя 180 лет.

В сравнении с аналогичными сюжетами из истории других стран, ставшими образующими в рамках «войн памяти», в дискурсе о Голоде меньше всего оспаривается вопрос количества жертв. В 1980-х гг., несмотря на неполноту статистических данных, общепринятой стала оценка потерь в 1 млн человек, погибших от голода и сопутствующих болезней, и ещё 1 млн эмигрировавших за пределы Ирландии, при численности населения в 8,2 млн человек в 1841 г. [11, р. 132; 12, р. 14]. В XXI в. ряд исследователей допускают, что в 1845–1849 гг. могли мигрировать от 1 до 1,5 млн человек, однако стремление завысить число прямых жертв как устойчивая тенденция отсутствует [1, р. 82; 7, р. 80]. Тем не менее, основной проблемой в осмыслении Голода является степень вины британской администрации: преступен в своей сути был экономический догматизм, мешавший более взвешенно оценить масштабы катастрофы, и насколько распространённой была рациональная заинтересованность в столь ужасном средстве «преобразования» демографического ландшафта Ирландии? Заявление, зачитанное в 1997 г. от лица премьер-министра Соединённого Королевства Т. Блэра, как показалось современникам, ставило не вполне определённую, но всё же точку: без каких-либо прямых извинений констатировалось, что «можно было сделать больше» [13]. Потребность в подобном заявлении диктовалась необходимостью снизить остроту в обсуждении одного из ключевых сюжетов в истории британо-ирландских отношений на фоне урегулирования конфликта в Северной Ирландии, произошедшего годом позже.

Подписание Соглашения Страстной пятницы 1998 г. и посыл публичного заявления Т. Блэра в некоторой степени легитимировали точку зрения историков-«обвинителей». Вердикт, сделанный «по горячим следам» одним из ведущих исследователей истории Голода К. Кинели, был однозначен: «Слабое правительство, скупые администраторы, укоренившиеся финансовые интересы, предубеждения против католиков, бедняков

и ирландцев привели к особенно смертоносному сочетанию ошибочного вмешательства и неразумного бездействия» [14, р. 221]. Данная формула ёмко обозначает, как рационализм и пренебрежение к судьбе подданных со стороны правительства и парламента сделало возможным подобный масштаб катастрофы. Даже историк-клиометрист Дж. Мокир, не склонный занимать какую-либо крайнюю позицию в указанном вопросе, ввёл в оборот факт, стабильно цитируемый в тематических публикациях: на помощь Ирландии было израсходовано примерно 10 млн ф. ст., в семь раз меньше, чем 69,3 млн, потраченные на ведение Крымской войны несколько лет спустя [15, р. 292].

В XIX в. существовали три категории противопоставления, в рамках которых англичане обозначали разницу между собой и ирландцами: этнос (англосакс — кельт), конфессия (протестант — католик) и класс (состоятельный — бедный) [1, р. 5]. Если первая до широкого распространения идей социал-дарвинизма во второй половине XIX в. выступала скорее собирательным обозначением «культурной отсталости ирландской окраины» королевства, то последние два прямо влияли как на образ ирландцев, так и на принятие управленческих решений в отношении их судьбы. Антикатолицизм был неотъемлемой частью британской политической культуры, а существующий протестантский культ труда прямо противопоставлялся образу католицизма как веры, якобы порождавшей необразованность и лень; материальное благосостояние же считалось признаком Божьей благодати, которой католики Соединённого Королевства были явно обделены. Несмотря на неоднородность позиции в отношении голодавших ирландцев в обществе и британской прессе, на страницах которой встречалось и сочувствие вперемишку с критикой политики правительства, чиновники, прямо ответственные за материальные средства чиновники в своих решениях руководствовались именно существовавшими негативными стереотипами. Именно через эту призму следует рассматривать политику в отношении голодающих.

Правительство консерваторов, руководимое Р. Пилем, в 1845–1846 гг., инициировало закупку продовольствия для Ирландии, но не предполагало прямую его раздачу нуждающимся. Вместо этого были организованы общественные работы по строительству инфраструктуры, в ходе которых ирландцы должны были зарабатывать деньги на покупку продуктов питания. Такая политика была прямым результатом существующих предрассудков, что ирландский крестьянин, который якобы ненавидел труд и предпочитал жить за счет британских налогоплательщиков, был нищим не столько материально, сколько морально, и, следовательно, не заслуживал

сочувствия и общественной благотворительности [1, р. 18]. Подобным образом экономические причины подменялись моральным измерением голода, что прямо усугубляло ситуацию.

Если правительство Р. Пиля ещё стремилось повлиять на ход событий, что в итоге и предопределило его падение, то сменивший его в 1846 г. кабинет вигов, руководимый Дж. Расселом, строго придерживался политики невмешательства. Изначально считалось, что снабжать Ирландию продовольствием должны частные предприятия, и лишь полный неурожай 1846 г. продемонстрировал несостоятельность такого подхода. Только в начале 1847 г. было принято решение о создании сети общественных столовых, где голодавших могли покормить супом, но и в этом была продемонстрирована специфика публичного образа ирландцев: критике подверглись уже землевладельцы, обвинённые в создании предпосылок голода, ведущие себя «не по-английски и стремящиеся переложить всё бремя на правительство» [16, р. 140]. Кроме того, бесплатная продовольственная помощь не была предусмотрена для владельцев любых наделов от четверти акра и более, в чём также просматривается британское видение решения проблемы: нецелесообразно тратиться на помощь тем, кто на бумаге способен позаботиться о себе сам, пусть на деле их положение было не лучше остальных. Указанные причины способствовали законодательному закреплению в июне 1847 г. обязательства ирландских собственников по финансовому обеспечению системы помощи бедным, через которую и распространялось продовольствие. Подобным образом, при существующем политическом союзе в рамках Соединённого Королевства постулировался цивилизационно-культурный разлом, в результате которого выживание голодающих становилось проблемой самих голодающих и их более успешных земляков.

Как итог, следует констатировать, что межконфессиональный антагонизм и существующие предрассудки сыграли значимую роль в трагедии Великого голода 1845–1849 гг. Помимо объективных социально-экономических факторов, катастрофа была усугублена политикой британских властей, пронизанной антикатолическими стереотипами. Ирландцы-католики воспринимались через призму предрассудков о лени, неблагочестии и моральной несостоятельности. Это оправдывало экономический догматизм и пренебрежение со стороны отдельных чиновников, видевших в голоде «Божью кару» или «естественное» исправление демографии, что и стало ключевым элементом морального провала властей, усугубившего гуманитарную катастрофу.

Библиографические ссылки

1. *De Nie M.* The Eternal Paddy: Irish Identity and the British Press, 1798–1882. Madison: The University of Wisconsin Press, 2004. 340 pp.
2. *Mitchel J.* The Last Conquest of Ireland. Glasgow: R. & T. Washbourne, 1861. 220 pp.
3. *Woodham-Smith C.* The Great Hunger: Ireland: 1845–1849. New York, Evanston: Harper & Row, 1962. 498 pp.
4. The History of the Irish Famine: in 4 vol. / gen. ed. C. Kinealy. London, New York: Routledge, 2019. 4 vol.
5. *Coogan T. P.* The Famine Plot: England's Role in Ireland's Greatest Tragedy. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 304 pp.
6. Irish journalist, academic say Great Famine was not genocide. URL: <https://www.irishcentral.com/roots/history/irish-journalist-says-great-famine-was-not-genocide> (date of access: 07.07.2025).
7. *Jackson A.* Ireland, 1798–1998: War, Peace and Beyond. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. 544 pp.
8. *Foster R. F.* Modern Ireland, 1600–1972. Harmondsworth: Penguin Books, 1989. 688 pp.
9. *Akenson D. H.* Small Differences: Irish Catholics and Irish Protestants, 1815–1922. Dublin: McGill-Queen's University Press, 1988. 237 pp.
10. *Ó Gráda C.* The Great Irish Famine. London: Macmillan Education UK, 1989. 87 pp.
11. *Cullen L.* An Economic History of Ireland since 1660. London: B. T. Batsford, 1987. 208 pp.
12. *Larkin E.* The Historical Dimensions of Irish Catholicism. Washington, D. C.: The Catholic University of America Press, 1984. 139 pp.
13. Blair issues apology for Irish Potato Famine. URL: <https://www.independent.co.uk/news/blair-issues-apology-for-irish-potato-famine-1253790.html> (date of access: 07.07.2025).
14. *Kinealy C.* The Great Irish Famine: Impact, Ideology and Rebellion. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 268 pp.
15. *Mokyr J.* Why Ireland Starved: a Quantitative and Analytical History of the Irish Economy, 1800–1850. 315 pp.
16. *Hoppen K. T.* Governing Hibernia: British Politicians and Ireland, 1800–1921. Oxford: Oxford University Press, 2016. 337 pp.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1991–2024)

А. В. Лешко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, oyleshko@gmail.com*

В данной статье проводится исследование ключевых направлений и особенностей политического сотрудничества Сирийской Арабской Республики (САР) со странами Центральной Азии для обнаружения факторов, оказывающих положительное или отрицательное воздействие на отношения между вышеуказанными странами в период с 1991 по 2024 г. Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с 1991 г., когда в целом завершился процесс выхода центральноазиатских республик из состава СССР и они стали способными к полноценному международному сотрудничеству, и до 8 декабря 2024 г., когда полувековая эпоха Асадов в Сирии рухнула под давлением оппозиции.

Ключевые слова: Политическое сотрудничество; Сирийская Арабская Республика; страны Центральной Азии; гражданская война; Астанинский процесс; репатриация.

POLITICAL COOPERATION OF THE SYRIAN ARAB REPUBLIC WITH THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA (1991–2024)

A. V. Leshko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, oyleshko@gmail.com*

This article examines the key areas and features of the Syrian Arab Republic's political cooperation with Central Asian countries to identify factors that have a positive or negative impact on relations between these countries from 1991 to 2024. The timeline for this study covers the years between 1991, when the Central Asian republics largely finished separating from the Soviet Union and could fully participate in international affairs, and December 8, 2024. This later date marks the end of the 50-year period of the Assad dynasty in Syria, which ended under the pressure exerted by military opposition forces .

Keywords: Political cooperation; Syrian Arab Republic; Central Asian countries; civil war; The Astana process; repatriation.

Вследствие более активных политических контактов Сирии и Казахстана отношения между государствами в данной статье рассмотрены отдельно. Политическое взаимодействие Сирии с остальными странами Центральной Азии (Таджикистаном, Узбекистаном, Туркменистаном и Кыргызстаном) будет представлено в виде общего обзора без описания сотрудничества Сирии с каждым отдельным государством. Данный подход обусловлен двумя ключевыми факторами. Это единообразие в стратегиях

выстраивания отношений между странами и достаточно невысокий их уровень, что делает нецелесообразным однообразный разбор каждого отдельного межгосударственных связей.

После получения независимости Казахстан, чтобы чувствовать себя полноправным членом мирового сообщества, нуждался в международном признании и налаживании региональных и глобальных связей.

Были налажены дипломатические отношения и с Сирией, которые поддерживаются с 26 марта 1992 г. [17].

В ноябре 2007 г. сирийскую столицу посетил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Политическим результатом этого визита стало подписание декларации о совместных политических консультациях министерств иностранных дел обоих государств [17].

Толчком к углублению политических связей стал экономический фактор. Сирия служила форпостом арабского мира на севере и имела соглашение о членстве наряду с ещё 17 государствами в специальной экономической зоне. Это давало налоговые преференции и позволяло Казахстану выйти на арабский рынок [11].

Начавшаяся в Сирии гражданская война воспринималась Казахстаном как нежелательная по целому ряду причин. Главная — угроза экспорта в страны Центральной Азии террористических взглядов и действий. Сирия стала местом притяжения «революционеров» различной степени радикализации. Уезжали в Сирию воевать на стороне сирийской оппозиции и граждане Казахстана (порядка 300 человек). Это не могло не настораживать власти Казахстана [9].

Были и другие причины внимания казахстанского правительства к сирийскому конфликту. Например, угроза стабильности цен на нефть на фоне войны в Сирии, поскольку эта страна достаточно обеспечена нефтяными ресурсами и в довоенный период производила 383 000 баррелей в сутки. Если бы дело ограничивалось устранением конкурента, можно сказать, что Казахстан был бы даже заинтересован в затягивании сирийского конфликта. Но Сирия — это пограничный район интересов Саудовской Аравии и Ирана, которые тоже обладают очень серьезными запасами нефти. И втягивание их в конфликт грозит потрясениями на мировом нефтяном рынке, которые Казахстану явно ни к чему, ввиду его сильной зависимости от экспорта этого ресурса [9].

Исходя из вышесказанного, Казахстан был заинтересован в урегулировании конфликта. Поэтому, когда в 2016 г. Президент России Владимир Путин и Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган предложили Президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву превратить Астану в центр урегулирования сирийского конфликта, ответ был положительный [8].

С 23 января 2017 г. по 25 января 2024 г. была проведена 21 встреча в рамках Астанинского процесса. В переговорах участвовали сирийские власти, оппозиция, страны гаранты соглашения о прекращении огня — Иран, Россия и Турция. Казахстан предоставил возможность провести диалог на своей территории, но участия в переговорах не принимал [2; 8].

Переговоры достигли определенных результатов. Заключение договоренностей об освобождении заложников, об обмене пленными, о передаче сторонами тел погибших, о создании зон деэскалации в Восточной Гуте, в отдельных районах провинций Алеппо, Хама, Латакия — вот далеко не полный список достижений Астанинского процесса [8].

Астанинский процесс стал опорой для дальнейшего сотрудничества. В 2022 г. в ходе протестов в Казахстане сирийское правительство высказало «поддержку шагов казахстанского правительства» [21].

Между тем, до свержения режима Асада и позже страны не имели посольств на территории друг друга. Делами Казахстана в Сирии занималось посольство Казахстана в Иордании. Ближайшее к Казахстану сирийское посольство — в Москве. Стоит отметить, что с 2007 г. в столице Сирии действует Консульство Казахстана [12; 17].

После прихода в Сирии к власти оппозиции 8 декабря 2024 г. стали появляться заявления о бессмысленности Астанинского процесса и о том, что данное обстоятельство может испортить имидж властей Казахстана. Однако результаты этих переговоров никак не связаны с действиями Казахстана. Казахстан никогда не участвовал в переговорах на стороне Асада. Он обеспечивал проведение этих переговоров, и делал это на достаточно высоком уровне. Поэтому, от проведения данных встреч Казахстан с точки зрения международного признания скорее выиграл.

Другие страны Центральной Азии на начальном этапе своей независимости также установили дипломатические отношения с Сирией. Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан — в 1992 г. Узбекистан — 24 марта, Туркменистан — 26-го, Таджикистан — 29-го. Кыргызстан установил дипломатические отношения с Сирией 28 мая 1993 г. [3; 14; 15; 18].

Однако ни в одной из четырех стран посольств и консульств Сирии не было создано. МИД Кыргызстана предоставляет информацию о резиденции сирийского посольства в Москве, которое, скорее всего, несет ответственность за взаимодействие и с другими тремя государствами. Центральноеазиатские представительства в Сирии отсутствуют [4; 5; 6; 7].

Из-за отсутствия взаимных посольств, учреждений, ответственных за налаживание межгосударственных связей на месте не было. Поэтому налаживание отношений сводилось к визитам государственных представителей. Среди них визит министра иностранных дел Сирии Фарука аш-Шара

в Узбекистан в 1992 г., в 2007 г. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон посетил с официальным визитом Сирию, в 2010 г. министр иностранных дел Сирии Валид аль-Муалим посетил Таджикистан. Данные визиты практически способствовали укреплению сотрудничества, подписывались договоры. Однако это скорее всплески сотрудничества, которые не приводили к перманентному взаимодействию [1; 14].

Гражданская война в Сирии предопределила новый этап в развитии отношений Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и Кыргызстана с Сирией. Дело в том, что Центральная Азия стала третьим регионом по количеству боевиков, отправившихся воевать в Сирию на стороне оппозиции. Завлеченные рассказами салафитских вербовщиков об убийствах режимом Башара Асада беззащитных людей и призывами построить для мусульман иное государство, где все равны и все свободны, граждане центральноазиатских стран воевали в составе различных формирований. На 2015 г. в Сирии и Ираке действовали около 500 боевиков из Узбекистана, 360 — из Туркменистана, 190 — из Таджикистана, 100 — из Кыргызстана [20, с. 4–5].

В прессе центральноазиатских стран стали появляться различного рода заявления: о скоплении войск террористов на границе Туркменистана, о планируемых атаках террористов на Узбекистан в праздник Науруз в 2015 г. и множество других. Правительствами стран Центральной Азии данное обстоятельство было воспринято как угроза своей безопасности. Хотя англоязычные СМИ говорят о том, что угроза нагнеталась центральноазиатскими правительствами в преддверие выборов кампаний. Тем не менее, действия, направленные на борьбу с распространением террористической угрозы, были предприняты. Например, ликвидировались радикальные религиозные организации [20, с. 4–5].

Это делало вербовку на территории Центральной Азии проблематичной. Большинство происходило при выезде граждан за рубеж. Главным образом в Сирии и Ираке. Поэтому правительствами центральноазиатских стран осуществлялись операции на репатриации своих граждан. Поскольку вернуть мужчин-боевиков, убежденных-салафитов, было практически невозможно без прямого вступления в войну, акцент был сделан на их детях и женах, как возможных в перспективе объектах террористической пропаганды. Они добровольно, в большинстве своем, возвращались на родину.

Узбекистан с 2019 по 2021 г. вернул 400 человек. Кыргызстан в 2021 г. провел операцию «Мээрим» и репатриировал 69 детей. Об операциях Туркмении известно мало из-за конфиденциальности темы [16].

На декабрь 2024 г. Кыргызстан репатриировал 533 гражданина, Республика Таджикистан — 381, Республика Узбекистан — 531 [19].

По итогам операций «Жусан» и «Русафа» репатриировал из Сирии и Ирака 725 своих граждан и Казахстан [13].

От репатриации гипотетически будущих террористов выигрывали и страны Центральной Азии, и Сирия, что обусловило некоторое повышение уровня взаимодействия между странами.

Так, в 2022 г. по случаю 31-ой годовщины независимости Туркменистана президент Сирии Башар Асад подчеркнул нацеленность Сирии на углубление сотрудничества с Туркменией [10].

Резюмируя, рост политических контактов между всеми странами Центральной Азии и Сирией был связан с желанием центральноазиатских государств обезопасить себя от террористической угрозы, связанной с нарастанием войны в Сирии. Лидирующая роль принадлежала Казахстану, который стал организатором мирных переговоров по Сирии в Астане. Это объясняется тем, что интересы Казахстана в сирийском регионе были шире. Казахстан стремился к экономическому сотрудничеству с Сирией и к стабильности нефтяного рынка.

Библиографические ссылки

1. Аль-Бухари Мухаммад. История сирийско-узбекских отношений. URL: <https://muhammad-bukhari.blogspot.com/2020/10/6.html> (дата обращения: 31.08.2025).
2. Астанинский процесс. Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. URL: https://kazembassy.ru/rus/sotrudnichestvo/mnogostoronnee_sotrudnichestvo/astaninskii (дата обращения: 30.08.2025).
3. Государства, с которыми Туркменистан установил дипломатические отношения. МИД Туркменистана. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/55breadcrumbs=no> (дата обращения: 01.09.2025).
4. Дипломатические миссии. МИД Туркменистана. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/consulates> (дата обращения: 01.09.2025).
5. Дипломатические представительства за рубежом. МИД Республики Узбекистан. URL: https://gov.uz/ru/mfa/activity_page/anti_corruption (дата обращения: 31.08.2025).
6. Дипломатические представительства иностранных государств и международных организаций в Туркменистане. МИД Туркменистана. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/64?breadcrumbs=no> (дата обращения: 01.09.2025).
7. Дипломатический корпус в Ташкенте. МИД Республики Узбекистан. URL: https://archive.ph/20121225020823/mfa.uz/rus/mid/diplomaticheskiy_korpus_v_tashkente (дата обращения: 01.09.2025).
8. Диханбаева Д. Астанинский процесс и его роль в политико-дипломатическом урегулировании сирийского конфликта. International Science Complex Astana. URL: <http://iseca.isca.kz/ru/analytics-ru/2601> (дата обращения: 31.08.2025).
9. Дробны Н. Чего ждать Казахстану от переворота в Сирии? URL: <https://orda.kz/chego-zhdai-kazahstanu-ot-perevorota-v-sirii-395536> (дата обращения: 29.01.2025).
10. Инполитова А. Сирия нацелена на углубление сотрудничества с Туркменией. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/10/10/18758563.shtml?ysclid=m7q7hfdg-nz620091392> (дата обращения: 25.08.2025).

11. Казахстан и Сирия подпишут новое соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Интернет-газета «Gazeta. Kz». URL: https://online.zakon.kz/m/app/document?doc_id=30021509&pos=0%3B0%23pos%3D0%3B0 (дата обращения: 30.08.2025).

12. Консульская легализация документов из Казахстана для САР. URL: <https://schmidt-export.ru> (дата обращения: 01.09.2025).

13. Опыт Казахстана по репатриации и реинтеграции детей и женщин, вернувшихся из конфликтных зон, послужит примером для многих стран, заявили эксперты ЮНИСЕФ. UNICEF Казахстан. URL: <https://www.unicef.org/kazakhstan/Пресс-релизы/опыт-казахстана-по-репатриации-и-реинтеграции-детей-и-женщин> (дата обращения: 28.08.2025).

14. Отношения Республики Таджикистан с САР. МИД Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/1088/otnosheniya-respubliki-tadzhikistan-s-siriiskoi-arabskoi-respublikoi> (дата обращения: 27.08.2025).

15. Перечень стран, с которыми Республика Узбекистан установила дипломатические отношения. МИД Республики Узбекистан. URL: https://archive.ph/20120726154208/mfa.uz/rus/mej_sotr/dip_otnosheniya (дата обращения: 01.09.2025).

16. Репатриация граждан СНГ из Сирии: факты и статистика. Kazislam.kz. URL: <https://kazislam.kz/ru/2021/06/repatriatsiya-grazhdan-sng-iz-sirii-fakty-i-statistika/?ysclid=m7q58e9l9s818165490> (дата обращения: 30.08.2025).

17. Сотрудничество Республики Казахстан с САР. МИД Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/482?lang=ru&ysclid=m88qeoobwx237252273> (дата обращения: 25.08.2025).

18. Список стран, с которыми КР установила дипломатические отношения. МИД Кыргызской Республики. URL: <https://web.archive.org/web/20190330202757/http://mfa.gov.kg/contents/view/id/98> (дата обращения: 31.08.2025).

19. Центральная Азия лидирует в репатриации граждан из Сирии. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241218/siriya-1989821475.html?ysclid=m7q56hl12u798436119> (дата обращения: 24.08.2025).

20. Tucker Noah. Central Asian involvement in the conflict in Syria and Iraq: drivers and responses. United States Agency International Development. May 4, 2015.

21. ةيروسلا ةيبرعلا ةيرومملال ي ف نيبرت غمل او ةي جراخل ةرازول يمسرلا عقوملا (Заявление официального источника в Министерстве иностранных дел и по делам эмигрантов о ситуации в Казахстане (Министерство иностранных дел и по делам эмигрантов САР). URL: <http://mofaex.gov.sy/ar/pages222300> (дата обращения: 27.08.2025).

THE SPATIAL LAYOUT FEATURES OF RITUAL ARCHITECTURE IN CHINA DURING THE REPUBLICAN ERA (Gong He Shi Dai)

Yi Li

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, strator40@gmail.com*

Author categorizes the spatial patterns of ritual architecture according to the principle of Zuo Miao You Gong (“On the left is the temple and on the right is the god of the land and grain altar”). Then he explores how this pattern continues from the Ming and Qing period to the Republican Era (“Gong He Shi Dai”), reflecting the enduring influence of traditional ritual spatial concepts even in modern times.

Keywords: Chinese architecture; ritual architecture; urban planning.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РИТУАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ КИТАЯ В РЕСПУБЛИКАНСКУЮ ЭПОХУ (Гун Хэ Ши Дай)

И Ли

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, strator40@gmail.com*

Автор классифицирует пространственные структуры китайской ритуальной архитектуры в соответствии с принципом Цзо Мiao Ю Гун («слева находится храм, а справа — алтарь бога земли и зерна»). Затем он исследует, как эта модель сохраняется от периода Мин и Цин до республиканской эпохи («Гун Хэ Ши Дай»), отражая устойчивое влияние традиционных ритуальных пространственных концепций даже в наше время.

Ключевые слова: Китайская архитектура; ритуальная архитектура; городское планирование.

Following the establishment of New China architecture has taken on a profoundly ideological and symbolic role, functioning not merely as shelter or aesthetic expression but as an active agent in the construction of a new, powerful cultural system: socialist culture. This system is neither a rupture from the past nor a passive imitation of foreign models; rather, it is a dynamic synthesis. It consciously inherits the most outstanding elements of traditional Chinese culture – refined over five millennia – while simultaneously adapting them to meet the ideological, functional, and symbolic demands of contemporary socialist society. In this context, ritual architecture has undergone a profound metamorphosis. It no longer serves solely the emperor or celestial deities but has been reoriented to serve the people, the collective, and the forward march of socialist modernization [3, p. 45–48].

Ritual architecture, in particular, has always functioned as the most comprehensive spatial and symbolic manifestation of the Chinese nation's core beliefs, moral values, and behavioral norms. It is the built environment of ideology – a physical embodiment of cosmic order, political legitimacy, and social harmony. The modern capital, Beijing, stands as the most potent example of this continuity and transformation. Built upon the foundations of the Ming and Qing dynasty imperial capitals, Beijing's urban fabric preserves the essential ritual-spatial logic of its imperial predecessors. The classical arrangement known as *Zuo Miao You Gong* ("On the left is the temple, on the right is the altar of land and grain") continues to structure the symbolic heart of the city. To the east of the Forbidden City lies the Taimiao (Imperial Ancestral Temple), while to the west rests the Sheji Tan (Altar of Land and Grain). Extending this cosmological alignment, the Southern gate of the imperial city traditionally faced the Altar of Heaven, the Northern gate aligned with the Altar of Earth, and the Eastern and Western gates corresponded to the Altars of the Sun and Moon, respectively. This quadripartite celestial-terrestrial schema reflects the ancient Chinese worldview in which architecture mediates between Heaven, Earth, and Humanity [2, p. 256–273].

The spatial hierarchy of the Ming-Qing capital – with its concentric rings of walls, axial thoroughfares, and ritual nodes – was not demolished in the modern era but selectively renovated and symbolically reinterpreted. The most significant transformation occurred with the southward extension of the central axis and the repositioning of key ritual structures. The Taimiao and Sheji Tan, which since the Qin and Han dynasties had resided just outside the palace city, were symbolically relocated to flank the newly constructed Tiananmen Square. This was not a physical relocation but a conceptual and functional one – a re-signification of space for a new political era. In this reconfiguration, the Taimiao was transformed into the National Museum of Chinese History – an institution no longer dedicated to venerating imperial ancestors but to organizing and narrating historical time for the education and ideological formation of the people. Similarly, the Sheji Tan became the site of the Great Hall of the People – no longer an altar for agrarian deities but a monumental platform for the organization of political space, where the will of the people is theoretically enacted through representative governance. These two institutions now stand as the twin pillars of New China's ritual architecture: one anchoring collective memory in time, the other anchoring collective will in space. The former Taimiao now operates as the Beijing Working People's Cultural Palace – a space for leisure, education, and cultural enrichment for the masses – while the former Sheji Tan has been converted into Zhongshan Park, a public green space named in honor of Sun Yat-sen, symbolizing the transition from imperial to republican to socialist values [1, p. 125–143].

This Zuo Miao You Gong spatial model is far more than an aesthetic or nostalgic gesture. It represents a fundamental transformation in the object of service, the carrier of meaning, and the scope of cultural function. Where ritual architecture once served the emperor as the Son of Heaven, it now serves the people as the sovereign collective. The emergence and proliferation of new forms of ritual architecture – including monuments, memorial halls, and public museums – reflect the ongoing reintegration and evolution of politics and culture within an expanded spatiotemporal framework. These are not static relics but dynamic institutions that evolve with the ideological needs of the era. A particularly sophisticated evolution of this model can be observed in the Yin-Yang spatial pattern that has emerged around Tiananmen Square. The National Museum of Chinese History (representing historical lineage, memory, and the Yin principle of receptivity and continuity) and the Great Hall of the People (representing political action, futurity, and the Yang principle of activity and projection) form a dialectical pair – a ritual-architectural embodiment of balance appropriate to the Gong He Shi Dai (“Era of Republican Harmony”). This Yin-Yang duality is further enriched by the addition of monuments and memorial halls along the central north-south axis – most notably the Monument to the People’s Heroes – which establishes a Zhong He (“Central Harmony”) pattern. This axial monument serves as the unifying, symbolizing the unity of the people across historical epochs and geographical expanses. It is a spatial philosophy: diversity in the horizontal plane, unity in the vertical axis; multiplicity of experience, singularity of purpose [3, p. 95–108].

Perhaps the most ambitious and philosophically rich manifestation of this new ritual architecture in the 21st century is the National Archives of Publications and Culture – a nationwide cultural infrastructure project comprising the central Wenhan Pavilion in Beijing and its regional branches: the Wenji Pavilion in Xi’an, the Wenrun Pavilion in Hangzhou, and the Wenqin Pavilion in Guangzhou. While their primary institutional function is the preservation, cataloging, and display of national cultural resources – manuscripts, publications, digital archives, and artistic versions – their architectural conception and spatial logic are deeply imbued with the spiritual core and ritual sensibilities of Chinese civilization. The placement, orientation, materiality, and symbolic ornamentation of these pavilions consciously echo ancient library-temples and cosmic diagrams, positioning them not merely as storage facilities but as sacred spaces of cultural transmission and civilizational continuity. In this sense, the Wenhan system is perhaps the most sophisticated ritual architecture of the new era: it ritualizes knowledge, sanctifies cultural diversity, and monumentalizes the idea of civilizational dialogue. It is architecture as diplomacy, as philosophy, as futurism [4, p. 314–328].

The influence of these architectural ideas extends far beyond Beijing or monumental projects. They permeate the fabric of everyday public life across China. Government buildings at the provincial, municipal, and county levels increasingly incorporate axial symmetry, hierarchical spatial sequences, and symbolic ornamentation drawn from traditional ritual architecture – not as decorative afterthoughts but as deliberate ideological statements. People’s parks, cultural centers, and even grassroots community offices are designed with an awareness of spatial harmony, public accessibility, and symbolic resonance. The altar has become the plaza; the temple has become the museum; the imperial gate has become the people’s entrance. This is not architectural mimicry, it is ideological translation.

In sum, the evolution of Chinese ritual architecture thus offers a powerful case study in how civilizations can navigate modernity without self-erasure. It demonstrates that tradition is not a cage but a vocabulary; that ideology need not be sterile but can be spatially poetic; that serving the people can be as ritually profound as serving the gods. In preserving the core spatial patterns of Zuo Miao You Gong, in expanding them into Yin-Yang and Zhong He configurations, and in projecting them into future-oriented institutions like the Wenhan Pavilions, Chinese architecture has not merely survived the transition to modernity – it has redefined what modernity can mean. It has shown that architecture can be a medium of ideological continuity, cultural confidence, and civilizational ambition.

References

1. *Hong Xun*. General Theory of Palace Archaeology. Beijing: Forbidden City Press, 2001. (Chinese).
2. Early China: The Origin of Chinese Civilization / State Administration of Cultural Heritage Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2009. P. 17–18. (Chinese).
3. *Qingzhu Liu*. An Unbroken Civilization History: An Archaeological Interpretation of China's National Identity Spanning 5,000 Years. Chengdu: Sichuan People's Publishing House, 2020. (Chinese).
4. *Zhang Qicheng*. Sinology is the spiritual home of Chinese people // People's Forum 2014, vol. 28. P. 314–328. (Chinese).

ОТРЕЧЕНИЕ ЦЕЛЕСТИНА V И КОНФЛИКТ ФИЛИППА IV КРАСИВОГО С ПАПСТВОМ

В. И. Лясун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, valentinleshij@gmail.com*

В статье рассматриваются способы использования факта отречения и смерти Целестина V во время конфликта между папой римским Бонифацием VIII и французским королём Филиппом IV Красивым. Сторонники французского монарха неоднократно обвиняли Бонифация VIII в причастности к убийству своего предшественника и в незаконном занятии Святого Престола. Это позволило Филиппу Красивому начать судебный процесс против папы римского и уменьшить авторитет понтифика.

Ключевые слова: Целестин V; Бонифаций VIII; Филипп IV Красивый; отречение.

THE ABDICATION OF CELESTINE V AND THE CONFLICT OF PHILIP IV THE HANDSOME WITH THE PAPACY

V. I. Lyasun

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, valentinleshij@gmail.com*

The article examines ways to use the fact of Celestine V's abdication and death during the conflict between Pope Boniface VIII and the French King Philip IV the Handsome. Supporters of the French monarch have repeatedly accused Boniface VIII of involvement in the murder of his predecessor and of illegally occupying the Holy See. This allowed Philip the Handsome to launch a lawsuit against the pope and reduce the pontiff's authority.

Keywords: Celestine V; Boniface VIII; Philip IV the Handsome; abdication.

Введение. В XII–XIII вв. папство переживало вершину своего могущества. Пик этого могущества пришелся на понтификат Бонифация VIII, который в своей булле «Unam sanctam» в 1302 г. закрепил, пусть уже известную на тот момент, но очень важную доктрину о верховенстве папы римского над светскими правителями. Однако, столь сильное заявление не могло не пройти без каких-либо последствий для папы, тем более учитывая контекст событий, в которых была опубликована булла. Будучи очень жёстким, властным и беспринципным человеком, Бонифаций VIII, реализовывая свои замыслы, наткнулся на не менее властного французского короля Филиппа IV Красивого. Спор между папой и королём из-за принадлежности церковной десятины в 1296 г. перерос в полноценную борьбу за верховенство власти: светской и теократической. Однако, французский король, используя большую национальную поддержку всех сословий, смог одержать стремительную победу. В 1303 г. по указу Филиппа Красивого

Гильйом де Ногаре оскорбил папу, который, в свою очередь, не выдержав этого, вскоре умер. Однако король решил не останавливаться на достигнутом: даже после смерти Бонифация продолжал с ним бороться, начав судебный процесс против папы. Папа Климент V (1305–1314) смог прийти к компромиссу между французской монархией и папством путём прощения участников пленения в Ананьи и канонизации Пьетро Анджелари дель Морроне (бывшего Папы Римского Целестина V (05.07.1294–13.12.1294).

Постановка проблемы и цели исследования. Филипп IV Красивый боролся с папством с помощью французских сословий. Необходимо было найти повод, чтобы опорочить Бонифация VIII. Повода долго ждать не пришлось, начало понтификата Бонифация VIII ознаменовалось отставкой, а позже скорой смертью предыдущего папы римского Целестина V, что по мнению исследователей, а также его современников, не прошло без участия Бонифация. Филипп IV мог использовать смерть Целестина в своих целях для уменьшения авторитета своего оппонента, а также для появления возможности осуждения и отставки Бонифация VIII, что помогло бы одержать полную победу и укрепление власти французского короля.

Целью данной работы является исследование вопроса о том, как и каким образом Целестин V (или память о нем) повлияла на конфликт Филиппа Красивого с папством.

Основная часть. После смерти папы Николая IV, место главы католической церкви пустовало в течении двух лет. Это было вызвано длительными спорами в конклаве из-за неспособности договориться двух групп влиятельных кардинальских партий Орсини и Колонна, которые оказывали давление на ход выборов. 5 июля 1294 г. в ход переговоров на конклаве в Перудже вмешался король Неаполя Карл II Анжуйский: он привез монаха Пьетро дель Морроне из Сьельмоны и представил его выборщикам как кандидата на трон св. Петра. Будучи фигурой компромиссной Пьетро дель Морроне, отличавшийся славой праведного монаха с глубоко аскетическими взглядами на жизнь был избран новым Папой под именем Целестина V. Но вскоре кардиналы пожалели о своём выборе. В делах управления папа не был осведомлённым человеком. Был поставлен вопрос о неспособности Целестина V выполнять свои обязанности. Более того, по мнению исследователей, Карл II Анжуйский специально поддержал кандидатуру малограмотного монаха из-за опасения увеличения богатств и могущества Святого Престола [3, с. 137].

Следует остановиться на характере Пьетро и отношении к нему его современников. Новый Папа был монахом, ведущим отшельнический образ жизни. Вот как о нем пишет его современник флорентийский хронист Джованни Виланни в своей «Новой Хронике»: «Он вел суровую и

покаянную жизнь отшельника и, основав несколько святых обителей своего ордена, оставил мирскую суету, чтобы замаливать грехи на горе Морроне, за Сермоной... он был человек простой и малообразованный и не любил светской пышности» [1]. Аскетический образ жизни Морроне не остался незамеченным; более того, его идеи привели к созданию монашеского ордена, последователи которого позже взяли себе имя своего наставника — целестинцы [8, р. 35] Кроме этого, папа нашел поддержку и у ордена францисканцев, который ожидал (в соответствии с предсказанием Иоахима Флорского) наступления эры господства монахов и победы христианского учения, торжества бедности над алчностью и властолюбием духовенства [3, с. 138]. Образ жизни Целестина V создал ему хорошую репутацию.

Но Пьетро дель Морроне из-за своей безграмотности не мог быть папой. Он чувствовал давление со стороны кардиналов, которые понимали, что папа сильно зависит от Карла II Анжуйского. В особенности после того, как по совету Карла Целестин V назначил 12 новых кардиналов (среди которых было 7 французов, 4 из Нижней Италии, а также отшельник, с которым Пьетро дель Морроне находился вместе в Абруццах). Таким образом, в коллегии кардиналов образовалась французская партия большинства [2, с. 147]. Целестин понимал свою неспособность управлять церковью и пытался найти способ избавиться себя от этой ноши. В этом ему помогли сами кардиналы, в особенности, как заявляют исследователи, Бенедетто Каэтани, впоследствии новый папа римский, который очень хотел занять место Целестина V. О непосредственном участии кардинала Каэтани сообщается и в «Новой хронике Флоренции»: «При дворе среди прочих кардиналов был мессер Бенедетто Гуатани д'Ананьи... он сильно желал взойти на папский трон и своими путями добивался этого от короля Карла и кардиналов, которые пообещали ему содействие и впоследствии помогли достигнуть цели. Зная о желании святого отца отречься от сана, он предстал перед ним с предложением издать новую декреталию о том, что каждый папа может сложить свои полномочия; при этом он ссылался на пример святого Климента, которому святой Петр перед смертью завещал папский престол, но тот ради спасения души отказался стать папой... Папа Целестин последовал совету кардинала и составил декрет, а затем в декабре того же года, в день святой Люции, перед собранием всех членов кардинальской коллегии снял с себя папскую тиару и мантию и отрекся от папства, после чего покинул двор и вернулся к своей покаянной и отшельнической жизни [1]». Таким образом, 13 декабря 1294 г. Целестин V отрекается от сана папы римского и возвратился к своей привычной жизни отшельника.

24 декабря 1294 г. новым папой римским стал кардинал Бенедетто Каэтани под именем Бонифация VIII. Новый папа был очень властным человеком с твердым беспринципным характером. Победив на выборах в конклаве с помощью партии Орсини, новый папа начал активно бороться с влиянием другой кардинальской партии — Колонна, при этом довольно успешно. В ходе конфликта Колонна потерпели поражение и лишились своих владений. Однако, вокруг Бонифация VIII стала нарастать слава не только как об очень сильном папе, который легко справляется со своими врагами, но и как о папе, который находится у власти нелегитимно. Общественность помнила праведного монаха, более того появлялись слухи о чудесах сотворенных Пьетро дель Моронне, пока он добирался до своего дома. Стоит также заметить действия осужденных Якова и Петра Колонна в послании Парижскому университету: они напрямую просят расследовать легитимность интронизации Бонифация VIII: «Признайте справедливость нашего дела о беззаконии Бенедетто Гаэтани, не епископа вселенской церкви, а тирана, который держит римскую церковь в своих руках... когда Целестин сложил с себя папский престол де-факто — ибо он не мог сделать этого де-юре, поскольку всем, кто готов тщательно расследовать этот вопрос, ясно, что римский папа не может уйти в отставку, отказаться от папства или быть вновь отстраненным от него, кроме как по воле одного Бога...» [6, р. 33]. В дальнейшем, когда начали усложняться отношения Бонифация VIII и Филиппа IV Красивого, уже французский король и его легисты начали подымать вопрос о неправильности отречения папы. Однако, теологи не нашли ничего незаконного в поступке Целестина V, наоборот, появились трактаты, которые теологически обосновывали возможность отречения [8, р. 36–37]. Таким образом, противникам Бонифация VIII пришлось искать новый способ давления на папу, и они его нашли.

Опасаясь усиления авторитета Пьетро дель Моронне, а также возвращения его на папский престол, Бонифаций VIII, по заявлению ряда хроник, приказал заточить монаха в башню замка Фумоне, где тот добился, наконец, уединения и в 1296 г. спокойно умер. Заточение Пьетро дель Моронне было логичным действием со стороны нового папы. Учитывая характер монаха-отшельника и события, которые сопутствовали его отречению, можно сделать вывод, что бывший папа не захотел бы возвращаться на свою должность из личных побуждений. Но его личность могли использовать враги Бонифация VIII, сделав упор на развитии идей о нелегитимности папы, создать раскол в церкви и устранить своего оппонента. Внезапная смерть Целестина дала повод говорить о его преднамеренном убийстве по

приказу Бонифация VIII, что вылилось в еще одну возможность осудить папу по серьезному обвинению, которое всё чаще стало появляться в трактатах французских легистов и приверженцев Филиппа IV Красивого.

По мере развития конфликта папы и короля Филиппа Красивого, последний, опасаясь, что Бонифаций VIII отлучит его от церкви, начал искать пути, благодаря которым он сможет усилить свой авторитет. Чтобы подтвердить свои права на власть и осудить вмешательство папы в государственные дела, Филипп IV в 1302 г. созывает первую ассамблею Генеральных штатов. 10 апреля представители дворянства, духовенства и горожан собираются вместе в Париже. Перед ними был поставлен один вопрос: поддержка и защита короля от притязаний и вмешательства Бонифация VIII. Дворянство Франции и горожане в целом выказали свое согласие, а духовенство заняло двоякую позицию [4, с. 108]. С одной стороны, они были подданные короля, а с другой — подданные Святого Престола. К тому же в это время папа призывал их к участию в соборе, где он должен был обнародовать буллу «*Unam sanctam*». Король отказал им в разрешении отправиться на собор, о чем клирики проинформировали в письме папу [9, р. 5]. 12 марта 1303 г. в Лувре была созвана вторая ассамблея.

Ассамблея была представлена небольшим количеством участников (в сравнении с 1302 г.), более того в Лувре не присутствовали представители городского сословия [4, с. 111]. Открылось собрание с речи Гийома Ногаре, одного из самых приближенных людей короля. Он назвал Бонифация VIII еретиком, обвинил в симонии, а также в создании интриг вокруг Целестина V, с помощью которых Гаэтани смог обманом убедить его отречься, а затем благодаря подкупу занял его место, что делает нахождение Бонифация VIII на месте главы католической церкви нелегитимным [5, р. 31]. Ногаре призвал созвать собор с целью осудить папу по всем высказанным обвинениям. Следом выступил Гийом де Плезиан, также легист французского короля. Он обвинил папу римского в тех же грехах, что и Ногаре, однако, придал обвинениям большую систематизацию и теологическое обоснование. Завершил вступительную речь сам Филипп IV Красивый, обозначив, что основным вопросом собрания является выяснение истины и предотвращение раскола [4, с. 112]. Как пишут исследователи, ассамблея 1303 г. характеризовалась усилением оппозиционных настроений, связанных в основном с налоговой политикой короля, а также с невыполнением обещанных им обязательств в виде жалованных грамот. Как только сословия получили подтверждение своих привилегий, оппозиционные настроения сошли на нет. Собравшиеся поддержали короля.

В ответ на действия Филиппа IV Красивого, Бонифаций VIII решил действовать более жестко и подготовил буллу, по которой отлучал

французского короля от церкви. Однако, за день до назначенного оглашения проклятия (8 сентября 1303 г.) Гильом де Ногаре (с помощью римских аристократов, возглавляемых Счиаррой Колонна) совершил нападение на папу в имении в Ананьи. Бонифаций из-за пережитых волнений умер [2, с. 152]. Филипп IV вышел из конфликта с папой победителем, но не захотел останавливаться на достигнутом.

До начала Вьеннского собора он неоднократно подымал вопрос о посмертном суде над Бонифацием VIII, чтобы иметь рычаги давления на новых пап. Еще одним средством влияния на римского понтифика было желание Филиппа Красивого канонизировать умершего Целестина V [10, р. 247]. Учитывая, что в его смерти винили Бонифация, это сильно бы ударило по авторитету всей церкви в целом. Основные нападки короля пришлось на Климента V, который в целом придерживался политики сотрудничества и уступок во взаимоотношениях с Францией. Чтобы судебный процесс не возобновился, Климент V 1 февраля 1306 г. аннулировал две печально известные буллы Бонифация VIII: «Clericis laicos» и «Unam sanctam». Однако, начав кампанию против тамплиеров, монарх потребовал от папы содействия, а также канонизации Целестина V и осуждения Бонифация VIII. Судебный процесс все время прерывался и затягивался самим Климентом V, в итоге он пошел на уступки. На соборе во Вьенне были отменены все буллы Бонифация VIII, а также распускался орден тамплиеров [7], 5 мая 1313 г. был канонизирован Целестин V, но под именем Пьетро дель Моронне [10, р. 249].

Вывод. Таким образом, события, связанные с Целестином V, проходят красной нитью через всю историю столкновения Бонифация VIII и Филиппа IV Красивого. Французский король и его приверженцы использовали отречение Целестина для обоснования нелегитимности Бонифация VIII. Они обвиняли его в том, что он с помощью интриг заставил Пьетро дель Морронне отречься, а затем подкупом кардиналов занял место папы римского. Также подымался вопрос о том, может ли папа отречься. Отрицательный ответ, на который также поставил бы под сомнение легитимность Бонифация. Во-вторых, после смерти Целестина V Бонифация VIII начали обвинять в убийстве.

Все вышеперечисленные обвинения использовались в качестве давления на римских понтификов для достижения личных целей Филиппа Красивого. В частности, во времена Бонифация VIII французский король использовал смерть и отречение Целестина V для начала судебного процесса против папы римского, а также в качестве обвинений на ассамблеях Генеральных штатов, чтобы выйти из конфликта с папством победителем. А во времена Климента V, чтобы заставить папу римского содействовать в уничтожении Ордена тамплиеров.

В целом, отречение и скорая смерть Целестина V сильно повлиял на исход конфликта Бонифация VIII и Филиппа IV Красивого, позволив французскому королю всегда иметь повод для начала судебного процесса против папы римского, а также использовать этот фактор для уменьшения папского авторитета.

Библиографические ссылки

1. Виллани Дж. Об избрании Целестина V и о его отказе быть папой // Восточная литература. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Villani_G/frameset81.htm (дата обращения: 08.03.2024).
2. Гергей Е. История папства: (Пер. с венгр.). Москва: Республика, 1996. 463 с.
3. Ковальский Я. В. Папы и папство: (Пер. с пол.). Москва: Политиздат, 1991. 236 с.
4. Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. Москва: Издательство Московского университета, 1976. 211 с.
5. Assemblée tenue au louvre // Documents relatifs aux États généraux et Assemblées réunis sous Philippe le Bel; edited by Picot G. Paris: Imprimerie Nationale, 1901, LXII, 932.
6. Colonna J. and P. Third Manifesto Against Boniface VIII // Philip the Fair and Boniface VIII: state vs. papacy / Dartmouth college; edited by Wood, C. T. Huntington, N. Y.: R. E. Krieger P. C., 1976. VIII. 134 pp.
7. Council of Vienne 1311–1312 A. D. / Papal Encyclicals Online. URL: <https://www.papalencyclicals.net/Councils/ecum15.htm> (date of access: 08.03.2024).
8. Leclercq J. The Legitimacy of Boniface VIII // Philip the Fair and Boniface VIII: state vs. papacy / Dartmouth college; edited by Wood, C. T. Huntington, N. Y.: R. E. Krieger P. C., 1976. VIII. 134 pp.
9. Lettre du clergé de France au pape Boniface // Documents relatifs aux États généraux et Assemblées réunis sous Philippe le Bel; edited by Picot G. Paris: Imprimerie Nationale, 1901. LXII. 932.
10. Mollat G. The popes at Avignon, 1305–1378. London: T. Nelson, 1963. XXII. 392 pp.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АВГУСТИНА ВОЛОШИНА

А. А. Марковский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, amarkowsky2005@gmail.com*

В статье анализируются взгляды одного из ведущих политиков Закарпатья межвоенного периода Августина Волошина, который способствовал получению краем автономии в составе Чехословакии. Его политическая деятельность включала участие в украинофильском движении, редактирование газеты «Наука», основание и руководство Народно-христианской партией, избрание депутатом парламента Чехословакии (1925–1929). А. Волошин был премьер-министром правительства Карпатской Украины и ее президентом.

Ключевые слова: Закарпатье; Подкарпатская Русь; Чехословацкая Республика; автономия; политические партии; Августин Волошин.

POLITICAL ACTIVITY OF AUGUSTINE VOLOSHIN

A. Markovski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, amarkowsky2005@gmail.com*

The article analyzes the views of one of the leading politicians of Transcarpathia during the interwar period, who contributed to the region's autonomy within Czechoslovakia. Augustin Voloshin's political activities included participation in the Ukrainianophile movement, editing the newspaper “Nauka”, founding and leading the People's Christian Party, being elected to the Czechoslovak Parliament (1925–1929), and serving as the Prime Minister and President of the Carpathian Ukraine.

Keywords: Transcarpathia; Subcarpathian Ruthenia; Czechoslovak Republic; autonomy; political parties; Augustin Voloshin.

Августин Волошин родился в семье сельского священника, в селе Келечин (ныне — Хустский район Закарпатской области) 17 марта 1874 г. Окончил Будапештскую Высшую педагогическую школу и вернулся в Ужгород, где преподавал в учительской семинарии, директором которой был с 1917 по 1938 г.

Еще в 1902 г. А. Волошин стал инициатором и одним из основателей общества «Уния», которое было наследником основанного А. Духновичем в 1864 г. «Общества св. Василия Великого». Общество «Уния» имело свою типографию и книжный магазин, занималось изданием и распространением книг на местном языке, и просуществовало до ноября 1938 г. За время своей деятельности «Уния» выпустила сотни изданий — школьные

учебники, церковную литературу, книги и брошюры научно-популярного и просветительского содержания. Это общество было издателем и почти всех книг А. Волошина.

Жизнь Августина Волошина неразрывно связана с политической жизнью Закарпатья. В 1918 г., после распада Австро-Венгерской империи, Августин Волошин выступал за то, чтобы Подкарпатская Русь на правах автономии осталась в составе Венгрии. Однако из-за ассимиляции Венгрией населения края его взгляды изменились: он начал продвигать идею объединения Подкарпатской Руси с Чехословакией. Он был членом Ужгородской руськой народной рады, которая поддержала идею президента США Вудро Вильсона о самоопределении наций [7]. Ужгородский совет в январе 1919 г. поддержал решение совета американских русинов, которые в ноябре 1918 г. высказались за присоединение Подкарпатской Руси к Чехословацкой Республике.

На собрании Ужгородской, Пряшевской, Хустской народных рад в Ужгороде 8 мая 1919 г. избрали Центральную руськую народную раду (ЦНР) и делегацию для поездки в Прагу к президенту с заявлением о присоединении Подкарпатской Руси к Чехословацкой Республике. А. Волошин был одним из заместителей главы ЦНР и членом делегации, которая передала русинскую декларацию Чехословацкому правительству и президенту.

А. Волошин считал, что присоединение родного края к Чехословацкой Республике на правах автономии не имело лучшей альтернативы [3]. К такому решению привела венгерская ассимиляционная политика против полумиллионного «руського народа Подкарпатья» [4].

В конце 1919–начале 1920 г. была создана «временная русская автономная Директория» — первое автономное правительство Подкарпатской Руси в составе Чехословакии. Она являлась совещательным органом при военной администрации Чехословацкой Республики по вопросам языков, школ, религии и местного самоуправления [2]. По сведениям автора книги «Русины и межвоенная Чехословакия» К. Шевченко в состав Директории Подкарпатской Руси входили наиболее авторитетные русинские политики, среди них был и Августин Волошин. Это правительство подписало ряд соглашений о вхождении Закарпатья в Чехословакию с последующим обретением автономии.

Из-за того, что часть русинского населения осталась на Пряшевщине в Словакии, Августин Волошин административную границу между Словакией и Подкарпатской Русью считал несправедливой. Он, как и большинство русинских политиков, настаивал на присоединении к Закарпатья и Пряшевщины. Однако, несмотря на разногласия с Прагой по вопросам автономии и ее территорий, для Августина Волошина период нахождения

Подкарпатской Руси в составе Чехословакии был временем расцвета свободы слова [5]. Русинское и украинское население края получило возможность создавать партии и организации, издавать прессу на родном языке.

Активная общественно-политическая деятельность А. Волошина приходится на 1920–30-е гг. В конце 1919 г. А. Волошин принимает активное участие в создании на Закарпатье культурно-просветительского общества «Просвіта», которое просуществовало до марта 1939 г. Все это время А. Волошин руководил деятельностью общества «Просвіта», которая была направлена на сохранение и распространение украинского языка, культуры и формирование национального самосознания местного населения. Закарпатская «Просвіта» взаимодействовала с галицкой «Просвітой» и сыграла огромную роль в данный период в украинском национальном движении на Закарпатье. А. Волошин был заместителем председателя «Просвіти» до последних дней ее существования. Он принимал участие в воспитании просвительских кадров, привлекал учительство к работе в кружках «Просвіти».

В Ужгороде 17 октября 1937 г. состоялся Всепросвительский съезд закарпатской «Просвіты», в котором участвовало 30 тысяч активистов со всей территории края. В «Манифесте к украинскому народу Подкарпатья», выпущенном к съезду и подписанном руководителями 25 общественных организаций, партий, редакций, говорится: «Мы по доброй воле вошли в Чехословацкую Республику, мы верные граждане нашего демократического государства, но в языковых и культурных делах мы были и будем частью великого 50-миллионного украинского народа, и от этого нашего народного и культурного единства никогда ни за что не отречемся» [8]. Манифест подписан и А. Волошиным.

А. Волошин был главным редактором и издателем еженедельной газеты «Наука», которая в январе 1919 г. получила название «Руська Країна» (по названию региона). Населению края тогда бесплатно раздавали газеты «венгерских, мадяронских и русофильских кругов», которые выступали против Чехословакии [6]. А. Волошин, наоборот, призывал к уважению чехословацкого государства. После вступления чехословацкой армии в Ужгород 12 января 1919 г., его «газета стала смелее, свободнее работать для народных интересов». В сентябре 1919 г. он вернул своей газете прежнее название «Наука». Газета «Свобода» начала издаваться с 1 января 1922 г. Редактором газеты был А. Волошин [9, с.128].

Первой значимой политической партией украинофильского направления в Чехословакии была Руськая хлеборобская (крестьянская) партия, основанная в 1920 г. Августин Волошин был самым выдающимся деятелем

партии, хотя ее и не возглавлял. В 1923 г. она была переименована в Христианскую Народную Партию (ХНП), от которой Августин Волошин избирался в 1925–1929 гг. депутатом в чехословацкий парламент.

С середины 1925 г. газета «Свобода» являлась официальным печатным органом партии ХНП. Ее программа состояла из семи основных разделов. В первом разделе партия требовала «объединить всех русинов от Попрада до Тисы», «предоставить широкую автономию краю» и «обеспечить мирное сосуществование национальных меньшинств в нем». Лидеры ХНП, в отличие от русофильских партий, подчеркивали свое уважение к Чехословакии и не выдвигали никаких радикальных требований, ограничиваясь просьбой предоставить Подкарпатской Руси обещанную автономию. В течение всего периода своей деятельности партия в целом поддерживала политику Праги.

Будучи депутатом пражского парламента А. Волошин защищал интересы Закарпатья. В 1926 г. по его инициативе в Закарпатье были введены кооперативные законы, защищающие после присоединения края к Чехословакии вклады закарпатских кооперативных союзов в будапештских банках. Некоторые словацкие депутаты вели агитацию за перенос столицы Подкарпатской Руси из Ужгорода в Мукачево. Это было выгодно словацким политическим кругам, которые хотели присоединить Ужгород к Словакии, однако А. Волошин публично раскрыл эти намерения и содействовал прекращению такой агитации. Как депутат он добился распространения на Закарпатье закона о государственной помощи священникам.

В августе 1938 г. А. Волошин реорганизовал Первую Центральную русьскую народную раду, введя в состав ее руководства новых членов, и 7 сентября, во главе делегации Рады, прибыл в Прагу, чтобы добиться провозглашения автономии. Однако своей цели А. Волошин не достиг, так как Президент республики Э. Бенеш делегацию не принял. До середины 1938 г. А. Волошин последовательно отстаивал идею автономии Закарпатья в пределах Чехословацкой республики.

Решение вопроса об автономии Подкарпатской Руси было ускорено международными событиями. После Мюнхенского соглашения 29 сентября 1938 г. Национальное собрание Чехословакии под давлением Германии приняло закон «Об автономии Словакии и Подкарпатской Руси» [10, с. 25]. Первым премьер-министром Рады министров Подкарпатской Руси стал русофил А. Бродий, А. Волошин получил в правительстве должность министра здравоохранения и социальной защиты. После ареста А. Бродия по обвинению в работе на хортистскую Венгрию, 26 октября премьер-министром автономии был назначен А. Волошин.

С приходом к власти второго автономного правительства во главе с А. Волошиным, несмотря на провозглашенный им курс в газете «Нова Свобода» от 27 октября 1938 г. на соблюдение «найбільшої терпеливості в мовних і партійних боротьбах», с его подачи правительство Чехословакии издает Указ о запрете деятельности всех партий. Было также запрещено издание целого ряда русофильских печатных изданий: «Русская правда», «Наш путь», «Русский вестник» [11, с. 229]. Это свидетельствовало о стремлении не допустить создания русофильских объединений в любом проявлении. Такой курс совпадал с интересами правительства Чехословакии, так как русофильские партии и их деятели в основном работали на Будапешт.

Подобные действия были обусловлены тем, что в Подкарпатской Руси в то время партии, представлявшие украинофильское течение, не получили бы среди населения большей поддержки, чем многочисленные русофильские партии. Поэтому из двух сценариев — консолидировать население края на принципах демократии, или ограничивать права оппозиции, сворачивая демократию, премьер избрал второй. Подобные действия вызвали поддержку Германии, в том числе и финансовую [1, с. 303].

Правительство А. Волошина 30 декабря 1938 г. издало распоряжение, позволяющее применять термин «Карпатская Украина» вместо названия «Подкарпатская Русь». Это решение правительства комментировала газета «Нова Свобода». По инициативе А. Волошина была образована новая партия «Украинское Национальное Объединение» (УНО). УНО имело связи с германскими спецслужбами. Официальным печатным органом УНО стала газета «Нова Свобода». А. Волошин сам составлял список своих кандидатов для выборов в парламент Подкарпатской Руси.

14 марта 1939 г. Гитлер заявил о своем решении ликвидировать Чехословакию и создать на территории Чехии имперский протекторат «Богемия и Моравия». Словакии предлагалось объявить независимость под угрозой передачи ее территорий Венгрии. Вслед за Словакией независимость объявила Карпатская Украина. 15 марта в Хусте собрался сойм Карпатской Украины [8]. Тайным голосованием А. Волошин был избран президентом. В этот же день Венгрия предъявила ультиматум о передаче власти венгерским военным органам. После оккупации Закарпатья венгерскими войсками А. Волошин и его соратники покинули край и направились в Германию, затем в Прагу.

Таким образом, в 1930-х гг. А. Волошин в результате своей активной деятельности, направленной на политическое, экономическое и религиозное развитие Закарпатья, обладал огромным авторитетом. К его словам прислушивались представители всех политических сил и движений. Под его руководством создавались многие предприятия учреждения, которые

обеспечивали работой сотни рабочих и служащих, что имело первостепенное значение в условиях безработицы. Вся жизнь А. Волошина была посвящена идее создания независимой Карпатской Украины.

Библиографические ссылки

1. *Болдижар М. М.* Політичні партії та об'єднання автономії Підкарпатської Русі, ип: Нариси історії Закарпаття. Ред. І. Гранчак. Ужгород, 1995.
2. *Вегеш М. М.* Директорія Підкарпатської Русі // Енциклопедія історії України: Т. 2. К: В-во «Навукова думка», 2004.
3. *Волошин А.* Интервью А. Волошина («День», ч. 47). Русинь, 1923. Ч. 30. С. 1–2.
4. *Волошин А.* Борьба за кириллицу. Русинь, 1923. Ч. 139. С. 2.
5. *Волошин А.* Ко історії нашого новинарства. Русинь, 1923. Ч. 100. С. 1.
6. *Волошин А.* Ко історії нашого новинарства. Русинь, 1923. Ч. 119. С. 2–3.
7. *Волошин А.* Перша Ужгородська Руська Народна Рада. Русинь, 1923. Ч. 69. С. 1–2.
8. *Олекса Мишанич.* Жизнь и творчество Августина Волошина. URL: <https://totalwar.fun/index.php/total-war-history/our-time/673-2011-03-26-10-09-34.html> (дата обращения: 11.09.2025).
9. *Почекутова О. І.* Преса Закарпаття 2-ої пол. ХІХ–1-ої пол. ХХ століття. Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», 2010.
10. *Суляк С.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3. С. 7–34.
11. *Токар М. Ю.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919–1939). Ужгород, 2006.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИИ: ПОДХОДЫ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Н. Е. Орлова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, hist@bsu.by*

Формирования государственной системы всеобщего начального образования в Англии имел замедленный характер, растянувшись более, чем на полстолетия: с конца XVIII в. до принятия в 1870 г. первого закона о начальном образовании. Идеологический подход к определению места и роли образования в обществе, предопределил консервативный характер процесса реформирования сферы народного образования в Англии.

Ключевые слова: государственная система всеобщего начального образования; английский парламент; билль о начальном образовании; благотворительные институты; официальная церковь английские власти; периодизация; идеологический подход.

THE FORMATION OF STATE SYSTEM OF UNIVERSAL PRIMARY EDUCATION IN ENGLAND APPROACHES AND PERIODIZATION

N. E. Orlova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, hist@bsu.by*

The formation of the state system of universal primary education in England was slow, it lasted more than half a century. Having emerged at the end of the 18th century, this process ended with the adoption in 1870 of the first law on primary education in the history of English education. The ideological approach of the English authorities and society to defining the place and role of education has predetermined the conservative character of the process of reforming the sphere of primary education in England

Keywords: state system of the universal elementary education; the English Parliament; Elementary Education Bill; charitable institutions; official church; English authorities; periodization; ideological approach.

История свидетельствует, что проблема образования становилась знаковой всякий раз, когда обществу приходилось решать масштабные задачи, осуществлять коренные преобразования. В этом отношении наиболее показателен пример западноевропейского общества, высокие достижения которого в значительной степени связаны с развитием сферы просвещения.

В эпоху Нового времени началась настоящая образовательная революция. Она непосредственно связана с развитием модернизации, подъемом рыночной экономики и утверждением капитализма. Динамичная природа

капитализма, ориентированная на прогресс, требовала расширения знаний, повышения уровня грамотности, культуры и дисциплины населения. В процессе образовательной революции закладывались, по сути, основы системы народного просвещения, которая до сих пор отсутствовала. На протяжении XVI–XIX вв. внимание к сфере образования со стороны общества и государства закономерно росло.

Однако лишь в XIX в. в процессе формирования индустриального общества в странах Западной Европы, фактор образование стал необходимым условием прогресса, и, в этой связи, здесь началась систематизация всей сферы просвещения. В условиях повсеместной безграмотности населения, в первую очередь она касалась начальной школы: здесь ставилась задача создания национальной системы всеобщего начального обучения.

Создание национальной системы массового образования в каждой стране имело свою специфику, отражавшую особенности ее исторического развития. В конечном счете, в основании конкретной образовательной теории и практики лежит социальное устройство, уровень и общая стратегия развития общества. В этой связи существуют разные подходы к оценке места и роли образования со стороны конкретного общества и государства. Они в основном сводятся к двум вариантам: социально-политическому, когда образование рассматривается как инструмент социального регулирования и контроля (идеологическая концепция), и социально-экономическому, сводящему его значение, прежде всего, к узкопрофессиональной подготовке (технократическая концепция) [4, с. 5]. В каждом отдельном случае функции системы просвещения, как правило, распределяются неравномерно: предпочитают одни в ущерб другим. В результате конкретные институты образования носят соответствующий характер, работая либо на прогресс, либо в большей степени на консервацию сложившихся устоев. Во многом данный фактор обуславливает особенности самого процесса формирования национальной системы массового обучения, его динамику и периодизацию.

В этом ракурсе особый интерес представляет английский опыт формирования государственной системы всеобщего начального образования. Великобритания, уже середине XIX в. ставшая первой индустриальной державой мира, к удивлению многих современников, одной из последних стран Запада приступила к реформированию своей системы просвещения. Данный процесс был обусловлен определенными предпосылками социально-экономического, политического, идейно-духовного характера, он также базировался на всем предшествующем опыте развития сферы английского образования.

Под воздействием процесса модернизации, обозначившегося в Англии на рубеже XV–XVI вв., начались глубокие перемены в жизни общества, затронувшие и сферу образования народа. В результате поступательного развития капитализма, в XVI в. особую ценность приобретает накопление опыта, совершенствование знаний и умений. С другой стороны, достаточно активное развитие товарно-денежных отношений сопровождалось усилением социальных противоречий и политической нестабильности, что вызывало стремление правящих кругов к укреплению своей власти путем усиления контроля над обществом. Таким образом, уже в XVI в. в Англии обозначились две составляющие места и роли народного образования в обществе: социально-экономическая и социально-политическая.

В XVI–XVII вв. английские власти обратили внимание на значимость начального образования для преуспевания страны. При этом в условиях острой идейно-политической борьбы в период Реформации и революции, склонились к идеологическому подходу в определении его места и роли: в начальной школ они видели, прежде всего, средство поддержания социального порядка.

В ходе углубления модернизационного процесса английское общество и власти, исходя из своих задач и приоритетов, все более утверждались в выборе в пользу социально-политической функции образовательной сферы, т. е. политического измерения. В XVIII в. Англия глубоко продвинулась по пути капитализма и создания буржуазной государственности. В этой связи были созданы необходимые предпосылки для буржуазно-демократических преобразований во всех сферах жизни английского общества, в том числе и народного просвещения. В обозначенный период здесь был накоплен определенный опыт и, по сути, поставлен вопрос о необходимости перехода от средневековой модели развития народного образования, построенной на религиозно-благотворительной основе, к востребованной временем национальной системе массового обучения.

Однако английские власти в этот период не придавали образованию народа серьезного значения, они ограничивались здесь лишь эпизодическими мерами, руководствуясь при этом охранительными соображениями. Данная сфера полностью находилась в руках религиозно-благотворительных структур, где ведущие позиции занимала господствующая (англиканская) церкви. Образованием была охвачена по-прежнему небольшая часть населения.

Эпохальные события, происходившие в странах Запада в последней трети XVIII в. — промышленный переворот, а также буржуазные революции в США и во Франции повлекли за собой значительные изменения в жизни английского общества. В рамках бурно развернувшейся

модернизации, они вывели на новый уровень промышленное развитие страны, способствовали разворачиванию процесса демократизации общества, практически остановившегося после революционных событий XVII в. Происходившие перемены обнажили многие застоявшиеся проблемы в стране, в том числе, неудовлетворительное состояние народного образования, по-прежнему имевшего средневековый характер.

В новых условиях английские власти и общественность осознали необходимость реформирования сферы начального образования в целях создания государственной системы всеобщего начального обучения. Данный процесс обозначился в конце XVIII в., в его рамках прослеживаются три самостоятельных этапа, которые последовательно отражали его основные тенденции, и особенности: 1. Конец XVIII в. — начало 1830-х гг.; 2. Начало 1830-х—1850-е гг.; 3. 1860—1870 гг.

Основное содержание первого этапа заключается в создании необходимых предпосылок реформирования сферы начального образования в направлении формирования национальной системы массового обучения в стране.

В конце XVIII—первой трети XIX в. в условиях промышленной революции и подъема народно-демократического движения английская общественность и власти предприняли первые шаги, направленные на создание национальной системы массового обучения в стране. При этом аргументация носила, главным образом, идеологический и охранительный характер: отмечалось «нравственное падение» народа в связи с резким ухудшением условий жизни, подчеркивалась необходимость сохранения «должной субординации в низших классах», звучали требования повысить роль школы в целях воспитания детей бедных классов в духе послушания властям [1, с. 79].

Первые попытки английской общественности в деле организации всеобщего начального обучения в стране обозначились в конце XVIII—начале XIX в.: в 1780-х гг. владелец газеты Р. Райкс инициировал движение воскресных школ, целью которого было учреждение бесплатных школ для трудящихся по всей стране [2, с. 5]. С начала XIX в. началась активная деятельность двух винных педагогов Дж. Ланкастера и А. Белля, организовавших крупнейшие в истории английского образования просветительские организации, соответственно «Британское и иностранное школьное общество» в 1809 г. («Британское общество») и «Национальное общество для просвещения бедных согласно принципам англиканской церкви» в 1811 г. («Национально общество») [3, с. 5–8].

На протяжении первой трети XIX в. со стороны английских властей предпринимались разного рода мероприятия, способствовавшие

распространению начального обучения: были приняты первые меры для организации обучения занятых на фабриках детей (законы 1802, 1819 гг.) [5, p. 418]; вопрос о начальном образовании впервые был поставлен в английском парламенте как самостоятельная проблема (1807, 1820 гг.) [21, col. 802–803]; парламентарии создали первые комиссии по изучению состояния образования бедных слоев (1816, 1818 гг.) [23, p. 18–19]. Как можно заметить, первые меры английских властей в деле развития начального образования в стране были весьма ограниченными, носили в основном косвенный характер, что во многом обуславливалось полным господством в стране земельной аристократии (партии тори), мало учитывавшей потребности современного общества.

На данном этапе определяющее значение имела деятельность ведущих просветительских обществ — «Британского» и «Национального». Свою педагогическую работу они основывали на принципе взаимного обучения — системе мониторов (способные старшие ученики становились помощниками учителя — мониторами). Важно отметить, что данная система предусматривала учреждение дешевых ежедневных школ для неимущих по все стране, она носила общественный и массовый характер. «Британское общество» было ориентировано на обучение детей различных вероисповеданий, в школах «Национального общества» на первое место ставилось преподавание религии в догматах англиканской веры [3, с. 5–8]. С момента своего создания «Национальное общество» опиралось на поддержку официальной церкви, правящих кругов и наиболее влиятельных лиц. По масштабам своей деятельности оно довольно скоро обогнало ланкастерские школы. Несмотря на определенное противостояние, данные общества внесли неоценимый вклад в распространение начального образования в Англии. Со времени своего создания и до первой реформы образования 1870 г. они вели основную просветительскую работу среди широких слоев народа.

Благодаря деятельности, прежде всего, ведущих просветительских обществ и, в определенной степени, властей на первом этапе были созданы необходимые предпосылки формирования национальной системы массового обучения в стране. По сути, первый период был рубежным в истории английского народного просвещения, поскольку в это время четко обозначился переход от средневекового устройства, построенного на частной инициативе, к современной системе национального масштаба.

Второй этап рассматриваемого процесса связан с созданием основ будущей государственной системы всеобщего начального обучения. Отправной точкой здесь стала первая парламентская реформа, проведенная правительством вигов в 1832 г. Она расширила электорат за счет

торгово-промышленной буржуазии и заметно демократизировавшая английскую политическую систему. Подобные изменения способствовали оживлению реформаторской деятельности английских властей во всех сферах жизни общества, в том числе и народного образования.

В этот период деятельность властей в сфере народного образования была достаточно обширной и разноплановой. Прежде всего, английскими властями впервые было осуществлено прямое вмешательство в сферу начального образования: в 1833 г., а затем в 1835 г. впервые были санкционированы и выданы правительственные субсидии на нужды соответственно начальных школ и для учреждения первых педагогических колледжей [12, col. 733–736]. В 1850-х гг. государственные субсидии значительно возросли, расширился и круг их получателей [2, с. 11]. Правительство продолжило просветительскую деятельность в рамках фабричного законодательства: в 1833, 1844, 1847, 1853 гг. были приняты акты, предусматривавшие необходимые условия для обучения занятых на фабриках детей и подростков. Они также предписывали создание института фабричной инспекции, гарантировавшего их выполнение [6, р. 47–49; 7, р. 523–524].

На данном этапе английские власти стремились охватить своим надзором всех детей неимущих слоев. Согласно новому закону о бедных 1834 г. создавались ежедневные школы для детей, находившихся в рабочих домах. Правительственный акт 1857 г. предписывал учреждать школы для беспризорников и малолетних преступников 7–14 лет [19, р. 5]. С целью расширения своего контроля над начальными школами в 1855 г. правительство приняло акт, дававший дополнительные гарантии субсидируемым школам, по сути, укреплявший их позиции.

В рассматриваемое время власти начали движение по пути централизации управления сферой образования и усиления здесь государственного контроля: в 1839 г. при Тайном совете было создано первое в истории английского образования специальное ведомство — Комитет по образованию. Комитет не входил в правительство, его основной функцией было распределение правительственных субсидий, выделяемых начальным школам и контролирование их использования [9, р. 2]. В 1856 г. уже в правительственном аппарате был создан Отдел образования как инструмент практической деятельности Комитета. Его основной задачей было проведение политики «распространения основательного и дешевого начального обучения для всех классов народа» [22, р. 70].

В 1830–40-х гг. были приняты и первые меры по решению проблемы подготовки профессиональных кадров: с 1839 г. при поддержке государства начали учреждаться первые педагогические колледжи, а в 1846 г. была введена новая более эффективная система подготовки учителей — воспитанник-преподаватель [3, с. 12].

В 1830–50-х гг. власти вели активную законодательную деятельность, направленную на решение проблем начального образования: в парламенте обсуждались билли Грехема (1843), Фокса (1850), Рассела (1853), Пакингтона (1855). Законопроект Пакингтона стал основополагающим в дальнейшей деятельности правительства в этой сфере [13, col. 641]. В целом законотворчество английских властей имело большое практическое значение: в ходе его были выявлены наиболее важные проблемы, определены основные пути и методы их решения. В этом контексте также полезной была работа, созданных правительством комиссий для изучения реального состояния дел в начальном образовании, соответственно Ньюкаслской (1858) и Комитета по образованию (1860). В представленных ими докладах содержалась достаточно обширная информация по предмету, были обозначены препятствия, стоявшие на пути совершенствования данной сферы, даны рекомендации по их устранению. В докладах прослеживается стремление повысить ответственность государства за состояние народного образования в стране [22, p. 71–73].

Отмечая достаточно плодотворную деятельность английских властей в деле развития начального образования, следует иметь в виду, что и в 1830–50-х гг. по-прежнему сфера просвещения народа оставалась в руках религиозно-благотворительных структур, где ведущие позиции занимала официальная церковь. Быстро росло число их школ, появлялись новые типы учебных заведений: с 1830-х гг. повсеместно учреждались «школы для оборвышей», охватившие образованием беспризорников и сирот. При этом основную нагрузку на себе несли ведущие общества — «Национальное» и «Британское». Наиболее широко действовало «Национальное общество».

Таким образом, в результате совместных усилий частных учреждений и государства в деле развития массового образования, в 1830–50-х гг. были обозначены основные направления реформирования начального образования и заложены основы государственной системы массового обучения в стране. Английские власти значительно расширили и углубили свою деятельность в этой сфере. На протяжении рассматриваемого периода в их политике относительно начальной школы четко обозначилась тенденция расширения и усиление здесь государственного контроля. В этой связи развитие данной сферы приняло динамичный и последовательный характер, стали проявляться позитивные сдвиги. Однако, в целом, прогресс был слишком медленным. Достигнутый к середине столетия уровень образования народа не соответствовал запросам общества: в центральных графствах Англии 75 % детей, окончивших школу, не умели читать даже Библию [10, p. 158].

В середине XIX в. Англия впервые в мире вышла на индустриальный уровень развития. Жизнь английского общества заметно усложнилась,

многие проблемы получили общенациональное значение, что объективно способствовало усилению государственного начала в развитии страны, повышению роли всех социальных институтов, в том числе и просвещения. Перед английским народным образованием обозначились задачи национального масштаба: поднять уровень грамотности населения до всеобщего начального обучения, усилить механизмы социального контроля и идеологического воздействия. В этой связи вопрос реформирования данной сферы стал одним из основных аспектов внутриполитической жизни страны.

В обозначенных условиях основное содержание третьего этапа рассматриваемого процесса состояло в непосредственной подготовке и принятии первой образовательной реформы, предусматривавшей создание в стране государственной системы всеобщего начального обучения.

С начала 1860-х гг. деятельность властей в направлении реформирования начального образования шла уже непрерывно вплоть до принятия в 1870 г. первого закона о начальном образовании. Весной 1862 г. парламентом был принят так называемый «Реформированный свод» (Revised Code), основной целью которого было повышение эффективности начального образования и сокращение здесь государственных расходов. По сути, он устанавливавший четкие правила выдачи государственных субсидий начальным школам, тем самым, систематизировавший государственные расходы в этой сфере [24, p. 79]. Власти продолжили расширять свой контроль над различными категориями детей: летом 1862 г. парламентом был принят билль об образовании, позволявший охватить обучением дополнительный круг детей низших слоев (нищих и бездомных) [14, col. 68–92].

Работа над реформой начального образования особенно активно развернулась во второй половине 1860-х гг., после принятия в 1867 г. второй парламентской реформы, значительно расширившей электорат. По сути, в это время подготовка реформы начального образования вышла на завершающую стадию. Основная деятельность властей теперь сосредоточилась в парламенте, где, помимо отдельных аспектов состояния дел в начальном образовании, обсуждались собственно законопроекты будущей реформы начального образования. На рассмотрение обеих палат парламента вносились законопроекты, основополагающими среди которых стали манчестерский и правительственный. В марте 1868 г. в палате общин рассматривался билль манчестерских радикалов, внесенный Г. Брусом. Он основывался на новых принципах и предусматривал определенные принудительные меры [16, col. 1816–1818]. Вскоре в палату лордов герцогом Мальборо был представлен правительственный билль, предполагавший сохранение прежней системы образования, построенной на религиозно-благотворительной основе [11, col. 119–127]. Обсуждение законопроектов показало

расхождения оппозиции и правительства относительно глубины реформирования начального образования и степени вмешательства государства в данную сферу. Вместе с тем они стали основополагающими для предстоящей реформы.

Дискуссии в парламенте вокруг образовательной реформы сопровождались острой общественно-политической борьбой. Английское общество оказалось разделенным на два лагеря, во главе которых стояли созданные в конце 1860-х гг. ведущие идеологические центры: Национальная лига образования и Национальный союз образования [20, р. 4].

Платформа Лиги предусматривала глубокую демократизацию всей сферы просвещения, создание государственной системы всеобщего обязательного бесплатного и светского начального обучения. Программа Союза предполагала сохранение при определенном усовершенствовании прежней системы начального образования, основанной на добровольных началах и доминировании англиканская церковь. Как в парламенте, так и вне его стен, ни одна из сторон не имела очевидного преимущества, что создавало заведомо компромиссную основу будущей национальной системы начального образования в Англии.

17 февраля 1870 г. глава Отдела образования У. Форстер внес свой законопроект компромиссного характера, в большей степени соответствовавший умеренной программе. Главная цель билля состояла в том, чтобы сделать начальное образование доступным для каждого ребенка в стране [17, col. 440–443]. В июле 1870 г. правительственный законопроект получил одобрение парламента, а в августе 1870 г. стал законом под названием «Акт Форстера о начальном образовании». Согласно Акту в стране вводилось всеобщее начальное обучение детей от 5 до 14 лет, при этом оно не было ни обязательным, ни бесплатным [18, р. 98–105]. В основе созданной системы начального образования лежал компромисс между государством и добровольными структурами, в ведении которых прежде находилась сфера просвещения. В этой связи, новая система, по сути, носила дуалистический характер: она обеспечивалась государством и одновременно благотворительностью. Тем не менее, Акт Форстера имел огромное значения, он сделал начальное образование в Англии общедоступным и законным правом всего населения. Закон о начальном образовании 1870 г. положил начало поступательному реформированию всей сферы просвещения в стране.

Таким образом, процесс формирования государственной системы всеобщего начального образования в Англии имел замедленный характер, растянувшись более, чем на полстолетия: с конца XVIII в. до принятием в 1870 г. первого закона о начальном образовании.

Английские власти и общество уже в период раннего Нового времени склонились к приоритету идеологического подхода к оценке роли сферы образования, что во многом было обусловлено происходившими в это время социально-политическими событиями (Реформация, Контрреформация, буржуазная революция). В XIX в., в период формирования индустриального общества правящие круги сохранили подобный подход, рассматривая вопрос реформирования сферы начального образования в политическом измерении. На данном этапе это обуславливалось самим характером развития английского общества в условиях индустриализации: быстро растущая поляризация общества и, вместе с тем, демократизация политической жизни требовали воспитания неимущих слоев в духе послушания и трудолюбия.

Идеологический подход к определению места и роли образования в обществе, предопределил консервативный характер процесса реформирования сферы народного образования в Англии: с одной стороны, правящие круги стремились создать нового типа государственную систему всеобщего начального образования, с другой — желали сохранить институты устаревшей благотворительного характера системы. Подобный двойственный подход во многом обусловил особенности самого процесса формирования государственной системы всеобщего начального обучения в Англии, его динамику и периодизацию.

Библиографические ссылки

1. *Мальтус Т.* Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: В 2 т. М.: Эконом, 1992. Т. 2. С. 5–134.
2. *Мижусев П. Г.* Очерки развития и современного состояния народного образования в Англии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896. 62 с.
3. *Флейшнер Л.* История народного образования в Англии. Одесса: [б. м.], 1895. 39 с.
4. *Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В.* Социология образования: прикладной аспект. М.: Юрист, 1997. 304 с.
5. Act the Preservation of Health and Morals of Apprentices and others, employed in Cotton and Mills, and Cotton and other Factories (June 22, 1802) // The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland with notes, references and index / Ed. by Tomas Edline Tomlins. London, 1805. Vol. 1. P. 418–419.
6. Act to amend the Laws relating to Labour in Factories (June 6, 1844) // The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland with notes, references and index / Ed. by Tomas Edline Tomlins. London, 1845. Vol. 17. P. 43–54.
7. Act to regulate the Labour of Children and young Persons in the Mills and Factories of the United Kingdom (August 29, 1833) // The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland with notes, references and index / Ed. by Tomas Edline Tomlins. London, 1835. Vol. 13. P. 523–529.

8. Act to amend the Laws relating to Labour in Factories (June 6, 1844) // The Statutes of the United Kingdom of Greate Britain and Ireland with notes, references and index / Ed. by Tomas Edline Tomlins. London, 1845. Vol. 17. P. 43–54.
9. Committee of the Prive Council on Education. Council Office. Whitehall, January 4, 1840 // Morning Post. 1840. 25 March. P. 2.
10. *Curtis S. J.* History of Education in Great Britain. London: Lawrence and Wishart, 1950. 415 p.
11. Education Bill // HPD. Ser. 3 rd. London, 1868. Vol. 191. Col. 105–136; 1306–1340.
12. Education // Hansard's Parliamentary Debates (HPD). Ser. 3 rd. London, 1833. Vol. 20. Col. 733–736.
13. Education Bill // HPD. Ser. 3 rd. London, 1855. Vol. 137. Col. 641–686.
14. Education of pauper children (Bill) // HPD. Ser. 3 rd. London, 1862. Vol. 167. Col. 69–92; 633–648.
15. Elementary education in England // Proceeding of the international congress of education of the world's Columbian exposition. Chicago. July 25–28, 1893. New York, 1895. P. 870–875.
16. Elementary Education Bill // HPD. Ser. 3 rd. London, 1868. Vol. 190. Col. 460–508; 1816–1863.
17. Elementary Education Bill // HPD. Ser. 3 rd. London, 1870. Vol. 199. Col. 438–490.
18. Elementary Education Act, 1870 // Educational Documents England and Wales. 1816 to the present day / Ed. by J. S. Maclure. London, 1974. P. 98–105.
19. *Hibbert C.* The English: A social histiry 1066–1945. London: Penguin Books, 1987. 785 p.
20. Letter to the editor of "The Times" from James Ridgway. Principal of Culjam Training College // The Times. 1869. 29 Dec. P. 4.
21. Parochial School Bill // HPD. Ser. 1st. London, 1807. Vol. 9. Col. 798–860; 1174–2011.
22. Report of the Commissioners appointed to inquire into the State of Popular Education in England (The Newcastle Report) // Educational Documents England and Wales. 1816 to the present day // Ed. by J. S. Maclure. London, 1974. P. 70–78.
23. Report of the Parliamentary Committee, 1816 // Educational Documents England and Wales. 1816 to the present day // Ed. by J. S. Maclure. London, 1974. P. 18–19.
24. Revised Code 1862 // Educational Documents England and Wales. 1816 to the present day // Ed. by J. S. Maclure. London, 1974. P. 77–82.

ПОЛОЖЕНИЕ КИПРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СОГЛАСНО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КИПР 1960 г. В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АРХИЕПИСКОПА МАКАРИОСА, ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА КИПРА

Н. О. Пашков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, nikodimkrysko@mai.ru*

В данной статье рассматривается статус Кипрской Православной Церкви применительно к Конституции Республики Кипр 1960 г. Особое внимание уделяется ее экономической и политической роли в общественной жизни Кипра, начиная с обретения страной независимости. Анализируются исторические предпосылки закрепления особого положения Церкви, ее административная автономия и взаимодействие с государственными структурами. Прослеживается историческая эволюция церкви, ее взаимодействие с государством и правовое положение в новой республиканской системе.

Ключевые слова: Кипрская Православная Церковь; Республика Кипр; Конституция Кипра 1960 г.; религия; государство.

THE STATUS OF THE ORTHODOX CHURCH OF CYPRUS ACCORDING TO THE 1960 CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF CYPRUS

N. O. Pashkou

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, nikodimkrysko@mai.ru*

This article examines the status of the Orthodox Church of Cyprus in relation to the 1960 Constitution of the Republic of Cyprus. Particular attention is paid to its economic and political role in the public life of Cyprus, starting from the country's independence. The historical prerequisites for the consolidation of the special status of the Church, its administrative autonomy and interaction with state structures are analyzed. The historical evolution of the Church, its interaction with the state and its legal status in the new republican system are traced.

Keywords: Orthodox Church of Cyprus; Republic of Cyprus; 1960 Constitution of Cyprus; religion; state.

Религия, которая на протяжении многих столетий играла значимую роль в международной политике, продолжает оставаться важным элементом национальной идентичности. Православная церковь на острове Кипр на протяжении веков выполняла не только духовные, но и социальные, образовательные и политические функции. Взаимосвязь церкви и государства исторически формировалась в условиях сильного влияния религиозных институтов на общественную и политическую жизнь. Православия

исторически обуславливала специфику и характер управления островом, начиная с византийского периода и далее — в османский и британский периоды. После обретения независимости и принятия первой Конституции институт церкви в Республике Кипр получил четко определенный правовой статус.

С момента провозглашения независимости Кипра в 1960 г. Конституция страны закрепила особый статус Церкви, признавая ее автономию и влияние на общественную жизнь. Однако взаимодействие между государством и Церковью вызывало дискуссии о границах церковного и светского влияния на политические и экономические процессы.

Основная проблема, исследуемая автором, лишь детально отражена в русскоязычной историографии. В первую очередь нужно отметить статью О. В. Лосевой в «Православной Энциклопедии» посвященной положению Кипрской Православной Церкви в независимой Республике Кипр [4]. Автор частично описывает положения церкви согласно Конституции 1960 г., указывая только статьи Конституции. В своей статье Д. Т. Фетисов провел детальный разбор статей Конституции, которые затрагивают религиозную составляющую жизни граждан Кипра [7]. Также положения Кипрской Православной Церкви рассматривается в учебнике по истории поместных православных церквей В. С. Блохина [1]. Все перечисленные авторы приводят статьи Конституции Республики Кипр 1960 г. указывая уникальность роли церкви в Республике. В работах полностью отсутствуют примеры работы основного закона страны на благо Кипрской Архиепископии.

«Неразделимость» государственно-церковных архетипов присуща, среди прочих, и обществам так называемого «поствизантийского цивилизационного пространства». Это, прежде всего, такие страны как Греция, Болгария, Сербия, Россия, Македония, Кипр. В разное время, а иногда и неоднократно в истории, лидирующим политическим дискурсом в этих странах становился концепт политического православия, когда интересы церкви оказывались тесно переплетены с интересами государства. Несмотря на светский дискурс о поствизантийском культурном пространстве, исторически именно религия оказывала сильное влияние на умы общественных деятелей и политиков различных стран этого пространства. К таковым в расширительном значении мы относим не только балканские государства, но и все страны восточного Средиземноморья [3].

Роль Кипрской Православной Церкви в кипрском обществе значительно усилилась в период османского правления (1571–1878), когда она выступала представителем греков-киприотов перед властями острова. Архиепископ Кипра был признан Высокой Портой не только

как глава Православной церкви, но и как руководитель греческой общины — этнарх. Данный титул гарантировал право обращение к султану или великому визирю, напрямую. Институт этнарха существовал и у Константинопольского Патриарха, однако он не сохранился в отличии Кипрского Архиепископа [1]. Жители острова не имели своих национальных органов управления, и церковь была единственным институтом, к которому этническое население могло обращаться. Предстоятели церкви очень часто стояли во главе различных движений на острове.

16 августа 1960 г. Республика Кипр получает независимость, и с этого времени начинает действовать первая и до сего дня единственная Конституция. Основой для создания республики послужили Цюрихско-Лондонские соглашения. Данный документ предполагал принцип двухобщинного партнерства, который заключался в следующем: одна община греческая, состоящая из греков киприотов, другая — турецкая, состоящая из турков-киприотов, в соотношении 7/3. После обретения независимости в 1960 г. Церковь сохранила ключевую роль в жизни страны, что было отражено в Конституции Кипра, закрепившей ее особый статус [12].

Уже с 2 статьи Конституции Кипра дано четкое определение греческой общины «Греческую Общину составляют граждане... <...> ...или принадлежащие к Греческой Православной Церкви», а если человек получил гражданство, то ему нужно в течении трех месяцев определиться какую общину он избирает [2]. То есть по Конституции Кипрская Церковь приобретает в социуме особый статус.

Важнейшие статьи, касающиеся Кипрской Православной Церкви:

- Статья 18 — гарантирует свободу вероисповедания.
- Статья 110 — закрепляет автономию Кипрской Православной Церкви, давая ей право самостоятельно управлять внутренними делами и имуществом.
- Статья 23 — защищает церковную собственность от изъятия государством [2].

Основные постулаты посвященные положения Кипрской Православной Церкви записаны в 110 статье Конституции. «Автокефальная Греческая Православная Церковь Кипра сохраняет за собой исключительное право и ведать внутренними делами и распоряжаться имуществом согласно священным законом и ее действительному уставу. Община не имеет права действовать самостоятельно вопреки упомянутому праву Кипрской Церкви» [2]. Конституция Республики Кипр 1960 г. гарантирует Церковь полную автономию в управлении своими внутренними делами, включая избрание архиепископа и синода [9]. Конституция Республики Кипр предусматривается разделение государственных и религиозных структур, но

при этом признает значительное влияние Церкви на общественную жизнь, особенно в области образования и культуры [8]. Конституция закрепляет право Церкви устанавливать религиозное образование в государственных школах. Однако это положение подвергалось критике со стороны светских институтов, требовавших большей автономии образовательной системы от религии [10].

Согласно статье 111 Конституции РК, каноны Кипрской Православной Церкви имеют решающее значение в решении всех вопросов гражданского состояния населения. К примеру, оформление браков, разводов, регистрация рождений, смертей, и даже обручение (что не свойственно на постсоветском пространстве) производится только церковью. На практике это означает что свидетельство о венчании и крещении выданные приходским священником являются актом гражданского состояния. Государственные органы не могут решать эти вопросы в обход церковных правил. Браки и другие акты о гражданском состоянии, не оформленные в церкви, считаются не действительными. Как отмечал в своих отчетах первый секретарь посольства СССР в 1972 г., «к услугам церкви вынуждены обращаться даже атеисты» [5]. В 1989 г. по предложению Палаты представителей Кипра, в соответствии с законом 95/98 были созданы специальные суды, в ведении которых были переданы вопросы семейных отношений, а также допущены браки в качестве альтернативы бракам церковным. Другим следствием закона стала то, что вопросы семейного права были исключены из-под юрисдикции Церкви [7].

Особое место занимает Кипрская Православная Церковь в вопросе земельной собственности. К моменту независимости Республики Кипр Церковь контролировала до 10 % всей плодородной земли с круглогодичным орошением. Земельные участки были получены в основном в период Османского правления островом. Киприоты-христиане часто передавали свои земельные наделы церкви, глава которой пользовался определенными правами и привилегиями, при этом продолжая их обрабатывать и собирать урожай. За пользованием землей крестьяне выплачивали номинальную сумму. В дальнейшем при отсутствии наследника или по другим причинам, земля оставалась навсегда за Церковью. По данным отчета секретаря посольства СССР на Кипре в 1972 г. собственность Кипрской Церкви оценивалось суммой около 200 млн фунтов, в том числе архиепископского округа — около 60 млн фунтов, округ Кирении — 10 млн фунтов, церковь Фанеромени — около 25 млн фунтов [5]. Кроме землевладения, церковь инвестировала в различные сектора экономики: банковское дело, винодельческую промышленность, гостиничный бизнес и медиа. Она являлась акционером Греческого банка, винодельческой компании КЕО.

В определенных ситуациях Церковь выступала как соучредитель в строительстве туристических объектах. В частности, Архиепископский округ имеет значительную долю акций в гостиницах «Лидра Палас» в городе Никосия, «Эсперия» «Евагорос Корт» в городе Фамагуста [5].

В течение XX в. Церковь активно инвестировала в банковский сектор, туристическую отрасль и сельское хозяйство, что вызывало споры о прозрачности финансовых операций церковных структур. В период финансового кризиса 2013 г. Церковь даже предложила заложить свои активы для поддержки экономики Кипра [11].

Кипрская Православная Церковь исторически была важным субъектом политических отношений на острове. Этот статус вытекал из ее материального положения. Например, владелец газеты «Махи» и «Таррос» Никос Самсон, в будущем один из руководителей военного бунта на острове, получил от Киккского монастыря участок для строительства типографии с условием оплаты стоимости в рассрочку на определенный срок. Долг монастырю в определенный срок выплачен не был. Н. Самсон постоянно обращался к игумену монастыря с просьбой продлить срок оплаты, тем самым ставя себя в определенную зависимость от церковных иерархов. Также Киккский монастырь предоставлял территорию для проведения ежегодных выставок, доход от которых шел на счет газеты «Филеэмфетерос» [5].

В июне 1968 г. в парламенте Кипра был предложен вопрос о распределение церковных земель среди сельского населения за определенную компенсацию. Президент Архиепископ занял отрицательную позицию и вопрос был отложен. В феврале 1971 г. по предложению Архиепископа Макариоса был найден компромисс. В результате соглашения между Кипрской Архиепископией и Республикой Кипр, правительства с 1971 г. взяло обязательство выплачивать сельским священникам доплату, равную половине зарплаты учителей начальной школы. Для этих целей из госбюджета ежегодно выделялось около 200 000 фунтов в год. Церковь обязывалась передать в пользу государству плодородные земли площадью 2000 гектар [5].

Таким образом, мы можем констатировать определенное «сращивание» государства и церкви на острове, в период президентства Архиепископа. Данные факты — независимость церкви Кипра и наличие у нее существенных, по островным меркам, ресурсов — в различные эпохи играли важную роль в политической, социальной и экономической жизни Кипра. Конституция 1960 г. закрепила ее автономию и значимость, позволив ей сохранять влияние в государственном управлении. Несмотря на изменения в политическом ландшафте, церковь остается важнейшим институтом кипрского общества.

В последние годы на Кипре усиливаются дискуссии о необходимости пересмотра роли Церкви в общественной жизни. Противники ее влияния указывают на несоответствие современных демократических стандартов принципу государственно-церковного взаимодействия, закрепленному в Конституции 1960 г. [6].

С другой стороны, сторонники сохранения существующего порядка утверждают, что Церковь играет ключевую роль в сохранении национальной идентичности и традиционных ценностей кипрского общества [9].

Трудно оспорить тот факт, что Кипрская Православная Церковь занимает особое место в государственном устройстве Республики Кипр. Конституция 1960 г. закрепила за ней автономный статус, позволив ей сохранять влияние в политической, образовательной и экономической сферах. Однако в XXI в. этот статус становится предметом активных дискуссий, связанных с процессами модернизации кипрского общества и пересмотра роли религии в публичной жизни, и это может стать новой вехой эволюции Кипрской Православной Церкви с ее богатым историческим наследием.

Несмотря на вызовы времени, Церковь продолжает оставаться важной институцией, оказывающей влияние на общество и государственные процессы. Дальнейшее развитие ее статуса будет зависеть от баланса между традиционными ценностями и необходимостью адаптации к современным реалиям. Однако отсутствие государственного контроля над финансами церкви и ее участие в экономической жизни страны продолжают вызывать общественные дискуссии. Тем не менее, Кипрская Православная Церковь остается мощным социальным, экономическим и политическим фактором, влияющим на развитие Республики Кипр.

Библиографические ссылки

1. *Блохин В. С.* История Поместных Православных Церквей. Учебник бакалавра теологии. Москва: Издательство Московской Патриархии 2023.
2. Конституция Республики Кипр. URL: legalns.com/download/books/cons/cyprus.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
3. *Нестеров А. Г., Златоустова М. И.* Британская политика на Кипре во второй половине 1940-х гг.: конституционный проект лорда Винстера // Научный диалог. 2017. № 3. С. 176–188.
4. *Лосева О. В.* Киевская Православная Церковь в независимой Республике Кипр. Совмещение высшей церковной и светской власти архиепископом Макарием III (1960–1977 гг.) // Православная энциклопедия. 2018. Т. 34. С. 40.
5. Роль Кипрской Православной Церкви в современной политической жизни 06.06.1972 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. Референтура Кипра. Оп. 13. П. 125. Л. 5–14.

6. Софокли С. Кипрская проблема — самая застарелая и нерешенная в Европе // Международная жизнь. 2014. № 12. С. 28–36
7. Фетисов Д. Т. Законодательство о религии в Республике Кипр: принцип «омотаксии» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 63–72.
8. Adams T. W. The first Republic of Cyprus: A review of an unworkable constitution // Western Political Quarterly. 1966. Vol. 19, iss. 3. P. 475–490.
9. Chrysostomides K. Establishment, crisis and continuity of the constitutional order of the Republic of Cyprus // Rechtstheorie. 2003. Vol. 34, iss. 1. P. 57–73.
10. Emilianides A. Etat et Eglise à Chypre // Etat et eglises dans l'Union europeenne / G. Robbers. Baden-Baden, 1997. P. 246–268.
11. Kastanas I. E. The Autonomy of religious communities and the freedom of worship in the coronavirus era: the example of the orthodox church of Cyprus // Cyprus Review. 2021. Vol. 33, iss. 1. P. 99–126.
12. Roudometof V. The economic activities of the orthodox church of Cyprus // Archives de sciences sociales des religions. 2019. No. 185. P. 107–124.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 1920–30-х гг.

Г. А. Петаченко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, petakoff@yandex.ru*

Анализируются основные периоды и направления исследований в русскоязычной историографии советской высшей школы в рассматриваемый период. Используемая методология позволила проанализировать три основных этапа: межвоенную историографию; исследования конца 1940-х–конца 1980-х гг.; современное состояние историографии.

Ключевые слова: советская высшая школа; советское студенчество; советская профессура; первые советские пятилетки.

RUSSIAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY OF THE DEVELOPMENT OF THE SOVIET HIGHER SCHOOL IN THE 1920s–1930s

G. A. Petachenko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, petakoff@yandex.ru*

The article analyzes the main periods and research areas in the Russian-language historiography of the Soviet higher education system during the period under review. The methodology used allowed for the analysis of three main stages: the interwar historiography; research from the late 1940s to the late 1980s; and the current state of historiography.

Keywords: Soviet higher education; Soviet students; Soviet professors; the first Soviet five-year plans.

В историографии по данной проблематике можно выделить три основных этапа: 1) межвоенная историография; 2) исследования конца 1940-х–конца 1980-х гг.; 3) современное состояние историографии.

На начальном этапе происходил процесс формирования подходов к изучению проблемы. Основная часть исследований носила публицистический характер, в них идеализировались политика советской власти в отношении высшей школы и перспективы ее будущего развития. В них нашла свое отражение центральная концепция партийного руководства — подчинения системы образования политическим установкам. Несомненно, что доминирование в этот период принципов строгого классового подхода являлось фундаментальным фактором в исторических исследованиях этих этапов. Профессорско-преподавательский состав и студенчество высшей школы рассматривались исследователями в качестве важной опоры партии в социалистическом строительстве. Многие факты, которые с точки зрения доминировавшей идеологии являлись чуждыми социалистическому

строительству, отбрасывались либо искажались. В центре внимания историков находились вопросы истории высшего образования в СССР как важного компонента формирования социально-политической структуры советского общества.

Первой попыткой систематизировать основные этапы развития советской высшей школы можно считать коллективное исследование И. Г. Автухова, И. Т. Огородникова, И. А. Хаита «Организация и методика работы в высшей школе» [1]. Впервые в советской историографии авторами была разработана периодизация и дан сравнительный анализ советской высшей школы с дореволюционной. При этом основное внимание уделено количественным показателям (количество вузов и социальный состав студенчества), что позволило исследователям сделать вывод о том, что «сеть и контингенты дореволюционной высшей школы были крайне ничтожны» [1, с. 21].

Во второй половине 1920-х—начале 1930-х гг. появился целый ряд публикаций, посвященных истории отдельных университетов, характерно, что большинство юбилейных изданий имели перевод на иностранные языки. В 1931 г. была сделана попытка дать историческую оценку высшему образованию БССР за первые десять лет деятельности университета — в сборнике, посвященном истории создания и деятельности БГУ. В него вошли материалы о научно-исследовательской работе, учебном процессе, представлены статистические данные о составе научных работников и студенчества [2].

В начале 1930-х гг. появились обобщающие работы А. Е. Бейлина [3], А. Ф. Бушманова [4], М. Орлова [5], посвященные анализу состояния университетского образования, подготовки научных кадров в СССР начале 1930-х гг. Острой проблемой в этот период у исследователей являлась история классовой борьбы в высшей школе анализ которой дается в работах Г. Козьмина [6], К. Овсянникова [7].

На первом этапе развития советской историографии по проблемам высшей школы обращалось внимание как на специфику преобразований, так и на наметившиеся тенденции по формированию политики государства в этой сфере. В историографии данного периода идеологическая доктрина является эталоном оценки всех событий. Уже в 1930-е гг. в историографии безраздельно доминировала официальная концепция истории высшей школы.

В послевоенный период конце 1940—конце 1980-х гг. были осуществлены исследования, в которых предметом научного анализа стали процессы реформирования системы высшего образования и комсомольско-молодёжная проблематика. В советской историографии этого периода высшая школа рассматривается как институт подготовки кадров советской

интеллигенции. Одновременно анализируются качественные характеристики профессорско-преподавательского состава вузов — в работах А. Я. Синецкого [8], С. А. Федюкина [9], К. Т. Галкина [10]. Авторы отмечают всю сложность и длительность процесса дифференциации интеллигенции по ее отношению к советской власти. Большое значение придается противостоянию со стороны партийного руководства с достаточно популярной в среде интеллигенции в начале 1920-х гг. идеологии сменевеховства.

К числу общих работ, связанных с анализом деятельности высшей школы, в условиях развернувшейся индустриализации в которой основное внимание со стороны власти уделялось развертыванию сети высших технических учебных заведений, их материально-техническое обеспечение и способность подготовки инженерно-технических кадров высокого уровня можно отнести исследования С. В. Кафтanova [11], Е. В. Чуткерашвили [12], В. В. Украинцева [13], В. П. Елютина [14], Ш. Х. Чанбарисова [15]. Исследователями проанализирован и систематизирован большой круг источников, который позволил проследить изменения политики партийно-государственных органов в отношении высшей школы, в том числе и к социальному составу студенчества, который рассматривался ими чуть ли не основным средством пролетаризации вузов и создание новой советской интеллигенции. В центре внимания авторов — создание советской системы управления высшей школой, реорганизация системы подготовки специалистов.

В 1960-е гг. начинают формироваться научные школы по истории советского высшего образования на Урале и в Сибири. Серьезным вкладом в развитие этого направления стало исследование М. Е. Главацкого [16]. В рассматриваемый период в историографии высшей школы выделяется новое направление — изучение проблемы возникновения и развития рабочих факультетов. Его основоположником можно считать Н. М. Катунцеву, которая отметила важную пролетаризирующую роль этих факультетов [17]. Процесс организации и деятельности рабочих факультетов в БССР раскрывается в исследовании М. Ф. Чудаева [18]. В работах Г. Д. Алексеевой [19] и Л. В. Ивановой [20], Л. С. Леоновой [21] в центре внимания находится анализ этапов становления советской исторической науки, в том числе и в качестве учебного предмета, который в вузах чуть ли не сразу оказался под определяющим влиянием идеологических установок. Исследование М. П. Кима [22] положило начало нового историографического направления, в рамках которого советская высшая школа рассматривалась как, составляющая часть в рамках культурной революции, данное направление продолжилось в исследованиях, П. И. Кабанова [23], П. П. Силиванчика [24].

Характеризуя второй этап историографии, необходимо отметить формирование новых направлений в изучении проблематики высшей школы, таких как процесс формирования новой советской интеллигенции, деятельность рабочих факультетов, подготовки научных кадров. Однако схематичный подход авторов к изучаемой проблеме, не позволял им всесторонне проанализировать степень влияния различных факторов на процесс трансформации высшей школы в 1920–30 гг.

Начало нового этапа историографии высшей школы 1920–30-х гг. необходимо связывать не только с глобальными по масштабам политическими изменениями начала 1990-х гг., но и с выходом исследователей на анализ новых проблем, среди которых не последнее место заняло изучение повседневной жизни советского студенчества как прообраза будущей советской интеллигенции.

В исследованиях, в частности, отмечается эволюция социально-психологического облика советских студентов в период нэпа. Авторы изучают особый студенческий язык, поведение, бытовые условия жизни студенчества, показывают всю сложность и многоаспектность проблемы. Рассматривая вопрос о столкновении интересов «старого» и «нового» студенчества, исследователи приходят к выводу, что это столкновение происходило не только из-за несовместимости различных идеологических платформ, но и по причине больших различий в стилях жизни молодежи. В данном случае следует выделить кандидатские диссертации Е. П. Володарской [25], В. В. Всемирова [26], А. Р. Маркова [27].

Указанные проблемы исследуются и на уровне докторских диссертаций, среди которых отметим работы Н. Б. Лебиной [28], А. Ю. Рожкова [29], Ю. А. Стецур [30]. Научная значимость исследований заключается в эмпирическом изучении и новом теоретическом осмыслении повседневного жизненного мира молодого человека советской России 1920-х–начала 1930-х гг. В это десятилетие молодёжь формировалась как первое поколение, задачей которого было воспринять и закрепить логику революционного переустройства общества и государства. Поэтому для исследователей очередного этапа масштабного социально-политического переустройства немаловажной виделась задача изучить и осмыслить жизненное пространство молодого человека, как с позиций социокультурного феномена «советский человек», так и новых реалий «постсоветской» России.

В исследованиях, появившихся в 1990-е–начале 2000-х гг. в рамках проблематики становления и развития советской интеллигенции, можно выделить направление по изучению научной интеллигенции. К нему следует отнести работы А. Г. Авторханова [31], А. И. Авруса [32], В. А. Жукова [33], А. Н. Иоффе [34], А. В. Квакина [35], С. А. Красильникова [36], А. Л. Литвина [37], М. А. Робинсона [38], В. Д. Тополянского [39], в которых

делается попытка проанализировать идейно-политическую дифференциацию «старой» интеллигенции, в том числе размежевание в профессорско-преподавательской среде высшей школы в сложных условиях становления политической системы 1920–30-х гг.

В современной белорусской историографии в 1990–2000-е гг. изучение высшей школы на интересующем нас временном этапе осуществлено в работах О. А. Яновского [40; 41; 42]. В них отражены различные аспекты сложного процесса адаптации профессорско-преподавательского состава БГУ в 1920–30-х гг. к постоянно изменявшейся практике руководства системой высшего образования. Отображается процесс перехода от национальной политики белорусизации к встраиванию высшей школы БССР в общесоюзную систему. Автором введен в научный оборот широкий круг архивных источников, что сделало возможным по-новому взглянуть на историю развития отечественной высшей школы. Становление и роль БГУ как центра формирования белорусской интеллигенции последовательно раскрывается в совместном исследовании О. А. Яновского и А. Г. Зельского. Особый интерес вызывает часть их исследования, посвященная деятельности университета в 1920–30-е гг.: материально-финансовые сложности начального этапа деятельности университета, нехватка преподавательских кадров, оборудования, трудности с материальным и жилищным обеспечением как студенчества, так и профессорско-преподавательского состава и др. Важное значение в работе придается рассмотрению «вживания» в новые условия первых университетских профессоров, роли первого ректора БГУ В. И. Пичеты [43].

Общественно-политическая деятельность В. И. Пичеты подвергнута анализу в диссертации Е. В. Барановой, в которой Владимир Иванович предстает не только как ректор университета, обладавший редкими качествами новатора и внушительным педагогическим и научным опытом, но и как активный участник социально-политических процессов [44]. Отдельные аспекты изучения общественно-политических условий становления высшей школы в БССР рассмотрены на примерах деятельности гуманитарных организаций «Джойнт» и «Ара» — в работах Э. Г. Иоффе, Б. А. Мельцера. Авторы выявляют причины, вызвавшие необходимость деятельности этих организаций, объемы помощи как студенчеству и профессорско-преподавательскому составу БГУ, так и всему университету [45].

Изучение советской, современной отечественной и российской историографии показало, что поставленная исследованию проблема актуальна не только в общем русле изучения истории высшей школы, но она позволяет уточнить политические, общепедагогические, организационные подходы, которыми руководствовалась новая власть в встраивании эффективной системы подготовки профессиональных интеллектуалов, способных

решать грандиозные задачи преобразований. Поставленная проблема должна помочь глубже понять соотношение общих принципов послереволюционных модернизационных подходов с модернизацией столь специфичной для государства и общества сферы, как высшее образование.

Библиографические ссылки

1. *Автухов И. Г.* Организация и методика работы в высшей школе. М.: Государственное учебно-педагогическое издание, 1934.
2. Десять лет Белорусского государственного университета 1921–1931 / Издание правительственной комиссии по празднованию десятилетия высшей школы БССР. Минск, 1931.
3. *Бейлин А. Е.* Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост. М.: Наука, 1935.
4. *Бушманов А. Ф.* Народное образование в СССР к 15-ой годовщине Октября. М.: «Искра революции», 1932.
5. *Орлов М.* Университеты на новом этапе // За педагогические кадры. 1931. № 9–10. С. 17.
6. *Козьмин Г.* Классовая борьба в вузах // Красное студенчество. 1928. № 9. С. 4–7.
7. *Овсянников К.* Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. М., 1931.
8. *Синецкий А. Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М.: Советская наука, 1950.
9. *Федюкин С. А.* Советская власть и буржуазные специалисты. М.: Мысль, 1965.
10. *Галкин К. Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР [под ред. Н. А. Константинова]. М.: Советская наука, 1958.
11. *Кафтанов С. В.* Высшее образование в СССР. М.: Мол. гвардия, 1950.
12. *Чуткерашвили Е. В.* Развитие высшего образования в СССР. М.: Высшая школа, 1961.
13. *Украинцев В. В.* КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы. М.: Высшая школа, 1963.
14. *Елютин В. П.* Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1967). М.: Высшая школа, 1967.
15. *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы (1917–1938). М.: Высшая школа, 1988.
16. *Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск, 1974.
17. *Катунцева Н. М.* Роль рабочих факультетов в формировании кадров народной интеллигенции СССР. М.: Просвещение, 1966.
18. *Чудаев М. Ф.* Организация и деятельность рабочих факультетов БССР (1920–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. БГУ. Минск, 1980.
19. *Алексеева Г. Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М.: Наука, 1968.
20. *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927). М.: Наука, 1980.
21. *Леонова Л. С.* Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1921–1925 гг.) М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
22. *Ким М. П.* Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М.: Госполитиздат, 1955.
23. *Кабанов П. И.* История культурной революции в СССР. М.: Высшая школа, 1971.
24. *Силиванчик П. П.* Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по осуществлению культурной революции в республике (1917–1937). Минск: БГУ, 1961.

25. *Володарская Е. П.* Общественно-политическая активность студенчества в 20–30-е гг. (Проблемы формирования и развития. На материалах Дальнего Востока): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Л., ЛГУ, 1991.
26. *Всемиров В. В.* Российское студенчество в первое десятилетие пролетарской диктатуры (1917–1927): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1994.
27. *Марков А. Р.* Студенчество Петрограда в 1914–1925 гг.: (Социально-психологический облик): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1997.
28. *Лебина Н. Б.* Социально-политическое развитие рабочей молодежи в условиях становления тоталитарного режима в СССР (20–30-е гг.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. М.: 1994.
29. *Рожков А. Ю.* Молодой человек в советской России 1920-х годов: Повседневная жизнь в группах сверстников: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2003.
30. *Стецура Ю. А.* Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 20–30-е годы: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Армавир, 1998.
31. *Авторханов А. Г.* Технология власти. М.: СП «Слово» Центр «Новый мир», 1991.
32. *Аврус А. И.* История российских университетов: Очерки. М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
33. *Жуков В. И.* Высшая школа России: исторические и современные сюжеты. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000.
34. *Иоффе А. Н.* Социально-политические проблемы народного образования 20-х гг. (На материалах Москвы): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1997.
35. *Квакин А. В.* Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа (1921–1927). Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1991.
36. *Красильников С. А.* Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922–1923 гг. Интеллигенция. Общество. Власть (1917–кон. 1930-х гг.). Новосибирск, 1993.
37. *Литвин А. Л.* Без права на мысль: Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань: Татарское кн. изд-во, 1994.
38. *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917–начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.
39. *Тополянский В. Д.* Вожди в законе: Очерки физиологии власти. М.: «Права человека», 1996.
40. *Яноўскі А. А.* Гістарычны факультэт БДУ: позірк на мінулае і сучаснае // Беларускі гістарычны часопіс. 2000. № 1. С. 29–36.
41. *Яноўскі А. А.* I. Пралог (1919–1920). II. Пачатак (1921–1925). III. Станаўленне (1926–1929). Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: В. І. Стражаў (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2006. С. 11–19, 85–99, 211–222.
42. *Яновский О. А.* Интеллектуальная элита Беларуси: от биографики к просопографическому обобщению // Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы: материалы 30-й Международной научно-теоретической конференции (г. Иваново, 26–27 сентября 2019 г.). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2019. С. 69–75.
43. *Яноўскі А. А., Зельскі А. Г.* Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў. Мінск: БГУ, 2001.
44. *Баранова Е. В.* Владимир Иванович Пичета в научно-образовательных и общественно-политических процессах Беларуси (1918–1930 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 2008.
45. *Иоффе Э. Г.* Джойнт в Беларуси. Минск: ООО «Мэджик Бук», 1999.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ШИИТСКОЙ ВЛАСТИ В ИРАКЕ ПОСЛЕ 2003 г.

Е. А. Петров

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, egrqqq375@gmail.com*

В статье рассматривается процесс монополизации власти в руках иракской шиитской политической элиты после свержения Саддама Хусейна в 2003 г. Выделены ключевые механизмы данного процесса, включая политику Временной коалиционной администрации, формирование новых органов власти с доминирующей ролью шиитских партий и закрепление системы конфессионального распределения политических постов («мухасаса таифийя»). Показано, что произошедшие трансформации привели к радикальному сдвигу в балансе сил между шиитскими и суннитскими политическими элитами и обострению межконфессиональных противоречий, что определило долгосрочные вызовы для национальной безопасности Ирака.

Ключевые слова: Ирак; шииты; сунниты; политические элиты; дебаасификация; «мухасаса таифийя»; межконфессиональный конфликт; американская оккупация.

THE INSTITUTIONALIZATION OF SHIA POWER IN IRAQ AFTER 2003

E. A. Petrov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, egrqqq375@gmail.com*

The article examines the process of power monopolization by the Iraqi Shia political elite after the overthrow of Saddam Hussein in 2003. It highlights the key mechanisms of this process, including the policies of the Coalition Provisional Authority, the formation of new government bodies with a dominant role for Shia parties, and the entrenchment of the system of confessional apportionment of political positions (muhasasa ta'ifiya). The analysis demonstrates that these transformations led to a radical shift in the balance of power between Shia and Sunni political elites and an exacerbation of interconfessional tensions, which defined long-term challenges for Iraq's national security.

Keywords: Iraq; Shia; Sunni; political elites; de-Baathification; muhasasa ta'ifiya; interconfessional conflict; American occupation.

Вторжение коалиционных сил под руководством США в 2003 г. стало переломным моментом для иракских шиитов, ознаменовав радикальный сдвиг в их исторической роли. После столетий маргинализации — в период османского владычества, британского мандата и авторитарного правления Баас — шиитская община впервые получила возможность трансформироваться из объекта репрессий в доминирующий политический субъект. С падением режима Саддама Хусейна революционные новые возможности спровоцировали стремительную мобилизацию общины, которую не предвидели ни американские политики, ни иракские сунниты.

После вторжения в Ирак в 2003 г. США учредили Временную коалиционную администрацию (ВКА) во главе с Полом Бремером, взявшую на себя управление страной. Этот орган сыграл существенную роль в перестройке политической системы Ирака. Ключевым шагом ВКА стало создание Временного управляющего совета Ирака (ВУСИ), который, первоначально будучи консультативным органом, постепенно получил полномочия по назначению министров, бюджетному планированию и подготовке выборов. Однако его попытки влиять на безопасность сталкивались с сопротивлением оккупационных сил, сохранявших контроль над этой сферой [8].

Критики отмечают, что действия ВКА и ВУСИ, несмотря на декларируемые цели демократизации, способствовали росту хаоса и радикализации. Роспуск армии оставил без работы десятки тысяч военных, пополнивших ряды повстанцев, а масштабная дебаасификация, исключившая из госаппарата сотни тысяч суннитов, обострила межконфессиональную напряженность [10]. Дебаасификация, начатая ВКА, проводилась созданной для этого 3 сентября 2003 г. Высшей национальной комиссией по дебаасификации (ВНКД). Главой ВНКД стал Ахмад Чалаби, а его заместителем член партии Дава Нури аль-Малики — оба шииты и представители оппозиции бывшей власти. Комиссия просуществовала 8 лет и одной из основ ее деятельности стала активная люстрация всех баасистов [8]. Такая политика сильно сузила возможности представительства суннитов в органах власти.

Состав ВУСИ, сформированный с учётом этноконфессионального баланса (13 шиитов, 5 суннитов, 5 курдов и по одному представителю из общин ассирийцев и туркоман), уже отразил сдвиг власти в пользу шиитского большинства, исторически находившегося в оппозиции к прежним режимам. 30 июля 2003 г. Ибрагим аль-Джафари, шиит и один из лидеров партии Дава, стал первым президентом ВУСИ. Шиитская исламистская партия «Дава» быстро превратилась в пул, из которого вышли большинство сменявших друг друга премьер-министров [4]. Председатель ВУСИ менялся ежемесячно, и среди всех избранных председателей, включая И. аль-Джафари, большую часть также составляли шииты (5 шиитов, против 2 суннитов и 2 курдов) [16]. Большинство лидеров и членов ВУСИ ранее составляли жесткую оппозицию власти Саддама Хусейна, многие из них проживали в изгнании вне Ирака. Возвратившаяся оппозиция делилась на кланы, ориентировавшиеся на страны их прежнего базирования (западные или региональные, например, Иран) [5]. Новая элита, сформированная из бывших эмигрантов и оппозиционеров, столкнулась с проблемами легитимности и управленческой неопытности. Доминирование «внешних» лидеров, таких как Айяд Аляуи и Ибрагим аль-Джаафари, углубило разрыв между

местными группами и возвратившимися эмигрантами. Кроме того, запрет на участие в политике бывших сотрудников режима Саддама Хусейна сузил базу для формирования профессионального госаппарата.

1 июня 2004 г. было объявлено о роспуске ВУСИ и создании Временного правительства Ирака (ВПИ). Передача власти ВПИ состоялась 28 июня 2004 г., а премьер-министром был назначен шиит Айяд Аляуи. Основной задачей ВПИ стало создание условий для проведения выборов в парламент, которому предписывалось сформировать уже постояннодействующее правительство страны. В январе 2005 г. были проведены выборы в переходное Национальное Собрание Ирака — временный парламентский орган, который должен был подготовить проект постоянной конституции Ирака [12].

Шиитское население Ирака к выборам в Национальное собрание в большинстве своем объединилось вокруг нескольких исламистских организаций, которые были тесно связаны с клерикальными кругами. Среди этих партий наиболее популярными были «Даава» («Партия исламского призыва»), Высший совет исламской революции в Ираке и Движение Муктады ас-Садра. Шиитские исламисты действуют в Ираке очень открыто и уже долгое время активно участвуют в политической жизни, особенно из-за рубежа. Некоторые из их лидеров, такие как Сайид Бакир аль-Хаким, лидер Высшего совета по исламской революции в Ираке (ВСИРИ), на протяжении почти десятилетия поддерживали регулярные контакты с американскими политиками по вопросу будущей смены режима в Ираке. Такой долгой историей они заслужили большую популярность еще до 2003 г. [14]. Особо важную роль среди шиитской общины занимает великий аятолла Али ас-Систани, имеющий огромное количество последователей в Ираке и за его пределами.

На первых свободных выборах в Ираке в январе 2005 г. победу одержал шиитский «Объединенный иракский альянс» (ОИА), получивший 140 из 275 мест в переходной Национальной ассамблее. Частично этот результат был предопределен массовым бойкотом голосования в суннитских провинциях, где явка не превышала 6 %, в то время как в шиитских и курдских регионах составила 70–95 % [9]. Курдский «Альянс Курдистана» получил 75 мест, а светский шиитский «Иракский список» Айяда Аллауи — 40 мест [8]. Победивший ОИА, пользовавшийся поддержкой духовного лидера Али ас-Систани, объединил основные шиитские партии, включая «Дава», «Высший совет исламской революции в Ираке» (ВСИРИ), Партия исламской добродетели Муктады ас-Садра и др.

Национальное Собрание избрало президентский совет, состоявший из президента и двух вице-президентов. Первым президентом Ирака был избран курд Джаляль Талабани, а вице-президентами стали шиит Адель

Абдель Махди и суннит Гази аль-Явар. 5 мая 2005 г. было сформировано Иракское переходное правительство (ИПП) во главе с лидером партии Дава Ибрахимом аль-Джаафари, поддерживаемого Али ас-Систани [8]. Согласно утвержденной в октябре 2005 г. постоянной конституции Ирака, законодательная власть должна была состоять из двух элементов — Совета представителей и Совета Федерации. Конституция Ирака устанавливает Ирак как единое федеральное, независимое и суверенное государство с республиканской, представительной, парламентской и демократической системой правления.

На выборах в Совет представителей Ирака декабре 2005 г., в которых уже участвовали сунниты, шиитский альянс вновь победил (128 из 275 мест), сохранив доминирование в парламенте. В марте 2006 г. премьер-министром стал лидер «Даавы» Нури аль-Малики. Исходя из результатов двух выборов можно заметить стремление иракцев голосовать за партии, которые представляют их религиозные общины. Влияние светских сил, которые в первую очередь представляла коалиция «Иракский Список» Айяда Аляуи, было относительно небольшим (на выборах в Совет представителей заняла уже 25 мест) [8].

Можно выделить ключевую систему, в рамках которой в дальнейшем происходило распределение государственных позиций — «мухасаса таифийя». При дословном переводе с арабского, словосочетание «мухасаса таифийя» означает конфессиональное распределение. Система мухасаса представляет собой неформальную квотировку государственных должностей на этноконфессиональной основе. Так, главный пост премьер-министра в последствии постоянно будет занимать шиит, пост президента Ирака — курд, и пост спикера парламента будет занимать суннит. США в период оккупации Ирака активно содействовали установлению системы мухасаса. При этом эта система имеет неформальный характер и действует как неписаное правило. Она закрепила политический конфессионализм Ирака [1].

Значительную роль в формировании политического ландшафта Ирака сыграло шиитское сопротивление оккупации. С конца марта 2004 г. шиитская община начала активные выступления против присутствия коалиционных сил, особенно в «треугольнике смерти» южнее Багдада, где до осени 2007 г. продолжались боевые действия и межконфессиональное насилие [13]. Ключевой фигурой сопротивления стал Муктада ас-Садр, создавший «Армию Махди» и требовавший вывода иностранных войск. Ас-Садр возглавил два вооруженных восстания в 2004 г. [2]. Сложившийся кризис был временно разрешен благодаря вмешательству аятоллы Али ас-Систани в октябре 2004 г. Это укрепило авторитет Систани как духовного лидера шиитов, в то время как ас-Садр сохранил влияние — его отряды не были разоружены и получили амнистию [11].

Приход к власти шиитских политических сил и американская оккупация резко обострили межконфессиональные отношения в Ираке. Одновременно с сопротивлением американской оккупации, шиитские группировки вели активную борьбу с суннитским сопротивлением, суннитскими радикальными исламистскими организациями, а также совершали атаки на суннитскую общину. Особенно активной в этом плане проявила себя «Армия Махди». Например, эта организация несет основную ответственность за разгром 90 суннитских храмов в ходе так называемой «войны мечетей» [7]. Армия Махди также вела активную борьбу против сторонников Аль-Каиды и других суннитских радикальных исламистов, которые в это время набирали популярность среди суннитской общины, а также активно участвовали в вооруженном конфликте, устраивая террористические атаки против шиитской общины [3]. В феврале 2006 г. взрыв мечети Аль-Аскари в Самарре, совершенный боевиками Аль-Каиды, положил начало полномасштабной гражданской войне между суннитской и шиитской общиной, отодвинувшей на второй план сопротивление коалиционным войскам [7]. В конфликте наряду с «Армией Махди» активное участие принимали «Бригады Бадра» и другие шиитские формирования. Гражданская война 2006–2007 гг. характеризовалась жестокостью с обеих сторон: ежедневные теракты, уничтожение мечетей, похищения и казни мирных жителей стали обыденностью [15]. Особенно хорошо результаты этой войны заметны на изменении конфессионального состава населения Багдада. В следствие активных боев и этнических чисток в Багдаде практически исчезли смешанные суннито-шиитские районы, а сам город стал преимущественно шиитским (с долей суннитов не более 25 % к 2007 г.) [6]. Сдерживающую роль в конфликте играл аятолла Али ас-Систани, который последовательно призывал иракских шиитов не отвечать тем же на нападения суннитских исламистов [17]. В 2008 г. острота суннито-шиитского конфликта заметно снижается. Это во многом объясняется вводом дополнительных американских войск, усталостью населения от насилия и кровопролития, а также тем, что территориальное размежевание между двумя общинами, которое происходило в 2006–2007 гг. практически завершилось и прямых точек соприкосновения двух общин стало меньше.

Тем временем в иракской армии, полиции и органах безопасности продолжается процесс «шиитизации». Причем власти старались набирать в эти структуры не просто выходцев из шиитской общины, а преимущественно лиц, чьи родственники были репрессированы при режиме С. Хусейна или пострадали от действий нынешних повстанцев, иностранных боевиков и террористов [14]. Таким путем правительство стремилось сформировать силы, которые будут решительно и беспощадно воевать против вооруженной

оппозиции и зарубежных террористов. Существуют свидетельства того, что силы безопасности покровительствовали шиитским вооружённым группировкам, занимающимся массовыми убийствами суннитов [18].

Начали проявляться противоречия внутри шиитских политических сил. В 2008 г. ситуация с безопасностью в Ираке снова оказалось под угрозой из-за напряженности между правительством аль-Малики и Муктадой ас-Садром. Правительство провело военную операцию в Басре, традиционно контролируемой Армией Махди ас-Садра. После столкновений между правительственными силами и боевиками Армии Махди ас-Садр объявил о перемирии в Басре, но насилие вспыхнуло в других городах. Правительство ввело комендантский час в Багдаде, и бои продолжались в течение апреля. В мае было достигнуто соглашение о перемирии, согласно которому правительственные силы получили доступ в Садр-Сити, район Багдада, контролируемый Армией Махди. Сообщалось, что в ходе боев погибло более 1000 человек [9].

Правящая шиитская коалиция продолжает прилагать все усилия для укрепления своих позиций во властных структурах, не допуская суннитов к реальным рычагам управления страной. Это является основной причиной продолжающейся оппозиционности и радикализации суннитов. В то же время серьезные противоречия, существующие среди самих шиитов, не позволяют им выработать единую позицию по многим важным вопросам государственного устройства Ирака. Такие разногласия внутри шиитской общины ослабляют ее позиции и делают невозможным достижение консенсуса по ключевым вопросам будущего Ирака.

Таким образом, за вторжением коалиционных сил в 2003 г. последовала фундаментальная трансформация политической системы Ирака, в результате которой шиитская община превратилась в доминирующую политическую силу в стране. Этот переход совершался через политику Временной коалиционной администрации, включая дебаасификацию и формирование новых властных структур, что привело к закреплению власти шиитских партий и утверждению системы конфессионального распределения власти («мухасаса таифийя»). Однако обретение шиитами политического доминирования имело противоречивые последствия. Монополизация власти шиитской коалицией и системное исключение суннитов из реальных рычагов управления стали основными причинами кровопролитной гражданской войны 2006–2007 гг., радикализации суннитского населения и углубления межобщинного раскола. Внутренние противоречия внутри шиитского лагеря, а также непоследовательная политика США создали модель управления, характеризующуюся хронической нестабильностью, институциональной слабостью и сохранением конфессиональной розни как определяющего фактора иракской политики.

Библиографические ссылки

1. *Аль-Джанаби А. С.* Особенности системы мухасаса в Ираке // Аспект. URL: <https://na-journal.ru/5-2023-politologiya/5213-osobennosti-sistemy-muhasasa-v-irake> (дата обращения: 07.05.2025).
2. *Беленькая М.* 10 лет суверенитету Ирака: от амбиций Америки до побед террористов // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1282947> (дата обращения: 07.05.2025).
3. *Жантиев Д. Р.* «Армия Махди» в Ираке: формирование и развитие // Вестн. Моск. ун-та. сер. 13. Востоковедение. 2012., № 4. С. 29–37.
4. *Лукоянов А.* Ирак: сунниты и шииты делят власть // Россия и мусульманский мир. 2005. № 1(151). С. 113–116.
5. *Мамедов Р. Ш.* Ирак в начале XXI века: на пути к новой государственности. М.: ИВ РАН, 2023. С. 256.
6. Мусульмане-шииты и сунниты покидают этнически смешанные районы Багдада // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20060305/43929472.html> (дата обращения: 07.05.2025).
7. *Подцероб А. Б.* Шиитско-суннитское противостояние в Ираке // Институт Ближнего Востока. URL: <https://www.iimes.ru/?p=5360> (дата обращения: 07.05.2025).
8. *Сапронова М. А.* Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 196.
9. *Юрченко В. П.* Военно-политическая обстановка в Ираке (январь 2005 года) // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3469> (дата обращения: 07.05.2025).
10. *Allawi A. A.* The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace. USA: Yale University Press, 2007. 544 p.
11. *Al-Qarawee H. H.* The ‘formal’ Marja’: Shi’i clerical authority and the state in post-2003 Iraq // British Journal of Middle Eastern Studies, 46:3. 2019. 481–497 p.
12. *Cordesman A. H.* Withdrawal from Iraq: Assessing the Readiness of Iraqi Security Forces. Washington, D. C.: The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2009. 227 p.
13. *Kesley L.* A Path to Peace: Reconciling the Sunni-Shi’a Conflict in Iraq. Syracuse University, 2015. 59 p.
14. *Luizard P.* 2003–2022, the impossible Shiite power in Iraq // The French Research Center on Iraq. URL: <https://cfri-irak.com/en/article/2003-2022-the-impossible-shiite-power-in-iraq-2022-06-01#> (дата обращения: 07.05.2025).
15. *Nasr V.* The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future. New York: Norton, 2006. 310 p.
16. *Telmon S.* The Occupation of Iraq: The Official Documents of the Coalition Provisional Authority and the Iraqi Governing Council (Documents in International Law). 2013. 1546 p.
17. The Man Who Might Save Iraq // The Unz Review. URL: <https://www.unz.com/pescobar/the-man-who-might-save-iraq/> (дата обращения: 07.05.2025).
18. What Drives Sunni Anger In Iraq? // RadioFreeEurope. URL: <https://www.rferl.org/a/iraq-sunni-anger-causes/25432218.html> (дата обращения: 07.05.2025).

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ФРГ (2015–2025): АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ И РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Д. В. Саватеева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, KruhloDV@bsu.by*

В статье анализируется динамика социальной интеграции иммигрантов в ФРГ в 2015–2025 гг. Рассматриваются ключевые факторы, влияющие на процесс интеграции, включая правовой статус, уровень владения немецким языком, признание иностранных квалификаций, доступ к образованию и участие в общественной жизни. Особое внимание уделяется роли государственных институтов (федеральных, земельных и муниципальных) в формировании и реализации интеграционной политики. Освещается вклад Федерального ведомства по делам миграции и беженцев и образовательных учреждений в обеспечении успешной адаптации мигрантов. Делается вывод о том, что в течение указанного периода интеграционная политика Германии претерпела эволюцию от экстренных мер к системному и устойчивому подходу, способствующему вовлечению иммигрантов в экономическую, образовательную и культурную сферы общества.

Ключевые слова: ФРГ; социальная интеграция; миграция; государственные институты.

DYNAMICS OF SOCIAL INTEGRATION OF IMMIGRANTS IN GERMANY (2015–2025): ANALYSIS OF KEY FACTORS AND THE ROLE OF STATE INSTITUTIONS

D. V. Savatseyeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, KruhloDV@bsu.by*

The article analyzes the dynamics of social integration of immigrants in the Federal Republic of Germany in 2015–2025. It examines the key factors influencing the integration process, including legal status, proficiency in the German language, recognition of foreign qualifications, access to education, and participation in public life. Particular attention is paid to the role of state institutions (federal, state, and municipal) in shaping and implementing integration policy. The contribution of the Federal Office for Migration and Refugees and educational institutions to ensuring the successful adaptation of migrants is highlighted. The article concludes that during the specified period, Germany's integration policy evolved from emergency measures to a systemic and sustainable approach that promotes the involvement of immigrants in the economic, educational, and cultural spheres of society.

Keywords: Federal Republic of Germany; social integration; migration; state institutions.

С 2015 г. Германия переживает один из самых значимых периодов в своей новейшей истории в сфере миграции и интеграции. Прибытие сотен тысяч беженцев и иммигрантов, прежде всего из Сирии, Ирак, Афганистан

и других стран, стало одновременно вызовом и стимулом для трансформации государственных институтов и механизмов социальной интеграции. Под социальной интеграцией в научной литературе понимается процесс включения мигрантов и их потомков во все сферы общественной жизни принимающей страны — экономическую, образовательную, культурную, политическую и социальную, включая владение языком, доступ к трудовому рынку, образованию и ощущение принадлежности к обществу. Этот процесс поддается измерению через совокупность показателей: уровень занятости, признание иностранных квалификаций, успехи в обучении, участие в гражданской и культурной жизни, наличие социальных контактов вне этнической группы и восприятие себя как части немецкого общества.

По данным Федерального статистического управления Германии, к концу 2024 г. в Германия насчитывалось около 3,3 млн человек, зарегистрированных в Центральном реестре иностранцев (Ausländerzentralregister, AZR) как ищущие защиты, что на 4,1 % больше, чем годом ранее [1]. Кроме того, примерно 25 % населения страны в 2025 г. имеют миграционное прошлое [2]. При этом количество новых заявителей на убежище в 2025 г. уменьшилось по сравнению с предыдущими годами, что отражает как изменения в международной ситуации, так и внутреннюю политику государства [3].

Одним из ключевых направлений интеграции является включение иммигрантов в рынок труда. Данные Института исследований занятости (IAB) и Федерального ведомства по делам миграции и беженцев (BAMF) показывают, что беженцы, прибывшие в 2015–2016 гг., сталкивались с множеством трудностей: низкий уровень владения немецким языком, отсутствие признанных квалификаций, неопределенный правовой статус [4]. Однако по мере увеличения срока проживания уровень их занятости заметно вырос: многие нашли работу, получили профессиональное обучение и доступ к программам переподготовки. Несмотря на этот прогресс, остаются барьеры, прежде всего связанные со сложной процедурой признания иностранных дипломов и профессиональных навыков [5]. Важнейшим фактором здесь является владение языком, поскольку недостаточный уровень немецкого затрудняет не только трудоустройство, но и доступ к образованию и социальной жизни.

Образовательная интеграция мигрантов также имеет решающее значение. Дети мигрантов, особенно недавно прибывших, нередко испытывают трудности в школе из-за недостаточного знания языка и различий в уровне подготовки их родителей [6]. Для преодоления этих проблем были разработаны государственные меры — интеграционные и ориентационные курсы, подготовительные классы, дополнительные языковые занятия [7]. Отчеты

подтверждают, что участие в дошкольном и школьном образовании, а также последующее профессиональное обучение являются определяющими факторами для успешной интеграции второго поколения мигрантов.

Культурная и социальная интеграция проявляется в принятии норм и ценностей, участии в культурной и общественной жизни, расширении круга общения за пределами этнических сообществ. Исследование Совета экспертов немецких фондов по вопросам интеграции и миграции (SVR) показывает, что в Германии действует около 12–14 тыс. организаций, которые играют роль посредников между мигрантами и принимающим обществом [8]. Участие мигрантов в спортивных клубах, культурных инициативах и местных проектах растет, особенно в крупных городах, однако остается неравномерным и зависит от происхождения и социального статуса мигрантов [9]. Социальные связи и участие в гражданском обществе способствуют снижению изоляции и укреплению доверия.

Особое значение для интеграции имеет правовой статус. Принятый в 2016 г. Закон «Об интеграции» установил обязательные интеграционные и ориентационные курсы, меры по ускорению признания иностранных квалификаций, а также требования к месту жительства беженцев [10]. Наличие стабильного правового статуса обеспечивает доступ к рынку труда, образованию и социальным услугам, тогда как лица со статусом «Geduldete» (лицо со статусом временного пребывания) или находящиеся в процессе рассмотрения заявлений часто лишены этих возможностей [5]. Именно поэтому решения государственных институтов напрямую влияют на темпы и успех интеграции.

Динамика процессов с 2015 по 2025 г. показывает эволюцию подхода. В 2015–2016 гг., в период так называемого миграционного кризиса, основной задачей стало экстренное размещение и обеспечение базовых потребностей беженцев, что сопровождалось перегрузкой школ и нехваткой преподавателей. С 2017 по 2020 г. началась фаза стабилизации: развивались интеграционные курсы, программы профессиональной подготовки, усилилось взаимодействие между федеральными, земельными и муниципальными властями. Пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. временно замедлила интеграционные процессы, но также привела к развитию цифровых форм обучения и признания квалификаций. В 2023–2025 гг. акцент сместился на устойчивую трудовую интеграцию и повышение участия мигрантов в социальной и культурной жизни. Совместное исследование Института исследований рынка труда и профессий, Федерального ведомства по делам миграции и беженцев и Социо-экономической панели демонстрирует, что уровень занятости среди мигрантов, прибывших в 2015 г., значительно вырос к 2025 г. [11].

Ключевыми факторами успешной интеграции являются правовой статус, владение языком, признание квалификаций, доступ к образованию, поддержка на уровне муниципалитетов, участие в гражданском обществе и общественная восприимчивость. Немаловажны экономические условия и спрос на рынке труда, которые определяют реальную возможность мигрантов реализовать свои навыки. Федеральное правительство задает законодательные рамки и финансирует программы, земли отвечают за образование и социальную политику, а муниципалитеты реализуют конкретные меры на местах — от обеспечения жилья и школ до культурных инициатив. Центральную роль играет Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев, координирующее интеграционные курсы, сбор статистики и признание статуса, а также агентства по трудоустройству и образовательные учреждения.

К 2025 г. можно констатировать заметный прогресс: занятость среди мигрантов выросла, доступ к образованию улучшился, владение языком повысилось, ускорилось признание квалификаций. Тем не менее сохраняются вызовы: неравенство в признании дипломов, гендерные различия, региональные диспропорции в ресурсах, стереотипы и дискриминация. Полная интеграция пока не достигнута, но динамика 2015–2025 гг. показывает, что государственные институты сыграли решающую роль в формировании устойчивой системы социальной интеграции, которая продолжает развиваться в условиях новых миграционных и социальных вызовов.

Библиографические ссылки

1. Statistisches Bundesamt. Migration und Integration: Themenseite / Statistisches Bundesamt (Destatis). Wiesbaden. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html (zugriffsdatum: 10.09.2025).
2. Statistisches Bundesamt. Pressemitteilung: Bevölkerung mit Migrationshintergrund / Statistisches Bundesamt (Destatis). Wiesbaden. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2025/05/PD25_181_125.html (zugriffsdatum: 10.09.2025).
3. Mediendienst Integration. Zahl der Flüchtlinge / Mediendienst Integration. URL: <https://mediendienst-integration.de/flucht-asy/zahl-der-fluechtlinge.html> (zugriffsdatum: 10.09.2025).
4. Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (IAB). Kurzbericht Nr. 17/2025: Integration von Geflüchteten – Arbeitsmarktentwicklung / Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung. URL: <https://doku.iab.de/kurzber/2025/kb2025-17.pdf> (zugriffsdatum: 10.09.2025).
5. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (BAMF). Integration von Migrantinnen in Deutschland: Politiken und Maßnahmen (EMN Deutschland Paper 1/2023) / Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. Nürnberg. URL: <https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/EMN/EMNDeutschlandPaper/emn-dp-1-2023-integration-migrantinnen.pdf> (zugriffsdatum: 10.09.2025).

6. Integrationsbeauftragte der Bundesregierung. Erster Bericht zum indikatorengestützten Integrationsmonitoring / Integrationsbeauftragte der Bundesregierung. Berlin. URL: <https://www.integrationsbeauftragte.de/resource/blob/244016/1881330/e59a3435da62a94f14a60f46fcfd21fd/erster-bericht-zum-indikatorengestuetzten-integrationsmonitoring-data.pdf> (zugriffsdatum: 10.09.2025).

7. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (BAMF). Statistik und Berichte / Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. Nürnberg. URL: <https://www.bamf.de/DE/Themen/Statistik/statistik-node.html> (zugriffsdatum: 10.09.2025).

8. Forschungsbereich beim Sachverständigenrat deutscher Stiftungen für Integration und Migration (SVR). Vielfältig engagiert – breit vernetzt – partiell eingebunden? Migrantenorganisationen als gestaltende Kraft in der Gesellschaft / SVR-Forschungsbereich. Berlin. URL: https://www.svr-migration.de/wp-content/uploads/2020/11/SVR-FB_Studie_Migrantenorganisationen-in-Deutschland.pdf (zugriffsdatum: 10.09.2025).

9. Organisation für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung (OECD). Immigrant Integration in Germany / OECD. Paris. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-issues/migration/Immigrant%20Integration%20Germany_de.pdf (zugriffsdatum: 10.09.2025).

10. OECD. Stand der Integration von Eingewanderten – Deutschland / OECD. Paris. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-issues/migration/Immigrant%20Integration%20Germany_de.pdf (zugriffsdatum: 10.09.2025).

11. Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (IAB). Zehn Jahre Fluchtmigration 2015: Haben wir es geschafft? Eine Analyse aus Sicht des Arbeitsmarktes (IAB-Kurzbericht Nr. 17/2025) / Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung. Nürnberg. URL: <https://doku.iab.de/kurzber/2025/kb2025-17.pdf> (zugriffsdatum: 10.09.2025).

МЕЖДУ УЯЗВИМОСТЬЮ И ИНТЕГРАЦИЕЙ: ЖЕНЩИНЫ РЕЛИГИОЗНЫХ МЕНЬШИНСТВ В КАСТИЛИИ И ЛЕОНЕ XIII–XV вв.

Е. А. Сидорович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, ekaterina.sidorovich@alum.uca.es*

В статье рассматривается положение женщин религиозных меньшинств в Кастильской Короне XIII–XV вв. На основе юридических, нарративных и визуальных источников проведён количественно-качественный анализ упоминаний мусульманок и еврейских женщин. Выявлено, что правовой дискурс фиксировал их прежде всего в сферах семейного права, наследования и межрелигиозных браков, в то время как нарративные тексты формировали образы женщин как уязвимых по гендерному и конфессиональному признаку, но потенциально интегрируемых через конверсию.

Ключевые слова: Кастилия и Леон; религиозные меньшинства; мудары; евреи; гендерная история; контент-анализ; *convivencia*.

BETWEEN VULNERABILITY AND INTEGRATION: WOMEN OF RELIGIOUS MINORITIES IN CASTILE AND LEÓN (13th–15th CENTURIES)

E. A. Sidorovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, ekaterina.sidorovich@alum.uca.es*

The article examines the position of women from religious minorities in the Crown of Castile during the 13th–15th centuries. Based on legal, narrative, and visual sources, a quantitative and qualitative analysis of references to Muslim and Jewish women has been conducted. The study reveals that legal discourse referred to them primarily in the contexts of family law, inheritance, and interreligious marriages, while narrative texts shaped images of women as vulnerable both by gender and confession, yet potentially integrable through conversion.

Keywords: Castile and León; religious minorities; Mudejars; Jews; gender history; content analysis; *convivencia*.

Гендерная история за последние десятилетия стала одним из ключевых направлений гуманитарных исследований, позволив по-новому взглянуть на социальные структуры и исторические процессы. Её значение для медиэвистики заключается в выявлении «невидимых» ранее групп, прежде всего женщин, чья роль в средневековом обществе долгое время оставалась на периферии внимания историков [9]. Появление гендерного подхода связано с «второй волной» феминизма и развитием социальной истории во второй половине XX в., когда исследователи стали обращать

внимание на те сегменты общества, которые ранее не воспринимались как значимые для «большого нарратива». В западной медиевистике этот поворот выразился в многочисленных исследованиях по истории женщин, повседневности, семьи, сексуальности, а затем — в более широком интересе к механизмам гендерных конструирований. Гендерная перспектива акцентирует внимание на механизмах власти и подчинения, на особенностях формирования идентичности, что делает её важным инструментом для анализа сосуществования различных конфессиональных и этнических общин [4].

Особое значение такой подход приобретает при изучении истории Пиренейского полуострова. Средневековая Кастильская Корона XIII–XV вв. была полиэтническим и поликонфессиональным пространством, где наряду с христианами существовали крупные мусульманские и еврейские общины. Их интеграция в социальное пространство государства происходила в условиях Реконкисты, когда военные завоевания сопровождались формированием особой системы правовых и культурных отношений. Положение религиозных меньшинств определялось не только юридическими ограничениями, закреплёнными в фуэро и королевских орденамьенто, но и устойчивыми культурными практиками, которые воспроизводили образ «других» в литературных и нарративных источниках. Женщины из числа мусульман и евреев занимали в этом пространстве особое место: с одной стороны, они становились объектом правового регулирования в вопросах брака, наследства и опеки; с другой — оказывались символами культурной и религиозной трансформации, что ярко проявлялось в нарративах о конверсии.

Актуальность данного исследования определяется тем, что современные гуманитарные науки всё больше ориентируются на изучение «истории снизу», где на первый план выходят повседневные практики и опыт ранее маргинализированных социальных групп. В этом контексте обращение к женщинам религиозных меньшинств Кастильской Короны XIII–XV вв. позволяет восполнить значительный пробел в историографии, традиционно сосредоточенной на институциональных и военно-политических аспектах Реконкисты. Также обращение к гендерному измерению сосуществования (*convivencia*) позволяет показать, что именно через регулирование брака, наследства и межконфессиональных связей власть устанавливала контроль над социальными границами, а женщины становились ключевыми фигурами этих процессов. И, наконец, изучение репрезентаций мусульманок и еврейских женщин в правовых и культурных источниках Средневековья имеет выход в современность: оно позволяет проследить истоки стереотипов о «других», а также выявить механизмы формирования многоуровневой идентичности в условиях поликонфессионального общества [1].

Изучение положения религиозных меньшинств в Кастильской Короне невозможно без обращения к источникам различного характера. Для данного исследования были использованы фуэро различных городов [8], Семь Партид [7], «Кантигах о Святой Марии» [11], а также королевские орденамьенто [5]. Юридические источники позволили реконструировать нормативные представления о месте женщин в обществе, нарративные тексты — выявить их литературные и символические репрезентации, визуальные материалы — отследить способы художественной передачи и закрепления этих представлений. Такой подход сделал возможным комплексное рассмотрение вопроса о женской «инаковости» в Кастилии XIII–XV вв.

Методологическую основу нашего исследования составляет междисциплинарный подход. Компаративистский метод позволил сопоставить юридические, нарративные и визуальные источники, выявив как зоны совпадений, так и противоречия. Центральным инструментом анализа стал контент-анализ, реализованный с помощью программы MAXQDA (версия 24.11). Данный программный комплекс является одним из наиболее признанных в области гуманитарных и социальных наук [9].

В контексте нашего исследования MAXQDA позволила систематизировать юридический корпус источников и провести их количественно-качественный анализ. Были выделены все упоминания женщин, относящихся к различным конфессиональным группам. Результаты показали, что христианки упоминаются 45 раз, мусульманки — 34 раза, еврейки — 13 раз. Эти упоминания концентрируются в разделах, связанных с семейным правом, наследственными нормами и межрелигиозными браками. Данный факт свидетельствует о том, что женщины становились объектом правового регулирования именно в тех сферах, где происходило пересечение интересов различных общин и где конфессиональные границы оказывались особенно уязвимыми.

Сопоставление юридической традиции с литературными источниками позволяет уточнить характер репрезентации женщин меньшинств. В «Кантигах о Святой Марии» мусульманки и еврейки также появляются преимущественно в семейном контексте: они изображаются матерями, через которых проходит линия конверсии, часто вместе с детьми. В то время как мужские образы в песнях предстают в негативном ключе — как враги, предатели или последователи дьявола [1], женские образы окрашены иначе: они уязвимы, но в то же время восприимчивы к обращению. Более того, в ряде миниатюр фиксируется заметная визуальная трансформация женщин после конверсии: их волосы и кожа становятся светлее, что символически подчёркивает не только религиозное, но и физическое «очищение».

Правовая традиция Кастильской Короны закладывала основу для гендерно и конфессионально обусловленной дифференциации [3]. Законы усиливали контроль над женщинами в брачно-наследственных вопросах, превращая их в инструмент поддержания социальных границ. В то же время за формально одинаковыми нормами скрывалось различное их применение [6]. Женщины из числа меньшинств подвергались давлению как со стороны доминирующего большинства, так и внутри собственной общины, что усиливало их уязвимость.

Таким образом, сочетание количественного и качественного анализа позволило уточнить характер репрезентации женщин религиозных меньшинств в Кастильской Короне XIII–XV вв. С одной стороны, они выступали субъектами права, фигурирующими в юридических текстах при решении вопросов брака, наследства и опеки. С другой стороны, они рассматривались как «чужие» и в правовом, и в культурном дискурсе, что делало их уязвимыми. В то же время женский образ имел интеграционную функцию: через конверсию и ассимиляцию женщины становились мостом между разными религиозными общинами.

Вклад проведённого исследования заключается в уточнении гендерных сценариев репрезентации женщин религиозных меньшинств в правовой традиции Кастильской Короны XIII–XV вв., а также в выявлении согласованности нормативных и художественных нарративов, где женская фигура становится ключевым элементом проекта интеграции. Использование MAXQDA продемонстрировало возможности воспроизводимой аналитической процедуры для историко-гендерных исследований. Перспективы дальнейшей работы связаны с расширением корпуса источников за счёт документов XIV–XV вв., включая нотариальные и судебные записи, а также с более детальным анализом статусных категорий женщин (жёны, вдовы, рабыни). Дополнительное направление открывает систематическое иконографическое кодирование миниатюр, позволяющее глубже понять способы визуальной репрезентации инаковости. Такой комплексный подход позволит точнее описать, каким образом право и нарратив совместно конструировали женскую инаковость и через неё определяли границы и практики *convivencia* в социальном пространстве Кастильской Короны.

Библиографические ссылки

1. Сидорович Е. А. Актуальность исследования межрелигиозных отношений в Королевстве Кастилия и Леон XIII–XV вв. в дискурсе межкультурной коммуникации // Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, приуроченной к празднованию 300-летия Российской академии наук. Омск, 2024. С. 759–763.

2. Сидорович Е. А. «Кантиги о Святой Марии» как исторический источник реконструкции образа чужого в социальном пространстве Королевства Кастилии и Леон // Научные труды РИВШ. 2025. Вып. 25, ч. 2: Исторические науки. С. 134–142.
3. Benito de Pedro A. Elementos de Reconquista: Moras y judías en las Cantigas de Alfonso X // eHumanista. 2009. Vol. 12. P. 87–103.
4. Bennett J., Karras R. (eds.). The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe. Oxford: Oxford University Press, 2013. 642 p.
5. Fernández y González F. Estado social y político de los mudéjares de Castilla. Madrid: Imprenta y Fundición de M. Tello, 1866. 456 p.
6. Fuente M. J. Más allá del amor: Mujeres moras y judías víctimas de violencia en la Castilla del siglo XV // Espacio, Tiempo y Forma. Serie III, Historia Medieval. 2017. № 30. P. 309–333.
7. Las Siete Partidas del Sabio Rey Don Alfonso el IX / ed. G. López. T. 3. Barcelona: Imprenta de Antonio Bergnes, 1844. 568 p.
8. Los Fueros del Reino de Toledo y Castilla la Nueva. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado, 2017. 178 p.
9. MAXQDA. Content Analysis. Berlin, 1995–2025. URL: <https://www.maxqda.com/content-analysis> (дата обращения: 30.08.2025).
10. Skinner P. Studying Gender in Medieval Europe: Historical Approaches. London: Palgrave Macmillan, 2018. 180 p.
11. Traducción al castellano de las “Cantigas de Santa María” de Alfonso X el Sabio. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2022. 604 p.

ЦЕНОВАЯ ПОЛИТИКА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПО ТОРГОВЛЕ С ИНОСТРАНЦАМИ В 1932–1933 гг.

В. В. Смирнов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, mary2096bond@gmail.ru*

В статье анализируется ценовая политика Торгсина в 1932–1933 гг. Исследуются механизмы скупки у населения золота, серебра и антиквариата, а также динамика цен на продаваемые товары. Проводится сравнение с советскими рыночными и мировыми ценами, выявляющая разностную структуру выгоды покупок в Торгсине для граждан, относительно других рынков сбыта.

Ключевые слова: Торгсин; цены; мука; рубль; золото; рынок.

PRICING POLICY OF TORGSIN DURING THE FAMINE OF 1932–1933

V. V. Smirnov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, mary2096bond@gmail.ru*

The article analyzes the pricing policy of Torgsin in 1932–1933. It examines the mechanisms for purchasing gold, silver, and antiques from the population, as well as the price dynamics of goods sold. A comparison with Soviet market and global prices reveals the differential structure of the benefits for citizens when shopping at Torgsin compared to other markets.

Keywords: Torgsin; prices; flour; ruble; gold; market.

Прежде чем говорить о ценовой политике, нужно несколько слов сказать про всесоюзное объединение торговли с иностранцами или в сокращении «Торгсин». Он был организован постановлением Наркомторга СССР от 18.07.1930 г. [1, л. 5]. Основная задача данной организации была в контроле над всеми валютными операциями в стране между отдельными лицами, а также скупка валютных ценностей у населения и иностранных граждан. Вот как в одной из статей журнала «Ответы на вопросы рабочих и колхозников» давали определение Торгсину: «Торгсин полностью значит: торговля с иностранцами. Через Торгсин Советское государство получает золото, серебро, бриллианты и многие другие валютные ценности, а в обмен на них он предоставлял различные продовольственные продукты и промышленные товары... Эти необходимые советскому государству ценности мы [Советское государство. — В. С.] получаем разными способами. Сами добываем золото и серебро на приисках и рудниках. Вывозим наши [Советского государства. — В. С.] товары за границу. Помогает

государству собрать эти ценности и Торгсин. Нет разницы в том, получает ли СССР нужную иностранную валюту через Торгсин или путем вывоза товаров за границу. Торгсин можно рассматривать как одну из форм внешней торговли» [2].

Следовательно, ознакомившись немного с исследуемой темой, можно перейти к рассмотрению главного вопроса: ценовая политика Торгсин. Однако, чтобы ее рассмотреть, то стоит разбить эту тему на две: политика в отношении цен скупаемых товаров и политика в отношении цен продаваемых товаров.

Рассмотрим первую тему. 1 грамм золота стоил 1р. 29,16 коп. или за один золотник 5 р. 51,51 коп. Эта цена является основной, из которой ведется расчет за всякое золото низших проб [3, с. 27].

После открытия дверей для советских граждан осенью 1931 г. [4] следующим значительным ходом Торгсина стало разрешение скупки серебра и серебросодержащих предметов. Стоимость серебра оценивалась согласно Нью-Йоркской бирже в 1,86599 коп. [5, л. 177]. Однако из стоимости драгметаллов не следует, что за серебросодержащие и золотосодержащие товары должны платить именно в такой пропорции. Расхождения могут касаться двух вариантов: если товар имеет антикварную ценность, если товар не имеет антикварной ценности.

В нем могут быть как золотые, так и серебряные антикварные товары (товары иного толка начнут приниматься лишь в 1933 г., о чем будет говориться ниже).

Если мы говорим о золоте, то оно может чеканным: золотая пятирублевая монета до 1880 г., десятирублевая, 7 р. 50 коп. принимаются рубль в рубль. Золотая трехрублевая 1860 г. 3 р. 68 коп., золотая пятирублевая 1848 г. 7 р. 56 коп. Помимо чеканки можно сказать и про антикварные товары нечеканного вида. Например упоминается, что золотые часы, которые в ломе стоили 50 р., оценили в 125 р. [6, л. 10]. Во многом оценка антикварных вещей подобного типа возлагалась на страх и риск скупщиков. Однако, в некоторых случаях инструкциями требовалось прибегать к помощи музейных специалистов, что позволяло более точно выяснить истинную ценность антикварной вещи [3, с. 33]. Для стимулирования скупщиков выявлять антиквариат была создана специальная система премирования за отбор антикварных находок 3 разрядов: на 300, 200 и 100 рублей соответственно [3, с. 38].

Рассмотрим второй случай. К нему в основном относятся чеканные серебряные монеты, не имеющие антикварной ценности. Рубль стоит 28 коп., полтинник 14 коп., 25 коп., 7 коп. В данном случае, если бы монеты стоили действительной своей цены в серебре, то она была бы несколько

выше: рубль 33 коп., полтинник 16,5 коп., 25 коп., 8 коп. Как рассчитали их стоимость? Покажем на примере стоимости рубля: 1 р. стоит 33 коп. Расходы на 1 монету составляют 9 коп., а также стоимость тары. Таким образом. Если учесть все расходы, то следует вычесть 5–6 коп. Также следует скинуть еще 10 % для страхования и получим 25 коп. [5, л. 177]. Однако, несмотря на это цена рубля в инструкции написана в размере 28 коп., следовательно, за год получилось уменьшить затраты на 1 монету на 3 коп.

Исходя из всех вариантов можно сделать вывод о том, что система оценки была отнюдь не однородна, а сложна и довольно справедлива для покупателя. Дифференциация цен зависела от многих объективных факторов, начиная от антикварной ценности и кончая себестоимостью реализации товаров.

Это основные положения в политике Торгсина, связанной со скупкой товаров у клиентов. Теперь стоит рассмотреть другую сторону предлагаемой этой статьей темы, а именно ценовую политику в отношении товаров, выставленных на продажу. Однако без сравнительной оценки ее раскрыть навряд ли удастся. Поэтому далее цены Торгсина будут активно сравниваться с ценами магазинов разных стран.

Тройская унция золота (примерно 31,1 грамм) на международном рынке до 1933 г. стоила 20,67 \$ [7], то можно вычислить стоимость одного торгсиновского рубля относительно доллара: получаем один доллар стоит 1,93 руб. Это впоследствии даст нам сравнить цены торгсина и других магазинов. Однако, чтобы это сделать нужно сначала дать цены в самом Торгсине.

Сравнивать цены будем по муке т. к. это самый ходовой товар, откуда мы можем вычислить реальную выгоду покупателей данного магазина [8]. Стоила она в 1932 г. 6 коп. [9, с. 18]. Сравним цену ржаной муки в Торгсине с рыночными [10, л. 9] (Мною взяты именно данные области т. к. данные по Горькому самые обширные из всех, что были в данном источнике, а Москва — это столица, которая взята для контраста между провинцией и столицей):

Таблица 1

Изменение цен в Горьком и Москве за 1932 г.

Месяц 1932 год	Город	
	Горький Цена (коп.)	Москва Цена (коп.)
Январь	132	—
Февраль	140	—
Март	183	—
Апрель	178	—

Месяц 1932 год	Город	
	Горький Цена (коп.)	Москва Цена (коп.)
Май	269	—
Июнь	202	—
Июль	344	—
Август	335	—
Сентябрь	337	—
Октябрь	409	400
Ноябрь	385	375
Декабрь	461	455

Отсюда несложно вычислить разницу между ценами: если в январе разница была 1 к 22, то уже в конце года она повысилась до приблизительно 1 к 77. Однако это отнюдь не значит, что стоимость муки на рынке была в 22 и в 77 раз соответственно выше, чем в Торгсине. Чтобы вычислить реальную разницу, то возьмем ходовые монеты СССР с содержанием серебра. Унция серебра стоит 27,625 центов, следовательно, 1 грамм стоит 1,86599 коп.

Таким образом 1 рубль стоит 33,58782 коп. [5, л. 177]. Проведенный расчет позволяет определить, что реальная выгода покупки муки в Торгсине в 1932 г. изменялась от 7 к 1 до 25 к 1. Существенная разница в ценах закономерно привела к активизации спекулянтов, что неоднократно отмечалось в документации Торгсина [11]. Теперь стоит сравнить цены с иностранными магазинами.

В 1932 г. мука стоила по 2,35 \$ за 98 фунтов или около 44,45 кг [12]. Таким образом стоимость 1 кг муки: получаем 5,29 центов или, в переводе на торгсиновские рубли: 10,21 коп., что почти в 2 раза выше стоимости муки в Торгсине. Отсюда можно сделать вывод, что в 1932 г. цены Торгсина были очень выгодны для покупателей. Однако, такая выгода не сохранится в следующем году.

В условиях обострения продовольственной проблемы в 1933 г. Торгсин был вынужден пересмотреть свою ценовую политику. От истощения всевозможных запасов продовольствия цены стали расти. Сначала 28 января, когда продтовары заметно возросли в цене по всему Советскому Союзу увеличилась цена и в торгсине: мука ржаная — 13 коп., пеклеванная — 22 коп., пшеничная 96 % — 18 коп., 90 % — 20 коп., 85 % — 22 коп., 80 % — 24 коп., 75 % — 26 коп., 50 % — 35 коп., 30 % — 40 коп., 25 % — 45 коп., крупчатка — 50 коп., мука гречневая — 22 коп., манная — 50 коп., гречка — 24 коп., перловая — 20 коп., овсяная — 20 коп., пшеница — 17 коп. Уже 5 февраля Торгсин опять повышает цены: мука ржаная — 16 коп.,

пшеничная: 96 % — 20 коп., 90 % — 22 коп., 85 % — 24 коп., 80 % — 26 коп., 75 % — 28 коп., 50 % — 38 коп., 40 % — 40 коп., 30 % — 44 коп., 25 % — 47 коп., пшено — 20 коп., гречка — 26 коп. Правда уже через неделю, 12 февраля, чтобы компенсировать повышение цен на продукты снижаются цены на одежду, обувь и готовые платья на 15–25 %. Уже 23 февраля устанавливается снижение цен на хлопчатобумажные изделия, а 9 марта цены на резиновые ботинки снизились еще на 20 % и начиная с 25 марта, когда с продовольствием стало немного лучше (установлены поставки продовольствия из разных стран, началась продажа хлеба в коммерческих магазинах) также стали снижаться цены и на продовольствие и в итоге уже к августу цены на большинство товаров были снижены на 50–75 % [13]. В итоге на ржаную муку цены в дальнейшем изменялись в следующем виде: во второй половине июня цена снизилась до 13 коп., в июле снизилась до 10 коп., а 1 сентября она вернулась к уровню 1932 г. в 6 коп., а уже в конце декабря она понизилась до 5 коп. [14, л. 29–30]. Такая же ситуация была и на рынке [10, л. 9]:

Таблица 2

Изменение цен в Горьком и Москве за 1933 г.

Месяц 1933 год	Город	
	Горький Цена (коп)	Москва Цена (коп)
Январь	461	594
Февраль	670	729
Март	719	694
Апрель	702	670
Май	808	725
Июнь	773	758
Июль	734	840
Август	675	500
Сентябрь	547	450
Октябрь	485	390
Ноябрь	—	400
Декабрь	236	350

Из таблицы видно, что хоть и ситуация на рынке отличалась от района к району, однако тенденция как минимум в первой половине года весьма схожая. Горьковская область показывает стремительный рост вплоть до мая практически в 2 раза. Московская область хоть показывает не столь стремительный рост, однако из-за этого цены сохранились на более высоком уровне гораздо дольше. Поэтому я буду использовать усредненные цены при дальнейших расчетах.

The scatter plot displays the annual number of publications for the topic 'The Role of the State in the Economy' from 1953 to 2020. The x-axis represents the year (from 1 to 729), and the y-axis represents the number of publications (from 0 to 35). The data shows a general upward trend with significant fluctuations. The number of publications starts at approximately 7 in 1953, rises to about 10 in 1960, and then continues to increase with some dips, reaching a peak of approximately 27 in 1991. After a sharp decline to about 14 in 1995, the number of publications rises again to a second peak of approximately 26 in 2017, before declining to about 19 in 2020.

Year	Number of Publications
1953	7
1954	8
1955	8
1956	9
1957	9
1958	10
1959	10
1960	11
1961	12
1962	13
1963	13
1964	13
1965	12
1966	13
1967	14
1968	15
1969	17
1970	18
1971	18
1972	18
1973	19
1974	20
1975	21
1976	21
1977	22
1978	22
1979	23
1980	24
1981	25
1982	26
1983	27
1984	26
1985	25
1986	23
1987	21
1988	18
1989	16
1990	15
1991	15
1992	15
1993	14
1994	15
1995	15
1996	16
1997	17
1998	18
1999	20
2000	21
2001	22
2002	23
2003	22
2004	21
2005	22
2006	23
2007	24
2008	25
2009	26
2010	25
2011	24
2012	23
2013	22
2014	21
2015	20
2016	18
2017	16
2018	15
2019	15
2020	19

По оси X показан номер дня от 01.01.1932 г. и до 31.12.1933 г., ось Y показывает отношение цены советского рынка к цене Торгсина

Таким образом можно заявить, что цены Торгсина, т. к. они устанавливались в соответствии с условиями рынка и не могли быть пересмотрены для отдельных категорий покупателей [15, л. 22], то и тренды изменения цен были одинаковыми. Также нельзя не отметить выгоду покупок именно в Торгсине относительно советского рынка. Разрыв цен составлял от 7 до 29,5 раз.

В это время за рубежом ситуация была в точности противоположной. В связи с великой депрессией цены на мировых рынках стремительно начали падать, достигнув апогея в 1933 г. Если в 1932 г., как писалось выше, стоимость 98 фунтов равнялась 2,35 \$, то в начале февраля 1933 г. она уже стоила 1,75 \$ [16], однако в другом магазине в мае она уже стоила 2,30 \$ [17], а в ноябре она стоила 1,90 \$ [18], однако были и цены октябрьские в 2,45 \$ за 100 фунтов [19]. Переводя это в руб./кг получаем в феврале 7,6 коп., в мае 10 коп., в ноябре 8,3 коп., в октябре 10,5 коп.

На основании графика можно заключить, что цены в Торгсине относительно американского рынка были наименьшими с февраля по май 1933 г., когда был самый пик поднятия цен в Торгсине и самые низкие цены на американском рынке. В этот момент времени стоимость отличалась более чем в 2 раза. Однако уже летом столь значительная разница начала выравниваться и уже в августе Торгсин вышел на относительно равную стоимость относительно иностранного рынка муки, а в октябре цена стала гораздо ниже. Такая тенденция графика связана с тем, что лето 1933 г. стало одновременно временем максимального падения цен на американском рынке, прекратившегося лишь после введения Рузвельтом золотого закона 6102, принятый в апреле 1933 г. [20], а также максимального увеличения цен в Торгсине, связанного с истощением продовольственных запасов в СССР. Поэтому, если тенденция относительно советского рынка были прямо пропорциональны, т. к. действовали в одинаковых условиях рынка, то с американским рынком она обратно пропорциональна, потому что условия двух рынков были противоположны.

Проанализировав цены в 1932–1933 гг., можно прийти к выводу, что они были не столь высоки, как казалось на первый взгляд. Сравнительный анализ цен демонстрирует, что приобретение товаров в Торгсинах было для населения, обладающее продуктами валютной ценности, наиболее выгодной стратегией. Это отмечали как зарубежные власти [21], так и советские [11], как иностранные туристы [22], так и советские граждане [23; 24].

Библиографические ссылки

1. Российский Государственный Архив Экономики (РГАЭ). Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8.
2. Ответы на вопросы рабочих и колхозников. 1934, [вып.] 11. Москва: Московский рабочий, 1932–1941, 1934.
3. «Торгсин», всесоюзное об-ние. Приемка и оценка драгоценных металлов [Текст]: Руководство для скупочных пунктов Торгсина / СССР. Наркомвнешторг. Всес. объединение по торговле с иностранцами... Москва; Ленинград: Внешторгиздат, 1933.
4. Протокол № 73 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1931 год. URL: <https://istmat.org/node/48782> (дата обращения: 21.10.2025).
5. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 66.

6. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 16.
7. Historical Gold Prices. URL: <https://onlygold.com/gold-prices/historical-gold-prices/> (дата обращения: 21.10.2025).
8. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 66. Л. 31.
9. «Торгсин», всесоюзное об-ние. Прейскурант портовых цен на продтовары Сектор портовой торговли. [Москва]: Торгсин: Vneshtorgisdat, [1932].
10. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 6759. Оп. 2. Д. 304.
11. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 66. Л. 31., Ф. 8040. Оп. 8. Д. 55. Л. 29., Ф. 4433. Оп. 1. Д. 20. Л. 37., Ф. 4433. Оп. 1. Д. 29. Л. 293.
12. Grocery specials good of one week / Western Globe. 1932. 28 июля. С. 4. URL: https://archive.org/details/WTG_1932072801 (дата обращения: 21.10.2025).
13. Государственное Казенное Учреждение Центральный Архив Нижегородской Области. Ф. 910. Оп. 1. Д. 159.
14. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 55.
15. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 113.
16. Groceries / The Bassano mail. 1933. 2 марта. С. 4. URL: https://archive.org/details/BSM_1933030201 (дата обращения: 21.10.2025).
17. Ed. Ledieu. The Store of Exceptional Values / The Coleman journal. 1933. 11 мая. С. 1. URL: https://archive.org/details/COL_1933051101 (дата обращения: 21.10.2025).
18. A garload of flour / Western Globe. 1933. 2 ноября. С. 5. URL: https://archive.org/details/WTG_1933110201 (дата обращения: 21.10.2025).
19. The Stony Plain Consti'ncy U.F.A. Co-op. Ass'n, Ltd. / Stony Plain sun. 1933. 19 октября. С. 6. URL: https://archive.org/details/SPS_1933101901 (дата обращения: 21.10.2025).
20. Executive Order 6102 – Forbidding the Hoarding of Gold Coin, Gold Bullion and Gold Certificates. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-6102-forbidding-the-hoarding-gold-coin-gold-bullion-and-gold-certificates> (дата обращения: 21.10.2025).
21. United States. “Congress. Hearings, Prints and Reports 1959-09-25”. С. 4 URL: https://archive.org/details/sim_united-states-congress-hearings-prints-and-reports_1959-09-25 (дата обращения: 21.10.2025).
22. *Sloan Pat.* Russia without illusions. Introd. by Harry F. Ward. New York: Mod. age books, Cop. 1939. 243 с.
23. Записки краеведов Очерки, воспоминания, статьи, документы, хроника. Вып. 12. 2008.
24. А. Г. Маньков: Дневник рядового человека. С. 167. URL: https://www.academia.edu/10592040/Дневники_А_Г_Манькова_Звезда_1994_5_1995_11_ (дата обращения: 21.10.2025).

СТАРОДУБСКИЙ ПОЛК В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1768–1774 гг.

Е. В. Хроленок

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, evgeny00@mail.ru*

В работе на основе широкого круга архивных источников освещается вопрос участия Стародубского полка в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Автор делает попытку оценить мобилизационные возможности полка в свете преобразований, проведенных на Левобережной Украине накануне конфликта. А также форму участия жителей различных сословий Стародубского полка в составе действующих армий. В результате автор приходит к выводу о том, что реформа военной службы стародубских казаков была своевременной и необходимой. Она позволила Стародубскому полку превратиться в боеспособную единицу среди иррегулярных войск Российской империи. Кроме того, воинская повинность в новом формате послужила многим казакам трамплином для начала карьеры, что в дальнейшем способствовало их закреплению в дворянском звании.

Ключевые слова: Стародуб; казаки; иррегулярные войска; русско-турецкие войны; Малороссийское генерал-губернаторство.

STARODUB REGIMENT IN THE RUSSIAN-TURKISH WAR 1768–1774

E. V. Khrolenok

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, evgeny00@mail.ru*

The work, based on a wide range of archival sources, covers the issue of the participation of the Starodub Regiment in the Russo-Turkish War of 1768–1774. The author attempts to assess the mobilization capabilities of the regiment in the light of the reforms carried out in Left-Bank Ukraine on the eve of the conflict. As well as the form of participation of residents of various classes of the Starodub Regiment in the active armies. As a result, the author comes to the conclusion that the reform of the military service of the Starodub Cossacks was timely and necessary. It allowed the Starodub Regiment to turn into a combat-ready unit among the irregular troops of the Russian Empire. In addition, military service in the new format served as a springboard for many Cossacks to start a career, which later contributed to their consolidation in the noble rank.

Keywords: Starodub; Cossacks; irregular troops; Russo-Turkish wars; Malorussian Governorate-General.

Стародубский полк — самый северный из полков Гетманщины был образован уже к 1654 г., а в 1663 г. получил окончательное оформление путем выделения из Нежинского полка. Центром данной военно-административной единицы стал г. Стародуб некогда давший название удельному княжеству, а потом уезду в составе сначала России, а затем Речи Посполитой.

Основной движущей силой в регионе начиная с 1654 г. безусловно стоит признать казачество. Обладая широкой системой полномочий, данное сословие обязано было нести военную службу. Вплоть до 1764 г. стародубцы в числе других полков Гетманской Украины участвовали во всех военных конфликтах, которые вело Российское государство. Кроме того, с 1730-х гг. на Стародубский полк была возложена обязанность форпостной службы — охраны государственной границы России с Великим Княжеством Литовским проходивший как по территории самого полка, так и в Брянском уезде Белгородской губернии. Однако Семилетняя война 1756–1763 гг. выявила значительные упущения в формате казацкой службы. Отсутствие дисциплины, повсеместная коррупция, обнищание рядового «товариства», злоупотребления казацкой старшины — все это в совокупности с отсутствием опыта несения службы в действующей армии на протяжении двух последних десятилетий снизили боеспособность Запорожского Войска до состояния, что в военное время оно плохо справлялось даже с несением пограничной службы. Таким образом необходимость новых реформ в регионе становилась очевидной.

В 1764 г. на территории Левобережной Украины было упразднено гетманское правление. Образовывалось Малороссийское генерал-губернаторство (сохранившее прежнее административное деление на полки) во главе с графом Петром Александровичем Румянцевым. Он же был назначен президентом Малороссийской коллегии и высшим командиром украинских казаков. Новый правитель начал свою деятельность на этом посту с глубоких преобразований. Проведя в 1766–1767 гг. Генеральную опись Малороссии, он начал реформировать военную службу казаков.

В Стародубском полку на протяжении второй половины 1767 г. сотенные канцелярии составили реестр выборных казаков и членов их семей годных к несению военной службы и подали их в полковое правление. На основании данных документов к концу года был сформирован список казаков для «беспеременной» службы [1]. По состоянию на сентябрь 1768 г. в него вошло 938 стародубцев [2, л. 2]. В совокупности с казаками других полков они образовали Малороссийский корпус, командиром которого назначался сам П. А. Румянцев. Новое военное соединение складывалось из полков в соответствии с территориальным делением. Среди них был и Стародубский Малороссийский казачий полк. Корпус комплектовался выборными казаками, которые должны были нести службу «не переменяясь» [1, л. 243]. При этом говорить о буквально беспеременной службе на данном этапе еще не приходится. По-прежнему не редкими были случаи выступления в поход за брата, отца или тестя [1, л. 235]. Но в то же время пресекались злоупотребления старшины, ранее безнаказанно использовавших подчиненных для личных нужд.

В то же время иррегулярный способ несения службы казаками остался в прошлом. В корпусе устанавливались порядки характерные для российской армии: подведомственность казаков военному суду, сборы для обучения молодых казаков гусарской службе [3, с. 134]. Избранные в корпус лица по-прежнему обязаны были укомплектовывать снаряжение за свой счет. Единственным послаблением в этом плане было изменение требования о наличии двух лошадей на одну, хотя оно было уже не обязательным в Семилетнюю войну 1756–1763 гг. Лишь старшинам предписывалось иметь несколько лошадей в соответствии со своим рангом. Но теперь казаки получали из армейской казны деньги на провиант и фураж — по 30 копеек и 3 рубля соответственно, существовала также и система денежных поощрений за результативное выполнение поставленных задач [3, с. 134].

Новое соединение удалось испытать совсем скоро в реальных боевых действиях. Своим манифестом от 18 ноября 1768 г. Екатерина II объявила войну Османской империи. Так началась русско-турецкая война 1768–1774 гг. Основной задачей России в данном конфликте был без сомнения выход к Черному морю, тогда как Турция хотела расширить свои владения заняв Подолию и Волынь входившие в состав Речи Посполитой.

Через два дня после издания манифеста — 21 ноября 1768 г. началась подготовка к выступлению Малороссийского корпуса в поход. В этот день во все полки был разослан ордер графа П. А. Румянцева. В соответствии с которым предписывалось «нарядить» казаков, разобрав чтобы среди них не было ни малолетних, ни престарелых. В случае же если в семье выбранного не было подходящих лиц, указывалось, что на его место с имения того должен был быть снаряжен подпомощник. Обязательным условием было наличие «доброй и здоровой» лошади, при этом не запрещалось взять и вторую. В качестве необходимого снаряжения для каждого казака указывалось: ружье «к стрельбе во всем пригодное», порох и пули на тридцать зарядов, сабля, седло, пика и «прочая военная исправность». Кроме того, необходим был запас провианта на один месяц, «ибо им жалование, провиант и фураж будучим в походе имеет производится». Собранных для выступления казаков запрещалась использовать в нарядах, чтобы они могли быть готовы после получения соответствующего распоряжения в течение двадцати четырех часов выступить в указанное место. Также сообщалось, что в полной «исправности» должны были быть и старшины в соответствии со своим рангом. При этом на одного из чиновников полкового уровня возлагалась обязанность контроля за приготовлением команды. На случай убыли казаков в походе полковые канцелярии обязаны были присылать новых, для чего выборные освобождались от любой внутренней

службы за исключением пограничной. Заменить их должны были подпомощники. Всего же предполагалось подготовить к походу 440 стародубских казаков [2, л. 2–4].

В январе 1769 г. команда Стародубского полка численностью 470 выборных казаков во главе с полковым есаулом при двух полковых хорунжих, восьми сотниках, 31 значковом товарище и 28 сотенных старшинах выступила в поход и была включена в состав Второй армии. При этом уже к апрелю 1769 г. в полку умерло три человека [4, л. 238]. Стародубский полк вероятно был направлен к крепости св. Елизаветы. Там казаки вступали в стычки с татарами, а затем были рассредоточены на валах, поскольку командование было не удовлетворено уровнем их боевой подготовки [3, с. 135].

При этом многим стародубцам все же удалось проявить себя. Так, к сентябрю 1769 г. полковой хорунжий Федор Малишевский, сотник Бакланский Косач и Первопочеповский Алексей Дзевович, атаманы сотенные Бакланский Ширай и Второпочеповский Григорий Карнович, а также есаул Первой сотни Полковой Глушак были уволены со службы с награждением чином. Также известно, что к сентябрю 1769 г. из числа Стародубского полка умер сотенный Бакланский писарь Андреевский и пять рядовых казаков, еще трое были признаны негодными к службе, а 10 исключены по болезни. Но в отличие от убоивших старшин все рядовые казаки были заменены вновь прибывшими из полка [5, л. 8 об.].

В кампании 1770 г. Вторая армия, а вместе с ней и стародубские казаки, из которых комплектовались команды для охраны тыловых баз, выступила на г. Бендеры. Также в этом году казаки приняли участие в захвате г. Балты. С осени Стародубский полк был расквартирован в г. Бендеры, где обеспечивал коммуникацию с основными силами Второй армии [3, с. 136]. К сентябрю 1770 г. в результате смертей казацкой старшины и не определением на их место новых под командованием стародубского полкового есаула находилось 10 значковых товарищей, сотенных: атаманов 4, есаулов 10 и хорунжих 8, а также 485 рядовых казаков [6, л. 62–63].

На протяжении следующего этапа войны в 1771–1772 гг. стародубцы участия в сражениях не принимали. Их основной обязанностью было несение пограничной и курьерской службы [3, с. 135–136].

После заключения перемирия летом 1772 г. начался постепенный отвод Малороссийского корпуса с театра военных действий. Так, за октябрь–ноябрь 1772 г. через Царичанский пункт пропуска с Крымского полуострова в Россию возвратилась команда Стародубского полка во главе с полковым хорунжим Савицким при двух сотниках, 8 значковых товарищах, 17 сотенных старшинах, состоящая из 381 казака и 135 нижних чинов (вероятно подразумеваются погонщики) [7, л. 3]. В то же время 31 декабря 1772 г.

командующий Второй армией князь Василий Михайлович Долгоруков своим ордером приказывал выслать из каждого полка по 50 «доброконных» казаков для содержания почт от Перекопа до Царичанки [7, л. 4]. Указанный ордер был получен стародубской полковой канцелярией 5 января 1773 г. Уже 18 января во исполнение данного распоряжения из Стародуба к подполковнику Беклеру была направлена команда. Под руководством двух сотенных страшин находилось 25 казаков при 50 лошадях с надлежащим числом зимних повозок, запасом денег на фураж и провиантом [7, л. 14].

Однако мирные переговоры завершились безрезультатно и весной 1773 г. война возобновилась. Уже 30 января 1773 г. князь В. М. Долгоруков направил приказ в Стародубский полк, о необходимости собрать распущенных по домам казакам к 15 марту, а 29 числа того же месяца выступить к Царичанке. Однако полк собирался в этот раз медленно и к 11 апреля еще так и не покинул «сборного места», чем вызвал крайнее недовольство князя В. М. Долгорукова, требовавшего от полкового обозного Василия Рославца расследования и наказания виновных [8, л. 4–5].

13 апреля 1773 г. Стародубский полк все же выступил в поход под командованием полкового есаула Ивана Соханского, при нем находились по три сотника, значкового товарища и сотенного атамана, а также 6 сотенных есаулов и 4 сотенных хорунжих, а выборных казаков 440 [9, л. 6–6 об.]. В 1773–1774 гг. Вторая армия уже не проводила крупных военных операций, а лишь контролировала занятый Крымский полуостров. По состоянию на сентябрь 1773 г. команда Стародубского полка в походе насчитывала 465 выборных казаков [10, л. 6].

Необходимо отметить, что наряду с участием в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. выборных казаков, правительство прибегало и к помощи подпомощников, а также и посполитых. Уже в феврале 1769 г. в действующую армию был направлен 971 стародубец из числа мещан, крестьян и казаков-подпомощников [11, л. 1, 70 об.]. Затем в декабре 1769 г. последовал новый набор, по которому было принято 526 стародубцев. В этот раз половина от общего числа отряда была отправлена в г. Киев, а другая во Вторую армию при осадной артиллерии [12, л. 14].

В начале 1770 г. был вновь произведен набор в погонщики среди представителей всех сословий, в который первоначально включалось 419 жителей Стародубского полка, но затем данная цифра была увеличена до 773 [13, л. 15–16]. Часть из них была командирована к крепости св. Елизаветы, а основное количество распределено между южными и слободскими полками для заготовления фур и производства валов под распоряжением генерал-майора князя Платона Степановича Мещерского [13, л. 65].

К концу 1771 г. правительством было принято решение о возобновлении строительства крепости св. Дмитрия Ростовского (современный Ростов-на-Дону). Для чего в декабре во все полки был разослан указ, предписывающий набрать команду работников, состоящую из казаков подпомощников «не малолетних и не престарелых к работе способных с довольным числом оденья и обуви», а кроме того с надлежащим количеством табунщиков и кашеваров. Из Стародубского полка таких казаков было набрано 60 человек, которые были включены в команду сотника Лубенского полка [14, л. 3–6]. Однако уже в апреле 1772 г. последовал новый указ, предписывающий Стародубскому полку набрать еще 25 работников и командировать их 1 мая к крепости св. Дмитрия [14, л. 18].

Как видим русско-турецкая война 1768–1774 гг. стала первым военным конфликтом, в котором Стародубский полк участвовал, как полноценная армейская единица. Можно утверждать, что реформы, проведенные графом П. А. Румянцевым по преобразованию военной службы в Малороссийском генерал-губернаторстве, оказались эффективными и своевременными. При этом несмотря на недостаточную подготовку стародубских казаков к новому формату несения службы и все еще низкую боеспособность, для многих из них участие в данном конфликте оказалось судьбоносным. А факт награждения чинами отличившихся в сражениях казаков в скором будущем откроет им путь к российскому дворянству.

Библиографические ссылки

1. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев (ЦГИАК). Ф. 54. Оп. 3. Д. 2498.
2. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 2582.
3. *Шпитальов Г. Г.* Лівобережне козацтво в російсько-турецькій війні 1768–1774 рр. // Записки історичного факультету. 2006. Вип. 17. С. 133–143.
4. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 3459.
5. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 3421.
6. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 5116.
7. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 6868.
8. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 7763.
9. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 7779.
10. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 7808.
11. ЦГИАК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 43.
12. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 3964.
13. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 4822.
14. ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 4. Д. 30.

УРБАНИЗАЦИЯ В СССР В КОНЦЕ 1920-х–НАЧАЛЕ 1930-х гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ ИНОСТРАНЦЕВ

М. А. Шабасова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, shabasovamarina@gmail.com*

За 1920–30-е гг. Советский Союз посетили десятки тысяч иностранцев, многие из которых оставили о своем путешествии воспоминания. Пик интереса к СССР приходится на период первой пятилетки. Зарубежные гости наблюдали стремительное преобразование страны из аграрной в индустриальную, что сопровождалось быстрой урбанизацией. Наибольшее впечатление производило возникновение новых городов вокруг строящихся в необжитых частях страны предприятий. Иностранцы уделяли внимание облику городов и уровню их благоустройства; острым проблемам обеспечения жильем и снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости; внешнему виду и настроениям горожан.

Ключевые слова: СССР; урбанизация; город; индустриализация; первая пятилетка; иностранцы.

THE URBANIZATION IN THE USSR IN THE LATE 1920s–BEGINNING OF THE 1930s IN THE MEMOIRS OF THE FOREIGNERS

M. A. Shabasova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, shabasovamarina@gmail.com*

In the 1920s–1930s tens of thousands of foreigners visited the Soviet Union. Many of them left the memoirs with the description of their journey. The pinnacle of the interest towards the USSR took place in the years of the First Five-Year Plan. The foreign guests witnessed the transformation of the agricultural country into the industrial one. The process of industrialization was followed by the process of urbanization. The emergence of the new cities around the industrial enterprises in the uninhabited parts of the country seemed to be the most impressive. The foreigners paid attention to the appearance of the Soviet cities and towns and provision of urban amenities; dwelling and supply problems; appearances and sentiments of the city-dwellers.

Keywords: USSR; urbanization; city; town; industrialization; First Five-Year Plan; foreigners.

В 1920–30-е гг. Советский Союз был относительно открыт для посещения иностранцами. В СССР приезжали дипломаты, журналисты, бизнесмены-авантюристы, стремившиеся заработать быстрые деньги на неисчерпаемых полезных ископаемых. Советское руководство особенно приветствовало приезд западных интеллектуалов, которые могли бы после возвращения домой склонить общественное мнение в своих странах в пользу СССР. В 1925 г. было создано Всесоюзное общество культурной

связи с заграницей (ВОКС), главной целью которого было создание положительного имиджа Советского Союза за рубежом. Именно по линии ВОКС страну посещали, в первую очередь, именитые западные писатели. С началом первой пятилетки на работу в СССР массово приезжали западные инженеры и рабочие, которым было суждено внести огромный вклад в закладывание основ советской индустрии. В 1929 г. было создано Государственное акционерное общество «Интурист», ставшее, по сути, первой советской туристической компанией. По приблизительным подсчетам, в 1920–30-е гг. СССР посетили около 100 тыс. иностранцев, то есть примерно 5 тыс. человек в год [1]. К концу 1930-х гг. интерес к Советскому Союзу со стороны иностранцев существенно снизился, что было обусловлено началом репрессий и провалом политики Народного фронта.

Для зарубежных гостей Советский Союз представлял наибольший интерес в годы первых двух пятилеток. Именно в это время СССР, казалось, совершал немыслимый прыжок в будущее, на глазах превращаясь в современную индустриальную державу. Начало индустриализации к тому же пришлось на Великую депрессию, и многие видели в советском эксперименте здоровую альтернативу капиталистической системе.

Безусловно, иностранцы, посещавшие СССР, как правило, не были до конца свободны в своих перемещениях и наблюдениях. Тем не менее, не следует преувеличивать и степень контроля со стороны государства. В любом случае, гости могли наблюдать архитектурный облик советских городов и особенности городской жизни.

За первые десятилетия советской власти города пережили поразительную трансформацию от послереволюционной дезурбанизации, упадка и оттока населения в деревню до впечатляющего и специфического роста эпохи первых пятилеток. Г. Уэллс, посетивший Советскую Россию в 1920 г., описывал Петроград в довольно мрачных красках. В своей книге «Россия во мгле» он писал, что в городе катастрофа крушения социальной и экономической систем чувствовалась с необычайной ясностью. Пустые или превращенные в советские учреждения дворцы, закрытые магазины, улицы, испещренные ямами, вышедшая из строя канализация и обносившиеся горожане произвели на американского писателя самое удручающее впечатление. В мемуарах приводится советская статистика, согласно которой население города сократилось с 1,2 млн человек до 700 тысяч. Интересно, что у Г. Уэллса промелькнуло замечание, которое будет с большей или меньшей степенью осмысленности и в разных контекстах встречаться у многих посетивших СССР иностранцев. В частности, он старался объяснить своему читателю, что советский город отличается от западного и не стоит переносить западные представления об устройстве городского

пространства на советские реалии. Г. Уэллс писал: «Я не уверен, что слова „все магазины закрыты“ дадут западному читателю какое-либо представление о том, как выглядят улицы в России. Они не похожи на Бонд-стрит или Пикадилли в воскресные дни, когда магазины с аккуратно спущенными шторами чинно спят, готовые снова распахнуть свои двери в понедельник. Магазины в Петрограде имеют самый жалкий и запущенный вид» [2].

Когда в начале 1920-х гг. революционные потрясения и гражданская война остались позади, жизнь вошла в мирное русло, а вместе с этим наладилась жизнь горожан, благоустройство городов и функционирование городских систем. В 1927 г. на празднование 10-летнего юбилея Октябрьской революции приехал американский писатель Т. Драйзер. Из его повествования следовало, что, городская жизнь вошла в определенную колею. Примечательно, что при описании Москвы Т. Драйзер уделил первостепенное внимание не тому, что в городе было, собственно говоря, советским, а великому культурному наследию царской России. Он совершил поездку по церквям и монастырям, постоял над могилой А. Чехова во дворе Новодевичьего монастыря, послушал оперу «Князь Игорь». Правда, американский писатель отметил и разросшийся культ вождя мирового пролетариата: «Ленин... Россия уже не справляется с его славой. Его статуи и картины настолько многочисленны, что создают особую атмосферу. Только в Москве так много его бюстов и статуй, что они, похоже, составляют заметное дополнение к населению. Примерно так: население Москвы — без статуй Ленина — 2 000 000, со статуями Ленина — 3 000 000». Безусловно, Т. Драйзер посещал и советские объекты, но общий облик города определялся для него скорее исторической застройкой.

О Ленинграде классик американской литературы высказался комплементарно, заявив, что никогда в жизни не видел более красивого города. Т. Драйзер писал: «Серый туман, который обычно висит над Ленинградом, сейчас лишь мягко окутывал поразительные по красоте старинные здания и купола величественных церквей». Огромное впечатление на гостя произвел Исаакиевский собор, а татарская мечеть была названа прекраснейшим из когда-либо виденных храмов.

В последствии Т. Драйзер совершил путешествие по СССР и посетил Нижний Новгород, Киев, Харьков, Кисловодск, Минеральные Воды, Баку. Несмотря на отмеченные проблемы городского быта и острый жилищный вопрос, он оставил в целом положительное описание советских городов. Из понравившегося можно выделить старую архитектурную застройку, живописность, доброжелательную атмосферу и особый колорит [3]. Побывав в СССР накануне начала форсированной индустриализации, Т. Драйзер не мог в 1927 г. наблюдать то, что будет поражать его последователей, а именно превращение страны в единую живущую в сумасшедшем темпе стройку.

Описывая города эпохи первых пятилеток, иностранцы обращали внимание на динамичность городской жизни и особенности градостроительства, а также жилищные проблемы, уровень потребления, внешний вид и настроения горожан. В записках и мемуарах значительное место заняло описание создания новых городов вокруг предприятий. Многие зарубежные гости поняли природу советской урбанизации верно, то есть увидели ее как явление, сопутствовавшее индустриализации.

Российский исследователь М. Меерович писал, что в Советском Союзе стремительный рост городов был вызван нуждами развития индустрии, а городское строительство было побочным явлением и просто сопровождало строительство промышленных предприятий. «Советское руководство вовсе и не собиралось развивать „разнообразнейшие потребности и возможности“ человека, не планировало достигать западных стандартов качества жизни горожан» [4]. В конце 1920-х—начале 1930-х гг. советская власть столкнулась с необходимостью модернизировать СССР, остававшийся преимущественно аграрной страной. Большевикам досталась в наследство от царского режима вековая отсталость, которую нужно было в кратчайшие сроки преодолеть, особенно учитывая угрозу войны. Имевшиеся средства шли на создание промышленных объектов, в то время как строительство и благоустройство городов, возникавших вокруг этих объектов, откладывалось на будущее.

В воспоминаниях иностранцев городское строительство ставится в зависимость от возведения промышленных предприятий. Немецкий архитектор В. Швагеншайдт утверждал: «Исходя из реальной жизни в развивающихся районах, я говорю — Советский Союз еще долго сможет строить только примитивные бараки. Имеющиеся материалы и силы они вынуждены использовать для строительства промышленности. Люди, которые населяют социалистические города, находятся на очень низком культурном уровне, они не понимают (хотя и предполагается, что они будут строить многоэтажные дома), как в этих домах жить. Одноэтажная застройка из местных материалов — это правильный путь» [5].

Американский журналист У. Чемберлен отмечал, что целые города вырастали вокруг предприятий, а население уральских городов увеличилось в 2–6 раз [6, р. 47–48]. В 1932 г. он посетил 500-тысячный Свердловск и назвал город средоточием уныния и напряженности. Он пытался объяснить западной публике, что советский город имел мало общего с привычными для нее городскими пространствами: «Все объекты, которые облагораживают и украшают европейский город парки, памятники, аккуратно проложенные бульвары и образчики старой архитектуры, гражданской или церковной, очевидно отсутствовали в столице Урала» [6, р. 120]. Вместе с тем он отмечал, что строительство промышленных предприятий на Урале

ведется более высокими темпами, чем где-либо еще в СССР. У. Чемберлен признавал, что в регионе строятся самые большие в стране металлургический комбинат, химический завод, машиностроительные предприятия, тракторный и медеплавильный заводы [6, р. 47]. Неудивительно, что при таком размахе городское строительство отставало от приоритетного промышленного.

Магнитогорск произвел на американского журналиста впечатление одновременно ультрасовременного проекта и азиатского города. Он писал: «В твердыне советской металлургии нет мечетей и минаретов, нет церквей и часовен, нет никаких культовых сооружений. (Коммунисты хвастались, что заложили „социалистический город“ без единой церкви и без единого водочного магазина. В отношении продажи водки впоследствии пришлось пойти на компромисс). Однако из-за высоких промышленных конструкций сохраняется иллюзия, что вы находитесь в азиатском городе» [6, р. 49–50].

Дж. Скотт, оставивший известные мемуары «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали», значительную часть своих воспоминаний посвятил истории Магнитогорска. В первую очередь, он описывал строительство и функционирование комбината, а также довольно подробно остановился на условиях труда, положении советских рабочих и проблемах снабжения. Развитию самого города уделялось второстепенное внимание. Примечательно, что Дж. Скотт утверждал, что реальным хозяином города был директор комбината А. Завенягин [7, р. 100]. Сам же соцгород представлялся иностранному специалисту цепью ошибок. Современная застройка производила выглядела удручающе. Семьдесят с лишним жилых домов были монотонно однообразными и напоминали спичечные коробки, поставленные на одну из боковых граней и расположенные длинными рядами [7, р. 109].

Немецкий инженер Р. Волтерс, побывавший в претендовавшем на гордое звание Сибирского Чикаго Новосибирске, увидел вместо города скорее большую деревню. В начале 1930-х гг. Новосибирск превратился в крупнейший транспортно-промышленный центр Сибири, но его застройка оставалась одноэтажной, за заборами прятались деревянные дома, а мощеные улицы в центре города можно было пересчитать по пальцам одной руки. Улица, идущая параллельно главному Красному проспекту, представляла собой грунтовую дорогу. Р. Волтерс писал: «Чем дальше от центра, тем хуже становятся дороги и дома. Дороги в конечном счете просто исчезают. Обзор становится шире. Ландшафт неожиданно оказывается холмистым. Я гляжу в боковую долину Оби, в которой извивается ручеек, „Каменка“. Вокруг море деревянных хижин и землянок — насколько хватает глаз. Дикая мешанина без улиц и дорог. Невероятно широко простирается вокруг город — гигантская убогая деревня» [5].

Путешествие по старым городам, очевидно, производило иное, менее драматичное впечатление. Здесь было сложнее быть оценить охватившие страну грандиозные изменения. Приезжая в Москву или Ленинград в начале 1930-х гг., путешественники, как и раньше, осматривали исторические достопримечательности, присутствовали на мероприятиях и осматривали советские показательные объекты.

Кроме столиц, традиционными для посещения иностранцами были города на юге СССР. Американский журналист Ю. Лайонс, совершивший такое турне в 1928 г., утверждал, что все без исключения советские города находились в запущенном состоянии [8, р. 142]. Тем не менее, Одесса, Киев, Севастополь, Ялта, Батум, Тифлис произвели на него достаточно благоприятное, даже романтическое впечатление. По мере продвижения на юг атмосфера, по мнению американца, становилась все более расслабленной. «В Москве аскеза коммунистической веры, казалось, бросала тень на город, но сумрак постепенно развеивался, пока окончательно не исчез на Кавказе» [8, р. 143]. Особенно понравилась иностранному журналисту Одесса, которую он посчитал самым приятным местом в Советском Союзе и даже сравнил одесские кафе с венскими [8, р. 144].

Его соотечественник, американский инженер-строитель З. Виткин, работавший в СССР в 1932–1934 гг., также отправившийся на юг и проехавший по похожему маршруту, признал лучшим советским городом Киев. Одесса увиделась американскому инженеру городом, построенным по красивому плану. Прекрасная центральная площадь, оперный театр, муниципальные здания в стиле ампира напомнили гостю Париж. Американца поселили в отличном отеле, входившем в тройку лучших гостиниц СССР. Вместе с тем, он признавал, что большая часть года находилась в состоянии запустения, здания стояли непокрашенными и разваливались [9, р. 68–69].

Таким образом, если верить тону и последовательности повествования, те города, которые не были эпицентрами строек индустриализации, по-прежнему привлекали иностранцев тем, что было создано до установления советской власти. В новых же городах наибольший интерес представляло промышленное предприятие. Судя по всему, такие впечатления оправдывали замыслы советской власти, поскольку в советском градостроительстве предусматривалось возведение промышленного предприятия как смыслового центра поселения, а планировочно — как композиционного центра [10].

Многие зарубежные визитеры видели в советском эксперименте положительные стороны, которые контрастировали бы с недостатками их собственных обществ. Можно было, например, увидеть в советских людях реализацию высоких моральных идеалов. Посетивший СССР в

начале 1930-х гг. американский психиатр Ф. Уильямс писал, что взрослые люди, заполняющие по вечерам улицы или парки отдыха Ленинграда, Москвы, Сталинграда, Киева, Одессы, Тифлиса, жизнерадостны и лишены нервного напряжения. Отсутствие спешки, толкотни громкого смеха и воплей выгодно отличает советские общественные места от Кони-Айленда [11, с. 213]. Л. Фейхтвангер затемнял значение некомфортного настоящего обещанием прекрасного будущего. О Москве и москвичах он писал: «Жизнь москвича проходит в очень значительной части в общественных местах; он любит улицу, охотно проводит время в своих клубах или залах собраний, он страстный спорщик и любит больше дискутировать, чем молча предаваться размышлениям. Уютные помещения клуба помогают ему легче переносить непривлекательную домашнюю обстановку. Однако основное утешение в своей печали по поводу скверных жилищных условий он черпает в обещании: Москва будет прекрасной» [12].

Иностранцы, приезжавшие в Советский Союз в начале 1930-х гг., были поражены масштабом происходивших в стране изменений. Необходимо было путем напряжения всех сил в кратчайшие сроки преодолеть отсталость, доставшуюся в наследство от царской России. Страна превратилась в огромную стройку. В небывалом темпе и масштабе строились промышленные предприятия. В считанные годы СССР превратился из аграрной страны в промышленную державу, заимствовавшую передовые западные технологии. Зарубежные визитеры видели, что урбанизация в СССР является побочным продуктом индустриализации. Несмотря на наблюдаемые трудности советского городского быта, многие иностранные гости считали, что трудности носят временный характер, и находили повод для оптимизма, наблюдая за горожанами и веря в декларируемые властью идеалы.

Библиографические ссылки

1. Куликова Г. Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории. Москва: Институт российской истории РАН, 2013. С. 8.
2. Уэллс Г. Россия во мгле. Москва: Родина, 2021. URL: <https://lib.ru/INOFANT/UELS/russia.txt> (дата обращения: 13.09.2024).
3. Драйзер Т. Драйзер. Русский дневник. Москва: Эксмо, 2018. URL: https://royallib.com/read/drayzer_teodor/drayzer_russkiy_dnevnik.html#0 (дата обращения: 13.09.2024)
4. Меерович М. Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник ТГАСУ. 2015. № 2. С. 9–16.
5. Волтерс Р. Специалист в Сибири. Новосибирск: «Свинья и сыновья», 2007. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=67731 (дата обращения: 13.09.2024).
6. Chamberlin W. H. Russia's Iron Age. Boston: Little, Brown, and Company, 1934. 400 p.
7. Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. Москва, Свердловск: Издательство Московского Университета, Издательство Свердловского Университета, 1991. 304 с.

8. *Lyons E.* Assignment in Utopia. New York: Harcourt, Brace and Company, 1937. 658 p.
9. *Witkin Z.* An American Engineer in Stalin's Russia. The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934. University of California Press, 1991. 352 p.
10. *Meerovich M. G., Menkouski V. I., Zhrebtsov I. L.* “SOCIALIST CITY”: Idea and its realization in the Soviet Union 1920’s and 1930’s. Banska Bystrica: BELIANUM, 2019. P. 131.
11. *Холландер П.* Политические пилигримы. Москва: Лань, 2001. 592 с.
12. *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. Москва: Государственное издательство художественной литературы. URL: <https://www.lib.ru/INPROZ/FEJHTWANGER/moscow1937.txt> (дата обращения: 13.09.2024).

МЕМАРЫЯЛ ЯНА ЛАСКАГА ПРА «МАСКАВІТАЎ» (1514)

А. К. Шымак

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, helenaszymak@gmail.com*

На Латэранскім Саборы 1514 г. гнезненскі арцыбіскуп Ян Ласкі прадставіў мемуарыял пра «маскавітаў». У сваёй прамове ён ахаарактарызаваў рэлігію і звычаі Маскоўскай дзяржавы. Звярнуў увагу на адрозненні ўсходняга і заходняга абраду. У артыкуле аналізуецца гістарычныя абставіны ўзнікнення гэтага дакумента і яго асаблівасці.

Ключавыя словы: Латэранскі Сабор; «Масковія»; пасольства; Папа.

МЕМОРАНДУМ ЯНА ЛАСКОГО О «МОСКОВИТАХ» (1514)

Е. К. Шимак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, helenaszymak@gmail.com*

На Латеранском Соборе 1514 г. архиепископ Гнезно Ян Лаский представил меморандум о «московитах». В своей речи он охарактеризовал религию и обычаи Московского государства, обратив внимание на различия между восточным и западным обрядами. В статье анализируются исторические обстоятельства появления этого документа и его особенности.

Ключевые слова: Латеранский собор; «Московия»; посольство; Папа.

MEMORIAL OF JAN LASKI ON THE “MUSCOVITES” (1514)

A. K. Shymak

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, helenaszymak@gmail.com*

At the Lateran Council of 1514, Gniezno Archbishop Jan Laski presented a memorial on the “Muscovites”. In his speech, he described the religion and customs of the Moscow state. He drew attention to the differences between the Eastern and Western rite. The article analyzes the historical circumstances of the appearance of this document and its features.

Keywords: Lateran Council; “Muscovia”; embassy; pope.

У маі 1512 г. Ппапам Юліем II быў скліканы V Латэранскі Сабор, які працягнуўся ўжо пры іншым пантыфіку — Папе Льву X. Перад гэтым Саборам стаялі вельмі важныя задачы: аднаўленне адзінства ў Касцёле, выкараненне ерасяў, правядзенне ўнутраных касцёльных рэформаў. А таксама нельга было пакінуць без увагі пытанні міру паміж хрысціянамі і арганізацыі антытурэцкай лігі [1, s. 21–33]. У сакавіку 1513 г. Джавані Медычы, ужо як Папа Леў X, звярнуўся да хрысціянаў з заклікам аб'яднацца для крыжовага паходу супраць туркаў.

Удзельнічаць на пасяджэннях Латэранскага Сабора ад Каталіцкага Касцёла Кароны Польскай і Вялікага Княства Літоўскага быў накіраваны прымас польскі, арцыбіскуп гнезненскі Ян Ласкі. У склад дэлегацыі, якую ён узначальваў, уваходзілі Станіслаў Астрарог, калішскі кашталян, Мікалай Вольскі, сахачэўскі кашталян, і Вавжынец Мендзылескі, прэпазыт¹ Віленскай Капітулы і, між іншым, (што вельмі цікава!) — віцебскі пробашч. Ад імя Жыгімонта I Старога неабходна было вырашыць справы, звязаныя з Тэўтонскім ордэнам, пастарацца атрымаць фінансавую дапамогу на вайну супраць татароў і туркаў, абмеркаваць унутраныя праблемы Каталіцкага Касцёла ў Кароне Польскай [2].

Пасольства на чале з Янам Ласкім прыбыло ў Рым 5 чэрвеня 1513 г. Праз некалькі дзён адбылася аўдыенцыя ў Папы Льва X. Прымас выступіў з прамовай пра небяспеку, якая навісла над хрысціянствам, а ў першую чаргу над Каронай Польскай і Венгрыяй, з боку туркаў, татароў і Масквы. Ян Ласкі падкрэсліў, што для ўхілення гэтай пагрозы патрабуецца дапамога ўсіх заходніх краін [3, s. 7]. Да 9-й сесіі Сабора, якая распачалася 5 красавіка 1514 г., Я. Ласкі падрыхтаваў мемарыял пра рускі народ, сярод якога ён вылучыў тры групы: «русіны белыя» ці «маскавіты»; «русіны валашскія», якія жывуць у Малдавіі; «русіны чырвоныя» Кароны Польскай і Вялікага Княства Літоўскага. Асноўная ўвага Яна Ласкага была скіраваная менавіта на «маскавітаў».

Пачатак аповеду быў прысвечаны геаграфічнаму становішчу, апісанню асноўных водных артэрыяў, аналізу гаспадарчай дзейнасці Маскоўскай дзяржавы. Паўночную мяжу Масковіі (менавіта такі тэрмін выкарыстоўвае Ян Ласкі) абмывае Ледавітае мора. Як Індыя вядомая прыправамі, так Масковія — футрамі жывёл: собаля, куніцы, лісы, вавёркі. Іх пастаўляюць па ўсім свеце, а атрыманае золата прыносіць магутнасць маскоўскаму князю.

Ян Ласкі звярнуў увагу і на вайсковыя магчымасці маскоўскага князя. Было зазначана, што яго войска налічвае да дзвюх соцень тысяч вершнікаў.

Ва ўмовах патэнцыйнай антытурэцкай лігі, гнезненскі арцыбіскуп адзначыў трывалыя гандлёвыя сувязі Асманскай імперыі і Масквы. Туркі і татары з маскавітамі гандлююць шоўкам, шарсцянымі тканінамі і каштоўнымі камянямі, а на ўзаем атрымліваюць футры.

Аналізуючы агульны стан Маскоўскага княства, Ян Ласкі, як асоба духоўная, зразумела, большасць свайго дакладу прысвяціў пытанням веры і штодзённым рэлігійным практыкам жыхароў Масковіі. Ён пісаў, што ўсе гэтыя народы русінскія лічаць сябе прыналежнымі да веры грэкаў. І вось тут гнезненскі арцыбіскуп асабліваю ўвагу звярнуў на рэлігійныя адрозненні. Па-першае, Я. Ласкі адзначыў адрозны падыход да пасады і ўлады папы рымскага. Арцыбіскуп заўважыў, што для жыхароў Масковіі папская

¹ Кіраўнік.

ўлада не з'яўляецца безумоўнай. І гэта не залежыць ад асобы пантыфіка. Звычайнае для еўрапейскіх краін успрыманне Рыму як настаўніка ў веры, не толкі не распаўсюджана, але і не мае ніякіх каранёў. Я.Ласкі вылучыў адрозненні ў дагматычным вучэнні аб збаўленні і ў тлумачэнні «сапраўднасці» хрысціянства.

У мемарандуме было падкрэслена, што адной з перашкод на шляху да адзінства з'яўляецца абвінавачванне Рыму ў арыянстве. Але Я. Ласкі не даваў тлумачэнні наконт таго, што стала крыніцай такога сцвярджэння. Адрозны падыход, на яго думку, маецца і ў дачыненні да дагматычнага вучэння святых Гераніма, Аўгустына і Амброзія. Але пры гэтым у Масковіі трымаюцца традыцыйнага веравучэння Грэцкай Царквы.

Маскавіты маюць сваіх святых, таму не прымаюць, а нават і зневажаюць (менавіта так пісаў Я. Ласкі) каталіцкіх святых. Рэлігійныя каталіцкія рэчы (абразы, крыж) не маюць для іх каштоўнасці, але пры гэтым з вялікай пашанай яны ставяцца да ўласных.

На думку Я. Ласкага ў Масковіі зусім адрознае вучэнне і ў адносінах да сакрамэнтаў, да практыкі прыняцця Эўхарыстыі, традыцыі асвятчэння храмаў. Там прызнаюць толькі першыя сем Сабораў, толькі Канстанцінопальскага патрыярха.

Адначаючы рознасць дагматычнай традыцыі, Я. Ласкі вельмі крытыкаваў, магчыма, эпізадычныя практыкі рэлігійнага жыцця, якія сустракаліся не паўсюдна, але мелі месца. Велі падобна, што гэта інфармацыя была перададзена арцыбіскупам вусна, як апавед пра асаблівасці рэлігійнасці «маскавітаў». Я. Ласкі быў уражаны практыкай удзялення хросту без чыстай вады, памылковым разуменнем Эўхарыстыі, асвечанай ў Вялікі Чацвер, традыцыяй акунаюць дзяцей у рэках у свята Хросту, а таксама праявамі ідалапаклонства ў штодзённым жыцці. Разводы, піраванне на пахаваннях, сакральнае стаўленне да барады — вось праявы паганскіх традыцый звычайнага чалавека. Цікава, што ў мемарыяле Я. Ласкі звярнуў увагу, што адной з прычын праблем рэлігійнасці «маскавітаў» было тое, што свецкім валадарам дазволена біць, пазбаўляць улады сваіх патрыярхаў, біскупаў і святароў.

Ян Ласкі падкрэсліваў, што гэтыя разыходжанні разбіраліся Фларэнтыйскім Саборам. Гнезненскі арцыбіскуп у сваім мемарыяле налічыў больш за трыццаць глыбокіх супярэчнасцяў у рэлігійных традыцыях «маскавітаў». Але цікава, што ён больш затрымліваецца на штодзённых рэлігійных практыках: абраднасць, святы, адносіны да сакрамэнтаў і вера ў іх, ушанаванне храмаў, абразоў. Пры гэтым глыбокія дагматычныя пытанні прысутнічаюць у мемарыяле, але Яна Ласкага больш хвалююць традыцыі штодзённай рэлігійнасці, чым тэалогія. Менавіта ў гэтым бачыцца глыбіня разрыву [4, с. 123–128].

Зразумела, што гнезненскі арцыбіскуп быў бязлітасным у сваёй крытыцы. Магчыма, гэта добра разумелі і ў Рыме. Афіцыйна мемарыял на Саборы абвешчаны не быў. Але ў кулуарах пра яго ведалі. Сучасны польскі даследчык П. Тафілоўскі лічыць, што сачыненне Ласкага магло стаць адной з прычын з'яўлення булы Папы Льва X «*Apostolica Providentialis*», якая прызнавала несапраўднымі сакрамэнты Усходняй Царквы і абавязвала праводзіць паўторнае хрышчэнне ў выпадку пераходу ў каталіцтва [5, s. 95].

Пасля падзення Смаленска (29 ліпеня 1514 г.) у перапісцы Жыгімонта I Старога і Я. Ласкага часцей стала ўзнімацца пытанне аб перамовах з Васілём III. Папа Леў X накіраваў шэраг пасланняў Жыгімонту I Старому, раячы заключыць мірныя дамовы з Васілём III і вялікім магістрам Тэўтонскага ордэна. Сваю пазіцыю ён тлумачыў тым, што, нягледзячы на тое, што вялікі князь маскоўскі і не ў адзінстве з Каталіцкім Касцёлам, але ўсё ж вызнае хрысціянства і ўсведамляе карысць сумеснага адпору няверным [6, s. 290].

Нягледзячы на дзеянні Я. Ласкага ў Курый, магчыма, яго заявы не былі настолькі пераканаўчымі, каб Папа Леў X прылічыў Васіля III да ворагаў хрысціянства, нароўні з турэцкім султанам. Ваенныя поспехі 1514 г. змянілі планы Жыгімонта I Старога. У ходзе бітвы пад Оршай 8 верасня 1514 г. войскі Васіля III былі разбіты, і вялікі князь літоўскі спадзяваўся на падпісанне мірнага дагавора на яго ўмовах без умяшання пасрэднікаў. Папа Леў X у сваім лісце да караля павіншаваў яго з перамогай над ворагам і дараваў сваё благаслаўленне і адпушчэнне грахоў [6, s. 245–246].

Немалая роля ў стварэнні і падтрыманні ў вачах Курый вобраза Кароны Польскай, як кіраўніка антыасманскай лігі належыць Я. Ласкаму. Нягледзячы на тое, што ў Рым быў адпраўлены спецыяльны мемарыял, які намаляваў дастаткова праўдзівую карціну магчымасцяў Жыгімонта I весці вайну з туркамі, Ласкі не падаў дадзены дакумент Льву X [7, s. 148–155].

Дзейнасць Яна Ласкага ў Рыме можна лічыць даволі паспяховай. Папа Леў X загадаў вялікаму магістрату Тэўтонскага ордэна прынесці прысягу на вернасць Польшчы. Удалося атрымаць невялікую фінансавую дапамогу. Вырашылася справа з біскупскімі пасадамі. Мала што было зроблена для запланаванага крыжовага паходу супраць Масквы. Але падзеі пад Оршай (1514) ужо знялі на той момант пагрозу. Перад вяртаннем у Польшчу прымас атрымаў (25 ліпеня 1515 г.) папскую булу, якая давала яму і яго пераемнікам тытул легата Святога Прастола ў Каралеўстве Польскім і Вялікім Княстве Літоўскім. Гэты тытул умацаваў і пашырыў паўнамоцтвы гнезненскіх арцыбіскупаў.

Мемарыял Яна Ласкага, як крыніца па гісторыі Расіі XVI ст. не карыстаецца асаблівай увагай даследчыкаў. Ён стаў аб'ектам вывучэння, у

першую чаргу, польскіх гісторыкаў, але не як асаблівы дакумент у шэрагу запісак замежнікаў. Але тут варта звярнуць увагу, што за час пантыфікату Папы Льва X (1513–1521) з’явілася большасць вядомых у наш час апісанняў «Масковіі»: Ф. да Кола і А. да Конці, Дж. Тэдальдзі, А. Кампенэзэ, П. Чэнтурьонэ, усім вядомы — С. Герберштэйн, але дакумент Яна Ласкага быў першым сярод іх. Гэтыя прозвішчы ўзгадваў Антоніа Пассевіна, калі рыхтаваўся да сваёй дыпламатычнай місіі падчас Лівонскай вайны. Чаму мемарыял Яна Ласкага застаўся па-за ўвагай Курыі, хаця дзеля яе ён і быў падрыхтаваны? Чытаючы апісанне Масковіі вышэйузгаданых аўтараў, можна заўважыць шэраг падабенстаў і агульных рыс з дакументам Я. Ласкага. Але магчыма, што менавіта рэзкасць і жаданне паказаць толькі адмоўныя рысы «маскавітаў» сталі перашкодай, каб «Масковія» Ласкага набыла папулярнасць. Пры гэтым варта адзначыць, што гэты мемарыял можа быць карысным, як для даследчыкаў гісторыі Расіі, так і айчынных гісторыкаў, а таксама для тых, хто займаецца Гісторыяй Касцёла.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Dokumenty Soborów Powszechnych / układ i oprac. A. Baron, H. Pietras. Kraków, 2004. T. IV.
2. Banaszak M. Historia Kościoła Katolickiego. Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1987. T. 2. URL: https://www.kosciolgarnizonowy.pl/histora_kosciola_katolickiego.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
3. Finkel L. Sprawy Wschodu przed soborem laterańskim r. 1512 // Księga Pamiątkowa Uniwersytetu Lwowskiego ku uczczeniu pięćsetnej rocznicy Fundacji Jagiellońskiej Uniwersytetu Krakowskiego. Lwów, 1900. S. 1–25.
4. Акты исторические, относящиеся к истории России: в 2 т. / Изд. А. И. Тургенев. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1841. Т. 1: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 г.
5. Tańkowski P. Jan Łaski (1456–1531) kanclerz koronny i prymas Polski. Warszawa: Wyd. Sejmowe; wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 2007.
6. Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, actiones, res gestae... Sigismundi... Primi... per Stanislaum Gorski... collecte et in tomos XXVII digestae: w XVIII. Posnaniae, 1852. T. II: 1512–1513.
7. Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, actiones, res gestae... Sigismundi... Primi... per Stanislaum Gorski... collecte et in tomos XXVII digestae: w XVIII t. Posnaniae, 1853. T. VI: 1522–1523.

СЕКЦИЯ 5. АРХИВ И ДОКУМЕНТ В КУЛЬТУРЕ, НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИИ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «МАЙКЛ КОЛЛИНС»

А. М. Белявский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, bialiauski@bsu.by*

На примере фильма ирландского режиссера Нила Джордана «Майкл Коллинз» проведен анализ возможных семантических уровней кинопроизведения как исторического источника. Показано, что фильм, на поверхностном плане демонстрирующий героический нарратив о событиях Ирландской революции 1916–1923 гг., может быть интерпретирован как личная драма политика, выбравшего криминальные методы для достижения политических целей, а также как притча о современных картине событиях в Северной Ирландии.

Ключевые слова: Нил Джордан; Майкл Коллинз; историческое кино; источниковедческий анализ; Ирландская революция; ольстерский конфликт.

THE PROBLEM OF INTERPRETING HISTORICAL NARRATIVE IN CINEMATOGRAPHIC WORKS ON THE EXAMPLE OF THE FILM “MICHAEL COLLINS”

A. Bialiauski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, bialiauski@bsu.by*

Using Irish director Neil Jordan's film “Michael Collins” as an example, this article analyzes the possible semantic layers of the fictional film as a historical source. It demonstrates that the film, while superficially presenting a heroic narrative about the events of the Irish Revolution of 1916–1923, can be interpreted as the personal drama of a politician who chose criminal methods to achieve his political goals, as well as a parable about contemporary events in Northern Ireland.

Keywords: Neil Jordan; Michael Collins; historical fiction film; historical source studies analysis; Irish Revolution; Ulster conflict.

Обращение к произведениям кинематографа как источнику познания человека и общества в настоящее время уже не является революционно новым шагом для истории и в целом социальных наук, но при этом не теряет актуальности. В. Беньямин и Т. Адорно полемизировали о влиянии кино на масс-культуру, З. Кракауэр разбирал взаимозависимость коммерческого кино и массовой психологии, Р. Барт показывал с позиций семиотики как кино создает и воспроизводит идеологические мифы, М. Ферро предложил методику исследования кино как исторического источника и т. д. Подробный анализ различных подходов к изучению кинематографа представлен в статье Е. В. Волкова и Е. В. Пономаревой «Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти» [1].

Из основных принципов анализа фильмов упомянутые авторы выделяют следующие: внимание к неявному содержанию фильма (чтение истории «между строк», выделение «неписанных ценностей» данного общества); владение искусствоведческой теорией, знание законов жанра кино (это подразумевает анализ кинокартины на нескольких уровнях: поверхностно-нарративный, формально-эстетический, стилистический и подсознательный); возможность рассмотрения кинематографа как «параллельного» типа исторического дискурса, не совпадающего с официальным; признание того, что не существует идеологически нейтрального фильма и, соответственно, кинопроизведение может репрезентировать не факты, а мысли, мнения, идеологические установки исторического периода или национальной культуры; и наконец, что кинематограф является одним из каналов мифологизации истории [1, с. 23].

Наличие такого обширного методологического арсенала для изучения исторических фильмов, тем не менее, не снимает — в первую очередь для историков — проблемы того, что, будучи по своей природе способом создания иллюзии реальности, кинематограф как бы подталкивает исследователей к анализу представленной на экране картины как *репрезентации прошлого*. В результате, очень часто внимание концентрируется на критике достоверности исторических фактов и их сочетаний, представленных в фильме (речь идет об игровом кино, хотя и к документальному это тоже относится, но в меньшей степени). Особенно характерно это для постколониальных государств, в которых национальная идея находится в стадии формирования, и ее основные «мифы» (в дискурс-аналитическом смысле) являются предметом напряженной конкуренции между различными политическими силами. Показательным примером такой ситуации может быть Ирландия.

Примерно с 1980-х гг. в историографии этой страны развернулась жесткая дискуссия относительно интерпретаций национальной истории.

Первые версии национального исторического нарратива после достижения независимости в Ирландии создавались историками-любителями, как правило ветеранами Ирландской революции или их детьми (таким термином в современной историографии объединяют события 1916–1923 гг., включающие в себя Пасхальное восстание 1916 г., войну за независимость 1919–1921 гг. и гражданскую войну 1922–1923 гг., одним из инициаторов введения такого термина был профессор Университетского колледжа Дублина, президент Ирландского исторического общества М. Лаффан): Д. Макардл, П. Бисли, Ф. О’Донохью, Т. П. Куган и др. Этот нарратив представлял из себя достаточно некритичную героизацию основных этапов и лидеров борьбы за независимость (Э. Де Валеры, М. Коллинза), при замалчивании проблемы гражданской войны. Единственной альтернативой оставался нарратив о «неоконченной революции», популярный среди социалистов и коммунистов (М. О’Риордан, англичанин Т. А. Джексон), но невостребованный в широких массах.

Попытки критического пересмотра националистической трактовки ирландской истории начались только с 1950-х гг. в академических учреждениях и долгое время не выходили за пределы внутриуниверситетских дискуссий. Этот подход начали развивать Р. Дадли Эдвардс и У. Т. Муди в дублинском Тринити-колледже. Профессор Муди предложил аргументированную критику того, что он называл мифами ирландской истории, самым главным и опасным из которых он считал представление об истории Ирландии с 1169 г. как о непрерывной борьбе «морально безупречных» ирландцев со «злодеями-англичанами» [2]. Из следующего поколения ирландских ревизионистов самым ярким лицом стал Р. Фостер, профессор Оксфордского университета, ученик Муди. Он подверг пересмотру уже не только основные мифы, но и канонические фигуры, события и периоды ирландской истории с точки зрения психологии памяти, мотивации историка и самих исторических персонажей и т. п. [3; 4].

В исполнении академических историков — сплошь представителей протестантских учебных заведений — нарратив о героической борьбе за независимость, краеугольный камень национальной идентичности, начал постепенно трансформироваться в историю сектантской вражды и этно-конфессиональных чисток, не только на севере, но и на юге. Популярность, которую начали набирать ревизионисты — Фостер, например, получил немало наград за свои книги в Великобритании — к 1980-м гг. наконец потребовала ответа со стороны националистов. Особый накал полемике придали события в Северной Ирландии, на протяжении 1970-х гг. переросшие в полноценную гражданскую войну. От трактовки причин конфликта (как борьбы за национальное объединение или конфессиональной розни)

стало зависеть очень многое. Любое научное или художественное историческое высказывание стало неизбежно вызывать политический резонанс. В адрес академических историков полетели обвинения в лоббировании интересов Великобритании в Ольстере и тайном сотрудничестве с правительством Республики Ирландия, не желавшим открыто поддерживать республиканцев на севере. Причем жестко высказывались не только националисты, но авторы, обычно критичные к ним. Влиятельный культуролог Д. Феннел заявил, что это «историография контрреволюции», а известный поэт Ш. Дин определил ее как «провинциальный феномен», практикуемый «нео-юнионистами» [5, p. 17].

Кинематограф мог бы дать любой из сторон идеологического конфликта эффективный инструмент пропаганды своей позиции, однако практически до 1990-х гг. в Ирландии он развивался крайне слабо, с трудом выживая под прессом двойной, политической и католической, цензуры (одним из первых законов Ирландского Свободного Государства стал Акт о цензуре фильмов в 1923 г.), характерной в целом для ирландского общества тех лет [6]. Традиционный национализм нашел свое визуальное воплощение только в монументальном документальном фильме «Я — Ирландия» («*Mise Éire*», режиссер Дж. Моррисон, 1959), быстро забытом, несмотря на бурный первоначальный успех. Ревизионисты заметного интереса к кинематографии не проявляли.

Динамика роста ирландского кино изменилась лишь после создания Совета по кинематографии в 1980 г. Хотя он просуществовал лишь до 1987 г., за это время Совет успел оказать чувствительную финансовую и административную поддержку плеяде молодых независимых режиссеров (Н. Джордан, Б. Куинн, П. Мерфи, Т. О'Салливан, Дж. Комерфорд, Дж. Шеридан, Дж. Бурман), возглавивших местную «новую волну» кинематографа [6]. К концу декады начавшийся (правда медленно и мучительно) процесс мирного урегулирования ольстерского конфликта несколько ослабил цензурные ограничения в кино, и в сочетании с растущим уровнем мастерства ирландских производителей фильмов, это вызвало настоящий всплеск картин на историческую тематику, ряд из которых сумел даже выйти на международный уровень.

В этом контексте событием почти эпического масштаба для ирландской культуры стал фильм Нила Джордана «Майкл Коллинз» в 1996 г. [7]. Голливудского размаха биофик со звездными актерами Лиамом Нисоном и Джулией Робертс в главных ролях представил зрителям яркую версию истории ключевого мифа националистического дискурса (подробнее я разбирал эту тему в специальной публикации [8]) во всем ее героическом блеске. Сильнейший ответ на «Храброе сердце» (снятое в Ирландии) и «Роба

Роя» (которого также исполнил Нисон). По крайней мере, так фильм был воспринят в Ирландии (огромную популярность он получил и за рубежом, но там основное внимание привлекли его художественные достоинства). Немедленно разгорелись споры о том, насколько уместно прославлять с широких экранов изобретателя тактики партизанской войны Ирландской республиканской армии как раз в тот момент, когда переговоры о сложении оружия с ее самопровозглашенной наследницей, Временной ИРА, временно зашли в тупик. Дочь и продолжательница ревизионистской миссии Роберта Дадли Эдвардса, Рут Дадли Эдвардс объявила фильм «боеприпасом для вербовщиков и спонсоров ИРА», а президент дублинского Университетского колледжа А. Костроув провозгласил картину «важнейшим фильмом, когда-либо снятым в Ирландии об Ирландии» [9]. Сам режиссер и некоторые из актеров (Стивен Ри) бодро отбивали претензии выражениями уверенности в праве ирландцев на борьбу за независимость любыми доступными средствами [10]. Таким образом внимание к фильму сконцентрировалось почти полностью на *репрезентации прошлого*. И здесь нам самое время вернуться к отмеченной в начале статьи иллюзорности кинематографического искусства, а также к методам анализа его произведений.

Для начала стоит обратить внимание на жанры, в которых предпочитает работать Нил Джордан — и окажется, что он снимает почти исключительно криминальные и мистические драмы с провокационным подтекстом («Ангел», «Мона Лиза», «Жестокая игра», «Интервью с вампиром», «Мальчик-мясник», «Завтрак на Плутоне» и др.). Попутно можно заметить, что историко-политическая тематика, регулярно появлявшаяся в его фильмах, всегда была связана с Северной Ирландией («Ангел», «Жестокая игра», «Завтрак на Плутоне»). С учетом этого, если мы посмотрим «Майкла Коллинза» абстрагируясь от исторического содержания, то увидим характерные черты фильма-нуара. Позволим себе цитату из популярного путеводителя по теории кино. «Так что такое нуар? Как правило, это городской, часто детективный сюжет, действие которого разворачивается в мрачных, угрюмых районах, где туда-сюда снуют гангстеры и суровые полицейские... <...> ...с обилием стилизации и где-то даже театральности, восходящими к немецкому киноэкспрессионизму», также для нуара «характерны ощущения опасности, подавленности и угрозы» [11, с. 125–126]. Основное место действия нашего фильма — Дублин, в большинстве эпизодов действие происходит ночью, или в тумане, дымке, темном помещении, герои нападают на полицейские участки, проникают в секретные архивы, спасаются от погони в городской канализации, организуют побеги из тюрьмы, становятся жертвами полицейского насилия и т. п. Некоторые критики

заметили, что все персонажи фильма во главе с Коллинзом, несмотря на статус подпольщиков, неизменно одеты в костюмы «с иголочки» [12], что скорее говорит о намеренной стилизации под 1920-е гг., нежели желании строго соответствовать временным реалиям. Так же можно истолковать и огромное количество фактических несоответствий: лучший друг Майкла, Харри Боланд, погиб совершенно не так, как показано в фильме, завербованный Коллинзом полицейский инспектор Нед Брой не погиб вовсе, а благополучно дожил до глубокой старости, Эймон Де Валера не только не участвовал в организации фатального нападения на Коллинза в Бел-на-Бла, графство Корк, а пытался договориться с ним о перемирии. Более того, образ томного злодея-антагониста, созданный Джорданом, не очень сочетается с реальным политиком Де Валерой, умело удерживавшимся на пике популярности на протяжении десятков лет.

Можно спросить: а как же гангстеры? И на это тоже есть ответ, причем настолько явный, что остается удивляться, как его проигнорировали большинство кинокритиков, даже таких маститых, как Роджер Эберт [13]. В одном из самых впечатляющих эпизодов фильма Майкл Коллинз ранним утром дарит своей возлюбленной Китти Кирнан цветы, и кадры романтической сцены периодически сменяются сценами убийств полицейских агентов членами «Команды» («The Squad», составленной из лично отобранных Коллинзом бойцов ИРА). Так Джордан изобразил начало Кровавого воскресенья в Дублине 21 ноября 1920 г., когда по приказу Коллинза были расстреляны в собственных квартирах двенадцать британских контрразведчиков, известных как «Каирская банда» («Cairo Gang»)¹. Это — прямая киноцитата из «Крестного отца» Ф. Ф. Копполы, в кульминационном моменте которого другой Майкл — дон Корлеоне — присутствует в церкви на крещении племянника, декларируя веру в Бога и отрекаясь от дьявола, в то время как его люди убивают глав враждующих с ним мафиозных семей. Параллели находятся даже в постановке самих убийств. Некоторые из них явно анахроничны для Ирландии 1920-х гг. — взрывать машины с полицейскими и расстреливать их из автоматов там стали только в 1970-х гг., зато для американских гангстерских лент это канон. Невозможно допустить, чтобы такой ход был сделан маститым режиссером, каким был уже в то время Джордан, без смысловой нагрузки. Тем более, он и сам признавался, что вдохновлялся при съемке этой картины шедевром Копполы [14].

¹ Попутно, для иллюстрации того, что такое ирландский исторический ревизионизм, приведем описание этого события Р. Фостером в книге «Модерная Ирландия, 1600–1972»: «ИРА убила одиннадцать невооруженных британских офицеров в Дублине по подозрению, что они являются оперативниками разведки» [3, р. 498]. Все дело в оттенках значения, образуемых фразировкой.

В таком прочтении «Майк Коллинз» обнаруживает второй уровень интерпретации — как стилизация под гангстерское кино. С какой целью? Сравнение Майкла Коллинза с Майклом Корлеоне позволило перенести на первого драму развития характера второго, от благородного и эмоционально открытого ветерана войны, не желающего участвовать в криминальном бизнесе своей семьи — до холодного и расчетливого главы клана, добивающегося «мира» путем физического устранения оппонентов. Вполне возможно, что именно трагедия личностной трансформации политического лидера, где-то даже вопреки его воле, и заинтересовала Джордана в одной из самых загадочных и противоречивых фигур ирландской истории — «неуловимого мстителя», Победителя империи и несостоявшегося диктатора. Но только ли это?

Нам представляется, что в фильме можно выделить еще один слой смыслов. Для этого нужно вспомнить историческую тематику, которой интересовался до и после «Майкла Коллинза» Джордан (см. выше) и сравнить ее с тематикой других исторических фильмов, выходивших в тот период в Ирландии. Вот они: «Кол» («Cal», режиссер П. О'Коннор, 1984), «Во имя отца» («In the Name of the Father», Дж. Шеридан, 1993), «Ничего личного» («Nothing Personal», Т. О'Салливан, 1994), «Сыновья» («Some Mother's Son», Т. Джордж при участии Дж. Шеридана, 1996), «Боксер» («The Boxer», Дж. Шеридан при участии Т. Джорджа, 1997), «Генерал» («The General», Дж. Бурман, 1998) [6]. Они все посвящены ольстерскому конфликту. Можно предположить, что «Майкл Коллинз» не является исключением, как кажется на первый взгляд. Добавим упоминавшиеся выше проблемы с разоружением Временной ИРА (Майкл Коллинз погиб при попытке договориться о перемирии с ушедшей в оппозицию ИРА). Добавим также, что ключевую роль в переводе Временной ИРА на политические рельсы сыграл харизматичный до уровня фольклорного героя Джерри Адамс, неуловимый (в смысле недоказуемости) глава штаба ИРА, выживший объект покушения — и получим кинопритчу о современных событиях на севере.

Библиографические ссылки

1. Волков Е. В., Пономарева Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ, № 10(269), 2012. С. 22–26.
2. Moody T. W. Irish history and Irish mythology // *Hermathena*, No. 124, Summer 1978. P. 6–24.
3. Foster R. *Modern Ireland, 1600–1972*. London–New York: Penguin Books, 1989. 688 p.
4. Foster R. *Vivid Faces: The Revolutionary Generation in Ireland, 1890–1923*. London–New York: W. W. Norton & Company, 2015. 480 p.

5. *Gkotsaridis T.* Trials of Irish History: Genesis and Evolution of a Reappraisal 1938–2000. London: Routledge, 2006. 324 p.
6. *O'Brien H.* The identity of an Irish cinema // Irish Film Institute. URL: <https://www.ifi.ie/downloads/history.pdf> (date of access: 30.08.2025).
7. *Jordan N.* Michael Collins [DVD Movie] / Directed by Neil Jordan. Warner Archive Collection, 2013. 132 min.
8. *Белявский А. М.* Победитель империи: Майкл Коллинз как миф // Война и идентичность: сб. ст. по итогам науч. семинара кафедры соц. наук УО «Военная академия Республики Беларусь» и Центра евраз. исследований РГСУ (филиал в г. Минске), Минск, 21 мая 2015 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь; под общ. ред. А. А. Киселева. Минск: ВА РБ, 2016. С. 8–22.
9. *Berardinelli J.* Michael Collins (United Kingdom/United States, 1996). A movie review // Reelviews. URL: <https://www.reelviews.net/reelviews/michael-collins> (date of access: 30.08.2025).
10. Michael Collins: The Film's Critics // Michael Collins House. URL: <https://www.michaelcollinshouse.ie/videos-and-podcasts-about-micheal-collins/articles-research/michael-collins-the-films-critics> (date of access: 30.08.2025).
11. *Осборн Р.* Теория кино. Краткий путеводитель. М: Ад Маргинем Пресс, 2025. 224 с.
12. *Ziobro M.* Review: “Michael Collins” a Tragic Biography that Brings “The Big Fella” to Life // The Movie Buff. URL: <https://www.themoviebuff.net/2023/08/review-michael-collins-a-tragic-biography-that-brings-the-big-fella-to-life/?amp=1> (date of access: 30.08.2025).
13. *Ebert M.* Michael Collins // RogerEbert.com. URL: <https://www.rogerebert.com/reviews/michael-collins-1996> (date of access: 30.08.2025).
14. *Weinraub B.* An Irish Legend's Life And Mysterious Death // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/1996/10/09/movies/an-irish-legend-s-life-and-mysterious-death.html> (date of access: 30.08.2025).

КАК ЗАВТРА НАСТУПИЛО ВЧЕРА: СОВЕТСКИЙ ПРООБРАЗ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И. В. Латушкин

*Министерство экономики Республики Беларусь,
ул. Берсона, 14, 220030, г. Минск, Беларусь, latushkin@economy.gov.by*

Рассматривается развитие информатизации и цифровизации современных процессов жизнедеятельности населения. Построение единого электронного пространства через призму создания и внедрения единых систем, каналов связи, искусственного интеллекта в различных сферах, несомненно несет прогресс и положительную интеграцию общества. В определенной мере ставится под сомнение их новизна, а также «современная» составляющая общества. Тем не менее, актуальность не вызывает сомнений благодаря современным технологиям и подходам. Ключевым моментом остается вопрос эффекта и результатов от создания и внедрения вышеуказанных бизнес-процессов. Одно можно сказать точно, что единое информационное пространство уже дает положительные эффект позволяя на разных уровнях общения получать необходимый результат, в том числе на всех типах электронного правительства. Во многих странах вышеуказанные процессы и системы вынесены на государственный уровень, Республика Беларусь не стала исключением.

Ключевые слова: единое информационное пространство; искусственный интеллект; Единая государственная сеть вычислительных центров; Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации; единая система электронного документооборота.

HOW TOMORROW CAME YESTERDAY: THE SOVIET PROTOTYPE OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE MODERN WORLD

I. V. Latushkin

*Ministry of Economy of the Republic of Belarus,
Berson str., 14, 220030, Minsk, Belarus, latushkin@economy.gov.by*

The development of informatization and digitalization of modern processes of life of the population is considered. The construction of a single electronic space through the prism of the creation and implementation of unified systems, communication channels, artificial intelligence in various spheres, undoubtedly brings progress and positive integration of society. To a certain extent, their novelty, as well as the “modern” component of society, are questioned. Nevertheless, the relevance is not in doubt due to modern technologies and approaches. The key point remains the question of the effect and results from the creation and implementation of the above business processes. One thing can be said for sure, that a single information space already gives a positive effect allowing to obtain the necessary result at different levels of communication, including all types of electronic government. In many countries, the above processes and systems are brought to the state level, the Republic of Belarus is no exception.

Keywords: unified information space; artificial intelligence; unified state network of computing centers; nationwide automated system of accounting and processing of information; unified system of electronic document management.

Последние десятилетие со всех уголков нашей планеты, средств массовой информации, на просторах интернета и на улицах речь шла о выстраивании единого межведомственного информационного пространства по средствам построения электронного правительства, об информационно-коммуникационных технологиях, их прогрессе, результатом которого стал искусственный интеллект.

Искусственный интеллект захватил умы всех современных людей, внедрен во все процессы нашей жизнедеятельности и с каждым днем все больше занимает свое место среди нас. Он помогает и позволяет куда эффективнее выстраивать единое информационное пространства на всех уровнях и типах электронного правительства через призму создания единых систем взаимодействия.

Несомненно, мы считаем, что искусственный интеллект является современной и актуальной областью компьютерных наук с примирением его во всех сферах нашей жизнедеятельности, как профессиональной, так и бытовой, и возлагаем огромные надежды на завтрашний день, но что, если «завтра» наступило уже вчера?

«Вчера» наступило в начале далеких 50-х гг. XX в., когда появились такие имена, как Китов А. И. военный инженер и ученый, а также ученый Глушков В. М., кибернетик. Оба работали над ключевыми и масштабными процессами в СССР: создание Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГСВЦ), Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС) и более десятков иных проектов, связанных с компьютерными технологиями.

В Советском Союзе, несмотря на первоначальные гонения, кибернетика и вычислительная техника активно развивались благодаря ряду первопроходцев и талантливым ученым. Их работы заложили фундамент для советской IT-индустрии и во многом были параллельны разработкам на Западе.

ЕГСВЦ — предусматривала объединение вычислительных мощностей страны в единую сеть и информационное пространство в рамках управления народным хозяйством и обороной. В мирное время — оптимизировать экономическое планирование, а в случае военной угрозы — обеспечивать оперативное управление вооруженными силами.

ОГАС — создание иерархической сети вычислительных центров, охватывающей всю страну, для автоматизации управления экономикой, основанная на принципах кибернетик. Глушков В. М. считал, что внедрение

ОГАС позволит повысить эффективность планирования и управления, сократить бюрократические издержки и обеспечить более рациональное распределение ресурсов — существенным образом оптимизирует все бизнес-процессы.

Александр Иванович Китов был не только выдающимся учёным, но и автором фундаментальных трудов, которые сыграли ключевую роль в легализации и развитии кибернетики, программирования и информатики в СССР.

Первая в СССР книга о компьютерах, написанная отечественным автором — «Электронные цифровые машины» [1] в трех изданиях в: 1956, 1958 и 1961 гг. Она стала настоящим бестселлером и настольной книгой для целого поколения советских инженеров, программистов и математиков.

1-е издание вышло в свет с предисловием академика А. И. Берга. Книга представляла собой всесторонний обзор принципов работы ЭВМ, их логической структуры, элементной базы и основ программирования. Её публикация стала научным и гражданским подвигом, так как термин «кибернетика» в то время ещё был под идеологическим запретом.

2-е издание — было существенно переработано и дополнено. Добавлены главы о принципах работы памяти, описаны конкретные советские машины (БЭСМ, «Стрела», М-2) и зарубежные (EDVAC, IBM-704). Появились разделы по системам счисления и математическому обеспечению.

3-е издание — еще более расширенное и углубленное. Добавлены главы о моделировании на ЭВМ, элементах теории алгоритмов, а также о перспективах развития вычислительной техники.

Эта трилогия заложила основы преподавания компьютерной науки в СССР.

Отдельно стоит выделить новаторскую монографию «Программирование информационно-логических задач» [2], которая появилась на свет в 1967 г. Китов одним из первых в мире предложил идею использования вычислительной техники не только для инженерных и научных расчётов, но и для управления экономикой и обработки информации в крупных масштабах (так называемых «информационно-логических задач»). В книге рассматривались вопросы организации больших массивов данных, принципы их поиска и обработки.

Ещё один фундаментальный учебник, выдержавший два издания — «Программирование и вычислительная математика» 1963 и 1965 гг.

Книга была посвящена численным методам и алгоритмам их реализации на ЭВМ. Она стала основным пособием для студентов технических и математических специальностей.

Помимо книг, огромное значение имели его статьи, многие из которых были засекречены или имели ограниченное распространение, но оказали колоссальное влияние на развитие отрасли. «Основные черты кибернетики» — статья в журнале «Вопросы философии» (№ 4), которая вместе с публикациями С. Л. Соболева и А. А. Ляпунова сломала идеологический запрет на кибернетику в СССР. В ней Китов дал развёрнутое определение кибернетики и обосновал её необходимость для развития советской науки и народного хозяйства.

Доклад Н. С. Хрущёву 1959 г. — знаменитая «Красная книга» (официальное название: «О возможностях автоматизации управления народным хозяйством») [3]. Это был смелый проект создания общегосударственной автоматизированной системы управления экономикой СССР (ОГАС). Проект опережал свое время и, к сожалению, не был реализован, но его идеи были революционные.

Статьи в военных журналах (1950–60-е гг.): Будучи офицером, Китов публиковал работы по применению ЭВМ для управления войсками, решения задач ПВО и других оборонных задач в таких изданиях, как «Военная мысль».

Издания А. И. Китова — это не просто исторические артефакты, а основополагающие труды, которые заложили основу для всей советской и российской школы информатики, программирования и кибернетики. Его книги были первыми учебниками для тысяч специалистов, а его идеи об управлении экономикой с помощью ЭВМ опередили время на десятилетия.

Говоря про еще одного выдающегося ученого, Виктора Михайловича Глушкова, можно смело утверждать, он сделал колоссальный вклад не только в советскую, но и мировую науку.

Он был одним из главных теоретиков и практиков кибернетики в СССР, основателем Института кибернетики НАН Украины, и его работы охватывают огромный спектр направлений: от абстрактной теории автоматов до практического создания ЭВМ и общегосударственных автоматизированных систем управления (АСУ).

В таком труде, как «Синтез цифровых автоматов» [4] 1962 г., была заложена теория проектирования вычислительных устройств, предложены оригинальные методы минимизации схем и синтеза автоматов. Книга была переведена на многие языки и стала настольной для разработчиков аппаратного обеспечения во всем мире.

«Введение в кибернетику» [5] 1964 г., как и работы Китова А. И., книга сыграла огромную просветительскую роль.

Она систематизировала знания о кибернетике как о науке, охватывающей управление в технических, биологических и социальных системах. Была переведена на английский, французский, немецкий, испанский и другие языки.

Следующей работой, которая связывала абстрактную алгебру с теорией программирования и созданием языков программирования, была «Алгебра. Языки. Программирование» [6] 1974 г. (соавтор В. Ф. Кострыкин).

«Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС» 1975 г. — ключевая работа, посвященная главному проекту Глушкова — Общегосударственной автоматизированной системе учета и обработки информации (ОГАС). В ней изложены не только технические, но и экономические и математические основы для создания единой компьютерной сети управления народным хозяйством СССР.

Глушкова предвидел переход к «безбумажной» информационной технологии, основанной на повсеместном использовании ЭВМ, задолго до появления персональных компьютеров и интернета в их современном виде. «Основы безбумажной информатики» 1982 г., 1987 г. — 2-е изд. — книга стала своего рода завещанием и манифестом.

Издания В. М. Глушкова — это наследие мирового уровня.

Он был уникальным ученым, который сочетал в себе глубокого теоретика, блестящего инженера, создавшего ряд ЭВМ («Киев», «Промінь», МИР), и глобального мыслителя, предложившего проект ОГАС — советский прообраз современного интернета, предназначенный для управления экономикой. Его работы по синтезу автоматов и теории программирования до сих пор не утратили своей актуальности.

Важно помнить, что развитие кибернетики в СССР было непростым. В начале 1950-х гг. она была объявлена «буржуазной лженаукой». Однако с середины 1950-х гг., во многом благодаря усилиям Ляпунова А. А., Китова А. И. и других, отношение изменилось, и кибернетика стала приоритетным направлением, особенно для военных и космических нужд.

Многие разработки советских ученых были «пионерами» и опережали свое время (как проекты ОГАС Глушкова В. М. или ЕИСТВИЦ сеть Китова А. И.), но часто упирались в бюрократические преграды и недоверие со стороны партийного руководства, что в итоге привело к технологическому отставанию в 1980-х гг.

Параллельные процессы, несомненно, шли и за рубежом. Знаковым и весьма интересным событием середины 50-х гг., а точнее летом 1956 г., было проведение крупнейшими американскими учеными Джоном Маккарти и Марвином Мински и др. Дартмутского семинара, который длился два месяца.

Данный семинар исключителен и революционен тем, что на нем впервые прозвучало понятие «искусственного интеллекта», а также были заложены такие фундаментальные, неоднозначные и перспективные направления для развития и внедрения: возможность моделирования рассуждения, интеллект и иные творческие процессы, реализуемые с помощью компьютерных технологий.

Весьма прогрессивными на Дартмутском семинаре выступили темы для обсуждения: автоматические компьютеры, как должен быть запрограммирован компьютер, чтобы использовать язык, нейронные сети, самосовершенствование и т. д.

Таким образом мировое сообщество ученых с середины XX в. интересовало вопросы в сфере информатизации, информационно-коммуникационных технологий, процессов цифровизации и компьютерной трансформации. Безусловно, они заложили фундамент технологий, процессов и их реализацию с помощью своих новаторских и перспективных открытий и решений.

Для поколения, живущего в XXI в., может показаться неправдоподобным реализация современных технологий более 70 лет тому назад, учеными, которые заложили те понятия, которые раньше были непонятны большинству, а сейчас большинство не может представить свое существование без них: технологий, гаджетов, программного обеспечения, искусственного интеллекта.

Невозможно не вспомнить крылатую фразу французского писателя Жака Пеше, который творил в XIX в. «новое — хорошо забытое старое». Насколько мы современны и что нас еще ждет завтра, если мы абсолютно не помним, что же у нас было вчера.

Библиографические ссылки

1. *Китов А. И.* Электронные цифровые машины. М.: Издательство «Советское радио», 1956. 276 с. URL: <https://kitov.rea.ru/elektronnye-cifrovye-masiny> (дата обращения: 15.08.2025).

2. *Китов А. И.* Программирование информационно-логических задач. М.: Издательство «Советское радио», 1967. 328 с. URL: https://www.computer-museum.ru/books/kitov_program_opt.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

3. *Берг А. И., Китов А. И., Ляпунов А. А.* Первый доклад в СССР по АСУ страны. URL: https://www.computer-museum.ru/books/kitov_asu.htm (дата обращения: 08.08.2025).

4. *Глушаков В. М.* Синтез цифровых автоматов. М.: Физматгиз, 1962. 476 с. URL: https://www.computer-museum.ru/articles/knigi-v-m-glushkova/2608/?sphrase_id=1256362 (дата обращения: 10.08.2025).

5. *Глушков В. М.* Введение в кибернетику / Акад. наук УССР. Науч. совет по кибернетике. Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1964. 324 с. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/05/В.М.-Глушков-Введение-в-кибернетику.pdf> (дата обращения: 11.08.2025).

6. Глушков В. М., Цейтлин Г. Е., Ющенко Е. Л. Алгебра. Языки. Программирование. 2-е изд., перераб. Киев: Наук. думка, 1978. 319 с. URL: https://computer-museum.ru/books/glushkov/glushkov_v_m_cleitlin_g_e_yushenko_e_l_algebra_yazyki_program.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

7. Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. 160 с. (Методы оптим. решений). URL: https://computer-museum.ru/books/glushkov/glushkov_v_m_makroekonomicheskie_modeli_i_principyu_postroeniya_ogas.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

8. Китов В. А. Основоположник отечественной кибернетики и информатики Анатолий Иванович Китов (к 105-летию со дня рождения) // Пространство науки. 2024. Т. 1, № 4. С. 593–621. URL: <https://sci-space.riep.ru/images/issue/2024/4/593-621.pdf> (дата обращения: 21.08.2025).

9. Гринченко Т. А., Стогний А. А. Виктор Михайлович Глушков и его школа // Математичні машини і системи. 2006. № 4. С. 3–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktor-mihaylovich-glushkov-i-ego-shkola/viewer> (дата обращения: 21.08.2025).

10. Круковский М. Ю. Методология построения композитных систем документооборота // Математичні машини і системи. 2004. № 1. С. 101–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-postroeniya-kompozitnyh-sistem-dokumentoooborota/viewer> (дата обращения: 21.08.2025).

«SVADA LATINA <...>» ЯК ТВОР АЙЧЫННАЙ АРХЕАГРАФІІ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XVIII ст.

А. М. Латушкін

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, Latushkin@bsu.by*

У артыкуле разглядаецца пытанне гісторыі зараджэння беларускай археаграфіі. Яе адлік пачынаецца з выхаду ў свет кнігі «Белорусский архив древних грамот» І. І. Грыгаровіча (1792–1852). Юбілей гэтай падзеі, які адзначаўся ў 2024 г., актуалізуе пытанне вытокаў самой археаграфіі гісторыі Беларусі. Пашыраныя ў айчыннай навуцы ўяўленні аб яе ўзросце не выходзяць за межы першай чвэрці XIX ст. Яны трывала прывязаны да названага выдання. Аднак, у гістарыяграфіі маюцца меркаванні, згодна з якімі пачаткі эдыцыйнай археаграфіі на Беларусі адносяцца да 1745 г. і выхаду ў свет двухтомнага выдання Яна Астроўскага-Данэйкавіча пад назвай «Swada polska i łacińska albo miscellanea oratorskie <...>» вядомага ў навуцы пад назвай «Svada latina <...>» (Люблін, 1745, 1747 гг.). У даным артыкуле гэта выданне разглядаецца на прадмет прыналежнасці да археаграфічных публікацый, раскрываюцца яго паходжанне і змест.

Ключавыя словы: археаграфія гісторыі Беларусі; Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае; «Svada latina <...>»; Ян Астроўскі-Данэйкавіч; Ян Фрыдэрык Сапега.

«SVADA LATINA <...>» КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

А. Н. Латушкин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Latushkin@bsu.by*

В статье рассматривается вопрос истории зарождения белорусской археографии. Её отсчёт начинается с выхода в свет книги «Белорусский архив древних грамот» И. И. Григоровича (1792–1852). Юбилей этого события, отмечавшийся в 2024 г., актуализирует вопрос о истоках самой археографии истории Беларуси. Расширенные в отечественной науке представления о её возрасте не выходят за рамки первой четверти XIX в. Они прочно связаны с указанным изданием. Однако, в историографии существуют мнения, согласно которым начало эдиционной археографии в Беларуси относится к 1745 г. и выходу в свет двухтомного издания Яна Островского-Данейковича под названием «Swada polska i łacińska albo miscellanea oratorskie <...>», известного в науке под названием «Svada latina <...>» (Люблин, 1745, 1747 гг.). В данной статье это издание рассматривается с точки зрения принадлежности к археографическим публикациям, раскрываются его происхождение и содержание.

Ключевые слова: археография истории Беларуси; Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское; «Svada latina <...>»; Ян Островский-Данейкович; Ян Фридерик Сапега.

“SVADA LATINA <...>” AS A WORK OF DOMESTIC ARCHEOGRAPHY OF THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURY

A. M. Latushkin

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Latushkin@bsu.by*

The article examines the history of the emergence of archeography in the Belarusian lands. Its countdown begins with the publication of the book “Belarusian Archive of Ancient Letters” by I. I. Grigorovich (1792–1852). The anniversary of this event, celebrated in 2024, actualizes the question of the origins of the archeography of the history of Belarus itself. The ideas about its age, expanded in domestic science, do not go beyond the first quarter of the 19th century. They are firmly connected with the specified publication. However, the origins of this field of knowledge in Belarus date back to the 18th century. There are opinions in historiography, according to which the beginning of editorial archeography in Belarus dates back to 1745 and the publication of a two-volume edition by Jan Ostrovsky-Daneykovich entitled “Svada polska i łacińska albo miscellanea oratorskie <...>”, known in science as “Svada latina <...>” (Lublin, 1745, 1747). In this article, this edition is considered from the point of view of its belonging to archeographic publications, its origin and content are revealed.

Keywords: archeography of the history of Belarus; Grand Duchy of Lithuania, Ruthenia and Samogitia; “Svada latina <...>”; Jan Ostrovsky-Daneykovich; Jan Fryderyk Sapieha.

У 2024 г. адзначаўся 200-гадовы юбілей беларускай археаграфіі. Яе гісторыю прынята адлічваць з выхаду ў свет знакавай для гэтай вобласці ведаў кнігі — «Белорусский архив древних грамот» («Беларускі архіў <...>») І. І. Грыгаровіча (1792–1852) [1]¹. Гэта падзея актуалізуе пытанне вытокаў самой археаграфіі гісторыі Беларусі (беларускай археаграфіі, археаграфіі Беларусі, айчыннай археаграфіі). Пашыраныя ў навуцы ўяўленні аб яе ўзросце сапраўды не выходзяць за межы першай чвэрці XIX ст. Яны трывала прывязаны да названага выдання і асобы яго складальніка — гомельскага протаіерэя айца Іаана². Аднак, у гістарыяграфіі

¹ Гл. матэрыялы круглага стала з міжнародным удзелам «200-годдзе беларускай археаграфіі», які адбыўся на базе гістарычнага факультэта БДУ 25 кастрычніка 2024 г. [2].

² «Первым археографическим изданием, в котором помещены материалы, касающиеся только Белоруссии, является „Белорусский архив древних грамот“, составителем и редактором которого был И. И. Григорович» [4, с. 16]. «Однако только с первой четверти XIX в., когда на территории белорусских и литовских губерний сформировались архивно-археографические центры, начавшие вести планомерную работу в области полевой, камеральной и эдиционной археографии, можно, на наш взгляд, говорить о возникновении белорусской археографии» [7, с. 21]. «Во втором разделе (курса лекций. — А. Л.) рассматривается почти двухвековая история белорусской археографии, ведущей свою родословную с „Белорусского архива древних грамот“» [6, с. 4];

фіксуюцца альтэрнатыўныя меркаванні, якія з'яўляюцца небезпадстаўнымі, але патрабуюць дадатковага вывучэння. Яны сведчаць аб тым, што вытокі гэтай вобласці ведаў на Беларусі сягаюць XVIII ст.

Так, у прыватнасці знакамiты даследчык беларускай рукапіснай кнігі і кніжнай культуры з Санкт-Пецярбурга М. В. Нікалаеў у свой час узводзіў пачаткі эдыцыйнай археаграфіі на Беларусі да 1745 г. [3, с. 161]. З імі ён звязваў двухтомнае выданне «*Swada polska i łacińska albo miscellanea oratorskie <...>*» Яна Астроўскага-Данэйкавіча вядомае таксама як «*Svada latina <...>*» (Люблін, 1745, 1747 гг.) [15; 16]. Ян Астроўскі-Данэйкавіч (Данэйкавіч-Астроўскі, *Ostrowski Danejkowicz*, часам у літаратуры — памылкова: «Дамейкавіч») (?–1751) з'яўляўся сакратаром вялікага канцлера ВКЛ Яна Фрыдэрыка Сапегі, пазней з 1750 г., магчыма ўжо на 1745 г. — асабістым сакратаром караля польскага і вялікага князя літоўскага Аўгуста III. Згодна з іншымі данымі ён займаў пасады скарбніка пінскага (?), сакратара Пінскага дыстрыкта ордэна марыянаў. Гэтыя звесткі, аднак, могуць адносіцца да ранняга этапу ў біяграфіі дзеяча.

Праца выйшла ў двух тамах у друкарні іезуітаў у Любліне ў 1745 і 1747 гг. Том 1 — «*Swada polska i łacińska albo miscellanea oratorskie sejmowe, weselne, kancelaryjne, kaznodziejskie, elogiarnie, inskrypcyjne, y inne różne, w oboim języku prozą i wierszem*» («Прывабная пальшчызна і лаціна або збор разнастайных араатарскіх прамоваў на сеймах, вяселлях, пры канцылярыях устаноў, маральна-рэлігійных павучэнняў, разважанняў і ідэй на тэму кіравання дзяржавай, становішча яе насельніцтва, палітыкі; панегірычных, хвалебных адрасаў на абодвух мовах у прозе і вершах»); том 2 — «*Svada Latina, Seu Miscellanea Oratoria, Epistolaria, Statistica, Politica, Inscriptionalia Elogiaria, Panegyrica, Poetica, & Historica*». Выданне было здзейснена па замове і пры падтрымцы роду Сапег. Галоўную ролю сярод іх адыгралі Ян Фрыдэрык Сапега (1680–1751), вялікі канцлер ВКЛ, граф на Кодані, і, верагодна, Юзаф Станіслаў Сапега (1708–1754), граф на Дуброўне, Заслаўі, Быхаве etc., біскуп дыяцэзіяльны, каад'ютар Віленскага біскупства, вялікі (духоўны) рэферэндарый ВКЛ.

У публікацыі ўтрымліваюцца наступныя дакументы і творы: прамовы сенатараў-прадстаўнікоў родаў Сапег (93 прамовы), Радзівілаў, Пацаў, Сангушкаў і інш., паслоў-дэпутатаў ад паветаў ВКЛ, іншых дзяржаўных дзеячоў, прадстаўнікоў прывілеяванай часткі грамадства таго часу,

«Четверть века спустя (к 200-летию белорусской археографии)» [8]; «Крытычны падыход да гістарычнай крыніцы як прыкмета зараджэння крыніцазнаўства на беларускіх землях праглядаецца ўжо ў першай чвэрці XIX ст., што звязана з дзейнасцю гомельскага протаіерэя айца Іаана (І. І. Грыгаровіча). Ён па праве лічыцца першым беларускім археографам» [5, с. 33].

агучанья на сейме і ў іншых органах улады ВКЛ і Рэчы Паспалітай за перыяд XVI—сярэдзіны XVIII ст., у тым ліку, напрыклад — тэкст знакамітай прамовы Льва Сапегі ў гонар друку Статуту ВКЛ 1588 г.; канстытуцыі сеймаў, акты элекцый, фармулёўкі прысяг, узоры тэкстаў судовых дэкрэтаў, актаў асобных відаў як прыватнага, так і агульнадзяржаўнага характару і інш.; карэспандэнцыю манархаў, сенатараў, рэлігійных дзеячоў, магнатаў; прамовы духавенства з рознай нагоды падчас палітычных і прыватных падзей; панегірычныя творы; творы розных аўтараў на тэму рэлігіі, генеалогіі, геаграфіі так або іначай звязаныя з родам Сапег, у тым ліку — аб цудадзейным абразе Божай Маці ў Кодані, аб ордэне Белага Арла і ролі іншых рыцарскіх ордэнаў у хрысціянстве. Сярод апошніх адметнае месца займае гісторыя і генеалогія роду Сапег аўтарства А. Міштаўта. Найбольш падрабязна змест выдання апісаны Эстрайхерам [12, s. 517–519].

Тэкст двухтомнай публікацыі быў перададзены на польскай і лацінскай мовах. Выданне мела значны аб’ём — 476 старонак у томе I і 1694 старонак у томе II адпаведна. Том першы складаецца з 6-ці, другі — з 7-мі частак у адпаведнасці з пералічанымі вышэй відамі крыніц і жанрамі твораў. Кожны такі раздзел утрымлівае прысвячэнне таму або іншаму прадстаўніку роду Сапег. Акрамя названых вышэй гэта: Пётр, ваявода смаленскі, граф на Равічу і Козьміне; Ян, сын ваяводы смаленскага Пятра, стараста здзітаўскі, граф на Равічу і Козьміне; Юрый (Ежы), ваявода мсціслаўскі, граф на Ляхавічах; Міхаіл (Міхал), вялікі лоўчы ВКЛ, граф на Быхаве; Казімір, стараста Ялоўскі; Ігнацій, падскарбі; Караль, пісар польны і іншыя [15; 16; 12, s. 517–519].

Гісторыя і матывы стварэння «*Svada latina <...>*», паходжанне і біяграфія яго складальніка Яна Астроўскага-Данэйкавіча — маладаследавання. На погляд К. Эстрайхера і С. Эстрайхера прыпісванне аўтарства выдання Яну Фрыдэрыку Сапезе — памылковае. Як сенатар і заможная асоба ён меў уласную канцылярыю і пісараў, якія па яго замове рыхтавалі тэксты прамой з той або іншай нагоды або выступалі ўкладальнікамі твораў, выданне якіх фінансавалася Сапегам. Да шэрагу іх Эстрайхеры адносяць і Яна Астроўскага-Данэйкавіча [12, s. 519].

Такім чынам, відавочна, што «*Svada latina <...>*» пабачыла свет па замове Сапег, у прыватнасці — вялікага канцлера ВКЛ Яна Фрыдэрыка Сапегі і мела на мэце ўмацаванне аўтарытэту роду ў тагачасным грамадстве ВКЛ і Рэчы Паспалітай, павышэнне яго палітычнай вагі, наданне пераваг у канкурэнцыі з іншымі магнацкімі родамі шляхам прадстаўлення працяглай і паспяховай гісторыі дзейнасці Сапег — найперш як канцлераў ВКЛ, а таксама шляхам дэманстрацыі выдатных узораў прававой і палітычнай думкі, аратарскага майстэрства, прыкладаў канцылярскай культуры,

справаводства ВКЛ другой паловы XVI–першай паловы XVIII стст. Гэта была своеасаблівая энцыклапедыя грамадскага, палітычнага, рэлігійнага дзеяча складзеная ў выглядзе хрэстаматыі. Даная практычная або прыкладная функцыя кнігі ў многім тлумачыць моўны выбар яе стваральнікаў — яна павінна была быць прыстасаванай да моўнай сітуацыі, якая сфарміравалася да сярэдзіны XVIII ст. ў асяроддзі магнатаў і шляхты на тэрыторыі ВКЛ і Рэчы Паспалітай, прыдатнай да непасрэднага ўжывання ў сваёй сферы. Разам з тым, кніга пабудаваная на аснове канкрэтных гістарычных крыніц, што ілюстравалі тыя або іншыя бакі жыцця прадстаўніка кіруючай эліты дзяржавы папярэдніх стагоддзяў. Адметна пры гэтым, што паходжанне апублікаваных твораў, выдавочна, звязана з архівамі роду Сапег. Выданне — каштоўная крыніца, што бяспрэчна адлюстроўвае падакументны склад прыватных збораў названага роду па стане на канец першай паловы XVIII ст. Ян Астроўскі-Данэйкавіч, а таксама далучаныя да гэтай задачы службовыя асобы з адміністрацыі ўладанняў вялікага канцлера і іншых членаў яго роду пры падрыхтоўцы такога праекту мусілі правесці маштабную пошукавую працу і найперш ва ўласных архівах, канцылярыях і бібліятэках. Разам з тым, гэта выразная прыкмета, якая звязвае «*Svada latina* <...>» не толькі з гісторыяй архіваў Беларусі, але і з археаграфіяй. Пры чым — у сваім класічным выглядзе, дзе яна традыцыйна выступае неад’емнай часткай, спадарожніцай архіўнай справы.

Усё вышэй адзначанае дазваляе трактаваць двухтомнік «*Svada latina* <...>» 1745–1747 гг. як выданне, што адлюстроўвае гісторыю Беларусі і ў аснову якога пакладзены розныя віды верагодных гістарычных крыніц. Адпаведна — як прыклад археаграфічнай публікацыі, што адлюстроўвае раннія формы эдыцыйнай дзейнасці на Беларусі ўжо ў канцы першай паловы XVIII ст. г.зн. — нават раней за знакамітыя выданні М. Догеля і піяраў Літоўскай правінцыі, што пабачылі свет у 1758–1764 гг. [13; 9; 10; 11]. Адметна, што адзін з біёграфаў Яна Астроўскага-Данэйкавіча, гісторык з беларускімі каранямі Р. Мяніцкі прапаноўваў ацэньваць яго працу менавіта ў кантэксце гісторыі археаграфіі, а не гісторыі літаратуры. Яе складальніка ён характарызаваў як «выдаўца матэрыялаў, што адносяцца да гістарычных крыніц, зборам і апублікаваннем чаго ён добра паслужыў нашчадкам, а, разам з тым, здоліў задаволіць патрэбы сваёй сучаснасці» [14].

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Беларусский архив древних грамот: часть 1 / сост. и предисл. И. И. Григоровича. Москва: Типография С. Селивановского, 1824. [2], XVI, [2], 148 с.
2. Матэрыялы круглага стала з міжнародным удзелам «200-годдзе беларускай археаграфіі» // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск: БелНДІДАС, 2024. Вып. 25. С. 107–207.

3. Нікалаеў М. В. Археаграфія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1: А–Беліца / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]; прагм. М. Ткачова; маст. Э. Э. Жакевіч. Мінск: БелЭн, 1993. С. 160–162.
4. Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М.: Наука, 1973. 302 с.
5. Ходзін С. М., Шумейка М. Ф. Ад «архіўнага крыніцазнаўства» да крыніцазнаўства інфармацыйнай эпохі // Беларускі гістарычны часопіс. № 12. 2024. С. 33–38.
6. Шумейко М. Ф. Археография: курс лекций. Минск: БГУ, 2005. 431 с.
7. Шумейко М. Ф. Становление и развитие белорусской археографии в 1-й половине XIX в. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 1. 2000. С. 19–39.
8. Шумейко М. Ф. Четверть века спустя (к 200-летию белорусской археографии) // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 25. 2024. С. 107–114.
9. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae<...>/ wyd. M. Dogiel. T. 1. Vilna: Typogr. Coll. Scholarum Piarum, 1758. [36], 623, [31] p.
10. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae<...>/ wyd. M. Dogiel. T. 5. Vilna: ex Typogr. Regia et Reipubl., 1759. 558 p.
11. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae<...>/ wyd. M. Dogiel. T. 4. Vilna: ex Typogr. Regia et Reipubl. CC. RR. Scholarum Piarum, 1764. [8], 526 p.
12. Estreicher K. Bibliografia polska. Cz. 3. (Obejmująca druki stóleci XV–XVIII w układzie abecadłowym). T. 12(23): N–O / przez K. Estreichera [i St. Estreichera]; Akademia Umiejętności. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1910. VIII, 313–545, XLIII s.
13. Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaris authenticis descripti / M. Dogiel. Vilnae: Typographia Regia & Reipublicae Collegii Vilmensis Scholarum Piarum, 1758. 225 p.
14. Mienicki R. Danejkowicz-Ostrowski Jan // Polski słownik biograficzny: w wielu t. T. IV. Kraków: PAU, 1938. S. 402.
15. Swada polska y łacinska albo Miscellanea oratorskie <...>: w 2 t. T. 1 / Ostrowski-Daneykowicz, Jan. Lublin: w Drukarni Collegium Societatis Jesu, 1745. 476 s.
16. Swada polska y łacinska albo Miscellanea oratorskie <...>: w 2 t. T. 2: Svada Latina, Seu Miscellanea Oratoria, Epistolaria, Statistica, Politica, Inscriptionalia Elogiaria, Panegyrica, Poetica, & Historica / Ostrowski-Daneykowicz, Jan. Lublin: w Drukarni Collegium Societatis Jesu, 1747. 1694 s.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА-МУЗЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ — УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е. А. Макаренко

*Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства,
ул. Кирилла и Мефодия, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, info@bdamlm.by*

В статье анализируется работа БГАМЛИ по комплектованию и использованию документов личного происхождения известных деятелей литературы и искусства Беларуси — участников Великой Отечественной войны, поступивших в архив-музей в 2016–2025 гг.

Ключевые слова: документы известных деятелей культуры Беларуси; фонд личного происхождения; участники Великой Отечественной войны; комплектование и использование документов.

ACTIVITIES OF THE BELARUSIAN STATE ARCHIVE-MUSEUM OF LITERATURE AND ART TO POPULARIZATE DOCUMENTS OF BELARUSIAN CULTURAL FIGURES – PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

E. A. Makarenko

*Belarusian State Archives and Museum of Literature and Art,
4 Kiril i Meffodiy St., 220030, Minsk, Belarus, info@bdamlm.by*

The article analyzes the work of the Belarusian State Archives of the Museum of Literature and Art (BSAMLI) on the acquisition and use of personal documents of famous Belarusian literary and artistic figures – participants in the Great Patriotic War, which were received by the archive-museum in 2016–2025.

Keywords: documents of famous cultural figures of Belarus; personal collection; participants of the Great Patriotic War; acquisition and use of documents.

Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ), созданный 9 июня 1960 г., — богатейшая часть Национального архивного фонда Республики Беларусь, сокровищница белорусской литературы, языка и культуры. Здесь хранятся уникальные документальные памятники XIX–начала XX в., отражающие, в том числе творчество, мужество и героизм наших творцов в годы Великой Отечественной войны.

По состоянию на 1 января 2025 г. в списке граждан (деятелей литературы и искусства) — источников комплектования БГАМЛИ насчитывается

371 фондообразователь, 112 из них — участники Великой Отечественной войны. Среди них: А. Адамович, Я. Бриль, В. Быков, А. Карпюк, М. Лыньков, И. Мележ, И. Науменко, А. Савицкий, И. Шамякин и др.

В архиве-музее хранится значительное количество записных книжек и коротких дневниковых записей военного времени поэтов, прозаиков, переводчиков, литературных критиков и литературоведов, среди которых А. Алешко, А. Астапенко, Л. Бенде, П. Волкодаев, В. Горбук, Алесь Жаврук (А. Синичкин), П. Кобзаревский, М. Климкович, Н. Лобан, М. Лыньков и др. Самыми развернутыми из них и информативными по своему содержанию являются дневники писателей А. Алешко, П. Волкодаева, В. Горбука и Н. Лобана, опубликованные в 2020 г. в книге «Мы жили в буднях борьбы» [1].

Несмотря на 80-летний период, в БГАМЛИ продолжают поступать документы личного происхождения за 1941–1945 гг. Среди них: документы переводчика, сценариста, народного поэта Беларуси, участника Великой Отечественной войны А. А. Кулешова.

В январе 2024 г. в научный оборот введено 11 документов, переданных в архив-музей дочерью А. А. Кулешова, литературоведом, переводчиком — Валентиной Аркадьевной. Среди них особую ценность представляют общая тетрадь с черновым автографом «Балада пра камень», «Балада аб заклётым камяні» и поэма «Сцяг брыгады», созданные А. А. Кулешовым в 1942–1943 гг.; письма А. А. Кулешова М. Т. Лынькову, написанные в 1942 г. [2].

В апреле 2025 г. в БГАМЛИ поступили документы периода войны белорусского поэта, переводчика, участника Великой Отечественной войны А. А. Зарицкого (псевдоним с Алесем Жавруком — Кика и Кока). В его фонде отложились антифашистские листовки, составленные Алексеем Александровичем на русском и немецком языках, образцы военной формы и знаков отличия войск Вермахта, немецкие листовки и др. Наиболее ценными являются две записные книжки со стихами, написанными А. А. Зарицким в 1944 г.

В июле 2024 г. в БГАМЛИ поступили документы из личного архива поэта, участника Великой Отечественной войны П. М. Сушко и поэта, переводчика П. П. Сушко. Документы своих родственников (деда и отца) передал С. П. Сушко.

Среди них: рукописи сборников стихотворений «Акорды сэрца» (1938–1960) и рассказа «У агні перамог», рукописи стихотворений, написанных им еще во время Великой Отечественной войны о войне, партизанском движении и подвиге народа.

В мае 2018 г. в БГАМЛИ поступили документы племянницы Л. П. Александровской, доктора филологических наук А. Б. Ладыгиной. Среди них особый интерес представляют материалы из личного архива

Л. П. Александровской, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны — 27 писем Н. Николаева из Алма-Аты (1942–1944), ценные своей психологической глубиной, и 1 письмо медсестры Ольги (фамилия неизвестна), в котором представлены не только события первых военных дней 1941 г. в Минске, но и три замечательных человеческих образа: врача-хирурга, спасавшего раненых партизан, бесконечно преданной ему медсестры Ольги и знаменитой белорусской певицы Ларисы Помпеевны.

В июне 2024 г. в БГАМЛИ поступили документы фронтового кинооператора-документалиста Великой Отечественной войны Ю. Ф. Довнера. Документы своего отца передала Л. Ю. Довнер-Малицкая.

Во время Великой Отечественной войны Ю. Ф. Довнер снимал действия разведки, пехоты и пулеметчиков. В паре с М. З. Беровым снимал эвакуированных гражданских немцев в Восточной Пруссии, во время зимнего наступления Красной Армии на Кенисберг — танковые бои. Ю. Ф. Довнер — автор сюжета для кинопериодики: «Восточная Сибирь», «Савецкая Беларусь», «Сибирь на экране», «Союзкиножурнал». Его работы как оператора: «На Забайкальских рубежах» (в соавторстве, 1943), «В Восточной Пруссии» (фронтовой спецвыпуск № 11, в соавторстве, 1944), «Кенисберг» (фронтовой спецвыпуск № 6, в соавторстве, 1945), «Освобождение Советской Белоруссии» (в соавторстве, 1945), «Процесс над немцами в Белоруссии» (в соавторстве, 1945).

В архив-музей поступили биографические документы Ю. Ф. Довнера: пропуска и удостоверения Забайкальского военного округа (1942), Управления Красной Армии, Западного фронта (1943), III Белорусского фронта (1945), справки о ранении (1945), фотографии, письма и т. д.

Документы известных деятелей литературы и искусства Беларуси — участников Великой Отечественной войны, поступившие в БГАМЛИ, доступны для исследователей и используются при подготовке сборников документов, выставок, документальных фильмов, теле- и радиопередач, проведении экскурсий и лекций.

К 80-летию окончания Второй мировой войны берлинское издательство «Aufbau Verlag» совместно с БГАМЛИ в конце 2024 г. издали сборник документов «Ales Adamowitsch, Janka Bryl, Uladsimir Kalesnik „Feuer Dörfer. Wehrmachtsverbrechen in Belarus — zeitzeugen berichten“» («Алесь Адамович, Янка Брыль, Владимир Колесник „Горящие деревни. Преступления вермахта в Беларуси — свидетельства современников“») [3]. Это первый немецкоязычный перевод книги Алеся Адамовича, Янки Брыля, Владимира Колесника «Я з вогненнай вёскі», содержащий фотодокументы из фонда Владимира Колесника, хранящегося в БГАМЛИ (фонд № 161).

Для опроса очевидцев писатели на протяжении 1970–1973 гг. объездили с магнитофоном 147 деревень в 35 районах Беларуси и записали воспоминания более 300 непосредственных участников событий. В результате в книгу вошли свидетельства только тех людей, которые лично пережили трагедию сожжённых деревень, убийства родных и односельчан.

В фонде № 161 В. Колесника хранится не только рукопись книги, но и фотографии жителей деревень — свидетелей геноцида белорусского народа. В этой связи БГАМЛИ выявил и предоставил для публикации немецкому издательству цифровые копии более 80 документов.

В рамках празднования 90-летия Союзов писателей Беларуси и Казахстана, в декабре 2024 г. увидел свет совместный проект БГАМЛИ с Союзом писателей Казахстана «Породненные войной и целиной (Сборник архивных документов, статей, переводов, комментариев)» [4]. Данный сборник содержит материалы по белорусско-казахским литературным связям с 1936 г. до настоящего момента (в том числе — в период Великой Отечественной войны). В фондах БГАМЛИ были выявлены и представлены для публикации документы Союза писателей БССР, Максима Танка, Н. Хведоровича, А. Осипенко, Н. Кислика, А. Лиса и др. Среди них — доклады Адия Шарипова и Тахави Ахтанова на творческом совещании писателей и критиков Союза писателей БССР в Минске «Бессмертный подвиг народа в Великой Отечественной войне и советская литература»; стихотворения Абая Кунанбаева «Зіма» и Джамбула Джабаева «Калыханка» в переводе с казахского языка Максима Танка, Ильяса Джансугурова «Прывітанне» в переводе с казахского языка Петра Глебки; письма Бекхожина Халижана и Сагингали Сеитова Максиму Танку; стихотворения Максима Танка в переводе Сагингали Сеитова на казахский язык и др.

В течение 2024–сентябрь 2025 г. подготовлено более 20 статей для журналов «Юстиция Беларуси», «Архивы и делопроизводство», «Родное слова» о фондообразователях — участниках Великой Отечественной войны и документах, хранящихся в архиве-музее по истории войны.

В рамках празднования 80-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 80-летия Победы, БГАМЛИ проводил активную выставочную деятельность. Так, например, в феврале 2024 г. в БГАМЛИ прошло открытие выставки, посвященной 110-летию народного поэта Беларуси А. А. Кулешова, где были представлены биографические и творческие документы из его фонда, в том числе и периода Великой Отечественной войны.

19 июня 2024 г., в день 100-летия со дня рождения прозаика, публициста, драматурга, народного писателя Беларуси В. В. Быкова состоялись круглый стол и открытие выставки с участием председателя Союза

писателей Беларуси А. Н. Карлюкевича, редактора научного журнала «Роднае слова» Н. Н. Шапран, литераторов и киноведов. Архив-музей хранит его богатый документальный фонд (№ 165).

В мае 2025 г. в архиве-музее состоялось открытие литературно-документальной выставки «Я справай абраў сабе слова...», к 100-летию белорусского поэта-фронтовика, прозаика, переводчика, журналиста, участника Великой Отечественной войны Н. З. Кислика.

Реализовывались совместные проекты с Национальным художественным музеем Беларуси, Государственным музеем истории белорусской литературы и его филиалами и многими другими учреждениями. Так, например, в 2024 г. архив-музей принял участие в открытии совместного с Национальным центром современных искусств, БГАКФФД и Союзом белорусских еврейских общественных объединений и общин выставочного проекта «Земля кровоточит историей», посвященного 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Данный проект включал в себя масштабную экспозицию работ изобразительного искусства, арт-объектов, фото-, аудио- и видеоматериалов, скульптурных объектов, отражающих события Великой Отечественной войны. БГАМЛИ были предоставлены работы народного художника Беларуси А. М. Кашкуровича.

18 февраля 2025 г. в Художественной галерее «Университет культуры» состоялось торжественное открытие планшетной выставки «Во славу Родины, во имя Победы» ставшей результатом плодотворного сотрудничества Белорусского государственного университета культуры, Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина и республиканских архивных учреждений Беларуси, в том числе БГАМЛИ.

Планшетная выставка «Во славу Родины, во имя Победы» представляла собой серию информативных баннеров, посвящённых военным и трудовым будням тех, кто защищал Родину во время Великой Отечественной войны, вкладу многонационального народа СССР в общую Победу над фашизмом.

В течение 2024–сентября 2025 г. работники БГАМЛИ участвовали в съемках сюжетов для документальных фильмов и выступали на радио. Так, например, 22 марта 2024 г. Дирекцией общественно-политического вещания АО «Первый канал» на площадке БГАМЛИ были проведены съёмки документального фильма «Судьба отмерила нам непомерно», посвящённого 100-летию со дня рождения выдающегося белорусского писателя и драматурга Василя Быкова. Работники БГАМЛИ оказали содействие в подборе тематического материала к фильму (сценарии по произведениям В. Быкова, фотографии съёмочного процесса, кинопроб артистов и прочее) и приняли участие в съёмках сюжета.

Совместно с телеканалом «Беларусь 3» реализовали значимые совместные проекты, такие как: участие в съемках 10-ти серийного документального фильма «Свидетели Великой Отечественной войны»; документального фильма «Хранители времени», посвященного 65-летию со дня образования БГАМЛИ; документального проекта «Страницы военных дневников», состоящего из пяти серий, основанных на «Записках партизана» П. Волкодаева, а также дневниках Н. Лобана и А. Алешко.

В июне 2025 г. БГАМЛИ приняли участие в съёмках программы «Война между строк», телерадиокомпании «Гомель». Темой программы стала жизнь и творчество народных писателей Беларуси Ивана Шамякина, Ивана Мележа, Ивана Науменко и Андрея Макаёнка в годы Великой Отечественной войны.

Работники архива-музея выступали в прямом эфире программы «Дыялогі пра культуру» с ведущими Наумом Гальперовичем и Аллой Ивановой, в культурно-просветительской авторской программе Галины Шаблинской «Творческий вечер» на Первом Национальном канале Белорусского радио и др.

В БГАМЛИ хранятся ценные документы выдающихся деятелей литературы и искусства Беларуси — участников Великой Отечественной войны, позволяющие более глубоко исследовать мировоззрение и творческий путь наших творцов, особенно во времена суровых испытаний войной. Материалы, поступившие и продолжающие поступать в архив-музей, очень ценны. Проходит время и многое стирается из памяти народа, а благодаря архивным материалам, появляется шанс сохранить историю для наших будущих поколений. В этой связи, БГАМЛИ проводит обширную работу по поляризации данных документов.

Библиографические ссылки

1. Мы жылі ў буднях барацьбы: старонкі ваенных дзёнікаў беларускіх пісьменнікаў; уклад., прадм., уступ. арт., камент. Ганны Запартыкі. Мінск: Мастацкая літаратура, 2020. 366 с.; іл.
2. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Ф.411. Оп. 2. Д. 1, 8, 9, 13, 30–32.
3. Ales Adamowitsch, Janka Bryl, Uladzimir Kalesnik “Feuerdorfer. Wehrmachtsverbrechen in Belarus – Zeitzeugen berichten” – aus dem Belarussischen von Tomas Weiler, mit einem Vorwort von Irina Scherbakowa und einem Nachwort von Nina Valter,. Aufbau Verlage GmbH Co. KG, Berlin 2024.
4. Породненные войной и целеной (Сборник архивных документов, статей, переводов, комментариев) / составитель Л. Шашкова. Алматы: РОО «Союз писателей Казахстана», 2024. 336 с.

ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Я. А. Поддевалина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, poddevalina1203@outlook.com*

В условиях цифровой трансформации электронный документооборот стал неотъемлемой частью эффективной работы каждой организации. Однако его качество остается недостаточно определенным и формализованным в силу отсутствия целостной модели обеспечения качества электронного документооборота, соответствующей современным требованиям управления. Основываясь на анализе существующих трактовок понятий «электронный документооборот», «качество» и «качество процесса», в статье предложена авторская трактовка понятия «качество электронного документооборота» как комплексной характеристики, отражающей степень соответствия процессов обработки электронных документов в организации установленным требованиям. Рассматриваются ключевые критерии оценки качества электронного документооборота.

Ключевые слова: электронный документооборот; качество; качество процесса; качество электронного документооборота.

CONCEPT AND QUALITY CRITERIA OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT

Y. A. Poddevalina

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, poddevalina1203@outlook.com*

In the context of digital transformation, electronic document management has become an integral part of the effective work of every organization. However, its quality remains insufficiently defined and formalized due to the lack of a comprehensive model for ensuring the quality of electronic document management that meets modern management requirements. Based on the analysis of existing interpretations of the concepts of “electronic document management”, “quality” and “process quality”, the article proposes the author’s interpretation of the concept of “quality of electronic document management” as a complex characteristic reflecting the degree of compliance of the processes of processing electronic documents in an organization with established requirements. The key criteria for assessing the quality of electronic document management are considered.

Keywords: electronic document management; quality; process quality; quality of electronic document management.

За последние десятилетия электронный документооборот был успешно интегрирован в структуру множества организаций, обеспечивая повышение эффективности, прозрачности и управляемости процессов работы с документами. От того, насколько качественным является процесс электронного документооборота, зачастую зависит и качество организации в целом. Однако, до сих пор нет точного и однозначного определения понятию «качество электронного документооборота».

Для того, чтобы определить, что собой представляет качество электронного документооборота, необходимо рассмотреть такие понятия, как «электронный документооборот», «качество» и «качество процесса».

На текущий момент нет закреплённой трактовки понятия «электронный документооборот», однако существует множество авторских трактовок и трактовок, которые отражены в методических документах в области документооборота и архивного дела. В обобщённом виде электронный документооборот представляет собой способ организации процессов работы с электронными документами, документами в электронном виде, а также прочими данными, представленными в электронной форме, с помощью автоматизированной системы документационного обеспечения управления (АС ДОУ) или иных информационных систем [1].

Если говорить о трактовке понятия «качество», то впервые качество как философская категория была проанализирована Аристотелем ещё в IV в. до н. э. По его словам, «качеством, с одной стороны, называется видовое отличие сущности» [2].

Г. Гегель выдвинул свое определение качества. В понимании Г. Гегеля «качество есть в первую очередь тождественная с бытием определенность, так что нечто перестает быть тем, что оно есть, когда оно теряет свое качество» [3].

Некоторые современные исследователи, например, В. М. Мишин [4], предлагают рассматривать качество не только как философскую, но и как социальную, техническую, управленческую категорию. Как предмет познания сходства и различия предметов по целому ряду характеристик трактует качество И. С. Тимофеев [5].

В межгосударственном стандарте ГОСТ 15467-79 «Управление качеством продукции. Основные понятия. Термины и определения» под качеством продукции понимается совокупность свойств продукции, обуславливающих ее пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением [6].

Международной организацией по стандартизации ISO было сформировано определение понятия качества — это совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять установленные и предполагаемые потребности потребителя [7].

На повышение качества деятельности нацелена каждая организация. Поэтому для этого была создана бизнес стратегия всеобщего управления качеством (Total Quality Management, TQM). Концепция всеобщего управления на основе качества, была разработана американскими учеными Уолтером Шухартом и Уильямом Эдвардом Демингом [8].

Главная идея концепции У. Шухарта состоит в «улучшении качества за счет уменьшения изменчивости процесса производства».

Филипп Кросби разработал теорию бездефектного изготовления продукции [9], ключевым принципом которой является полное исключение дефектов из производственной сферы.

Арманд Фейгенбаум разработал теорию комплексного управления качеством [10], основная идея которой — всеобщее управление качеством, которое затрагивает все стадии создания продукции и все уровни управления предприятием при реализации технических, экономических, организационных и социально-психологических мероприятий.

Американский исследователь Дж. Джуран определяет качество как соответствие назначению. Согласно его трактовке, качество представляет собой способность продукта или услуги выполнять свои функции, быть пригодным для использования [по данным 11]. Но такой подход не учитывает, что само понятие «пригодность» для разных категорий пользователей может быть различным.

Существует ряд стандартов, регулирующих общие принципы обеспечения качества во всех отраслях. Наиболее важными стандартами являются ISO 9000:2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь», ISO 9001:2015 «Системы менеджмента качества. Требования», ISO 9000:2009 «Менеджмент в целях достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества». В их основу положены идеи всеобщего управления качеством. В СТБ ISO 9000-2015 [12] качество продуктов и услуг, производимых организацией, определяется способностью удовлетворить потребителей, а также ожидаемым или непредусмотренным влиянием на другие заинтересованные стороны. Оно также включает в себя не только заложенные в них функции и параметры, но и восприятие их ценности и пользы потребителем.

Таким образом, на текущем этапе развития менеджмента понятие «качество» трактуется как комплекс предметов и процессов, состоящий из качества продукции, качества процесса, качества технологии, качества управления и др.

Так как электронный документооборот, в большинстве своем, представляет совокупность процессов работы с различными формами документированной информации, для определения трактовки понятия его качества стоит также рассмотреть и существующие трактовки понятия «качество процесса».

Так, например, в вышеупомянутом стандарте СТБ ISO 9000-2015 под качеством процесса понимается степень, с которой совокупность характеристик процесса удовлетворяет установленным требованиям, включая эффективность и результативность [12].

Для обеспечения функционирования электронного документооборота в организациях зачастую используют автоматизированные системы документационного обеспечения управления или иные программные продукты, которые способны обеспечить процессы работы с информацией в электронном виде. В связи с этим нужно также рассмотреть стандарт СТБ ISO/EC 25000-2009 «Разработка программного обеспечения. Требования к качеству и оценка программного продукта (SQuaRE). Руководство по SQuaRE», входящий в серию стандартов, предназначенных для оценки качества программного обеспечения [13]. В соответствии с данным стандартом, качество процесса — это способность процесса обеспечивать качество программного продукта через управляемые действия, направленные на достижение функциональных и нефункциональных характеристик.

А. В. Гличев считал, что качество процесса — это совокупность свойств процесса, обеспечивающих достижение запланированных результатов при рациональном использовании ресурсов [14]. Под степенью соответствия процесса целям, требованиям и ожиданиям, выраженной через управляемость и результативность, понимает качество процесса В. В. Репин [15]. В своей статье Д. Могилко утверждает, что качество процесса — это степень соответствия требованиям заинтересованных сторон, обеспеченная структурой и механизмами управления [16].

Таким образом, учитывая существующие трактовки понятий «электронный документооборот», «качество» и «качество процесса», качество электронного документооборота можно определить как способность процесса работы с электронными документами, документами в электронном виде и прочими данными, представленными в электронной форме соответствовать установленным требованиям и создавать устойчивую ценность для заинтересованных сторон.

Критерии качества электронного документооборота можно также разделить на две группы: критерии соответствия установленным требованиям и критерии создания устойчивой ценности для заинтересованных сторон.

К критериям соответствия установленным требованиям можно отнести следующие критерии: юридическая значимость, своевременность обработки, надёжность и защищенность, повторяемость операций и управляемость процесса. Ко второй группе относятся такие критерии, как доступность и удобство, интеграция с другими системами, адаптивность, масштабируемость, эффективность, поддержка жизненного цикла документа.

Библиографические ссылки

1. *Поддевалина Я. А.* Трактовка понятия «электронный документооборот» // Пичетовские чтения — 2024. История: наука, образование, память: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию ист. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2024 г. Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2024. С. 459–463.
2. *Аристотель.* Метфизика // М: Эксмо, 2017.
3. *Басовский Л. Е.* Управление качеством // М.: ИНФРА-М, 2005.
4. *Мишин В. М.* Управление качеством // М: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
5. *Тимофеев И. С.* Методологическое значение категорий «качество» и «количество» // М.: Наука, 1972.
6. Управление качеством продукции. Основные понятия. Термины и определения: ГОСТ 15467-79. URL: <http://www.gistoolkit.ru/download/laws/pravrf477.pdf> (дата обращения: 03.09.2025).
7. Всеобщее управление качеством // Сайт базы TAdviser. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Всеобщее_управление_качеством (дата обращения: 03.09.2025).
8. International Organization for Standartization // Международная организация по стандартизации. URL: <https://www.iso.org> (дата обращения: 03.09.2025).
9. *Кросби Ф.* Качество и я. Жизнь бизнеса в Америке // М.: Стандарты и качество, 2003.
10. *Фейгенбаум А.* Контроль качества продукции // М.: Экономика, 1986.
11. *Липидус В. А.* Всеобщее качество (TQM) в российских компаниях // М.: Новости, 2002.
12. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь: СТБ ISO 9000-2015. Введ. 01.03.2016. Минск: Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь, 2016. 60 с.
13. Разработка программного обеспечения: Требования к качеству и оценка программного продукта (SQuaRE): Руководство по SQuaRE: СТБ ISO/IEC 25000-2009, 2009. 65 с.
14. *Гличев А. В.* Основы управления качеством продукции // М.: РИА «Стандарты и качество», 2001.
15. *Репин В. В.* Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
16. *Могилко Д.* Управление качеством: модель процесса и компетенций // Business Studio — проектирование организации. URL: https://www.businessstudio.ru/articles/article/upravlenie_kachestvom_model_protsesta_i_kompetentsiy (дата обращения: 03.09.2025).

РОЛЬ СТАТИСТИКИ В ПЛАНОВОМ УПРАВЛЕНИИ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ В СССР

А. А. Приборович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, priborovich@gmail.com*

В Советском Союзе статистика была органической частью единого хозяйственного механизма управления плановой экономикой. Она активно содействовала реализации экономической политики, утверждённой руководством страны. В статье объяснена роль статистики в управлении плановой экономики СССР (БССР). Автор раскрывает механизм использования статистических данных при разработке народнохозяйственных планов, их корректировке и контроле исполнения. Исследуется влияние статистической информации на принятие управленческих решений плановой системы в СССР.

Ключевые слова: статистика; плановое управление; народное хозяйство; БССР; СССР; экономический учёт; планирование.

THE ROLE OF STATISTICS IN PLANNED MANAGEMENT OF THE NATIONAL ECONOMY IN THE USSR

A. A. Priborovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, priborovich@gmail.com*

In the Soviet Union, statistics were an integral part of the unified economic mechanism for managing the planned economy. It actively contributed to the implementation of economic policy approved by the country's leadership. The article explains the role of statistics in managing the planned economy of the USSR (BSSR). The author reveals the mechanism for using statistical data in developing national economic plans, adjusting them, and monitoring their implementation. The influence of statistical information on the adoption of management decisions in the planning system in the USSR is studied.

Keywords: statistics; planned management; national economy; BSSR; USSR; economic accounting; planning.

В декабре 2026 г. исполнится тридцать пять лет с момента распада Союза Советских Социалистических Республик (СССР), который представлял собой одну из самых влиятельных политических формаций в истории, объединявшую на своей территории многие народы, включая белорусский этнос. За почти 70-летнюю историю Советский Союз в экономическом и внешнеполитическом ракурсе считался одним из мировых лидеров. Однако, процесс развития СССР был непростым. За короткий срок молодому государству удалось из аграрной страны стать мощнейшим промышленным и научным центром, который смог вывести советский народ из последствий Великой Отечественной войны. Многие современные исследователи, как и советские, считали, что успехом развития СССР, особенно

в 70-е и 80-е гг. XX в., стало формирование эффективного народного хозяйства, которое должно было, по мнению его руководства, стать фундаментом такой экономики, при которой население страны будет обеспечено всем необходимым за счёт высокого уровня общественного производства. Ключевая же роль налаживания эффективной экономики Советского Союза отводилась тогда плановому управлению. В условиях социалистической системы общественного производства создавались все необходимые политические и экономические предпосылки для планового ведения народного хозяйства и организации всенародного учёта. Планирование экономики, как направление хозяйственной политики СССР, неразрывно было связано с организацией государственной статистики. В СССР (как и в БССР) статистика играла ключевую роль в плановом управлении народным хозяйством, предоставляя информацию для разработки и контроля выполнения пятилетних планов. Она служила основой для принятия решений на всех уровнях управления, от центрального до местного [5].

Задачи, решаемые советской статистикой, состав, направления, этапность и сроки выполнения статистических мероприятий определялись, прежде всего, нуждами планового руководства экономикой. Хозяйственный механизм управления экономикой СССР включал в себя планирование, ценообразование, учёт и статистику, снабжение, всю совокупность форм и методов управления в единой централизованной системе. При этом взаимодействию статистики и планирования предавалось особое внимание. Так как для планирования необходима была своевременная, точная и полная информация о ходе выполнения государственных планов, о состоянии и развитии каждой отрасли и административно-территориальной единицы страны, о наличии и составе трудовых и материальных ресурсов.

Советское планирование — процесс, включавший множество задач по выявлению и количественному измерению факторов, влияние которых на экономику и общество было существенным [1]. Во всей этой работе планирование опиралось на статистику, точнее, на предоставляемые ею данные. Для разработки плана нужно было знать возможности, которыми располагала страна к началу нового планируемого периода, её производственный потенциал, наличие фондов, численность и состав трудовых ресурсов, т. е. нужно было составить статистическую базу плана. Отсюда сами программы статистических работ в стране, сбора и анализа сведений определялись главным образом потребностями политических властей, руководства народной экономики и прежде всего — планирования. Предоставляемые органами статистики плановым органам сведения соответствовали структуре государственного плана развития СССР. Поэтому сроки проведения статистических работ, предоставления их итогов

рассчитывались таким образом, чтобы они были актуальными на момент разработки плана. Кроме этого, на советскую статистику возлагалась задача учёта (контроля) выполнения плана.

Статистическое наблюдение за ходом выполнения государственных планов организовывалось таким образом, чтобы имелась возможность выяснить закономерности развития производства, выявлять территории (сферы), в которых не удалось достигнуть успеха в установленный срок. Вскрытие имеющихся недостатков, выяснение причин невыполнения планов, выявление неиспользуемых резервов позволяло властям своевременно принять меры к устранению недочётов в экономике, предупредить возможность возникновения отдельных проблем, вносить необходимые коррективы в план в ходе его исполнения [2]. Но каким же образом удавалось это делать, ведь предмет статистического обследования и планирования направлен на выполнения близких, но всё же разных задач?

Сложность всего процесса народнохозяйственного планирования состояла в том, что оно предоставляло собой единство разработки, проверки и исполнения плановых заданий. На всех этапах планирования большую роль играл учёт и статистика. Важной составной частью эффективного сотрудничества статистики и планирования в СССР было наличие общей системы показателей развития экономики и жизни населения. Идентичность показателей как в плане, так и в статистике, делала сопоставимыми плановые и отчётные данные. Так, важнейшим инструментом оперативного контроля за ходом выполнения плановых заданий и своевременного выявления тех или иных отклонений от плана служила текущая отчётность, которая в рамках централизованного и ведомственного статистического обследования позволяла получать необходимые статистические сведения. По ряду вопросов, связанных с развитием народного хозяйства и жизни общества, но не освещаемых в отчётности, государственная статистика производила переписи, выборочные и монографические обследования, а также ряд других мероприятий.

Для того, чтобы статистические данные отвечали нуждам управления и планирования, они разрабатывались по отраслям народного хозяйства, по территории СССР в целом и отдельно по каждой союзной республике, каждой области (округу, району) и соответственно сельсовету. С 1922 по 1991 г. в Советском Союзе удалось построить единую централизованную систему статистических органов, что в свою очередь означало, что вся статистическая работа в стране осуществлялась по единой методологии и плану, с учётом особенностей союзных республик [3].

Отметим, что руководство всей статистической работой в СССР осуществлял единый орган статистики ЦСУ [Центральное управление

народно-хозяйственного учёта (ЦУНХУ) с 1930 по 1948 г.; Государственный комитет статистики (Госкомстат) с 1987 по 1991 г.]. ЦСУ СССР разрабатывала единую статистическую методологию, составляла общий план статистических работ и следила за его выполнением, разрабатывала статистические данные по стране в целом, руководила учётом и отчётностью в стране, организовывала переписи и др. В каждой из советских республик, входивших в СССР, имелся свой центральный орган статистики, который руководил статистическими работами на своей территории. В республиках, соответственно, создавалась своя местная сеть статистических органов, которые собирали статистические сведения и разрабатывали отчёты по своему территориальному участку. Формально в систему государственной статистики также входили статистические службы, организованные на предприятиях и в организациях, т. е. ведомственная статистика. Статистическая служба предприятий и организаций разрабатывала первичную отчётность, следила за правильностью предоставления отчётных данных для местной власти, республиканских органов власти, а также государственных органов статистики и планирования.

В СССР общегосударственным плановым органом с 1923 по 1991 г. был Государственный плановый комитет (Госплан СССР), который разрабатывал проект единого государственного народно-хозяйственного плана Советского Союза и следил за его исполнением, разрабатывал, соответственно, методологию планирования народного хозяйства и отдельных его отраслей. Во всех союзных республиках имелись республиканские плановые комиссии, занимающиеся планированием всей республиканской экономикой, а в областях — местные плановые комиссии.

Таким образом, на всех этапах планирования необходимы были статистические данные. В процессе разработки проекта государственного плана развития народного хозяйства Госплан СССР тщательно изучал статистические материалы, разрабатываемые центральным органом статистики. В своей деятельности плановые и статистические органы были тесно связаны. Госплан СССР и ЦСУ СССР, как и другие плановые и статистические органы, являлись самостоятельными организациями (не считая период с 1930 по 1948 г. когда советская статистика была подчинена напрямую государственному планированию), но всю свою работу они осуществляли при совместном согласовании. ЦСУ при составлении плана своих работ обсуждала его с Госпланом, и в свою очередь центральный орган планирования, разрабатывая свои программы и методологию планирования, обсуждал с ЦСУ.

Для планирования и статистики важное значение имела выработка общей системы показателей. Как уже отмечалось выше, между планированием

и статистикой в условиях социалистической системы ведения экономики имела неразрывная связь и единство. Эта связь заключалась, прежде всего, в создании (согласовании) единой системы экономических показателей развития народного хозяйства как в отраслевом, ведомственном, так и в территориальном разрезах. Преимущество такого единства также было связано с тем, что по данным статистики можно было судить о случаях срыва плановых заданий — это позволяло плановым и хозяйственным органам своевременно принимать необходимые управленческие решения, направленные на устранения выявленных недостатков. Разработка статистикой данных, характеризующих ход и результаты выполнения планов, занимало для Центрального статистического управления главное место и в то же время отражало плановый (директивный) характер советской экономики, тесную взаимосвязь статистики и планирования. Были, конечно, и просчёты в объединении статистики и планирования. Ломка сложившейся в 1920-е гг. системы государственной статистики и её реорганизация в 1930 г. искусственно создало компромисс единства статистического учёта и планирования, однако это предопределило возникновению множества ошибок (местничество, очковитительство, халатность и др.) в получении достоверных статистических сведений в будущем [6]. Например, решением И. В. Сталина в 1937 г. в СССР были отменены итоги Всесоюзной переписи населения, проведённой в этот же год. Этот пример служит яркой демонстрацией наличия организационных ошибок советской власти в работе плановых и статистических органов, которые до сих пор являются догмой ряда исследователей в вопросе достоверности сведений советской статистики [4].

Библиографические ссылки

1. Володарский Л. М. Статистика и планирование в СССР. М., 1969.
2. Киперман Г. Я. Статистика и планирование. М.: Финансы и статистика, 1983.
3. Приборович А. А. Систематизация материалов централизованного статистического учёта БССР за 1919–1939 гг. // Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. С. 208–210.
4. Приборович А. А. Материалы государственной статистики БССР 1919–1939 г.: проблема достоверности источника // Вестник ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 3–11.
5. Приборович А. А. Межведомственное сотрудничество центральных органов статистики БССР с государственными организациями (1919–1939 гг.) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2017. № 9. С. 121–128.
6. Приборович А. А. Советская Беларусь: к вопросу значимости структурных преобразований в государственной статистике (1930–1939 гг.) // Вестник ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. 2018. № 2. С. 15–21.

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ БЕЛОРУССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТАМИ

А. А. Сашко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, nedaschko@bk.ru*

*Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного
дела, ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск, Беларусь, nedaschko@bk.ru*

В статье рассматриваются современные научно-методические разработки Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, направленные на совершенствование процессов управления документами в организациях. Особое внимание уделяется системному подходу к регламентации документооборота, унификации управленческой документации и интеграции актуальных стандартов в практику документационного обеспечения.

Ключевые слова: делопроизводство; управление документами; документ; документационное обеспечение управления.

MODERN SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL DEVELOPMENTS OF THE BELARUSIAN RESEARCH INSTITUTE OF RECORDS MANAGEMENT AND ARCHIVAL STUDIES IN THE FIELD OF RECORDS MANAGEMENT

N. A. Sashko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, nedaschko@bk.ru*

*Belarusian Research Institute of Records Management and Archival Studies,
Kropotkina Street, 36, 220002, Minsk, Republic of Belarus, nedaschko@bk.ru*

The article examines the modern scientific and methodological developments of the Belarusian Research Institute of Records Management and Archival Studies aimed at improving document management processes in organizations. Particular attention is given to the systematic approach to regulatory structuring, unification of administrative documentation, and integration of relevant standards into records management practices.

Keywords: records keeping; records management; document; record.

В условиях цифровизации управленческой деятельности, усложнения нормативно-правовой базы и необходимости интеграции международных требований в национальную систему документационного обеспечения управления, особую значимость приобретает научно-методическое сопровождение процессов документационного обеспечения управления. В Республике Беларусь данное направление реализуется Белорусским

научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела, осуществляющим разработку и апробацию научных, производственно-практических, нормативных и справочных материалов, направленных на унификацию, оптимизацию и правовую регламентацию документооборота в организациях различных форм собственности [9].

Научно-методические разработки института формируются в соответствии с актуальными задачами отрасли и охватывают широкий спектр вопросов, включая стандартизацию организационно-распорядительной документации, регламентацию документооборота, внедрение систем управления документами, а также адаптацию международных требований к национальной нормативной базе. Особое внимание уделяется подготовке методических рекомендаций, обеспечивающих повышение эффективности процессов управления документами, юридическую значимость управленческой документации и соблюдение требований законодательства в сфере архивного дела и делопроизводства [10].

Одним из приоритетных направлений работы института является подготовка Альбома форм организационно-распорядительных документов с комментариями (на основе унифицированных форм документов Унифицированной системы организационно-распорядительной документации) [1]. Издание содержит примеры оформления документов, переработанные с учетом актуальных изменений трудового законодательства и нормативных актов, регулирующих сферу архивного дела и делопроизводства. Альбом структурирован по тематическим разделам, охватывающим документацию, связанную с распорядительной деятельностью, организационно-нормативным регулированием, кадровыми процессами, предоставлением отпусков, оформлением поощрений, дисциплинарных взысканий и командировок. Каждый раздел сопровождается комментариями, разъясняющими порядок применения унифицированных форм, а также специфику их адаптации к конкретным управленческим ситуациям.

Важным компонентом научно-методической деятельности института является разработка Методических рекомендаций по составлению и применению номенклатур дел организаций, типовых и примерных номенклатур дел [7]. В рекомендациях подробно раскрываются принципы построения номенклатур, требования к систематизации заголовков дел, порядок согласования и утверждения документации, а также особенности заполнения граф и оформления итоговых записей. Включение типовых и примерных номенклатур позволяет обеспечить единообразие подходов к классификации документов, повысить прозрачность документооборота и упростить процедуры формирования архива организации. Положения рекомендаций охватывают как подготовительный этап, включающий анализ

структуры организации и функциональных связей между подразделениями, так и этапы согласования, утверждения и внедрения номенклатур в практику работы.

Параллельно институтом осуществляется разработка Методических рекомендаций по разработке инструкций по делопроизводству в государственных органах, иных организациях [6]. Указанные рекомендации предназначены для руководителей служб документационного обеспечения управления, специалистов в области управления документами, а также иных работников, в обязанности которых входит документирование управленческой деятельности. В рекомендациях рассматриваются требования к структуре и содержанию инструкций, оформлению реквизитов, текстов и отдельных видов документов, а также к применению технических средств. Отдельные главы посвящены организации документооборота, регистрации, контролю исполнения, формированию дел, проведению экспертизы ценности, составлению описей и передаче документов в архив. Особое внимание уделяется вопросам оперативного хранения, уничтожения документов с истекшими сроками хранения и обеспечению информационно-поисковой доступности управленческой документации.

Разработанные материалы обладают высокой степенью адаптивности и могут быть использованы при создании локальных нормативных актов, методических документов и инструкций, учитывающих специфику структуры и функций конкретной организации. Унификация подходов к оформлению и обработке документов способствует снижению рисков, связанных с юридической значимостью управленческой документации, а также обеспечивает соблюдение требований законодательства в сфере архивного дела и делопроизводства.

В рамках научно-методической деятельности института особое место занимает разработка рекомендаций, направленных на интеграцию международных стандартов ISO в практику управления документами, в том числе Методических рекомендаций по работе с документами в организациях Республики Беларусь, внедряющих международные стандарты ISO на системы управления (менеджмента) [4]. Указанные материалы разъясняют положения стандартов ISO, адаптированные к требованиям законодательства Республики Беларусь в сфере архивного дела и делопроизводства. В рекомендациях освещаются особенности терминологического аппарата, принципы построения систем управления документами, нормативная среда, политика организаций, распределение ответственности, ключевые меры, проектирование и внедрение систем, мониторинг, аудит и обучение. Примеры оформления документации адаптированы к

подразделениям, ответственным за управление качеством, охрану труда, экологическую безопасность, информационную защиту и другие направления, сопряженные с документоведческой деятельностью.

Методические рекомендации по управлению документами в организациях в соответствии с положениями государственного стандарта Республики Беларусь СТБ ISO 15489-1-2016 «Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Общие требования» [8], охватывают все этапы жизненного цикла документа — от создания и использования до обеспечения сохранности и уничтожения. В рекомендациях раскрываются особенности терминологического аппарата стандарта, значение и содержание управления документами, нормативная среда, политика организации, распределение ответственности, ключевые меры, проектирование и внедрение систем, процессы и средства управления, мониторинг, аудит и обучение. Приложения содержат примеры, иллюстрирующие практическое применение положений стандарта в организациях различных форм собственности и организационно-правовых форм.

Значительный вклад в развитие нормативной базы вносит разработка Методических рекомендаций по разработке и применению перечней документов с указанием сроков хранения [5]. В рекомендациях раскрываются назначение и сфера распространения перечней, классификационные схемы, звенность, порядок определения сроков хранения, а также процедуры признания нормативных актов, утратившими силу. Указанные рекомендации охватывают типовые, ведомственные и корпоративные перечни, обеспечивая единообразие подходов к классификации документов и соблюдение требований законодательства в области архивного хранения.

Институтом разработаны Методические рекомендации по практическому применению государственного стандарта Республики Беларусь СТБ 6.38-2016 «Унифицированные системы документации Республики Беларусь. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» [3], содержащие требования к оформлению документов, включая бланки, угловые штампы, реквизиты заголовочной части, структуру текстов, а также особенности оформления при использовании компьютерной техники. В приложениях представлены образцы, соответствующие действующим нормативным требованиям, что позволяет обеспечить единообразие визуального и структурного представления управленческой документации.

В числе актуальных научно-методических разработок института следует выделить Методические рекомендации по оптимизации документообразования и документооборота в государственных органах, иных организациях [2]. Данные рекомендации направлены на повышение

эффективности документационных процессов путем внедрения рациональных подходов к созданию, обработке и движению документов. В них рассматриваются основные направления оптимизации, включая пересмотр структуры документообразования, сокращение избыточных процедур, а также внедрение автоматизированных решений. Особое внимание уделяется способам и методам оптимизации, охватывающим как организационные, так и технологические аспекты, включая унификацию форм, регламентацию маршрутов движения документов, внедрение бездокументного обмена информацией и повышение информационной прозрачности документооборота.

Комплексное внедрение указанных разработок в делопроизводственную практику способствует формированию единых подходов к управлению документами, обеспечению нормативной согласованности, повышению качества документооборота и соблюдению требований архивного законодательства. Научно-методическая деятельность института представляет собой системный и многоуровневый подход к совершенствованию документационного обеспечения управления, отвечающий актуальным вызовам цифровой трансформации и нормативной интеграции.

Библиографические ссылки

1. Альбом форм организационно-распорядительных документов с комментариями (на основе унифицированных форм документов Унифицированной системы организационно-распорядительной документации). 8-е изд., перераб. / авт.-разраб.: А. Е. Рыбаков, А. Н. Сукач, Е. В. Шумская. Минск: БелНИИДАД, 2024. 230 с.

2. Методические рекомендации по оптимизации документообразования и документооборота в государственных органах, иных организациях / Учреждение «Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела». Утверждено приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 06.08.2025 № 32.

3. Методические рекомендации по применению государственного стандарта Республики Беларусь СТБ 6.38-2016 «Унифицированные системы документации Республики Беларусь. Система организационно-распорядительной документации». Минск: БелНИИДАД, 2025. 105 с.

4. Методические рекомендации по работе с документами в организациях Республики Беларусь, внедряющих международные стандарты ISO на системы управления (менеджмента) / авт.-разраб.: Е. В. Шумская (отв. исп.), А. Е. Рыбаков, А. Н. Сукач. Минск: БелНИИДАД, 2024. 52 с.

5. Методические рекомендации по разработке и применению перечней документов с указанием сроков хранения / Э. Н. Давыдова, Е. П. Дернович. Минск: БелНИИДАД, 2025. 64 с.

6. Методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству в государственных органах, иных организациях / авт.-разраб.: Е. В. Шумская [и др.]. Минск: БелНИИДАД, 2024. 247 с.

7. Методические рекомендации по составлению и применению номенклатур дел организаций, типовых и примерных номенклатур дел / Э. Н. Давыдова, Е. П. Дернович, А. Е. Рыбаков. Минск: БелНИИДАД, 2025. 96 с.

8. Методические рекомендации по управлению документами в организациях в соответствии с положениями государственного стандарта Республики Беларусь СТБ ISO 15489-1-2016 «Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Общие требования» / авт.-разраб.: А. Е. Рыбаков, А. Н. Сукач, Е. В. Шумская. Минск: БелНИИДАД, 2024. 100 с.

9. *Рыбаков А. Е.* «Институт нашел свое место в архивной системе. Институт нужен отрасли» (к 25-летию Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела) // Беларускі археаграфічны штогоднік. 2016. Вып. 17. С. 5–18.

10. *Рыбаков А. Е.* О научно-исследовательской работе Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела в 2017–2021 гг. и перспективных направлениях научных исследований // Белорусский исторический обзор. 2022. № 2(7). С. 60–83.

РОЛЬ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТА

С. Н. Ходин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, skhodzin@bsu.by*

В статье рассматривается значение источниковедения как важного компонента профессиональной подготовки и фактора формирования аналитических компетенций специалиста. Высказывается мнение о возрастании роли истории в системе когнитивных наук, об источниковедении как основе гуманитарного синтеза. Сделан вывод о необходимости целенаправленной интеграции источниковедения в профессиональные стандарты и учебные планы, о значимости подготовки специалистов в данной сфере.

Ключевые слова: компетенции; история; «когнитивные» технологии; информатизация; источниковедение.

THE ROLE OF SOURCE STUDY IN DEVELOPING OF A SPECIALIST'S ANALYTICAL COMPETENCIES

S. Khodzin

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, skhodzin@bsu.by*

This article examines the importance of source studies as a key component of professional training and a factor in developing specialists' analytical competencies. It explores the growing role of history within the cognitive sciences and considers source studies as the foundation of humanities synthesis. It concludes that there is a need for targeted integration of source studies into professional standards and curricula, and that training specialists in this field is essential.

Keywords: competencies; history; cognitive technologies; information technology; source studies.

Человеческое общество находится на пике эры информатизации и телекоммуникаций, на этапе перехода к шестому технологическому укладу. Этот период характеризуется не только развитием нанотехнологий, но и т. н. «когнитивных» технологий — изучением человеческого сознания и способов управления им. Все больше ощущается необходимость в специалистах нового типа, способных решать сложные профессиональные задачи на основе аналитического подхода.

В решении этих задач в системе когнитивных наук значительное место принадлежит историческим наукам. По мнению О. М. Медушевской, каждая из наук «берет в качестве объекта одну из сторон человеческого мышления и поведения и потому не может настаивать на его абсолютной репрезентативности. Есть лишь одна наука, объектом рассмотрения до

современности, в его эволюционном и глобальном единстве. Эта наука — история, ее объект мыслится как адекватный человечеству. Исторический процесс — и есть время и место реализации человеческого мышления и поведения как универсального явления. Следовательно, лишь при условии привлечения исторической науки когнитивистика может получить адекватный своим целям объект» [1, с. 8–9]. История является информационной наукой поскольку её задача информировать настоящее время о прошлом.

Информатизация, сопоставимая по своим масштабам с процессами глобализации, обуславливает информационную насыщенность профессиональной деятельности каждого современного специалиста. Её успех во многом определяется готовностью и способностью специалиста находить, интерпретировать, критически оценивать и включать в сферу профессиональной деятельности непрерывно обновляющуюся информацию, формировать информационные потоки и управлять ими, а также создавать новую информацию, используя современные информационные технологии [2; 3].

А. В. Хуторской утверждает, что понятия «компетентность» и «компетенция» могут быть сформулированы следующим образом. Компетенция включает «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определённому кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. А компетентность предполагает «владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [4, с. 1].

В ряду компонентов аналитической компетенции, следует отметить способность к теоретическому и ситуационному анализу процессов в профессиональной сфере; склонность к сравнительному анализу и синтезу; способность к соединению инструментов анализа с решением. Не менее важным является умение визуализировать полученные данные; способность интерпретировать их, вырабатывать и обосновывать критерии [5; 6].

Совершенно очевидно, что указанные компетенции прежде всего формируются на основе анализа источников, их внешней и внутренней критики. Человек, как существо творческое, социальное и историческое, завершает познавательное действие созданием продукта. «Опосредованный информационный обмен через посредство этого продукта делает человека существом социальным, формируя действующую информационную систему сообщества...» [1, с. 331].

Именно источниковедение через анализ овеществлённой человеческой мысли позволяет формировать адекватное и обоснованное представление

о прошлом как системе проверяемых суждений о человеческой деятельности. Оно вырабатывает методологическую культуру: умение критически оценивать происхождение и достоверность свидетельств, реконструировать их контекст, распознавать идеологические и прагматические установки авторов, сопоставлять разнородные данные и строить взвешенные интерпретации. Такая практика тренирует аналитическое мышление, внимательность к деталям и осторожность в обобщениях — навыки, переносимые за пределы исторической науки и крайне важные для борьбы с дезинформацией в современном обществе. В результате источниковедение формирует не только профессиональные компетенции исследователя, но и историческую грамотность гражданина, способного опираться на доказательства в публичном дискурсе и принимать взвешенные решения.

Источниковедение через язык создаваемого человеком продукта связывает воедино не только специальные исторические дисциплины, архивоведение и документоведение, но и науки естественнонаучные (географию, математику и т. д.).

Кроме того, тенденции развития истории как научной дисциплины непосредственно связаны с расширением круга исторических источников, усложнением задач исторического исследования, освоением новых методов и технологий. Все эти аспекты тесно переплетены и неизбежно предполагают системные изменения исторического познания — переходу от описательной к объяснительной модели. Историки вынуждены адаптироваться к растущему потоку оцифрованных и изначально цифровых материалов. Развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет прогнозировать дальнейшее расширение возможностей информационного подхода в исторических исследованиях и образовании, совершенствование аналитических и информационных методов работы с источниками в расширяющемся информационном пространстве. Безусловно, значительную помощь историку в поиске и обработке информации может оказать искусственный интеллект. Несмотря на определённые угрозы и вызовы, он уже доказал свою способность обнаруживать закономерности и определять темы в больших визуальных и текстовых наборах данных. Ведь аналитик тратит до 90 % своего времени на информационную работу и только около 10 % собственно на аналитику.

Вместе с тем искусственный интеллект несёт и определённые угрозы и вызовы, требуя большего внимания к вопросам внешней критики источника, понимания путей и способов создания информации. Так, фотография создавалась и изобреталась для того, чтобы запечатлеть уникальность, единичность. Социальные сети (прежде всего Instagram) сделали этот вид исторического источника массовым. Постепенно фотография, сделанная с

помощью профессиональной дорогостоящей техники, стала проигрывать мобильной в массовой доступности и возможности быстрой публикации. И к анализу такого нового вида массовых источников историки пока не готовы. Еще одним ярким проявлением визуального поворота стало иллюстрирование текстообразования. При этом вербальный текст и невербальная информация очень тесно взаимодействуют между собой, образуя один многослойный исторический источник. Ещё в 90-х гг. XX в. в англоязычной научной литературе закрепился термин «медiateкст» (от лат. *media textus* — «средства, посредники + ткань; сплетение, связь, сочетание»), который также можно рассматривать как один из видов электронных источников. Поэтому как наука междисциплинарная, источниковедение требует наличия компетенций не только в гуманитарной, но и информационно-технической сфере.

Как учебная дисциплина, источниковедение, способствует развитию навыков, необходимых в абсолютно разных сферах деятельности, формируя важные аналитические компетенции. Во-первых, это способность к критическому мышлению. Источниковедение учит не принимать информацию на веру. Оно прививает привычку подвергать всё сомнению, искать противоречия, выявлять предвзятость и определять достоверность источника. Это основа для любого глубокого анализа, где важно отделить факты от мнений. Такой специалист умеет различать первичную и вторичную информацию, понимать разницу между экспертным мнением и домыслами. Во-вторых, источниковедение учит принимать во внимание не только содержание источника, но и контекст его создания. Специалист, владеющий этими навыками, способен увидеть скрытые смыслы, выявить авторскую позицию, понять, какие аспекты темы были освещены, а какие остались за пределами рассмотрения. В третьих, важным является развитие навыков поиска и отбора информации: Источниковедение знакомит с источниковедческой эвристикой: различными типами источников и методами их поиска. Это помогает специалисту эффективно ориентироваться в информационном пространстве, находить релевантную информацию для решения конкретных задач и отбирать репрезентативные данные. Источниковедение учит осознавать, что любая информация — это лишь фрагмент реальности и делать выводы с учётом этих ограничений. Понимая фрагментарность отдельных источников, специалист должен уметь объединить полученные данные в единую картину. Источниковедение, обучая сравнивать и сопоставлять информацию из разных источников, способствует развитию навыков синтеза, позволяя формировать целостное представление о проблеме. Источниковедение включает вопросы авторства, прав на обработку персональных данных, конфиденциальности и корректного цитирования — важные элементы этической аналитики.

Навыки, полученные благодаря источниковедению, применимы практически в любой профессиональной сфере. Критическая оценка источников информации (fact-checking), верификация изображений и видео значимы для журналистика, специалиста медиасферы. В бизнесе и маркетинге важно уметь анализировать рыночные данные, конкурентную среду, потребительские предпочтения. В юриспруденции актуальны навыки работы с доказательствами, оценка достоверности свидетельских показаний и документов. В государственном управлении и политике надо уметь оценивать информацию для принятия решений. Для специалистов высшей школы актуально формирование у студентов навыков критического мышления и самостоятельного поиска информации.

Таким образом, в условиях современного общества навыки поиска, отбора и анализа источников информации становятся залогом успеха и профессионального роста. Источниковедение, как базовый компонент подготовки аналитически компетентного специалиста, предоставляет не только набор техник верификации, но и системный способ мышления. В связи с этим видится важным расширение преподавания источниковедения для всех специалистов гуманитарного профиля, а также управленческих специальностей.

Библиографические ссылки

1. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. Москва: РГГУ, 2008. 360 с.
2. Гарскова И. М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке // Вестник РУДН. История России. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-i-informatsionnyy-podhod-v-istoricheskoy-nauke> (дата обращения: 17.09.2025).
3. McCrank L. Historical Information Science. An Emerging Discipline. Medford, N. J., 2002.
4. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО 23 апреля 2002 г. // Эйдос. 2002. № 1.
5. Шевченко О. И., Субботенко О. А. Сущность и содержание информационно-аналитической компетентности специалиста-аналитика, обучающегося в ведомственном вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–1(61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soderzhanie-informatsionno-analiticheskoy-kompetentnosti-spetsialista-analitika-obuchayuschegosya-v-vedomstvennom-vuze> (дата обращения: 03.10.2025).
6. Астахова Л. В. Системный подход к информационно-аналитической подготовке документоведов // Делопроизводство. 2007. № 2. С. 75–78.

МЕХАНИЗАЦИЯ СПОСОБОВ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1920-е гг.

А. С. Шапко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, 9681277.98@mail.ru*

В статье рассматривается переход от ручного труда к частичной механизации, основанной на использовании пишущих машинок, системе штампов и печатей, а также карточных методах учета в Белорусском государственном университете в 1920-е гг. Особое внимание уделяется противоречиям между техническими возможностями оборудования и требованиями языковой политики белорусизации.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; механизация; белорусизация; делопроизводство; канцелярия; архивные документы; документы Национального архива Республики Беларусь; история университета; канцелярия БГУ; пишущая машинка; технология документооборота.

MECHANIZATION OF DOCUMENTATION METHODS AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN THE 1920s

A. S. Shapko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, 9681277.98@mail.ru*

The article examines the transition from manual labor to partial mechanization based on the use of typewriters, a system of stamps and seals, as well as card-based accounting methods at the Belarusian State University in the 1920s. Special attention is paid to the contradictions between the technical capabilities of the equipment and the requirements of the language policy of Belarusianization.

Keywords: Belarusian State University; mechanization; Belarusianization; document management; office; archival documents; documents of the National Archives of the Republic of Belarus; university history; BSU office; typewriter; document flow technology.

Период с 1921 по 1941 г. стал временем интенсивного организационного и технологического становления Белорусского государственного университета. Формирование системы делопроизводства в головном вузе БССР отражало не только внутренние административные потребности, но и общие тенденции развития советского бюрократического аппарата. Технологии работы с документами за это время прошли путь от почти исключительно ручного труда к частичной, но прогрессивной для своего времени механизации, основанной на использовании пишущих машинок, штампов, печатей и систем карточного учета.

Основным способом создания документов в начале 1920-х гг. оставалось рукописное письмо. Секретари и делопроизводители вручную заполняли протоколы заседаний правления, писали докладные записки, составляли письма в наркоматы и ведомства. Однако многие официальные приказы и распоряжения первоначально составлялись от руки, что придавало документам индивидуальный, но нестандартизированный характер.

В первые годы после основания университета, когда усилия были сосредоточены на организации учебного процесса и привлечении преподавательских кадров, вопросам механизации канцелярии уделялось минимальное внимание. Ситуация начала меняться к середине 1920-х гг., когда увеличение числа студентов и усложнение управленческих задач потребовали более эффективных подходов к документообороту. Ключевую роль в этом процессе сыграло внедрение пишущих машинок. Они стали центральным элементом механизации, позволив унифицировать оформление документов, значительно ускорить подготовку текстов и улучшить их читабельность. На машинке печатались начисто протоколы заседаний, приказы ректора, годовые отчеты. Для создания копий использовалась копировальная бумага, что хоть и оставалось трудоемким процессом, но позволяло размножать документы без их полного переписывания.

Помимо стандартных машинок с кириллическим шрифтом, университет приобретал и специализированное оборудование для конкретных научных нужд. Ярким примером служит пишущая машинка «STOEWER RECORD» с латинским шрифтом, сохранившаяся в Музее истории БГУ (рис. 1). Она была первой на биологическом факультете и находилась

Рис. 1. Машинка пишущая с латинским алфавитом STOEWER.

Источник: [1]

в общем пользовании в 1930-е гг. Сотрудники всех кафедр использовали ее для внесения в научные отчеты и публикации точных латинских названий растений и животных [1].

Это свидетельствует не только о постепенной механизации делопроизводства, но и о целенаправленной адаптации технологий под академические потребности вуза.

Машинистки структурных подразделений БГУ (общей канцелярии, секретариата по студенческим делам, хозяйственного отдела) совмещали непосредственную работу

по созданию документов с техническим обслуживанием пишущих машинок. В их обязанности входила перепечатка рукописных материалов и запись текстов под диктовку [2].

Техническое обслуживание включало ежедневный предварительный осмотр устройства: проверку работы рычагов, крепления литер, механизмов подачи бумаги и автоматической смены ленты. Особое внимание уделялось качеству печати — равномерности оттиска, расстоянию между строками и отсутствию залипания клавиш.

Согласно архивным инструкциям, машинистки обязаны были содержать оборудование в идеальной чистоте. Для этого использовался специальный набор: бензин, кисти для удаления пыли, щеточки для очистки шрифта и фланелевые тряпки. Процедура чистки требовала аккуратности — во избежание попадания краски, клавиатуру предварительно накрывали бумагой. По окончании рабочего дня машинку тщательно очищали от пыли и накрывали защитным колпаком [2].

Отсутствие машинописных устройств с национальным шрифтом в 1920–30-е гг. создавало определенные сложности для отражения особенностей белорусской орфографии. Анализ документов второй половины 1920-х гг. показал, что машинистки часто дорабатывали тексты вручную, путем добавления горизонтального штриха для обозначения буквы «ў» после машинопечати. Данная практика свидетельствует о вероятном несоответствии между техническими возможностями оборудования и орфографическими требованиями белорусского языка того периода [3].

Таким образом, процесс белорусизации в БГУ сталкивался с существенными технологическими барьерами, что создавало разрыв между официальной языковой политикой и практическими возможностями ее реализации.

Параллельно с внедрением машинописи в БГУ развивалась система штампов и печатей, ставшая ключевым инструментом унификации документооборота и придания ему юридической силы. В постановлениях, циркулярах и других документах за 1922 г. использовался регистрационный штамп. Он применялся на входящих документах, например, письмах от Народного Комиссариата по Просвещению РСФСР. Штамп проставлялся в верхнем поле документа на свободном от текста месте [4] (рис. 2).

Все протоколы заседаний Правления университета за 1922 г. сохранились в машинописном виде. Исключение

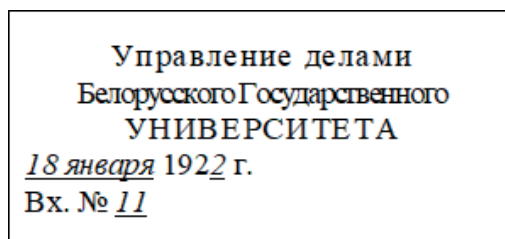

Рис. 2. Пример регистрационного штампа входящего документа БГУ.

Источник: [4, л. 68]

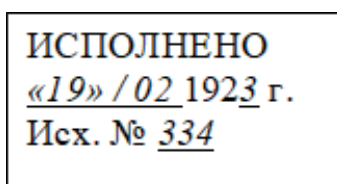

Рис. 3. Пример отметки
об исполнении документа БГУ.
Источник: [5, л. 108]

составляют лишь некоторые приложения — различные списки, которые выполнены рукописным способом. В документах, требующих решения поставленных задач, использовалась отметка об исполнении. Штамп оформлялся в нижнем левом поле документа (рис. 3).

Кроме того, в протоколах встречается штамповая отметка «Исполнено», которая проставлялась рядом с пунктами после рассмотрения.

Частичной механизации подвергся и реквизит «Подпись»: сначала проставлялся оттиск с указанием должности, а затем собственноручная подпись уполномоченного лица.

До 1925 г. приказы в БГУ составлялись исключительно на русском языке. Однако в течение 1925 г. начался процесс белорусизации делопроизводства, что отразилось на эволюции штампов. В приказах стали параллельно использоваться штампы на русском и белорусском языках.

Знаковым примером является приказ № 4 ректора БГУ от 28 февраля 1925 г., где наряду с традиционными штампами на русском языке впервые появляется белорусскоязычный штамп: «АДПАВЕДНЫ СЭКРАТАР Мейсц. Каміт. Белар. Дзярж. Універсітету» [6].

Позже в документах появляется новый штамп «Галоўны Бухгальтэр», а существующие наименования должностей заменяются на белорусские варианты — «Рэктар БДУ, прафесар» и «Кіраўнік Спраў». К концу 1925 г. произошел полный переход на белорусский язык в официальном делопроизводстве. С приказа № 14 от 30 октября 1925 г. все приказы ректора составлялись исключительно на белорусском языке, что сохранялось до 1927 г. [7].

Этот переход отражал не только формальное изменение языка документов, но и целенаправленную политику белорусизации, реализуемую в университете через инструменты документационного обеспечения (рис. 4).

Изготовление, учет и использование печатей, особенно с государственным гербом, строго регулировалось союзными и республиканскими инструкциями, что подчеркивало их значение как инструмента государственного управления.

Для учета и систематизации растущего массива документов использовались механические картотеки — предшественники современных баз данных. Карточные системы позволяли организовать учет личного состава, регистрацию входящей и исходящей корреспонденции, ведение алфавитных каталогов. Все документы в обязательном порядке регистрировались

в журналах учета, где им присваивались порядковые номера, что позволяло отслеживать их движение и контролировать исполнение. Для хранения дел использовались архивные шкафы и стеллажи, обеспечивавшие их физическую сохранность и упорядоченность.

Висаля камітэты

1) ПРАЎНІКІ БЕЛ. ДАЯЖ. УНІВЕРСІТАТУ. Адрэс: _____ 192 г. № _____ Мяск.

2) Кіраўніцтва Справамі Беларускай Дзяржаўнага Універсітэту. Уступны № _____ 192 г. № _____ Менск, Бел. Дзярж. Універсітэт.

3) Выхаванца 192 г. Выступны № _____

4) Ст. Дзелавод Дзелавод

пачуцц

Бухгалтэры

1) Галоўны Бухгалтэр, 3) Бухгалтэр }
2) Ст. Бухгалтэр, 4) Бухгалтэр }
5) Разлічавод
6) Окарытнік

Урады дачы

1) Рэктар БДУ, прафесар,
2) Сябра Праўленцы
3) Кіраўнік Спраў

пачуцц
12/11 25 г.

Фаб. спадч

1) Задачы Гаспадарства Адрэсу }
2) Дзелавод
3) Разлічавод

Беларускія

Всесторонне по ст. Д. Дачы

1) Скартат на Студэнцкіх Справах }
2) Дзелавод

Брашын

Рис. 4. Пример регистрационных штампов, отметки об исполнении и штампов с наименованиями должностей по отделам БГУ в 1920-х гг.
Источник: [8, л. 9]

Технология работы с документами представляла собой сложный, многоступенчатый процесс, сочетавший элементы механизации и ручного труда. Примером этого служит процедура переучета студентов, проведенная в 1924 г. Она включала печать списков, проверку личных дел, заполнение формулярных книг, внесение данных в военно-учетные документы, нумерацию и систематизацию дел, составление алфавитных указателей [9]. Этот процесс, требовавший координации усилий нескольких сотрудников, наглядно демонстрирует, как механизация отдельных операций (печать на машинке) сочеталась с кропотливой ручной работой (проверка, заполнение, систематизация).

К концу 1920-х гг. делопроизводство БГУ представляло собой сложившуюся систему, основанную на сочетании машинописи, унифицированных штампов и печатей, карточных систем учета и ручной регистрации. Эта система отражала общие тенденции развития советского делопроизводства, сочетавшие стремление к унификации и централизации с постепенной механизацией управленческого труда.

Библиографические ссылки

1. Машинка пишущая с латинским алфавитом STOEWER. Инвентарный номер — 071019664. Музей истории БГУ.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 217. Л. 12–14.
3. *Швед Г. Ф. Ў* — буква современного белорусского алфавита // Труды БГТУ. Серия 6. История, философия. 2014. № 5. С. 148–149.
4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 31. Л. 68, 79.
5. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 33. Л. 108.
6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 45. Л. 35.
7. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 45. Л. 36.
8. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 29. Л. 9.
9. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 67. Л. 47.

**НОРМОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ БССР В 1920-е гг.:
К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОГО
СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(по документам Национального архива Республики Беларусь)**

О. Ю. Юркевич

*Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь»,
пр-т Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь, yurkevichoy@gmail.com*

В статье анализируются основные направления и результаты нормотворческой деятельности Народного комиссариата юстиции БССР в период социально-экономических и политических трансформаций 1920-х гг. Исследование основано на документах из фондов Национального архива Республики Беларусь, что позволяет более детально реконструировать роль наркомата в становлении и развитии белорусского советского законодательства, а также в формировании правовой системы БССР.

Ключевые слова: архивные документы; законодательство; нормотворчество; кодификация; Народный комиссариат юстиции БССР; юридическая экспертиза.

**NORM-MAKING ACTIVITY OF THE PEOPLE'S
COMMISSARIAT OF JUSTICE OF THE BSSR IN THE 1920s:
ON THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN
SOVIET LEGISLATION (based on the documents of the National
Archives of the Republic of Belarus)**

V. Y. Yurkevich

*State Institution "National Archives of the Republic of Belarus",
Niezaliezności Avenue, 116, 220114, Minsk, Republic of Belarus, yurkevichoy@gmail.com*

The article analyzes the main directions and results of the norm-making activity of the People's Commissariat of Justice of the BSSR during the period of socio-economic and political transformations of the 1920s. The study is based on documents from the funds of the National Archives of the Republic of Belarus, which allows for a more detailed reconstruction of the role of the People's Commissariat in the formation and development of Belarussian Soviet legislation, as well as in the formation of the legal system of the BSSR.

Keywords: archival documents; codification; legislation; legal expertise; People's Commissariat of Justice of the BSSR; rule-making.

Изучение развития белорусского законодательства в контексте исторических и социокультурных изменений является важной частью исследований в области истории Беларуси, способствуя более глубокому пониманию правовых ценностей и традиций белорусского общества и государства, а также поиску наиболее эффективных путей развития общественных отношений в современной Республике Беларусь.

После Октябрьской революции 1917 г. советское государство столкнулось с необходимостью создания правового порядка, который бы соответствовал идеалам и задачам новой власти. В 1920-е гг. в условиях фундаментального изменения правовой жизни и поиска советского понимания права важную роль в государственном строительстве и развитии белорусского государства сыграли органы юстиции. Несмотря на то, что история становления и развития белорусских органов юстиции нашла свое отражение в научной литературе [1; 2; 3], вопрос нормотворческой деятельности Народного комиссариата юстиции БССР в данный период по-прежнему требует дальнейшего изучения. Кроме того, привлечение широкого комплекса документов, которые хранятся в фондах Национального архива Республики Беларусь, позволяет по-новому взглянуть на роль народного комиссариата в развитии белорусского советского законодательства.

Впервые задачи и структура Наркомюста БССР наиболее полно и конкретно были определены в Положении о Наркомюсте БССР, утвержденном в январе 1922 г. [4, л. 4, 6] В это же время в структуре наркомата был создан законодательно-кодификационный отдел (с 1924 г. — отдел законодательных предположений и кодификации), на который возлагалось предварительное рассмотрение и переработка проектов нормативных правовых актов, поступавших от органов государственной власти и управления, направление заключений по данным проектам, организация всей издательской работы Наркомюста БССР и опубликование нормативных правовых актов, подготовка ответов на запросы в области применения законодательства и заключений о законности актов наркоматов, межведомственных комиссий, исполнительных комитетов и т. д. [4, л. 3].

Несмотря на то, что в первые годы становления советской власти в БССР происходила рецепция (заимствование) законодательных актов РСФСР, белорусское законодательство непрерывно развивалось, отражая ряд важнейших трансформаций в государственной политике на пути к социалистическому строительству. В 1920-е гг. одним из центральных направлений нормотворческой деятельности Наркомюста БССР являлось внесение необходимых изменений в законодательство республики в процессе его кодификации и систематизации. В резолюции по докладу о работе отдела законодательных предположений и кодификации за 1926 г. было рекомендовано приступить к постепенной углубленной ревизии кодексов, привлекая к этой работе соответствующие отделы наркомата, местные органы власти и другие ведомства. Внесение дополнений и изменений в кодифицированные акты было вызвано необходимостью более точного определения круга действовавших в БССР правовых норм, необходимостью гармонизации законодательства республики с общесоюзными

правовыми актами, наличием пробелов, устареванием правовых норм и другими обстоятельствами [5, с. 58]. Проекты постановлений по внесению изменений и дополнений в кодексы БССР, разработанные Наркомюстом, проходили многочисленные обсуждения на заседаниях коллегии наркомата, Комиссии законодательных предположений при Совете Народных Комиссаров БССР, а также Президиума Центрального Исполнительного Комитета БССР. Прилагаемые к данным проектам объяснительные записки отдела законодательных предположений и кодификации, переписка между органами государственной власти и управления и другие архивные документы содержат мотивированные предложения наркомата о необходимости внесения тех или иных изменений. Например, для предупреждения, выявления и пресечения уголовных преступлений в 1925 г. был подготовлен проект по изменению отдельных статей Уголовного кодекса БССР 1922 г., согласно которому предлагалось повысить ответственность за подделку денежных знаков, ввести ответственность за подделку мандатов, удостоверений и иных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, и др. [6, л. 292–294]. Обращает на себя внимание и деятельность Наркомюста БССР по разработке собственного проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке, который отличался по ряду существенных положений от проекта, подготовленного Комиссией законодательных предположений при СНК БССР. В обоих из них институт брака рассматривался как добровольный союз двух лиц разного пола, имеющий своей целью создание семьи и хозяйственной единицы при полной свободе развода по согласию супругов или требованию одного из них. Вместе с тем в проекте Комиссии законодательных предложений в качестве основного положения был положен принцип необязательности регистрации брака. По мнению работников Наркомюста БССР, эти правовые последствия могли наступить лишь с момента его регистрации [7, л. 66–73]. В результате всестороннего обсуждения в 1927 г. был принят компромиссный вариант, согласно которому брак оформлялся регистрацией в органах записей актов гражданского состояния, однако лица, состоящие в брачных отношениях, не зарегистрированных в установленном порядке, имели право в любое время оформить свои отношения путем его регистрации с указанием срока фактической совместной жизни [8].

Активная деятельность Наркомюста БССР способствовала тому, что в республике на протяжении второй половины 1920-х гг. были подготовлены (переработаны), утверждены и переизданы Гражданский, Гражданский процессуальный, Уголовный, Уголовно-процессуальный, Исправительно-трудовой кодексы, Кодекс законов о труде, Кодекс законов о браке, семье и опеке, Земельный, Лесной и Водно-мелиоративный кодексы.

Кроме того, в данный период планировалось разработать и опубликовать Административный и Жилищный кодексы, а также приступить к разработке Кодекса законов о народном просвещении (образовании) [9, л. 5].

Помимо собственных инициатив в области нормотворчества, Наркомюст БССР проводил экспертизу нормативных правовых актов, направляемых различными ведомствами республики. За 1925–1926 гг. работниками наркомата были рассмотрены 124 ведомственных законопроекта: по гражданскому праву и процессу — 7, государственному и административному праву — 32, земельному праву — 15, финансовому праву — 14, трудовому праву — 14, промышленному и торговому праву — 9, суду, устройству и нотариату — 2, по военным вопросам — 3, охране здоровья — 8, образованию — 20 [10, л. 4–5]. Как указывалось в отчете о работе наркомата, в рамках данной деятельности проводилось согласование проектов с действовавшим законодательством и отклонением всего несоответствующего принципам советского права. Подчеркивалось, что ведомства практически всегда соглашались с правками и замечаниями отдела законодательных предположений и кодификации [10, л. 5]. Работу Наркомюста по данному направлению отражают протоколы заседаний законодательно-кодификационного отдела за 1924 г., в которых представлены непосредственные предложения работников отдела по усовершенствованию рассматриваемых проектов нормативных правовых актов. В частности, на заседаниях с участием заведующего отделом Ф. И. Гавзе, консультанта М. О. Гредингера, юрисконсульта Наркомюста БССР и представителей соответствующих наркоматов обсуждались проекты Положений об Институте белорусской культуры, Белорусской книжной палате, Белорусском государственном управлении по делам кинематографии и фотографии и др. [11]. Заведующий данным отделом при анализе основных проблем законодательства республики отмечал, что одной из негативных тенденций его развития являлось большое количество законопроектов, которые в «процессе их прохождения признаются излишними той или другой инстанцией и умирают, не успевши родиться» [12, с. 10]. Он объяснял данную ситуацию тем, что органы, пользующиеся законодательной инициативой, проявляли излишнюю ведомственность, не замечая, что предлагаемый ими проект «далеко не полезен, излишен и иногда даже вреден с точки зрения общегосударственных интересов, или же не может быть проведен в жизнь» [12, с. 10]. Кроме того, он обращал внимание и на необходимость соблюдения точности, ясности и понятности формулировок при подготовке проектов нормативных правовых актов для того, чтобы они были доступны для понимания и не допускали расхождений в их толковании [12, с. 11].

Не менее важным направлением в нормотворческой деятельности Наркомюста БССР являлось и рассмотрение общесоюзных законопроектов. В частности, за 1925–1926 гг. наркоматом было рассмотрено 126 общесоюзных законопроектов, из них 50 проектов были оставлены без изменений, 11 отклонены, 39 изменены по существу и в 28 внесены редакционные правки [10, л. 6]. К числу важнейших из них за данный период относились проекты Положений о военных трибуналах и военной прокуратуре, воинских преступлениях, об организации и деятельности товариществ сельскохозяйственного кредита и др. [13, л. 181 об.]. Архивные документы свидетельствуют и о том, что в 1927 г. работники ведомства привлекались и к обсуждению проекта общесоюзных Основ гражданского права и гражданского процесса. В письме, направленном в Комиссию законодательных предположений при СНК БССР, указывалось, что наркомату был выделен очень короткий промежуток времени для дачи заключения по этому вопросу. В связи с этим Наркомюст БССР просил предварительно рассмотреть эти вопросы на заседании коллегии и уведомлял Комиссию о том, что до этого момента не сможет дать заключения по обоим проектам [14, л. 9].

После реорганизации центрального аппарата Наркомюста БССР в конце 1920-х гг. и ликвидации отделов в его структуре, нормотворческие функции в работе наркомата сохранились. В частности, в план работы ведомства на 1929 г. были включены пункты о переработке Положения о нотариате и внесении в связи с этим изменений в Гражданский, Гражданский процессуальный и Земельный кодексы БССР, а также в Положение о судостроительстве; переработке Гражданского процессуального, Уголовно-процессуального и Исправительно-трудового кодексов БССР; разработке главы Гражданского кодекса БССР «Об имущественном найме» и упорядочении жилищного законодательства республики [15, л. 12 об.].

Таким образом, активное участие Наркомюста в нормотворческой деятельности в 1920-е гг. являлось важным фактором формирования правовой системы БССР. Нормотворческая деятельность Наркомюста БССР в данный период нашла широкое отражение в процессах кодификации и систематизации, нормотворческой инициативе, экспертизе нормативных правовых актов, направляемых различными ведомствами республики, а также в рассмотрении общесоюзных законопроектов. Архивные документы свидетельствуют о том, что работники наркомата при проведении юридической экспертизы каждый законопроект рассматривали всесторонне, выявляя возможные пробелы и противоречия, а также предлагали свои рекомендации по развитию белорусского советского законодательства.

Библиографические ссылки

1. Министерство юстиции Республики Беларусь, 1919–2005; под общ. ред. В. Г. Голованова. Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2018.
2. Летопись века. Органы юстиции Республики Беларусь; под общ. ред. О. Л. Слижевского. Брест: Полиграфика, 2019.
3. *Мартинovich И. И.* Правоохранительные органы БССР. Минск: Беларусь, 1986.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 99. Оп. 2. Д. 93.
5. Рэзалюцыя па дакладу аб працы Аддзелу Законадаўчых Праектаў // Весці Народнага камісарыату юстыцыі Беларускае ССР. 1927. № 2–3. С. 58–59.
6. НАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 117.
7. НАРБ. Ф. 99. Оп. 2. Д. 536.
8. Кодекс законов о браке, семье и опеке: принят ЦИК БССР 27 янв. 1927 г. // Национальная библиотека Беларуси. Минск, 2006–2025. URL: <https://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/kodex-zakonov-o-brake-semje-opeke-1927.pdf> (дата обращения: 19.08.2025).
9. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 616.
10. НАРБ. Ф. 99. Оп. 2. Д. 335.
11. НАРБ. Ф. 99. Оп. 2. Д. 212.
12. *Гавзе Ф. И.* Основные проблемы законодательства БССР // Весці Народнага камісарыату юстыцыі Беларускае ССР. 1927. № 2–3. С. 5–11.
13. НАРБ. Ф. 99. Оп. 2. Д. 533.
14. НАРБ. Ф. 99. Оп. 2. Д. 615.
15. НАРБ. Ф. 99. Оп. 2. Д. 709.

СЕКЦИЯ 6. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛАРУСИ

ДЗЕЙНАСЦЬ І. А. СЕРБАВА Ў ГАЛІНЕ ПАПУЛЯРЫЗАЦЫІ І АХОВЫ ПМНІКАЎ ГІСТОРЫІ І КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ Ў 1935–1941 гг.

А. У. Вайтовіч

*Інстытут гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Беларусь, vaitovich.aliaksandra@gmail.com*

У артыкуле разглядаюцца невядомыя старонкі біяграфіі этнографа і археолага І. А. Сербава. Паказана, што ў 1935–пачатку 1941 г. навуковец прыняў удзел у шэрагу важных ідэалагічных праектаў. Ён адбіраў экспанаты для міжнароднай выставы ў Парыжы. Ён быў уключаны ў склад Мінскай абласной камісіі па ахове помнікаў і займаўся ўлікам аб’ектаў гісторыка-культурнай спадчыны.

Ключавыя словы: І. А. Сербаў; музейная справа; папулярызацыя; ахова помнікаў.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. А. СЕРБОВА В ОБЛАСТИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ В 1935–1941 гг.

А. В. Вайтович

*Институт истории Национальной академии наук Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, vaitovich.aliaksandra@gmail.com*

В статье рассматриваются неизвестные страницы биографии этнографа и археолога И. А. Сербова. Показано, что в 1935–начале 1941 г. ученый принимал участие в ряде важных идеологических проектов. Он отбирал экспонаты для международной выставки в Париже. Он входил в состав Минской областной комиссии по охране памятников и занимался учетом объектов историко-культурного наследия.

Ключевые слова: И. А. Сербов; музейное дело; популяризация; охрана памятников.

ACTIVITIES OF I. A. SERBOV IN THE FIELD OF POPULARIZATION AND PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS OF BELARUS (1935–1941)

A. U. Vaitovich

*The National Academy of Sciences of Belarus, Institute of History, Minsk, Belarus,
Academichnaya str., 1, 220072, Minsk, Belarus, vaitovich.aliaksandra@gmail.com*

The article examines unknown pages in the biography of ethnographer and archaeologist I. A. Serbau. It is shown that, from 1935 to early 1941, the scientist participated in a number of

important ideological projects. He selected exhibits for the international exhibition in Paris. He was a member of the Minsk Regional Commission for the Protection of Monuments and was responsible for registering historical and cultural heritage sites.

Keywords: I. Serbau; museum sphere; popularization; historic preservation.

Прафесійная кар’ера этнографа і археолага І. А. Сербавы ў 1920–30-х гг. у значнай ступені адлюстроўвала перыпетыі развіцця тагачаснай беларускай навукі. Разам з тым, асобныя этапы жыццёвага і творчага шляху навукоўца вывучаны ў рознай ступені. Актыўная даследчыцкая дзейнасць пад эгідай Інбелкульта, а пазней Беларускай Акадэміі навук (БАН) у 1923–1933 гг., выкладанне ў Беларускай дзяржаўным універсітэце ў 1923–1929 гг., праца ў Інстытуце эканомікі БАН у 1933–1935 гг. — згаданыя перыяды дастаткова падрабязна асветлены ў спецыяльнай літаратуры. Значна меншая ўвага біёграфу скіроўвалася на рэканструкцыю дзейнасці І. А. Сербавы ў перадаванні час — пасля вяртання ў Інстытут гісторыі ў 1935 г. і да пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Былі апублікаваныя звесткі аб удзеле навукоўца ў выкананні калектуйных планавых тэм секцыі этнаграфіі, арганізацыі этнаграфічных экспедыцый, падрыхтоўцы альбома беларускага мастацтва, рэцэнзаванні манаграфій археолагаў. Акрамя таго, уведзены ў навуковы ўжытак сведчанні таго, што ў другой палове 1930-х гг. палітычная дабранадзейнасць навукоўца ставілася пад сумненне [6, с. 516; 7, с. 200–202; 8, с. 51–52; 2, с. 263, 316].

Выяўленне новых крыніц дазваляе сцвярджаць, што ў 1935–пачатку 1941 г., апроч правядзення рознапланавых даследаванняў, І. А. Сербаву займаўся папулярызацыяй беларускай спадчыны, а таксама спрычыніўся да аднаўлення рэспубліканскай сістэмы аховы помнікаў. Высвятленню гэтых забытых строкаў біяграфіі славутага навукоўца і прысвечаны прапанаваны артыкул. Удакладненне фактаў жыцця даследчыка ўяўляецца справай, важнай не толькі для рэканструкцыі прыватных пытанняў гісторыі этнаграфіі і археалогіі, але і для разумення агульных працэсаў развіцця айчыннай культуры.

Унёсак І. А. Сербавы ў справу папулярызацыі гісторыі і культуры Беларусі. У сярэдзіне 1930-х гг., калі ўлады адышлі ад дактрыны інтэрнацыяналізму, актуальнасць набыла задача выхоўвання «савецкага патрыятызму». Адносіны дзяржаўнага кіраўніцтва да гістарычных навук змяніліся. Было істотна пераасэнсавана і значэнне ў жыцці грамадства вуснай народнай творчасці — яна пачала атаясамлівацца з «нацыянальнымі каранямі». Новыя ўстаноўкі адкрывалі перспектывы і для вывучэння традыцыйнай матэрыяльнай культуры [22, с. 62–76; 3; 10].

У гэтых рэаліях шматгадовы досвед славутага этнографа і археолага аказаўся запатрабаваным. Ісак Абрамавіч не толькі разгарнуў даволі

плённую навуковую дзейнасць, але і далучыўся да рэалізацыі шэрага папулярызатарскіх праектаў, многія з якіх мелі выключнае ідэалагічнае значэнне.

У жніўні 1935 г. І. А. Сербай распавёў чытачам газеты «Звязда» аб візіце еўрапейскіх даследчыкаў: «Праездам у Кіеў у Менску спыніліся вядомыя вучоныя А. Тальгрэн з Фінляндыі і праф. Н. Моора — з Эстоніі. Замежныя вучоныя правялі у сталіцы БССР дзень і за гэты час азнаёміліся з нашымі навуковымі даследамі ў галіне археалогіі і этнаграфіі, наведалі Беларускае дзяржаўнае музея. Прафесары Тальгрэн і Моора выказалі захапленне шырокім размахам археалагічных і этнаграфічных даследаў у БССР, дзе створаны ўсе спрыяючыя ўмовы для шырокай пастаноўкі навуковай работы» [16, с. 4].

У 1936 г. І. А. Сербай па даручэнні Прэзідыума Акадэміі навук БССР (так пачала называцца БАН) выканаў некалькі важных заданняў. Ён, як сам распавядаў, «падрыхтаваў і здаў калекцыю экспанатаў для Усесаюзнага дома культуры і мастацтва» [20, арк. 43]. Хутчэй за ўсё, навуковец меў на ўвазе Усесаюзнае Дом народнай творчасці імя Н. К. Крупскай пры Камітэце па справах мастацтваў пры народным камісарыяце асветы СССР, які як раз у 1936 г. праходзіў этап рэарганізацыі. Аднак самай сур'ёзнай задачай стаў адбор экспанатаў для міжнароднай выставы ў Парыжы [20, арк. 41–42].

Грандыёзная выстава пад назвай «Мастацтва і тэхніка ў сучасным жыцці», запланаваная ў сталіцы Францыі на 1937 г., упершыню стварала для СССР магчымасці маштабнай прэзентацыі на самым высокім міжнародным узроўні. У 1936 г. па ўсіх савецкіх рэспубліках разгарнулася праца па падборы экспанатаў [8]. У Беларусі гэтую дзейнасць курыраваў Камітэт па справах мастацтва пры Савеце народных камісараў БССР (СНК БССР).

Ключавой тэмай савецкай экспазіцыі з'яўлялася трыумфальнае шэсце савецкай улады цягам дваццаці гадоў пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Гэтую ідэю і павінны былі адлюстроўваць матэрыялы, прадстаўленыя на выставе. Згодна з дырэктыўнымі ўстаноўкамі, у АН БССР малявалі дыяграмы і складалі альбомы фотаздымкаў, якія распавядалі аб дасягненнях беларускіх навуковых устаноў [1, с. 4]. Ісак Абрамавіч распрацаваў падрабязны план паказальнай выставы народнага выяўленчага мастацтва, адабраў каля 150 прадметаў з калекцыі секцыі этнаграфіі, яшчэ амаль 300 вырабаў прывёз з Віцебскага і Ліўненскага раёнаў. Для кожнага ўзору ён напісаў падрабязную анатацыю, а ў дадатак падрыхтаваў абагульняючы нарыс «Тэхніка в домашнем рукоделии». Усе матэрыялы паступілі на разгляд Камітэта па справах мастацтва [20, арк. 41–42].

Некаторыя напрацоўкі І. А. Сербай прадставіў у невялікім, але багата ілюстраваным артыкуле «Народное искусство Белоруссии»,

апублікаваным у часопісе «Советское студенчество». У артыкуле давалася кароткая характарыстыка традыцыйнага беларускага дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва і рабілася выснова аб ролі савецкай улады ў яго развіцці: «В дореволюционное время народное искусство Белоруссии серьезно не изучалось. <...> Великая пролетарская революция возродила народное искусство, вызвав к нему глубокий интерес всей нашей советской общественности» [18, с. 42].

Далейшы лёс прадметаў, падрыхтаваных для выставы, можна высветліць з паведамленняў тагачасных СМІ. У лістападзе 1936 г. газета «Рабочий» пісала: «Правительственная комиссия под руководством заместителя председателя Совнаркома БССР тов. Любовича отобрала лучшие работы из числа экспонатов, собранных в Белоруссии для Парижской выставки. Эти работы на днях будут посланы в Москву для окончательного отбора лучших из них для выставки в Париже. Из многочисленной коллекции тканей комиссия отобрала для посылки в Москву 32 наилучших образца. Все они преимущественно сделаны колхозницами. Из исторического музея взяты 11 самых красивых белорусских поясов, а также разные ткани. В Москву посылается 5 вышивок бобруйской артели „Швейпром“, 7 экспонатов первой художественной выставки БВО и 23 художественных произведения белорусских художников-профессионалов. Комиссия решила также послать самодельные цымбалы, сделанные минским музыкантом столяром Сушкевичем» [11, с. 4]. Разам з тым, складана адказаць на пытанне, ці ўвайшлі ў канчатковы збор менавіта тыя матэрыялы, якія адбіраў І. А. Сербай.

У 1937 г. у Беларусі па ініцыятыве ЦК КП(б)Б разгарнулася маштабная падрыхтоўка да новай важнай палітычнай акцыі — адкрыцця Усебеларускай выставы «БССР за 20 год» [4, с. 4]. Планавалася, што выстава будзе складацца з сямі аддзелаў, адным з якіх стане аддзел народнага мастацтва. Арганізацыйнаму камітэту ў сціслыя тэрміны неабходна было распрацаваць канцэпцыю экспазіцыі і падабраць экспанаты. Да выканання гэтага задання далучыліся многія ўстановы, у тым ліку Інстытут гісторыі АН БССР. Юбілейная выстава распачала сваю працу 7 лістапада [5, с. 4], і І. А. Сербай амаль адразу зрабіў агляд экспазіцыі.

Артыкул «Творчасць беларускага народа» быў надрукаваны ў тэматычным нумары газеты «Літаратура і мастацтва». Навуковец не столькі апісваў экспанаты, агульная колькасць якіх перавышала 800 адзінак, колькі падкрэсліваў ідэалагічныя мэты грандыёзнага мерапрыемства: «У добра падобраных калекцыях экспанатаў выстаўлены работы: мастацкага рукадзелля — ткацтва і шыцця, узорчатага ткання і вышывання, вязання і пляцення з нітак; разьбы і выпальвання па дрэву, шчэпаня і дрэва-мазаічныя

вырабы, а таксама інкрустацыя; пляценне з лазы, саломы, карэнняў і драўлянай стружкі; керамічныя вырабы, распіснае і гравіраванае шкло, скульптура, графіка, жывапіс і арнаментыка. Апрача таго, прадстаўлены наборы народных музычных інструментаў — ударных, духавых і струнных. Юбілейная выстаўка добра ілюструе карціну велізарных поспехаў Совецкай Беларусі ў розных галінах народнай творчасці, за 20 год Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі дасягнутых пад кіраўніцтвам партыі Леніна — Сталіна. Народная творчасць захавала за сабою нацыянальныя формы і набыла шырокі сацыялістычны змест» [17, с. 3]. Нельга не адзначыць, што Ісак Абрамавіч, прыводзячы вядомую сталінскую формулу, выразна падкрэсліваў актуальныя ідэалагічныя ўстаноўкі.

На працягу другой паловы 1930-х—пачатку 1940-х гг. І. А. Сербай не шкадаваў часу і высылкаў і на публічныя выступы. Наяўны стан крыніц дазваляе адзначыць толькі асобныя эпізоды гэтага накірунку дзейнасці навукоўца. Так, у 1936 г. ён прачытаў дзве лекцыі на тэму «Беларускія народныя музычныя інструменты» для цымбалістаў, правёў шэраг кансультацый для актораў Тэатра юнага гледача і Другога беларускага дзяржаўнага тэатра [20, арк. 43]. У 1941 г. даследчык па-ранейшаму актыўна кансультаваў мастакоў і артыстаў [19, арк. 89].

Дзейнасць І. А. Сербавы ў галіне аховы помнікаў гісторыі і культуры. Сістэма аховы помнікаў, якая, пры ўдзеле І. А. Сербавы, пачала стварацца ў 1920-я гг., у часы «карэннага пералому» была цалкам знішчаная. Напрыканцы 1930-х гг. сітуацыя пачала паступова мяняцца. Улады, рэабілітуючы гісторыю, паспрабавалі ўзмацніць дзяржаўны кантроль над сферай захавання гісторыка-культурнай спадчыны [10, с. 202–208].

У 1939 г. рашэннем СНК БССР была створана Цэнтральная ўрадавая камісія па ахове помнікаў БССР. Мэтай яе дзейнасці абвешчалася паліпшэнне аховы помнікаў грамадзянскай вайны, рэвалюцыйнага руху, мастацтва і старажытнасці. Старшынёй камісіі быў прызначаны Начальнік упраўлення па справах мастацтва пры СНК БССР А. Б. Азірскі, а членамі сталі акадэмік М. М. Нікольскі, архітэктар Г. В. Якушка, заслужаны дзеяч мастацтваў З. І. Азгур [23, с. 2]. 29 ліпеня 1939 г. на пасяджэнні арганізацыйнага камітэта Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР па Мінскай вобласці было прынята рашэнне аб стварэнні абласной камісіі па ахове помнікаў. У склад камісіі ўвайшоў І. А. Сербай, а таксама заслужаны дзеяч мастацтва А. А. Бембель, старшыня Саюза мастакоў І. М. Рубінштэйн і іншыя спецыялісты. Аналагічныя камісіі, членамі якіх таксама прызначаліся кваліфікаваныя навукоўцы, метадысты, дзеячы культуры, арганізаваліся ў іншых абласцях. На парадак дня была пастаўлена задача па правядзенні інвентарызацыі помнікаў [14, с. 1].

Гэтая праца пачалася ў жніўні. Праекты абследавання гісторыка-культурнай спадчыны Мінскай вобласці былі маштабныя, і можна меркаваць, што Ісак Абрамавіч прыняў самы актыўны ўдзел у іх складанні. Газета «Літаратура і мастацтва» анансавала: «...будуць абследаваны братнія магілы гераічна загінуўшых у баях з белапалякамі чырвонагвардзейцаў і партызан у Дукорах, Барысаве, Лошніцы, Неманіцы, Хаўхоліцы, Чарневіцы, Забашавічах, Старобіне, Ст. Дарогах, Цімкавічах і інш. месцах. У Заслаўлі экспедыцыя зоймецца абследаваннем старажытнага замчышча ў магілы княгіні Рагнеды, дачкі полацкага князя Рагвольда і першай жонкі кіеўскага князя Владзіміра. У Дзержынску будзе агледжан замак XVI стагоддзя, у Шацку — каменнае палаццо 1790 года, у Прылуках — былы палац магната XVIII стагоддзя, у Нова-Барысаве — Чычагоўскія батарэі 1812 г., у г. Слуцку — сценныя роспісы XVI стагоддзя і рад іншых помнікаў XIV–XVIII стагоддзяў, якія знаходзяцца ў Бягомлі, Граску, Лудзічах, Копылі, Лагойску, Рудзенску, Дзяржынску, Чэрвені і інш.» [23, с. 2].

Усе экспедыцыі былі завершаны да канца 1939 г. Па Мінскай вобласці быў ўзяты на ўлік, сфатаграфаваны і апісаны 71 помнік [13, арк. 98]. Надзённай задачай становілася наладжванне працы па ахове зафіксаваных аб'ектаў, аднак да пачатку Вялікай Айчыннай вайны нават планы па ўстаўцы мемарыяльных шыльдаў не былі рэалізаваныя [13, арк. 101].

Асаблівы інтарэс членаў абласных камісій выклікалі помнікі, звязаныя з асобай Пятра I. У другой палове 1930-х гг. фігура першага расійскага імператара займала ключавое месца ў пантэоне гістарычных персанажаў, ухваленых уладамі. Беларускія СМІ паведамлялі: «У Полацку знойдзен аднапавярховы каменны дом, дзе ў перыяд вайны са шведамі астанаўліваўся Пётр I. Домік Пятра I захаваўся таксама ў Мінску па Камуністычнай (б. Юр'еўскай) вуліцы» [15, с. 2].

Апошні з пералічаных аб'ектаў і апынуўся ў цэнтры ўвагі Ісака Абрамавіча. Даследчык добра ведаў гэты архітэктурны помнік. У дакументах Інбелкульта, складзеных яшчэ ў 1925 г., дом апісваўся наступным чынам: «18 в. збудаваны. Стаіць у саду, дзе раслі грушы асаблівага смаку. У ім быў П. В. Пасля перабудовы змяніў выгляд» [21, арк. 142 адв.]. У 1939 г. навуковец прысвяціў камяніцы з багатай гісторыяй цэлую манаграфію. Газета «Звязда» адзначыла: «Сербаву ўдалося дакладна ўстанавіць, што Пётр I знаходзіўся ў Мінску ў маі–чэрвені 1708 г. Мэта прабывання Петра ў Мінску — выручыць рускія войскі, якія былі акружаны войскамі Карла XII. Дом Пятра I прадстаўляе сабой характэрную асабліваць архітэктурны XVIII стагоддзя — каменны, двухпавярховы, з прыбудава-ным ганкам» [12, с. 4]. Далейшы лёс манаграфіі высветліць не атрымалася.

Заклучэнне. Для І. А. Сербавы перыяд з 1935 па 1941 г. стаў часам разгортвання даволі актыўнай дзейнасці ў сферах папулярызацыі і аховы помнікаў гісторыі і культуры. Зварот да гэтых накірункаў працы не быў выпадковым: цягам усяго свайго прафесійнага жыцця руплівец дбаў і аб захаванасці спадчыны, і аб знаёмстве з ёю шырокіх колаў грамадства.

У 1936 г. І. А. Сербаву прыняў удзел у адборы экспанатаў для міжнароднай выставы ў Парыжы, запланаванай на 1937 г. У 1939 г. даследчык, уключаны ў склад Мінскай абласной камісіі па ахове помнікаў, спрычыніўся да ўліку аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны і падрыхтаваў манаграфію пра адзін з помнікаў архітэктуры. Ён перыядычна чытаў публічныя лекцыі, а таксама друкаваў у газетах паведамленні аб навуковым і культурным жыцці Беларусі. Выяўленыя матэрыялы сведчаць аб тым, што навуковец, якога шматкроць абвінавачвалі ў палітычнай недабранадзейнасці, паслядоўна імкнуўся трансляваць актуальныя ідэалагічныя ўстаноўкі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Академия наук БССР готовится к международной выставке в Париже // Рабочий. 1936. № 293. 28 декабря. С. 4.
2. Аляксандр Мікалаевіч Ляўданскі. Лёс і навуковая спадчына (да 130-годдзя з дня нараджэння) / В. І. Кошман, А. У. Вайтовіч, Э. А. Ляшкевіч [і інш.]; навук. рэд. В. І. Кошман. Мінск: Беларуская навука, 2025.
3. Гулак Н. А. Беларуская фалькларыстыка ў кантэксце ідэй і практыкі сацрэалізму // Докл. Нац. акад. наук Беларусі. 2019. Т. 63. № 5. С. 633–640.
4. Выстаўка «20 год БССР» // Звязда. 1937. № 220. 23 верасня. С. 4.
5. Выстаўка «БССР за 20 год» // Звязда. 1937. № 257. 7 лістапада. С. 4.
6. Захаркевіч С. Як гартавалася сталь: Станаўленне беларускага савецкага этнолага Маісея Якаўлевіча Грынבלата // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні: зб. навук. прац. Вып. 3. 2016. С. 505–518.
7. Захаркевич С. А. Исаак Абрамович Сербов (27.05.1871–21.01.1943) // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961) / А. Д. Король [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 192–205.
8. Коньшова Е. «Комплекс превосходства»: павильон СССР на Всемирной выставке в Париже и советская культурная дипломатия // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 1. С. 161–182.
9. Лабачэўская В. А. Матэрыялы да біяграфіі Ісаака Абрамавіча Сербавы (1871–1943) // Homo Historicus. 2022. С. 38–55.
10. Личак Н. А. Система охраны памятников Советской России во второй половине 1930-х годов // Via in tempore. История. Политология. 2010. № 19(90). С. 202–208.
11. Лучшие художественные работы посылаются в Москву // Рабочий. 1936. № 255. 12 ноября. С. 4.
12. Манаграфія доміка Пятра I // Звязда. 1939. № 251. 30 кастрычніка. С. 4.
13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 4П. В. 1. Спр. 17479.
14. Перапіс помнікаў // Літаратура і мастацтва. 1939. № 28. 5 жніўня. С. 1.
15. Помнікі гісторыі і мастацтва ў БССР // Звязда. 1939. № 260. 12 лістапада. С. 2.

16. *Сербай І.* Замежныя вучоныя А. Тальгрэн і Н. Моора ў Менску // Звязда. 1935. № 192. 24 жніўня. С. 4.
17. *Сербай І.* Творчасць беларускага народа // Літаратура і мастацтва. 1937. № 64. 30 лістапада. С. 3.
18. *Сербов І.* Народное искусство Белоруссии // Советское студенчество. 1936. № 9. С. 41–43.
19. Цэнтральны навуковы архіў Акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАНБ). Ф. 1. В. 1. Спр. 77.
20. ЦНА НАНБ. Ф. 3. В. 1. Спр. 34.
21. ЦНА НАНБ. Ф. 67. В. 1. Спр. 9.
22. *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006.
23. Экспедыцыя па вывучэнні помнікаў // Літаратура і мастацтва. 1939. № 32. 12 верасня. С. 2.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ХЭЧЖЭ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Мэньюань Ван

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, mengyuanwang123@gmail.com*

В статье рассматривается проблема сохранения нематериального культурного наследия народа хэчжэ и нанайцев в условиях глобализации и модернизации. Особое внимание уделяется уязвимости устной традиции и практик, связанных с отсутствием письменности у хэчжэ, что приводит к риску утраты коллективной памяти. Ключевые элементы их культуры — устное эпическое искусство имакань и техника обработки рыбьей кожи — находятся под угрозой исчезновения из-за демографических и социальных факторов. В качестве ответа предлагается цифровизация как новая стратегия сохранения: она объединяет статическую фиксацию и динамическую актуализацию. Подчеркивается, что цифровые технологии не только фиксируют исчезающие практики, но и способствуют их возрождению и трансрегиональному распространению. Цифровая охрана рассматривается как инструмент укрепления этнической идентичности и создания «трансграничной памяти» между китайскими хэчжэ и российскими нанайцами.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие; цифровизация; хэчжэ; нанайцы.

INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF HEZHE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Mengyuan Wang

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, mengyuanwang123@gmail.com*

The article examines the problem of preserving the intangible cultural heritage of the Hezhe and Nanai peoples in the context of globalization and modernization. Special attention is paid to the vulnerability of oral tradition and practices associated with the absence of writing among the Hezhe, which leads to the risk of losing collective memory. Key elements of their culture – the oral epic art imakan and the technique of processing fish skin – are under threat of extinction due to demographic and social factors. As a response, digitalization is proposed as a new preservation strategy that combines static fixation and dynamic actualization. It is emphasized that digital technologies not only record disappearing practices but also contribute to their revival and transregional dissemination. Digital protection is considered an instrument for strengthening ethnic identity and creating “cross-border memory” between the Chinese Hezhe and the Russian Nanai.

Keywords: intangible cultural heritage; digitalization; Hezhe; Nanai.

В условиях ускоряющихся процессов глобализации и цифровизации охрана и передача культурного наследия сталкиваются с беспрецедентными вызовами. Особенно уязвимым оказывается нематериальное

культурное наследие, живой характер которого, устная форма передачи и зависимость от межличностных связей приводят к тому, что при утрате традиционных носителей (например, носителей нематериального культурного наследия) оно оказывается под угрозой стремительного исчезновения. В данном контексте цифровые технологии, представленные большими данными, виртуальной реальностью, трёхмерной реконструкцией и другими средствами, предлагают новые подходы и парадигмы в деле сохранения культурного наследия. Эта новая парадигма выходит за рамки традиционной материальной охраны, стремясь посредством цифровой фиксации, имитации в живой форме и креативной трансформации придать новую жизнеспособность исчезающим культурам и обеспечить их продолжение в современном обществе в более адаптивных формах. Цифровая защита нематериального культурного наследия становится стратегическим шагом, соответствующим требованиям эпохи и способствующим культурному возрождению.

С быстрым развитием общества и непрерывным продвижением процессов модернизации традиционное нематериальное культурное наследие переживает беспрецедентный кризис. Многие объекты нематериального наследия находятся в состоянии угрозы исчезновения, ощущается нехватка преемников, ярко выражен феномен прерывания культурной памяти. Традиционные модели охраны нематериального наследия в основном ориентированы на статическое сохранение его материальных носителей, что затрудняет их соответствие современным требованиям к живой передаче традиций [1, с. 44].

Хэчжэ (нанайцы) — это рыболовно-охотничий народ, проживающий на территории Китая и России, в бассейнах рек Амур (Хэйлунцзян), Сунгари (Сунхуацзян) и Уссури. Их культура тесно связана с природной средой, что сформировало уникальный феномен так называемой «рыбной культуры». Ключевые элементы нематериального культурного наследия хэчжэ, такие как устно-поэтическое искусство имакань и техника обработки рыбьей кожи, представляют собой не только уникальный способ фиксации истории и фольклора, но и символ духовного мира народа.

Однако под воздействием процессов модернизации эти ценные элементы культурного наследия сталкиваются с серьёзным кризисом преемственности. Поскольку у хэчжэ существует язык, но отсутствует собственная письменность, их история, религиозные представления и верования в значительной степени зависят от устной традиции и передачи живых практик. С уходом старшего поколения носителей и оттоком молодёжи, покидающей родные места в поисках занятости, данные культурные сокровища оказываются на грани исчезновения. В таком контексте цифровая

защита нематериального культурного наследия хэчжэ представляет собой не просто техническую фиксацию, но и фундаментальную проблему, связанную с тем, каким образом историческая память может быть сохранена и переосмыслена.

Считается, что у народа хэчжэ нет собственной письменности, и в общении они в основном полагаются на свой устный язык. Это делает наследование НКН народа хэчжэ в основном основанным на устном обучении, поэтому спасательная защита некоторых навыков НКН является очень срочной. Во-вторых, хотя население вышеупомянутого народа хэчжэ за последние годы увеличилось в разной степени, они по-прежнему представляют собой относительно небольшую группу в интеграции многоэтнических групп в Китае. В то же время малочисленность населения оказывает давление на формирование коллектива нематериального наследия, а часть наследников, освоивших традиционные навыки и имеющих опыт традиционной рыболовной и охотничьей жизни, немногочисленна и в основном слишком стара для продолжения НКН [2, с. 11].

Хэчжэ представляют собой народ с «языком, но без письменности», чья коллективная память в значительной степени опирается на устную традицию (имакань) и технику обработки рыбьей кожи, причём носителем этих элементов нематериального культурного наследия является сам человек. Когда носители уходят из жизни и традиция оказывается на грани утраты, под угрозой оказывается и сама структура коллективной памяти. С этой точки зрения цифровизация, по сути, предоставляет данному лишённому письменности этносу принципиально новую, внешне закреплённую социальную рамку памяти, заменяя устную передачу цифровой информацией и тем самым открывая новые возможности для сохранения памяти.

Концепция «цифровой памяти», предложенная в последние годы, стала ответом на кризис памяти в цифровую эпоху: с одной стороны, традиционные носители памяти постепенно исчезают; с другой стороны, чрезмерное производство информации и её стремительная циркуляция усиливают феномен «социальной амнезии» человечества. В этом контексте технология наделяется важнейшей функцией сохранения и распространения человеческой памяти. Однако цифровая память не лишена проблем. Если рассматривать пример нематериального культурного наследия, то его передача по своей сути является динамической культурной практикой, сопровождающейся постоянным выбором сообщества: что следует помнить, а что можно смягчить или предать забвению. Иными словами, продолжение наследия во многом опирается на механизм «органического забвения». Цифровизация же, напротив, фиксирует состояние наследия в определённый момент времени, превращая его в запись, доступную для

постоянного хранения. Такая фиксация может привести к двум рискам: во-первых, наследие утрачивает свой живой характер, заключающийся в постоянной адаптации к изменениям времени; во-вторых, цифровые архивы склонны усиливать определённые элементы, заставляя сообщество многократно воспроизводить их в своей памяти, в то время как другие компоненты, естественным образом подвергающиеся забвению, оказываются игнорируемыми.

Цифровая трансформация является неизбежным путём для достижения высококачественного развития архивного дела в новую эпоху. Опираясь на цифровые технологии, построение онтологии знаний нематериального культурного наследия и реализация взаимосвязанной организации и углублённого использования архивных ресурсов по нематериальному наследию становятся важным направлением для обеспечения их базовой роли в живой передаче традиций. Это требует дальнейшего укрепления верхнеуровневого проектирования, совершенствования цифровой инфраструктуры, подготовки кадров в области цифровизации архивов, а также продвижения глубокой интеграции цифровых технологий с управлением архивами нематериального наследия. Всё это должно реально повысить качество предоставления и эффективность обслуживания архивных ресурсов нематериального наследия и придать новую динамику их живой передаче [1, с. 45].

Цифровизация культурного наследия не сводится лишь к процессам сбора и хранения данных, а представляет собой системный процесс, включающий сбор, мониторинг, анализ и обмен, цель которого заключается в продвижении живой передачи культуры и её творческого переосмысления. С технологической точки зрения данный процесс охватывает ключевые этапы семантического моделирования, управления знаниями, обработки больших данных и визуально-интерактивного представления информации. Эффективная практика цифровизации не только позволяет сохранить исчезающие культуры, но и должна с опорой на технологии расширять их социальное воздействие, привлекать новых носителей и аудитории, тем самым обеспечивая культурное возрождение.

Среди ключевых элементов нематериального культурного наследия хэчжэ устное эпическое искусство «имакань» является единственным способом для этого лишённого письменности народа фиксировать исторические изменения, героические предания, шаманские обряды, рыболовно-охотничий быт и обычаи. Однако с постепенным исчезновением языковой среды хэчжэ и уходом из жизни опытных сказителей имакань оказался на грани исчезновения. В 2011 г. он был включён ЮНЕСКО в «Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране» [3].

Впоследствии благодаря мерам государственной поддержки, разработке учебных пособий и организации обучения в онлайн- и офлайн-форматах ситуация с передачей имакань стала постепенно улучшаться. Это свидетельствует о том, что политическая поддержка может эффективно изменить неблагоприятную тенденцию в сохранении нематериального наследия.

Хэчжэ представляют собой трансграничный этнос, в России известный как нанайцы. Они происходят из одного корня с китайскими хэчжэ и разделяют уникальную рыболовно-охотничью культуру, особенно мастерство обработки рыбьей кожи. В Хабаровском крае нанайцы также традиционно занимались рыболовством и охотой. В отличие от китайских хэчжэ, российские нанайцы имеют собственную письменность: в 1930-е гг. российские лингвисты создали для нанайского языка письменную систему сначала на латинской, а затем на кириллической основе [4]. Это способствовало развитию нанайской литературы, появлению ряда известных писателей и поэтов, произведения которых были переведены на нанайский язык, а также изданию журналов и газет.

На государственном уровне Министерство культуры и туризма КНР утвердило и опубликовало документ «Цифровая защита нематериального культурного наследия: сбор и описание цифровых ресурсов» [5], который обеспечил верхнеуровневое проектирование и нормативную базу для цифровой охраны нематериального наследия. В Хэйлунцзяне, основном районе компактного проживания хэчжэ, местные органы власти активно развивают интеграцию культуры и туризма, связывая охрану нематериального наследия с программами возрождения села, создают рабочие мастерские по трудоустройству в сфере нематериального наследия и формируют цифровые культурные IP-проекты. Такая политика предоставила прочную гарантию для цифровой практики сохранения нематериального наследия хэчжэ [6].

С целью решения многочисленных проблем, связанных с передачей и обучением традиционной техники обработки рыбьей кожи, исследователями была разработана система симулятивного обучения созданию картин из рыбьей кожи хэчжэ. Эта система сочетает технологии виртуальной реальности (VR) и высокоточной фиксации жестов. Основной принцип её работы заключается в том, что сенсоры фиксируют движения рук пользователя и в режиме реального времени отображают их в виртуальной среде, моделируя ключевые этапы технологии обработки рыбьей кожи [7].

В России практика цифровой охраны культуры нанайцев в первую очередь сосредоточена на фиксации и распространении языка и этнографических данных. Так, был разработан «Интерактивный атлас» о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Этот проект представляет собой комплексный сетевой ресурс, объединяющий

информацию о языках, истории, культуре, образе жизни и традиционных искусствах 30 народов [8]. Кроме того, в некоторых местных школах реализуются цифровые проекты: на школьных сайтах размещаются аудиозаписи чтения учащимися стихов и рассказов нанайских писателей, а также планируется запуск дистанционных курсов по декоративно-прикладному искусству [9].

С помощью цифровых технологий нематериальное культурное наследие может быть более полно зафиксировано и сохранено. Например, посредством трёхмерного сканирования и VR-технологий можно детально записать каждый шаг и каждое движение в процессе изготовления рыбьей кожи у хэчжэ, превратив их в цифровой архив для долговременного хранения. Такие цифровые архивы не зависят от времени и места, могут многократно просматриваться и изучаться, что гарантирует сохранение мельчайших деталей мастерства, не позволяя им исчезнуть с течением времени. Цифровизация также делает распространение нематериального культурного наследия более широким и эффективным. Онлайн-база данных или цифровой музей способны объединить проекты нематериального наследия из разных регионов, предоставив возможность глобальной аудитории легко получить доступ и ознакомиться с ними. Такое трансрегиональное распространение значительно расширяет влияние нематериального наследия и придаёт новое дыхание культурной традиции.

Хэчжэ и нанайцы как родственные народы, разделённые границей, через культурный обмен и практику сотрудничества формируют уникальный путь «трансграничной памяти», то есть посредством двустороннего взаимодействия и цифровых технологий совместно укрепляют свою этническую идентичность и коллективную память.

Библиографические ссылки

1. 岳绯. 非物质文化遗产活态传承的档案化路径 / 绯岳 // 山西档案. 2025. № 5. P. 44–46. = Юэ Фэй. Архивный путь живой преемственности нематериального культурного наследия // Шаньсийские архивы. 2025. № 5. С. 44–46.
2. 赵佳琪. 东北边疆地区非遗现状调研—以鄂温克、鄂伦春、赫哲族传统技艺为例 / 佳琪赵 // 美术观察. 2022. № 6. P. 8–14. = Чжао Цзяци. Исследование текущей ситуации с нематериальным культурным наследием в северо-восточной приграничной зоне на примере традиционных навыков эвенков, ороков и хэчжэ // Художественное наблюдение. 2022. № 6. С. 8–14.
3. 联合国教科文组织非物质文化遗产名录, 赫哲族伊玛堪. 2011年 // 中华人民共和国国家民族事务委员会官方网站 = Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, хэчжэ Имакань. 2011 г. // Официальный сайт Государственного комитета по делам национальностей КНР. URL: <https://www.neac.gov.cn/seac/c103546/202305/1163445.shtml> (дата обращения: 29.06.2023).

4. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края АКМНС Хабаровского края // Нанайцы. URL: <https://akmns-khab.ru/нанайцы> (дата обращения: 09.09.2025).

5. 《非物质文化遗产数字化保护 数字资源采集和著录》系列行业标准的公告. 2023年06月29日 // 文化和旅游部 = Объявление о серии отраслевых стандартов по цифровой защите нематериального культурного наследия: сбор и описание цифровых ресурсов. 29 июня 2023 г. // Министерство культуры и туризм КНР. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202308/content_6900702.htm (дата обращения: 23.09.2025).

6. 黑龙江省文化和旅游厅关于全国非物质文化遗产保护工作先进集体和先进个人推荐名单的公示 // 黑龙江省文化和旅游厅 = Департамент культуры и туризма провинции Хэйлунцзян объявляет рекомендуемый список передовых групп и отдельных лиц, занимающихся защитой нематериального культурного наследия по всей стране // Департамент культуры и туризма провинции Хэйлунцзян. URL: https://wlt.hlj.gov.cn/wlt/c114145/202403/c00_31719959.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

7. 一种赫哲族鱼皮画仿真培训系统及实现方法. 中国专利 // 国家知识产权局 = Симуляционная система обучения для создания картин из рыбьей кожи народа хэчжэ и способ её реализации. Китайский патент // Федеральное управление интеллектуальной собственности КНР. URL: <http://epub.cnipa.gov.cn/patent/CN110070777A> (дата обращения: 20.09.2025).

8. В России разработали «Интерактивный атлас» о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока // TMG news. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/v-rossii-razrabotali-interaktivnyj-atlas-o-korenyh-malochislennyh-narodah-severa-sibiri-i-dalnego-vostoka> (дата обращения: 20.09.2025).

9. Что-то интересное в нанайском языке // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края. URL: <https://akmns-khab.ru2017/03/23/интересное-нанайском-языке> (дата обращения: 20.09.2025).

ТВОРЧАЯ СПАДЧЫНА А. МРЫЯ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ МУЗЕЙНАЙ СПРАВЫ БЕЛАРУСІ

А. А. Гужалоўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, huzhalouski@bsu.by*

У артыкуле разглядаецца сатырычны раман А. Мрыя «Запіскі Самсона Самасуя» як крыніца па гісторыі музейнай справы Беларусі. Артыкул дазваляе зразумець, як літаратурны твор можа выкарыстоўвацца не толькі ў эстэтычных, пазнаваўчых і выхаваўчых мэтах, але таксама з'яўляцца важнай крыніцай інфармацыі пра мінулае. Адзначаецца, што прысвечаныя краязнаўчаму музею старонкі рамана з'яўляюцца вынікам актыўнага ўдзелу аўтара ў музейна-краязнаўчым руху, які ў 1920-я гг. перажываў у БССР час найвышэйшага ўзлёту. Аналізуюцца актуальныя грамадска-політычныя з'явы, што знайшлі ўвасабленне ў тагачаснай музейнай дзейнасці і былі артыкуляваны галоўным героем рамана: варожае стаўленне да «старой» культуры, ваяўнічы атеізм, культ рэвалюцыйных правадыроў.

Ключавыя словы: БССР; крыніца; краязнаўчы музей; антырэлігійная палітыка; канфесійная спадчына; мясцовыя правадыры.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. МРЫЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА БЕЛАРУСИ

А. А. Гужаловский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, huzhalouski@bsu.by*

В статье рассматривается сатирический роман А. Мрыя «Записки Самсона Самосуя» как источник по истории музейного дела Беларуси. Статья позволяет понять, как литературное произведение может использоваться не только в эстетических, познавательных и образовательных целях, но и быть важным источником информации о прошлом. Отмечается, что страницы романа, посвящённые краеведческому музею, являются результатом активного участия автора в музейно-краеведческом движении, которое в 1920-е гг. переживало в БССР период наивысшего подъёма. Анализируются актуальные общественно-политические явления, воплощённые в музейной деятельности того времени и артикулируемые главным героем романа: враждебное отношение к «старой» культуре, воинствующий атеизм, культ революционных вождей.

Ключевые слова: БССР; источник; краеведческий музей; антирелигиозная политика; конфессиональное наследие; местные вожди.

CREATIVE LEGACY OF A. MRYI AS A SOURCE ON THE HISTORY OF BELARUSIAN MUSEUMS

A. Huzhalouski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, huzhalouski@bsu.by*

The article examines the A. Mryi satirical novel “Notes of Samson Samasui” as a source on the history of Belarusian museum. The essay makes it possible to comprehend how a literary work can serve as a significant source of historical information in addition to being used for aesthetic, cognitive, and pedagogical objectives. It should be mentioned that the author’s active involvement in the museum and local history movement, which saw its greatest expansion in Soviet Belarus in the 1920s, is what led to the pages of the book devoted to the local history museum. The article examines sociopolitical issues that were expressed by the novel’s protagonist and reflected in the museum’s operations during that era, including the adoration of revolutionary leaders, militant atheism, and a critical attitude toward the “old” culture.

Keywords: Soviet Belarus; source; regional museum; anti-religious policy; confessional heritage; local leaders.

Адной з найбольш яскравых з’яў культурнага жыцця ў СССР 1920-х гг. быў краязнаўчы рух. Па словах вядомага расійскага гісторыка С. О. Шмідта, першае дзесяцігоддзе савецкай улады — прыкладна да рубяжа 1920–30-х гг. можна назваць «залатым дзесяцігоддзем» развіцця краязнаўства [13, с. 16]. Гэтыя гады з’явіліся таксама часам найвышэйшага ўзлёту музейна-краязнаўчага руху ў БССР. Да гэтай дзейнасці далучыліся асобы рознага сацыяльнага становішча і рознай ступені падрыхтоўкі, але ў асноўным інтэлігентных прафесій і навучэнцы. Выяўленне, улік, ахова і выкарыстанне імі прыроднай і культурнай спадчыны стала асноўным напрамкам дзейнасці большасці краязнаўчых арганізацый, што давала магчымасць ствараць новыя музеі. У БССР на 1 студзеня 1928 г., паводле нашых падлікаў, існавала 7 акруговых і 27 раённых грамадскіх краязнаўчых музеяў [2, с. 93].

Важнай падзеяй у гісторыі беларускага краязнаўчага руху было стварэнне 29 снежня 1923 г. Цэнтральнага бюро краязнаўства (ЦБК), пасля чаго ён набыў арганізаваны характар. У склад бюро ўвайшлі вядомыя навукоўцы БССР — гісторыкі Ул. І. Пічэта і В. Д. Друшчыц, географы А. А. Смоліч і М. В. Азбукін, вучоны-аграрнік С. В. Скандракоў, а таксама прадстаўнікі ад Галоўпалітасветы, Галоўсацвуху, Дзяржаўнай планавай камісіі і Саюза працаўнікоў асветы. ЦБК працавала пад навуковым кіраўніцтвам прэзідыума Інбелкульта і ажыццяўляла сувязь паміж апошнім і краязнаўчымі арганізацыямі. Аматы-краязнаўцы бралі актыўны ўдзел у рабоце секцый Інбелкульта шляхам пісьмовых

паведамленняў, збору навуковых матэрыялаў і назіранняў па заданнях секцый. З 1925 г. пачаў выходзіць рэспубліканскі краязнаўчы часопіс «Наш край» (рэдактар — Змітрок Бядуля).

Пытанні музейнага будаўніцтва ўздымаліся амаль на кожным пасяджэнні бюро ЦБК, абмяркоўваліся на старонках часопіса «Наш край». Так, ужо ў першым нумары часопіса быў апублікаваны ўзорны статут раённага краязнаўчага таварыства, дзе сярод яго галоўных мэт вызначалася арганізацыя ўласнага музея [9, с. 38]. У шэрагу артыкулаў знайшла адлюстраванне праблема методыкі збірання экспанатаў і пабудовы музейных экспазіцый [3, с. 35–36; 5, с. 30–31; 12, с. 54]. На пасяджэнні бюро ЦБК 30 чэрвеня 1927 г. быў зацверджаны расклад лекцый па краязнаўству на радзё, адна з якіх мела назву «Як арганізаваць мясцовы музей» [10, с. 83]. На курсах-студыі па краязнаўству пры БДУ В. Ю. Ластоўскі чытаў цыкл лекцый «Музеязнаўства і музеябудаўніцтва» [11, с. 85]. Аналагічныя курсы былі ўведзены ў праграмы педтэхнікумаў.

У 1924 г. да краязнаўчай працы, якой тады была ахоплена ўся рэспубліка, далучыўся настаўнік гісторыі і французскай мовы Краснапольскай школы Магілёўскай акругі А. А. Шашалевіч (Андрэй Мрый). У жніўні 1926 г. ён выехаў у Мінск, дзе на прапанову Змітрука Бядулі стаў супрацоўнікам часопіса «Наш край». Неўзабаве ён заняў пасаду інспектара ЦБК БССР. Гэта пасада прадугледжвала шматлікія выезды з мэтай збірання і абагульнення вопыту музейна-краязнаўчай працы «на месцах». Многае з убачанага там А. А. Шашалевіч выкарыстаў у якасці матэрыялу для сатырычнага рамана «Запіскі Самсона Самасуя».

Камандыроўкі А. А. Шашалевіча супалі па часе з узнікненнем тэндэнцыі да палітызацыі работы краязнаўцаў, асабліва ў адукацыйнай сферы. Гэта прасочваецца па выступленнях на краязнаўчых канферэнцыях дзяржаўных і палітычных дзеячаў, публікацыях у перыядычным друку, арганізацыйна-метадычнай дзейнасці ЦБК. Праца краязнаўцаў была формай дэмакратычнай самадзейнасці, самаарганізацыі жыцця, якая брала пачатак ад дарэвалюцыйных, земскіх традыцый. Далучэнне да ведаў адбывалася абмінаючы дзяржаўныя кіраўнічыя ўстановы, без уніфікаваных методык і абавязковых распараджэнняў. Гэта не адпавядала курсу на бюракратызацыю грамадскага жыцця, які канчаткова перамог у 1929 г. Менавіта тады, у год «вялікага пералому» у часопісу «Узвышша» былі надрукаваны два першыя «світкі» рамана А. Мрыя, пасля чаго твор быў абвешчаны паклёпам на савецкую рэчаіснасць.

Паслярэвалюцыйны перыяд у гісторыі музейнай справы быў прасякнуты імкненнем адкрыць і зрабіць даступнымі для працоўных усе скарбы чалавечай цывілізацыі, пераўтварыць «музеі-кунсткамеры», «мёртвыя

сховішчы» у інструменты культурнай рэвалюцыі. Нягледзячы на тое, што адукацыйнае разуменне музея на Беларусі мела больш чым двухвекавую традыцыю, культурныя дзеячы 1920-х гг. ухвалялі свае ідэі як абсалютна новыя, народжаныя рэвалюцыяй, супрацьпастаўлялі іх ідэалам буржуазнага асветніцтва. Вось як загадчык культаддзела Шапцялёўскага райвыканкаму Самсон Самасуй пра стварэнне раённага краязнаўчага музея: «Мы склалі грандыёзны план арганізацыі музея... ад музей мы знайшлі нейкую плюгавую капліцу, зверху прыладзілі скінуты ветрам кумпал. Выйшла нешта накшталт маўрытанскага пахавальнага помніка. Вялікую шылду зрабілі: „Шапцялёўскі дзяржаўны музей імя т. Андросава“» [6, с. 92].

У другой палове 1920-х гг. краязнаўчыя музеі разгарнулі вялікую работу па папулярызацыі сярод насельніцтва помнікаў мясцовай гісторыі і прыроды. Энтузіязм насельніцтва, найперш вучнёўскай моладзі ў дачыненні музеяў перадаюць наступныя радкі рамана: «Мы думалі не спяшацца з адчыненнем музея, але цэлыя дні, асабліва калі былі базары ці кірмашы, народ валам валіў і грукаў у дзверы капліцы, а хлопчыкі вісам віселі на вокнах і глядзелі. Такім чынам, пад націскам зацікаўленых мас мы ўрачыста адчынілі музей. Прагнасьць мас да культуры была такая вялікая, што мы прымушаны былі прасіць начміла т. Какоцьку наладзіць парадак. Быў доўг хвост навядальнікаў. Было на што паглядзець!» [6, с. 92].

Ленінскі план манументальнай прапаганды прадугледжваў не толькі ўвасабленне рэвалюцыйных ідэй у пластычнай форме, але таксама дэмантаж помнікаў, не маючых гістарычнай і мастацкай каштоўнасці, прысвечаных царам і іх слугам. Ва ўмовах адмаўлення ад «старой культуры», крытычна-навуковае стаўленне да рухомах і нерухомах помнікаў было апраўданнем для іх існавання ў новай, савецкай культуры: «У цэнтры музея ў мэтах прапаганды агіды да старога панскага ладу быў пастаўлен знойдзены ў маёнтку князя Мрачкоўскага мармуровы помнік каханаму сабаку... Каля гэтага помніку стаяла вялікая каменная баба вагою да 80 пудоў. Яе знайшлі на беразе Сожа... Сабралі 17 пудоў чарапкоў начыння і костак першабытнага чалавека... і два вагоны мамутавых костак, якія сваімі звышнормавымі размерамі выклікалі жах у людзей. Сяляне ўпарта гаварылі і нават божкаліся: „Гэта даўней людзі такія жылі. І косткі гэта не звярыныя, чалавечыя. А цяпер людзі зусім здрабнелі“» [6, с. 93].

А. А. Шашалевіч не мог не заўважыць новую з'яву ў грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі, а менавіта, з'яўленне сімвалічных постацяў рэвалюцыйных правадыроў. Менавіта ў час напісання рамана канчаткова сфармаваўся культ Леніна і пачаў фармавацца культ Сталіна як правадыроў рэвалюцыі, прыроўненых да святыняў. Разам з цэнтральнымі культамі, у саюзных рэспубліках узніклі культы мясцовых правадыроў.

Так, у сярэдыне 1920-х гг. імя наркама асветы БССР У. М. Ігнатоўскага было нададзена тэхнікуму і тэатру, яго партрэты віселі ў адукацыйных установах, у школах праводзіліся спецыяльныя ўрокі, прысвечаныя рэвалюцыйнай дзейнасці наркама, Янка Купала прысвяціў яму верш [8, арк. 4]. У Мінску існавалі сельскагаспадарчыя майстэрні Цэнтраземскладу імя Аляксандра Бурбіса [4, с. 2], а таксама інвалідны дом імя Сцяпана Булата [7, с. 4].

У рамана дадзеная тэндэнцыя прадстаўлена прыкладам, калі галоўны герой у створаным ім «Шапялёўскім дзяржаўным музеі імя т. Андросава» «...заказаў скульптарныя бюсты старыні РВК т. Сомы і сакратара райкома т. Андросава». Герой рамана адзначаў: «Мастак і вучні намалявалі партрэты адказных шапялёўскіх дзеячоў, у тым ліку і мой. Я быў намаляваны ў белай кашулі з вялізным чырвоным бантам...» [6, с. 94].

Адной з яркіх старонак гісторыі музейнай справы ў першае дзесяцігоддзе савецкай улады з'яўлялася музеефікацыя канфесійнай спадчыны. Стаўленне большавікоў да царквы было ваяўніча варожым і пераследвала мэту суцэльнага выкаранення веры. Рэалізацыя Дэкрэта «Аб свабодзе сумлення...» была ўскладзена на 5-ы аддзел Наркамюста, які атрымаў злавеснае найменне «ліквідацыйнага». Таму на практыцы зачыняліся не толькі храмы, але ліквідавалася іх маёмасць, у тым ліку рэлігійныя святыні. 21 мая 1922 г. мошчы прападобнай Ефрасінні Полацкай пасажырскім цягніком былі дастаўлены з Полацка ў Віцебскі губернска-археалагічны музей, дзе праз некалькі дзён адбылося іх ускрыццё. З мэтай антырэлігійнай прапаганды святыя мошчы ў адкрытым выглядзе былі выстаўлены ў экспазіцыі побач з каталіцкімі, уніяцкімі і яўрэйскімі прадметамі рэлігійнага культу, калекцыямі нумізматыкі, веераў, сталовага посуду і іншымі экспанатамі, дзе і знаходзіліся да 1941 г. [1, арк. 288].

Падобныя антырэлігійныя аддзелы ўзніклі ў шэрагу іншых музеяў, у тым ліку, крэйзнаўчых. У Шапялёўскім музеі ён выглядаў наступным чынам: «Гваздом нашага музея быў антырэлігійны аддзел. У ім былі мочы святога Лындзія. Я спецыяльна ездзіў за імі ў Баркалабаўскі кляштар і там, можна сказаць, гвалтам вырваў з кіпцюроў фанатыкаў-прэлатаў... Цяпер, калі мошчы былі прывезены ў Шапялёўку, і разгарнуў іх да апошняга рыззя, там быў чорны-чорны чэрап. Вочныя ямкі былі залеплены шэрай глінай. Нілая, счарнелыя зубы глядзелі дакорам смерці, сківіцы сумна былі сціснуты, рот ніякай каштоўнай прапановы ўжо не мог унесці. Сулдыжкі рук бяспомачна былі скрыжаваны на грудзёх, а на назе была нейкая прыкарэлая поўсць. Магчыма гэта нага і не чалавечая была. Над мошчамі мы далі тлумачэнне: „Былі мошчы святога Лынды, а цяпер — згрэбці ды на сметнік. Інакш скарыстаць нельга!“» [6, с. 95].

Такім чынам, раман А. Мрыя «Запіскі Самсона Самасуя» з’яўляецца важным дакументам эпохі, крыніцай па гісторыі айчынной музейнай справы. Тыя з’явы грамадскага жыцця, якія зрабіліся аб’ектам сатыры ў 1929 г., і сёння ўспрымаюцца намі как непрымальныя: варожае стаўленне да «старой» культуры, ваяўнічы атэізм, культ рэвалюцыйных правадыроў. Але, не гэтыя з’явы вызначылі дзейнасць краязнаўцаў 1920-х гг., якая мела вялікае значэнне для развіцця навукі, уздымала інтэлектуальны ўзровень правінцыяльных гарадоў і вёсак, спрыяла асвеце шырокіх колаў насельніцтва.

Значныя заслугі краязнаўцаў, асабліва тых, хто працаваў у музеях і архівах, у развіцці спецыяльных гістарычных, філалагічных і прыродазнаўчых дысцыплін, у распрацоўцы метадаў атрыбуцыі і апісання музейных прадметаў, рукапісаў, выданняў. Пры ўсіх хібах — непрыстасаваных памяшканнях, сціплым фінансаванні, адсутнасці штатных пасад — краязнаўчыя музеі адыгралі вялікую ролю ў павышэнні культурнага ўзроўню рэспублікі. Яны былі формай праяўлення дэмакратычнай самадзейнасці насельніцтва, апавядалі пра традыцыі, нацыянальныя карані, кансалідавалі грамадства. Вынікі працы краязнаўцаў, якія на базе сабраных матэрыялаў праводзілі канкрэтныя даследаванні, дапамаглі савецкай гістарычнай навуцы захавацца ў гады панавання сацыялагічнай вульгарызацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Ф. 1947. Воп. 1. Спр. 43.
2. *Гужалоўскі А. А.* Музеі Беларусі. 1918–1941. Мн.: НАРБ, 2002. 176 с.
3. *Зьбіткоўскі М.* Настаўленне да збірання раслін і назіранняў над імі // Наш край. 1927. № 5.
4. *Л. Ал.* Дваццаць сем // Звязда. 1931. 8 сак. № 65.
5. *Лінкін Б.* Паказ у музэях лясоу тутэйшага краю // Наш край. 1927. № 4.
6. *Мрый А.* Запіскі Самсона Самасуя. Мн.: «Маст. літаратура», 2001. 111 с.
7. *Мяццовы.* Непарадкі ў інвалідным доме імя Булата // Звязда. 1929. 11 кастр. № 233.
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 1280.
9. Наш край. 1925. № 1.
10. Наш край. 1927. № 8–9.
11. Наш край. 1928. № 6–7.
12. *Сташэўскі.* Організаванне раённага музэю // Наш край. 1929. № 1. С. 54.
13. *Шмидт С.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. М.: Профиздат, 1990. С. 11–27.

«КОД ТУРИЗМА»: СТРУКТУРА АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

Л. С. Иваничева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, ivanicheva.l@gmail.com*

В последние два десятилетия области научного изучения туризма демонстрирует устойчивую институализацию, что выражается в росте числа специализированных академических журналов, а также создание университетских программ, факультетов и исследовательских центров. Эти процессы способствуют формированию устойчивого научного сообщества. Цель настоящего исследования заключается в оценке современного состояния и направления развития академических знаний в сфере туризма на основе анализа доминирующих научных областей и ключевых тематических направлений. Исследование охватывает диссертационные работы, защищенные в Республике Беларусь в период с 2000-х гг. Методологической основой работы стал контент-анализ ключевых слов и концептуальных моделей, позволяющих выявить структурные особенности научного дискурса в национальном контексте. Полученные результаты представляют оригинальный вклад в сравнительное изучение академических традиций.

Ключевые слова: туризм; научная традиция; диссертационные исследования; тематические направления.

“THE TOURISM CODE”: COMPARATIVE STRUCTURES OF ACADEMIC DISCOURSE WITHIN NATIONAL CONTEXT

L. Ivanichava

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, ivanicheva.l@gmail.com*

Over the past twenty years tourism research has undergone a consistent process of institutionalization, evidenced by the proliferation of specialized academic journals and the creation of dedicated university programs, departments, and research institutes. These developments have played a crucial role in shaping a stable and cohesive community.

This study aims to evaluate the current landscape and major trajectory of academic knowledge in tourism by examine prevailing research domains and central thematic trends.

The study examines dissertations defended in the Republic of Belarus since the early 2000s. The methodological foundation is based on content analysis of structural features within the discourse across national context. The findings offer an original contribution to the comparative study of scholarly traditions.

Keywords: tourism; academic tradition; tourism research; thematic directions.

Формирование туризма как самостоятельной области научного знания прошло сложный и многогранный путь, начавшийся в 1930-х гг. На ранних этапах развития теоретических основ туризм опирался преимущественно на нормативные документы и статистические отчёты, что обусловило его

прикладной характер. Спустя несколько десятилетий туризм преобразился в полноценного объекта научного анализа, что особенно ярко проявилось в политике европейских стран, которые стали активно включаться в процесс развития отрасли, признавая его экономическую и культурную значимость (в 1980-х гг.). Начиная с 60-х гг. XX в. наблюдался рост академического интереса к туризму, прежде всего, в рамках географических исследований, а в 1970-х гг. — в контексте экономического анализа туристических процессов. Постепенно туризм начал интегрироваться в более широкий научный дискурс, становясь предметом изучения таких дисциплин как социология, культурология, психология и другие. Процесс междисциплинарной экспансии способствовал формированию новых исследовательских парадигм, расширению методологического инструментария и постановке более комплексных научных задач. Сегодня туризм представляет собой не только важную экономическую отрасль, но и сложную социокультурную систему, изучение которой требует синтеза знаний из различных областей.

В последние годы наблюдается заметное расширение дисциплинарной границы туристических исследований, что отражается в структуре современных академических баз данных. Все чаще туризм становится объектом анализа в рамках таких областей как рекреация, психология, философия, история, культурология и других гуманитарных дисциплин. Для дальнейшего развития теоретической базы и укрепления академического статуса туризма как научной дисциплины важно сосредоточиться на анализе самого процесса формирования научного знания. Одним из таких направлений является изучение традиционных исследований, выполненных в рамках программ университетов. Такой подход позволяет выявить ключевые тренды, предпочтения, тематические акценты, характерные для различных национальных традиций. Подобные методологические подходы уже получили свое развитие в североамериканской и европейской научной практике.

Методы. Цель исследования заключается в проведении анализа диссертационных работ, защищенных в белорусских университетах в период с 2000-х гг. по настоящее время. В качестве методологической базы используется контент-анализ ключевых понятий и терминов, представленных в аннотациях к диссертациям.

Исследование основано на анализе одного национального репозитория, содержащего данные о диссертациях с целью выявления ключевых научных тенденций в области туризма. Отбор осуществлялся по двум критериям: 1) значимость как туристических направлений и 2) «активность» в академической среде. Поисковые запросы формировались на основе заголовков, аннотаций и ключевых слов, что позволило выявить устойчивые тематические и дисциплинарные паттерны.

Список терминов для фильтрации включал такие понятия как «туризм», «рекреация», «гостеприимство», «досуг», «управление», «наследие» и «окружающая среда» [1]. Данный факт не позволил избежать суженной выборки. Сбор данных осуществлялся из системы высшей аттестационной комиссии: vak.gov.by (Республика Беларусь). В итоговую выборку вошли всего лишь 6 диссертаций.

Результаты исследования. Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что докторских диссертаций по туризму в Республике Беларусь защищённо не было. При этом академическая активность не всегда коррелирует с туристической значимостью страны [1]: по показателю въездного туризма страна находилось на 48-м месте в рейтинге UNWTO и по данным Статистического комитета Республики Беларусь [2] (май 2024 г.).

Анализ динамики по годам в период с 2000 по 2023 г. показывает, что условный пик (2015–2023) диссертационной активности вероятно связан с проводимой политикой государства: 1) усилением государственной поддержки [3–8], а также 2) открытого доступа к академическим работам и росту академических образовательных программ.

Четыре университета являются лидерами по объёму научной продукции в области туризма: Белорусский государственный университет, Белорусский государственный экономический университет, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Белорусский национальный технический университет. Это может быть связано с тем, что в вузах наблюдалась ранняя активизация исследований в данной сфере. Примечательно, что на долю этих 4-х вузов приходится 76 % всей туристской продукции, при этом их позиции не совпадают с общими академическими рейтингами публикационной активности [1]. Практически каждый из университетов в исследуемый период подготовил лишь одну диссертацию по туризму, что свидетельствует о начальном этапе формирования научной активности в данной области или о том, что туризм пока не рассматривается как стратегическое направление академической деятельности.

Наиболее часто встречающимися дисциплинами в исследованиях по туризму является экономика (управление) и история. Такая направленность может быть обусловлена стремлением подчеркнуть экономическую значимость туристического сектора как способ усиления государственного признания с сохранением исторической памяти — вопрос, активно обсуждаемый в последние годы среди ключевых отраслевых акторов.

Полученные данные не обладают высокой ценностью для стратегического планирования научной деятельности и не могут позволить точнее ориентироваться, например, в возможностях финансирования программ,

выявлять недостаточно изученные направления и развивать междисциплинарные подходы, например в таких сферах как туристическое право, цифровые технологии и другие перспективные области.

Тематический анализ диссертаций показывает преобладание тем связанных с региональным планированием и устойчивым развитием, наследием и туристической политикой и отражает приоритет национальной стратегии в стране по состоянию на 2010–2019 гг.

Связь между странами (дестинации исследований: Ирак, Китай) и ключевыми темами демонстрирует, что в стране наибольший интерес вызывает рекреация и управление туризмом. Несмотря на это, данные подтверждают наличие общих исследовательских приоритетов характерных для большинства стран. Помимо доминирования экономики, такая структура может быть обусловлена активной ролью международных организации в продвижении проектов, связанных с устойчивым развитием и сохранением культурного наследия (UNWTO, UNESCO) в период с 2010 по 2019 г.

Темы, связанные с рекреацией, представляют взаимный интерес для академического взаимодействия, открывая возможности для совместных исследований как в рамках популярных направлений, так и в менее изученных областях. Такие темы как гостиничный бизнес, гостеприимство, экскурсионные деятельность, гиды, отдых и образование, пока остаются на периферии академического внимания белорусских исследователей, что делает их перспективными объектами для будущих исследований.

Заключение. Цель исследования заключалась в выявлении актуальных тенденций, характерных для диссертаций в области туризма, с акцентом на содержательную структуру. Проведённый анализ тематических направлений позволил определить устойчивые исследовательские векторы, а также обозначить перспективные области для дальнейшего изучения.

Полученные результаты свидетельствуют о небольшом интересе со стороны университетов к туризму как к объекту научного осмысления в период с 2000 по 2015 г., и постепенно нарастающей активности в последние годы. Это отражает признание его значимости в экономическом и социокультурном контексте, а также стремление к углубленному изучению теоретической базы дисциплины.

Ряд тематик, таких как гостиничный менеджмент, индустрия гостеприимства и образование, пока представлены ограниченно, что открывает возможность для будущих направлений исследования. Особенно перспективным представляется их сравнительное изучение в странах с развитой академической инфраструктурой в сфере туризма — таких как Италия, Испания, Великобритания и др.

Исследование базировалось исключительно на данных, полученных из онлайн-источника, что может ограничивать полноту охвата. В дальнейшем целесообразно расширить эмпирическую базу, так как анализ проводился в рамках одной дисциплинарной модели, тогда как применение междисциплинарного подхода могло бы выявить дополнительное различие между странами, научными школами и методологическими традициями.

Важно учитывать, что национальные классификационные системы диссертаций не всегда адекватно отражают их содержательную направленность. Более точная интерпретация возможна при текстовом анализе исследований.

С учётом преобладания диссертаций, классифицированных в рамках экономических и исторических дисциплин, представляется целесообразно рассматривать управленческий подход отдельно от организационно-структурных исследований. Поступление европейских образовательных процессов на участие и подготовку групповых проектов, участие в семинарах и результаты промежуточных исследований также должны находить свое отражение в тематическом перераспределении диссертаций.

Библиографические ссылки

1. *Иваничева Л. С.* Концепция туризма как объекта исследования в информационно-поисковой системе Национальной библиотеки Беларуси // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 99-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2020. С. 459–465.
2. Tourism and tourist resources in the Republic of Belarus // National statistical committee of the Republic of Belarus (Statistical data book). URL: <https://belstat.gov.by/upload/iblock/512/ld9jlargpmmpsoh0hsfa7ziwlqh14hcq.pdf> (date of access: 15.08.2025).
3. Об утверждении Государственной программы «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 годы: Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 232 // Эталон–Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
4. Государственная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 гг. Минск: Министерство спорта и туризма РБ, 2012.
5. Национальная программа развития туризма Республики Беларусь на 2006–2010 гг. Минск: Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, национальное агентство по туризму Республики Беларусь, 2005. 57 с.
6. Национальная программа развития туризма Республики Беларусь на 2001–2005 гг. Минск: Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, национальное агентство по туризму Республики Беларусь, 2000. 69 с.
7. Государственная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. Минск: Министерство спорта и туризма РБ, 2017.
8. Национальная стратегия по развитию туризма в Республике Беларусь. URL: <https://www.belarustourism.by/upload/iblock/625/625917c1a15fce71d92c26c82b82c959.pdf> (дата обращения: 23.11.2020).

НАРОДНАЯ ТЭАТРАЛЬНАЯ ТВОРЧАСЦЬ У ЗІМОВАЙ КАЛЯНДАРНАЙ АБРАДНАСЦІ БЕЛАРУСАЎ

М. Д. Картаўцоў

*Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь,
вул. К. Маркса, 12, 220030, г. Мінск, Беларусь, maks.kortavtsov@gmail.com*

Артыкул прысвечаны разгляду народнай тэатральнай творчасці беларусаў у час свят зімовага каляндарнага цыкла ў перыяд другой паловы XIX—першай паловы XX ст. Разглядаюцца такія тэатральныя практыкі як пераўвасабленне, шчадраванне, «мушкарат», батлейка, масленічная гульня «Пахаванне дзеда».

Ключавыя словы: народны тэатр; рытуальнае пераўвасабленне; зімовая абраднасць; Каляды; Масленка.

НАРОДНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ЗИМНЕЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ БЕЛОРУСОВ

М. Д. Кортавцов

*Национальный исторический музей Республики Беларусь,
ул. К. Маркса, 12, 220030, г. Минск, Беларусь, maks.kortavtsov@gmail.com*

Статья посвящена рассмотрению народного театрального творчества белорусов во время праздников зимнего календарного цикла в период второй половины XIX—первой половины XX в. Рассматриваются такие театральные практики как перевоплощение, щедрование, «мушкарат», батлейка, масленичная игра «Похороны деда».

Ключевые слова: народный театр; ритуальное перевоплощение; зимняя обрядность; Рождество; Масленица.

FOLK THEATRICAL ART IN THE WINTER CALENDAR RITUALS OF BELARUSIANS

M. D. Kartaucou

*National history museum of the Republic of Belarus,
12 Karl Marx str, Minsk 220030, Belarus, maks.kortavtsov@gmail.com*

The article is devoted to the consideration of the national theatrical art of Belarusians during the holidays of the winter calendar cycle in the period of the second half of the XIX—the first half of the XX century. Such theatrical practices as ritual dressing, generosity, “muscarat”, batlejka, Maslenitsa game “grandfather's funeral” are considered.

Keywords: folk theatre; ritual dressing; winter calendar rituals; Kaliady; Maslienka.

Неад’емнаю часткай беларускай народнай творчасці з’яўляецца тэатральная. Яна прадстаўляе сабой сінтэтычнае спалучэнне іншых відаў народнай творчасці, а менавіта, спеваў, танцаў, гульнявога дзеяння.

Тэатралізацыя ў першую чаргу бярэ свой пачатак у старажытных паляўнічых і земляробчых абрадавых гульнях, культавых рытуалах, у якіх утрымліваліся пэўныя элементы гульнявога дзеяння і тэатральнага пераўвасаблення. Элементы тэатралізаванай дзеі маюцца ў шэрагу каляндарных і сямейна-бытавых абрадаў, а таксама ў гульнях, карагодах і карагодных танцах [10, с. 354].

Абрады, якія ўзніклі ў дахрысціянскія часы, паступова згубілі сваю першааснову. Працэс абміршчэння абрадаў і павелічэнне іх драматычна-гульнявога пачатку прывёў да самастойнага развіцця драматычных тэатральных формаў, якія ў сваю чаргу атрымалі выразную эстэтычную функцыю. У карагодах арганічна спалучыліся танец, песня і драматызаванае дзеянне, тэатралізацыя ў іх узнікла на грунце песеннага сюжэта. Паступова з карагода вылучаліся выканаўцы роляў, а ў далейшым паміж імі і карагодным хорам пачаў весціся песенны дыялог [10, с. 354].

У ролі станаўлення народнага тэатральнага мастацтва таксама нельга не адзначыць традыцыйны лялечны тэатр — батлейку, якая часта ладзілася падчас рэлігійных свят. Доўгі час батлеечныя спектаклі мелі ў асноўным рэпертуары містэрыі (высокую частку рэпертуара), да якіх пазней дадаліся фальклорныя камічныя сцэнікі, што склалі другую (нізкую) частку яе рэпертуару. Будучы народнай з’явай, традыцыі батлейкі займелі ўплыў на прафесійную нацыянальную драматургію.

Найбольш багатым на тэатралізаванае дзеянне з’яўляецца зімовы цыкл каляндарнай абраднасці ў які ўваходзілі два вялікіх святочных перыяды Каляды і Масленка.

Калядныя ўрачыстасці на працягу свайго існавання зведалі пераўтварэнне ў своеасаблівы карнавал з тэатралізаванымі гульнямі, паказамі батлейкі, а таксама народнай драмай. Дзеючыя асобы, пераапрааналіся, выкарыстоўвалі маскі і грым. Народная тэатральная творчасць на Каляды мела сваё развіццё ў двух рэчышчах: як тэатр жывога акцёра і як батлеечны паказ. Варта адзначыць, што на мяжы XIX–XX стст. некаторыя сцэны з батлеечнага рэпертуару маглі выконвацца жывымі акцёрамі, такую з’яву ў народзе прызвалі «жывой» батлейкай [10, с. 354–355].

Выключнае месца ў каляднай абраднасці беларусаў займалі пераапраананне і маскіроўка. Традыцыйным з’яўлялася пераапраананне ў жывёл і птушак. Найбольш папулярным сярод беларусаў было пераўвасабленне ў казу, якая атасаямлялася з апладняючай істотай. Менавіта ў абрадзе ваджэння казы яскрава займеў сваю праяву сцэнічны пачатак. З цягам часу абрад зведаў шэраг пераўтварэнняў і выканаўцы пачалі здзяйсняць не культавы рытуал, а тэатралізаваны паказ, які складаўся з шэрагу розных сітуацый, якія у асноўным мелі гумарыстычны характар [1, с. 31].

Ад 27 снежня распачыналіся «крывыя вечары» з гэтага дня, пачыналі хадзіць ражаныя з казой, мядзведзем, кабылай і жураўлём. Калядоўшчыкі заўжды імкнуліся тэатралізаваць абход вёскі, яны загадзя дамаўляліся хто будзе выконваць тую ці іншую ролю, збіраліся ў адной хаце і прыбіраліся. Звычайнае каляднае шэсце налічвала каля 15–20 калядоўшчыкаў [6, с. 17]. Калі калядоўшчыкі сабраліся, яны хадзілі па хатах і спявалі. Падыходзілі пад вокны і прасіліся ў хату, калі пускалі, тады дзед ішоў наперадзе, вядучы казу за шыю, за ім ішлі немец, маладзіца, пеўчыя і музыка. Калі падыходзілі да хаты завадатар сваёй песняй заклікаў гаспадара адкрыць браму/дзверы/вокны [2, с. 115]. Калі яны заходзілі у хату, каза становілася пасярэдзіне пакоя, а дзед хадзіў вакол яе, стукаючы кіем па падлозе. Вакол казы маладзіца і немец, а пеўчыя і музыканты заставаліся ўбаку. Пеўчыя пачыналі спяваць, музыка падыгрываў, маладзіца і немец танцавалі, каза, стоячы, круцілася, тупаючы нагамі. Звычайна, пасля сканчэння песні, каза або кладзецца наўзбоч на падлозе, або скача на лаву і пачынае шукаць, ці нельга дзесьці чымсьці пажывіцца. Потым шукалі музыку. Добры музыка звычайна не пагаджаўся, таму бралі кожнага, абы той ўмеў хоць трохі граць [7, с. 104]. Больш вузкакальнае значэнне на Беларусі мелі звычай ваджэння калядоўшчыкамі мядзведзя, што было характэрна для некаторых раёнаў Брэстчыны, і бусла, што зафіксавана этнографамі і фалькларыстамі на Гомельшчыне [8, с. 25].

31 снежня, на Шчодры вечар, калі святкавалася Другая куцця, у гэты вечар калядныя ігрышча сягалі свайго апагея, ладзіліся паказы батлейкі, ражаныя вадзілі казу, кабылу, жураўля і мядзведзя спяваючы шчадроўкі заходзячы ў двары, ці ў хаты з дазволу гаспадара [9, с. 56]. Дзяўчаты ўпрыгожвалі «Шчодрю» — прыгожую пышную дзяўчыну, на якую сяброўкі апраналі прыгожы строй, надзявалі на галаву вянок з каляровай паперы і навязвалі вялікую колькасць каляровых стужак, каб дзяўчына была імі ўвешана да пояса, рабілася гэта каб надыходзячы год быў багаты і прыемны [6, с. 11]. Пасля дзяўчаты разам са Шчодрай, хадзілі па вёсцы і шчадравалі [7, с. 112]. За песні гаспадары мусілі адорваць іх, звычайна хлебам, блінамі, салам, ці грашыма.

У ноч напярэдадні Новага года, дзяўчаты пераапраналіся ў цыганоў, адна дзяўчына апраналася ў мужчынскі касцюм, у якой у левай руцэ былі звёрнутыя ў ляльку кавалкі тканіны, а другія апраналіся маладымі цыганкамі заплітаючы ў валасы чырвоныя стужкі. Цыганы смела хадзілі па дамах, дзе пачыналі танчыць і спяваць. Паскакаўшы, цыганка прапаноўвала маладым паваражыць, за што іх ўзнагароджвалі чаркай гарэлкі, кавалкам хлеба, сала, бульбай [7, с. 121–122].

Апрача пераапраананняў, адметнай з’явай на Каляды з’яўляўся т. зв. «мушкарат», які даследчыкі народнай культуры лічуць вяршыняй народнай тэатральнай творчасці. «Мушкарат» адметны вялікай колькасцю ўдзельнікаў (болей 10 чалавек), выкарыстаннем сцэнічных прыёмаў, а таксама адмысловай падрыхтоўкай (выкарыстанне касцюма і грыва). Найбольш распаўсюджанымі творамі для выканання былі «Цар Максімільян» і «Цар Ірад», на іх грунце таксама ўзнік «Трон». Звычайна паказ складаўся з дзвюх частак, у першай (сур’ёзнай) паказваўся адзін з узгаданых вышэй твораў, другая частка была камедыйнай, яна была пабудавана па ўзоры батлейкі. Таксама меўся пралог, у якім выканаўцы звярталіся да гаспадароў па дазвол і эпілог, які ўключаў у сябе віншаванне і прашэнне ўзнагароды [10, с. 342].

Вельмі папулярнай на поўначы Беларусі з’яўлялася гульня «Жаніцьба Цярэшкі», якая мела ў сабе вялікі складнік тэатралізацыі. У гульні ў гумарыстычнай форме, абыгрываўся адзін з асноўных момантаў традыцыйнага вяселля — бацькоўскае дабраслаўленне. Галоўныя дзеючыя асобы гульні «бацька» і «маці», менавіта яны вялі рэй усёй гульні. Яны распачыналі з падбору пары, калі «маці» выводзіла хлопца і вяла да дзяўчат, выбіралася дзяўчына ў «нявесты», такім чынам ядналіся іншыя пары пакуль іх не перажэняць. Далей кожная пара падводзілася да святочнага стала, дзе «бацькі» віншавалі «жаніха» з «нявестай» са шлюбам, выказваючы ім розныя зычэнні, трапнымі прымаўкамі. На працягу дзеі гучалі гумарыстычныя песні, якія выконваліся пераважна ў дыялогавай форме. Пасля «дабраслаўлення» пары становіліся адна за адной у дзве шарэнгі. Надыходзіў час паказаць свой спрыт. Спачатку па чарзе «жаніхі» ўцякалі ад сваіх «нявест», а тыя мусілі іх злавіць, затым уцекачамі становіліся дзяўчаты, а хлопцы іх лавілі. Гульня завяршалася танцамі, спевамі і пачастункамі [1, с. 34].

Масленка, прадстаўляючы сабой своеасаблівы працяг калядных урачыстасцяў, таксама мела шэраг элементаў тэатралізацыі, якія заключаліся ў абрадавым пераапраананні і гульнях.

На Масленку, як і на Каляды вадзілі казу і мядзведзя. Абіраючы самага вясёлага чалавека ў гурце, яго пераапрааналі ў казу/казла, апануўшы на яго вывернуты кажух і робячы маскі. На Мёршчыне прыбіралі «Масьленіцу» калі пераапрааналі мужчыну ў шырокае паліто, хустку, вянок, мазалі вусны ў чырвоны, абвязвалі стужкамі і кветкамі, далей вадзілі яго па вёсцы. На Быхаўшчыне дзяўчаты хадзілі па вёсцы на хадулях абкруціўшыся прасцінай. На Бялынічыне пераапрааналіся ў старцаў робячы зубы з бульбы, і вымазваючы твар бураком ці сажай, прыклеівалі вусы, і хадзілі па хатах. Месцамі, як і ў перыяд Каляд пераапрааналіся ў цыганоў [5, с. 291–295].

Сярод абрадаў масленічнага тыдня вылучаецца тэатралізаваная абрадавая гульня «Пахаванне дзеда». Гульня з’яўляецца кульмінацый

святкавання на поўначы Беларусі. Гэтая дзея адбываецца ў панядзелак, удзел у ёй бралі жанчыны сталага веку, маладыя да гульні не дапускаліся. «Дзед» — гэта саламяная антрапаморфная лялька, якая ўвасабляе сабою продка, пачынальніка-роду. Ляльку надзяляюць, пэўнымі антанімічнымі ўласцівасцямі, падчас імправізаванага галашэння, жанчыны казалі, што быў ён гулякам, п'яніцам і абжорам, але і падкрэслівалі ягоныя добрыя якасці. На працягу дня многія вяскоўцы далучаліся да гульні жанчыны — галасілі, мужчыны — падкрэслівалі яго лепшыя бакі. У вобразе «дзёда» персаніфікуюцца і матэрыяльна ўвасабляюцца сытасць, задавальненне, пераяданне і іншыя тыпова святочныя рысы [4, с. 129].

Абрад ладзіўся наступным чынам: «Дзед» клаўся ў хаце на лаву пад абразамі, яго накрывалі абрусам ці іншай тканінай і пачыналася галашэнне. Хтосьці з удзельнікаў рытуала ішоў да суседзяў, каб паведаміць пра смерць. Збіралася яшчэ некалькі жанчын і пачыналася «пахаванне». Прыходзіў маскіраваны «поп», які пачынаў пець і неразборліва чытаць малітвы, а «дзяк» махаць кадзілам, выконваючы над «нябожчыкам» пахавальны абрад. Таксама ў гульні, мог браць удзел «дохтар/фельчар», які рознымі спосабамі імкнуўся яго ажывіць. Пасля «дзёда» на санках адвозілі за межы вёскі, засыпалі снегам, ці спальвалі. Пасля «пахавання» вярталіся ў тую хату, дзе ён ляжаў, і ладзілі «памінкі», на якіх спявалі, танчылі, гутарылі [2, с. 103].

Такім чынам, наяўнасць вялікай колькасці дзеючых асоб, рытуальнага пераапрацавання, вялікай долі імправізацыі робяць абрадавую гульню выбітным узорам народнай тэатральнай творчасці беларусаў.

Падводзячы высновы неабходна адзначыць, што народная тэатральная творчасць — гэта яскравая і самабытная з'ява ў гісторыі нацыянальнага мастацтва, якая уяўляе сабой вялікі і каштоўны пласт беларускай культуры. Разам з гэтым яна не толькі адлюстроўвае эстэтычныя і мастацкія густы народа, але і захоўвае ў сабе духоўныя каштоўнасці, традыцыі і светапогляд. Таксама, народная тэатральная творчасць з'яўляецца не толькі мастацкай з'явай, але і формай калектыўнай дзейнасці, дзе кожны ўдзельнік адчувае сваю сувязь з супольнасцю і робіць свой унёсак у яе дабрабыт.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Беларусы. Т. 13. Тэатральнае мастацтва / Р. Б. Смольскі [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка; рэдкал.: В. М. Ярмалінская [і інш.]; Нац. акад. Навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. Мінск: Беларус. Навука, 2012.
2. Валодзіна Т. В., Кухаронак Т. І. «Ядранае жыта гаспадара кліча...»: каляндарны год у абрадах і звычаях. Мінск: Беларуская навука, 2015.
3. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзія заходніх і ўсходніх славян генезис і тыпалогія колядовання. Москва: Наука, 1982.

4. Беларуский эротический фольклор / Изд. под. Т. В. Володина, А. С. Федосик. М.: Ладомир, 2006.
5. Масленіца. Абрад. Песні. Напевы / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; уклад., уступ. арт.: А. І. Ляшкевіч, В. М. Прыбылова; навук. рэд. Т. В. Валодзіна. Мінск: Беларуская навука, 2020.
6. Народны тэатр / [Уклад., уступ. артыкул і камент. М. А. Каладзінскага; Рэдкал. В. К. Бандарчык і інш.; Рэд. тома А. С. Фядосік, А. В. Сабалеўскі]. Мн.: Навука і тэхніка, 1983.
7. *Романов Е. Р.* Беларуский сборник. Вып. 8–9: Быт белоруса. Словарь условных языков. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1912.
8. *Сысоў У. М.* З крыніц спрадвечных. Мн.: Выш. шк., 1997.
9. *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: [в 3 т.]. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1887. Т. 1, ч. 1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. XXVI. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук; т. 41, № 3).
10. Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелСэ, 1989.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

А. В. Козленко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, strator40@gmail.com*

В статье рассматривается путь формирования канона реализма при отображении эпохи античности в живописи и кинематографе. Этот процесс осуществлялся параллельно с переходом от памятников античного изобразительного искусства к археологическим находкам в качестве главного источника информации.

Ключевые слова: историческая реконструкция; античность; реализм.

HISTORICAL RECONSTRUCTION IN MODERN VISUAL ART

A. V. Kozlenko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, strator40@gmail.com*

The article examines the way the canon of realism was formed when depicting the era of antiquity in painting and cinema. This process was carried out in parallel with the transition from monuments of ancient fine art to archaeological finds as the main source of information.

Keywords: historical reconstruction; antiquity; realism.

С началом эпохи Возрождения и оживлением интереса к античному наследию живописцы и скульпторы XV–XVII вв. впервые начали задаваться вопросом, как на самом деле выглядели исторические персонажи прошлого. Главным источником информации для них являлись предметы искусства, которые как раз в это самое время стали наполнять крупнейшие музейные коллекции Ватикана, Лувра, Эскориала и т. д. Отсюда черпались покрой одежды и детали украшений, оружие и военные доспехи, которые изображались в характерной античной стилистике. Внимание к источникам и изображению деталей хорошо заметно в картинах падуанского художника Андреа Мантенья (1431–1506), особенно в цикле из девяти полотен «Триумфа Цезаря», над которыми он работал на протяжении последних десяти лет своей жизни. Множество фигур, среди которых мы видим воинов в доспехах, знатных пленников, а также знамена, трофеи и жертвенных животных, являются парафразом античного рельефного фриза, который художник пытался воспроизвести на своих полотнах. Живописцы эпохи барокко XVII–XVIII вв. продолжали использовать произведения греко-римского изобразительного искусства. На картинах мы видим пышные драпированные фигуры, в которых причудливым образом оказались соединены классические элементы и ренессансные фантасмагории на тему

одежды и доспехов. Изображаемые персонажи часто облачены в доспехи, обильно украшенные чеканкой, шлемы с фигурами чудовищ и пышными плюмажами, щиты с многофигурными композициями и т. д. Это изобилие как нельзя лучше соответствовало вкусам эпохи, но имело очень отдаленное отношение к самой античности.

Большие полотна на историко-мифологические сюжеты повсеместно вошли в моду в викторианскую эпоху, когда работали такие известные мэтры жанра как Эдвард Джон Пойнтер (1836–1919) и, особенно, Лоуренс Альма-Тадема (1836–1912). Работы обоих художников при их жизни высоко ценились за мастерство исполнения и историческую точность. В 1865 г. был создан шедевр Эдварда Пойнтера «Верный до смерти», выставленный затем в Королевской академии. Сюжет для картины, по словам автора, был подсказан ему находкой в 1763 г. в эдикуле у Геркуланумских ворот в Помпеях останков, которые, как тогда считалось, принадлежали стражнику, погибшему на своем посту при извержении Везувия. При работе над картиной художнику пришлось реконструировать римские доспехи и вооружение, которые он изобразил в характерной для его эпохи манере. Сравнение показывает, что главным источником информации по соответствующему вопросу для него являлся облаченный в доспехи манекен римского солдата из экспозиции Романо-Германского музея в Майнце. Лоуренс Альма-Тадема был даже еще более успешен в этой сфере, чем Эдвард Пойнтер. За свою жизнь он создал 408 живописных полотен, из которых более 300 были посвящены изображениям античности. Также, как и Пойнтер до него, Альма-Тадема прекрасно разбирался в античном искусстве, истории костюма и материальной культуры. Для достижения большей достоверности он зачастую включал в свои картины изображения реальных археологических артефактов, в т. ч. оружия и доспехов из крупнейших музейных коллекций. В картине «Безмолвное приветствие», созданной в 1889 г., Алма-Тадема изобразил римского офицера, ухаживающего за молодой женщиной. Меч в ножнах на боку у главного персонажа является изображением т. н. «меча Тиберия», найденного в 1848 г. в русле Рейна близ Майнца и попавшего затем в собрание Британского музея. На изображение доспеха повлияла надгробная стела Валерия Криспа из Висбадена. Интерпретация изображения на стеле как кожаного панциря могло быть заимствовано из реконструкции римского легионера из Музея искусства в Брюсселе. Картины «Триумф Тита» (1885) или «Провозглашение Клавдия императором» (1867) показывают, как Алма-Тадема интерпретировал другие разновидности римских доспехов.

Еще одной сферой, где проявлялось влияние салонной живописи второй половины XIX в. был театр, а затем кинематограф. Альма-Тадема

по приглашению режиссеров не раз создавал эскизы костюмов и декораций для лондонских театров. Сохранившиеся наброски свидетельствуют о том, что художник переносил на театральные подмостки те же образы, которые мы видим на его полотнах. Этот аспект его творчества сохранял влияние на последующую традицию. С другой стороны, такие режиссеры как Сесил Б. Демилл (1881–1959) были хорошо знакомы с живописными произведениями викторианской эпохи, которые являлись для них важным источником вдохновения. Чтобы выявить следы влияния, которое салонная живопись оказывала на костюмы и сценографию кино, особенно на раннем этапе его жизни, достаточно бегло пролистать альбом полотен Альма-Тадемы перед просмотром первой, еще немой версии «Бен-Гура», снятой в 1925 г. Наиболее полное выражение жанр исторического кино обрел в «пеплумах» (англ. sword & sandal — «меч и сандалии»). Первыми представителями жанра считаются итальянская «Кабирия» (1914), действие которой происходило на фоне II Пунической войны. Для этих фильмов серии было характерно использование античных сюжетов, масштабные декорации и батальные сцены, а также огромная массовка. Несмотря на историчность сюжета, авторы сценариев нередко жертвовали исторической достоверностью в угоду зрелищности картинки. Массовый выпуск «пеплумов» наладили на киностудии «Чинечитта» в Италии еще в довоенный период. Наиболее известным из этой серии стал «Сципион Африканский», снятый Аннибале Нинчи в 1937 г. Жанр пережил новое рождение на рубеже 1950-х и 1960-х гг. Начало возрождения положил голливудский продюсер Сэм Цимбалист, который воспользовался в 1951 г. опытом итальянской киноиндустрии, чтобы снять здесь эпический «Quo vadis» по роману Генриха Сенкевича. В течение последующих 7 лет римская киностудия «Чинечитта» выпустила свыше 60 жанровых фильмов, так что ее стали называть «Голливудом на Тибре». В Соединенных Штатах в это время также был снят ряд жанровых фильмов, среди них «Плещаница» (1953), «Александр Великий» (1956), «Бен-Гур» (1959), «Спартак» (1960), «300 спартанцев» (1962), «Клеопатра» (1963), «Падение Римской империи» (1964). Для голливудских фильмов на античную тематику характерно большее внимание к исторической достоверности. Многие из них претендовали на внимание серьезной кинокритики и выдвигались на призы международных кинофестивалей. Рекордсменом по количеству полученных наград стал «Бен-Гур», получивший 11 «Оскаров». Этот успех оказался неповторим. Неудачи в прокате «Клеопатры» и «Падения Римской империи» знаменовали начало эпохи заката классических пеплумов. Несколько голливудских картин в 1960-х гг. было закуплено для проката в СССР. Собственные пеплумы производили в Румынии, где была снята киноэпопея «Даки» (1967), а затем «Колонна» (1968).

Сегодня среди профессиональных историков принято критично отзываться о римском вооружении и доспехах, использовавшихся в качестве реквизита в фильмах 1950–60-х гг. Тем не менее, следует признать огромный вклад, который внесли их создатели в массовое восприятие римской истории. Впервые в процессе воспроизводства съемочного реквизита художники стали задаваться вопросом не только о том, как выглядит тот или иной предмет военного снаряжения, но также и о его устройстве и способах ношения. Панцирь римских легионеров, т. н. лорика сегментата, была хорошо известна зрителям по множеству памятников и художественных изображений. Чтобы изготовить такие доспехи для съемок «Бен-Гура» (1959), мастера нашили железные полосы на кожаные жилеты. Доспех получился тяжелым и негибким, нити постоянно перетирались и панцирь разваливался прямо на съемочной площадке. Хуже всего дело обстояло с наплечниками, которые не позволяли солдатам вытягивать руки вперед и постоянно сваливались с плеч. Измучившись на съемках с металлическими реконструкциями доспехов, в более поздних фильмах художники стали заменять их на более простые в изготовлении и при использовании пластиковые. Следует также отметить ряд удачных находок создателей фильмов. Так, в «Спартаке» (1960) впервые римские воины были изображены, одетыми в кольчуги. Римский офицер поверх кольчуги носит фалеры, нашитые на ремни. На голове у него добросовестная реконструкция шлема, который сегодня классифицируется как «Вспомогательный тип С». Солдаты массовки в «Клеопатре» (1963) носят «Италийские» и «Галльские» типы шлемов, а в крупных кадрах угадываются вполне реальные прототипы их снаряжения, правда, относящиеся к более позднему времени. Офицеры носят панцири поверх кожаных поддоспешников, что вполне укладывается в русло современных представлений. Наконец, «Клеопатра» была одним из первых фильмов, в котором римские воины были одеты в туники красного цвета. До этого большинство художников выбирали белые туники с красной оторочкой.

С момента выхода последних «пеплумов» на экран произошло много важных событий. В 1964 г. при раскопках римского форта Корбридж близ стены Адриана в Британии были найдены остатки реальной римской лорики сегментаты. Благодаря этому открытию Х. Расселу Робинсону удалось представить убедительную реконструкцию доспеха, широко известного в популярной культуре именно благодаря кинематографу. В 1975 г. была опубликована его работа «Доспехи императорского Рима», в которой была предложена общепринятая на сегодняшний день типология римских доспехов. Еще одним достижением Рассела-Робинсона является интерпретация «рубашек» ауксилариев на Колонне Траяна как кольчуг.

Прежде в исторической живописи и кинематографе они рассматривались как изображения кожаных панцирей. При этом упускалось из виду, что в древности изображения раскрашивались и ряды колец на «рубашках», скорее всего наносились красками и кистью живописца. С этой интерпретацией согласились практически все историки и археологи. Так произошло возвращение кольчуги в реконструкцию античности. В значительном числе кольчуги, например, присутствуют на персонажах кинофильма «Гладиатор» (2000) или сериала «Рим» (2005–2007).

Еще одним явлением, повлиявшим на отображение античного Рима в современной популярной культуре стало широкое распространение реконструкторского движения. Одной из первых реконструкторских групп стала *Ermine Street Guard*, созданная в 1972 г. в Глостере в Великобритании. С самого начала участникам группы повезло установить тесные контакты с Расселом Робинсоном, который выступил в роли научного консультанта по отношению к одежде, оружию, доспехам. Это сотрудничество позволило *Ermine Street Guard* в течении нескольких десятилетий оставаться одной из наиболее авторитетных организаций среди последователей, которые после 1982 г. начали плодиться в Европе и США, как грибы после дождя. Большинство из них шли по уже проторенному пути и воспроизводили легионы и ауксии I века н. э. Некоторые итальянские группы реконструировали римскую армию республиканской эпохи. Во Франции, Нидерландах и Германии получила распространение позднеримская реконструкция. На больших фестивалях, в которых принимают участие множество клубов и сотни энтузиастов перед глазами зрителей разворачиваются картины, по степени аутентичности максимально соответствующие оригиналу.

Библиографические ссылки

1. *van Creveld M.* Wargames: From Gladiators to Gigabytes. Cambridge: University Press, 2013.
2. *Sumner G.* Roman Army. London: Brassey's, 1997.
3. *Summer G., D'Amato R.* Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier. London: Greenhill Books, 2009.
4. *Russell Robinson H.* The Armour of Imperial Rome. London: Arms and Armour Press, 1975.

ПАДРОБКА РАСІЙСКИХ МАНЕТ І БАНКНОТ У МІНСКАЙ ГУБЕРНІ (канец XVIII–XIX ст.)

І. Н. Колабава

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў,
вул. Рабкораўская, 17, 220007, г. Мінск, Беларусь, irynakolabava@mail.ru*

Значнае месца ў нумізматычных даследаваннях займаюць менавіта пісьмовыя крыніцы. У фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі захоўваецца вялізарны масіў дакументацыі органаў дзяржаўнага кіравання і судовых устаноў беларускіх губерняў разглядаемага перыяду, у якой зафіксавана разнастайная інфармацыя аб працэсе выраблення і збыту грашовых фальсіфікатаў. Увядзенне ў навуковы абарот не апублікаваных раней архіўных матэрыялаў пашырае інфармацыйнае поле для далейшага вывучэння гісторыі фальшываманетніцтва на тэрыторыі Беларусі.

Ключавыя словы: гісторыя фальшываманетніцтва; фальсіфікаты расійскіх манет і банкнот; прылады працы фальшываманетчыка.

ПОДДЕЛКА РОССИЙСКИХ МАНЕТ И БАНКНОТ В МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XVIII–XIX в.)

И. Н. Колобова

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, irynakolabava@mail.ru*

Письменные источники играют значительную роль в нумизматических исследованиях. В фондах Национального исторического архива Беларуси хранится огромный массив документов органов государственного управления и судебных учреждений белорусских губерний рассматриваемого периода, фиксирующих разнообразные сведения о процессе изготовления и сбыта фальшивых денег. Введение в научный оборот не публиковавшихся ранее архивных материалов расширяет информационное поле для дальнейшего изучения истории фальшивомонетничества в Беларуси.

Ключевые слова: история фальшивомонетничества; фальсификаты российских монет и банкнот; инструменты фальшивомонетчиков.

COUNTERFEITING OF RUSSIAN COINS AND BANKNOTES IN THE MINSK GOVERNANCE (end of the 18th–19th centuries)

I. N. Kolabava

*Belarusian State University of Culture and Arts,
st. Rabkorovskaya, 17, 220007, Minsk, Belarus, irynakolabava@mail.ru*

Written sources play a significant role in numismatic research. The funds of the National Historical Archive of Belarus preserve a huge array of documentation from state administration bodies and judicial institutions of Belarusian provinces of the period under

consideration, which records a variety of information about the process of production and sale of counterfeit money. The introduction of previously unpublished archival materials into scientific circulation expands the information field for further study of the history of counterfeiting in Belarus.

Keywords: history of counterfeiting; counterfeits of Russian coins and banknotes; counterfeiters' tools.

Паўнаўартаснае нумізматычнае даследаванне не можа не абапірацца на шэраг пісьмовых крыніц, якія ўтрымліваюць інфармацыю аб самых розных баках гісторыі грашовага абарачэння.

Архіўныя матэрыялы, звязаныя з фальсіфікацыяй манет і папяровых грашовых адзінак, у першую чаргу, утрымліваюцца ў фондах расійскіх судовых устаноў на тэрыторыі Беларусі, дзе ў выпадках максімальнай захаванасці зафіксаваны не толькі следчыя мерапрыемствы і судовы прысуд, але і значная колькасць элементаў штодзённага жыцця мясцовага насельніцтва.

Звяртаючыся да гісторыі фальшываманетніцтва на тэрыторыі Беларусі канца XVIII–XIX ст. трэба адзначыць, што за фальсіфікацыю як уласных, так і замежных манет і папяровых грашовых знакаў прадугледжвалася вельмі суровае пакаранне. У раздзеле аб парушэннях манетных уставаў крымінальнага заканадаўства Расійскай імперыі адзначалася, што па рашэнні суда абвінавачаныя ў падробцы і распаўсюджванні фальшывых грошай страчвалі ўсе свае правы і адпраўляліся на катаргу, а таксама маглі падлягаць цалесным пакаранням. Караліся і асобы, якія ведалі, але не данеслі ў органы ўлады інфармацыю аб фактах грашовай фальсіфікацыі і адначасова заахвочваліся тым, хто дапамагаў спыніць падобныя злачынствы. Знойдзеныя фальсіфікаты для цэнтралізаванага іх знішчэння адпраўляліся ў Санкт-Пецярбург у Дэпартамент Горных і Сяляных спраў (манеты) і Дзяржаўны асігнацыйны банк, а пазней — у Дзяржаўны банк Расійскай імперыі (банкноты з адзначэннем тыпа падробкі) [1; 10].

Для прыкладу можна ўзгадаць некалькі такіх фактаў.

У лістападзе 1797 г. Мінскае губернскае праўленне адпраўляе ў Беларускае губернскае праўленне паведамленне аб адпраўцы ў Нерчынск на катаржныя працы групы асуджаных за цяжкія злачынствы. Узначальваў спіс Мікалай Ласінскі, «лишённый... за делание из олова фальшивой наподобие рублёвой монеты шляхетства» [9, арк. 1].

У 1858–1864 гг. Спецыяльная камісія ваеннага суда пры Мінскім батальёне ўнутранай варты разглядала справу групы месцічаў, якіх абвінавачалі ў падробцы білетаў Польскага банка. У выніку частку ўдзельнікаў справы пакінулі пад падазрэннем і наглядам паліцыі, а асноўныя

фігуранты атрымалі прысуд пакараннем шпіцрутэнамі праз 100 чалавек па дзевяць разоў і адпраўкай у катаржную працу ў крэпасцях на восем год [2, арк. 723 адв.].

Следства па справам фальшываманетчыкаў заўсёды звязвае паміж сабой значную колькасць фігурантаў, якія могуць мець розныя месцы пражывання, узрост, веравызнанне, сацыяльнае паходжанне, адукацыйны ўзровень, прафесію, матэрыяльнае становішча. Характэрнымі ў гэтым рэчышчы сталі дзве аб'яднаныя судовыя справы, якія разглядаліся Слуцкім земскім павятовым судом у 1800–1801 гг., — аб знойдзеных у двараніна Кавалеўскага фальшывых 50-рублёвых асігнацый і абвінавачванні салдата С. Інкіна ў вырабленні аналагічных фальсіфікатаў.

Матэрыялы гэтых судовых спраў (рапарт навагрудскай гарадской і павятовай паліцыі, дапросы абвінавачваных, паказанні сведкаў і інш.) ствараюць магчымасць скласці абставіны выраблення, распаўсюджвання і выкарыстання фальшывых 50-рублёвых купюр.

Разбіральніцтва па справе даручылі слуцкаму гараднічаму. Было вырашана правесці ў Кавалеўскага ператрус, праверыць, «не имеет ли тех инструментов, коими делали ассигнации», узяць яго пад варту, дапрасіць і высветліць, адкуль ён узяў фальшывыя асігнацыі, колькі іх было і хто ўдзельнічаў у іх вытворчасці [8, арк. 2 адв.].

На допыце Кавалеўскі паведаміў пра 55-гадовы ўзрост і прыналежнасць да рымска-каталіцкага веравызнання. Па сутнасці справы ён распавёў, што аднойчы «дачка Томаша Манака дэвка Марианна принесла к нему... в холстине завернутые четыре штуки с литерами олова, о котором... говорила, что... нашла, перекрывая пунку» [8, арк. 3]. Для рамонту пуні (сарая) Кавалеўскі даў ёй два кавалкі старога жалеза, а сабе ўзяў тое волава. Мар'яна папрасіла Кавалеўскага паглядзець і на іншыя рэчы, што былі знойдзены пасля ад'езду салдата пяхотнага палка Інкіна, які кватараваў тут некалькі год таму. Гэта былі кавалкі волава, пячаткі з літарамі і аркушы тонкай паперы па форме асігнацый.

Сведка, нейкая 40-гадовая Ульяна, паказала, што салдат Інкін «в ночи с огнём что-то делал, но однажды подглядела, что на... написанной бумаге он притискивал руками... какие-то значки» [8, арк. 3 адв.]. На яе пытанне, што ён робіць, адказаў, што, як пісьменны, заняты разлікамі выдаткаў на харчаванне салдат яго пяхотнага палка.

Затрыманы салдат Інкін, якому было 30 год, паказаў, што на самой справе ў 1798 г. 15 дзён кватараваў у пуні нейкага селяніна, але ніякіх фальшывых грошай там не рабіў. Будучы пісьменным, часам уначы падлічваў выдаткі на муку і крупу на «восьмушке» проста па паперы.

Працяг гэтай гісторыі адбываўся ў Навагрудскім земскім судзе, дзе 19.11.1800 г., па даносу памешчыка Гараднічанскага староства Міхалоўскага на прадмет выкарыстання фальшывых асігнацый быў апытаны 32-гадовы шляхціч Тадэвуш Пятроў Касіцын. Ён паведаміў, што вучыўся ў мінскага гадзіннікавага майстра Даніэля Вансовіча і ажаніўся на яго сястры. Праз 7 год пражывання ў Мінску, ён, са швагерам Марцінам Вансовічам, адправіўся на 1 год у Ілецк, а потым, разам з жонкамі, яны пераехалі ў Навагрудак, дзе знялі кватэру і працягвалі займацца гадзіннікавай справай. У адносінах да фальшывых 50-рублёвых асігнацый ён паведаміў, што бачыў «таковаго достоинства ассигнации штук 18-ть у швагера» [8, арк. 39 адв.]. З тых асігнацый яны «променяли» у мясцовых габрэяў: дзве ў мястэчку Гарадзішча і ў іншым месцы за 30 рублёў срэбрам, а трэцяю банкноту ў мястэчку Любча за 12 рублёў срэбрам. Далей сваякі накіраваліся да шляхціца Міхалоўскага, у якога, папярэдзіў, што грошы фальшывыя, набылі за дзве асігнацыі па 50 рублёў і срэбраны рыжскі кішэнны гадзіннік воз сена, фаску (бочку) капусты, 5 кулей саланіны і пару пісталетаў. Утраіх яны вырашылі захаваць у таямніцы інфармацыю пра фальшывыя асігнацыі і нават «делали все втроем один другому пароли, чтобы о сей тайне не открывать никому» [8, арк. 43 адв.].

Касіцын распеваў, што баючыся лішніх праблем, астатнія 50-рублёвыя фальшывыя асігнацыі, якія «имел в своем кармане числом три» спаліў у печцы, а фальсіфікаты невысокай якасці выканання былі прададзены па 12 рублёў. Ён таксама дадае, што будучы ў Міхалоўскага, папрасілі ў яго казінага малака для націрання літараў па краям фальшывых асігнацый, каб надаць ім больш падабенства да сапраўдных банкнот. А яшчэ дадае, што «три лоскутка» паперы «имели мы не для того, чтобы на оных делать ассигнации, но только писать письма» [8, арк. 40].

У паказаннях Марціна Вансовіча прыводзіцца і яго характарыстыка: узрост — 22 гады, каталік, шляхціч, жыхар Мінска, пісьменны, валодае польскай і рускай мовамі. Далей ён паведаміў, што ведае Кавалеўскага, які ў ліку грошай у аплату за аказаныя паслугі, даў яму і 50-рублёвую асігнацыю з прыладамі для выраблення фальсіфікатаў (паперу, штэмпелі, дошку з літарамі, маленькую скураную падушку для набіўкі літараў, чарнілы і інш.). Пры гэтым Кавалеўскі растлумачыў, што прылады і асігнацыі былі знойдзены ў страхе суседскага хлева пасля сыходу адтуль салдата Інкіна. У далейшым Вансовіч перадаў гэтыя рэчы Касіцыну, але сцвярджаў, што не бачыў, каб Касіцын займаўся вырабленнем фальшывых асігнацый. У сваю чаргу, Касіцын паведаміў, што не ведаючы прызначэнне тых прылад, кінуў іх у печ, а знойдзеныя 50-рублёвыя асігнацыі размяняў.

Па вынікам праведзенага следства Слуцкі павятовы суд 31.12.1800 г. прыняў рашэнне аб перадачы салдата С. Інкіна ваеннаму суду. Інфармацыя аб пакаранні астатніх фігурантаў справы за распаўсюд фальсіфікатаў адсутнічае.

Наступная судовая справа разглядалася Мінскай палатай крымінальнага суда ў 1859–1860 гг. Па матэрыялам следства «мещанин Тамбовской губернии Семён Иванов Алямовский выдал бобруйскому еврею меняльщику Вульфугу Матлину 10-рублёвы кредитный билет, оказавшийся... фальшивым» [4, арк. 1]. Мяняла прадставіў гэты білет у органы ўлады. Фальшыкасць была падцверджана адпаведнай экспертызай. Суд за адсутнасцю прамых доказаў абвінавачвання закрыў справу.

21.03.1860 г. з Мінскай палаты крымінальнага суда ў Бабруйскую гарадавую магістратуру паступіла зацверджанае рашэнне па справе зарэгістраванага ў ліку бабруйскіх месцічаў «раскольніка» Логвіна Мікіціна. Сутнасць судовай справы заключалася ў тым, што ўзгаданы месціч быў затрыманы на базары пры размене 3-рублёвага крэдытнага білета. На допыце ў паліцыі ён тлумачыў, што «тот билет получил от солдатки Ульяны за постройку ее дома, вовсе не зная о фальшивости одного» [3, арк. 2], а даведаўся пра яго несапраўднасць толькі ад мянялы. У ходзе следства салдатка паведаміла, што 3-рублёвы білет атрымала ад габрэйкі Расі пры «размене 5-рублёвага білета на мелкую монету» [3, арк. 2 адв.]. У сваю чаргу, Рася сцвярджала, што размяняла тыя 5 рублёў на 1 рубель крэдытным білетам, а 4 рублі дала дробнай манетай. На вочнай стаўцы кожная з жанчын настойвала на сваёй версіі падзеі. Ператрусы ва ўсіх фігурантаў справы нічога не далі. Экспертыза ўзгаданага крэдытнага білета ў Экспедыцыі дзяржаўных крэдытных білетаў падцвердзіла яго фальшыкасць. Суд пры адсутнасці прамых доказаў аб вінаватасці кагосьці з прадстаўленых асоб вырашыў вызваліць іх ад адказнасці і закрыць справу.

21.08.1861 г. Бобруйскі земскі суд разглядаў справу аб фальшывым 50-рублёвым крэдытным білеце, прадстаўленым уладам дваранінам Бабруйскага павету Міхаілам Андреевым Шпілеўскім. З паказанняў Шпілеўскага стала вядомым, што месяц таму назад да яго ў маёнтак Казакова прыехаў бабруйскі мяснік Іцковіч з сынам і «стал торговать у меня три штуки рогатого скота... За все три штуки... дал мне пятидесятирублёвый

кредитный билет... который будучи... близорук... принял», але пазней, калі «обратил этот билет на свои надобности, стал предлагать его посторонним, полагая разменять его, но тут получил ответ, что этот билет есть фальшивый» [5, арк. 1–1 адв.]. Шпілеўскі звярнуўся ў земскі суд з просьбай разабрацца ў гэтай сітуацыі. У выніку справа была перададзена для далейшага расследавання.

16.04.1862 г. да бабруйскага гараднічага ад міравога пасрэдніка паступіла інфармацыя аб звароце карчмара Грыгорыя Захарава з вёскі Паўлавічы, які паведаміў, што «солдат Сіла Іванов, служашы в Бобруйской полиции, прийдя в Павловицкую корчму, потребовал гарнец водки, из коей кварту распил на месце, а три кварты унёс с собой в д. Пульковичи... при расчёте дал серебряный рубль, который шинкарь Григорий представил... из опасения, что рубль тот фальшивый, судя по цвету». Грыгорый прасіў «приказать солдату Силе обменять препровождённый при сём рубль 1830 года на монету, имеющую законный вид и стоимость». Карчмар дадаў таксама, што Сіла, які вельмі часта і, верагодна, без дазволу начальства бывае ў блізкажых весках, дзе «предается пьянству, вследствие чего допускаются разные бесчинства» [6, арк. 1–1 адв.].

На допыце салдат Сіла паказаў, што мае 35 год, непісьменны, праваслаўны, на службу ў паліцыю паступіў у 1849 г. У адносінах да ўзгаданага рубля ён сказаў, што аб яго фальшывасці не ведаў, «ибо при пробе онаго на звон показывался как действительный» [6, арк. 3]. Сіла распавёў, што быў на Вялікодным святкаванні ў вёсцы Пулькавічы і на другі дзень застолля сялянін Мануйло Васільев «вынул из кисета с табаком руб. монету, дал оный... солдату Степану, дабы сходил со мной в корчму в Павловичи... купить водки». Пры гэтым Сіла заўважыў, што он «красный», але Мануйла сказаў, што такі колер атрымаўся таму, што «лежал в табаку и что таковых рублей есть у него до 50, которые нашёл после смерти тестя его Николая» [6, арк. 2 адв.].

Падазроную манету адправілі на экспертызу ў Санкт-Пецярбургскі манетны двор, дзе вызначылі яе медную кампазіцыю і прызналі фальшывай. Завяршэнне гэтай судовай справы адсутнічае.

У 1869–1870 гг. ў Мінскай крымінальнай палаце разглядалася судовая справа аб 5-рублёвым фальшывым крэдытным білеце. Гісторыя распачалася 01.09.1869 г., калі да прыстава 3 стана Бабруйскага павета быў дастаўлены сялянін Рэчыцкага павету цыган Іван Іваноў Валошын разам з фальшывым 5-рублёвым крэдытным білетам. На допыце ён распавёў, што 31 жніўня на базары мястэчка Глуск за 17 рублёў прадаў сялянину з вёскі

Пагост кабылу. У ліку атрыманых грошай быў і ўзгаданы 5-рублёвы білет. Сведкі падцвердзілі зробленыя паказанні. Былі праведзены безвыніковыя асабістыя ператрусы Валошіна «па карманам і в платье, а также в его телеге и в платье жены и детей», а затым і пакупніка кабылы — селяніна з в. Пагост [7, арк. 2]. У выніку, пры адсутнасці вінаватых, судовая справа да адкрыцця новых абставінаў была спынена.

У матэрыялах многіх судовых спраў адсутнічае інфармацыя аб выніковым рашэнні. Гэта звязана з тым, што мясцовыя суды не мелі права выносіць канчатковы прысуд, які разглядаўся і зацвярджаўся больш высокімі судовымі інстанцыямі. Але менавіта першасныя этапы следства па дзейнасці фальшываманетчыкаў даюць магчымасць пазнаёміцца з шэрагам дэталей жыцця тагачаснага насельніцтва — сацыяльным, узроставым складам, веравызнаннем, узроўнем адукацыі; штодзённым побытам, заняткамі, умовамі працы, спосабамі зараблення грошай; складам тагачаснага манетнаму фонду, рынкавым кошце фальсіфікатаў, узаемаадносінамі паміж самімі фальшываманетчыкамі; а таксама атрымаць інфармацыю аб мясцовай тапаніміі, антрапаніміі і інш. Усё гэта яшчэ раз падкрэслівае неабходнасць шырокага выкарытання архіўных крыніц пры правядзенні нумізматычных даследаванняў.

Разгледжаныя архіўныя справы сведчаць аб тым, што пры зразумелай змене набору падрабляемых манет і банкнот, з’ява фальшываманетніцтва на тэрыторыі Беларусі і ў XIX ст. заставалася традыцыйна шырокай па распаўсюджанасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Колабава І.* Агляд спраў аб фальшывых крэдытных білетах з фонду Мінскага павятовага суда НГАБ (другая палова XIX ст.) // Беларусскаму рублю — 25: материалы IX Международной нумизматической конференции, Минск, 14–16 октября 2019 // Банкаўскі веснік: інфармацыйна-аналітычны і навучна-практычны журнал Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь. 2019. № 12[677]. Ч. 1. С. 56–59.

2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 149. Воп. 2. Спр. 2467.

3. НГАБ. Ф. 150. Воп. 1. Спр. 503.

4. НГАБ. Ф. 150. Воп. 1. Спр. 509.

5. НГАБ. Ф. 150. Воп. 1. Спр. 1185.

6. НГАБ. Ф. 150. Воп. 1. Спр. 1266.

7. НГАБ. Ф. 150. Воп. 1. Спр. 2320.

8. НГАБ. Ф. 637. Воп. 1. Спр. 24.

9. НГАБ. Ф. 3219. Воп. 1. Спр. 529.

10. Свод законов Российской империи. Том пятнадцатый. Законы уголовные. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Глава вторая. О нарушениях Уставов монетных. Из-во: Тип. Второго Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии. СПб, 1857. С. 173–179. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf> (дата звароту: 03.08.2024).

ТРАДЫЦЫІ САЛОМАПЛЯЦЕННЯ НАВАГРУДЧЫНЫ: СУЧАСНЫ СТАН І ПРАБЛЕМЫ ЗАХАВАННЯ

М. А. Міхайлец

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, m.mikhailets@gmail.com*

У артыкуле разглядаюцца сучасны стан і праблемы захавання традыцый саломалляцення на Навагрудчыне на падставе інтэрв'ю з носьбітамі. Робіцца вывад аб неабходнасці аказання далейшай дапамогі з боку дзяржавы і ўсіх зацікаўленых бакоў дзеля захавання дадзенага элемента нематэрыяльнай культурнай спадчыны Беларусі.

Ключавыя словы: саломалляценне; нематэрыяльная культурная спадчына Беларусі; Навагрудчына; беларускае народнае дэкаратыўна-прыкладное мастацтва; беларускія традыцыйныя рамёствы.

ТРАДИЦИИ СОЛОМОПЛЕТЕНИЯ НОВОГРУДЧИНЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ

М. А. Михайлец

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, m.mikhailets@gmail.com*

В статье рассматриваются современное состояние и проблемы сохранения традиций соломоплетения на Новогрудчине на основе интервью с носителями. Делается вывод о необходимости оказания дальнейшей помощи со стороны государства и всех заинтересованных сторон для сохранения данного элемента нематериального культурного наследия Беларуси.

Ключевые слова: соломоплетение; нематериальное культурное наследие Беларуси; Новогрудчина; белорусские народное декоративно-прикладное искусство; белорусские традиционные ремесла.

STRAW WEAVING TRADITIONS OF NAVAHRUDAK REGION: CURRENT STATE AND PROBLEMS OF SAFEGUARDING

Mikhail A. Mikhailets

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, m.mikhailets@gmail.com*

The article examines the current state and problems of safeguarding of the straw weaving traditions of Navahrudak region based on interviews with practitioners. It is concluded that further assistance is needed from the government and all stakeholders to safeguard this element of the intangible cultural heritage of Belarus.

Keywords: straw weaving; intangible cultural heritage of Belarus; Navahrudak region; Belarusian traditional folk arts and crafts.

Мэта артыкула — выявіць сучасны стан саломалляцення Навагрудчыны і вызначыць праблемы яго захавання. Асноўнай крыніцай для напісання артыкула стала інтэрв'ю з майстрам Навагрудскага раённага цэнтра

культуры і народнай творчасці Вольгай Міхайлаўнай Юшкевіч (1960 г. н.), якое было ўзята ў ліпені 2025 г. Дапамогу ў зборы і апрацоўцы матэрыялаў аказалі студэнты гістарычнага факультэта БДУ Лада Маханёк і Радамір Цімафееў.

Асабісты шлях майстра

Вольга Міхайлаўна — прафесійны музыкант з адпаведнай адукацыяй, доўгі час працавала ў школе, потым давялося працаваць мастацкім кіраўніком у Заполлі, а затым — метадыстам раённага цэнтра культуры і народнай творчасці. Падчас працы метадыстам вывучала мастацтва Навагрудчыны, часта ездзіла ў экспедыцыі, збірала фальклор, стварала картатэку майстроў раёна [1]. «Гэта як раз былі двухтысячныя гады. Пачатак, расцвет. І, ведаеце, я захапілася проста гэтымі людзьмі. Мне вельмі хацелася з імі працаваць. І вось, <...> адкрываецца Цэнтр рамёстваў. <...> І мяне спрашываюць: „Ольга Міхайлаўна, вы астанецеся ў метадычным цэнтры?“ Я гавару: „Не, не астанусь, пайду туды“. „Ну вы ж нічога не ўмеете рабіць“. Я гавару: „Добра“. І вось, захапілася і выцінанкай, і саломкай. <...> Першая мяне была соломка і я пачынала: абручкі, пярсцёначкі. Вось такое, самае першае» (інтэрв’ю з В. М. Юшкевіч).

Непасрэднай перадачы традыцыі ад носьбітаў у выпадку Вольгі Міхайлаўны не было.: «Ніякіх настаўнікаў. Адкрыла кнігу Лабачэўскай... <...> Вось, адкрыла яе кнігу, першую. Паглядзела там тое, тое. Мяне адправілі вучыцца потым, дзе-та ў двухтысячных гадах ў Гродна. Але ж, калі там табе даюць і тое, і тое, і тое, і тое, і тое. Ахапіць ўсё не, ну не можаш ты ахапіць, праўда? Какой-та элемент можа і ўспомніць. Але ж, гэта мне не дало нічога. Таму, што было вельмі шмат ўсяго. А калі я адкрыла? Усё добра. Я, канешне, вяспрынімаю, кагда глазамі бачу. Я бачу, я тагда раблю. Многія, дапусцім, элементы мне вельмі цяжка, патом, што я адкрываю інтэрнэт у мяне, спадабаўся какой-та лісточык. Я не раблю. <...> Вось гляжу, другой раз адкрою, Пінтэрэст там (інтэрнэт-рэсурс Pinterest. — М. М.), яшчэ што пакапаюся, пагляжу. Стараюся нешта сваё. Ну, пусць ў мяне няма такога лісточка. Я магу адкрыць гэты інтэрнэт, і я навучуся. Але ж кожны майстар работае па-свойму. Ну, не ведаю, можа, хіба калі б я была маладзейшая, у мяне запатрабаванні больша бы, іншыя былі. Ну, я не астанаўлюся на том, што я дасцігла» (інтэрв’ю з В. М. Юшкевіч).

Матэрыял і вырабы

Адметнасцю саломкі, якую выкарыстоўвае для пляцення Вольга Міхайлаўна, з’яўляецца яе папярэдняе адбельванне. Часам гэта супярэчыць традыцыі, якая адбельвання саломы не прадугледжвала, на што майстры маюць свае аргументы: «Вось нас Сахута (Яўген Міхайлавіч Сахута. — М. М.) крыўдзіць за тое, што мы адбеліваем салому. <...> Вось, ведаеце, а калі яе не адбеліць, ніхто не будзе браць. Уся справа ў тым, што

зараз змянілася надвор'е. І вырасціць добрую салому вельмі цяжка. Мы яе загатаўліваем у калхозе. Вось, перад тым каб кабайны пашлі жаць, і мы ў поле ідзем, бярэм сярпы і ідзем. Так што б пасадзіць і даглядаць... Іншыя так і робяць. Якая саломе? Там перагніла, там такой цвет... Хто гэту салому будзе браць? Ніхто. Ведаеце, ніхто. А нам патрэбна што? Нам нада прадаць. Ну як тут? Ну добра, дапусцім, мерапрыяція Сахута праводзіць. Там гэта што? Мы зробім ўсё белую салому. Ну, яно ж застанеца. Яе ніхто не возьме. А ўсё бяруць тую салому, якая від мае. Вось „а на дворе своё“ ў прошламу годзе ўсю салому палажыла. Гнілая. І я, таму што вось калі кажуць, ось трэба натуральна... Ведаеце, цяжка. А нам прадаць яе нада. І любы мастэр, які працуе, ось будзе стаяць. Ён хоча прадаць. Зарабіць грошы. А паглядзіце, ў Карэлічах стаяць. Возле Мірскага замка. Таксама, людзі бяруць, але саломе адбелена. Саломе мае такі, вось, она зараз такая, адбелена, я ёй магу красіць. Я бяру содай, і, абычная сода, жоўценькай раблю (паказвае на адбеленыя сцеблі). Ну, это свае матэр'ялы, панімаеце. І эта ўжэ такой прыродны мацер'ял. Дажэ бурак, дажэ ёд, дажэ зялёнка. Вось такое. Ну, калісьці мы красілі акрылавымі краскамі. Але ж я не вельмі люблю гэта. А зараз яшчэ акрылавых красак не дастаць, па этаму шалуху лукавую палажыла — і ўсё. Содай засыпалі і жоўценькае стала. Вось, па этаму тое, што з натуральнага — вельмі шмат пытанняў, як з натуральнага плесці. Можэ, калісьці і надвор'е было зусім другім. Другія часы былі. Другая саломе. Ведаеце, нам павінна, кабы яна была мяккая, падатлівая. Зараз гэта ідуць розныя сарта. <...> Солома, она идет в утиль. И поэтому же качество совершенно другое этого материала. И поэтому нам надо, чтобы оно мягче стало... Поэтому нам и приходится от такие материалы использовать. Столько опытов, придумывают разные сорта. Это говорит о чём? Это говорит о том, что на качество соломы, оно, конечно, дает свое. И поэтому уже, конечно, если работать с природным материалом, то это намного сложнее. Я могу вам показать, какой сейчас природный материал. Мы заготовили так, мы почистили, почистили, почистили, привели в порядок, а солома та, которая имеет натуральный вид, мы сейчас спустимся с вами в зал и я вам покажу. Захотите ли вы такую солому взять? Или куда-то завести? Нет» (інтэрв'ю з В. М. Юшкевіч).

Асартымент вырабаў майстра паступова пашыраўся: «...я пачынала: абручкі, пярсцёначкі. Вось такое, самае першае. <...> І першая мая работа, першая дастойная работа, была скарбоначка, што-та ў родзе карзіны з кветкамі. Вось, гэта першая праца, а патам ўжо ўсё пашло-пашло-пашло па накатанай» (інтэрв'ю з В. М. Юшкевіч). Сёння майстар пляце аб'ёмныя скульптурныя работы: цукерніцы, падносы, скрыначкі, какошнікі, аклады на абразы, лялькі, птушак, жывёл, саламяныя кветкі, сувенірную прадукцыю [1].

Праблемы захавання і пераемнасці

Праца майстроў грунтуецца перш за ўсё на іх уласным энтузіязме: «Работаюць людзі, працуюць тыя, каму гэта спадабаецца. Дажэ многія не глядзяць, што мала плацяць. <...> Адны казалі: „Дзівакі вы, дзівакі“. А другія, ўжэ пасля: „Ой, дурнаватыя“! <...> Я калі хадзіла, помню, прыехала ў Лаўрышава-Шчорсаўскі павет і вось кажу: „Мне патрэбен такой-та такой-та, вельмі-вельмі займаецца па дзераву, рэжа там усё“. „Ааа, гэта дзікаваты“! Вось і ўсё. Ну, хто ведае можа... От, яшчэ адзін чалавік стаіць, наша Ольга Юр’еўна. І яна таксама, яна за эту работу, как не ведаю што. На такіх людзях і трымаецца ўсё. Да, на такіх людзях трымаецца. І ана і ў суботу тут, ў нядзелю тут, і ў любы дзень ана тут. Трэба мастэр-клас правясці — Ольга Юр’еўна тут, і ўсе тут. Ну, а еслі такія людзі не будуць работаць, гэта згіне. А ўсё так, чаму я кажу? Ну, вазьміце, туземцы. А сахраняюць ўсе сваі традыцыі, ўсе сваі пляскі, ўсе, ну, ўсё. А мы што? Прабачце за сраўненне. Я гавару пра тыя племяна. А мы што? А ў нас які кладзезь, так вось, вось тое, чым мы займаемся. Гэта, гэта, ведаеце, гэта такі паталок» (інтэрв’ю з В. М. Юшкевіч).

Асноўны метадад перадачы традыцыі — праз навучанне дзяцей непасрэдна ў майстроў: «От у мяне дзеці, маі дзеці, яны будуць казаць, будуць захоўваць, і яшчэ дзеткам сваім... Гараць гэтым. Гэта мяне і радуе. Я нешта кажу ім, а яны падхопліваюць, яны гэта ведаюць. Усё. <...> Пачынаюць з чатырох гадоў. Ведаеце, калісьці дзеці былі закончвалі дзявяты клас, гэта раней. Зараз я была ў адпачынку на пенсіі. А патам, я думаю: мала, вярнуся. І вось, прыйшла і пачала набіраць з чацвёртага класа. А патам, як я гавару „шціцы на хвасце“: вось гляжу, ўжэ дзеткі пры мне і маленькіх прывялі. Я сваё аматарскае аб’яднанне павінна весці два разы ў месяц. А яны прыходзяць у мяне кожную пятніцу, кожную суботу. І на кожнай нядзелі яны ў мяне. <...> Дзетак шмат. Дзеткі з такой асалодай тожа ходзяць. Я ім как мамка» (інтэрв’ю з В. М. Юшкевіч).

На пытанне інтэрв’юера, што можна зрабіць для захавання саломаліценне, Вольга Міхайлаўна адказала так: «Проста падтрымліваць тых майстроў, каторыя працуюць, вось, больш нічога. Проста, да не толькі тое, што зараз. Салома, дапусцім, выцінанка — яны вайшлі ў спіс нематэрыяльнага культурнага наследзія. Раньшэ ж такога нічога не было. <...> Адкрыцце цэнтру наколькі дапамагло! Ідзе час, і мы адчуваем: зараз не той час, каторы быў у двухтысячных гадах. Я не ведаю, чаму... Патаму што майстроў аказалася вельмі шмат, таленавітых людзей. Акрамя таго, у нас вельмі многа прывозяць. Вы самі бачыце. І тыя ж самыя досачкі. А колькі ў нас кітайскага, ну, прабачце, шырпатрэбу. А чалавек падкі на тое, што бліскучае, панімаеце? Вось, рожкі, ножкі і бліската (жэстамі паказвае рожкі на галаве. — М. М.). І нічога не зробіш... А вось той, катораму гэта нада, дзе-та

ехаў за граніцу, усе у нас... Быў час, нашых дзетак адпраўлялі то ў Італію, ані там атдыхалі, быў такі час. Усе ў нас былі і ўсе пакупалі менавіта нашы беларускія суверніры: саломку, драўляныя пакуплялі. У аўтобусах, у самалётах усё давазілі, усё...» (інтэрв'ю з В. М. Юшкевіч).

Адна з галоўных праблем, з якімі сутыкаюцца майстры — нізкія зарплаты ў дадзенай сферы: «От я ўжо проста гавару, як ёсць. <...> Зарплаты нікакія. Гэта не зарплаты. У нас ненармраваныя рабочы дзень. Мы можам сёння стаяць дванаццаць гадзін, на следушчы — чатырнаццаць, і на следушчы дзень мы апяць ідзём на дзевяць часоў» (інтэрв'ю з В. М. Юшкевіч).

Праўда, нізкія зарплаты спрыяюць таму, што ў сферы застаюцца працаваць толькі сапраўдныя энтузіясты, людзі, якія «гараць» сваёй справай: «Ну, гэта мае дзяўчаты. Гэта, как я кажу, гэта мая сям'я. Ведаеце, я згодная з тым, што, кажуць, што, еслі работа да спадабы, ты больш часу праводзіш там. Гэта як сям'я, калі мы работалі суткамі. Вось, ведаеце, вось, трэба чатырнаццаць часоў адстаяць. Чатырнаццаць часоў. Ілі вось, ездзілі да дзетак у піянерскі лагер. Таксама, і мастар-класы, і раскажываеш ім, і паказываеш, і таксама яны ўжэ с работай застаюцца. Гэта добра, добра. Вось, каб нам яшчэ плацілі... Зарплаты, канешна, не ахці якія» (інтэрв'ю з В. М. Юшкевіч).

Існуюць розныя напрамкі падтрымкі народных рамёстваў: праз адукацыйныя і спецыялізаваныя ўстановы, прафесійныя саюзы, спрыянне органаў улады на розных узроўнях, узаемадзеянне з турыстычнай сферай і інш.

На пытанне, ці падтрымліваюць гарадскія ўлады працу рамеснікаў, Вольга Міхайлаўна адказала так: «Ведаеце, усе выставы, ўсе, нашы гарадскія сеты не абходзяцца без нас. Мы заўсёды там, да. Яны нам палаткі, от на Новы год, у Калядныя святы. І палаткі, і домікі нам ставяць, каб нам не холадна была, каб парадаваць людзей, каб людзі набылі што-та. Тое, што ў іх сілах, яны робяць. Есць дзе што-та патрэбна, можна звярнуцца. А хто нам зрабіў рэмонт? Ведаеце, калісьці быў міністрам культуры Маркевіч такой. Вось, ён быў у нас працаваў прэсэдацелем ў горіспалкому. Ведаеце, колькі ён зрабіў? Вось рэмонт гэтага зданія, а ён вельмі-вельмі шмат. <...> А патам ён ўзяў і крышу адрамантаваў. І тут рэмонт зрабіў, і туалет такі благадаря яму, дзякуй. Ведаеце, паэтаму дапамагаюць. Дапамагаюць, чым могуць дапамагаюць» (інтэрв'ю з В. М. Юшкевіч).

На час непасрэдна перад эпідэміяй каранавірусу прыйшоўся росквіт супрацы з турыстычнай сферай: «Ведаеце, ў нас вельмі шмат было. Прымалі гасцей, ў нас столькі было! На жаль, зараз крышачку меншэ. А раней, да, раней. Ой, адкуль ў нас толькі людзей не была!? У нас дае і Швецыя была. А как запелі... Абдымаліся, як свае людзі. А как запелі нашу „Купалінку“, так там ўжэ і пацалункі пашлі. І што зараз? Ведаеце. Канешне, дзеткі ў нас, навагоднія канікулы, святы гэтыя. Вельмі шмат ў нас была дзетак.

Автобусамі прыязджалі, мы не ведалі... Шмат дзетак было. Зараз і нет гэтага. А чаму — не ведаю. Ну, нічога. Будзем спадзявацца, што выправіцца крышачку што-та. Здзесь ў нас работаюць, да і не толькі ў нас, а вапшчэ ўся Гародня, Гародзенская вобласць ўся...» (інтэрв'ю з В. М. Юшкевіч).

Да дзейнасці Беларускага саюза майстроў народнай творчасці адносіны ў Вольгі Міхайлаўны неадназначныя: «Ведаеце, калісьці мне проста прадлажылі ў Саюз майстроў уступіць. Але ж я кажу, у такім узросце, я ўжо гавару не пайду. Ну, я наколькі ведаю, то Саюз майстроў яны, ну, як праводзяць мерапрыемствы... У сваіх мерапрыемствах ані адзначаюць сваіх таленавітых майстроў, там і граматамі і якіе-та дзенежныя за першыя, другія, трэція места, ну, гэта ёсць, а што там яшчэ, гэта вам Наталья Аляксандраўна скажаць, таму што яна пашла ў нас ў Саюз майстроў, а я палічыла, ну, мне гэта не патрэбна. Она вам скажыць пра ўсе прывілегіі, я ведаю, што якіе-та выставы яны там арганізуюць, у Гародні я знаю, што ездзіт на гэты канал, чакайце, вот этот вот канал, куды мы ездзілі. Аўгустоўскі канал ўжэ, да. Ну, то ані адзначаюць, а каб сказаць... А што там другое касаецца, не буду гаварыць, патаму што, мяне эта как-та не інцэрэсавала» (інтэрв'ю з В. М. Юшкевіч).

Такім чынам, на Навагрудчыне на сённяшні дзень працягваюць захоўвацца традыцыі саломалляцтва з выкарыстаннем традыцыйных тэхналогій і часткова традыцыйнай наменклатурай вырабаў. Вялікую ўвагу майстры надаюць захаванню і пераёмнасці традыцый, да якой імкнуцца далучаць як дзяцей, так і дарослых праз арганізацыю заняткаў і майстар-класаў па саломалляцтве. Сёння галоўную ролю ў захаванні традыцыйнага саломалляцтва адыгрывае дзяржава, якая стварае ўмовы для працы майстроў праз дамы рамёстваў і іншыя падобныя ўстановы, і палёгкі ў сферы падаткаабкладання для асобных майстроў, зарэгістраваных як рамеснікі. Для атрымання стабільнага прыбытку неабходна ўключаць саломалляцтва і іншыя рамёствы ў турыстычную дзейнасць. Майстры Навагрудчыны ўжо маюць адпаведны вопыт, які, на жаль, быў перарваны эпідэміяй каранавірусу. Зараз, калі мясцовыя ўлады актыўна працуюць над адраджэннем турыстычнага патока ў рэгіён, у майстроў з'явілася надзея зноў далучыцца да гэтага працэсу.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Пісар В. Саламяныя цуды навагрудскіх майстроў // Новае жыццё. Офіцыйны сайт газеты. URL: <https://novgazeta.by/news/obshhestvo/salamianyaya-tsudynavagrudskikh-maystro> (дата звароту: 30.08.2025).

КЛАССИФИКАЦИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАСШТАБУ ПРОВЕДЕНИЯ

Н. С. Плющай

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, plusajnikita@gmail.com*

В центре исследования рассматривается классификация событийного туризма Гомельской области по масштабу проведения, разработанной на основе трех критериев: организатора мероприятия, места проведения и направленности события. В работе выделены четыре уровня событий — международный, республиканский, областной и локальный. Особое внимание уделено экономическому и социокультурному значению событийного туризма для региона.

Ключевые слова: событийный туризм; Гомельская область; международные фестивали.

CLASSIFICATION OF EVENT TOURISM IN THE GOMEL REGION BY SCALE OF EVENT

N. S. Pliushchai

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, plusajnikita@gmail.com*

The study focuses on the classification of event tourism in the Gomel region by the scale of the event, developed on the basis of three criteria: the organizer of the event, the venue and the focus of the event. The work identifies four levels of events – international, republican, regional and local. Particular attention is paid to the economic and socio-cultural significance of event tourism for the region.

Keywords: event tourism; Gomel region; international festivals.

Событийный туризм позволяет Гомельской области, не являющейся лидером по количеству достопримечательностей, значительно расширить экскурсионные потоки и развить туристический продукт. Мероприятия данного вида туризма позволяют поддерживать местную экономику путем развития гостиничной и ресторанной сферы, системы транспорта и торговли.

Классификация видов событийного туризма Гомельской области является важным аспектом для понимания состояния современной туристической картины в регионе. Она необходима для разработки эффективных стратегий управления локальными туристскими ресурсами. Классификация позволяет систематизировать и классифицировать различные события, а также определить их уникальные характеристики и влияние на туристскую индустрию и социокультурное окружение [1, с. 6].

Разработку классификации удалось выполнить благодаря использованию трех критериев: организатор события — фактические организаторы

мероприятия (государственные учреждения, частные предприниматели), по уровню и значимости которых возможно определить характер планируемого бюджета, уровень важности и туристическую направленность события; место проведения — критерий, позволяющий считывать масштаб события исходя из местности, в которой оно будет проводиться; целевая аудитория мероприятия.

На основе данных критериев удалось определить следующие мероприятия *международного* уровня: фестиваль хореографического искусства «Сожский хоровод» в г. Гомеле, «Ежегодный крестный ход в Юровичский монастырь» в агр. Юровичи Калинковичского р-на, фестиваль театрального искусства «Славянские театральные встречи» в г. Гомеле, фестиваль этнокультурных традиций «Зов Полесья» в ГПУ НП «Припятский». Среди конкурсов выделены следующие: «Мой сябра — баян», «Ренессанс гитары» и детский конкурс «Музыка надежды», проводимые в г. Гомеле.

Мероприятия данного уровня позволяют существенно повысить имидж региона, увеличить долю туристического сектора в экономике, а также создать хорошую репутацию для последующей организации событий. Такие события имеют своей целью привлечь участников и зрителей из других стран, что отвечает критериям создания классификации. Например, при проведении конкурсов в Гомельской области ожидаются гости из других стран, как правило, из стран СНГ. Об этом свидетельствуют брошюры и официальные сайты конкурсов [2; 3; 4], что позволяет и отнести их к международным.

К *республиканским* событиям были отнесены фестивали: «Аўцюкі» в д. Большие Автюки Калинковичского р-на, «Берагіня» в г. п. Октябрьский Октябрьского р-на, «Джип-спринт по-Светлогорски» в г. Светлогорск, а также мероприятия, организуемые в ГПУ НП «Припятский»: «В гостях у Полесского Зюзи в Новогоднем сафари-парке», «Масленица в Припятском» и «Ночь барсуков в Припятском».

Основным критерием при выделении событий в республиканский уровень стал критерий целевой аудитории, позволивший провести четкую границу между республиканским и международным уровнями. Она заключается в том, что на республиканских мероприятиях ожидаются туристы из разных регионов Беларуси, которым будет понятен исторический контекст, национальная культура и белорусский язык. Мероприятия, данного уровня раскрывают этнокультурные особенности белорусской нации, что отчетливо видно по программам и брошюрам, например, фестивалей юмора «Аўцюкі» и фольклорного искусства «Берагіня» [5, с. 4–9], проводимые на белорусском языке. У иностранных туристов такие события не вызывают интереса — им попросту не понятен контекст и язык, ведь они рассчитаны исключительно на национального туриста.

Следующим уровнем классификации является *областной* уровень событий. К данному уровню были отнесены: «Гомельские полумарафоны» в г. Гомель, «Резиденции Деда Мороза» в д. Бельчо Жлобинского р-на и в заказнике «Выдрица» Светлогорского р-на, «Днепровская уха» в г. п. Лоев, «Крестный ход в Юровичи на велосипедах» в аг. Юровичи Калинковичского р-на, «Торжества в день памяти святого праведного Иоанна Кормянского» в аг. Корма Добрушского р-на. Особого внимания заслуживают конкурсы областного уровня: «Дрэва майстэрства», «Дети рисуют мир», «Вытокі», «Музычная карусель», «Поющая Гомельщина», «Мелодыі роднага краю» им. Г. И. Жихарева, «Фанфары Гомельщины», «Театральная радуга», «ArtFest», «Я — пою», «Ажыўшая даўніна» и «Зажига́й-ка» [6].

Под областным уровнем понимается такой уровень событий, который будет пользоваться активным спросом для жителей области. Такие мероприятия рассчитаны исключительно на внутреннего туриста. Эту тенденцию понимают и организаторы, поэтому события данного уровня уже ориентированы на жителей области и часто имеют аналоги в других регионах: «Резиденция Деда Мороза в фольварке Бельчо» — «Полесская резиденция Деда Мороза» в Брестской обл. [7, с. 1], «Театральная радуга», «ArtFest» — «Скокі ва ўсе бакі» в Гродненской обл.; «Мелодыі роднага краю» — «Зайграйце, музыкі!» в Гродненской обл. и «Крычаўскі канёк» в Могилевской обл. и др. [9; 10].

Завершающим уровнем классификации является *локальный* уровень. Под ним понимается масштаб малых событий, направленных исключительно на местное население региона (района, города или сельсовета). События данного уровня не ставят своей целью привлечь новых туристов, а их основная суть заключается в создании развлечений для местных жителей. События локального масштаба отличаются относительно небольшим бюджетом, простотой в организации и программе.

Среди мероприятий локального уровня можно выделить следующие: «Сожский бум» в г. Гомель, «Шашлык по-майски» в аг. Глыбов Речицкого р-на, «Мядовы фальварк» в д. Симоновичи Лельчицкого р-на, «Сем-Я» в г. Речица. В этот же уровень входят и обряды: «Юраўскі карагод» в д. Погост Житковичского р-на, «Перанос свячы» в д. Красница Чечерского р-на, «Стрэчанне (Грамніцы)» в д. Новое Полесье Лельчицкого р-на, «Ваджэнне і пахаванне стралы» в аг. Неглюбка, аг. Столбун, аг. Яново и д. Казацкие Болсуны Ветковского р-на, «Правады русалкі» в аг. Великий Бор Хойникского р-на, «Ваджэнне Сулы» в д. Гадичево и д. Марковичи Гомельского р-на, «Чырачка» в аг. Тонеж Лельчицкого р-на, «Каляды» в Петриковском р-не [10, с. 26–29, 31, 33, 47; 11, с. 14–15, 41–42]. Целью проведения таких событий становится необходимость удовлетворить событийные

потребности у местных жителей. Именно поэтому дробление локального уровня на более узкие компоненты (например, районный, городской и местный) не имеет смысла.

Таким образом, на основе выделенных критериев была разработана классификация событийных мероприятий Гомельской области по масштабу проведения. Были учтены тематика проводимого события, его организаторы, место и цель проведения, а также точность попадания в целевую аудиторию.

Библиографические ссылки

1. Ахундова А. Г. Исследование типов событийного туризма и их классификация // Экономика Профессия Бизнес. 2013. № 3. С. 5–11.
2. Главное управление культуры Гомельского облисполкома. URL: <https://gomeloblikm.by/ru/news-ru/view/v-gomele-4-maja-startuet-mezhdunarodnyj-festival-konkurs-renessans-gitary-26668-2024/> (дата обращения: 04.05.2025).
3. Международный конкурс «Мой сябра — баян». Гомельский государственный колледж им. Н. Ф. Соколовского. URL: <https://ggki.by/moj-sjabra-bajan/> (дата обращения: 04.05.2025).
4. XX Международный конкурс «Музыка надежды». Белорусская государственная академия музыки. URL: <https://bgam.by/obyavleniya/xx-mezhdunarodnyj-detskij-konkurs-muzyka-nadezhdy/> (дата обращения: 04.05.2025).
5. Берагіня: XI Рэспубліканскі фестываль фальклорнага мастацтва / Мазыр: КПУП «Калор», 2021. 36 с.
6. Гомельский областной исполнительный комитет. URL: <https://gomel-region.gov.by/ru/festivali-ru/> (дата обращения: 04.05.2025).
7. Календарь туристических событий на зиму 2025 года. Национальное агентство по туризму. URL: <https://www.belarustourism.by/news/kalendar-sobytiynykh-meropriyatiy-zima-v-belarusi-2024-2025> (дата обращения: 04.05.2025).
8. Управление культуры Гродненского областного исполнительного комитета. URL: <https://kultura-grodno.by/ob-konkursy/> (дата обращения: 04.05.2025).
9. Могилевский областной методический центр народного творчества и культурно-просветительской работы. URL: <https://mogomc.by/ru/informaczionnyij-razdel/festivali.html> (дата обращения: 04.05.2025).
10. Мельникова Л. Г., Глушец И. В. Гомельщина туристическая. Гомель: Учреждение «Гомельский ОЦНТ», 2019. Ч. 1. 2019. 60 с.
11. Мельникова Л. Г., Глушец И. В. Гомельщина туристическая. Гомель: Учреждение «Гомельский ОЦНТ», 2019 Ч. 2. 2019. 56 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Приветственное слово проректора по научной работе БГУ профессора А. В. Блохина	5
Приветственное слово декана исторического факультета БГУ профессора А. Г. Кохановского	6

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Кохановский А. Г.</i> Исторический факультет БГУ: столетние традиции в условиях вызовов современности	8
<i>Цемушаў С. М.</i> Асноўныя напрамкі навукова-даследчай дзейнасці У. І. Пічэты напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны	14
<i>Сорокин А. А., Козлова А. А.</i> Исторические источники как основа изучения событий Великой Отечественной войны: методический аспект	23
<i>Кошелева Н. В.</i> «Глобальный Юг» и «дальняя дуга» во внешней политике Республики Беларусь	30
<i>Гернович Т. Д.</i> История искусственного интеллекта: от идеи «умной машины» к современному мультимодальному генеративному обученному трансформеру	39

СЕКЦИЯ 1. РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТРАДИЦИЙ

<i>Антоненко Т. В.</i> Организация сельскохозяйственной школы на территории Беларуси в первой половине XIX в.	58
<i>Ершова О. И.</i> Делопроизводственные документы как источник по истории создания советской общеобразовательной школы в Беларуси	62
<i>Кришталё К. Н.</i> Историческая память как педагогический феномен	70
<i>Далюк С. Г., Лепеш А. В.</i> Жыццё студэнтаў Беларускага політэхнічнага інстытута ў другой палове 1930-х—пачатку 1940-х гг. (па матэрыялах палітэхаўскай шматтыражкі)	76
<i>Михальченко С. И.</i> Письма Вас. И. Немировича-Данченко Е. А. Ляцкому как исторический источник	83

<i>Мох Е. Н.</i> Осуществление всеобщего начального и семилетнего образования в БССР в послевоенное время (1944–1955)	87
<i>Неленко А. А.</i> Развитие программ академических обменов и студенческой мобильности между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой	92
<i>Сергеенкова В. В.</i> Ветеран, ученый, педагог: И. В. Марченко	98
<i>Совастюк Т. С.</i> Н. М. Никольский как этнограф и фольклорист	103
<i>Шестеров Д. И.</i> К вопросу о сотрудничестве Белорусского государственного университета с высшими учебными заведениями стран Ближнего Востока (1991–2025)	108
<i>Шумейко М. Ф.</i> Из когорты первых профессоров БГУ (письма вдовы Д. А. Жаринова В. И. Пичете 1943–1946)	114
<i>Шумский И. И.</i> Историческая ретроспектива неоконсервативных реформ системы образования в США	125
<i>Яновский О. А.</i> «Жизнь и похождения В. И. Пичеты», или некоторые сюжеты белорусских маршрутов историка в «профессорском вагончике» науки	130

СЕКЦИЯ 2. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ И ТРАДИЦИЯХ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О НАРОДЕ-ПОБЕДИТЕЛЕ

<i>Богданович А. Б., Ласута Г. Ф.</i> Подвиг бессмертен: Ушачи, партизанский прорыв	146
<i>Брилева Т. И.</i> Переселение белорусов из Польши в БССР в 1944–1947 гг. в документах архивных учреждений Республики Беларусь	153
<i>Довнар А. М.</i> Роль митрополита Филарета (Вахромеева) в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне ...	158
<i>Евневич В. А.</i> Открытый судебный процесс в Витебске над нацистскими военными преступниками: подготовка, проведение и итоги	163
<i>Козак К. И.</i> Геноцид белорусского народа в годы Великой Отечественной войны: историческая память и места памяти	169
<i>Конанава П. Я.</i> Вобраз гітлераўцаў у сцэнарыі кінааповесці К. Крапівы і М. Лынькова «Беларусь — зямля родная»	176

<i>Кохановский Е. Л.</i> Инженерно-авиационная служба гражданского воздушного флота в годы Великой Отечественной войны	182
<i>Лукашевич А. М.</i> Личные дела партизан Беларуси как источник по истории Минского антифашистского подполья (1941–1942)	187
<i>Прохорчик Т. В.</i> Изобразительная публицистика Беларуси периода Великой Отечественной войны как уникальное явление в контексте советского искусства	192
<i>Тарасенкова Т. И.</i> Оккупационный режим в Смоленской области, 1941–1943 гг.: по рассекреченным документам ФСБ	199

СЕКЦИЯ 3. БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ В ИСТОЧНИКАХ, НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИННОВАЦИЯХ

<i>Атрахимович А. Г.</i> Формирование правоохранительных органов в БССР в период НЭПа	205
<i>Бодрыкава Д. А.</i> Формы і віды рэгулявання маёмасных адносін у Вялікім Княстве Літоўскім у XVI–XVII стст.	210
<i>Бондаревич М. И.</i> Восстание 1863–1864 гг. в публицистике журналиста М. Н. Каткова	217
<i>Бароўская В. М.</i> Беларусь і савецка-польскі «Дагавор аб ненападзенні» ад 25 ліпеня 1932 г.	222
<i>Вермейчик А. Е.</i> Дворянство и земельный рынок Беларуси в пореформенный период (1861–1914)	229
<i>Дмитрук М. В.</i> Белорусско-китайский колхоз «Марковичи»: создание, развитие и итоги деятельности в период коллективизации	236
<i>Казак О. Г.</i> Положение польского национального меньшинства в Свислочском районе Гродненской области БССР в позднесоветский период	242
<i>Кімбар А. У.</i> Праявы нонканфармізму сярод вучнёўскай моладзі ў БССР у 1944–1954 гг.	247
<i>Клишевич С. М.</i> Участие комсомола Беларуси в избирательных кампаниях периода осуществления политики перестройки	252
<i>Коваль А. В.</i> Василий Александрович Попов: деятельность в должности попечителя Виленского учебного округа (1899–1906)	260

<i>Касцюў У. А.</i> Беларуска-кітайскія эканамічныя адносіны ва ўмовах развіцця стратэгічнага партнёрства ў 2014–2020 гг.	266
<i>Квашко І. В.</i> Роль секретаріата ЦК КПБ в решении социально-экономических проблем колхозного села БССР в начале 1950-х гг.	270
<i>Латушкін А. М.</i> Узбраенне «пяцігорскіх харугваў» войска Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XVI– першай палове XVII ст. (на падставе даных гістарыяграфіі)	275
<i>Лебедзева І. В.</i> Да пытання дзіцячай злачыннасці ў Беларусі ў другой палове XIX–пачатку XX ст.	283
<i>Поляк Н. А.</i> Рабочий класс в послевоенный период: изменение социального ландшафта БССР во второй половине 40-х гг. XX в.	288
<i>Прышчэпа М. Д.</i> Формы прамысловай вытворчасці на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст.	295
<i>Рубисов Д. О.</i> Роль Великокняжеской рады в отношении православной церкви в ВКЛ в XV–начале XVI в.	301
<i>Сакольчык А. Э.</i> Праблема самагаубстваў у беларускім грамадстве другой паловы XIX–пачатку XX ст.: гістарыяграфія пытання і актуальнасць яго вывучэння	307
<i>Сенько А. И.</i> Население белорусских губерний во второй половине XIX– начале XX в. в контексте брачно-семейных отношений	314
<i>Сенько В. В.</i> Развитие музыкальных субкультур БССР (на примере течения — стиляги)	319
<i>Сосна У. А.</i> Палітычная сітуацыя на тэрыторыі Беларусі ў 1720-х–пачатку 1760-х гг.	324
<i>Страленя Г. А.</i> Асноўныя напрамкі дзейнасці земскіх начальнікаў па рэгуляванні сялянскага перасялення (на прыкладзе Мінскай губерні)	331
<i>Сузько М. А.</i> Начальное образование на Мозырщине в XIX–начале XX в.	335
<i>Сянько П. Л.</i> Злачынствы супраць жыцця і здароўя жанчыны ў Вялікім Княстве Літоўскім: заканадаўчая рэгламентацыя (другая палова XVI–XVII стст.)	340
<i>Тельпук І. Г.</i> Материальное обеспечение детских домов БССР в 1920-е гг.	347
<i>Шпілеўскі А. І.</i> Медыцынскі дагляд асманскіх ваеннапалонных на тэрыторыі Гродзенскай губерні ў перыяд вайны 1877–1878 гг.	352

<i>Янушевич И. И.</i> Антирелигиозная пропаганда как инструмент идеологической политики в отношении советских женщин (1917–1941).....	359

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Беляева А. В.</i> Продажи оружия Тайваню как фактор дестабилизации американо-китайских отношений (1993–2017)	366
<i>Довгялло М. С.</i> Восстановление дипломатических отношений между Королевством СХС и Советской Россией (1917–1940)	372
<i>Дуброўка А. М.</i> Нямецка-польская дэкларацыя аб непрымяненні сілы ад 26 студзеня 1934 г. ў адэнках брытанскай дыпламатыі	380
<i>Закрочинский Н. А.</i> Образ горожан в хрониках Жана Фруассара	385
<i>Кононова Е. Е.</i> Развитие микроистории: основные школы	392
<i>Королик М. В.</i> Вьетнамский вектор внешней политики Чехословакии в 1956–1969 гг.	398
<i>Кравченко В. А.</i> К проблеме осмысления Великого голода в Ирландии 1845–1849 гг.	405
<i>Лешко А. В.</i> Политическое сотрудничество Сирийской Арабской Республики со странами Центральной Азии (1991–2024)	411
<i>Li Yi.</i> The spatial layout features of ritual architecture in China during the Republican Era (Gong He Shi Dai)	417
<i>Лясун В. И.</i> Отречение Целестина V и конфликт Филиппа IV Красивого с папством	421
<i>Марковский А. А.</i> Политическая деятельность Августина Волошина	428
<i>Орлова Н. Е.</i> Формирование государственной системы всеобщего начального образования в Англии: подходы и периодизация	434
<i>Пашков Н. О.</i> Положение Кипрской Православной Церкви согласно Конституции Республики Кипр 1960 г. в период правления Архиепископа Макариоса, первого президента Кипра	445
<i>Петаченко Г. А.</i> Русскоязычная историография развития советской высшей школы 1920–30-х гг.	452
<i>Петров Е. А.</i> Институционализация шиитской власти в Ираке после 2003 г.	459

<i>Саватеева Д. В.</i> Динамика социальной интеграции иммигрантов в ФРГ (2015–2025): анализ ключевых факторов и роли государственных институтов	466
<i>Сидорович Е. А.</i> Между уязвимостью и интеграцией: женщины религиозных меньшинств в Кастилии и Леоне XIII–XV вв.	471
<i>Смирнов В. В.</i> Ценовая политика всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в 1932–1933 гг.	476
<i>Хроленок Е. В.</i> Стародубский полк в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.	484
<i>Шабасова М. А.</i> Урбанизация в СССР в конце 1920-х–начале 1930-х гг. в воспоминаниях иностранцев	490
<i>Шымак А. К.</i> Мемарыял Яна Ласкага пра «маскавітаў» (1514)	498

СЕКЦИЯ 5. АРХИВ И ДОКУМЕНТ В КУЛЬТУРЕ, НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИИ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

<i>Белявский А. М.</i> Проблема интерпретации исторического нарратива в кинематографических произведениях на примере фильма «Майкл Коллинз»	503
<i>Латушкин И. В.</i> Как завтра наступило вчера: советский прообраз цифровой трансформации в современном мире	511
<i>Латушкін А. М.</i> «Svada latina <...>» як твор айчыннай археаграфіі першай паловы XVIII ст.	518
<i>Макаренко Е. А.</i> Деятельность Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства по популяризации документов деятелей культуры Беларуси — участников Великой Отечественной войны	524
<i>Поддевалина Я. А.</i> Понятие и критерии качества электронного документооборота	530
<i>Приборович А. А.</i> Роль статистики в плановом управлении народным хозяйством в СССР	535
<i>Сашко А. А.</i> Современные научно-методические разработки Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела в области управления документами	540
<i>Ходин С. Н.</i> Роль источниковедения в формировании аналитических компетенций специалиста	546
<i>Шапко А. С.</i> Механизация способов документирования в Белорусском государственном университете в 1920-е гг.	551

<i>Юркевич О. Ю.</i> Нормотворческая деятельность Народного комиссариата юстиции БССР в 1920-е гг.: к вопросу о развитии белорусского советского законодательства (по документам Национального архива Республики Беларусь)	557

СЕКЦИЯ 6. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛАРУСИ

<i>Вайтовіч А. У.</i> Дзейнасць І. А. Сербавы ў галіне папулярызацыі і аховы помнікаў гісторыі і культуры Беларусі ў 1935–1941 гг.	563
<i>Ван Мэнюань.</i> Нематериальное культурное наследие хэчжэ в условиях цифровизации	571
<i>Гужалоўскі А. А.</i> Творчая спадчына А. Мрыя як крыніца па гісторыі музейнай справы Беларусі	578
<i>Иваничева Л. С.</i> «Код туризма»: структура академического дискурса в рамках национального контекста	584
<i>Картаўцоў М. Д.</i> Народная тэатральная творчасць у зімовай каляндарнай абраднасці беларусаў	589
<i>Козленко А. В.</i> Историческая реконструкция в современном изобразительном искусстве	595
<i>Колабава І. Н.</i> Падробка расійскіх манет і банкноту Мінскай губерні (канец XVIII–XIX ст.)	600
<i>Міхайлец М. А.</i> Традыцыі саломалляцтва Навагрудчыны: сучасны стан і праблемы захавання	607
<i>Плющай Н. С.</i> Классификация событийного туризма Гомельской области по масштабу проведения	613

Научное издание

**ПИЧЕТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025:
ПОДВИГ НАРОДА БЕССМЕРТЕН**

**Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне**

Минск, 24 октября 2025 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *В. В. Ретин*
Дизайн обложки *Д. Н. Бузун*
Компьютерная верстка *Д. Н. Бузун*

Подписано в печать 05.12.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 36,04. Уч.-изд. л. 36,96.
Тираж 40 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика